Библиотека
Литературы
Древней
Руси

ТОМ 1
(XI-XII века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – 543 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

ВЕЛИЧИЕ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русь X—XIII вв.— это общее начало трех восточнославянских народов: великорусского, белорусского и украинского. В первые века Русь была единой на всем пространстве от Ладоги на Балтийском море до Тмуторокани на Черном и от Карпат до Волги. Книжники, строители и художники переезжали из княжества в княжество, и дело восточнославянской культуры было делом общим. В общем владении единого княжеского рода было и Русское государство.

Русь — самоназвание, применяемое во всех источниках того времени — и к народу, и к стране. Прилагательное от этого самоназвания может писаться и «русьский», и «русский». На русском языке принято писать «русский». Мы называем восточнославянскую литературу этого периода «русской», иногда предваряя это название прилагательным «древняя», не задаваясь вопросом о том, где родился тот или иной книжник: Нестор, Серапион Владимирский, Кирилл Туровский или Даниил Заточник.

Чтобы почувствовать духовные богатства древней русской литературы, необходимо взглянуть на нее глазами ее современников, ощутить себя участником той жизни и тех событий. Литература — часть действительности, она занимает в истории народа определенное место и выполняет огромные общественные обязанности.

Перенесемся мысленно в начальные века русской истории, в эпоху нераздельного существования восточнославянских племен, в XI—XIII века.

Русская земля огромна, поселения в ней редки. Человек чувствует себя затерянным среди непроходимых лесов или, напротив, среди слишком легко проходимых для его врагов бескрайних просторов степей: «земли незнаемой», «дикого поля», как называли их русские. Чтобы проехать из конца в конец Русскую землю, надо много дней провести на коне или в ладье. Бездорожье весной и поздней осенью отнимает месяцы от этого трудного общения людей.

В беспредельных пространствах человек с особенной силой стремился к общению, стремился отметить свое существование. Человек ставит высокие церкви на холмах или на крутых берегах рек, чтобы издали обозначить места своих поселений. Эти церкви отличаются удивительно лаконичной архитектурой — они рассчитаны на то, чтобы быть видными со многих точек, служить маяками на дорогах. Они

словно вылеплены заботливой рукой, хранят в неровностях своих стен тепло и ласку человеческих пальцев. В таких условиях гостеприимство становится одной из основных человеческих добродетелей. Сам киевский князь Владимир Мономах призывает в своем «Поучении» «привечать» гостя. Частые переезды с места на место принадлежат к немалым добродетелям, а в иных случаях переходят даже в страсть к бродяжничеству. В своих танцах и в своих песнях человек стремится к тому же покорению пространства. О русских протяжных песнях хорошо сказано в «Слове о полку Игореве»: «дѣвици поютъ на Дунаи, — вьются голоси чрезъ море до Киева». Русские создали даже обозначение для особого вида храбрости — храбрости в пространстве, храбрости в движении — «удаль».

В огромных просторах люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство,— и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствовавшие об их единстве. В тогдашних условиях даже само слово «язык» приобретает значение «народ», «нация». Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели объединения, выражает народное самосознание единства. Она — хранительница истории, преданий, а эти последние были своего рода средствами освоения пространства, отмечали святость и значительность того или иного места: урочища, кургана, селения и проч. Исторические предания сообщали и стране историческую глубину, были тем «четвертым измерением», в рамках которого воспринималась и становилась «обозримой» вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей.

Вся древняя русская литература, вплоть до XVII века, отличалась глубоким историзмом. Литература уходила корнями в ту землю, которую занимал и веками осваивал русский народ. Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны. Литература была одним из способов освоения окружающего человека мира. Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: «Се бо суть реки, напояющие вселенную...», а князя Владимира I сравнивал с земледельцем, вспахавшим землю, Ярослава же с сеятелем, «насеявшим» землю «книжными словесы». Писание книг — это возделывание земли, и мы уже знаем какой — Русской, населенной русским «языком» — русским народом. И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно «святым» делом. Тут и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинать будущим поколениям.

И вот, потому что переписывание книг — святое дело, книги могли быть только на самые важные темы. Все они в той или иной мере представляли «учение книжное». Литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере поучениями.

Чему же учила древняя русская литература? Оставим в стороне те религиозные и церковные вопросы, которыми она была занята. Светская стихия древней русской литературы была глубоко патриотичной. Она учила деятельной любви к родине, воспитывала гражданственность, стремилась к исправлению недостатков общества.

Если в первые века русской литературы, в XI—XIII века, она призывала князей прекратить раздоры и твердо выполнять свой долг защиты родины, то в последующие — в XV, XVI и XVII века — она заботилась уже не только о защите родины, но и о разумном ее преобразовании. Вместе с тем на протяжении всего своего развития литература была училищем истории. И она не только сообщала сведения по истории — она также стремилась определить место русской истории в мировой, открыть смысл существования человека и человечества, открыть назначение Русского государства.

Русская история и сама Русская земля объединяла все произведения русской литературы в единое целое. В сущности, все памятники русской литературы благодаря своим историческим темам были гораздо теснее связаны между собой, чем в новое время. Их можно было расположить в порядке хронологии, а в целом они излагали одну историю — русскую и тоже — мировую. Теснее были связаны между собой произведения и в результате отсутствия в древней русской литературе сильного авторского начала. Литература была традиционна, новое создавалось как продолжение уже существовавшего и в тех же эстетических принципах. Произведения переписывались и переделывались. В них сильнее выражались читательские вкусы и читательские требования, чем в литературе нового времени. Книжки и их читатели были ближе друг к другу, чем в новое время, а в произведениях сильнее представлено коллективное начало. Древняя литература по характеру своего бытования и создания стояла ближе к фольклору, чем к личностному творчеству нового времени. Произведение, раз созданное автором, затем в бесчисленных переписываниях изменялось писцами, переделывалось, в различной среде приобретало различные идеологические окраски, обрастало новыми эпизодами и т. д., поэтому почти каждое произведение, дошедшее до нас в нескольких списках, известно нам в различных редакциях, видах и изводах.

Древнерусский автор то сам непосредственно, от своего лица, ратует за правду в своих «поучениях» и «словах», то создает образы борцов за справедливость, за независимость своей родины, за осуществление идеалов на земле — в летописях, исторических повестях, в житиях святых и бытовых повестях. Его идеалы не всегда одинаковы. Они то воспитаны религиозными представлениями времени, то, уклоняясь от этих представлений, рисуют нам князей и воинов, обороняющих Русскую землю от врагов, побеждающих врагов или терпящих от них поражение, но всегда преданных своему долгу в неравной борьбе с более сильным противником. Они рисуют нам «бояр думающих» и «мужей храбрствующих». Но когда бы писатель ни жил, кого бы ни описывал, за что бы ни ратовал,— перед нами во всех произведениях выступает деятельный, бескомпромиссный и верный своим идеалам

герой. Эта бескомпромиссность в борьбе за лучшее будущее стала одной из самых характерных черт русской литературы во все века ее существования.

В тесной связи с этими высокими идеалами, в строгом соответствии с предназначением древней русской литературы, с ее историзмом определился и тот художественный стиль, который был для нее так характерен. Стиль этот был достоин той исторической миссии, которую выполняла древнерусская литература: это стиль монументального историзма.

*

История человеческой культуры знает периоды, когда человек открывает в мире какие-то стороны, до того им не замечавшиеся. Обычно это периоды возникновения нового взгляда на мир, появление нового мировоззрения и нового великого стиля в искусстве и литературе. Каждый вновь появляющийся стиль — это своего рода новый взгляд на мир. Это не только эстетическое обобщение в произведении, но новое эстетическое восприятие действительности. Человек открывает в окружающей его вселенной какую-то не замечавшуюся им ранее стилистическую систему — научную, религиозную, художественную. В свете этой системы он воспринимает все окружающее, и обычно это открывает собой период радостного удивления перед миром. Восхищение перед миром становится как бы чертой мировоззрения и начального этапа новой «стилистической формации».

Так было и в раннем периоде древнерусской культуры. Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода русского христианства писали многие. В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но дело не ограничивается оптимистичностью раннего древнерусского христианства: само отсутствие в нем аскетизма требовало бы, в свою очередь, объяснения.

Ранний феодализм пришел на Руси на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо Русь миновала историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство пришло на смену древнерусскому язычеству, — язычеству типичному для родового общества. В древнерусском язычестве гнездился страх перед могуществом природы, сознание бессилия человека перед стихийными силами. Христианство в своей богословской концепции мира ставило человека в центр природы, а природу воспринимало как служанку человека, открывало в природе «мудрость» мироустройства и божественную целесообразность. Это хотя и не освобождало человека полностью от страха перед силами природы, все же коренным образом меняло отношение человека к природе, заставляло его задумываться над смыслом устройства вселенной, смыслом человеческой истории, открывало в них предвечный замысел и нравоучение человеку. Первые русские произведения полны восхищения перед мудростью вселенной, но мудростью не замкнутой в себе, а служащей человеку. Владимир

Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человѣкъ, яко помниши`и? Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ, — и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, не прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и добротъ, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промысломъ! Звѣрье розноличнии, и птица и рыба украшено твоимъ промыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человека, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по Божии мудрости».

Церковная и нецерковная литература домонгольского периода полна и другими приглашениями «подивиться» окружающему человека миру. На пути такого антропоцентрического восприятия мироздания менялись и отношения между художником и его произведением, между зрителем и объектом искусства. И это отношение уводило человека от канонически признанного церковью. Человек осознавал свое назначение и свою значительность в окружающем его мире.

Бог прославляется человеческими делами. «И кто не удивится, възлюблении, яко Богу прославитися нашими делесы?» — говорит Феодосии Печерский в «Слове о терпении и любви». Но и Бог, в свою очередь, прославляет человека церквами, иконами и церковною службою. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляется не личностное начало, а боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и монументальность произведений искусства и литературы, их прославляющий человека характер.

Феодосий Печерский утверждает: «...на честь бо намъ стлъпи (столпы) суть и стены церковныа, а не на бесчестие». Для человека — клепание в била (звон в железные доски), призывающее его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения Евангелия и житий святых.

Нечто подобное находим мы и в одном из первых произведений русской литературы — в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. В своем «Слове» Иларион обращается к умершему князю Владимиру Святославичу с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ». Называя эту «честь», Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие, на град Киев «величьствомъ сиающь», на «церкви цветущи». Церковь Благовещения — это не только честь Богу, но и честь всем горожанам Киева. Искусство, следовательно, служит человеку, «воздает ему честь», славит его и возвышает.

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям стало стилеформирующей доминантой всего монументального искусства и всей литературы домонгольского периода. Именно отсюда идет импозантность, торжественность, церемониальность всех форм искусства и литературы этого времени.

Литературный стиль всего домонгольского периода может быть определен как стиль монументального историзма. Люди этого времени стремились увидеть во всем значительное по содержанию, мощное по своим формам. Стиль монументального историзма характеризуется стремлением рассматривать изображаемое как бы с больших расстояний — расстояний пространственных, временных (исторических), иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее красивое представляется большим, монументальным, величественным. Развивается своеобразное «панорамное зрение». Летописец видит Русскую землю как бы с большой высоты. Он стремится вести повествование о всей Русской земле, сразу и легко переходит от события в одном княжестве к событию в другом — на противоположном конце Русской земли. Летописец все время перебрасывает свой рассказ из Новгорода в Киев, из Смоленска во Владимир и т. п. Это происходит не только потому, что летописец соединял в своем повествовании источники различного географического происхождения, но и потому еще, что именно такой «широкий» рассказ отвечал эстетическим представлениям своего времени.

Стремление соединить в своем повествовании различные географические пункты характерно и для сочинений Владимира Мономаха — особенно для его биографии.

Действие «Сказания о Борисе и Глебе» также происходит как бы в пути, переходит из одного места Русской земли в другое. На севере — это Новгород, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море к варягам. На юге — это печенежская степь, куда Владимир посылает Бориса с войском. На западе — это пустыня между Польшей и Чехией, куда бежит и где погибает злою смертью Святополк Окаянный. На востоке — это Волга, куда отправляется Глеб. Действие «Сказания» как бы охватывает всю Русскую землю.

Характерно, что писатели XI—XII веков воспринимают победу над врагом как обретение «пространства», а поражение — как потерю пространства, несчастье — как «тесноту». Жизненный путь, если он исполнен нужды и горя, — это прежде всего «тесный путь».

Многочисленные упоминания различных географических точек в произведениях этого времени далеко не случайны. Древнерусский писатель как бы стремится отметить побольше мест совершившимися в них историческими событиями. Земля для него свята, она освящена этими историческими событиями. Он отмечает и то место на Волге, где конь Бориса запнулся в поле и сломал себе ногу, и Смядынь, где Глеба застала весть о смерти отца, и Вышгород, где были затем похоронены братья, и т. д. Автор как бы торопится; связать с памятью о Борисе и

Глебе побольше различных мест, урочищ, рек и городов. Это особенно знаменательно в связи с тем обстоятельством, что культ Бориса и Глеба непосредственно служил идее единства Русской земли, прямо подчеркивал единство княжеского рода, необходимость братолюбия, строгого подчинения младших князей старшим.

Эти священные места — как бы маяки, населяющие Русскую землю. Пространство как бы нуждается в том, чтобы оно было как можно больше населено историческими воспоминаниями и церковными реликвиями. И не случайно автор «Сказания о Борисе и Глебе» говорит, что оба брата были просты и смиренны, на «высокая мѣста и жилища (селения.— *Д. Л.*) въселистася». Священные места в Русской земле представляются автору как некие возвышенности, вышки, созданные людьми. Они расставлены по всей Русской земле. Борис и Глеб — защитники не одного какого-либо города в Русской земле, но всех: в отличие от Дмитрия Солунского, говорит автор «Сказания», обращаясь к Борису и Глебу, «вы не о единомь бо градѣ, ни о дъву, ни о вьси (одном селе.— *Д. Л.*} попечение и молитву въздаета, нъ (но) о всеи земли Русьскѣи». Говоря о чудесах, происходящих от места их погребения, автор подчеркивает, что чудеса эти совершались над всеми, приходящими из самых дальних стран: «Не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бъгъмь, нъ и вьсеи земли спасение...» Человек стремится подчинить себе, освоить как можно более обширные пространства.

Мы привыкли соединять в своих представлениях монументализм с неподвижностью и косностью, но монументализм XI—XIII веков был монументализмом движения, монументализмом динамическим.

Владимир Мономах постоянно подчеркивает многочисленность и быстроту своих походов. Летописец в «Повести временных лет» также больше всего говорит о походах, о движениях масс войск. Быстрота передвижения — это как бы символ власти над пространством. Монументальность XI—XIII веков — это прежде всего сила, а сила — это масса в движении.

Для динамического стиля характерно динамическое же описание явлений природы, из ряда вон выходящих явлений: грозы (грозы зимой, грозы во время битвы), нашествий саранчи, засухи, наводнения, обратного течения воды в Волхове, землетрясения.

Но движение в пространстве — это и движение во времени. Отсюда особый историзм эстетических представлений Древней Руси. События современности оцениваются и приобретают особую значительность на фоне событий прошлого. Отсюда огромный интерес авторов к этому прошлому, интерес к истории. История — доминирующая тема в литературе домонгольского периода и в древнерусской литературе вообще. Настоящее воспринимается как продолжение прошлого. Прошлое живо в настоящем, как бы объясняет это настоящее.

Слагая свою хвалу Ярославу Мудрому в «Слове о Законе и Благодати», митрополит Иларион славит одновременно его отца и дедов. Ярослав —

наследник славы своих предков. Сама слава воспринимается как нечто движущееся в огромных географических пределах, достигающая дальних стран. Она также монументальна, динамична и органически слита со славой «дедней и отней» (отцовской).

Сами представления о времени были в Киевской Руси иными, чем у нас. Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключали нас самих из восприятий времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. «Передние князи» — это давние, первые князья. «Задние» события — последние. Поэтому «переднее» — прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первопричина. От этого и «внуки» казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать «путь» дедов или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов.

Еще одна важная особенность отличала стиль монументального историзма: церемониальность. Литература домонгольской Руси не столько изображала события, сколько вводила их в церемониальные формы. Житие святого — это торжественный парад его жизни, воздание ему почестей писателем. Как и всякие церемонии, литературное «обряжение мира» происходит в традиционных и исторических формах. Торжественные, церемониальные одежды — всегда традиционны, всегда восходят к прошлому.

Традиционные приемы, которыми сообщается о тех или иных событиях, — это не только дань уважения к прошлому, но это и своеобразный этикет, а писатель в известном роде церемониймейстер, занятый заботой о том, чтобы обо всем было сказано в приличествующих случаю выражениях, чтобы дух событий был понят в своей традиционности. Понять что-либо означало для писателя увидеть в предмете своего повествования какие-то значительные аналогии в прошлом.

Но писатель заботился и о том, чтобы его герои вели себя подобающим образом, чтобы ими были произнесены все необходимые слова. «Сказание о Борисе и Глебе» от начала и до конца обставлено речами действующих лиц, как бы церемониально комментирующих происходящее. Борис и Глеб перед своим убиением произносят длиннейшие речи и молитвы, демонстрирующие их беззлобие, покорность Богу и подчинение своему старшему брату Святополку.

И еще одна черта эстетической формации монументального историзма — это его ансамблевый характер.

Средневековое искусство — системное искусство, системное и единое. Оно объединяло видимый мир и невидимый, сотворенное человеком со всем космосом. Оно стремится заполнить своими произведениями пространство, утвердить присутствие человека в мире, объединить этот мир. Искусство — это мирное покорение и церемониальное обряжение

окружающего мира. Это столь же характерно для изобразительного искусства и зодчества, как и для литературы.

Произведения литературы ее первого периода — это не замкнутые в себе и не обособленные мирки. Каждое из них как бы тяготеет к соседним, уже существовавшим до него; и это — несмотря на все различия существующих жанров. Каждое новое произведение есть прежде всего дополнение к уже имеющимся, но дополнение не по форме, а по теме, по сюжету. Оно призвано заполнить как бы некоторые, остающиеся еще, не отмеченные этими своеобразными «маяками» точки в пространстве человеческой истории.

Все это было возможным потому, что вымысел был крайне ограничен в древнерусской литературе и литература примыкала к действительности и оформляла ее. Единство тем в литературе определялось единством самой действительности, из которой эти темы черпались.

Литература претендовала говорить только о том, что существует или существовало. Вымышленные герои отсутствовали в древней литературе. Если в литературе и рассказывалось о чудесах и явно не могущих произойти событиях, то авторы выдавали их за действительность, а читатели обязаны были им верить.

Вымышленная тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и рассказывать только о действительно живших героях, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература едина единством человеческой истории. Тем самым создается реальная почва для ансамблевого строения литературных произведений этого времени. В летописи могут быть соединены произведения самых различных жанров — лишь бы все эти разножанровые произведения были связаны единством ее исторической темы, располагались друг за другом в исторической последовательности. Рассказ, основанный на дружинном предании о походе на греков, дополняется документом — текстом договора с греками. Рассказ о борьбе Ярослава Мудрого за престол дополняется материалами жития его братьев и т. п. Так строится не только летопись. Три произведения Владимира Мономаха — это тоже «ансамбль». Они объединены единством морально-политической программы. «Сказание о Борисе и Глебе» — это житие, дополняемое их «чудесами», церковными службами им и проч. Это все своеобразные литературные «ансамбли», но и вся литература в целом — это тоже «ансамбль».

И летопись, и Житие Бориса и Глеба, и сочинения Мономаха, и Киево-Печерский Патерик, и проповеди Феодосия Печерского, а также его Житие — все они в той или иной мере имеют единую тему — события русской истории. Все они объединены единством монументально-исторического стиля и служат единой патриотической идее. Тяготение к ансамблевому строению сказалось и в первых книгах из дошедших до нас — Изборнике Святослава 1073 года и Изборнике 1076 года. Это

сборники различных произведений — своеобразные библиотеки в одном большом томе.

Ощущение всех литературных произведений как некоего огромного литературного ансамбля — ансамбля, распространяющегося на весь мир и на всю его историю, в котором отдельные произведения согласуются друг с другом не по жанру, а по своим темам, составляет замечательную черту монументальной литературы Древней Руси. Литература вся составлена как бы из огромных, грубо отесанных каменных глыб. Эстетика дистанций, о которой мы писали выше, заставляет и нас взглянуть на весь грандиозный ансамбль древнерусской литературы с некоей дистанции, чтобы увидеть в нем некое большое художественное единство, как бы одно произведение многих и многих авторов-тружеников.

Монументальный ансамбль древней литературы создан «в честь человеку». Он создан в честь человеку, чтобы прославить мир, красоту и гармонию мироздания. Литература имела своей целью окружить человека церемониальными формами, этикетно обрядить и украсить мир и историю. Она полна поэтому пышности и парадности; она празднична и оптимистична, несмотря даже на все преступления и несчастья, которые совершаются в мире и которые описывает литература. Убиты Борис и Глеб, но их убийство оборачивается торжеством идеала. День смерти Бориса и Глеба стал «Великим праздником» всей Русской земли. Смерть Бориса и Глеба явилась торжеством идей братолюбия. Чтобы воспринять именно так злосчастные события 1015 года, надо было обладать особым, величавым отношением к миру и глубочайшим оптимизмом. Через столетие или больше такое же торжество духа древнерусские люди увидят в поражении войск Игоря Святославича Новгород-Северского, в трагической, но славной битве на Калке, в стойкости погибающих под натиском полчищ Батыя рязанцев. Они создадут легенду о невидимом граде Китеже, о Руси, не погибшей и не покоренной жестоким врагом. Ни смерть, если она была достойной, ни поражение, если в нем не было измены мужеству, ни любое несчастье, если оно было перенесено без ропота,— не были унизительны и не воспринимались как падение.

Торжественность литературы Древней Руси была далеко не только внешней. Это было глубокое ощущение всем народом своей значительности.

Литература первого столетия ее существования была оптимистически обращена к будущему. Этот глубокий оптимизм ее символичен. Это великое начало великой литературы.

Стиль монументального историзма продолжает доминировать и в послемонгольский период. Он не исчезает сразу, заменяясь каким-либо другим стилем. На него постоянно наслаиваются черты нового. Постепенно увеличивается его динамизм. Во второй половине XIV и в XV веках этот динамизм сказывается не только в крупном, в явлениях большого масштаба, но и в мелком. В живописи это выражается в том, что человеческие фигуры и лица как бы схвачены в какой-то

определенный момент, в данное мгновение. Люди изображаются в неожиданных ракурсах. Уже нет в этих изображениях той длительности «пребывания», какого-то отзвука неподвижной вечности. На монументальность наслаивается экспрессивность, эмоциональность, психологичность. То же мы видим и в литературе: монументальность осложняется, приобретает эмоциональные формы; выдвигается личностное начало, психологизм, динамизм осложняет стиль, появляется стиль «плетения словес», в котором начинает доминировать контекст над значением отдельных слов. В XVI веке, в пору возрастания централизованного начала в государственной жизни, возрождается монументализм в формах, которые лишены старой непосредственности, и этот монументализм сохраняется в XVII веке в отдельных жанрах.

Но как бы ни изменялся и ни осложнялся стиль монументального историзма в древней русской литературе, он оставался в ней в тех или иных явлениях литературы вплоть до перехода к новому времени. Отсюда ясно, что первому веку в истории русской литературы принадлежит исключительная и определяющая роль. Именно в этот век возникли все ее наиболее характерные особенности — стилистические, и как мы видели выше, идейные.

*

Как же возникла древняя русская литература? Откуда черпала она свои творческие силы?

Появление русской литературы в конце X — начале XI века — «дивлению подобно». Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании.

Как произошло чудо рождения столь зрелой литературы Руси, которая еще совсем недавно вообще не обладала письменностью? Русь обязана этим необыкновенно удачному стечению обстоятельств.

Русь приняла христианство из Византии, а восточно-христианская церковь разрешала христианскую проповедь и богослужение на своем национальном языке. Поэтому в истории литературы Руси не было ни латинского, ни греческого периодов. С самого начала в отличие от многих западных стран Русь обладала литературой на своем литературном языке, понятном народу.

Второе очень значительное обстоятельство состояло в том, что за век до крещения Руси христианство уже было распространено в родственной по языку Болгарии. Болгария пережила уже золотой век своей литературы — век царя Симеона. Богатая болгарская переводная и оригинальная литература перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской. На Руси не только переписывались древнеболгарские произведения, но и просто распространялись болгарские рукописные книги. Древнеболгарский язык лишь немногим отличался от русского. Он составил в русской литературе как бы ее

второй, возвышенный слой. Он дал русской литературе многие слова с отвлеченным значением. Соединение языка древнеболгарского с обиходным древнерусским дало русскому литературному языку богатую синонимику и богатые оттенки значений.

Не довольствуясь обильной литературой, перешедшей на Русь из Болгарии, отчасти из Моравии, на Руси при Ярославе Мудром создается собственная переводческая школа. Летопись записала о Ярославе Мудром следующее: «И собра писцѣ многы и перекладаше от грек на словѣньское писмо».

На Руси уже в XI веке были переведены с греческого такие произведения, как византийская Хроника Георгия Амартола, «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия.

И все-таки объяснение быстрому появлению на Руси зрелой литературы лежит не только в области связей с сильными и старыми литературами, не только в переносах из Болгарии целых произведений и рукописных книг. Основное заключалось в том, что сама русская почва была хорошо подготовлена для создания искусства слова. «Дарам волхвов» из далеких стран предшествовали «дары своих пастухов» — представителей неученой мудрости народа.

Ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на огромной русской территории было уже развито искусство устной речи.

В Начальной русской летописи отразились устные предания, топонимические легенды, исторические песни, славы, певшиеся князьям, пословицы и поговорки. Кроме последних (пословиц и поговорок), фольклорные произведения вошли в летопись лишь своими сюжетами, но и это свидетельствовало о богатстве устного творчества народа. В летописи отразилась точность отдельных формулировок и высота исторического самосознания. Вспомните хотя бы рассказ о смерти Олега от своего коня, рассказ о мести Ольги древлянам, о походах Святослава и многое другое.

Но дело не только в фольклоре. В летописи отразились различные формы устной речи. Краткие речи, с которыми князья обращались к своим дружинам перед битвой, свидетельствуют не только о высоко развитом чувстве воинской чести и о воинском долге, но и об умении в немногих словах выразить емкое содержание ободрения и воодушевления воинам. «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» Или: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». Это знаменитые речи Святослава.

Не менее выразительны речи, которые произносились князьями на вече, или речи представителей народа, обращенные к князьям. Вот что говорили киевляне Владимиру Мономаху в 1097 году: «Молимся,

княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую».

Отправляя послов, князья поручали им произнести те или иные слова. Естественно, что эти речи должны были быть краткими, запоминающимися и содержательными.

Наконец, формы судопроизводства, законодательных установлений «Русской Правды» также должны были быть краткими, ясными, однозначными и выразительными.

Одним словом, разнообразные и богатые формы общественной жизни и публичных выступлений заставляли ценить точность слова, учили обращаться с ним бережно и экономно, учили высоким нормам развитого общественного сознания во всех сторонах публичной жизни.

Не всякому народу досталась на долю и такая способность подняться над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании. Причинами тому были особые формы существования Русского государства. В союзе Руси на равных основаниях участвовали и восточнославянские племена и финно-угорские народы: меря, весь и чудь. В Киеве был «Чудин двор», в Новгороде целый район — «Чудин конец». В составе русского войска, ходившего походом на Константинополь, плечом к плечу со славянами сражались варяги и чудь.

Благодаря своей национальной уживчивости древние русичи обитали целыми поселениями в Константинополе, в греческом Херсонесе в Крыму, на Афоне, на полуострове Тихань на озере Балатон в Паннонии и во многих других местах. Кочевые народы тюркского происхождения свободно расселялись на территории Древней Руси и принимали здесь христианство.

Русь не была отгорожена Китайской стеной ни от южных, ни от западных, ни от восточных или северных соседей. Это была мировая и мирная держава, не опасавшаяся своего поглощения соседними культурами.

Формированию идейного содержания русской литературы способствовали и те произведения болгарской литературы, которые были перенесены на Русь в X—XI веках. Основатели болгарской письменности и болгарской литературы ученые братья Кирилл и Мефодий, а также их ученики ощущали себя не только болгарами, но и представителями всего славянства. Их проповедь была обращена ко всем славянским народам. Именно это широкое сознание себя «народом среди народов» было свойственно и всем лучшим произведениям древнерусской литературы: «Повести временных лет», житиям первых русских святых, Киево-Печерскому патерику, «Хождению» черниговского игумена Даниила в Святую Землю и

многим другим. Это замечательное сознание единства русского народа со всем человечеством, приобретая разные формы, станет существенной особенностью русской литературы на всем протяжении ее существования.

*

Остановимся на некоторых произведениях древней русской литературы первого века ее существования.

«Слово о Законе и Благодати» первого киевского митрополита из русских («русина») Илариона, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого, посвящено сложнейшей историософской проблеме. Оно говорит о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа. Оно полно гордости успехами христианской культуры на Руси, и как удивительно, что при всем том оно лишено национальной ограниченности. Иларион не ставит русский народ выше других народов, но говорит о равноправности всех народов мира, приобщившихся к христианству.

Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие образов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему.

Совсем другого характера «Повесть временных лет». Это произведение многих авторов-летописцев. Последний из них, Нестор, придал Начальной летописи художественную и идейную законченность и дал ей название, которое в полном виде звучит так: «Повѣсть временныхъ (прошлых) лѣт, откуду есть пошла Руская земля, хто в ней почалъ пѣрвѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть».

В произведении этом выдержано художественное единство, но единство особого, средневекового типа. Сейчас мы требуем от художественного произведения полного единообразия стиля, жесткого единства идей, полного отсутствия швов и различий в отдельных частях. Если различия есть, — они входят в некое объединяющее их строгое единство. Художественное единство в Древней Руси понималось гораздо шире. Это могло быть единство ансамбля, создававшегося в течение ряда десятилетий и сохранявшего авторские особенности в каждом из своих разновременных слоев. Переходя от темы к теме, произведение соблюдало и те особенности стиля, которые по литературному этикету средневековья приличествовали каждой из тем. В рассказах о самых древних событиях русской истории летописец отражал свойственные дошедшим до него легендам простодушие, краткость и то, что мы сейчас назвали бы фабульностью. В рассказе о

крещении Руси и о первых христианах-мучениках летописец применяет всю церковную церемониальность изложения. С другой стороны, совершенно особый характер носит летописный рассказ об ослеплении князя Василька Теребовльского. Здесь летописцу нужно было поразить читателя ужасом совершенного преступления, и этот рассказ полон своеобразного средневекового натурализма, в котором детально описываются самые ужасные подробности.

Историческое сознание, выраженное в «Повести временных лет», очень высокого уровня. Первые летописцы не просто записывали события, свидетелями которых они были,— они восстанавливали древнейшие события русской истории по самым разнообразным, письменным и устным, источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали различные версии одного и того же события. К своей работе они привлекали греческие хроники и греческие жития святых, документы, сохранившиеся в княжеских архивах (тексты договоров с греками), церковные записи, родовые предания, легенды и проч. Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое расположение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины, и следуя их течению, описывает — в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно плыть по каждому из морей.

В целом «Повесть временных лет» представляла для своего времени своеобразную историческую энциклопедию. Из нее можно было узнать и о происхождении славянской азбуки, и об основах христианской религии, и о происхождении рода русских князей, и о многом другом.

А какой великолепный ансамбль представляют собой сочинения киевского князя Владимира Мономаха! Они включены в один из списков «Повести временных лет» (так называемый Лаврентьевский) под 1097 годом и известны под названием «Поучение» Владимира Мономаха. На самом деле «поучением» может быть признано только первое из них; за этим первым следует автобиография Мономаха, где он рассказывает о своих «путях» (походах) и «ловах» (охотах); за автобиографией следует письмо Мономаха своему исконному врагу Олегу Святославичу («Гориславичу») — родоначальнику князей Ольговичей. Все три произведения написаны в различной манере, соответственно тем различным жанрам, которые они представляют, но все три связаны одной сильной политической идеей, — и как связаны! На этой идее сочинений Владимира Мономаха стоит остановиться особо. В сущности, она очень проста, но в своей простоте поражает современного читателя высоким чувством патриотического долга.

Во времена Мономаха Русь уже переживала интенсивный процесс феодального дробления со всеми свойственными этому дроблению опасностями для силы и независимости Русской земли. Феодальное дробление было результатом интенсивного экономического и культурного роста отдельных феодальных княжеств, при котором

каждая из растущих областей выражала тенденцию к обособлению и самостоятельности. Этот процесс был естественным и даже необходимым, но он вел к военному ослаблению Руси и к многочисленным междоусобным войнам. Надо было предотвратить распад Руси. Ослаблению экономических связей надо было противопоставить сознание политического и исторического единства Русской земли. Надо было воззвать к самым высоким патриотическим чувствам русских людей и дать личный пример забвения обид. Высокий долг падал на церковь и литературу. И вот Владимир Мономах, а немного спустя его сын Мстислав Великий (внук последнего англосаксонского короля Гаральда, потерпевшего страшное поражение от Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе 1066 года; отец Мстислава Мономах был женат на дочери Гаральда) покровительствуют летописанию, создают культ князей братьев Бориса и Глеба, стремятся к тому, чтобы каждый из князей владел своим уделом и чтобы князья вступали в договорные и союзные отношения между собой.

Мало этого, Мономах пишет собственные сочинения, где пропагандирует строгое соблюдение взаимных обязательств и взаимную уступчивость князей. В первом из своих сочинений он иллюстрирует свою идею богословскими соображениями. Между прочим, он прибегает к следующему примеру из мира природы. Весной птицы летят из рая и расселяются по всей земле. Каждая птица находит свое место и каждая довольствуется своим уделом: и слабые птицы, и сильные. В следующем сочинении — своей автобиографии — Мономах стремится показать необходимость соблюдать принципы довольства наследственными уделами личным примером, но не боится говорить и о тех нарушениях своего принципа, которые допускал сам. Но самый изумительный пример уступчивости дает Мономах в своем письме к Олегу. События, послужившие поводом к письму, разыгрались в 1096 году. В междуусобной битве был убит сын Мономаха Изяслав. Старший сын Мономаха Мстислав послал письмо Олегу с требованием отступиться от незаконно захваченных Олегом владений и предложением примирить Олега с Мономахом. Олег отказался, двинул войска против Мстислава, был наголову им разбит и бежал за пределы Руси. Мономах пишет не просто убийце своего сына: Олег в какой-то краткий промежуток примирения крестил Изяслава, был его крестным отцом и, по представлениям средневековья, должен был поэтому считаться больше, чем сыноубийцей. О чем же пишет Мономах разбитому в бою убийце своего сына? Он прощает его. Он предлагает ему вернуться на принадлежащие ему земли, он утешает его. Он пишет ему, что жизнь человеческая в руках Божьих, и просит его только отпустить молодую вдову Изяслава, чтобы он мог утешить ее. Письмо Мономаха свидетельствует об очень высоких нравственных представлениях Мономаха и о его готовности от многого отказаться ради мирного утверждения принципа — «пусть каждый князь владеет княжеством своего отца».

Другой памятник, очень характерный для начального этапа древнерусской литературы,— «Житие Феодосия Печерского».

«Житие Феодосия Печерского» представляет собой совершенно особый и уже вполне законченный тип повествования. И это удивительно, так как оно принадлежит тому же Нестору, который придал окончательное и совсем другое оформление Начальной русской летописи, созданной на основе предшествующих летописей «Повести временных лет». Умение подчиниться требованиям жанра — признак писательской зрелости в средние века.

«Житие Феодосия», хотя и являлось по существу первым русским житием, сообщило завершенность биографическому жанру. Рассказ о человеке ведется в этом произведении путем выделения только некоторых моментов его жизни: тех, в которых он достигает как бы наивысшего своего самопроявления.

Из «Жития Феодосия» мы узнаем многое об окружающем его быте и целиком погруженных в этот быт людях. Здесь и быт богатого провинциального дома в Васильеве,— дома, руководимого его властной матерью. Кое-что мы можем узнать о положении слуг в этом доме. Бегство Феодосия в Киев рисует нам торговый обоз с тяжело нагруженными товарами телегами. Его отношения с Изяславом позволяют заглянуть в княжеские хоромы во время пира. Узнаем мы и о разбойничьих шайках, бродивших вокруг Киева, о суде и судьях, о писании книг в монастыре Великим Никоном и о помощи ему Феодосия в их переплетении. Вводит нас жизнеописатель в монастырскую и княжескую поварни, в крестьянский хлев, в пекарню, в монастырские кельи. Но описание быта ведется очень сдержанно,— только в той мере, в какой это необходимо для сюжета, — сюжет же всегда поднимается над незначительностью и суетностью «мимотекущей» жизни. В обстановке временного усматривается вечное, в случайном — значительное. Благодаря этому быт оказывается обряжен в церемониальные формы высоких церковных добродетелей. Это как бы те ветхие и бедные реликвии, которые лежат в драгоценнейших сосудах и которым поклоняются пришедшие в монастырь странники. Бедность монастырской жизни, которая рисуется в «Житии Феодосия», драгоценнее всякого земного богатства, потому-то она так и подчеркивается. В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал слагаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь значительной и как бы предопределенной свыше.

Я привел только немногие примеры русских литературных произведений XI — самого начала XII века, но русская литература этого периода очень богата и разнообразна. В каждом из ее произведений можно найти черты эпохи, индивидуальные черты их авторов, разнообразие жанров. Упомяну еще некоторые произведения XI века: это поучения Феодосия Печерского, в которых он высказывает вполне оригинальные взгляды, это поучения новгородца Луки Жидяты (сокращение от имени Жидислав), рассчитанные на самую простую аудиторию и этим резко отличающиеся от произведений Илариона и

Феодосия, это сборники изречений, вроде «Стословца» Геннадия, церковные послания, молитвы и проч., и проч.

Начало древней русской литературы определило собой ее характер и на последующее время. Знаменательно, что влияние «Повести временных лет» оставалось действенным в течение полутысячелетия. В полном или сокращенном виде она переписывалась в начале большинства областных и великокняжеских летописей. Ей подражали последующие летописцы. Для политических прославлений образцовым в течение многих веков оставалось «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, для житийной литературы типа «мартирий» (рассказов о мученичествах) — жития Бориса и Глеба, для житийных биографий — «Житие Феодосия Печерского», для церковных поучений — поучения того же Феодосия и т. д.

В дальнейшем русская литература обогащается новыми жанрами, усложняется по содержанию; ее общественные функции приобретают все более и более разветвленные формы и многообразное применение, литература становится все публицистичней, но не утрачивает от этого своей монументальности и средневекового историзма.

Д. С. Лихачев

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Подготовка текста и комментарии А. М. Молдована, перевод диакона Андрея Юрченко

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово о законе и благодати» по праву можно считать произведением, с которого началась собственная история древнерусской литературы. Выросшая в лоне византийской книжной премудрости, которую Русь восприняла вместе с христианством, питаемая идеями и образами народного творчества, древнерусская литература сразу проявила в этом вершинном памятнике свои особенные черты, прославившие ее в дальнейшем.

Величественная фигура автора «Слова о законе и благодати» Илариона предстает из строк «Повести временных лет», рассказывающей о поставлении его Ярославом Мудрым во главе Русской Церкви: «В лѣто 6559 (1051 г.). Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ, русина, въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И се да скажемъ, что ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому бо князю Ярославу, любящю Берестовое и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в нихже бѣ презвутеръ именемь Ларионъ, мужь благь и книженъ, и постникъ. И хожаше с Берестоваго на Днѣпръ на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерьскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. По семь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави`и митрополитом в святѣй Софьи, а си печерка тако оста...»

Это событие, состоявшееся, вопреки установленному порядку, не в Константинопольской патриархии, а на соборе русских епископов, было, очевидно, проявлением «вежливого неповиновения» Руси по отношению к Византии. Написанное Иларионом незадолго до этого «Слово о законе и благодати», в котором обосновывалась идея права Руси на равенство среди других христианских народов, подготавливало почву для реализации княжеского решения. Ибо оно было обращено Иларионом «ни къ невѣдущиимъ... нъ прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не к врагомъ Божиемь иновѣрныимъ, нъ самѣмь сыномъ его, не къ странныимъ, нъ къ наслѣдникомъ небеснаго царьства».

О сохранившейся и после этого идейной близости между Иларионом и Ярославом говорят вступительные слова составленного ими совместно церковного устава-судебника: «Се язъ князь великый Ярославъ, сынъ Володимирь, по данию отца своего, съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческый Номоканун». Известно также, что Иларион совершил освящение киевской церкви Георгия — святого патрона Ярослава и рукополагал в ней новоставимых епископов.

Благодаря упоминаемым в «Слове» событиям и историческим лицам, достоверно устанавливается, что оно было написано не ранее 1037 г., когда была построена церковь Благовещения на Золотых воротах, и не позднее 1050 г., когда скончалась великая княгиня Ирина, упоминаемая в «Слове» как живая.

Искренними и высокими помыслами проникнуто это произведение, ярко передающее духовную атмосферу эпохи. Говорит ли Иларион о приоритете христианской благодати перед ветхозаветным законом, описывает ли распространение христианства на Руси, произносит ли похвалы святому Владимиру и его сыну и продолжателю его дел Ярославу, обращается ли с горячей молитвой от имени Русской земли к Богу — его речь дышит всегда живым чувством, родившимся от истины глубокой и радостной веры и гордости за свою страну. В «Слове о законе и благодати» впервые в древнерусской литературе звучат восхищенные слова о славном прошлом Руси как залоге ее славного будущего: «Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеа земли Володимера... Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычьствоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». В этих словах угадывается уже тональность созданного спустя полтора столетия «Слова о полку Игореве».

Объем литературного наследия Илариона определить непросто в силу краткости и порой анонимности атрибутируемых ему произведений. Помимо «Слова о законе и благодати» и «Молитвы» Илариона, ему определенно принадлежит «Исповедание веры», написанное, очевидно, по случаю его рукоположения в епископы. Есть основания предполагать участие Илариона в древнерусском летописании.

Текст печатается по рукописи Синодального собрания, № 591 (*ГИМ*), датируемой второй половиной XV в. и представляющей «Слово о законе и благодати» с заключающей его «Молитвой», «Исповедание веры» и запись Илариона о поставлении его в митрополиты. Этот своеобразный цикл составлен, как видно, самим Иларионом. Синодальный список — единственный, в котором сохранился текст первоначальной полной редакции «Слова», с Похвалой Ярославу Мудрому. В двух более поздних редакциях (более пятидесяти списков) этой Похвалы и «Молитвы» нет. Частично видоизмененная «Молитва» имела самостоятельное «хождение» во множестве списков и представлена в них двумя редакциями. «Исповедание веры» с примыкающей к нему авторской записью Илариона дошли до нас только в составе публикуемого списка.

ОРИГИНАЛ

О ЗАКОНѢ, МОИСЪОМЪ ДАНѢѢМЪ, И О БЛАГОДѢТИ И ИСТИНѢ, ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ БЫВШИИ[1] И КАКО ЗАКОНЪ ОТИДЕ, БЛАГОДѢТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ, И ВѢРА ВЪ ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО ЯЗЫКА РУСКАГО, И ПОХВАЛА КАГАНУ[2] НАШЕМУ ВЛОДИМЕРУ, ОТ НЕГОЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМЪ, И МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТ ВСЕА ЗЕМЛЯ НАШЕА

Господи, благослови, отче.[3]

«Благословленъ Господь Богъ Израилевъ», Богъ христианескъ, «яко посѣти и сътвори избавление людемь своимъ»,[4] яко не презрѣ до конца твари своеа идольскыимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовьскыимъ служеваниемь гыбнути. Нъ оправдѣ прежде племя Авраамле[5] скрижальми[6] и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языкы спасе Евангелиемь и крещениемь, въводя а́ въ обновление пакыбытиа, въ жизнь вѣчьную.

Да хвалимъ его убо и прославляемь хвалимааго от ангелъ беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже покланяются херувими и серафими, яко, призря, *призрѣ* на люди своа[7] и не солъ, ни вѣстникъ, нъ Самъ спасе ны,[8] не привидѣниемь пришедъ на землю, но истинно, *пострадавъ* за ны плотию и до гроба и съ собою въскрѣсив ны.

Къ живущиимъ бо на земли человѣкомъ въ плоть одѣвься приде, къ сущиимъ же въ адѣ распятиемь и въ гробѣ полежаниемь съниде,[9] да обои, и живии и мертвии познають посѣщение свое[10] и Божие прихождение и рзумѣють, яко тъ есть живыимъ и мертвыимъ крѣпокъ и силенъ Богъ.[11]

Кто бо великъ, яко Богъ нашь. Тъ единъ творяи чюдеса,[12] положи законъ на проуготование истинѣ и благодѣти, да въ немь обыкнеть человѣчьско естьство, от многобожества идольскааго укланяяся, въ единого Бога вѣровати, да яко съсудъ скверненъ человѣчьство, помовенъ водою, закономъ и обрѣзаниемь, прииметь млѣко *благодѣти* и крещениа.

Законъ бо прѣдътечя бѣ и слуга благодѣти и истинѣ, истина же и благодѣть слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣи. Яко законъ привождааше възаконеныа къ благодѣтьному крещению, крещение же сыны своа прѣпущаеть на вѣчную жизнь. Моисѣ бо и пророци о Христовѣ пришествии повѣдааху, Христос же и апостоли его о въскресении и о будущиимъ вѣцѣ.

Еже поминати въ писании семь и пророчьскаа проповѣданиа о Христѣ, и апостольскаа учениа о будущиимъ вѣцѣ, то излиха есть и на тъщеславие съкланяяся. Еже бо въ инѣх книгах писано и вами вѣдомо ти сде положити, то дрързости образъ есть и славохотию. Ни къ невѣдущиимъ бо пишемь, нъ прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не къ врагомъ Божиемь иновѣрныимъ, нъ самѣмь сыномъ его, не къ странныимъ, нъ къ наслѣдникомъ небеснаго царьства. Но о законѣ, Моисѣемь данѣѣмь и о благодѣти и истинѣ, Христосомъ бывшии, повѣсть си есть, и что успѣ законъ, что ли благодѣть.

Прѣжде законъ, ти по томь благодѣть, прѣжде стѣнь, ти по томь истина. Образъ же закону и благодѣти Агаръ и Сарра, работнаа Агаръ и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ти потомь свободнаа[13], да разумѣеть, иже чтеть![14]

Яко Авраамъ убо от уности своеи Сарру имѣ жену си, свободную, а не рабу, и Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и тѣмь благодѣти явитися.[15]

Сарра же не раждааше, понеже бѣ неплоды.[16] Не бѣ неплоды, нъ заключена бѣ Божиимъ промысломъ на старость родити.[17] Безвѣстьная же и таинаа прѣмудрости Божии утаена бяаху ангелъ и человѣкъ, не яко неявима, нъ утаена и на конець вѣка хотяща явитися.

Сарра же глагола къ Аврааму: «Се заключи мя Господь Богъ не раждати, вълѣзи убо къ рабѣ моеи Агари и родиши от неѣ».[18] Благодѣть же глагола къ Богу: «Аще нѣсть врѣмене сънити ми на землю и спасти миръ, съниди на гору Синаи и законъ положи».

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и вълѣзе къ рабѣ еѣ Агарѣ.[19] Послуша же и Богъ яже от благодѣти словесъ и съниде на Синаи.[20]

Роди же Агаръ раба от Авраама, раба робичишть, и нарече Авраамъ имя ему Измаилъ.[21] Изнесе же и Моисѣи от Синаискыа горы законъ,[22] а не благодѣть, стѣнь, а не истину.

По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣд дверьми кушкѣ его въ полудне у дуба Мамьвриискааго. Авраамъ же текъ въ срѣтение ему поклонися ему до землѣ и приятъ и́ в кушту свою[23]. Вѣку же сему къ коньцу приближающуся посѣтить Господь человѣчьскааго рода и съниде съ небесе, въ утробу Дѣвици въходя. Приятъ же и́ Дѣвица съ покланяниемь въ кущу плътяную, не болѣвьши, *глаголющи* ти къ ангелу: «Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему».[24]

Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина, и, зачeньши, роди Исаака, свободьнаа свободьнааго[25]. И присѣтивьшу Богу человѣчьска естьства, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодѣть, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ.

И ако отдоися отроча Исаакъ и укрѣпѣ, сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его.[26] Егда бѣ Христос на земли, и еще не у ся благодѣть укрѣпила бяаше, нъ дояшеся, и еще за 30 лѣтъ[27], въ ня же Христосъ таяашеся. Егда же уже отдоися и укрѣпѣ и явися благодѣть Божиа всѣмъ человѣкомъ[28] въ Иорданьстѣи рѣцѣ,[29] сътвори Богъ гоститву и пиръ великъ тельцемь упитѣныим от вѣка,[30] възлюбленыимъ Сыномъ своимъ Исусом Христомь, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа,[31] съвокупивъ въ едино ангелы и человѣкы.

По сихъ же видѣвши Сарра Измаила, сына Агариина, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и ако приобидѣнъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ сына свободныа».[32] По *възнесении* же Господа Исуса, ученикомъ же и инѣмь вѣровавшиимъ уже въ Христа сущемь въ Иерусалимѣ, и обоимъ съмѣсь сущемь, иудеомъ же и христианомъ, и крещение благодатьное обидимо бяаше от обрѣзаниа законьнааго, и не приимаше въ Иеросалимѣ христианьскаа церкви епискупа необрѣзана, понеже, старѣише творящеся, сущеи отъ обрѣзаниа насиловааху на хрестианыа, рабичишти на сыны свободныа, и бывааху междю ими многы распрѣ и которы.[33] Видивши же свободьнаа благодѣть чада своа христианыи обидимы от иудѣи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ Богу: «Отжени иудѣиство и съ закономъ расточи по странамъ, кое бо причастие стѣню съ истиною, иудѣиству съ христианьством».

И отгнана бысть Агаръ раба съ сыномъ еѣ Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысгь Аврааму, отцу своему.[34] И отгнани быша иудѣи и расточени по странам, и чяда благодѣтьнаа христиании наслѣдници быша Богу и Отцу.[35] Отиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиавъшу, тако и законъ, благодѣти явльшися, и студеньство нощьное погыбе, солнечьнѣи теплотѣ землю съгрѣвши. И уже не гърздится въ законѣ человѣчьство, нъ въ благодѣти пространо ходить.

Иудѣи бо при свѣшти законнѣи дѣлааху свое оправдание, християни же при благодѣтьнѣим солнци свое спасение *зиждють*. Яко иудеиство стѣнемь и закономъ оправдаашеся, а не спасаашеся, хрьстиани же истиною и благодатию не оправдаються, нъ спасаються.

Въ иудѣихъ бо оправдание, въ христианыихъ же спасение. Яко оправдание въ *семь* мирѣ есть, а спасение въ будуіідиимъ вѣцѣ. Иудѣи бо о земленых веселяахуся, христиани же о сущиихъ на небесѣхъ. И тоже оправдание иудѣиско скупо бѣ зависти ради, не бо ся простирааше въ ины языкы, нъ токмо въ Иудеи единои бѣ. Христианыихъ же спасение благо и щедро простираяся на вся края земленыа.[36]

Събысться благословение Манасиино *на июдеихъ*, *Ефремово же на христьяныих*. *Манасиино* бо старѣишиньство лѣвицею Иаковлею благословлено бысть. Ефремово же мнишьство десницею. Аще и старѣи Манасии Ефрема, нъ благословлениемь Иаковлемь мнии бысть.[37] Тако иудѣиство, аще прѣжде бѣ, нъ благодѣтию христиании больше быша.

Рекшу бо Иосифу къ Иакову: «На семь, отче, положи десницу, яко *сь* старѣи есть», отвѣща Иаковъ: «Вѣдѣ, чядо, вѣдѣ. И тъ будеть въ люди и възнесется, нъ братъ его мении болии его будеть, и племя его будеть въ множьство языкъ».[38]

Яко же и бысть. Законъ бо прѣжде бѣ и възнесеся въ малѣ, и отиидe. Вѣра же христианьская, послѣжде явльшися, больши первыа бысть и *расплодися* на множьство языкъ. И Христова благодѣть всю землю обятъ и ако вода морьскаа покры ю. И вси, ветъхая отложьше, обетъшавъшая завистию иудеискою, новая держать, по пророчьству Исаину: «Ветхая мимоидоша, и новая вамъ възвѣщаю; поите Богу пѣснь нову, и славимо есть имя его от конець земли, и сходящеи въ море, и плавающеи по нему, и острови вси».[39] И пакы: «Работающимъ ми

наречется имя ново, еже благословится на земли, благословять бо Бога истиньнааго».[40]

Прѣжде бо бѣ въ Иеросалимѣ единомь кланятися, нынѣ же по всеи земли. Яко же рече Гедеонъ[41] къ Богу: «Аще рукою моею спасаеши Израиля, да будеть роса на рунѣ токмо, по всеи же земли суша».[42] И бысть тако. По всеи бо земли суша бѣ прѣжде, идольстѣи льсти языкы одержашти и росы благодѣтьныа не приемлющемь. Въ Иудеи бо тъкмо знаемь бѣ Богъ, и «въ Израили велие имя его»,[43] и въ Иеросалимѣ единомь славѣмь бѣ Богъ.

Рече же пакы Гедеонъ къ Богу: «Да будеть суша на рунѣ токмо, по всеи же земли роса».[44] И бысть тако. Иудеиство бо прѣста и законъ отиде, жертвы неприатны, кивотъ[45] и скрижали, и оцѣстило[46] отъято бысть. По всеи же земли роса, по всеи *бо* земли вѣра прострѣся, дождь благодѣтныи оброси, купѣль пакыпорождениа сыны своа въ нетлѣние облачить.

Яко же и къ самаряныни глаголааше Спасъ, яко грядеть година, и нынѣ есть, егда ни во горѣ сеи, ни въ Иеросалимѣхъ поклонятся Отцу, но будуть истиннии поклонници, иже поклонятся Отцу духомь и истиною, ибо Отец тацѣхъ ищеть кланяющихся ему,[47] рекше съ Сыномъ и съ Святыим Духомъ, — яко же и есть. По всеи земли уже славится Святаа Троица и покланяние приемлеть от всеа твари, малии, велиции славять Бога, по пророчьству; «И *не* научить кождо искреняго своего и человѣкъ брата своего, глаголя «познаи Господа», яко увѣдять мя от малыих до великааго».[48] Яко же *и* Спасъ Христос къ Отцу глаголааше: «Исповѣдаю ти ся, Отче, Господеви небеси и земли, яко утаилъ еси от прѣмудрыихъ и разумныихъ и открылъ еси младенцемь, еи, Отче, яко тако бысть благоизволение прѣд тобою».[49]

И толма помилова благыи Богъ человѣчьскыи род, яко и человѣци плотьнии крещениемь *и* благыими дѣлы сынове Богу и причастници Христу[50] бывають. Елико бо рече евангелистъ: «Прияша его, дасть имъ власть чядомъ Божиемъ быти, вѣру яштиимъ въ имя его, иже не отъ кръве ни отъ похоти плотьскы, ни отъ похоти мужескы, нъ отъ Бога родишася»,[51] Святыимь Духъмъ въ святѣи купѣли.

Вся же си Богъ нашь на небеси и на земли елико въсхотѣ, и сътвори.[52] Тѣмже къто не прославить, *къто* не похвалить, *къто* не поклониться величьству славы его и къто не подивиться бесчисльному человѣколюбию его.

Прѣжде вѣкъ от Отца рожденъ, единъ състоленъ Отцу, единосущенъ, яко же солнцу свѣтъ, съниде на землю, посѣти люди своих, не отлучивъся Отца, и въплотися отъ Дѣвицѣ чисты, безмужны и бесквернены, въшедъ, яко же самъ вѣсть. Плоть приимъ, изиде, яко же и вънидe.

Един сыи от Троицѣ въ двѣ естьствѣ: Божество и человѣчьство, исполнь человѣкъ по въчеловѣчению, а не привидѣниемь, нъ исполнь Богъ по божеству, а не простъ человѣкъ показавыи на земли божьскаа и человѣчьскаа:

яко человѣкъ бо утробу матерьню растяше,[53] и яко Богъ изиде, дѣвьства не врѣждь;

яко человѣкъ матерьне млѣко приатъ,[54] и яко Богъ пристави ангелы съ пастухы пѣти: «Слава въ вышниихъ Богу»;[55]

яко человѣкъ повиться въ пелены,[56] и яко Богъ вълхвы звѣздою ведяаше;[57]

яко человѣкъ възлеже въ яслехъ,[58] и яко Богъ от волхвъ дары и поклонение приатъ;[59]

яко человѣкъ бѣжааше въ Египетъ,[60] и яко Богу рукотворениа египетъскаа поклонишася;[61]

яко человѣкъ прииде на крещение,[62] и ако Бога Иорданъ устрашився, възвратися;

яко человѣкъ, обнажився, вълѣзе въ воду, и ако Богъ от Отца послушьство приатъ: «Се есть Сынъ мои възлюбленыи»;[63]

яко человѣкъ постися 40 днии *и* възалка, и яко Богъ побѣди искушающаго;[64]

яко человѣкъ иде на бракъ Кана Галилѣи, и ако Богъ воду въ вино приложи;[65]

яко человѣкъ въ корабли съпааше, и ако Богъ запрѣти вѣтромъ и морю, и послушашя его;[66]

яко человѣкъ по Лазари прослезися, и ако Богъ въскрѣси и́ от мертвыихъ;[67]

яко человѣкъ на осля въсѣде, и ако Богу зваахи: «Благословленъ Грядыи въ имя Господне!»;[68]

яко человѣкъ распятъ бысть,[69] и ако Богъ своею властию съпропятааго съ нимъ въпусти въ раи;[70]

яко человѣкъ оцьта въкушь, испусти духъ, и ако Богъ солнце помрачи и землею потрясе;[71]

яко человѣкъ въ гробѣ положенъ бысть, и ако Богъ ада раздруши и душѣ свободи;[72]

яко человѣка печатлѣша въ гробѣ,[73] и ако Богъ изиде, печати цѣлы съхрань;

яко человѣка тъщаахуся иудеи утаити въскресение, мьздяще стражи,[74] нъ яко Богъ увѣдѣся и познанъ бысть всѣми конци земля.[75]

По истинѣ, «кто Богъ велии яко Богъ нашь»! Тъ есть «Богъ творяи чюдеса»,[76] съдѣла «спасение посредѣ земля»[77] крестом и мукою на

мѣстѣ лобнѣмь,[78] въкусивъ оцта и зълчи,[79] да сластнааго въкушениа Адамова еже от дрѣва прѣступление[80] и грѣх въкушениемь горести проженеть.

Си же сътворьшеи ему прѣтъкнушася о нь, *акы* о камень[81], и съкрушишася, яко же Господь глаголааше: «Падыи на камени семь съкрушится, а на немь же падеть, съкрушить и́».[82]

Прииде бо к нимъ, исполняа пророчьства, прореченаа о немь, яко же и глаголааше: «Нѣсмь посланъ, тъкмо къ овцамъ погыбшиимъ дому Израилева»,[83] и пакы: «Не приидохъ разоритъ закона, нъ исполнитъ», [84] и къ хананѣи иноязычници, просящи исцѣлениа дъщери своеи, глаголааше: «Нѣсть добро отъяти хлѣба чядомъ и повредщи псомъ».[85] Они же нарекоша сего лестьца[86] *и от блуда рождена*,[87] и о Велизѣвулѣ бѣсы изгоняща.[88]

Христосъ слѣпыа ихъ просвѣти, прокаженыа очисти, слукыа исправи, бѣсныа исцѣли, раслабленыа укрѣпи, мертвыа въскрѣси[89]. Они же яко злодѣа мучивше, крестѣ пригвоздиша.[90] Сего ради прииде на *ня* гнѣвъ Божий конечныи.

Яко же и сами послуствоваша своеи погыбели. Рекшу Спасу притьчю о виноградѣ и о дѣлателех: что убо сътворить дѣлателемь тѣмь, отвѣщаша: «Злы злѣ погубить я и виноградъ прѣдасть инѣмь дѣлателемь, иже въздадять ему плоды въ времена своа»,[91] — и сами своей погыбели пророци быша.

Приде бо на землю, посѣтить ихъ и не приаша его, понеже дѣла ихъ темна бяаху, не възлюбиша свѣта, да не явятся дѣла ихъ яко темьна суть.[92]

Сего ради приходя Исусъ къ Иеросалиму, видѣвъ градъ, прослезися о немъ, глаголя, яко: «Аще бы разумѣлъ ты въ день твои сь яже къ миру твоему. Нынѣ же съкрыся отъ очию твоею, яко приидуть дение на тя, и обожять врази твои острогъ о тобѣ, и обидуть тя и обоимуть тя всюду, и разбиють тя и чада твоа въ тобѣ, понеже не разумѣ врѣмене посѣщениа твоего».[93] И пакы: «Иерусалимъ, Иерусалимъ, избивающиа пророкы и камениемь побивающи посланыа к тобѣ! Колижды въсхотѣх *събьрати* чяда твоа, яко же събираеть кокошь птеньцѣ под крилѣ свои, и не въсхотѣсте. Се оставляется домъ вашь пустъ»![94]

Яко же и бысть. Пришедъше бо римляне, плѣниша Иерусалимъ и разбиша *ú* до основаниа его.[95] Иудейство оттолѣ погыбе, и законъ по семь, яко вечерьнѣи зарѣ, погасе, и расѣяни быша иудеи по странамъ, да не въкупь злое пребываеть.

Приде бо Спасъ и не приать бысть от Израиля, и, по евангельскому слову, «въ своа прииде и свои его не приаша».[96] От языкъ же приать бысть. Яко же рече Иаковъ: «И тъ чаяние языкомъ».[97] Ибо и въ рождении его вълсви от языкъ прѣжде поклонишася ему, а иудеи убити его искааху, его же ради и младенця избиша.[98]

И събысться слово Спасово, яко: «Мнози ото въстокъ и западъ приидуть и възлягнуть съ Авраамомъ и Исакомъ и *Иаковомъ* въ царствии небеснѣмь, а сынове царьствиа изгнани будуть въ тму кромѣшнюю».[99] И пакы, яко: «Отимется от вас царство Божие и дасться странамъ, творящиимъ плоды его».[100]

Къ ним же посла ученикы своа, глаголя: «Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Евангелие всей твари. Да иже вѣруеть и крьститься, спасенъ будеть».[101] И: «Шьдъше, научите вся языкы, крестяще я́ въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я́ блюсти вся, елика заповѣдах вамъ».[102]

Лѣпо бѣ благодати и истинѣ на новы люди въсиати. Не въливають бо, по словеси Господню, вина новааго учениа благодѣтьна въ мѣхы вѣтхы, обетшавъши въ иудеиствѣ, «аще ли, то просядутся мѣси и вино пролѣется»[103]. Не могъше бо закона стѣня удержати, но многажды идоломъ покланявшеся, како истинныа благодѣти удержать учение. Нъ ново учение — новы мѣхы, новы языкы! «И обое съблюдется».[104]

Яко же и есть. Вѣра бо благодѣтьнаа по всеи земли прострѣся и до нашего языка рускааго доиде. И законное езеро прѣсъше, евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ разлиася. Се бо уже и мы съ всѣми христиаными славимъ Святую Троицу, и Иудеа молчить; Христос славимъ бываеть, а иудеи клеными; языци приведени, а иудеи отриновени. Яко же пророкъ Малахиа рече: «Несть ми хотѣниа въ сынехъ Израилевѣх, и жерты от рукъ ихъ не прииму, понеже ото въстокъ же и западъ имя мое славимо есть въ странахъ и на всякомъ мѣстѣ темианъ имени моему приносится, яко имя мое велико въ странах».[105] И Давыдъ: «Вся земля да поклонить ти ся и поеть тобѣ».

[106] И: «Господи, Господь нашь, яко чюдно имя твое по всеи земли».[107]

И уже не идолослужителе зовемся, нъ христиании, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вѣчную. И уже не капище сътонино съграждаемь, нъ Христовы церкви зиждемь; уже не закалаемь бѣсомъ другъ друга, нъ Христос за ны закалаемь бываеть и дробимъ въ жертву Богу и Отьцю. И уже не жерьтвеныа крове вькушающе, погыбаемь, нъ Христовы пречистыа крове вькушающе, съпасаемся.

Вся страны благыи Богъ нашь помилова и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны, и въ разумъ истинныи приведе.[108]

Пустѣ бо и прѣсъхлѣ земли нашей сущи, идольскому зною исушивъши ю́, вънезаапу потече источникъ евангельскыи, напаая всю землю нашу. Яко же рече Исаиа: «Разверзется вода ходящиимъ по безднѣ, и будеть безводнаа въ блата, и въ земли жажущии источникъ воды будеть».[109]

Бывшемъ намъ слѣпомъ и истиннааго свѣта не видящемь, нъ въ льсти идольстии блудящемь, къ сему же и глухомъ от спасенааго учениа, помилова ны Богъ — и въсиа и въ насъ свѣтъ разума, еже познати его, по пророчьству: «Тогда отверзутся очеса слѣпыих и ушеса глухыих услышать».[110]

И потыкающемся намъ въ путех погыбели, еже бѣсомъ въслѣдовати и пути, ведущааго въ живот, не вѣдущемь, къ сему же гугънахомъ языкы нашими, моляше идолы, а не Бога своего и творца, посѣти насъ человѣколюбие Божие. И уже не послѣдуемь бѣсомъ, нъ ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчьству: «Тогда скочить, яко елень, хромыи, и ясенъ будеть языкъ гугнивыих».[111]

И прѣжде бывшемь намъ яко звѣремь и скотомъ, не разумѣющемь десницѣ и шюицѣ и земленыих прилежащем, и ни мала о небесныих попекущемся, посла Господь и къ намъ заповѣди, ведущаа въ жизнь вѣчную, по пророчьству Иосиину: «И будеть въ день онъ, глаголеть Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесныими и звѣрьми земленыими и реку не людем моимъ: «людие мои вы», и ти ми рекуть: «Господь Богъ нашь еси ты».[112]

И тако странни суще, людие Божии нарекохомся, и врази бывше, сынове его прозвахомъся.[113]

И не иудеискы хулимъ, нъ христианьскы благословимъ;

не совѣта творим, яко распяти, нъ яко Распятому поклонитися;

не распинаемь Спаса, нъ рукы к нему въздѣваемь;

не прободаемь ребръ, нъ от них пиемь источьникъ нетлѣниа;

не тридесяти сребра възимаемь на немь, нъ «другъ друга и весь животъ нашь» тому прѣдаемь;

не таимъ въскресениа, нъ въ всѣх домех своих зовемь: «Христос въскресе изъ мертвыих»;

не глаголемь, яко украденъ бысть,[114] но яко възнесеся, идеже и бѣ;[115]

не невѣруемь, нъ яко Петръ къ нему глаголемь: «Ты еси Христос, сынъ Бога живааго»,[116] съ Фомою: «Господь нашь и Богъ ты еси»,[117] съ разбоиникомъ: «Помяни ны, Господи, въ царствии своемь».[118]

И тако вѣрующе къ нему и святыихъ отець седми съборъ[119] прѣдание держаще, молимъ Бога и еще и еще поспѣшити и направити ны на путь заповѣдии его!

И събысться о насъ языцѣх реченое: «Открыеть Господь мышьцу свою святую прѣдъ всѣми языкы, и узрять вси концы земля спасение, еже от Бога нашего».[120]

И другое: «Живу азъ, глаголеть Господь, яко мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсться Богу»;[121]

и Исаино: «Всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ съмѣрится, и будуть криваа въ праваа, и острии въ пути гладъкы, и явится слава Господня, и всяка плоть узрить спасение Бога нашего»;[122]

и Данииле: «Вси людие, племена и языци тому поработають»;[123]

и Давыдъ: «Да исповѣдатся тобѣ людие, Боже, да исповѣдатся тобѣ людие вси! Да възвеселятся и възрадуются языци!»;[124]

и: «Вси языци въсплещѣте руками и въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышнии страшенъ, царь великъ по всеи земли»;[125]

и по малѣ: «Поите Богу нашему, поите; поите цареви нашему, поите, яко царь всеи земли Богъ, поите разумно. Въцарися Богъ надъ языкы»;[126]

и: «Вся земля да поклонить ти ся и поеть тобѣ, да поеть же имени твоему, Вышнии»;[127]

и: «Хвалите Господа вси языци, и похвалите вси людие»;[128]

и еще: «От въстокъ и до западъ хвално имя Господне. Высокъ надъ всѣми языкы Господь, надъ небесы слава его»;[129]

«По имени твоему, Боже, тако и хвала твоа на коньцих земля»;[130]

«Услыши ны, Боже, Спасителю нашь, упование всѣмъ концемь земли и сущиимъ въ мори далече»;[131]

и: «Да познаемь на земли путь твои и въ всѣхъ языцѣх спасение твое»;[132]

и: «Царие земьстии и вси людие, князи и вси судии земьскыи, юношѣ и дѣвы, старци съ юнотами да хвалять имя Господне»;[133]

и Исаино: «Послушаите мене, людие мои, глаголеть Господь, и царе къ мнѣ вънушите, яко законъ от мене изидеть и судъ мои свѣтъ странамъ, приближается скоро правда моа, и изыдеть, яко свѣтъ, спасение мое; мене острови жидуть и на мышьцю мою страны уповають».[134]

Хвалить же похвалныими гласы Римьскаа страна Петра и Паула, имаже вѣроваша въ Исуса Христа, Сына Божиа; Асиа и Ефесъ, и Патмъ Иоанна Богословьца, Индиа Фому, Египетъ Марка. Вся страны и гради, и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша я́ православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера,[135] вънука старааго Игоря,[136] сына же славнааго Святослава,[137] иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборъствомъ прослуша въ странахъ многах, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычьствоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли.

Сии славныи от славныихъ рожься, благороденъ от благородныих, каганъ нашь Влодимеръ, и възрастъ и укрѣпѣвъ от дѣтескыи младости, паче же възмужавъ, крѣпостию и силою съвершаяся, мужьствомъ же и съмыслом прѣдъспѣа. И единодержець бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округъняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемь.

И тако ему въ дни свои живущю и землю свою пасущу правдою, мужьствомь же и съмысломъ, приде на нь посѣщение Вышняаго, призрѣ на нь всемилостивое око благааго Бога, и въсиа разумъ въ сердци его, яко разумѣти суету идольскыи льсти *и* възыскати единого Бога, сътворьшааго всю тварь видимую и невидимую.

Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрьнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою, како единого Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ них дѣются силы и чюдеса и знамениа, како церкви *людии* исполнены, како *веси и* гради благовѣрьни вси въ молитвах предстоять, вси Богови прѣстоять. И си *слышавъ*, въждела сердцемь, възгорѣ духомъ, яко быти ему христиану и земли его.

Еже и бысть, Богу тако изволившу *и възлюбившу* человѣчьское естьство. Съвлѣче же ся убо каганъ нашь и съ ризами ветъхааго человѣка,[138] съложи тлѣннаа, оттрясе прахъ невѣриа и вълѣзе въ святую купѣль. И породися от Духа и воды,[139] въ Христа крестився, въ Христа облѣчеся,[140] и изиде от купѣли бѣлообразуяся, сынъ бывъ нетлѣниа, сынъ въскрѣшениа.[141] Имя приимъ вѣчно, именито на роды и роды, Василии, имже написася въ книгы животныа[142] въ вышниимъ градѣ и нетлѣннѣимъ Иерусалимѣ.[143]

Сему же бывьшу, не доселѣ стави благовѣриа подвига, ни о том токмо яви сущую въ немь къ Богу любовь. Нъ подвижеся паче, заповѣдавъ по всеи земли и крьститися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно въ всѣх градѣх славитися Святѣи Троици, и всѣмъ быти христианомъ малыим и великыимъ, рабомъ и свободныим, уныим и старыим, бояромъ и простыим, богатыим и убогыимъ. И не бы ни единого же противящася благочестному его повелѣнию, да аще кто и не любовию, нъ страхом повелѣвшааго крещаахуся, понеже бѣ благовѣрие его съ властию съпряжено.

И въ едино время вся земля наша *въслави* Христа съ Отцемь и съ Святыимъ Духомъ. Тогда начатъ мракъ идольскыи от нас отходити, и зорѣ благовѣриа явишася; тогда тма бѣсослуганиа погыбе, и слово евангельское землю нашю осиа. Капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся, идолии съкрушаахуся, и иконы святыих являахуся, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свящаше.

Пастуси словесныихъ овець Христовъ епископи сташа прѣд святыимъ олтаремь, жертву бескверньную възносяще; попове и диакони, и весь клиросъ, украсиша и въ лѣпоту одѣша святыа церкви. Апостольскаа труба и евангельскы громъ вси грады огласи; темианъ, Богу въспущаемь, въздух освяти. Манастыреве на горах сташа, черноризьци явишася. Мужи и жены, и малии, и велиции, вси людие, исполнеше святыя церкви, въславиша, глаголюще: «Единъ святъ, единъ Господь, Исус Христос, въ славу Богу Отцу, аминь![144] Христос побѣди! Христос одолѣ! Христос въцарися! Христос прославися! Великъ еси, Господи, и чюдна дѣла твоа![145] Боже нашь, слава тебѣ!».

Тебе же како похвалимъ, о честныи и славныи въ земленыих владыках, прѣмужьственыи Василие? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодарие въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа и льсти идольскыа избыхомъ, яко твоимъ повелѣниемь по всеи земли твоеи Христос славится? Ли что ти приречемь, христолюбче, друже правдѣ, съмыслу мѣсто, милостыни гнѣздо?

Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како въселися въ тя разумъ выше разума земленыихъ мудрець, еже Невидимаго възлюбити и о небесныихъ подвигнутися? Како възиска Христа, како предася ему? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь, учителю нашь! Откуду ти припахну воня Святааго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуду въкуси и видѣ, «яко благъ Господь»?[146]

Не видилъ еси Христа, не ходилъ еси по немь, како ученикъ его обрѣтеся? Ини, видѣвше его, не вѣроваша; ты же, не видѣвъ, вѣрова.[147] Поистинѣ бысть на тебѣ блаженьство Господа Исуса, реченое къ Фомѣ: «Блажени не видѣвше и вѣровавше»[148]. Тѣмже съ дрьзновениемь и несуменно зовемь ти: о блажениче! — самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ нему и не съблазнися о немь, по словеси его нелъжнууму: «И блаженъ есть, иже не съблазниться о мнѣ».[149] Вѣдущеи бо законъ и пророкы распяша и́; ты же, ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися.

Како ти сердце разверзеся? Како вънидe въ тя страхъ Божии? Како прилѣпися любъви его? Не видѣ апостола,пришедша въ землю твою и нищетою своею и наготою, гладомъ и жаждею сердце твое на съмѣрѣние клоняща. Не видѣ бѣсъ изъгонимъ именемь Исусовомъ Христовомъ, болящиихъ съдравѣють, нѣмыихъ глаголють, огня на хладъ прилагаема, мертвыих въстають.[150] Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како вѣрова?

Дивно чюдо! Ини царе и властеле, видяще вся си, бывающа от святыихъ мужь, не вѣроваша, нъ паче на мукы и страсти прѣдаша ихъ. Ты же, о блажениче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо от благааго съмысла и остроумиа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творець невидимыимъ и видимыим, небесныимъ и земленыимъ, и яко посла въ миръ спасениа ради възлюбенаго Сына своего. И си помысливъ, вънидe въ святую купѣль. И еже инѣмь уродьство мнится, тобѣ сила Божиа въмѣнися.[151]

Къ сему же кто исповѣсть многыа твоа нощныа милостыня и дневныа щедроты, яже къ убогыимъ творяаше, къ сирыимъ, къ болящиимъ, къ дължныимъ, къ вдовамъ и къ всѣмь требующимъ милости? Слышалъ бо бѣ глаголъ, глаголаныи Данииломъ къ Науходоносору: «Съвѣтъ мои да будеть ти годѣ, царю Науходоносоре, грѣхы твоа мшюстинями оцѣсти и неправды твоа щедротами нищиихъ».[152] Еже слышавъ ты, о честьниче, не до слышаниа стави глаголаное, нъ дѣломъ съконча,[153] просящиимъ подаваа, нагыа одѣвая, жадныа и алчныа насыщая, болящиимъ всяко утѣшение посылаа, должныа искупая, работныимъ свободу дая.

Твоа бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ поминаемы суть, паче же пред Богомъ и ангеломъ его. Ея же ради доброприлюбныа Богомъ милостыня, много дрързновение имѣеши къ нему, яко присныи Христовъ рабъ. Помагаеть ми словеси рекыи: «Милость хвалится на *судѣ*».[154] И: «Милостыни мужу, акы печать съ нимъ».[155] Вѣрнѣе же самого Господа глаголъ: «Блажени милостивии, яко *ти* помиловани будуть».[156]

Ино же, яснѣе и вѣрнѣе послушьство приведемь о тебѣ от Святыихъ писании, реченое от Иакова апостола, яко: «Обративыи грѣшника от заблуждениа пути его спасеть душу от смерти и покрыеть множество грѣховъ».[157]

Да аще единого человѣка обративъшууму толико възмездие от благааго Бога, то каково убо спасение обрѣте, о Василие? Како брѣмя грѣховное расыпа, не единого обративъ человѣка от заблуждениа идольскыа льсти, ни десяти, ни града, нъ всю область сию.

Показаеть ны и увѣряеть самъ Спасъ Христос, какоя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: «Иже исповѣсть мя прѣд человѣкы, исповѣмь и́ и азъ прѣд Отцемь моим, иже есть на небесѣх».[158] Да аще исповѣдание приемлеть о собѣ от Христа къ Богу Отцу исповѣдавыи его токмо прѣд человѣкы, колико ты похваленъ от него имаши быти, не токмо исповѣдавъ, яко «Сынъ Божии есть Христос»,[159] нъ и вѣру его уставль, не въ единомь съборѣ, нъ по всеи земли сеи, и церкви Христови поставль, и служителя ему въведъ.

Подобниче великааго Коньстантина,[160] равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! *Онъ* съ святыими отци Никеискааго Събора[161] закон человѣкомъ полагааше, ты же съ новыими нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ

съмѣрениемь съвѣщаваашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ ново познавшиихъ Господа законъ уставити. Онъ въ елинѣхъ и римлянѣх царьство Богу покори, ты же — в Руси: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемь зовется. Онъ съ материю своею Еленою[162] крестъ от Иерусалима принесъша[163] и по всему миру своему раславъша, вѣру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новаага Иерусалима, Константина града, *и сего* по всеи земли своеи поставивша, утвердиста вѣру. Егоже убо подобникъ сыи, съ тѣмь же единоя славы и чести обещьника сътворилъ тя Господь на небесѣх благовѣриа твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемь.

Добръ *послухъ* благовѣрию твоему, о блаженичe, святаа церкви Святыа Богородица Мариа,[164] юже създа на правовѣрьнѣи основѣ, идеже и мужьственое твое тѣло нынѣ лежит, жида трубы архангельскы.[165]

Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твои Георгии,[166] егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычьству, не рушаща твоих уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрию положениа, но паче прилагающа, не *казяща*, нъ учиняюща. Иже недоконьчаная твоя наконьча, акы Соломонъ Давыдова,[167] иже дом Божии великыи святыи его Премудрости създа[168] на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси: златомъ и сребромъ, и камениемь драгыимъ, и съсуды честныими. Яже церкви дивна и славна всѣмь округьниимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемь полунощии земнѣѣмь ото въстока до запада.

И славныи градъ твои Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемь, обложилъ, прѣдалъ люди твоа и градъ святыи, всеславнии, скорѣи на помощь христианомъ Святѣи Богородици, еи же и церковь на Великыихъ вратѣх създа въ имя перваага Господьскааго праздника — святааго Благовѣщениа,[169] да еже цѣлование архангелъ дасть Дѣвици, будеть и граду сему. Къ онои бо: «Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!»,[170] къ граду же: «Радуися, благовѣрныи граде! Господь с тобою!»

Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего! Въстани, оттряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нъ спиши до обьщааго всѣмъ въстаниа. Въстани, нѣси умерлъ! Нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу въ Христа, живота всему миру.[171] Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши, какоя тя чьсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь егоже Господь изведе от чреслъ твоихъ, виждь красящааго столъ земли твоеи — и возрадуися и възвеселися!

Къ сему же виждь благовѣрную сноху твою Ерину,[172] виждь вънукы твоа и правнукы: како живуть, како хранимі суть Господемь, како благовѣрие держать по предаянию твоему, како въ святыа церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени его.

Виждь же и градъ, величьством сиающь, виждь церкви цветущи, виждь христианьство растуще, виждь град, иконами святыихъ освѣщаемь и блистающеся, и тимианомъ обухаемь, и хвалами божественами и пѣнии святыими оглашаемь. И си вься видѣвъ, възрадуися и възвеселися и похвали благааго Бога, всѣмь симъ строителя!

Видѣ же, аще и не тѣломъ, нъ духомъ показаеть ти Господь вся си, о нихъже радуйся и веселися, яко твое вѣрное *въсѣание* не исушено бысть зноемь невѣриа, нъ дождемь Божиа поспѣшениа распложено бысть многоплоднѣ.

Радуйся, въ владыкахъ апостоле, не мертвыа тѣлесы въскрѣшав, нъ душею ны мертвы, умерьшаа недугомь идолослуженииа въскрѣсивъ! Тобою бо обожихомъ и Живота Христа познахомъ. Съкорчени бѣхомъ от бѣсовьскыа льсти и тобою прострохомся и на путь животныи наступихомъ; слѣпи бѣхомъ сердечныими очима, ослѣплени невидѣниемь, и тобою прозрѣхомъ на свѣтъ трисолнечьнаго Божьства; нѣми бѣхомъ, и тобою проглаголахомъ. И нынѣ уже мали и велицѣи славимъ единосущную Троицу.

Радуйся, учителю нашь и наставниче благовѣрию! Ты правдою бѣ облѣченъ, крѣпостию прѣпоясанъ, истиною обутъ,[173] съмысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою красуяся. Ты бѣ, о честнаа главо, нагыимъ одѣние, ты бѣ алчьныимъ кърмитель, ты бѣ жаждющиимъ утробѣ ухлаждение, ты бѣ въдовицамъ помощник, ты бѣ странныимъ покоище, ты бѣ бескровныимъ покровъ, ты бѣ обидимыимъ заступникъ, убогыимъ обогащение.

Имъже благыимъ дѣломъ и инѣмь възмездие приемля на небесѣхъ, блага, «яже уготова Богъ вамъ, любящиимъ его»,[174] и зрѣниа сладкааго лица его насыщаяся, помолися о земли своеи и о людех, въ нихъже благовѣрно владычьствова, да съхранить а́ въ мирѣ и благовѣрии прѣданѣѣмь тобою, и да славится въ нем правовѣрие, и да кленется всяко еретичьство, и да съблюдеть а́ Господь Богъ от всякоа рати и плѣнениа, от глада и всякоа скорби и сътуждениа!

Паче же помолися о сынѣ твоемь, благовѣрнѣмь каганѣ нашемь Георгии, въ мирѣ и въ съдравии пучину житиа прѣплути и въ пристанищи небеснааго завѣтрия пристати, неврѣдно корабль душевны и вѣру съхраньшу, и съ богатеством добрыими дѣлы, безъ блазна же Богомъ даныа ему люди управивьшу, стати с тобою непостыдно прѣд прѣстоломъ Вседръжителя Бога и за трудъ паствы людии его приати от него вѣнець славы нетлѣнныа съ всѣми праведныими, трудившиимися его ради.

МОЛИТВА

Симь же убо, о Владыко, Царю и Боже нашь, высокъи и славне, человѣколюбче, въздаяи противу трудомъ славу же и честь и причастникы творя своего царьства, помяни, яко благъ, и насъ, нищиихъ твоихъ, яко имя тобѣ человѣколюбець! Аще и добрыих дѣлъ не имѣемь, нъ многыа ради милости твоеа спаси ны, «мы бо людие твои и овцѣ паствы твоеи»,[175] и стадо, еже ново начатъ пасти, исторгъ от пагубы идолослужения!

Пастырю добрый, положивыи душю за овцѣ,[176] не остави насъ, аще и еще блудимъ, не отверзи насъ, аще и еще съгрѣшаемь ти, акы новокуплении раби, въ всемь не угодяще Господу своему; не възгнушаися, аще и мало стадо, нъ рци къ намъ: «Не боися, малое стадо, яко благоизволи Отець вашь небесныи дати вамъ Царьствие!»[177]

Богатыи милостию[178] и благыи щедротами, обѣтщався приимати кающася и ожидааи обращениа грѣшныихъ,[179] не помяни многыихъ грѣхъ нашихъ, приими ны обращающася к тобѣ, заглади рукописание съблазнъ нашихъ, укроти гнѣвъ, имже рагнѣвахомъ тя, человѣколюбче, ты бо еси Господь, владыка и творець и в тобѣ есть власть или жити намъ или умрѣти.

Уложи гнѣвъ милостиве, егоже достоини *есмы* по дѣломъ нашимъ, мимоведи искушение, яко персть *есмы* и прахъ[180] и не въниди въ судъ съ рабы своими,[181] мы людие твои,[182] тебе ищемь, тобѣ припадаемь, тобѣ ся мили дѣемь; съгрѣшихомъ и злаа сътворихомъ, не съблюдохомъ, ни *съхранихомъ*, якоже заповѣда намъ![183]

Земнии суще, къ земныимъ прѣклонихомься и лукавая съдѣяхом пред лицемь славы твоеа, на похоти плотяныа прѣдахомся, поработихомся грѣхови и печалемь житиискамъ, быхомъ бѣгуни своего Владыкы. Убози от добрыихъ дѣлъ, окаянии злааго ради житиа, каемся, просимъ, молимъ: каемся злыихъ своихъ дѣлъ, просимъ, да страхъ твои послеши въ сердца наша, молимъ, да на Страшнѣмъ Судѣ помилуеть ны. Спаси, ущедри, призри, посѣти, умилосердися, помилуи, твои бо *есмы*, твое создание, твоею руку дѣло![184]

«Аще бо безакониа назриши, Господи, кто постоить?»[185] Аще въздаси комуждо по дѣломъ, то кто спасется? Яко от тебе оцѣщение есть, яко от тебе милость и много избавление,[186] и души наши въ руку твоею, и дыхание наше въ воли твоеи.[187] *Донелѣ* же бо благопризирание твое на насъ, благоденьствуемъ, аще ли съ яростию призриши, ищезнемь, яко утреняа роса.[188] Не постоить бо прахъ противу бури, и мы противу гнѣву твоему!

Нъ яко тварь от сътворивъшааго ны милости просимъ: помилуи ны, Боже, по велицѣи милости твоеи![189] Все бо благое от тебе на нас; все же неправедное от нас к тобѣ. Вси бо уклонихомся, вси въкупѣ неключими быхомъ,[190] нѣсть от насъ ни единого о небесныихъ тщащася и подвизающа, нъ вси о земныихъ, вси о печалех житиискыихъ: «яко оскудѣ прѣподобных»[191] на земли. Не тебе оставляющу и прѣзрящу насъ, но намъ тебе не възискающем, нъ видимыихъ сихъ прилежащемь. Тѣмже боимся, егда сътвориши на насъ, яко на Иеросалимѣ, оставлешиимъ тя и не ходившиимъ въ пути твоа. Нъ не сътвори намъ яко и онѣмь по дѣломъ нашимъ, ни по грѣхом нашимъ въздаи намъ,[192] нъ терпѣ на насъ, и еще долго терпе, устави гнѣвныи твои пламень, *простираюштъся* на ны, рабы твоа, самъ направляа ны на истину твою, научая ны творити волю твою. Яко ты еси Богъ нашь, и мы людие твои,[193] твоа чясть, твое достояние.[194] Не въздѣваемъ бо «рукъ наших къ богу туждему»,[195] ни послѣдовахом лъжууму коему пророку, ни учениа еретичьскаа держимъ, нъ тебе призываемь истиньнааго Бога[196] и къ тебѣ, живущему на небесѣхъ, очи наши възводимъ,[197] къ тебѣ рукы наши въздѣваемь, молим ти ся; отъдаждь намъ, яко благыи человѣколюбець, помилуи ны, призываа грѣшникы въ покаание,[198] и на Страшнѣмь твоемь Судѣ деснааго стояниа не отлучи насъ, нъ благословлениа праведных причасти насъ! И донелѣ же стоить миръ, не наводи на ны напасти искушениа, ни прѣдаи насъ въ рукы чюжиихъ, да не прозоветься градъ твои градъ плѣненъ и стадо твое «пришельци въ земли не своеи»,[199] да не рекуть страны: «кде есть Богъ их?»,[200] не попущаи на ны скорби и глада, и напрасныихъ съмертии, огня, потоплениа!

Да не отпадуть от вѣры нетвердии вѣрою, малы показни, а много помилуи, малы язви, а милостивно исцѣли,[201] въ малѣ оскорби, а въ

скорѣ овесели, яко не трьпить наше естьство дълго носити гнѣва твоего, яко стеблие огня!

Нъ укротися, умилосердися, яко твое есть еже помиловати и спасти; тѣмже продължи милость твою на людех твоихъ: ратныа прогоня, миръ утверди, страны укроти, глады угобзи, владыкѣ наши огрози странамъ, боляры умудри, грады расили, Церковь твою възрасти, достояние свое съблюди, мужи и жены, и младенцѣ спаси, сущаа въ работѣ, въ плонении, въ заточении, въ путех, въ плавании, въ темницах, въ алкотѣ и жажди и наготѣ — вся помилуи, вся утѣши, вся обрадуи, радость творя имъ и тѣлесную и душевную!

Молитвами, молениемь, прѣчистыя ти Матери и святыихъ небесныихъ силъ, и Прѣдтечи твоего и Крестителя Иоанна, апостолъ, пророкъ, мученикъ, преподобныихъ и всѣхъ святыихъ молитвами умилосердися на ны и помилуи ны, да милоствю твоею пасоми въ единении вѣры въкупѣ весело и радостно славимь тя Господа нашего Исуса Христа съ Отцемь, съ Пресвятыимъ Духомъ, Троицу нераздѣлну, единобожествену, царьствующу на небесѣх и на земли ангеломъ и человѣкомъ, видимѣи и невидимѣи твари, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь!

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

Вѣрую въ единого Бога Отца вседръжителя, творца небу и земли, и видимыимъ, и невидимыимъ.

И въ единого Господа Исуса Христа, Сына Божия, единочадааго, от Отца рожденааго прѣжде всѣх вѣкъ, Свѣта от Свѣта, Бога истинна от Бога истинна, рождена, а не сътворена, единосущна Отцу, имже вся быша;

насъ ради человѣкъ, и за наше спасение съшедшааго съ небесъ, и въплощьшаагося от Духа Свята и Марии Дѣвицѣ, въчеловѣчьшася;

и распята за ны при Поньтѣстѣмь Пилатѣ, страстьна и погребена;

въскресъшааго въ третии день по Писаниемь;

въшедшааго на небеса, и сѣдяща одесную Отца;

и пакы грядуща съ славою судити живыимъ и мертвыимъ, егоже царствию нѣсть конца.

И въ Духа Святааго, Господа, и животворящааго, исходящааго отъ Отца, иже съ Отцемь и съ Сыномъ съпокланяемь и съславимъ, глаглавшаго пророкы.

Въ едину святую, съборную и апостольскую церковь.

Исповѣдаю едино крещение въ оставление грѣховъ;

чаю въскрѣшениа мертвыимъ

и жизни будущааго вѣка. Аминь.

Вѣрую въ единого Бога, славимаго въ Троици: Отца нерождена, безначала, бесконечна, Сына же рождена, събезначална же и бесконечна, Духа Свята, исходяща изъ Отца и въ Сынѣ являющася, събезначальна же такожде и равна Отцу и Сыну, — Троицу единосущну, лици же раздѣляющуся, Троицу имены, единаго же Бога.

Не съливаю раздѣлениа, ни съединениа раздѣляю, съвокупляются несмѣсно и разделяются нераздѣлнѣ. Отець бо нарицается, понеже не рожденъ; Сынъ же — рождениа ради; Духъ же Святыи — исхода ради, нъ неотходенъ. Не бываеть же Отець Сынъ, ни Сынъ Отець, ни Духъ Святыи Сынъ, нъ комуждо свое несмѣсно суще развѣ Божества. Едино бо есть Божество въ Троици, едино господьство, едино царство, обще

трисвятое от херувимъ, обещь поклонъ от ангелъ и человѣкъ, едина слава и благодарение — от всего мира.

Того единого Бога вѣдѣ и тому вѣрую, въ негоже имя и крестихъся: въ имя Отца и Сына и Святааго Духа. И ако же приахъ от писаниа святыихъ отець, тако научихся!

И вѣрую и исповѣдаю, яко Сынъ, благоволениемь Отчемь и Святааго Духа хотѣниемь, съниде на землю спасти родъ человѣчьскъ, небесъ и Отца не отлучися, и, Святааго Духа осѣнениемь, въселися въ утробу Дѣвицѣ Марии и зачатъся, якоже самъ единъ вѣсть, и родися бе-сѣмене мужеска, матерь дѣвицею съхрань, якоже и лѣпо Богу, и въ рожьство, и преже рожьства, и по рожьствѣ, Сыновьства не отложь.

На небеси бо безматеренъ, на земли же безъ отца, въздоися, яко человѣкъ, и воспитася, и бысть человѣкъ истиненъ, не привидѣниемь, нъ истинно въ нашей плоти. Исполнь Богъ, исполнь человѣкъ въ двѣ естьствѣ и хотѣнии воли, еже бѣ, не отложивъ, и еже не бѣ, възя.

Пострада плотию, яко человѣкъ, мене ради и Божествомъ бе-страсти, яко Богъ, прѣбы. Умрѣ бесьмертныи, да мене мертва оживить; съниде къ аду, да прадѣда моего Адама въставить и обожить, и диавола съвяжеть. Въста, яко Богъ, изиде изъ мертвыихъ, яко побѣдитель Христос, царь мой, тридневно, и явлеся многъкраты ученикомъ своимъ, възиде на небеса къ Отцю, егоже не отлучилъся бѣ, и сѣде одесную его.[202]

Чаю же его пакы придуща съ небесе, нъ не отай, яко же прѣжде, нъ въ славѣ Отьчи съ небесныими вои. Ему же мертвии гласомъ архангельскымъ противу изидуть;[203] и тъ имат судити живыим и мертвыим, и въздати комуждо по дѣломъ.

Вѣрую же и въ 7 Съборъ правовѣрныихъ святыихъ отець, и егоже извергоша, и азъ измѣтаю, и егоже прокляша, и азъ проклинаю; и яже писаниемь прѣдаша намъ, приимаю.

Святую и преславную Дѣвицу Марию Богородицу нарицаю чьту же и съ вѣрою покланяюся ей. И на святѣй иконѣ еи Господа моего, яко

младеньца на лонѣ еи зрю — и веселюся, распята и́ вижду — и радуюся, въскресъша его и на небеса идуща съмотря — въздѣю руцѣ и покланяюся ему. Тако же и угодникъ его святыихъ иконы видѣвъ, славлю Спасъшааго ихъ. Мощи ихъ съ любовию и вѣрою цѣлую и чюдеса ихъ проповѣдаю, и ицѣления от нихъ приимаю.

Къ кафоликии и апостольстѣи Церкви притѣкаю, съ вѣрою въхожду, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожду.

Тако вѣрую и не постыжюся; и прѣдъ народы исповѣдаю, и исповѣданиа ради и душю свою положю.

Слава же Богу о всемь, строящему о мнѣ выше силы моеа! И молите о мнѣ, честнѣи учителе и владыкы Рускы земля! Аминь!

СТАВЛЕННИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Азъ милостию человѣколюбиваaго Бога мнихъ и прозвитеръ Иларионъ изволениемь его от богочестивыихъ епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицѣмь и богохранимѣмь градѣ Кыевѣ, яко быти ми въ немь митрополиту, пастуху же и учителю.

Быша же си въ лѣто 6559 (1051), владычествующу благовѣрьному кагану Ярославу, сыну Владимирю. Аминь.

---

[1] *О законѣ, Моисѣомъ данѣѣмъ, и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии...*— Начальные слова заглавия, в которых определяется тема первой части «Слова» Илариона, восходят к Евангелию от Иоанна, гл. 1, ст. 17: «...закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа». Закон (завет) — совокупность законов и заповедей, которые Бог сообщил еврейскому народу через пророка Моисея на пути из Египта в Палестину.

Употребление слова благодѣть (и производных от него: благодѣтьный и т. п.) с корнем -дѣт-, преобладающее в публикуемом Синодальном списке «Слова», указывает на сохранение писцом этого списка древнейших особенностей оригинала.

[2] *Каган* — тюркский титул верховного владыки, заимствованный русскими у хазар и в древности применявшийся ими по отношению к своим князьям.

[3] *Господи, благослови, отче.* — Формула обращения к игумену за благословлением перед началом монастырского чтения. В ней отражено древнее, первичное зиачение слова «господь» — господин, владыка (также игумен), хозяин. Фраза скорее всего не принадлежит Илариону и появилась в тексте в процессе его переписки.

[4] *«Благословленъ... своимъ».* — Лк. 1, 68.

[5] *...племя Авраамле...* — о евреях, родоначальником которых, по Библии, был Авраам.

[6] *Скрижали* — две каменные плитки с письменами завета между Богом и еврейским народом, которые были даны Моисею на горе Синай.

[7] *...яко ...призрѣ на люди своа...* — 1 Цар. 9, 16,

[8] *...не солъ, ни вѣстникъ... спасе ны...* — Ис. 63, 9 (слав., греч.).

[9] *...къ сущиимъ же... въ адѣ... съниде...* — См.: 1 Петр. 3, 19.

[10] *...познають посѣщение свое...* — Лк. 19, 44.

[11] *...яко тъ есть живыимъ и мертвыимъ... Богъ.* — Ср.: Мр. 12, 27; Рим. 14, 9.

[12] *Кто бо великъ, яко Богъ нашъ... творяи чюдеса...* — См.: Пс. 76, 14—15 и 71, 18.

[13] *Образъ же закону и благодѣти Агаръ и Сарра... ти потомь свободнаа...* — Ср.: Быт. 25, 11—23; Галат. 4, 22—31.

[14] *...да разумѣеть, иже чтеть.* — Мф. 24, 15.

[15] *...и Богъ убо прѣжде вѣкъ изволи ...явитися.* — См.: 1 Петр. 1, 20.

[16] *Сарра же... бѣ неплоды.* — См.: Быт. 11, 30.

[17] *Не бѣ неплоды, нъ заключена бѣ... на старостъ родити.* — См.: Быг. 16, 2.

[18] *Сарра же глагола къ Аврааму... и родиши от неѣ.* — Быт. 16, 2.

[19] *Послуша Авраамъ... и вълѣзе къ... Агарѣ.* — Быт. 16, 2, 4.

[20] *Послуша же и Богъ... и съниде на Синаи.* — См.: Исход. 19, 16—20.

[21] *Роди же Агаръ... имя ему Измаилъ.* — Быт. 6, 15.

[22] *Изнесе же и Моисѣи.... законъ...* — См.: Исход. 32, 15—16; 34, 29.

[23] *...явися Богъ Аврааму... и приятъ ѝ в кушту свою.* — См.: Быт. 18, 1—5.

[24] *«Се раба Господня... по глаголу твоему».* — Лк. 1, 38.

[25] *Тогда убо отключи Богъ... роди Исаака... свободьнааго.* — См.: Быт. 21, 1—3.

[26] *И ака отдоися отрочя Исаакъ... сынъ его.* — Быт. 21, 8.

[27] *...и еще за 30 лѣтъ...* — Лк. 3, 23.

[28] *...явися благодѣть Божиа всѣмъ человѣкомъ...* — Тит. 2, 11.

[29] *...явися благодѣть Божиа... въ Иорданстѣи рѣцѣ...* — См.: Мф. 3, 13—17.

[30] *...сътвори Богъ гоститву... тельцемь упитѣным от вѣка...* — Ср.: Лк. 15, 23.

[31] *...съзвавъ... небесныа и земныа...* — См.: Еф. 1, 10.

[32] *По сихъ же видѣвши Сарра Измаила... рече къ Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ... сына свободныа».* — Быт. 21, 9—10; Гал. 4, 30.

[33] *По възнесении же Господа Исуса... бывааху междю ими многы распрѣ и которы.* — См.: Деян. 6, 1; 15, 1 и далее; Гал. 2.

[34] *И отгнана бысть Агаръ... и Исаакъ... наслѣдникъ бысть Аврааму, отцу своему.* — См.: Быт. 21, 11—14; 25, 5.

[35] *...наслѣдници быша Богу и Отцу.* — Ср.: Рим. 8, 17.

[36] *Христианыихъ же спасение... на вся края земленыа.* — Ср.: Деян. 13, 47.

[37] *Манасиино бо старѣишиньство лѣвицею Иаковлею благословлено бысть... мнии бысть.* — См.: Быт. 48, 13—16. В Синодальном списке «Слова» выделенные курсивом слова пропущены.

[38] *Рекшу бо Иосифу къ Иакову... племя его будеть въ множьство языкъ».* — Быт. 48, 18—19.

[39] *«Ветхая мимоидоша... поите Богу пѣснь нову... острови вси».* — Ис. 42, 9, 10.

[40] *«Работающимъ ми наречется имя ново... Бога истиньнааго».* — Ис. 65, 15, 16.

[41] *Гедеон* — библейский судья, потомок Манассии.

[42] *«Аще рукою моею спасаеши израиля... суша».* — Суд. 6, 36—37. *Израиль* — здесь: израильский народ, «израильтяне».

[43] *...«въ Израили велие имя его»...* — Пс. 75, 2.

[44] *...«Да будеть суша на рунѣ тъкмо... роса».* — Суд. 6, 39.

[45] *Кивот* — кедровый, украшенный золотом ящик (ковчег), в котором иудеи хранили скрижали завета.

[46] *...оцѣстило* — жертвенник, очистилище.

[47] *...грядеть година... ибо Отец тацѣхъ ищеть кланяющихся ему...* — Иоан. 4, 21, 23.

[48] *«И не научить кождо искреняго своего... от малыих до великааго».* — Евр. 8, 11; Иер. 31, 34; греч.: Иер. 38, 34.

[49] *«Исповѣдаю ти ся, Отче... бысть благоизволение прѣд тобою».* — Мф. 11, 25—26.

[50] *...причастници Христу...* — Евр. 3, 14.

[51] *«Прияша его, дасть имъ власть чядомъ Божиемъ быти... нъ отъ Бога родишася».* — Иоан. 1, 12—13.

[52] *...Богъ нашь на небеси и на земли... и сътвори.* — Пс. 113, 11.

[53] *яко человѣкъ бо утробу матерьню растяше...* — См.: Лк. 11, 27.

[54] *...яко человѣкъ... млѣко приятъ...* — См.: Лк. 11, 27.

[55] *«Слава въ вышниихъ Богу».* — См.: Лк. 2, 14.

[56] *...повиться въ пелены...* — См.: Лк. 2, 7, 12.

[57] *...вълхвы звѣздою ведяаше...* — См.: Мф. 2, 2, 9.

[58] *...възлеже въ яслехъ...* — См.: Лк. 2, 7, 12, 16.

[59] *...от волхвъ дары... приатъ...* — См.: Мф. 2, 11.

[60] *...бѣжааше въ Египетъ...* — См.: Мф. 2, 13—14.

[61] *...яко Богу рукотворениа египетьскаа поклонишася...* — Ср.: Ис. 19, 1.

[62] *...прииде на крещение...* — Ср.: Мф. 3, 13.

[63] *«Се есть Сынъ мои възлюбленыи».* — Мф. 3, 17.

[64] *...постися 40 днии... побѣди искушающаго...* — См.: Мф. 4, 1—11.

[65] *...иде на бракъ Кана Галилѣи... въ вино приложи...* — См.: Иоан. 2, 1—11.

[66] *...въ корабли съпааше... и послушашя его...* — См.: Мф. 4, 35—41.

[67] *...по Лазари прослезися... въскрѣси ѝ от мертвыихъ...* — См.: Иоан. 11, 32—44.

[68] *...на осля въсѣде... «Благословленъ Грядыи въ имя Господне»...* — Мф. 21, 7—9; Мр. 11, 17—10; Лк. 19, 29—38; Иоан, 12, 12—15.

[69] *...распятъ бысть...* — См.: Мф.: 27, 35; Мр. 15, 25; Лк. 23, 33; Иоан. 19, 18.

[70] *...съпропятааго съ нимъ въпусти въ раи...* — См.: Лк. 23, 43.

[71] *...оцьта въкушь... и землею потрясе...* — См.: Мф. 27, 45—54; Мр. 15, 36—38; Лк. 23, 44—46; Иоан. 19, 28—30.

[72] *...въ гробѣ положенъ бысть... и душѣ свободи...* — См.: Мф. 27, 60; Мр. 15, 46; Лк. 23, 53; Иоан. 19, 40—42; I Петр. 3, 19—20.

[73] *...печатлѣша въ гробѣ...*— См.: Мф. 27, 66.

[74] *...тъщаахуся иудеи... мьздяще стражи...* — См.: Мф. 28, 11—15.

[75] *...увѣдѣся... всѣми конци земля.* — См.: Ис. 52, 10.

[76] *...«кто Богъ велии... творяи чюдеса»...* — Пс. 76, 14. 15.

[77] *...«спасение посредѣ земля»...* — Пс. 73, 12.

[78] *...крестом... на мѣстѣ лобнѣмь...*— См.: Мф. 27, 26—50; Мр. 15, 15—37; Лк. 23, 25—46; Иоан. 19, 16—30. *Лобное место* — Голгофа (холм в окрестностях Иерусалима, на котором, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос).

[79] *...въкусивъ оцта и зълчи...* — См.: Мф. 27, 34. 48; Иоан. 19, 29—30; ср.: Пс. 68, 22.

[80] *...сластнааго въкушениа Адамова... прѣступление...* — См.: Быт. 2, 9. 17; 3, 1—7.

[81] *...прѣтъкнушася... акы о камень...* — См.: Рим. 9, 32, 33; 1 Петр. 2, 6—8; Ис. 28, 16.

[82] *...«падыи на камени семь... съкрушить ú».* — Мф. 21, 44.

[83] *...«Нѣсмь посланъ, тъкмо... Израилева»...* — Мф. 15, 24; см.: Мф. 10, 6.

[84] *...«Не приидохъ разоритъ закона, нъ исполнитъ»...* — Мф. 5, 17.

[85] *...«Нѣстъ добро... и поврещи псомъ».* — Мф. 15, 26.

[86] *...нарекоша сего лестьца...* — См.: Мф. 27, 63.

[87] *...и от блуда рождена...* — В оригинале эти слова замазаны чернилами.

[88] *...и о Велизѣвуле бѣсы изгоняща.* — См.: Мф. 12, 24; Мр. 3, 22; Лк. 11, 15.

[89] *Христосъ слѣпыа ихъ просвѣти... мертвыа въскреси.* — См.: Мф. 11,5; 12, 22; 20, 34; Мр. 8, 23; 10, 52; Лк. 7, 21—22; 13, 11—13; Иоан. 5, 8; 9, 6; 10,21 и другие.

[90] *...яко злодѣа... пригвоздиша.* — Ср.: I Фес. 2, 16.

[91] *...«Злы злѣ погубить... въ времена своа»...* — Мф. 21, 41.

[92] *...понеже дѣла ихъ темна бяаху... яко темьна суть.* — Ср.: Иоан. 3, 19—20.

[93] *...«Аще бы разумѣлъ ты въ день твои... понеже не разумѣ врѣмене посѣщениа твоего».* — Лк. 19, 42—44.

[94] *...Иерусалимъ, Иерусалимъ... домъ вашь пустъ!»* — Мф. 23, 37—38.

[95] *Пришедъше бо римляне, плѣниша Иерусалимъ и разбиша и до основаниа его.* — Имеется в виду, очевидно, разрушение Иерусалимского храма римлянами в результате подавления восстания в Иудее в 66—73 гг. н. э. и окончательный разгром города после восстания иудеев в 132—135 гг., следствием которого было изгнание иудеев за пределы своей страны.

[96] *...«въ своа прииде и свои его не приаша».* — Иоан. I, II.

[97] *...«И тъ чаяние языкомъ».* — Быт. 48, 10 (слав., греч.).

[98] *...въ рождении его вълсви... поклонишася ему... и младенца избиша.* — См.: Мф. 2, 1—11; 16—18; Иоан. 5, 16, 18; 7, 1.

[99] *...«Мнози ото въстокъ и западъ приидуть... въ тму кромѣшнюю».* — Мф. 8, 11—12.

[100] *...«Отимется от вас царство... творящиимъ плоды его».* — Мф. 21, 43.

[101] *...«Шедъше въ весь миръ... спасенъ будеть».* — Мф. 16, 15—16.

[102] *...«Шедъше, научите... елика заповѣдах вамъ».* — Мф. 28, 19—20.

[103] *...«аще ли, то просядутся мѣси и вино пролѣется».* — Мф. 9, 17.

[104] *«И обое съблюдется».* — Мф. 9, 17.

[105] *«Несть ми хотѣниа... имя мое велико въ странах».* — Малах. 1, 10, 11.

[106] *«Вся земля... поеть тобѣ».* — Пс. 65, 4.

[107] *...«Господи... по всеи земли».* — Пс. 8, 2 (слав., греч.).

[108] *...и въ разумъ истинныи приведе.* — 1 Тим. 2, 4.

[109] *...«Разверзется вода... источникъ воды будеть».* — Ис. 35, 6—7.

[110] *...«Тогда отверзутся очеса... и ушеса... услышать».* — Ис. 35, 5.

[111] *...«Тогда скочить... языкъ гугнивыих».* — Ис. 35, 6.

[112] *...«И будеть въ день онъ... «Господь Богъ нашь еси ты».* — Ос. 2, 16, 18, 23; см.: Рим. 9, 25; 1 Петр. 2, 10.

[113] *И тако страннии суще... сынове его прозвахомъся.* — Ср.: Еф. 2, 19; Рим. 5, 10; Гал. 3, 26; Кол. 1, 21.

[114] *...яко украденъ бысть...* — Ср.: Мф. 28, 13.

[115] *...идеже и бѣ...* — Иоан. 6, 62.

[116] *...«Ты еси Христос, сынъ Бога живааго»...* — Мф. 16, 16.

[117] *...«Господь нашь... еси»...* — Иоан. 20, 28.

[118] *...«Помяни ны... въ царствии своемь».* — Лк. 23, 42.

[119] *...седми съборъ...* — Имеются в виду семь Вселенских соборов (с 325 по 787 гг.), утвердивших догматы и Предание православной церкви.

[120] *...«Открыеть Господь мышьцу... от Бога нашего».* — Ис. 52, 10.

[121] *...«Живу азъ... всякъ языкъ исповѣсться Богу»...* — Рим. 14, 11; см.; Ис. 45, 23.

[122] *...«Всяка дебрь исполнится... спасение Бога нашего»...* — Ис. 40, 4—5.

[123] *...«Вси людие... тому поработають»...* — Дан. 7, 14.

[124] *...«Да исповѣдатся тобѣ людие... и възрадуются языци»...* — Пс. 66, 4—5.

[125] *...«Вси языци въсплещѣте руками... по всеи земли.»...* — Пс. 46, 2—3.

[126] *...«Поите Богу нашему, поите... Богъ надъ языкы»...* — Пс. 46, 7—9.

[127] *...«Вся земля да поклонить ти ся... Вышнии»...* — Пс. 65, 4.

[128] *...«Хвалите Господа вси языци... людие»...* — Пс. 116, 1.

[129] *...«От въстокъ и до западъ... надъ небесы слава его»...* — Пс. 112, 3—4.

[130] *...«По имени твоему... на коньцих земля»...* — Пс. 47, 11.

[131] *...«Услыши ны, Боже... и сущиимъ въ мори далече»...* — Пс. 64, 6.

[132] *...«Да познаемь на земли путь твои... спасение твое»...* — Пс. 66, 3.

[133] *...«Царие земьстии и вси людие... да хвалять имя Господне»...* — Пс. 148, 11—13.

[134] *...«Послушаите мене, людие мои... на мышьцю мою страны уповають».* — Ис. 51, 4—5.

[135] *...великааго кагана нашеа земли Володимера...* — Владимир Святославич — великий князь киевский (с 980 по 1015 гг.), крестивший Русь (988 г.).

[136] *...вънука стараага Игоря...* — Игорь Рюрикович, дед Владимира (ум. в 944 или 945 г.).

[137] *...сына же славнааго Святослава...* — Святослав Игоревич, отец Владимира (ум. в 972 г.).

[138] *...Съвлѣче же ся... ветъхааго человѣка...* — Ср.: Кол. 3, 9.

[139] *И породися от Духа и воды...* — Ср.: Иоан. 3, 5.

[140] *...въ Христа крестився, въ Христа облѣчеся...* — Ср.: Гал. 3, 27.

[141] *...сынъ въскрѣшениа.* — Ср.: Лк. 20, 36.

[142] *...книгы животныа...* — См.: Пс. 68, 29; Фил. 4, 3; Откр. 3, 5; 17, 8; 20, 12; 20, 15; 21, 27; 22, 19.

[143] *...въ вышниимъ... Иерусалимѣ.* — Ср.: Гал. 4, 26; Евр. 11, 16; 13, 14.

[144] *...«Единъ святъ, единъ Господь, Исус Христос... аминь»...* — См.: Литургия св. Иоанна Златоуста.

[145] *...«Великъ еси, Господи, и чюдна дѣла твоа!»* — См.: Последование великого священия воды, молитва; см.: Пс. 138, 14; Откр. 15, 3.

[146] *...«яко благъ Господь»...* — Пс. 33, 9; I Петр. 2, 3.

[147] *Не видилъ еси Христа... не видѣв, вѣрова.* — См. Рим. 10, 14.

[148] *...«Блажени не видѣвше и вѣровавше».* — Иоан. 20, 29.

[149] *...«И блаженъ есть, иже не съблазниться о мнѣ».* — Мф. 11, 6.

[150] *Не видѣ бѣсъ изъгонимъ... мертвыих въстають.* — См.: Мф. 10, 8; Мр. 6, 7, 12; Лк. 10, 17 и др.

[151] *И еже инѣмъ уродьство... тобе сила Божиа въмѣнися.* — Ср.: 1 Кор. 1, 18.

[152] *...«Съвѣтъ мои да будеть ти... Науходоносоре... щедротами нищиихъ».* — Дан. 4, 24.

[153] *...не до слышаниа стави глаголаное, нъ дѣломъ съконча...* — Ср.: Иак. 1, 22.

[154] *...«Милость хвалится на судѣ».* — Иак. 2, 13.

[155] *...«Милостыни мужу, акы печать съ нимъ».* — Сирах. 17, 18.

[156] *...«Блажени милостивии... помиловани будуть».* — Мф. 5, 7.

[157] *...«Обративыи грѣшника... покрыеть множество грѣховъ».* — Иак. 5, 20.

[158] *...«Иже исповѣсть мя прѣд человѣкы... на небесѣх».* — Мф. 10, 32.

[159] *...«Сынъ Божии есть Христос»...* — Деян. 8, 37.

[160] *...великааго Коньстантина...* — Константин I Великий (ок. 285—337 гг.) — римский император, покровительствовавший христианам и много сделавший для укрепления христианства в византино-римской империи, причтен к лику святых.

[161] *...Никеискааго събора...* — Имеется в виду Первый Вселенский собор, состоявшийся в Никее (325 г.), на котором председательствовал император Константин Великий.

[162] *...с материю своею Еленою...* — Елена — мать Константина Великого (ум. 327 г.), покровительница христиан, причтена к лику святых.

[163] *...крестъ от Иерусалима принесъша...* — Царица Елена совершила путешествие в Иерусалим, чтобы отыскать крест, на котором был распят Иисус Христос. После обретения ею креста Господня (326 г.) вскоре было установлено празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (335 г.).

[164] *...святаа церкви Святыа Богородица Мариа...* — киевская соборная церковь Богородицы (Десятинная), построенная св. Владимиром вскоре после крещения киевлян, в которой он был похоронен в 1015 г.

[165] *...жида трубы архангельскы.* — См.: 1 Фес, 4, 16.

[166] *...сынъ твои Георгии...* — Георгий — крестное имя Ярослава Мудрого.

[167] *...акы Соломонъ Давыдова...* — При израильско-иудейском царе (965—928 г. до н. э.) Соломоне, сыне царя Давида, было завершено начатое Давидом строительство Иерусалимского храма.

[168] *...дом Божии... Премудрости създа...* — Имеется в виду киевский собор св. Софии, который был заложен Ярославом Мудрым в 1037 г. Слова Илариона свидетельствуют о том, что строительство собора до 1050 г. («верхняя» дата написания «Слова») было уже заверщено.

[169] *...церковь на Великыихъ вратѣх създа въ имя... Благовѣщениа...* — церковь Благовещения, построенная Ярославом Мудрым на киевских Золотых воротах.

[170] *...«Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!»...* — Лк. 1, 28.

[171] *...Христа, живота всему миру.* — Ср.: Иоан. 11, 25; 6, 33.

[172] *...виждь благовѣрную сноху твою Ерину...* — Жена Ярослава Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа.

[173] *...правдою бѣ облѣченъ... истиною обутъ...* — Ср.: Еф. 6, 14—15.

[174] *...«яже уготова Богъ... любящиимъ его»...* — 1 Кор. 2, 9.

[175] *...«мы бо людие твои и овцѣ паствы твоеи»...* — Пс. 78, 13; см.: Пс. 99, 3.

[176] *Пастырю добрый, положивыи душю за овцѣ...* — См.: Иоан. 10, 11.

[177] *...«Не боися, малое стадо... дати вамъ царьствие!»* — Лк. 12, 32.

[178] *Богатыи милостию...* — Еф. 2, 4.

[179] *...ожидааи обращениа грѣшныихъ...* — См.: Лк. 15, 7; 17, 4.

[180] *...персть есмы и прахъ...* — Ср.: Быт. 18, 27; Сирах. 10, 9.

[181] *...не вниди въ судъ съ рабы своими...* — Ср.: Пс. 142, 2.

[182] *...мы людие твои...* — Ср.; Пс. 78, 13.

[183] *...съгрѣшихомъ и злаа сътворихомъ... якоже заповѣда намъ!* — См. службу Недели мясопустной и канон покаянный преп. Андрея Критского.

[184] *...твоею руку дѣло!* — Ср.: Пс. 137, 8.

[185] *«Аще бо безакониа назриши, Господи, кто постоить?»* — Пс. 129, 3.

[186] *Яко от тебе оцѣщение есть... милость и много избавление...* — Ср.; Пс. 129, 4. 7.

[187] *...и души наши... въ воли твоеи.* — Ср.: Дан. 5, 23; см.: Ис. 42, 5; Деян. 17, 25.

[188] *...ищезнемъ, яко утреняа роса.* — Ср.: Ос. 6, 4.

[189] *...помилуи ны, Боже, по велицѣи милости твоеи!* — Пс. 50, 3.

[190] *Вси бо уклонихомся, вси въкупѣ неключими быхомъ...* — Пс. 13, 3; Рим. 3, 12.

[191] *...«яко оскудѣ прѣподобныих»...* — Пс. 11, 2.

[192] *...ни по грѣхом нашимъ въздаи намъ...* — См.: Пс. 102, 10.

[193] *...мы люди твои...* — Пс. 78, 13.

[194] *...твое достояние.* — Пс. 73, 2.

[195] *...«рукы нашы къ Богу туждему»...* — Пс. 43, 21.

[196] *...истиньнааго Бога...* — Иоан. 17, 3.

[197] *...къ тебѣ, живущему на небесѣхъ, очи наши възводимъ...* — См.: Пс. 122, 1.

[198] *...призываа грѣшникы въ покаание...* — См.: Лк. 5, 32.

[199] *...«пришельци въ земли не своеи»...* — Быт. 15, 13.

[200] *...«кде есть Богъ их».* — Пс. 78, 10.

[201] *...малы язви, а милостивно исцѣли...* — Ср.: Ос. 6, 1.

[202] *...явлеся многъкраты ученикомъ своимъ, възиде на небеса... и сѣде одесную его.*— См.: 1 Кор. 15, 5—8; Деян. 1, 1—11.

[203] *Ему же мертвии гласомъ архангельскымъ противу изидуть...* — См.; 1 Фес. 4, 16.

ПЕРЕВОД

О ЗАКОНЕ, ДАННОМ МОИСЕЕМ, И О БЛАГОДАТИ И ИСТИНЕ, ЯВЛЕННОЙ ИИСУСОМ ХРИСТОМ, И КАК ЗАКОН МИНОВАЛ, А БЛАГОДАТЬ И ИСТИНА НАПОЛНИЛА ВСЮ ЗЕМЛЮ, И ВЕРА РАСПРОСТРАНИЛАСЬ ВО ВСЕХ НАРОДАХ ВПЛОТЬ ДО НАШЕГО НАРОДА РУССКОГО; И ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НАШЕМУ ВЛАДИМИРУ, КОИМ МЫ БЫЛИ КРЕЩЕНЫ; И МОЛИТВА К БОГУ ОТ ВСЕЙ ЗЕМЛИ НАШЕЙ

Господи, благослови, отче.

«Благословен Господь Бог Израилев», Бог христианский, «что посетил народ свой и сотворил избавление ему»! Ибо вовсе не попустил творению своему пребывать во власти идольской тьмы и погибать в служении бесовском. Но прежде скрижалями и законом оправдал род Авраамов, затем же сыном своим спас все народы, Евангелием и крещением путеводя их в обновление возрождения, в жизнь вечную.

Восхвалим же и прославим его, непрестанно восхваляемого ангелами, и поклонимся тому, кому поклоняются херувимы и серафимы! Ибо, призирая, призрел на народ свой. И не посредник, не ангел, но Сам спас нас, не призрачно придя на землю, но истинно, плотию пострадав за нас — и до смерти! — и с собою воскресив нас.

Ибо, в плоть облекшись, к живущим на земле пришел, распятие же претерпев и погребение, к пребывающим в аду сошел, да и те, и другие, — и живые, и мертвые, — узнают <день> посещения своего и пришествия Божия и уразумеют, что он — всемогущий и всесильный Бог живых и мертвых.

И кто столь велик, как Бог наш? Он, «един творящий чудеса», уставил закон в предуготовление истины и благодати, чтобы <пестуемое> в нем человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обыкло веровать в единого Бога, чтобы, подобно оскверненному сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения.

Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать — служитель будущего века, жизни нетленной. Ибо закон приводил подзаконных к благодатному крещению, а крещение провождает сынов своих в жизнь вечную. Моисей ведь и пророки проповедали о пришествии Христовом, Христос же и апостолы — о воскресении и жизни будущего века.

Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах писано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия. Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сынам его, не чуждым, но наследникам царства небесного. И повествование наше — о законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Христом, и о том, чего достиг закон, и чего — благодать.

Прежде <дан был> закон, затем же — благодать, прежде — тень, затем же — истина. Прообраз же закона и благодати — Агарь и Сарра, рабыня Агарь и свободная Сарра: прежде — рабыня, а потом — свободная, — да разумеет читающий!

И как Авраам от юности своей имел женою себе Сарру, свободную, а не рабу, так и Бог предвечно изволил и благорассудил послать Сына Своего в мир и им явить благодать.

Однако Сарра не рождала, будучи неплодной. <Вернее>, не была она неплодной, но промыслом Божественным определена была познать чадорождение в старости <своей >. Неведомое и тайное премудрости Божией сокрыто было от ангелов и от людей не как бы неявляемое нечто, но утаенное и должное открыться в кончину века.

И сказала Сарра Аврааму: «Вот, предназначил мне Господь Бог не рождать; войди же к служанке моей Агари и будешь иметь детей от нее». — А благодать сказала Богу: «Если не время сойти мне на землю и спасти мир, сойди на гору Синай и утверди закон».

И внял Авраам речам Сарриным, и вошел к служанке ее Агари. — Внял же и Бог словесам благодати и сошел на Синай.

И родила Агарь-рабыня от Авраама: рабыня — сына рабыни; и нарек Авраам имя ему Измаил. — Принес же и Моисей с Синайской горы закон, а не благодать, тень, а не истину.

Затем же, как Авраам и Сарра состарились уже, Бог явился Аврааму, сидевшему при входе скинии его, в полдень, у дубравы Мамрийской. И Авраам, выйдя навстречу ему, поклонился ему до земли и принял его в скинию свою. — Когда же век сей близился к концу, то посетил Господь человеческий род. И сошел он с небес, войдя в лоно Девы. И приняла его Дева с поклонением в телесную скинию <свою>, неболезненно, молвив ангелу, <вещавшему ей>: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему»!

Тогда же отверз Бог ложесна Саррины, и, зачав, родила она Исаака: свободная — свободного. — И, когда посетил Бог человеческое естество, открылось уже <дотоле> неведомое и утаенное, и родилась благодать — истина, а не закон, сын, а не раб.

И, как вскормлен млеком был младенец Исаак и окреп, устроил Авраам великий пир, как вскормлен млеком был Исаак, сын его. — Когда Христос явился на земле, тогда не была еще благодать окрепшей, но младенчествовала прежде более чем тридцать лет, кои и Христос провел в безвестности. Когда же вскормлена уже была и окрепла благодать и явилась на реке Иорданской всем людям, устроил Бог трапезу и великий пир с тельцом, воскормленным от века, Сыном своим возлюбленным Иисусом Христом, созвав на всеобщее веселие небесное все и земное, совокупив воедино ангелов и людей.

Затем же, видев, как Измаил, сын Агари, играет с сыном ее Исааком и терпит Исаак от Измаила обиды, сказала Сарра Аврааму: «Изгони рабу <сию> с сыном ее, ибо не наследует сын рабынин с сыном свободной». — По вознесении же Господа Иисуса, когда ученики и иные,

уверовавшие уже во Христа, были в Иерусалиме и иудеи и христиане пребывали совместно, тогда терпело благодатное крещение обиды от законного обрезания и христианские церкви в Иерусалиме не принимали епископа из необрезанных, ибо, похищая первородство, обрезанные притесняли христиан: сыны рабыни — сынов свободной, — и бывали между ними многие распри и споры. И, увидев, как чада ее, христиане, терпят обиды от иудеев, сынов работного закона, вознесла свободная благодать вопль свой к Богу: «Изгони иудеев с законом их и рассей между язычниками, ибо что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством?»

И изгнана была Агарь-рабыня с сыном ее Измаилом, а Исаак, сын свободной, стал наследником Аврааму, отцу своему. — Изгнаны были и иудеи и рассеяны среди язычников, а чада благодати, христиане, стали наследниками Богу и Отцу. Ведь исчезает свет луны, лишь только воссияет солнце; и холод ночной проходит, как солнечное тепло согревает землю. Так и закон <миновал> в явление благодати. И не теснится уже человечество в <ярме> закона, но свободно шествует под <кровом> благодати.

Иудеи ведь соделывали оправдание свое в <мерцании> свечи закона, христиане же созидают спасение свое в <сиянии> солнца благодати. Ибо иудейство посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось. Христиане же поспешением истины и благодати не оправдываются, но спасаются.

В иудействе тем самым — оправдание, в христианстве же — спасение. И оправдание — в сем мире, а спасение — в будущем веке. И потому иудеи услаждались земным, христиане же — небесным. И к тому же оправдание иудейское, — по причине ревности подзаконных, — убого было и не простиралось на другие народы, но свершалось лишь в Иудее. Христианское спасение же — благодатно и изобильно, простираясь во все края земные.

Исполнилось благословение, <преподанное> Манассии, на иудеях, а <воспринятое> Ефремом — на христианах: ибо Манассиино старшинство благословлено было левой рукой Иаковлевой, а Ефремове младшинство — правой. Хотя и старше был Манассия Ефрема, но благословением Иаковлевым стал меньшим. — Подобно же и с иудейством: хотя и прежде появилось, но благодатью христианство стало большим, <нежели оно>.

Когда сказал Иакову Иосиф: «На этого, отче, возложи десницу, ибо он — первенец», — Иаков отвечал ему: «Знаю, сын <мой>, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ».

Так и произошло. Закон ведь и прежде был и несколько возвысился, но миновал. А вера христианская, явившаяся и последней, стала большей первого и распростерлась во множестве народов. И благодать Христова, объяв всю землю, ее покрыла, подобно водам моря. И, отложив все ветхое, ввергнутое в ветхость злобой иудейской, все новое хранят, по пророчеству Исайи: «Ветхое миновало, и новое возвещаю вам; пойте Богу песнь новую, славьте имя его от концов земли, и выходящие в море, и плавающие по нему, и острова все». И еще: «Работающие мне нарекутся именем новым, кое благословится на земле, ибо благословят они Бога истинного».

Прежде ведь в Иерусалиме только подобало поклоняться <Господу>, ныне же — по всей земле. И как <некогда> говорил Гедеон Богу: «Если рукою моею спасешь Израиль, пусть будет только на руне роса, а по всей земле — сушь», — так и произошло. Ибо прежде пребывала по всей земле сушь, потому что все народы лежали во зле идольском и не принимали росы благодати. И лишь в Иудее ведом был Бог, и «у Израиля велико имя его», и в Иерусалиме едином славим был Бог.

И еще говорил Гедеон Богу: «Пусть будет только на руне сушь, по всей же земле — роса». Так и произошло. И иудейство прекратилось, и закон миновал, жертвы неугодны, ковчег и скрижали и очистилище отняты. По всей земле — роса: ибо по всей земле простерлась вера, дождь благодати оросил <народы>, купель возрождения облекает сынов своих в нетление.

И как говорил Спаситель самарянке: близится время, и ныне пришло, когда не на горе сей и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу, но будут истинные поклоняющиеся, которые поклонятся Отцу в духе и истине, ибо таковых поклоняющихся ему и ищет Отец, — то есть <Отец> с Сыном и Святым Духом, — так и произошло. И по всей земле славится уже Святая Троица и поклонение приемлет от всей твари. Малые и великие славят Бога, по пророчеству: «И не научит каждый ближнего своего и брат — брата своего, говоря: «Познай Господа», ибо <все> познают меня от мала до велика». И как Спаситель Христос говорил Отцу: «Славлю тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил <сие> от мудрых и разумных и открыл <то> младенцам; ей, Отче, ибо таково было твое благоволение».

И столь помиловал преблагой Бог человеческий род, что и чада плоти чрез крещение и добрые дела становятся сынами Божиими и причастниками Христу. Ибо, как говорит евангелист, «тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились», действием Духа Святого в святой купели.

И все это <явил> Бог наш, <который> на небесах и на земле все, что восхотел, сотворил. И потому кто не прославит <его>? Кто не вознесет ему хвалу? Кто не поклонится величию славы его? И кто не подивится безмерному человеколюбию его?

Предвечно от Отца рожденный, <Бог и Сын Божий>, единосопрестольный Отцу, единосущный <ему>, как и свет — солнцу, сошел на землю и посетил народ свой. Не разлучившись и с Отцом, он воплотился от Девы, <Девы> чистой, безмужной и непорочной, войдя <в лоно ее> образом, ведомым ему одному. Прияв плоть, он исшел, как и вошел.

Один из <Святой> Троицы, он — в двух естествах: Божестве и человечестве, совершенный, а не призрачный человек — по вочеловечению, но и совершенный Бог — по Божеству.

Явивший на земле свойственное Божеству и свойственное человечеству,

как человек, он, возрастая, ширил материнское лоно, — но как Бог исшел <из него>, не повредив девства;

как человек, он питался материнским млеком, — но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: «Слава в вышних Богу»;

как человек, он был повит пеленами, — но, как Бог, звездою путеводил волхвов;

как человек, он возлежал в яслях, — но, как Бог, принимал от волхвов дары и поклонение;

как человек, он бежал в Египет, — но, как Богу, поклонились <ему> рукотворения египетские;

как человек, он пришел воспринять крещение, — но, как Бога, устрашившись <его>, Иордан обратился вспять;

как человек, обнажившись, он вошел в воду, — но, как Бог, приял свидетельство от Отца: «Сей есть Сын мой возлюбленный»;

как человек, он постился сорок дней и взалкал, — но, как Бог, победил искусителя;

как человек, он пошел на брак в Кане Галилейской, — но, как Бог, претворил воду в вино;

как человек, он спал в корабле, — но, как Бог, запретил <бушевать> ветру и морю — и они повиновались Ему;

как человек, он прослезился, <восскорбев> о Лазаре, — но, как Бог, воскресил его из мертвых;

как человек, он воссел на осла, — но, как Богу, возглашали <ему>: «Благословен Грядущий во имя Господне!»;

как человек, он был распят, — но, как Бог, своею властью распятого с ним <благоразумного разбойника> ввел в рай;

как человек, он, вкусив оцта, испустил дух, — но, как Бог, помрачил солнце и потряс землю;

как человек, он положен был во гробе, — но, как Бог, разрушил ад и <страждущие там> души освободил;

как человека, запечатали <его> во гробе, — но, как Бог, он исшел, целыми печати сохранив;

как человека, тщились иудеи утаить воскресение <его>, мздовоздавая страже, — но, как Бога, познанием и ведением <его> исполнились все концы земли.

Воистину, «кто Бог так велик, как Бог наш»! Он — «Бог, творящий чудеса», — крестом и страданиями на Лобном месте свершил «спасение посреди земли», вкусив оцта и желчи, да вкушением горечи упразднит преступление и грех сладострастного вкушения Адамова от древа <познания добра и зла>.

А сотворившие ему сие преткнулись о него, как о камень <преткновения>, и сокрушились, как и говорил Господь: «Тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит».

Ибо пришел он к ним во исполнение пророчеств, прореченных о нем, как и говорил: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»; и еще: «Не нарушить пришел я закон, но исполнить»; и хананеянке, иноплеменнице, просившей об исцелении дочери своей, он говорил: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Они же называли его обманщиком и от блуда рожденным и <говорили>: он изгоняет бесов <силою> Веельзевула.

Христос у них отверзал очи слепых, очищал прокаженных, исправлял согбенных, исцелял бесноватых, укреплял расслабленных, воскрешал мертвых. Они же, как злодея, придав мучениям, пригвоздили <его, распяв> на кресте. И потому пришел на них гнев Божий, <который поразил их> до конца.

Они и сами ведь свидетельствовали о погибели своей. В то время как Спаситель, предложив им притчу о винограднике и виноградарях,

<вопросил их>: что же <хозяин виноградника> сделает виноградарям тем? — они ответствовали: «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои», — и сами были пророками погибели своей.

<Спаситель> ведь пришел на землю, чтобы, — посетив, — помиловать их, но они не приняли его. Поскольку были их дела темны, они не возлюбили свет, чтобы не стали явными дела их, ибо они темны.

И вот, приблизившись к Иерусалиму и увидев град, прослезился Иисус, говоря о нем: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, за то, что ты не узнал времени посещения твоего». И еще: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется дом ваш пуст»!

Так и произошло. Ибо, пришед, римляне пленили Иерусалим и разрушили до основания его. И тогда иудейство пришло к погибели, затем же и закон, как и вечерняя заря, угас, и иудеи рассеяны были среди язычников, чтобы зло не пребывало в скоплении.

Итак, пришел Спаситель, но не был принят Израилем, по словам Евангелия: «Пришел к своим, и свои его не приняли». Языческими народами же был <Христос> принят. Как говорит Иаков: «И он — чаяние языков». Ибо и по рождестве его прежде поклонились ему из язычников волхвы. Иудеи же убить его искали, почему и совершилось избиение младенцев.

И исполнились слова Спасителя: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю». И еще: «Отнимется от вас царство Божие и дано будет народам, приносящим плоды его».

К ним же и послал <Христос> учеников своих, говоря: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет». И <еще>: «Идите, научите все народы,

крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам».

И подобало благодати и истине воссиять над новым народом. Ибо не вливают, по словам Господним, вина нового, учения благодатного, «в мехи ветхие», обветшавшие в иудействе, — «а иначе прорываются мехи, и вино вытекает». Не сумев ведь удержать закона — тени, но не единожды поклонявшись идолам, как удержат учение благодати — истины? Но новое учение — новые мехи, новые народы! «И сберегается то и другое».

Так и совершилось. Ибо вера благодатная распростерлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, исполнившись водой и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу, а Иудея молчит; Христос прославляется, а иудеи проклинаются; язычники приведены, а иудеи отринуты. Как говорил пророк Малахия <от лица Господа Саваофа>: «Нет благоволения моего к сынам Израилевым, и жертвы от рук их не прииму, ибо от востока же и запада славится имя мое среди языков и на всяком месте имени моему приносится фимиам, ибо велико имя мое между народами». И Давид: «Вся земля да поклонится тебе и поет тебе». И <еще>: «Господи, Господь наш, как величественно имя твое по всей земле»!

И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами, не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную. И уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, <закалаем> и раздробляем в жертву Богу и Отцу. И уже не <как прежде>, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую кровь Христову вкушая, спасаемся.

Все народы помиловал преблагой Бог наш, и нас не презрел он: восхотел — и спас нас и привел в познание истины!

Тогда как пуста и иссохша была земля наша, ибо идольский зной иссушил ее, внезапно разлился источник Евангельский, напояя всю землю нашу. Как говорит Исайя: «Прольются воды странствующим в пустыне, и превратится <земля> безводная в озеро, и в земле жаждущей будет источник вод».

Тогда как слепы были мы и не видели света истины, но блуждали во лжи идольской, к тому же глухи были к спасительному учению, помиловал нас Бог — и воссиял и в нас свет разума к познанию его, по пророчеству: «Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат».

Тогда как претыкались мы на путях погибели, бесам последуя, и не ведали пути, ведущего в жизнь <вечную>, к тому же и коснели мы языками нашими, молились идолам, а не Богу и творцу своему, посетило нас человеколюбие Божие. И уже не последуем бесам, но ясно славим Христа Бога нашего, по пророчеству: «Тогда воспрянет, как олень, хромой, и речь косноязыких будет ясной».

И хотя прежде пребывали мы в подобии зверином и скотском, не различали мы десницы и шуйцы и, прилежа земному, не заботились нисколько о небесном, ниспослал Господь и нам заповеди, ведущие в жизнь вечную, по пророчеству Осии: «И будет в день тот, говорит Господь, дам завет им быть в союзе с птицами небесными и зверями полевыми, и скажу не моему народу: «ты — народ мой», и он скажет мне: «Ты — Господь Бог мой».

Итак, быв чуждыми, наречены мы народом Божиим, быв врагами, названы сынами его.

И не по-иудейски <потому его> злословим, но по-христиански благословляем;

не совет держим, как распять <его>, но как Распятому поклониться;

не распинаем Спасителя, но руки воздеваем к нему;

не прободаем ребр <его>, но пием из них <текущую животворящую кровь Христову как> источник нетления;

не тридцать сребреников взимаем за <предание> его, но «друг друга и весь живот наш» предаем ему;

не таим воскресения <его>, но во всех домах своих возглашаем: «Христос воскресе из мертвых»;

не говорим, будто был похищен он <из гроба>, но <возвещаем>, что вознесся туда, где и был;

не не веруем, но, как и Петр, к нему взываем: «Ты — Христос, Сын Бога живого» — <и восклицаем вместе> с Фомой: <Ты — Господь наш и Бог> — и с разбойником <благоразумным>: «Помяни нас, Господи, во царствии твоем»!

И так в него веруя и содержа предание святых отцов семи соборов, молим Бога и еще и еще ниспослать <нам> поспешение <свое> и направить нас на путь заповедей его!

Сбылось на нас предреченное о язычниках: «Обнажит Господь святую мышцу свою пред <глазами> всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего».

И другое: «Живу я, говорит Господь, предо мною поклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедовать Бога»;

и <пророчество> Исайи: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Бога нашего»;

и <пророчество> Даниила: «Все народы, племена и языки послужат ему»;

и <пророчество> Давида: «Да восхвалят тебя народы, Боже, да восхвалят тебя народы все! Да веселятся и радуются племена!»;

и <еще>: «Восплещите руками, все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь всевышний страшен, — великий царь над всею землею»;

и ниже: «Пойте Богу нашему, пойте; пойте царю нашему, пойте, ибо Бог — царь всей земли; пойте <все> разумно. Бог воцарился над народами»;

и <еще>: «Вся земля да поклонится тебе и поет тебе, да поет же имени твоему, Вышний»;

и <еще>: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте <его> все племена»;

и еще: «От восхода <солнца> до запада да будет прославляемо имя Господне. Высок над всеми народами Господь; над небесами слава его»;

<и еще>: «Как имя твое, Боже, так и хвала твоя до концов земли»;

<и еще>: «Услышь нас, Боже, Спаситель наш, упование всех концов земли и находящихся в море далеко»;

и <еще>: «Да познаем на земле путь твой, во всех народах спасение твое»;

и <еще>: «Цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки — да хвалят имя Господа»;

и <пророчество> Исайи: «Послушайте меня, народ мой и цари, приклоните ухо ко мне, — говорит Господь, — ибо от меня произойдет закон, и суд мой <поставлю> во свет для народов; правда моя уже близка; спасение мое восходит, как свет; меня острова ждут, и на мышцу мою уповают народы».

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; <восхваляют> Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждые своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей <хотя бы и> малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в <земле> Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли.

Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

И когда во дни свои так жил он и справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою, посетил его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое око преблагого Бога. И воссиял в сердце его <свет> ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое.

К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христолюбивой и сильной верою: что <в земле той> чтут и поклоняются единому в Троице Богу, что <проявляются> в ней силы, творятся чудеса и знамения, что церкви <там> полны народом, что города <ее> и веси правоверны, <что> все молитве прилежат, все Богу предстоят. И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и <христианской> — земле его.

Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш — вместе с одеждами — ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия — и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся; и вышел из купели просветленный, став сыном нетления, сыном воскресения. Имя он принял древнее, славное в роды и роды —

Василий, с которым и вписан в книгу жизни в вышнем граде, нетленном Иерусалиме.

И, совершив сие, не остановился он на том в подвиге благочестия и не только тем явил вселившуюся в него любовь к Богу. Но простерся далее, повелев и всей земле <своей > креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы во всех градах ясно и велегласно славиться Святой Троице и всем быть христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старцам, боярам и простым людям, богатым и убогим. И не было ни одного противящегося благочестивому повелению его, даже если некоторые и крестились не по доброму расположению, но из страха к повелевшему <сие>, ибо благочестие его сопряжено было с властью.

И в единовремение вся земля наша восславила Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушались и поставлялись церкви, идолы сокрушались и являлись иконы святых, бесы убегали, крест же освящал грады.

Пастыри словесных овец Христовых — епископы — предстали святому алтарю, принося бескровную жертву; пресвитеры и диаконы и весь клир благоукрасили и в благолепие облекли святые церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все грады; фимиам, возносимый Богу, освятил воздухá. Встали на горах монастыри, явились черноризцы. Мужи и жены, малые и великие, люди все, наполнившие святые церкви, восславили <Господа>, взывая: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь! Христос победил! Христос одолел! Христос воцарился! Христос прославился! Велик ты, Господи, и чудны дела твои! Боже наш, слава тебе!»

Как же мы тебя восхвалим, о досточестной и славный средь земных владык и премужественный Василий? Как же выразим восхищение твоею добротою, крепостью и силой? И какое воздадим благодарение тебе, ибо приведены тобою в познание Господа и избыли идольское прельщение, ибо повелением твоим по всей земле твоей славится Христос? Или что тебе <еще> примолвим, христолюбче, друже правды, вместилище разума, средоточие милости?

Как уверовал? Как воспламенился ты любовью ко Христу? Как вселилось и в тебя разумение превыше земной мудрости, чтобы

возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как взыскал Христа, как предался ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай же, учитель наш! Откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Откуда <возымел> испить от сладостной чаши памятования о будущей жизни? Откуда <восприял> вкусить и видеть, «как благ Господь»?

Не видел ты Христа, не следовал за ним. Как же стал учеником его? Иные, видев его, не веровали; ты же, не видев, уверовал. Поистине, почило на тебе блаженство, о коем говорилось Господом Иисусом Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Посему со дерзновением и не усомнившись взываем к тебе: о блаженный! — ибо сам Спаситель так назвал тебя. Блажен ты, ибо уверовал в него и не соблазнился о нем, по неложному слову его: «И блажен, кто не соблазнится о мне»! Ибо знавшие закон и пророков распяли его; ты же, ни закона, ни пророков не читавший, Распятому поклонился!

Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился ты любви его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и своею нищетою и наготою, гладом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Христовым бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые востают. Не видев всего этого, как же уверовал?

О дивное чудо! Другие цари и властители, видев все это, святыми мужами свершаемое, <не только> не веровали, но и предавали еще тех на мучения и страдания. Ты же, о блаженный, безо всего этого притек ко Христу, лишь благомыслием и острым умом постигнув, что есть единый Бог, творец <всего> видимого и невидимого, небесного и земного, и что он послал в мир, ради спасения <его>, возлюбленного Сына своего. И сие помыслив, вошел в святую купель. И то, что кажется иным юродством, силой Божией тебе вменилось.

Ко всему тому, кто поведает о множестве милостынь твоих и щедрот, денно и нощно творимых убогим, сиротам, вдовам, должникам и всем, взывающим о милости? Ибо слышал ты слова, изреченные Даниилом <царю> Навуходоносору: «Да будет благоугоден тебе совет мой, царь Навуходоносор: искупи грехи милостынями и беззакония твои щедротами к бедным». Слышав это, о досточтимый, не довольствовался ты только слышанием, но на деле исполнил сказанное, просящим подавая, нагих одевая, жаждущих и алчущих насыщая, болящих утешением всяческим утешая, должников выкупая, рабам даруя свободу.

И щедроты и милости твои и поныне поминаются в народе, но тем более — пред Богом и ангелом его. Ради милосердия твоего, благоугодного Богу, имеешь ты великое дерзновение пред ним, как присный раб Христов. В сем поспешествует мне изрекший <такие> слова: «Милость превозносится над судом». И <еще>: «Милостыня человека — как печать у него». Вернее же слова самого Господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Приведем из Священного писания и иное, более ясное и верное свидетельство о тебе, изреченное апостолом Иаковом: «Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов».

Если же таково воздаяние от преблагого Бога обратившему даже одного человека, то какое же блаженство приобрел ты, о Василий? Какое упразднил ты бремя греховное, обратив от заблуждения идольского прельщения не одного человека, не десять, не град, но всю область сию?

Сам Христос Спаситель дарует нам уверение и показывает нам, какой славы и чести сподобил он тебя на небесах, говоря: «Всякого, кто исповедает меня пред людьми, того исповедаю и я пред Отцом моим небесным». Но если только лишь исповедавший Христа пред людьми исповедан будет им пред Богом <и> Отцом, то какой похвалы сподобишься от него ты, не только исповедавший, что «Христос есть Сын Божий», но исповедавший и веру утвердивший в него, — не на одном соборе, а по всей земле сей, — и воздвигший церкви Христовы, и поставивший служителей ему?

О подобный великому Константину, равный <ему> умом, равный любовью ко Христу, равный почтительностью к служителям его! Тот со святыми отцами Никейского Собора полагал закон народу <своему>, — ты же, часто собираясь с новыми отцами нашими — епископами, со смирением великим совещался <с ними> о том, как уставить закон народу нашему, новопознавшему Господа. Тот покорил Богу царство в еллинской и римской стране, ты же — на Руси: ибо Христос уже как и у них, так и у нас зовется царем. Тот с матерью своею Еленой веру утвердил, крест принеся из Иерусалима и по всему миру своему распространив <его>, — ты же с бабкою твоею Ольгой веру утвердил, крест принеся из нового Иерусалима, града Константинова, и водрузив <его> по всей земле твоей. И, как подобного ему, соделал тебя Господь на небесах сопричастником одной с ним славы и чести <в награду> за благочестие твое, которое стяжал ты в жизни своей.

Доброе свидетельство твоего, о блаженный, благочестия — святая церковь Пресвятой Богородицы Марии, которую воздвиг ты на православном основании и где и поныне мужественное тело твое лежит, ожидая архангельской трубы.

Доброе же весьма и верное свидетельство <тому> — и сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе, не нарушающим уставов твоих, но утверждающим, не сокращающим учреждений твоего благоверия, но более прилагающим, не разрушающим, но созидающим. Недоконченное тобою он докончил, как Соломон — <предпринятое> Давидом. Он создал дом Божий, великий и святой, <церковь> Премудрости его, — в святость и освящение граду твоему, — украсив ее всякою красотою: и золотом, и серебром, и драгоценными каменьями, и дорогими сосудами. И церковь эта вызывает удивление и восхищение во всех окрестных народах, ибо вряд ли найдется иная такая во всей полунощной стране с востока до запада.

И славный град твой Киев он окружил величием, как венцом, и народ твой и град святой предал <в покровительство> скорой помощнице христианам Пресвятой и Преславной Богородице, которой на Великих вратах и церковь воздвиг во имя первого Господского праздника — святого Благовещения, чтобы приветствие, возвещенное архангелом Деве, прилагалось и к граду сему. И если той <возвещено было>: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою!», то граду: «Радуйся, град православный! Господь с тобою!»

Востань, о честная глава, из гроба твоего! Востань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего востания. Востань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, <который есть> жизнь, <дарованная> всему миру. Отряси сон <свой>, возведи взор и узришь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, <на небесах>, и на земле не без памяти оставил в сыне твоем. Востань, посмотри на чадо свое, Георгия, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, что Господь извел от чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей — и возрадуйся и возвеселись!

Посмотри же и на благоверную сноху твою Ирину, посмотри на внуков твоих и правнуков: как они живут, как хранимы Господом, как соблюдают правую веру, данную <им> тобой, как прилежат к святым церквам, как славят Христа, как поклоняются имени его.

Посмотри же и на град <твой>, величием сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий и <ими> освящаемый, фимиамом благоухающий, славословиями божественными <исполненный> и песнопениями святыми оглашаемый. И, все это видев, возрадуйся и возвеселись и восхвали преблагого Бога, устроителя всего!

Но ты уже видел <сие>, хотя и не телесными <очами>, но духом, <ибо> Господь открывает тебе все то, о чем подобает радоваться и веселиться. Ибо семена веры, тобою посеянные, не иссушены зноем неверия, но, <орошенные> дождем Божия поспешения, принесли многообильные-плоды.

Радуйся, апостол среди владычествующих, воскресивший не мертвые тела, но нас воскресивший, мертвых душою, смерть претерпевших от недуга идолослужения! Ибо тобою приблизились мы к Богу и познали Жизнь <Божественную> — Христа. Согбены были мы, подпав бесовскому прельщению, но тобою исправлены и вступили на путь жизни <вечной>; слепы были мы сердечными очами, лишены <духовного> видения, но поспешением твоим прозрели, увидев свет трисолнечного Божества; немы были мы, но тобою возвращен нам дар слова. И ныне уже <все> мы, малые и великие, славим единосущную Троицу.

Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обут истиной, венчан добромыслием и, как гривною и золотою утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим — одеяние, ты был алчущим — насыщение, ты был жаждущим — охлаждение их утробы, ты был вдовам — вспомоществование, ты был странствующим — обиталище, ты был обидимым — заступление, убогим — обогащение.

<В утешение> за эти и иные добрые дела приемля воздаяние на небесах, <вкушая> блага, «что приготовил Бог вам, любящим его», и насыщаясь сладостным лицезрением его, помолись, <о блаженный>, о земле своей и о народе, которым благочестно владычествовал ты, да сохранит его <Господь> в мире и благочестии, данном <ему> тобою, и да славится в нем правая вера и да проклинается всякая ересь, и да соблюдет его Господь Бог от всякого нашествия и пленения, от глада и всякой скорби и напасти!

И еще помолись о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, да в мире и здравии переплыть <ему> пучину жизни <сей> и невреждённо привести корабль душевный <свой> к безбурному пристанищу небесному, и веру сохранив, и с богатством добрых дел, да, непреткновенно управив Богом вверенный ему народ, вместе с тобою непостыдно предстать <ему> престолу Вседержителя Бога и за труды пастьбы народа своего приять от него венец славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися ради него.

МОЛИТВА

О Владыко, царю и Боже наш, высокий и славный, о человеколюбче, по трудам воздающий <праведникам> сим славу же и честь и причастниками творящий царства своего, помяни, Благий, и нас, убогих твоих, ибо человеколюбец — имя твое! Хотя и не имеем мы добрых дел, но спаси нас по великой твоей милости, ибо мы — «народ твой и твоей пажити овцы», стадо <твое>, кое недавно ты начал пасти, исторгнув из пагубы идолослужения!

Пастырь добрый, положивший душу <свою> за овец, не оставь нас, хотя и доселе блуждаем, не отвергни нас, хотя и доселе согрешаем тебе вопреки, подобно новообретенным рабам, ни в чем не угождающим господину своему; не возгнушайся, хотя и малое стадо <мы>, но скажи нам: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш небесный благоволил дать вам Царство»!

<Боже>, милостью богатый и благощедрый, обещавший принять кающегося и ожидающий обращения грешников, не помяни множество грехов наших, приими нас, обращающихся к тебе, изгладь рукописание прегрешений наших, угаси гнев <твой>, коим разгневали тебя, человеколюбче, ибо ты — Господь <наш>, владыка и творец и во власти твоей — или жить нам, или умереть!

Отрини гнев <твой, Боже> милостивый, коего достойны мы по делам нашим, отведи искушение, ибо персть и прах есть мы, и не входи в суд с рабами твоими, <ибо> мы — народ твой <и> тебя ищем, к тебе припадаем, пред тобою сокрушаемся: согрешили и злое сотворили, не соблюли, не сохранили того, что заповедал нам ты!

Как земные, преклонились мы к земному и злое сотворили в явление славы твоей, предались похотям плотским, поработились греху и суете житейской, быв беглецами от Владыки своего. Нищенствуя добрыми делами, окаянные по злому житию, каемся, просим и молим <тебя>, <Господи>: каемся о злых делах своих, просим о ниспослании страха твоего в сердца наши, молим о помиловании нас на Страшном Суде <твоем>. Спаси, щедроты даруй, призри, посети, яви милосердие <твое> и помилуй <нас, Боже>, ибо твои мы, создание твое, дело рук твоих!

«Если ты, <Господи>, будешь замечать беззакония, — Господи, кто устоит?» Если будешь воздавать каждому по делам <его>, — кто спасется? Ибо у тебя прощение, ибо у тебя милость и многое избавление, и души наши в руке твоей, и дыхание наше в воле твоей! И пока благопризираешь на нас — благоденствуем мы, если же с яростью воззришь — исчезнем, как утренняя роса. Ибо не может противостоять пыль — буре, а мы — гневу твоему!

Но, будучи творением <твоим>, просим милости у сотворившего нас: помилуй нас, Боже, по великой милости твоей! Ибо все благое — от тебя к нам; все же неправедное — от нас к тебе. Ведь все мы уклонились, все вместе непотребны; нет ни единого из нас, подвизающегося и ревнующего о небесном; но все <пекутся> о земном, все <погрязли> в суете житейской: «ибо не стало праведного» на земле. И не потому, что ты оставил и презрел нас, но потому, что мы не ищем тебя, а прилежим сему видимому. И страшимся потому, дабы и нам не сотворил ты то же, что и Иерусалиму, оставившему тебя и не ходившему втайне путями твоими. Но по делам нашим не сотвори нам, как и <граду> тому, и по грехам нашим не воздай нам, но прояви терпение к нам и даже долготерпение, угаси пламень гнева твоего, простирающийся на нас, рабов твоих, Сам направляя нас на <пути> истины твоей и научая нас творить волю твою. Ибо ты — Бог наш, а мы — народ твой, часть твоя, достояние твое. И не воздеваем мы «руки наши к богу чужому», и не последуем некоему ложному пророку, и не держимся еретического учения, но тебя призываем, Бога истинного, и к тебе, живущему на небесах, возводим очи наши, к тебе воздеваем руки наши, тебе молимся: прости нам, благий и человеколюбец, помилуй нас, призывающий «грешников к покаянию», и на Страшном Суде твоем не лиши нас стояния одесную <тебя>, но сопричти нас благословению праведников! И, доколе стоит мир <сей>, не наводи на нас напасти и искушения, не предай нас в руки иноплеменников, да не зовется град твой градом плененным, а <овцы> стада твоего — «пришельцами в земле не своей», да не скажут язычники: «где Бог их?», <и> не попусти на нас скорби, глада и внезапной смерти, огня и наводнения!

Да не отпадут от веры слабые в вере, в меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь, но вскоре утешай, ибо не в силах естество наше долго сносить гнев твой, как и солома — огонь!

Но яви кротость и милосердие <твое>, ибо тебе подобает миловать и спасать; не престань в милости твоей к народу твоему: врагов изгони, мир утверди, языки усмири, глады утоли, владык наших угрозой языкам сотвори, бояр умудри, грады <умножь и насели>, Церковь твою возрасти, достояние твое соблюди, мужей и жен с младенцами спаси, пребывающих в рабстве, в пленении, в заточении, в пути, в плавании, в темницах, в алкании и жажде и наготе — всех помилуй, всем утешение даруй, всех возрадуй, подавая им радость и телесную, и душевную!

Молитвами и молением пречистой твоей Матери, и святых небесных сил <бесплотных>, и Предтечи твоего и Крестителя Иоанна, <святых> апостолов, пророков, мучеников, преподобных и молитвами всех святых яви нам милосердие <твое, Боже>, и помилуй нас, да, милостию твоею пасомые, в единении веры совместно славим в веселии и радости тебя, Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и с Пресвятым Духом, Троицу нераздельную, единобожественную, царствующую на небе и на земле, <владычествующую> ангелами и человеческим родом, видимым <же всем> и невидимым, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ

Верую во единого Бога Отца, вседержителя, творца неба и земли, и <всего> видимого и невидимого.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, которым все было <сотворено>;

нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, <и> вочеловечившегося;

и распятого за нас при Понтии Пилате, <и> страдавшего, и погребенного;

<и> воскресшего в третий день, по Писаниям;

<и> восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца;

и снова грядущего со славою судить живых и мертвых, царству которого не будет конца.

И в Духа Святого, Господа, и животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и с Сыном приемлющего поклонение и сославимого, глаголавшего в пророках.

Во единую святую, соборную и апостольскую церковь.

Исповедую единое крещение в отпущение грехов;

ожидаю воскресения мертвых

и жизни в будущем веке. Аминь.

Верую во единого Бога, в Троице славимого: Отца нерожденного, безначального, бесконечного, Сына же рожденного, но собезначального Отцу и собесконечного, <и> Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне являющегося, но также собезначального и равного Отцу и Сыну, — <в> Троицу единосущную, но разделяющуюся лицами, Троицу по именам, но единого Бога.

Не сливаю разделения и соединения не разделяю, <ибо три Божественные лица> соединяются неслитно и разделяются нераздельно. И Отец именуется <так>, поелику рождает <Сына>; Сын

же — по причине рождения <от Отца>; а Дух Святой — по причине исхождения <от Отца>, будучи, однако, <с ним> не разлучен. И Отец не есть Сын, и Сын не <есть> Отец, и Дух Святой не <есть> Сын, но каждому <лицу> присуще неслитное собственное качество, <принадлежащее ему> помимо Божества. Ибо в Троице едино Божество, едино господство, едино царство и <подобает ей> общее трисвятое от херувимов, общее поклонение от ангелов и человеческого рода, единая слава и благодарение — от всего мира.

Того единого Бога ведаю и в того верую, во имя которого и крестился: во имя Отца и Сына и Святого Духа. И как восприял из писаний святых отцов, так и научился!

И верую <также> и исповедую, что Сын <Божий>, благоволением Отчим и соизволением Духа Святого, сошел на землю для спасения рода человеческого, — не <оставив> небес и с Отцом не разлучившись, — и, осенением Духа Святого, вселился во утробу Девы Марии и зачатие претерпел образом, ведомым ему одному, и родился не от семени мужского, матерь <свою> девою сохранив, как и приличествует Богу, и прежде рождества, и в рождестве, и по рождестве <своем, но> не отложил <Божественного> Сыновства.

На небесах — без матери, на земле же — без отца, <Христос> был вскормлен млеком и воспитан, как человек, и был истинный человек, не призрачно, но истинно <пребывая> в нашей плоти. Совершенный Бог <и> совершенный человек, Он — в двух естествах и с <двумя> хотениями и волями: не отложив то, чем был, он воспринял то, чем не был.

<Христос> пострадал за меня плотию, как человек, но Божеством, как Бог, пребыл бесстрастен. Бессмертный умер, чтобы мертвого меня оживить; сошел во ад, чтобы праотца моего Адама восставить и обожить, а диавола связать. Восстал, как Бог, воскреснув в третий день из мертвых, как победитель <смерти>, Христос, царь мой, и, много раз явившись ученикам своим, восшел на небеса к Отцу, которого не отлучался, и воссел одесную его.

И в надежде пребываю, что он снова низойдет с небес, но не втайне, как прежде, но во славе Отчей <и> с небесными воинствами. По гласу архангелову, мертвые изыдут в сретение ему; и будет он судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам <его>.

Исповедую же и семь Соборов православных святых отцов; и тех, что извергнуты ими, и я отметаю, и тех, что прокляты ими, и я проклинаю; что же посредством писаний <своих> предали они нам, то приемлю.

Святую и преславную Деву Марию именую Богородицею и почитаю и с верою поклоняюсь ей. И на святой иконе ее лицезрю Господа моего младенцем на лоне ее — и исполняюсь веселием, распятым созерцаю его — исполняюсь радости, когда же воскресшим вижу его и восходящим на небеса — воздеваю руки и поклоняюсь ему. И, взирая также на иконы святых угодников его, славлю Спасшего их. Мощи их с верою и любовью лобызаю, чудеса их проповедую и исцеления от них приемлю.

К <храму> кафолической и апостольской Церкви притекаю, с верою вхожу, с верою молюсь, с верою исхожу.

Так верую и не постыжусь; и пред язычниками <веру эту> исповедую, и за исповедование <свое> и душу положу.

Слава же Богу, благодеющему мне выше моих сил, за всё! Молитесь обо мне, честные учители и владыки земли Русской! Аминь!

СТАВЛЕННИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Я, милостью человеколюбивого Бога, монах и пресвитер Иларион, изволением его, посвящен и настолован богочестными епископами в великом и богохранимом граде Киеве, да быть мне в нем митрополитом, пастырем и учителем.

Было же сие в лето 6559 (1051), в княжение благоверного князя Ярослава, сына Владимирова. Аминь.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть временных лет» занимает в истории русского общественного самосознания и истории русской литературы особое место. Это не только древнейший из дошедших до нас летописных сводов, повествующий о возникновении Русского государства и первых веках его истории, но одновременно и важнейший памятник историографии, в котором отразились представления древнерусских книжников начала XII в. о месте русичей среди других славянских народов, представления о возникновении Руси как государства и происхождении правящей династии, в котором с необычайной ясностью освещены, как бы сказали сегодня, основные направления внешней и внутренней политики. «Повесть временных лет» свидетельствует о высоко развитом в то время национальном самосознании: Русская земля осмысляет себя как могущественное государство со своей самостоятельной политикой, готовое при необходимости вступить в единоборство даже с могущественной Византийской империей, тесно связанное политическими интересами и родственными отношениями правителей не только с сопредельными странами — Венгрией, Польшей, Чехией, но и с Германией, и даже с Францией, Данией, Швецией. Русь осмысливает себя как православное государство, уже с первых лет своей христианской истории освященное особой божественной благодатью: оно по праву гордится своими святыми покровителями — князьями Борисом и Глебом, своими святынями — монастырями и храмами, своими духовными наставниками — богословами и проповедниками, известнейшим из которых, безусловно, являлся в XI в. митрополит Иларион. Гарантией целостности и военного могущества Руси должно было являться владычество в ней единой княжеской династии — Рюриковичей. Поэтому напоминания, что все князья — братья по крови, — постоянный мотив «Повести временных лет», ибо на практике Русь сотрясают междуусобицы и брат не раз поднимает руку на брата. Еще одна тема настойчиво обсуждается летописцем: половецкая опасность. Половецкие ханы — иногда союзники и сваты русских князей, чаще всего все же выступали как предводители опустошительных набегов, они осаждали и сжигали города, истребляли жителей, уводили вереницы пленных. «Повесть временных лет» вводит своих читателей в самую гущу этих актуальных для того времени политических, военных, идеологических проблем. Но кроме того, по словам Д. С. Лихачева, «Повесть» являлась «не просто собранием фактов русской истории и не

просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной *литературно изложенной* (курсив наш, — *О. Т.*) историей Руси» (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 169). Можно с полным основанием рассматривать «Повесть временных лет» как памятник литературы, донесший до нас и записи устных исторических преданий, и монастырские рассказы о подвижниках, и представивший саму историю как повествование, рассчитанное на то, чтобы остаться не только в памяти читателей, но и в их сердце, побудить их к размышлениям и поступкам, направленным на благо государства и народа.

«Повесть временных лет» дошла до нас лишь в поздних списках, старшие из которых отдалены от времени ее создания на два с половиной — три столетия. Но сложность ее изучения не только в этом. Сама «Повесть временных лет» — лишь один из этапов истории отечественного летописания, истории, реконструкция которой представляет чрезвычайно сложную задачу.

Наиболее авторитетной по сей день остается гипотеза академика А. А. Шахматова, дополненная и уточненная его последователями (прежде всего — М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым). Согласно их представлениям, «Повести временных лет» предшествовали другие летописные своды. А. А. Шахматов предполагал, что у истоков летописания находился Древнейший летописный свод конца 30-х гг. XI в., Д. С. Лихачев полагает, что первым этапом осмысления отечественной истории киевскими книжниками было создание «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» (названия обоих памятников даны исследователями). В 70-х гг. XI в. создается летописный свод Никона, в 1093—1095 гг. — так называемый Начальный свод. В начале XII в. (в 1113 г.?) монах Киево-Печерского монастыря Нестор создает «Повесть временных лет», существенно переработав предшествующий ей Начальный свод. Он предпослал рассказу об истории Руси обширное историко-географическое введение, изложив свои взгляды на происхождение славян и на место русичей среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику — Хронику Георгия Амартола, в которой излагалась всемирная история от сотворения мира и до середины X в. Нестор включил в «Повесть временных лет» тексты договоров Руси с Византией, добавил к содержавшимся уже в летописях его предшественников историческим преданиям новые: о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI — начала XII в. Именно под его пером «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

А. А. Шахматов считал, что текст Нестора до нас дошел не в своем первоначальном виде: в 1116 г. «Повесть временных лет» была

переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром (переработке подверглась, по А. А. Шахматову, лишь заключительная часть «Повести»), Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», известная нам по Лаврентьевской летописи 1377 г., Радзивилловской летописи и Московско-Академической летописи (обе XV в.), а также по восходящим к ним (точнее — к их протографам) более поздним летописным сводам. В 1118 г. создается еще одна — третья редакция «Повести». Она дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в.

Однако изложенная выше концепция представляется недостаточно убедительной в той части, которая касается судьбы текста Нестора. Если принять точку зрения Шахматова на существование трех редакций «Повести» и реконструируемый им их состав, окажется трудным объяснить включение в текст второй редакции значительных фрагментов из третьей и, наряду с этим, сохранение явного дефекта — обрыва на середине текста статьи 1110 г., полностью читающейся в той же третьей редакции; требует объяснения и совпадение ряда исправных чтений Радзивиловской и Ипатьевской летописей при неверных или сокращенных чтениях в Лаврентьевской и т. д. Все эти проблемы требуют еще изучения, и этим в какой-то мере было подсказано решение положить в основу издания не Лаврентьевский, а именно Ипатьевский список «Повести временных лет».

Таким образом текст издается по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, хранящемуся в Библиотеке *РАН* (шифр 16.4.4). Описки и пропуски исправляются в основном по списку той же летописи — Хлебниковскому XVI в. (хранится в *РНБ*, шифр F.IV.230), который, восходя с Ипатьевским к общему оригиналу, часто содержит более правильные чтения. В необходимых случаях для исправления привлекаются и списки так называемой второй редакции «Повести» — Лаврентьевский (*РНБ*, шифр F. п. № 2) и Радзивилловский (Библиотека *РАН*, шифр 34.5.30).

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

ВВ — Византийский временник

ВИ — Вопросы истории

Древнейшие государства — Древнейшие государства на территории СССР

И — Ипатьевский список Ипатьевской летописи

Латиноязычные источники — Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. / Сост., перевод, коммент. докт. ист. наук М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989

Л — Лаврентьевский список «Повести временных лет» // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. Текст и перевод

Лихачев. Комментарии — Там же. Часть 2. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. С. 203—484

М — Летопись Московско-Академическая (разночтения подведены к тексту Радзивилловской летописи в изд. 1989 г.)

Новг. перв. лет.— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950

Новосельцев. Хазарское государство — Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990

Пашуто. Внешняя политика — Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968

ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950

Р — Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1989. Т. 38

Сахаров. Дипломатия Древней Руси — Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X века. М., 1980

Х — Хлебниковский список Ипатьевской летописи

Хроника Амартола — Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920. Т. 1

Щапов. Государство и церковь.— Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТ ЧЕРНОРИЗЦА ФЕДОСЬЕВА МАНАСТЫРЯ ПЕЧЕРЬСКАГО,[1] ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ <...> И ХТО В НЕЙ ПОЧАЛЪ ПѢРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнемь повѣсть сию.

По потопѣ бо 3-е сынове Ноеви роздѣлиша земьлю: Симъ, Хамъ, Афетъ. Яся въстокъ Симови:[2] Перьсида, Ватрь, доже и до Иньдикия в долготу, и в широту и до Нирокуриа, якоже рещи от въстока доже и до полудньи, и Сурия, и Мидиа *по* Ефратъ рѣку, и Вавилонъ, Кордуна, асурианѣ,

Месопотамиа, Аравиа Старѣйшая, Елумаисъ, Индия, Аравия Силная, Кулии, *Комагины*, Финикия вся.

Хамови же яся полуденья часть: Египетъ, Ефиопья, прилежащия къ Индомъ, другая же Ефиопья, из нияже исходить рѣка ефиопьскаа Чермьна, текущия на въстокъ, Фива, Луви, прилежащи доже до Куриния, Мармариа, суритѣ, Ливуи другая, Нумидия, Масурия, Мавритания, противу сущи Гадирѣ. Сущимъ же къ встоком имать Киликию, Памфилию, Писидию, Мосию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудию, Масию другую, Троаду, Солиду,[3] Вифунию, Старую Фругию. И островы пакы имать: Сарданию, Критъ, Купръ, и рѣку Гиону, зовемую Нилу.

А Афетови же яся полунощная страна и западная: Мидия, Олъвания, Армения Малая и Великая, Каподокия, Фефлагони, Галатия, Кольхысъ, Воспорий, меоти, дереви, сармати, тавриани, Скуфия, фраци, Македония, Далматия, молоси, Фесалия, Локрия, Пеления, яже и *Полопонисъ* наречется, Аркадия, Ипириноя, Илурикъ, словене,[4] Лухития, Аньдриакия, Аньдриатиньска пучина. Имать же и островы: Вританию, Сикелию, Евию, Родона, Хиона, Лѣзвона, Куфирана, Закуньфа, Кефалиния, Ифакину, Керкуру, и часть всякоя страны,[5] и нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущюю межи Миды и Вавилономъ; до Понетьского моря,[6] на полунощныя страны, Дунай, Днепръ и Кавькасийскыя горы, рекше Угорьскыя,[7] и оттуда, рекше, доже и до Днепра, и прочаая рѣкы: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, иже идеть на въстокъ, въ часть Симову. Въ Афетови же части сѣдить русь, чюдь и вси языцѣ: меря, мурома, всь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, югра, литва, зимигола, корсь, *лѣтьгола*, либь.[8] Ляховѣ же, и пруси[9] и чюдь присѣдять к морю Варяскому. По сему же морю сѣдять варязи[10] сѣмо къ вьстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаряньски[11] и до Волошьскые.[12]

Афетово же колѣно и то: варязи, свеи, урмане, готѣ,[13] русь, аглянѣ, галичанѣ,[14] волохове,[15] римлянѣ, нѣмци, корлязи,[16] венедици, фряговѣ и прочии, присѣдять от запада къ полуденью и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ.

Симъ же, и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части. И бысть языкъ единъ. И умножившимся человѣком на земли, и помыслиша создати столпъ до небеси въ дни Нектана и Фалека. И събравшеся на мѣстѣ Сенарь поле *здати* <…> столпъ до небесе и городъ около его Вавилонъ, и здаша столпъ за 40 лѣт, и не свѣршенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣть город и столпа, и рече Господь: «Се родъ

единъ и языкъ единъ». И смѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и на два языка, и рассѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великомъ раздруши столпъ, и есть останокъ его межи Асура и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину лакотъ 5433 локотъ, въ лѣта многа хранимъ останокъ.[17]

По раздрушении же столпа и по раздѣлении языкъ прияша сынове Симовы *въсточныя* страны, а Хамовы же сынове *полуденныа* страны. Афетови же сынове западъ прияша и полунощьныя страны. От сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарѣцаемѣи норци,[18] иже суть словенѣ.

По мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви, кде есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. От тѣхъ словенъ *разидошася* по земьли и прозвашася имены своими, кде сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Моравѣ, и прозвашася морава, а друзии чесѣ нарекошася. А се ти же словѣне: хорвати бѣлии, серпь и *хорутане*[19] Волохомъ бо нашедшим на словены на дунайскые, и сѣдшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ.[20] Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляховѣ друзии — лютицѣ, инии мазовшане, а *инии* поморяне.[21]

Також и тѣ же словѣне, пришедше, сѣдоша по Днепру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи, и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчькы ради, яже втечеть въ Двину, именемь Полота,[22] от сея прозвашася полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша и́ Новъгородъ. А друзии же сѣдоша на Деснѣ, и по Семи,[23] и по Сулѣ[24] и наркошася сѣверо.[25] И тако разидеся словенескъ языкъ, тѣмьже и прозвася словеньская грамота.

Поляномъ же живущим о собѣ по горамъ симъ, и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкы, и изъ Грѣкъ по Днепру, и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево, и того озера внидет устье в море Варяское.[26] И по тому морю внити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю къ Цесарюграду, и от Царяграда прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса,[27] и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечет, и идеть на полуночье и внидет в море Варяское. Ис того же лѣса потечеть Волга на въстокъ и вътечет седьмьюдесятъ жерелъ в море Хвалийское.[28] Тѣмьже из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на

въстокъ доити въ жеребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечет в Понтеское море треми жералы, иже море словеть Руское, по нему же училъ святый апостолъ Андрѣй, братъ Петровъ.

Якоже ркоша, Андрѣю учащю в *Синопии*, пришедшю ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Коръсуня близъ устье Дьнѣпръское, и въсхотѣ поити в Римъ, и приде въ устье Днепръское, и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ.[29] И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияеть благодать Божия: имать и городъ великъ быти и церкви мьногы имат Богъ въздвигнути». И въшедъ на горы сиа, и благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словены, идеже нынѣ Новъгород, и видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде в Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущю ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережьгуть я велми, и съвлекутся, и будуть нази, и обольются мытелью, и возмуть вѣникы, и начнуть хвостатися, и того собѣ добьють, одва вылѣзуть *еле* живы,[30] и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать, и то творят не мытву себѣ, *а* <…> мученье».[31] И се слышавше, дивляхуся. Андрѣй же, бывъ в Римѣ, приде въ Синопию.

Поляномъ же живущиим о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху кождо съ родом своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдяше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ,[32] а Щекъ сѣдяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша и́ Киевъ.[33] И бяше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и *нарицахуся* поляне, от нихъ же суть поляне — кияне и до сего дни.

Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бяше тогда съ оноя страны Днепра, тѣмь глаголаху: «На перевозъ на Киевъ». Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже сказають: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при котором приходи цесари.[34] Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему близъ живущии; еже и донынѣ нарѣчють дунайци городище Киевѣць.

Киеви же пришедшю въ свой городъ Киевъ, ту и скончa животъ свой, и брата его — Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь ту скончашася.

И по сей братьи почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрьговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ. От сихъ же и кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины и на вѣрхъ Днѣпра, ихъже и городъ есть Смолѣнескъ; туда бо сѣдять кривичи. Таже сѣверо от них. На Бѣлѣ озерѣ сѣдять вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ[35] сѣдять мѣря же. А по Оцѣ рѣцѣ, кде втечеть въ Волгу, языкъ свой — мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новъгородьци, полочане, дьрьговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдять по Бугу, послѣже *же* волыняне.

И се суть инии языцѣ, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живуть на странахъ полунощныхъ.

Словеньску же языку, якоже ркохом, живущю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, насѣлницѣ словеномъ бѣша. А посемъ придоша угре бѣлии и наслѣдиша землю словѣньскую, прогнавше *волохы*, иже бѣша приялѣ землю словеньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрьскаго.[36] В си же времена быша и обре,[37] иже воеваша на цесаря Ираклия и мало его не яша. Си же обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы,[38] сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскымъ: аще поѣхати бяше обрину, не дадяше въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3, или 4, ли 5 женъ в телѣгу и повести обрина, и тако мучаху дулѣбы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, и не оста ни единъ обринъ. И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, ихъ же нѣсть ни племене, ни наслѣдка. По сихъ бо придоша печенизѣ,[39] и пакы идоша угри чернии[40] мимо Киевъ послѣже при Ользѣ.

Поляномъ живущимъ о себѣ, якоже ркохомъ, сущии от рода словѣньска и наркошася поляне, а деревляне от словенъ же и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясѣхъ: Радимъ, а другый Вятко, и, пришедша, сѣдоста: Радимъ на *Съжю*, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати.[41] Дулѣби же живяху по Бугу, где *нынѣ* волыняне, а уличи, тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру,[42] и

присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ *множество* ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть городы ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от Грѣкъ Великая скуфь.[43]

Имѣяхуть бо обычая своя и законы отець своихъ и предания, кождо своя норовъ. Поляне бо своихъ отець обычай имяху тихъ и *кротокъ*, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своим, и снохы къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имуще. И брачный обычай имѣаху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху что на ней вдадуче. А деревляни живяху звѣрьскымъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякый звѣр, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отьци и пред снохами, и бьраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы, и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто свѣщевашеся. Имяхут же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимь, и посемъ творяху кладу велику, и възложать на кладу мертвѣца и съжигаху, и посемъ, събравше кости, вложаху *въ* <...> ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять вятичи и нынѣ. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божиа, но творяху сами себѣ законъ.

Глаголеть Георгий в лѣтописьцѣ:[44] «Ибо комуждо языку овѣмь законъ исписанъ есть, другымъ же обычая, зане безаконнымъ отечьствиемь мнится. От нихъ же пѣрьвое сирии, живущии на конѣць земля, законъ имуть отець своих и обычая: не любодѣяти, ни прѣлюбодѣяти, ни красти, ни клеветати, ли убити, ли зло дѣяти всема отинудь. Законъ же и у ктириянъ, глаголемии върахмане и островичи,[45] иже от прадѣдъ показаньемь и благочестьемь мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакояже злобы творяще, страха ради многа. Ибо явѣ таче прилежащим к *нимъ* индомъ: убийстводѣица, сквѣрнотворящии, гнѣвливи паче естьства; въ нутренѣйший же странѣ ихъ человѣкы ядуще и страньствующихъ убиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ халдѣемь[46] и вавилоняномъ: матери поимати, и съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. Всяко бестудьное дѣяние яко *добродѣтелье* мнятся дѣюще, любо аще и далече страны своея будут.

Инъ же законъ гилиомъ:[47] жены у нихъ орють, и хоромы зижють, и мужьскыя дѣла творять, но и любы творить елико хощеть, не въздѣржаемы от мужий своихъ отинудь, ни зазрятъ. В нихъ же суть и хоробры жены ловити звѣрѣ крѣпькы. Владѣють жены мужьми своими и вълобьляють ими. Въ Вритании же мнози мужи съ единою женою спять, тако же и многыя жены съ единымъ мужемъ похотьствують и безаконьная законъ отець творять независтьно и невъздѣржанно.

Амазоняни[48] же мужа не имуть, акы скотъ бесловесный, но единою лѣтом к вешнимъ днемъ озѣмьствени будуть и съчитаються съ *окрѣстныхъ* <…> мужи, яко нѣкоторое имъ торжество и велико празднество время тѣ мнять. От нихъ заченшим въ чревѣ, и пакы разбѣгнутся отсюду вси. Въ время же хотящимъ родити, аще родится отроча — погубять и́, аще ли дѣвическъ полъ, то въздоять и прилѣжьно и въспитают».

Якоже се и нынѣ при насъ половци законъ дѣржать отець своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы, и поимають мачехы своя и ятрови, и ины обычая отець своихъ. Но мы же, християне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, и въ едино крещение, и въ едину вѣру, законъ имамъ одинъ, елико в Христа крѣстихомъся и въ Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтехъ, по смерти братья сея, быша обидими деревляны и инѣми околными. И наидоша я козаре,[49] сѣдящая в лѣсѣхъ на горах, и ркоша козарѣ: «Платите намъ дань». Здумавше же поляне и вдаша от дыма мечь. И несоша козарѣ къ князю своему и къ старѣйшинамъ своим и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуду?», Они же рѣша имъ: «В лѣсѣ на горах, над рѣкою Днѣпрьскою». Они же ркоша: «Что суть вдалѣ?» Они же показаша мечь. И рѣша старцѣ козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы доискахомся оружьемь одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечи. Си имуть имати и на нас дань и на инѣхъ странахъ». Се же събысться все: не от своея воля ркоша, но от Божия изволѣнья. Яко и при фараонѣ, цесари егупетьстемь, егда приведоша Моисѣя пред фараона, и ркоша старци фараони: «Сий хощеть смирити область Егупетьску»; якоже и бысть: погыбоша егуптянѣ от Моисѣя, а пѣрвѣе бѣша работающе имъ.[50] Тако и си: пѣрвѣе владѣша, а послѣдѣ самѣми владѣют; якоже и бысть: володѣють бо козары русьстии князи и до днешняго дне.

В лѣто 6360, индикта 15,[51] наченшю Михаилу цесарьствовати,[52] нача ся прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахом, яко при сем цесари приходиша Русь на Цесарьград, якоже писашеть в лѣтописании грѣцком Тѣмьже и отселѣ почнем и числа положим, яко от Адама до потопа лѣт 2242, а от потопа до Аврама лѣт 1082, от Аврама до исхожения Моисѣева лѣтъ 430; от исхожения Моисѣова до Давида лѣт 601, от Давида и *от* начала царства Соломоня до плѣнения Иеросалимова лѣт 448, от плѣнения до Александра лѣт 318, от Лександра до Христова *рожества* лѣт 333, от Христова рожьства до Костянтина лѣт 318, от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542.[53] От пѣрьваго лѣта Михаила сего до пѣрваго лѣта Олгова рускаго князя, лѣт

29, от пѣрваго лѣта Олгова, понелѣже сѣде в Киевѣ, до пѣрваго лѣта Игорева лѣто 31, от пѣрваго лѣта Игорева до пѣрваго лѣта Святославля лѣт 33, от пѣрваго лѣта Святославля до пѣрваго лѣта Ярополча лѣт 28, Ярополкъ княжи лѣт 8, Володимеръ княжи лѣт 37, Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣмьже от смерти Святославля до смерти Ярославли лѣт 85, от смерти Ярославли до смерти *Святополчи* лѣт 60.[54]

Но мы на предлежащее възъвратимся и скажемъ, что ся удѣяло в лѣта си, якоже преже почали бяхомъ пѣрвое лѣто Михаила, и по ряду положимъ числа.

В лѣто 6361-е. В лѣто 6362-е. В лѣто 6363-е. В лѣто 6364-е. В лѣто 6365-е.

В лѣто 6366-е. Михаилъ цесарь изыде с вои берегом и моремъ на болъгары. Болгар(е) же увидѣвьше, не могоша стати противу, креститися просиша, покорятися грѣком. Цесарь же крести князя ихъ и бояры вся и миръ сътвори съ болгары.[55]

В лѣто 6367. Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнехъ, и на меряхъ и на всѣхъ, кривичахъ.[56] А козаре имахуть на полянех, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имаху по бѣлѣ и вѣверици[57] тако от дыма.

В лѣто 6368. В лѣто 6369.

В лѣто 6370. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву.» Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же урмани, аньгляне, инѣи и готе, тако и си.[58] Ркоша *руси* чюдь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами». И изъбрашася трие брата с роды своими, и пояша по собѣ всю русь, и придоша къ словѣномъ пѣрвѣе. И срубиша город Ладогу. И сѣде старѣйший в Ладозѣ Рюрикъ, а другий, Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третѣй Труворъ въ Изборьсцѣ.[59] И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля. По дъвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ. И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ

Волховом, и прозваша и́ Новъгород, и сѣдѣ ту, княжа, и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити: овому Польтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмь городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвии *населници* в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотьскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася къ Цесарюграду с родом своимъ. И поидоста по Днепру, идуче мимо и узрѣста на горѣ городокъ. И въспрошаста, ркуще: «Чий се городъ?» Они же ркоша: «Была суть три братья — Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгыбоша, а мы сѣдимъ *род* ихъ,[60] и платимы дань козаром». Асколдъ же и Диръ остаста в городе семъ, и многы варягы съвокуписта и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжящу в Новѣгородѣ.

В лѣто 6371. В лѣто 6372. В лѣто 6373.

В лѣто 6374. Иде Асколдъ и *Диръ* на Грѣкы, и приде въ 14 лѣто (Михаила цесаря.[61] Цесарю же отшедъшю на агаряны,[62] и дошедшю ему Черное рѣкы,[63] вѣсть епархъ[64] посла ему, яко русь идеть на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же внутрь Суда[65] вшедъше, много убийство християномъ створиша, и въ двою сту кораблий Цесарьград оступиша. Цесарь же одва в городъ вниде, и с патриарьхом Фотиемъ[66] къ сущий церкви святий Богородици *Вълахерни* всю нощь молитву створиша, такоже божественую ризу святыя Богородица с пѣсьнѣми изнесьше, в рѣку омочиша.[67] Тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря с вѣтром въста,[68] и волнамъ великымъ въставшим засобь, и безъбожных руси корабля смяте, и къ берегу привѣрже, и изби я, яко малу ихъ от таковыя бѣды избыти и въсвояси възвратишася.

В лѣто 6375.

В лѣто 6376. Поча цесарствовати Василий.[69]

В лѣто 6377. *Крещена* бысть вся земля Болгарьская.[70]

В лѣто 6378. В лѣто 6379. В лѣто 6380. В лѣто 6381. В лѣто 6382. В лѣто 6383. В лѣто 6384. В лѣто 6385. В лѣто 6386.

В лѣто 6387. Умѣршю же Рюрикови предасть княжение свое Олгови, от рода ему суща, въдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря, бяше бо молодъ велми.[71]

В лѣто 6388. В лѣто 6389.

В лѣто 6390. Поиде Олгъ, поемъ вои свои многы: варягы, чюдь, словѣны, мѣрю, весь, кривичи. И прия городъ Смольнескъ и посади в нем мужь свой. Оттуда поиде внизъ и, пришедъ, взя Любечь,[72] и посади мужь свой. И придоста къ горамъ киевьскымъ, и увидѣ Олгъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вои въ лодьях, а другыя назади остави, а самъ приде, нося Игоря молода. И приступль под Угорьское, похоронивъ вои свои, и посла къ Асколду и Диру, глаголя, яко «Гостье есмы, идемъ въ Грѣкы от Олга и от Игоря княжича. Да придета к роду своему, к нам». Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси из лодѣй, и рече Олгъ къ Асколъдови и Дирови: «Вы нѣста князя, ни роду княжя, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «Сь сынъ Рюриковъ». И убиша Асколъда и Дира, и несоша на гору, и *погребоша на горѣ*, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, *идеже нынѣ* Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божницю святаго Николы: и Дирова могила за святою Ориною.[73] И сѣде Олегъ, княжа в Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати городом русскымъ». И бѣша у него словѣни и варязи и прочии, прозвашася русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣном, и кривичемъ и мерямъ, и устави варягом дань даяти от Новагорода 300 гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославля даяше варягом.

В лѣто 6391. Поча Олегъ воевати на древляны, и примучивъ я, поча на них дань имать по черьнѣ кунѣ.

В лѣто 6392. Иде Олегъ на сѣвяры, и побѣди сѣверы, и възложи на нихъ дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани даяти, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

В лѣто 6393. Посла Олегъ к радимичем, ркя: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаром». И рече имъ Олегъ: «Не давайте козаромъ, но мнѣ давайте». И вдаша Олгови по щелягу,[74] якоже и козаромъ даяху. И бѣ

обладая Олегъ деревляны, полями, радимичи, а со уличи и тиверьци имѣяше рать.

В лѣто 6394.

В лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Александръ, иже *цесарствоваша* <…> лѣт 26.[75]

В лѣто 6396. В лѣто 6397. В лѣто 6398. В лѣто 6399. В лѣто 6400. В лѣто 6401. В лѣто 6402. В лѣто 6403. В лѣто 6404. В лѣто 6405.

В лѣто 6406. Идоша угре мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще, яко и половци. И пришедше от въстока и устремишася чересъ горы великыя, иже прозвашася горы Угорьскыя, и почаша воевати на живущая ту. Сѣдяху бо ту преже словене и волохове, переяша землю Волыньскую.[76] Посемъ же угре прогнаша волохы, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словеньми, покоривше я подъ ся. И оттолѣ прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угре на Грѣкы, и пополниша землю Фрачьскую и Македоньску доже и до Селуня.[77] И начаша воевати на Мораву и на Чехы. Бѣ бо единъ языкъ словѣнѣскъ:[78] словѣнѣ, *иже* сѣдяху по Дунаю, ихъже прияша угре, и морава, и чеси, и ляховѣ, и поляне, яже нынѣ зовемая Русь. Симъ бо пѣрвѣе положены[79] книгы моравѣ, яже и прозвася грамота словеньская, яже грамота е в Руси и в болгарехъ дунайскых.

Словѣномъ бо живущимъ кресщеным и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ и Коцелъ[80] послаша къ цесарю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крѣщена, и нѣсть в нас учитель, иже бы нас училъ и казалъ, и протолоковалъ святыя книгы. Не разумѣемъ бо ни грѣчькому языку, ни латиньскому — оны бо ны инако учать, а друзии — инако, тѣмьже не разумѣем книжнаго разума, ни силы ихъ. А послете ны учителя, иже могуть ны сказати книжная словеса и разумъ ихъ». Се слышавъ, Михаилъ цесарь съзъва философы вся и сказа имъ рѣчи вся словеньскыхъ князь. И ркоша философы: «Есть мужь в Селуни, именемь Левъ, И суть у него сынове, разумиви язьку словеньску, и хытра два сына у него и философа». Се слышавъ, цесарь посла по ня в Селунь къ Львови, глаголя: «Пошли к намъ сына своя, Мефедья и Костянтина».[81] Се слышавъ, Левъ въскорѣ посла я. И придоста къ цесареви, и рече има цесарь: «Се прислалася ко мнѣ словеньская земля, просяще учителя себѣ, иже бы моглъ имъ истолковати святыя книгы, сего бо желают». И умолена быста цесаремъ, и послаша я въ словѣньскую земьлю къ

Ростиславу, и Святополку и Коцьлови. Сима же пришедъшима, начаста съставляти писмена азъбуковьная словеньскы, и преложиста Апостолъ и Еуангелие. И ради быша словѣнѣ, яко слышаша величья Божия своимъ языком. Посемъ же переложиста Псалтырь и Октаикъ[82] и прочая книгы. Нѣции же начаша хулити словеньскыя книгы, глаголюще, яко: «Не достоить никоторому же языку имѣти буковъ своихъ, разъвѣ еврѣи, и грѣкъ и латины, по Пилатову писанию, еже на крестѣ Господни написа».[83] Се же услышавъ, папежь римьскый[84] похули тѣхъ, иже ропьщют на *книгы* словѣньскыя, рька: «Да ся исполнит книжное слово: яко “Въсхвалять Бога вьси языци”; другое же: “Вси възглаголють языкы различными величья Божия, якоже дасть им Святый Духъ отвѣщевати”. Да аще кто хулить словеньскую грамоту, да *будут* отлучени от церкве, дондеже исправятся; ти бо суть волци, а не овцѣ, яже *достоить* от плодъ познати я и хранитися ихъ. Вы же, чада, Божия послушайте учения и не отринете наказания церковнаго,[85] якоже вы наказалъ Мефедий, учитель вашь». Костяньтинъ же възвратися въспять и иде учить болгарьска языка, а Мефедий оста въ Моравѣ. Посемь же Коцелъ князь постави Мефедия епископа въ Пании, на мѣстѣ святаго апостола Андроника, единого от 70, ученика святаго апостола Павла. Мефедий же посади 2 попа борзописца велми, и преложи вся кьнигы исполнь от грѣцька языка въ словѣнѣскъ шестью мѣсяць, наченъ от марта мѣсяца до двунадесяту и 6 дний октября мѣсяца. Окончавъ же, достойную хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать[86] епископу Мефедью, настолнику Андроникову. Тѣмьже словѣньску языку есть учитель Андроникъ апостолъ. Моравы бо доходилъ и апостолъ Павелъ и училъ ту; ту бо е Илурикъ, егоже доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяша словѣни пѣрвѣе. Тѣмьже словѣньску языку учитель есть Павелъ, от негоже языка и мы есме русь, тѣмже и намъ руси учитель есть Павелъ апостолъ, понеже училъ есть языкъ словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника словѣньску языку. А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ. От варягъ бо прозвашася Русью, а пѣрвѣе бѣша словѣне; аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ. Полями же прозвашася, занеже в полѣ сѣдяху, языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ.

В лѣто 6407. В лѣто 6408. В лѣто 6409.

В лѣто 6410. Леонъ цесарь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьскую плѣноваху. *Семеонъ* же, увѣдавъ, на угры възвратися, угри противу поидоша и побѣдиша болгары, яко одъва Семеонъ въ Деръстеръ убѣжа.[87]

В лѣто 6411. Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и *приведоша* ему жену от Плескова, именемь Ольгу.

В лѣто 6412. В лѣто 6413. В лѣто 6414.

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грѣкы, Игоря оставивъ Кыевѣ.[88] Поя же множьство варягъ, и словѣнъ, и чюди, и кривичи, и мерю, и поляны, и сѣверо, и деревляны, и радимичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины;[89] си вси звахуться Великая скуфь.[90] И сь сѣми всеми поиде Олегъ на конѣхъ и в кораблѣх, и бѣ числомъ кораблий 2000. И приде къ Цесарюграду, и грѣци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева *около* города, и много убийство створи грѣком, и полаты многы разбиша, а цеькви пожьгоша, А ихъже имяху полоняникы, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же растрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху русь грѣком, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своим колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса.[91] И бывшю покосну вѣтру, успяша *парусы* с поля, и идяше къ городу. Видѣвше же грѣцѣ, убояшася, и ркоша; выславше ко Ольгови: «Не погубляй город, имемься по дань, якоже хощеши». И *устави* Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прия его — бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася грѣцѣ и ркоша: «*Нѣсть* се Олегъ, но святый Дмитрий,[92] посланъ на ны от Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблий, по 12 гривнѣ на человѣка, а в корабли по 40 мужь.

Няшася грѣци по се, и почаша грѣци мира просити, дабы не воевалъ Грѣцькой земли. Олегъ же, мало отступивъ от города, нача миръ творити съ цесарема грѣцькыма, съ Леономъ и съ Александром. Посла к нима в городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стѣмида, глаголя: «Имете ми ся по дань». И ркоша грѣцѣ: «Чего хочете и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблий по двѣнатьчать гривнѣ на ключь, и потом даяти углады на руские городы: пѣрвое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславлъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы; по тѣмь бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгом суще.

«Да приходять русь *сълебное* емлють, елико хотят, а иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы и овощемъ. И да творять имъ мовь, елико хотять. И *поидут* же русь домови, да емлют у цесаря вашего на путь брашно, и якоря, и ужа, и *парусы* и елико надобѣ.» И яшася грѣци, и ркоша цесаря и боярьство все: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимают мѣсячины. Да запрѣтить князь людем своимъ, приходящим руси здѣ, да не творят пакости в селѣхъ и въ странѣ нашей. Приходящии русь да витают у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишют имена ихъ, и тогда

возмут мѣсячное свое — пѣрвое от города Киева, и пакы ис Чернигова и Переяславля и прочии городи. И да входять в городъ одиными вороты съ цесаревымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50, и да творят куплю, якоже имъ надобѣ, и не платяче мыта ни в чемьже».

Цесарь же Леонъ съ Александром миръ створиста съ Ольгом, имъшеся по дань, и ротѣ заходивше межи собою, целовавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужий его на роту по рускому закону: кляшася оружьемь своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосом,[93] скотьимъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшийте *парусы* паволочиты руси, а словѣном кропийнныя». И бысть тако. И повѣсиша щиты своя[94] въ вратѣхъ, показающе побѣду, и поиде от Цесаряграда. И въспяша *русь парусы* паволочитыѣ, а словѣне кропийнныя, и раздра я вѣтръ. И ркоша словенѣ: «Имемъся своим толъстинамъ — не даны суть словѣном *парусы* кропинныя». И приде Олегъ къ Киеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всяко узорочье. И прозваша Ольга «вѣщий» — бяху бо людие погани и невѣголоси.

В лѣто 6416. В лѣто 6417. В лѣто 6418.

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ.[95]

В лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грѣкы и Русью, и посла глаголя:

«Равно другаго свѣщания,[96] бывшаго при тѣхъже цесарихъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго — Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже послани от Олга, великаго князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтълыхъ бояръ, к вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великьмъ о Бозѣ самодѣржьцем, цесаремь грѣцкымъ, на удѣржание и на извѣщение от многыхъ лѣтъ межю християны и Русью бывшюю *любовь*, похотѣньемъ наших князь и по повелѣнию и от всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущих руси. Наша свѣтлость боле инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удѣржати и извѣстити такую любовь, бывшюю межю хрестияны и русью многажды, право судихом, *не* точью простословесенъ и писаниемь и клятвою твердою, клѣншеся оружьемь своимъ, такую любовь извѣстити и утвѣрдити по вѣрѣ и по закону нашему.

Суть, яко понеже мы ся имали о Божии вѣрѣ и любви, главы таковыя: по пѣрвому слову да умиримся с вами, грѣкы, да любимъ другъ друга от всея душа и изволѣнья, и не вдадимъ, елико наше изволение, быти от сущих под рукою нашихъ князь свѣтлыхъ никакомуже съблазну или винѣ. Но потщимся, елико по силѣ, на схранение прочихъ и вьсегда лѣтъ с вами, грѣкы, исповѣданиемь и написанием съ клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Тако же и вы, грѣци, да храните таку же любовь къ князем же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несъблазнену и непреложну всегда и въ вся лѣта.

А о *главах*, иже ся *ключит* проказа, урядимся сице: да елико явѣ будеть показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явлении, а емуже начнуть не яти вѣры, да *кленется* часть та, иже ищеть неятью вѣры, да егда клѣнется по вѣрѣ своей, будеть казнь, якоже явится съгрѣшение.

О семъ, аще кто убиеть крестьяна русинъ, или христьянъ русина, да умреть, идеже аще створить убийство. Аще ли убѣжить створивый убийство, еще есть имовить, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть, толцѣмь же прибудеть по закону. Аще ли есть неимовит створивый убой и убѣжавъ, да дѣржится тяжи, доньдеже обрящется, яко да умреть.

Аще ли ударить мечемь или бьеть кацѣмь любо сѣсудомъ, за то ударение или убьение да вдасть литръ 5 сребра по покону рускому; аще ли будеть неимовить тако створивый, да вдасть елико можеть, и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, в нихъже ходить, да о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребывает тяжа оттоле не взискаема.

О семь, аще украдет русинъ что любо у крѣстьянина, или пакы христьянинъ у русина, и ятъ будеть в томъ часѣ тать, егда татьбу створит, от погубившаго что любо, аще приготовится татьбу творяй: и убиенъ будеть, да не възыщется смерть его ни от хрестьянъ, ни от руси, но паче убо да възметь свое, иже будеть погубилъ. И аще въдасть руцѣ украдый, да ятъ будет тѣмь же, у негоже будеть украдено, и связанъ будеть, и отдасть то, еже смѣ створити, и створить трижды.

О семь, аще ли кто или русинъ хрѣстьяну или хрестьянъ русину мучения образомъ искусъ творити и насилье явѣ, или възмет что любо *дружне*, да вьспятить троичь.

Аще вывѣржена лодья будет вѣтромъ великом на землю чюжю, и обрящються тамо иже от нас руси, да аще кто идеть снабьдѣти лодью с рухломъ своимъ и отсылати пакы на землю крестьяньску, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придеть в бестрашно мѣсто. Аще *ли* таковая лодья *или* от буря, или боронения земнаго боронима, [97] не можеть *възвратитися* въ своя си мѣста, спотружаемъся грѣбцемъ бо тоя лодья мы, русь, и допровадимъ с куплею ихъ поздорову. Ти аще ключится близъ земли Грѣцькы, аще ли ключится такоже проказа лодьи рустѣй, да проводимъ ю в Рускую земьлю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можеть продати от лодья, воволочимъ имъ мы, русь. Да егда ходимъ *въ* <...> Грѣкы или с куплею, или в солбу къ цесареви *вашему*, да пустимъ я съ честью проданое рухло лодья ихъ. Аще ли ключится кому от тоя лодья в ней убьену быти или бьену быти от нас, руси, или взяти что любо, да повиньни будуть то створшии преждереченную епитѣмьею от тѣхъ.

Аще полоняникъ обою страну держим есть или от руси, или от грѣкъ, проданъ въ ину страну, оже обрящеться или русинъ или грѣчинъ, да *искупять* и възвратять искупленое лице въ свою страну, и възмуть цѣну его купящии, или мниться въ куплю *над* нь челядиная цѣна. Такоже аще от рати ятъ будеть, да от тѣхъ грѣкъ, такоже да възвратится въ свою страну, и отдана будеть цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля.

Егда же требуеть на войну ити, егда же потребу творите, и си хотять почестити цесаря вашего, да аще въ кое время *елико* ихъ придет, и хотять оставити у цесаря вашего своею волею, да будуть.

О руси, о полонѣньи. Многажды от коея убо страны пришедшимъ в Русь и продаемомъ въ крестьяны, и еще же и от хрестиянъ *полоненых* мьногажды от коея любо страны приходящимъ в Русь, се продаеми бывают по 20 золота, и да придуть в Грѣкы.

О том, аще украденъ будеть челядинъ рускый, или *ускочить*, или по нужи проданъ будет, и жаловати начнуть русь, да покажеться таковое *о челядине*, да имуть и́ въ Русь. Но и гостье, погубиша челядинъ и жалуют, да ищють и обрѣтаемое, да имуть е. Аще ли кто искушения сего не дасть створити мѣстникъ, да погубит правду свою.

О работающих въ Грѣцѣхъ руси у хрестьяньского цесаря. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възратить имѣнье к малымъ ближикамъ в Русь. Аще ли створить *обряжение* таковый, възмет уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдит е.[98]

О взимающихъ куплю руси.

О различныхъ ходящихъ въ Грѣкы и удолжающихъ. Аще злодѣй *не* възвратится в Русь, да жалуютъ русь хрестьяньскому царству, и ятъ будеть таковый, и възвращенъ будет, не хотяи, в Русь, Си же вся да творять русь грѣком, идеже аще ключится таково.

На утвержение же и неподвижение быти межи вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сътворихом Ивановомъ написанием[99] на двою харотью, цесаря вашего и своею рукою, предлежаідим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единоистиньнаго Бога *вашего*, извѣсти и дасть нашим *послом*. Мы же кляхомся къ цесарю вашему, иже от Бога суще, яко *Божие* здание, по закону и по покону языка нашего, не переступати ни намъ, ни иному от страны нашея от уставленыхъ главъ мира и любве. И таково написание дахомъ царства вашего на утвѣржение обоему пребывати таковому свѣщанию, на утвѣржение и извѣщение межи *нами* бывающаго мира. Мѣсяца *сентября* въ 2, в недѣлю 15,[100] в лѣто создания миру 6420».

Цесарь же Леонъ послы рускыя почьстивъ дарми — золотом, и паволоками и фофудьями[101] — и пристави къ нимъ мужи свои показати имъ церковьную красоту, и полаты златыя и в нихъ сущая *богатьства*, злато много и паволокы и камѣнье драгое, и страсти Господни, вѣнѣць, и гвоздье,[102] и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я к вѣрѣ своей, и показающе имъ истинную вѣру. И тако отпусти я въ свою землю съ честью великою. Послании же Ольгомъ посли придоша къ Ольгови и повѣдаша вся рѣчи обою цесарю, како створиша миръ, и урядъ положиша межю Грѣцькою землею и Рускою, и клятвы не переступати ни грѣцемь, ни руси.

И живяше Олегъ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣдати на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ *и* кудесникъ: «От чего ми есть умьрети?». И рече ему одинъ кудесникъ:[103] «Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрети». Олегъ же приимъ въ умѣ, си рече: «Николи же всяду на конь, ни вижю его боле того». И

повѣлѣ кормити и́ и не водити его к нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на грѣкы иде. И пришедшю ему къ Киеву и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, от негоже бяху рекъли *волъсви* умрети Ольгови. И призва старѣйшину конюхомъ, ркя: «Кде есть конь мой, егоже бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?». Онъ же рече: «Умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, ркя: «То ть неправо молвять волъсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «Да ть вижю кости его». И приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и слѣзъ с коня, посмѣяся, ркя: «От сего ли лъба смерть мнѣ взяти»?» И въступи ногою на лобъ, и выникнучи змѣя и уклюну̀и в ногу. И с того разболѣвся, умьре. И плакашася по немъ вси людие плачем великом, и несоша̀и, и погребоша̀и на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова.[104] И бысть всѣхъ лѣтъ его княжения 33.

Се же *не* дивно есть, яко от волъхвования сбывается чародѣйством.[105] Якоже бысть во царство Деметьяново, нѣкый волхвъ, именемъ Аполоня Тянинъ,[106] знаемъ бяше, шествуя и творя всюду, в городех и в селѣх, бѣсовьская чюдеса творя. От Рима бо пришедъ въ Узантию, умоленъ бысть от живущих ту, створити сия: отгна множьство змий и скоропия изъ града, яко не вьрежатися человѣкомъ от нихъ, ярость коньскую обуздавъ, егда схожахуся боярѣ. Тако же и въ Антиохию[107] пришедъ и умоленъ бывъ от них, томимомъ бо антиохомъ от скорпий и от комаровъ, створи скорпий мѣдянъ и погребе и́ в земли, и малъ столпъ мраморянъ постави надъ *ним*. И повелѣ трость дѣржати человѣкомъ, и ходити по городу, звати, тростемъ трясомомъ: «Бес комара граду». Тако изъщезоша изъ града комари и скорпия. И спросиша же и пакы *о належащемь на градѣ трусѣ*, въздохну, списа *на* дщицѣ сия: «Увы тебе, оканьный городе, яко потрясешися много, одѣржимъ будеши огнемъ, *оплачеть* же тя и при березѣ си *Оронтии*». О немь же и великый Анастасий Божия города[108] рече: «Аполонию же доже и донынѣ на нѣцѣхъ мѣстех сбываются створенаа, стоящая *ова на* отвращение четвероногъ, птица, могущи вредити человѣкы, другыя же на въздѣржание струямъ рѣчнымъ, нездѣржаньно текущимъ, но ина нѣкая на тлѣнье и вредъ человѣкомъ суща на побѣжение стоять. И не точью бо за живота его така и таковая створиша бѣсовѣ его ради, но и по смерти его пребывающа *у* гроба его знаменья творяху во имя его, а на прелещение оканнымъ человѣкомъ, болма крадомымъ на таковая от дьявола». Кто убо что речеть о творящихъ волшевныхъ дѣлъ? Яко то таковый горазнъ бысть волшебнымъ прелщениемъ, яко воину зазряше ведый Аполоний, яко *неистовьствен* на ся философьскую хитрость имуща; подобашеть бо ему рещи, якоже и «Азъ словомъ точью творити, ихъже хотяша», а не свѣршениемъ творити повелѣваемая от него. Та же вся ослаблениемъ Божиимъ и творениемь бѣсовьскымъ бываеть, таковыми вещьми искушатися нашея преславныя вѣры, аще тверда есть, искрь пребывающи Господеви, ни не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимомъ от рабъ и слугъ злобие. 2-е и еще и именемъ Господнимъ пророчьствоваша нѣции, яко Валамъ, и Саулъ, и Каияфа, и бѣсъ пакы изгнаша, яко Июда и сынове Скевави.

[109] Убо и на недостойнии благодѣтьствует многажды, да етеры *свидѣтельствуеть*, ибо Валаамъ чюжь бѣ обоихъ — житья *изящна* и вѣры, но обаче свѣдѣльство в немъ благодать инѣхъ ради смотрения. И Фараонъ таковый бѣ, но и тому предбудущаа показа. И Навходъносоръ законопреступный, но и сему пакы по мнозѣхъ сущих посредѣ же града откры,[110] тѣмь являя, яко мнози, прекостьни имуще умъ, предъ образомъ Христовымъ знаменають иною кознью на прелѣсть человѣкомъ, не разумѣющимъ добраго, якоже бысть Симонъ[111] волъхвъ, и *Менандръ*,[112] ини таковыхъ ради, поистинѣ рече: «Не чюдесы прельщати...».

В лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Ользѣ. В се же время поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ, зять Романовъ.[113] И деревлянѣ заратишася[114] от Игоря по Олговѣ смѣрти.

В лѣто 6422. Иде Игорь на древляны и, побѣдивъ, възложи на ня дань болшю Ольговы. В то же лѣто приде Семеонъ Болгарьскый на Цесарьград и, створивъ миръ, иде въсвояси.

В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи пѣрвое на Рускую землю и, створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю. В си же времена приде Семеонъ, плѣняя Фракию.[115] Грѣци же послаша по печенѣгы. Печенѣгомъ же пришедъшимъ и хотящимъ на Семеона, расваришася грѣцкыя воеводы. Видѣвъше печенизи, яко сами на ся реть имуть, отидоша въсвояси, а болгаре съ грѣкы съступишася, и посѣчени быша грѣцы. Семеонъ же прия градъ Одьрѣнь, иже первое Орестовъ город нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже пѣрвое въ трехъ рѣкахъ купався, недуга избы ту, сего *ради град* въ свое имя нарече. Послѣдѣ же Андрѣянъ кесарь обновивый, въ свое имя нарече — Андрѣянъ; мы же зовемъ Ондрѣянем градом.[116]

В лѣто 6424. В лѣто 6425. В лѣто 6426. В лѣто 6427.

В лѣто 6428. Поставьленъ Романъ цесаремъ въ Грѣцѣхъ. Игорь же воеваше на печенѣгы.

В лѣто 6429. В лѣто 6430. В лѣто 6431. В лѣто 6432. В лѣто 6433. В лѣто 6434. В лѣто 6435. В лѣто 6436.

В лѣто 6437. Прииде Семеонъ на Цесарьград, и поплѣни Фракию и Македонью, и приде къ Цесарюграду в силѣ велицѣ и в горъдости, и створи миръ с Романомъ цесарем и възвратися въсвояси.[117]

В лѣто 6438. В лѣто 6439. В лѣто 6440. В лѣто 6441.

В лѣто 6442. Пѣрвое придоша угри на Цесарьград и пленяху всю Фракию. Романъ же створи миръ со угры.[118]

В лѣто 6443. В лѣто 6444. В лѣто 6445. В лѣто 6446. В лѣто 6447. В лѣто 6448.

В лѣто 6449. Иде Игорь на Грѣкы.[119] И яко послаша болгаре вѣсть къ цесарю, яко идуть Русь на Цесарьград, скѣдий[120] 10 тысящь. Иже и поидоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньскыя страны, и плѣноваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскы земля, и всю страну Никомидийскую пополониша,[121] и Судъ всь пожьгоша. Ихъже емъше, овѣхъ растинаху, и другия же сторожи поставьляюще,[122] стрѣлами растрѣляху и изъламляху опакы руци связавше, и гвозды желѣзны посредѣ головъ въбивахуть има. Мьного же и святыхъ церквий огьневи предаша, и имѣнье немало обою сторону взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ от въстока, Панфиръ деместникъ съ четырмидесятъ тысящь, Фока же патрикий съ македоны, Феодоръ же стратилатъ съ фракы,[123] и с ними же и сановницы боярьстии, обидоша русь около. И свѣщаша русь, и изидоша противу, въоружившеся на грѣкы, и брани межю има бывши злѣ, одва одолѣша грѣци. Русь же възвратишася къ дружинѣ своей к вечеру и, на ночь влѣзъше въ лодья, отбѣгоша. Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ съ огнемъ, и нача пущати огнь трубами на лодья рускыя.[124] И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же, видяще пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и тако прочии възвратишася въсвояси. Тѣмьже пришедъшимъ в землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнѣмъ огни: «Якоже молонья, — рече, иже на небесихъ, грѣци имуть в себе, и сию пущающе, жьжаху насъ, и сего ради не одолѣхом имъ». Игорь же, пришедъ, и нача *съвокупляти* вои многы, и посла по варягы за море, вабя и́ на грѣкы, паки хотя поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на хорваты, и побѣженъ бысть хорваты, и умре, оставивъ Петра, сына своего, княжить.[125] В се же лѣто.родися Святославъ у Игоря.[126]

В лѣто 6451. Пакы приидоша *угре* на Цесарьград и, миръ створивше с Романом, възвратишася въсвояси.

В лѣто 6452. Игорь совокупи воя многы — варягы, и русь, и поляны, и словѣны, и кривичи, и тиверцы, и печенѣгы ная и тали в нихъ поемъ, поиде на грѣкы в лодьяхъ и на конехъ, хотя мьстити себе. Се слышавше, *корсунци* послаша къ Роману, глаголюще: «Се идуть Русь, покърыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «Идуть Русь и печенѣгы наяли суть к собѣ». Се слышавъ, цесарь посла къ Игореви лутьшии бояры, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, и придамъ еще къ той дани». Такоже и печенѣгомъ послаша паволокы и золото много. Игорь же, дошедъ Дуная, съзва дружину, и нача думати и повѣда имъ рѣчь цесареву. Ркоша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголеть цесарь, то что хощемъ боле того: не бившися, имати злато, и серебро, и паволокы? Еда кто вѣсть: кто одолѣеть, мы ли, они ли? Или с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстий — и обьча смерть всѣмъ». И послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болгарьскую землю, а самъ, вземъ у грѣкъ злато и паволокы на вся воя, възвратися въспять и приде къ Киеву въсвояси.

В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Стефанъ слы къ Игореви построити мира пѣрваго. Игорь же глаголавъ с ними о мирѣ. Посла Игорь мужи свои къ Роману. Романъ же събра бояры и сановникы. И приведоша рускыя слы, и повелѣша глаголати и писати обоихъ речи на харотью:

«Равно другаго свѣщания, бывшаго при цесаре Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ,[127] христолюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго слы и гостье: Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева, Искусеви Олгы княгыня, Слуды Игоревъ, нетий Игоревъ, Улѣбъ Володиславль, Каницарь *Предславинь*, Шигобернъ Сфандръ, жены Улѣбовы, Прастенъ Турдуви, Либиарь Фастов, Гримъ Сфирковъ, Прастѣнъ Якунъ, нетий Игоревъ, Кары Тудковъ, Каршевъ Тудоровъ, Егри Ерлисковъ, Воистовъ Иковъ,[128] Истръ Яминдовъ, Ятьвягъ Гунаревъ, Шибьридъ Алдань, Колъ Клековъ, Стегги Етоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Тулбовъ, Муторъ Утинъ, купѣць Адунь, Адолбъ, Ангивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турьбридъ, Фурьстенъ, Бруны, Роалъдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Инъгелдъ, Турбернъ и другий Турбернъ, Улѣбъ, Турбенъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилий, Апубкарь, Свень, Вузелѣвъ, и Синько биричь, послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всея княжья и от всѣх людий Руское земли. И от тѣхъ заповѣдано обьновити ветхый миръ и от ненавидящаго добра, вьраждолюбца дьявола *разореный* от многъ лѣт, утвѣрдити любовь межю Грѣкы и Русью.

И великый нашь князь Игорь, и бояре его, и людие вси рустии послаша ны къ Роману, и Стефану, и Костянтину, великымъ цесаремъ грѣцкымъ, створити любовь *съ* самими цесари, и съ всѣмъ боярьствомъ и съ всими людми грѣцкыми на вся лѣта, дондеже солнце сияеть и весь миръ стоить.

Иже помыслить от страны Рускыя раздрушити таковую любовь, и елико ихъ *крещенье* прияли суть, да приимуть мѣсть от Бога вседѣржителя, осужение и на погибель и в сий вѣкъ и в будущий, а елико ихъ не кресщено есть, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, и от стрѣлъ и от иного оружья своего, и да будуть раби и в сий вѣкъ и будущий.

Великый князь рускый и боярѣ его да посылають на то въ Грѣкы к великымъ цесаремъ грѣцкым корабля, елико хотять, съ послы своими и гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху слы печати златы, а гостие серебряны. Нынѣ же увѣдалъ есть князь *вашь* посылати грамоту къ царству *нашему*,[129] иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, пишюще сице, яко «послах корабль селико». И от тѣхъ да увѣмы и мы, оже с миромъ приходят. Аще ли безъ грамоты приидуть, и предани будуть намъ, дѣржимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему. Аще ли руку не дадят и противятся, да убьени будуть, и да не изыщеться смерть ихъ от князя вашего. Аще ли, убѣжавше, приидуть в Русь, и мы напишемъ къ князю вашему, и яко имъ любо, тако створять. И аще придуть русь безъ купля, да не взимають мѣсячины. И да запретить князь *слом* своимъ и приходящий руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *наше*, да испишеть имена ихъ, и тогда възмуть мѣсячное свое, сли слѣбное свое, а гостье мѣсячное свое, пѣрвое от града Киева, и пакы ис Чернигова и ис Переяславля и прочии городи. И да входять в город одиными вороты съ цесаревомъ мужемъ безъ оружья, 50 мужь, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, и пакы да исходять; и мужъ цесарьства *нашего* да хранить я, да аще кто от руси или от грѣкъ створить криво да оправляет тъ. Входя же русь в городъ, да не творят пакости и не имѣють власти купити паволокъ лише по пятидесятъ золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто купить, да показаеть цесареву мужеви, и тъ я запечатаеть и дасть имъ. И отходящи руси отсюду, взимають от нас, еже надоби брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть пѣрвое, и да възвращаются съ спасениемъ въ свою сторону, и да не имуть волости зимовати у святаго Мамы.

И аще ускочить челядинъ от Руси, по не же приидуть въ страну царства нашего, и от святаго Мамы, и аще будеть и обрящеться, да поимуть и́, аще ли не обрящется, да на роту идут наши *христеяне руси*, а не

христьянии — по закону своему, ти тогда взимають от нас цѣну свою, якоже уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ.

Аще ли кто от людий царства *нашего*, ли от *города нашего*, или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ и принесеть что, да взвратять е опять, и еже что принеслъ будеть цѣло все, да возмет от него золотника два имѣчнаго.

Аще ли покусится кто взяти от руси и от людий царства *нашего*, иже то створить, покажьненъ будеть вельми; аще ли и взялъ будеть, да заплатит сугубо. Аще ли створить то же грѣцинъ русину, да приимет ту же казнь, якоже приялъ есть онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грѣкъ что, или грѣчину от руси, достойно есть, да *възвратит* е не точью едино, но и цѣну его. Аще украденое обрящется продаемо, да вдасть цѣну его сугубу, и тъ покажненъ будеть по закону грѣцкому, и по уставу грѣцкому и по закону рускому.

И елико християнъ от власти нашея пленена приведут русь ту, аще будеть уноша или дѣвица добра, да вѫдадять золотникъ 10 и поимуть`и. Аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ 8 и поиметь`и. Аще ли будеть старъ или дѣтичь, да вдастъ золотникъ 5.

Аще ли обьрящются русь работающе у грѣкъ, аще суть *полоняници*, да искупають а русь по 10 золотникъ; аще ли купилъ и будет грѣчинъ, под крестомъ достоить ему, да възметь цѣну, елико же далъ будеть на нем.

О Корсуньсций сторонѣ.[130] Колко же есть городъ на той части, да не имуть власти князи рускыи, да воюеть на тѣхъ сторонахъ, а та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой от насъ князь рускый, дамы ему, елико ему будет требѣ, и да воюет.

И о томъ, аще обрящют русь кувару[131] грѣчьску, вывержену на нѣкоемъ любо мѣстѣ, да не приобидять ея. Аще ли от нея възметь кто что или человѣка поработить или убьеть, да будеть повиненъ закону рускому и грѣцкому.

И аще обрящють русь коръсуняны, рыбы ловяща въ устьи Днѣпра, да не творят имъ зла никакогоже.

И да не имѣють русь власти зимовати въ устьи Днепра, *Бѣлобережии*, у святаго Елеуфѣрья,[132] но егда придеть осень, да идуть в домы своя в Русь.

А о сихъ, иже то приходять черьнии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстий, и велимъ князю рускому, да ихъ не пущаеть, и пакостять сторонѣ его.

Или аще ключится проказа нѣкака от грѣкъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемь царства нашего, да приимет, якоже будеть створилъ.

И аще убьеть крестьянинъ русина, да дѣржимъ будеть створивый убиство от ближнихъ убьенаго, да убьють`и. Аще ли ускочить створивы убой и убѣжить, и аще будеть имовит, да возмуть имѣнье его ближнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ створивый убийство и ускочить, да ищють его, дондеже обрящется, да убьенъ будет.

Или аще ударит мечемъ, или копьемъ, или кацемъ инымъ съсудом русинъ грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить серебра литръ 5 по закону рускому. Аще ли есть неимовит, да како можеть, въ толко же и проданъ будеть, яко да и порты, в нихъже ходить, и то с него сняти, а о прочи да на роту ходит по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

Аще ли хотѣти начнеть наше царьство от вас вои на противящася намъ, да пишют к великому князю вашему, и пошлеть к намъ, елико хощемъ; и оттолѣ увѣдять иныя страны, каку любовь *имѣют* грѣци с русью.

Мы же свѣщание все положимъ на двою харатью, и едина харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши. А отходяче со слом царства нашего да *допроводять* к великому князю Игореви рускому и к людемъ его, и ти,

приимающе харотью, на роту идуть хранити истину, якоже мы свѣщахом и написахом на харотью сию, на нейже суть написана имена наша.

Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи въ зборнѣй церкви и *предлежащимъ* честнымъ крестомъ, и харотьею сею, хранити же все, еже есть написано на ней, и не преступати от того ничтоже. А оже переступить се от страны нашея, или князь, или инъ кто, или кресщенъ или некрѣщенъ, да не имать от Бога помощи, и да будуть рабы в сий вѣкъ и в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ.

А некрѣщении русь да полагають щиты своя и мечи свои нагы, и обручи свои и прочая оружья, и да клѣнуться о всем, и яже суть написана на харотье сей, и хранити от Игоря и от всѣхъ бояръ и от всѣх людий и от страны Рускыя въ прочая лѣта и всегда.

Аще ли же кто от князь и от людий рускыхъ или крестьянъ, или некресщеный переступить все, еже написано на харотье сей, и будеть достоинъ своимъ оружьемь умрети, и да будет клятъ от Бога и от Перуна, и яко преступи свою клятъву.

Да обаче будеть добрѣ Игорь великый князь да хранить любовь вьсю правую, да не раздрушится, дондеже солнце сияет и вьсь миръ стоить, въ нынѣшняя вѣкы и в будущая».

Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореви съ слы грѣцкими и повѣдаша вся рѣчи цесаря Романа. Игорь же призва *послы* грѣцкыя, рече «Молвите, что вы казалъ цесарь?» И ркоша сли цесареви: «Се посла ны цесарь, радъ есть миру и хочеть миръ имѣти съ князем рускымъ и любовь. И твои сли водили суть цесаря нашего ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ». И обѣщася Игорь сице створити. И наутрѣя призва Игорь сли, и приде на холъмы, кде стояше Перунъ, и покладоша оружья своя, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и мужи его, и елико поганыя руси, а хрестьяную русь водиша въ церковь святаго Ильи, яже есть надъ Ручьемъ, конѣць Пасыньцѣ бесѣды, и козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни.[133] Игорь же, утвѣрдивъ миръ съ грѣкы, отпусти слы, *одаривъ скорою*, и челядью и воском, и отпусти я. Сли же придоша къ цесареви и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь, яже къ грѣком.

Игорь же нача княжити въ Киевѣ, и миръ имѣя къ всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити болшюю дань.[134]

В лѣто 6453. Ркоша дружина Игореви: «Отроци Свѣнделжи[135] изодѣлѣся суть оружьемь и порты, а мы нази. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примысляше къ пѣрвой дани, и насиляше имъ и мужи его. И возмя дань и поиде въ свой городъ. Идущю же ему въспять, размысли, рече дружинѣ своей: «Идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожю еще». И пусти дружину свою домови, с маломъ же дружины възвратися, желая болшая имѣнья. Слышавше же древляне, яко опять идеть, сдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша: «Аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то относить по единой все стадо, аще не убьють его; тако и сий, аще не убьем его, то вси ны погубить», И послаша к *нему*, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси вьсю дань». И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣня[136] противу древляне и убиша Игоря[137] и дружину его, бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоростиня города в Деревѣхъ и до сего дни.

Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтьском Святославомъ, и кормилець бѣ его Асмудъ, и воевода бѣ Свинделдъ, — то же отець Мьстишинъ. Ркоша же деревлянѣ: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Олгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ». И послаша деревляне лучьшии мужи свои, числомъ 20, в лодьи къ Ользѣ. И *присташа* подъ Боричевом въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы *Киевьскыя*, и на Подолѣ не сѣдяхуть людье, но на горѣ. Городъ же бяше Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ кьняжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинь, а перевѣсище бѣ внѣ города. Дворъ теремный и другый — идеже есть дворъ демесниковъ[138] за святою Богородицею, надъ горою. Бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Олзѣ, яко деревляни придоша, и възва Ольга к собѣ и рече имъ: «Добрѣ, гостье, приидоша?» И ркоша древляне: «Придохомъ, княгини». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте сѣмо?» И ркоша деревляни: «Посла ны Деревьская земля, ркущи сице: мужа твоего убихомъ, бяшеть бо мужь твой яко волкъ, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю, да иди за нашь князь за Малъ» — бѣ бо ему имя Малъ, князю деревьскому. Рече же имъ Олга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ своего мужа не крѣсити, но хощю вы почтити наутърѣя пред людми своими, а нынѣ идете в лодью свою и лязьте в лодьи величающеся. Азъ утро пошлю по вы, вы же речете: “Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодьи”, и възьнесуть вы в лодьи». И отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьскомъ внѣ города. И заутра Ольга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же ркоша: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на

возѣх, ни пешь идемъ, но понесите ны в лодьи». Ркоша же киянѣ: «Намъ неволя: князь нашь убитъ, а княгини наша хощеть за вашь князь», и понесоша я в лодьи. Они же сѣдяху в *перегбех* въ великихъ сустогахъ[139] гордящеся. И принесоша я на дворъ къ Ользѣ, и, несъше я, и вринуша въ яму и съ лодьею. И приникши Олга и рече имъ: «Добьра ли вы честь?» Они же ркоша: «Пуще ны Игоревы смѣрти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Олга къ деревляном, рече: «Да аще мя право просите, то пришлите къ мнѣ мужи нарочиты, да въ велице чести поиду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьсции». Се слышавше, древляне изъбраша лучьшая мужи, *иже* дѣржать Деревьскую землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшим, повелѣ Олга мовницю створити, ркущи сице: «Измывшеся, придета къ мнѣ». Они же пережьгоша мовницю, и влѣзоша древляне и начаша мытися, и запроша мовницю о них, и повелѣ зажечи я от двѣрий, и ту изгорѣша вси.

И посла къ деревляном, ркущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды мьногы у города, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю моему». Они же, слышавше, свезоша меды многы зѣло. Олга же, поемши мало дружинѣ и легъко идущи, приде къ гробу его и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людем съсути могилу велику, и, яко съспоша, повелѣ трызну творити. Посем сѣдоша деревлянѣ пити, и повелѣ Олга отроком своимъ служити передъ ними. И ркоша деревляне къ Олзѣ: «Кдѣ суть друзѣ наши, ихъже послахомъ по тя?» Она же рече: «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своим пити на ня, а сама отиде прочь и потомъ повелѣ отроком сѣчи я, и исъсѣкоша ихъ 5000. А Ольга възвратися къ Киеву и пристрои воя на прокъ ихъ.[140]

Начало княженья Святославьля.

В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревьскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемъшемася обѣма полкома на *скупь*, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летѣвъ сквози уши коневи и удари в ногы коневи, бѣ бо велми дѣтескъ.[141] И рече Свенгелдъ и Асмудъ: «Князь уже почалъ, потягнемъ, дружино, по князи». И побѣдиша деревляны.[142] Деревлянѣ же побѣгоша и затворишася в городѣхъ своихъ. Ольга же устрѣмися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь городъ, яко тѣ бяху убилѣ мужа ея, и ста около города съ сыномъ своимъ, а деревляне затворишася в городѣ, и боряху крѣпько из города, вѣдаху бо, яко сами убилѣ князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто цѣло, и не можаше взяти города, и умысли сице: посла къ городу, ркущи: «Чего хощете

досѣдѣти? А вси ваши городи передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землю свою, а вы хощете голодомъ измерети, не имучися по дань». Деревляни же рькоша: «Ради быхомъ ся яли по дань, но хощеши мьшати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ уже мьстила есмь *мужа* своего, когда придоша къ Киеву, и второе, и третьее, еже когда творяхут трызъну мужю моему. А уже не хощю отмщения творити, но хощю дань имати помалу и, смирившися с вами, поиду опять». Ркоша же древляне: «Что хощеши у нас? Ради даемъ и медом и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у вас нѣту меду, ни скоры, но мала у васъ прошю: дайте ми от двора по три голуби и по три воробьи. Азъ бо не хощю тяжькы дани възложити на васъ, якоже мужь мой, но сего у вас прошю мала: изнемогли бо ся есте въ осадѣ, да вдайте ми се малое». Деревляне же ради быша, събраша же от двора по три голуби и по три воробьи, и послаша къ Ользѣ с поклоном. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покорилѣ мнѣ и моему дѣтяти, а идете в городъ, а язъ заутра отступлю от города и поиду в городъ свой». Деревьляне же ради быша, вънидоша в город и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье в городе. Ольга же раздая воемъ комуждо по голуби, а дьругимъ по воробьеви, и повелѣ къемуждо голубеви и воробьеви привязати чѣрь и, обѣрътываючи въ *платкы* малы, нитькою повѣрьзаючи къ всѣмъ голубемъ и воробьемъ. И повелѣ Ольга, яко смѣрчеся, пустити голуби и воробии воемъ своимъ. *Голуби* же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови в голубникы своя, воробьеве же подъ острѣхы, и тако загарахуться голубници, и от нихъ клѣти и одрины. И не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо дворѣ възгорѣшася. И побѣгоша людье из города, и повелѣ Олга воемъ своимъ имати я. И яко взя городъ и пожьже и́, старѣйшины же города *изънима* и прочая люди овѣхъ изби, а другия работѣ преда мужем своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань.

И възложи на ня дань тяжьку, и двѣ части идета Киеву, а третьяя — Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ[143] Ольжинъ город. И иде Олга по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и урокы, и суть становища ея и ловища ея. И приде в городъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославом и, пребывши лѣто едино, в лѣто 6455 иде Олга Новугороду. И устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты[144] и дань, и оброкы; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и мѣста и погосты. *И сани ея стоять въ Плесъковѣ и до сего дни*, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни. Изрядивши, възвратися къ сыну своему в Киевъ и пребываше с ним въ любви.

В лѣто 6456. В лѣто 6457. В лѣто 6458. В лѣто 6459. В лѣто 6460. В лѣто 6461. В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Олга въ Грѣкы и приде к Цесарюграду.[145] И бѣ тогда цесарь Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И видѣвъ ю добру сущю лицем и смыслену велми, и удивися цесарь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: «Подобна еси царствовати в городѣ семъ с нами». Она же, разумѣвши, и рече къ цесарю: «Азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крѣсти мя самъ, аще ли — то не кресщюся». И крести ю цесарь с патриархом. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ. И поучи ю патриархъ о вѣрѣ и рече ей: «Благословена ты еси в руськых князехъ, яко възлюби свѣтъ, а тму остави. Благословити тя имуть сынове рустии и въ послѣдний родъ внукъ твоихъ». И заповѣда ей о церковнемъ уставѣ, и о молитвѣ, и постѣ, и о милостыни и о въздѣржании тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученью, и, поклонившися патриарху, глаголаше: «Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сѣти неприязнены». Бѣ же имя ей наречено въ кресщении Олена, якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина. И благослови ю патриархъ и отпусти ю. И по кресщении призва ю цесарь и рече ей: «Хощю тя поняти женѣ». Она же рече: «Како мя хощеши поняти, а крѣстивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А въ крестьянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече цесарь: «Переклюка мя, Олга». И вдасть ей дары многы, золото и серебро, паволокы, съсуды разноличныя и отпусти ю, нарекъ ю дщерь себѣ. Она же, хотячи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домъ, и рече ему: «Людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ от вьсякого зла». И рече патриархъ: «Чадо вѣрное! Въ Христа крѣстилася еси и въ Христа облечеся, и Христосъ съхранить тя, якоже съхрани Еноха в пѣрвыя роды, потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давида от Саула, три отрокы от пещи, Данила от звѣрий,[146] тако и тебе избавить от неприязни и сѣтий его». И благослови ю патриархъ, и иде с миром в землю свою и приде къ Киеву.

Се же бысть, яко и при Соломони приде цесарица ефиопьская, слышати хотящи мудрость Соломоню, многу мудрость видѣти и зънамения:[147] тако и си блаженая Олга искаше добрые мудрости Божия, но она человѣцьскыя, а си Божия. «Ищющи бо премудрости обрящют»;[148] «Премудрость на исходищихъ поеться, на путехъ же дѣрзновение водит, на краихъ же стѣнъ забралныхъ проповѣдается, въ вратѣхъ же градныхъ дѣрзающи глаголеть: елико бо лѣтъ незлобивии дѣржатся по пьравду...».[149] И си бо от възвраста блаженая Олена искаше мудростью, что есть луче всего въ свѣтѣ семъ, и налѣзе бисеръ многоцѣньный, еже есть Христосъ. Рече бо Соломонъ: «Желанье благовѣрныхъ наслажаеть душю»;[150] и «Приложиши сердце свое в разумъ»;[151] «Азъ бо любящая мя люблю, а ищющии мене обрящють мя»,[152] ибо Господь рече: «Приходящаго къ мнѣ не иждену вонъ».[153]

Си же Ольга приде къ Киеву, и, якоже рькохом, и присла к ней цесарь грѣцкый, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты же глагола ми, яко «аще

възвращюся в Русь, многы дары послю ти: челядь, и воскъ и скору, и воя многы в помощь». Отвѣщавши же, Олга рече къ послом: «Аще ты, рци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти вдамъ». И отпусти слы, си рекши.

Живяше же Олга съ сыномъ своимъ Святославом, и учашет его мати креститися, и не брежаше того, ни въ уши внимаше, но аще кто хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Невѣрнымъ бо вѣра крестьяньская уродьство есть»;[154] «Не смыслиша бо, ни разумѣша въ тмѣ ходящии»,[155] и не видѣша славы Господня. «Одобелѣша бо сердца ихъ, и ушима бо тяшько *слышати*, очима видѣти».[156] Рече бо Соломонъ: «*Дѣла* нечестивых далече от разума»:[157] «Понеже звахъ вы, и не послушасте, и простро̀х словеса, и не разумѣсте, но отмѣтасте моя свѣты и моихъ же обличений не внимасте»;[158] «Възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же моя обличения».[159] Якоже бо Олга часто глаголаше: «Азъ, сыну, Бога познах и радуюся, аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши». Онъ же не внимаше того, глаголя: «Како азъ хочю инъ законъ одинъ язъ приняти? А дружина моя сему смѣяти начнут». Она же рече ему: «Аще ты крестишися, вси имут то же створити». Онъ же не послуша матери и творяше норовы поганьскыя. Аще кто матери не слушаеть, в бѣду впадае, якоже рече: «Аще кто отца или матерь не слушаеть, смертью да умреть».[160] Се же тому гнѣвашеся на матерь. Соломонъ бо рече: «Кажа злыя, приемлеть себе досажение, обличая нечестиваго, поречеть себѣ; обличения бо нечестивымъ мозолье имъ суть. Не обличай злыхъ, да не *възненавидять* тебе».[161] Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: «Воля Божия да будет: аще Богъ въсхощеть помиловати роду моего и земли Рускые, да *възложит* имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възъраста его.

В лѣто 6464. В лѣто 6465. В лѣто 6466. В лѣто 6467. В лѣто 6468. В лѣто 6469. В лѣто 6470. В лѣто 6471.

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача воя съвокупляти многы и храбры. Бѣ бо и самъ хоробръ и легокъ, ходя аки пардусъ, войны многы творяше. Возъ бо по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странам, глаголя: «Хочю на вы ити».[162] И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи и рече имъ: «Кому дань даете?» Они же ркоша: «Козаром по щелягу от рала даем».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары. Слышавше же, козаре изыдоша противу съ княземъ своим каганомъ, и съступиша ся *бити*, и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ козаром и городъ ихъ Бѣлу Вежю взя.[163] И ясы побѣди и касогы, и приде къ Киеву.

В лѣто 6474. Побѣди вятичь Святославъ и дань на нихъ възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болъгары.[164] И бившимъся, одолѣ Святославъ болгаромъ и взя городовъ 80 по Дунаю, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ.

В лѣто 6476. Придоша печенизи пѣрвое на Рускую землю, а Святославъ бяше в Переяславци. И затворися Ольга съ внукы *своими* Ярополкомъ, и Олгомъ и Володимеромъ в городѣ Киевѣ. И оступиша печенизи городъ в силѣ тяжьцѣ, бещисленое множьство около города, и не бѣ лзѣ вылѣсти изъ града, ни вѣсти послати, и изънемогаху людье гладом и водою. И събравшеся людье оноя страны Днѣпьра в лодьяхъ и об ону страну стояху, и не бѣ лзѣ внити в Киевъ ни единому же ихъ, ни изъ города къ онѣмъ. И въстужиша людье в городѣ и ркоша: «Нѣ ли кого, иже бы на ону страну моглъ доити и *речи имъ*: аще не приступите утро подъ городъ, предатися имамъ печенѣгом?» И рече одинъ отрокъ: «Азъ могу преити». Горожани же, ради бывше, ркоша отроку: «Аще можеши, како ити — иди». Онъ же изыде изъ града съ уздою и хожаше *сквозѣ* печенѣгы, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?» Бѣ бо умѣя *печенѣжскы*, и̂ и мняхуть и-своихъ. И яко приближися к рѣцѣ, свѣргъ порты съ себе, сунуся въ Днѣпръ, и побрѣде. И видѣвше, печенѣзи устрѣмишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же, видѣвше съ оноя страны, приѣхавше в лодьи противу ему, взяша и́ в лодью и привезоша и къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не подъступите заутра рано подъ город, предатися имуть людье пѣченѣгом». Рече же имъ воевода ихъ, именемъ Претичь: «Подъступимъ заутра в лодьях и, попадъше княгиню и *княжичи*, умьчимъ на сю страну, и люди.[165] Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святославъ». И яко бысть заутра, всѣдоша в лодья противу свѣту, въструбиша велми трубами, и людье въ градѣ кликоша. Печенизѣ же мнѣша князя пришедша, побѣгоша розно от града. И изыде Олга съ внукы и съ людми к лодьямъ. И видѣвъ же, князь печенѣжьскый възвратися единъ къ воеводѣ Притичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оноя страны». И рече князь печенѣжьскый: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужь его и пришелъ есмь въ сторожехъ, а по мнѣ идеть вой бещисленое множьство». Се же рече, грозя имъ. И рече князь печенѣжьскый Претичу: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако буди». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьскый князь Претичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему брони, щитъ, мечь. И отступиша печенѣзѣ от города, и не бяше лзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣгы. И послаша киянѣ къ Святославу, глаголюще: «Ты,

княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишивъ: малѣ бо нас не възяша печенѣзи, и матерь твою и дѣтий твоихъ. Аще не придеши, ни оборониши нас, да пакы възмуть. Аще ти не жаль отьчины своея, и матерь, стары суща, и дѣти своих?» То слышавъ, Святославъ вборзѣ въсѣдъ на кони съ дружиною своею и приде къ Киеву, и цѣлова матерь свою и дѣти своя, съжалиси о бывшем от печенѣгъ. И събра воя и прогна печенѣгы в поле, и бысть мирно.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ *матери* своей и къ боярам своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходяться: от Грѣкъ паволокы, золото, вино и овощи разноличьнии, и и-Щеховъ и изъ Угоръ — серебро и комони, изъ Руси же — скора, и воскъ, и медъ и челядь». И рече ему мати: «Видиши ли мя болну сущю, камо хощеши от мене?» — бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: «Погребъ мя, иди аможе хощеши». И по трехъ днехъ умре Олга. И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великим и, несъше, погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Олга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи прозвутера, и тъ похорони блажену Олгу.

Си бысть предътекущия хрестьяньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтомъ. Си бо сияше аки *луна* в нощи, тако *и* си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтяшеся аки бисеръ въ калѣ: калнѣ бо бѣша грѣхом, не омовени святымъ кресщением. Си бо омыся святою купѣлью, съвлечеся грѣховныя одежда ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облѣчеся, еже есть Христосъ. Мы же речемъ къ ней: «Радуйся, руское познание къ Богу, начатокъ примирению быхом». Си пѣрвое вниде въ царство небесное от Руси, сию бо хвалять рустии сынове акы началницю, ибо по смерти моляшеся къ Богу за Русь. Праправеднихъ бо душа не умирают, якоже рече *Соломонъ*: «Похваляему правѣдному възвеселятся людье»,[166] бесмертье бо есть память его, яко от Бога познавается и от человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляют, видяще лежащю в тѣлѣ за многа лѣта, рече бо пророкъ: «Прославляюща мя прославлю».[167] О сяковыхъ бо Давидъ глаголаше: «В память вѣчную будеть правѣдникъ, от слуха зла не убоится; готово серце его уповати на Господа, утвѣрдися сердце его и не подвижится».[168] Соломонъ бо рече: «Праведници въ вѣкы живуть, и от Господа мьзда имъ есть и строение от Вышняго. Сего ради приимут царствие красотѣ и вѣнѣць доброты от рукы Господня, яко десницею защитить я и мышьцею покрыеть я».[169] Защитилъ бо есть силою блаженую Ольгу от противника и супостата дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Кыевѣ, а Олга в Деревѣхъ. В се же время придоша людье новъгородьстии, просяще князя себѣ: «Аще не поидете к нам, то налѣземъ князя себѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы кто к вам шелъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олгъ. И рече

Добрыня: «Просите Володимиря». Володимиръ бо бѣ от Малуши, милостьницѣ Ольжины;[170] сестра же бѣ Добрыня, отець же бѣ има Малъко Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша новгородци Святославу: «Въдай ны Володимира». И пояша новгородьци Володимира себѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею, уемъ своим, к Новугороду, а Святославъ къ Переяславцю.

В лѣто 6479. Прииде Святославъ Переяславцю, и затворишася болгаре в городѣ. И изълѣзоша болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одолѣваху болгаре. И рече Святославъ воем своимъ: «Уже нам здѣ пасти, потягнемъ мужьскы, братье и дружино!». И к вечеру одолѣ Святославъ и взя город копьем, рькя: «Се городъ мой!». И посла къ грѣком, глаголя: «Хощю на вы ити и взяти городъ вашь, яко и сий». И ркоша грѣци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми на нас дань и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на головы». Се же ркоша грѣци, *льстячи* подъ русью: суть бо грѣци мудри[171] и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть нас 20 тысящь» и прирече 10 тысящь, бѣ бо руси 10 тысящь толко. И пристроиша грѣци 100 тысящь на Святослава и не даша дани. И поиде Святославъ на грѣкы, и изидоша противу руси. Видѣвъ же русь и убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посрамим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертьвы бо сорома не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ нам. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, *то* промыслите о себѣ». И ркоша вои: «Идеже глава твоя ляжеть, ту и главы наша сложим». И исполчишася русь и грѣци противу. И сразистася полка, и оступиша грѣци русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и грѣци побѣгоша. И поиде Святославъ, воюя, къ городу[172] и другая городы разбивая, иже стоять пусты и до *днешьнего* дне.

И създва цесарь в полату бояры своя и рече имъ: «Что створим? Не можемъ стати противу ему». И ркоша ему бояре: «Посли к нему дары, искусимъ`и, любезнивъ ли есть злату, или паволокам?». Послаша к нему злато и паволокы и мужа *мудра* и рькоша ему: «Глядай взора его и лица его и смысла его». Онъ же, веземъ дары, приде къ Святославу. И яко придоша грѣци с *поклоном*, рече: «Въведете я сѣмо». И придоша, и поклонишася ему, и положиша предъ ним злато и паволокы. И рече Святославъ, прочь зря: «Похороните!». Отроци же Святославли, вземше, похорониша. Сли же цесаревы възвратишася къ цесарю и създва цесарь бояры. И ркоша же послании, яко «Придохомъ к нему и въдахомъ дары, и не позрѣ на ня и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси`и единою и еще — посли ему оружье». Они же послушаша его и послаша ему мечь и ино оружье. Онъ же, приимъ, нача любити, и хвалити, и цѣловати цесаря. И придоша опять къ цесарю и повѣдаша вся бывшая. И ркоша бояре: «Лють сей мужь хощеть быти, яко имѣния не брежет, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла цесарь, глаголя сице: «Не ходи къ городу, но възми дань и еже хощеши», за маломъ бо

бѣ не *дошелъ* Цесаря-града. И вдаша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «Родъ его възметь». Възя же и дары многы и възвратися в Переяславѣць с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в себе: «Егда како, прелѣстивше, изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо мьнози погыбли на полку. И рече: «Поиду в Русь и приведу боле дружины».

И посла слы къ цесареви в Дерестѣръ, бѣ бо ту цесарь, ркя сице: «Хочю имѣти миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, *цесарь* радъ бысть и посла дары къ нему болша пѣрвыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, ркя сице: «Аще не створимъ мира съ цесаремъ, а увѣсть цесарь, яко мало нас есть и, пришедше, оступят ны в городѣ. А Руская земля далече есть, а печенѣзи с нами ратни, а кто ны поможет? Но створим миръ с цесаремъ, се бо ны ся по дань ялъ, и то буди доволно намъ. Аще ли начнет не управляти дани, то изнова изъ Руси, съвокупивше вои множайша, и придемъ къ Цесарюграду». И люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпьшии мужи къ цесареви, и придоша въ Дерьстеръ, и повѣдаша цесареви. Цесарь же наутрѣя призва я, и рече цесарь: «Да глаголють сли руссции». Они же ркоша: «Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь съ царем грѣцькымъ свѣршену прочая вся лѣта». Цесарь же, радъ бывъ, повелѣ письцю писати на харотью вься рѣци Святославли. И начаша глаголати сли вся рѣчи, и нача писець писати. Глаголя сице:

«Равно другаго свѣщания,[173] *бывшаго* при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмъ и при Свѣнгельдѣ, писано при Феофилѣ *синкелѣ* и ко Иоану, нарѣцаемому Цимьскому,[174] цесарю грѣцкому, в Дерьстрѣ, мѣсяца иулия, индикта 14, *в лѣто 6479*.

Азъ Святославъ, князь рускый, якоже кляхся, и утвѣржаю на свѣщании семъ роту свою и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякымъ и великымъ цесаремь[175] грѣцьким и съ Васильем и съ Костянтином, и съ богодохновенными цесари, и съ всими людми вашими, иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышляю на страну вашю, ни сбираю людий, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ *властию* грѣцькою, ни на власть Коръсуньскую и елико есть *городовъ* ихъ, ни на страну Больгарьску. Да аще инъ кто помыслит на страну вашю, да язъ буду противенъ ему и бьюся с ним. Якоже и кляхся азъ к цесаремь грѣцьскымъ, и со мною бояре и русь вся, да хранимъ правая свѣщания. Аще ли от тѣхъ самѣхъ и преждереченыхъ не храним, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от Бога, в неже вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будем золотѣ, якоже золото се,[176] и своимъ оружьемь да иссѣчени будемъ, да умремъ. Се же имѣете во истину, якоже створихъ нынѣ к вамъ, и написахъ на хароты сей и своими печатьми запечатахомъ».

Створивъ же миръ Святославъ съ грѣкы и поиде в лодьяхъ къ порогом. И рече ему воевода отень и Свѣнгелдъ: «Поиди, княже, около на конех, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его и поиде въ лодьяхъ. Послаша же переяславци къ печенѣгом, глаголя: «Идеть Святославъ в Русь, възем имѣнье много у грѣкъ и полонъ бещисленъ, а с маломъ дружины». Слышавше же печенѣзи се, заступиша порогы.[177] И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ проити пороговъ. И ста зимовать въ Бѣлобережьи, не бѣ в них брашна, и бысть гладъ великъ, яко по полугривнѣ голова коняча, и зимова Святославъ. Веснѣ же приспѣвъши, поиде Святославъ в порогы.

В лѣто 6480. Приде Святославъ в порогы, и нападе на ня Куря, князь печенѣжьскый, и убиша Святослава, и взяша голову его, и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху в немъ. Свѣнгелдъ же приде къ Киеву къ Ярополку. И бысть всѣхъ лѣт княжения Святославля лѣт 28.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловы дѣюшю Свѣньгелдичю, именемъ Лотъ, ишедъ бо изъ Киева, гна по звѣри в лѣсѣ. Узрѣ`и Олегъ и рече: «Кто се есть?». И ркоша ему: «Свѣнгелдиць». И, заѣхавъ, уби`и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о том бысть межи има ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣнгелдъ: «Поиди на брата своего и приимеши власть един его», хотя отмьстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьскую землю. И изыде противу ему Олегъ, и ополчистася, и сразившимася полкома, и побѣди Ярополкъ Олга. Побѣгъшю же Олгови с вои своими в город, рѣкомый Вручий,[178] и бяше мостъ чресъ гроблю к воротам городным, и, тѣснячися другъ друга, спехнуша Олга с моста въ дебрь. И падаху людье мнози с моста, и удавиша и кони и человѣци. И вшедъ Ярополкъ в город Олговъ, прия волость его, и посла искати брата своего, и искавше его, не обрѣтоша. И рече одинъ древлянинъ: «Азъ

видѣхъ вчера, яко съпехънуша`и с моста». И посла Ярополкъ искатъ, и волочиша трупье изъ гробли от утра и до полудни, и налѣзоша исподи Олга подъ трупьемъ, и внесъше, положиша`и на коврѣ. И приде Ярополкъ надъ онь и плакася, и рече Свеньгелду: «Вижь, иже ты сего хотяше». И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его *у* Въручего и до сего дни. И прия волость его Ярополкъ. И у Ярополка жена грѣкини бѣ, и бяше была черницею, юже бѣ привелъ отець его Святославъ и въда ю за Ярополка, красы дѣля лица ея. Слышавъ же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Олга, убоявся, бѣжа за море. А Ярополкъ посади посадникъ свой въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486. В лѣто 6487.

В лѣто 6488. Приде Володимиръ с варягы къ Новугороду и рече посадником Ярополъчимъ: «Идете къ брату моему и речете ему: Володимиръ идеть на тя, пристраивайся противу бится». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла к Роговолоду Полотьску, глаголя: «Хощю пояти дщерь твою женѣ». Онъ же рече дъщери своей: «Хощеши ли за Володимира?». Она же рече: «Не хощю розути Володимера,[179] но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ перешелъ изъ заморья, имяше волость свою Полотьскѣ, а Туръ Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И приидоша отроци Володимири и *повѣдаша* ему всю рѣчь Рогнѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя полотьского. Володимиръ же събра вои многы, варягы и словѣны, и чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху вести Рогънѣдь за Ярополка. И приде Володимиръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дщерь его Рогънѣдь поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимиръ къ Киеву съ вои многыми, и не може Ярополкъ стати противу Володимиру, и затворися Ярополкъ въ Киевѣ съ людьми своими и съ Блудом; и стояше Володимиръ, обрывся на Дорогожичи,[180] межи Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лѣстью глаголя: «Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя начну въ отца мѣсто своего, и многу честь возмеши от мене: не я бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убояхъся и придохъ на нь». И рече Блудъ къ посланымъ Володимиром: «Азъ буду *ти въ приязнь*». О злая лѣсть човѣчьская! Якоже Давидъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой, възвеличилъ есть на мя лѣсть».[181] Сьи убо *лукавоваше* на князя лѣстью. *И пакы*: «Языкы своими льшаху. Суди имъ, Боже, да отпадут от мыслий своих; по множьству *нечестиа их* изърини я, яко прогнѣваша тя, Господи».[182] И пакы тоже рече Давидъ: «Мужи крови льстиви не приплловят

дний своих».[183] Се есть свѣтъ золъ, еже *свѣщевають* <...> на кровопролитье, то суть неистовии, иже приимъше от князя или от господина своего честь и дары, ти мыслят о главѣ князя своего на погубление, горьше суть таковии бѣсовъ. Якоже и Блудъ предасть князя своего, приимъ от него чести многы, сь бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворивъся съ Ярополком, слаше къ Володимиру часто, веля ему приступати къ городу бранью, самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не лзѣ убити его. Блуд же не възмогъ, како бы̀и погубити, замысли лѣстью, веля ему не изълазити на брань изъ града. И рече же Блудъ Ярополку: «Киянѣ слются къ Володимирю, глаголюще: “Приступай къ городу бранью, яко предамы ти Ярополка”. Побѣгни изъ града». И послуша его Ярополкъ и бѣжа изъ града, и, пришедъ, затворися въ градѣ Родѣнѣ на устьи Ръси,[184] а Володимиръ вниде в Киевъ, и осѣдяху Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши ли, колко вой у брата твоего? Намъ ихъ не *перебороти*. И твори миръ съ братомъ своимъ», льстя подъ ним, се рече. И рече Ярополкъ: «Тако буди». И посла Блудъ къ Володимеру, глаголя, яко «Събыся мысль твоя, яко приведу Ярополка к тебѣ, и пристрой убити `и». Володимиръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремьный отень, о немьже преже сказахом, сѣде ту с вои и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рьци ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгъни в печенѣгы и приведеши воя». И не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимиру, и яко полѣзе въ двѣри, подъяста и́ два варяга мечема подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двѣри и не дасть по немъ внити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяжько же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги и мьного воева с печенѣгы на Володимира, и одва привабѝи, заходивъ к нему ротѣ. Володимиръ же залѣже жену братьню грѣкиню, и бѣ непраздна, от нея же роди Святополка. От грѣховнаго бо корене злый плодъ бываеть: понеже была бѣ мати его черницею, а второе — Володимиръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчищь бысть убо. Тѣмьже и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю — от Ярополка и от Володимира.

Посемъ рѣша варязи Володимеру: «Се град нашь, и мы прияхом̀и, да хощем имати откупъ на них по 2 гривнѣ от человѣка». И рече имъ Володимиръ: «Пождьдете, даже вы куны сберут за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ. И рѣша варязи: «Сульстилъ еси нами, да покажи ны путь въ грѣкы». Онъ же рече: «Идете». Изъбра от нихъ мужа добры и смыслены и храбъры и раздая имъ грады; прочии же идоша Цесарюграду. И посла пред ними слы, глаголя сице цесареви: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози ихъ дѣржати в городѣ, или то створят ти въ градѣ, яко здѣ, но расточи я раздно, а семо не пущай ни единого».

И нача княжити Володимиръ въ Киевѣ одинъ и постави кумиры на холъму внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а голова его серебряна,

а усъ золот, и Хоръса, и Дажьбога, и Стрибога и Сѣмарьгла, и Мокошь. [185] И жряхут имъ, наричуще *богы*, и привожаху сыны своя, и жряху бѣсомъ, и осквѣрняху землю требами своими. И осквѣрнися требами земля Русская и холмъ тъ. Но преблагый Богъ не хотяй смерти грѣшником: на томъ холмѣ нынѣ церкы есть святаго Василья, якоже послѣдѣ скажем. Мы же на преднее възвратимся.

Володимиръ же посади Добрыню, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумиръ надъ рѣкою Волховомъ, и жряхуть ему людье новгородьстии акы Богу.

Бѣ же Володимиръ побѣженъ похотью женьскою. Быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже есть нынѣ селце Передславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, и двѣ дщери; от грѣкини — Святополка; от чехыни — Вышеслава; а от другия — Святослава, а от больгарыни — Бориса и Глѣба. И наложьниць у него 300 въ Вышегородѣ, 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣмъ в сельци, еже зовут и нынѣ Берестовое. И бѣ несытъ блуда, и приводя к себѣ мужьскыя жены и дѣвици растляя. Бѣ бо женолюбець, яко и Соломонъ: бѣ бо у Соломона, рече, *женъ* 700, а наложьниць 300.[186] Мудръ же бѣ, а на конѣць погибе; сь же бѣ невеглас, на конѣць обрѣте спасение. «Велий бо Господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть числа!»[187] Зло бо есть женьская прелѣсть, якоже рече Соломонъ, покаявся, о женахъ: «Не внимати злѣ женѣ, медъ бо каплеть от устъ ея, жены любодѣица, во время наслажаеть твой гортань, послѣдѣ же горьчѣе желчи обрящеши. Прилѣпляющаяся ей *вънидутъ съ* смертью въ адъ. На пути бо животъныя не находит, блудна бо теченья ея и неблагоразумна».[188] Се же рече Соломонъ о прелюбодѣицах. О добрыхъ же женахъ рече: «Дражьши есть каменья многоценьнаго. Радуется о ней мужь ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши волну и ленъ, створить благопотребная рукама своима. Бысть яко корабль, куплю дѣющь, издалеча събираеть себѣ богатьство, и въстаеть из нощи, и даеть брашно дому и дѣло рабынямъ. Видѣвши тяжание, куповаше, от дѣлъ руку своею насадить тяжание. Препоясавши крѣпько чресла своя, и утвѣрьди мышьци свои на дѣло. И вкуси, яко добро дѣлати, и не угасает свѣтилникъ ея всю нощь. Руцѣ свои простираеть на полезная, локти же свои утвѣржает на веретено. Руцѣ свои отвѣрзаеть убогимъ, плодъ же простре нищим. Не печеться о дому своемъ мужь ея, егда кдѣ будет. Сугуба одѣнья створит мужю своему, очерьвлена и багъряна себѣ одѣнья. Възоренъ бываеть въ вратѣхъ мужь ея, внегда аще сядеть на соньмищи съ старци и съ жители земля. Опоны створи и отдасть в куплю. Уста же своя отвѣрзе смыслено и въ чинъ молвить языкомъ своим. Въ крѣпость и в лѣпоту облечеся. Милостыня ея въздвигоша чада ея, обогатѣша, и мужь ея похвали ю. Жена бо разумлива благословлена есть, боязнь же Господню да хвалит. Дадите ей от плода устъну ея, да хвалять въ вратѣхъ мужа ея».[189]

В лѣто 6489. Иде Володимиръ к ляхомъ и зая грады ихъ: Перемышль, Червенъ[190] и ины городы, иже суть и до сего дне подъ Русью. Семъ же лѣтѣ и вятичи побѣди и възложи на ня дань от плуга, якоже отець егоималъ.

В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимеръ и победи я второе.

В лѣто 6491. Иде Володимиръ на ятвягы[191] и взя землю ихъ. И приде къ Киеву и творяше требу кумиромъ с людми своими. И ркоша старци и бояре: «Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю, на негоже падеть, того зарѣжемы богомъ». И бяше варягъ одинъ, бѣ дворъ его, идеже бѣ церкви святыя Богородица, юже създа Володимиръ. Бѣ же варягь тъй пришелъ от Грѣкъ и дѣржаше вѣру в тайнѣ крестьяньскую. И бѣ у него сынъ красенъ лицем и душею, и на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не тѣрпяше бо дьяволъ, власть имѣя надъ всими, сьй бяше ему акы тѣрнъ въ сердци, и тщашеся потребити оканный и наусти люди. И рѣша, пришедъша, послании к нему, яко: «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо̀ и бози себѣ, да створим требу богомъ». И рече варягъ: «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнило есть, не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками въ древѣ *секирою* и ножемъ. А Богъ единъ есть, емуже служать грѣци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и человѣка, и зъвѣзды, и солнце, и луну, и далъ есть жити на земли. И си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсом». Они же, шедъше, повѣдаша людемъ. Они же, вземъше оружье, поидоша на нь и разъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Дай сына своего, дамы ̀и богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози, то единого себе послють бога, да поимуть сына моего. А вы чему *перетребуете* имъ?». И кликнуша и сѣкоша сѣни подъ ними, и тако побиша я. И не свѣсть никтоже, где положиша я. Бяху бо человѣци тогда невегласи, погани, и дьяволъ радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо и *преди* тъщашеся погубити родъ хьрестьяньскый, но прогонимъ бяше крестомъ честнымъ *во* иныхъ странах, здѣ же мняшеся оканьный, яко здѣ ми есть жилище, здѣ бо не суть учили апостоли, ни пророци прорекъли, не вѣдый пророка, глаголюща: «И нареку не люди моя *люди моя*»;[192] о апостолѣхъ же рече: «Во всю землю изидоша вѣщания ихъ и в конѣць вселеныя глаголи ихъ».[193] Аще бо и тѣломъ апостоли суть здѣ не были, но учения ихъ, яко трубы, гласять по вселений въ цѣрьквахъ, имъже ученьемъ побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нозѣ, якоже попраста и сия отьченика, и приимъша вѣнѣць небесный съ святыми мученикы и съ праведными.

В лѣто 6492. Иде Володимиръ на радимици. И бѣ у него воевода Волчий Хвостъ, и посла пред собою Володимиръ Волчия Хвоста, и срѣте радимичи на рѣцѣ Пищанѣ,[194] и побѣди Волчий Хвостъ радимичи. Тѣмь и русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пѣщаньци волъчья хвоста бѣгаютъ». Быша же радимичи от рода ляховъ; и, пришедше ту, ся вселиша, и платять дань в Руси, и повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимиръ на Болъгары съ Добрынею, уемъ своимъ, в лодьяхъ, а торкы берегомъ приведе на конехъ. И тако побѣди болгары.[195] И рече Добърыня Володимиру: «Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ. Симъ дани намъ не платити, поидевѣ искать лапотникъ». И сътвори миръ Володимиръ с болгары, и ротѣ заходиша межи собою, и рѣша болгаре: «Толи не буди мира межи нами, оли же камень начнеть плавати, а хмель грязнути». И приде Владимиръ къ Киеву.

В лѣто 6494. Приидоша болгаре вѣры бохъмичи,[196] глаголюще, яко «Ты князь еси мудръ и смысленъ и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ наш и поклонися Бохъмиту». Рече Володимиръ: «Кака есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную. Дасть Бохъмить комуждо по семидесятъ женъ красенъ, и изберетъ едину красну, и всѣхъ красоту възложит на едину, и та будеть ему жена. Здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякый. На семъ же свѣтѣ аще будет кто убогъ, то и тамо, аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо». И ина многа лѣсть, еяже *нелзѣ* писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блужение многое, и послушаше сладъко, Но се бѣ ему не любо: обрѣзание удовъ и о *неядении* свиныхъ мясъ, а о питьи отинудь рекъ: «Руси веселье питье, не можемъ безъ того быти». По семъ же придоша нѣмци от Рима, глаголюще, яко «Придохомъ послани от папежа». И ркоша ему: «Реклъ ти папежь: “Земля твоя яко земля наша, а вѣра ваша не акы вѣра наша, *вѣра* бо наша свѣтъ есть, кланяемъся Богу, иже створи небо и землю, и звѣзды, и мѣсяць и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть”». Володимиръ же рече: «Кака есть заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощение по силѣ. Аще кто пьеть или ѣсть, все въ славу Божию,[197] рече учитель нашъ Павелъ». Рече же Володимиръ нѣмцомъ: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше, жидове козарьстии[198] приидоша, ркуще: «Слышахомъ, яко приходиша болъгаре и хрестьяни, учаще тя кождо ихъ вѣрѣ своей. Хрестьяни бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ едину Богу Аврамову, Исакову, Ияковлю». И рече Володимиръ: «Что есть законъ вашь?» Они же рѣша: «Обрѣзатися и свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «То кде есть земля ваша?» Они же рѣша: «Въ Иерусадимѣ». Онъ же рече: «То тамо ли есть?» Они же рѣша: «Разъгнѣвалъся Богъ на отци наши и расточи ны по странам грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестьяномъ».[199] Володимиръ же рече: «То како вы инѣхъ учите, а сами отвѣржени *от* Бога? Аще бы

Богъ любилъ васъ, то не бысте расточнени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прияти?»

По семъ прислаша грѣци къ Володимиру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя приняти вѣру свою. Ихъ же вѣра осквѣрняеть небо и землю, иже суть проклятѣ паче всѣхъ человѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже пусти Богъ камѣнье горущее и потопи я, и погрязоша,[200] яко и сихъ ожидаеть день погибели ихъ, егда придеть Богъ судити на землю и погубити вься творящая безаконье и сквѣрны дѣющая. Си бо омывають оходы своя, поливавшеся водою, и въ ротъ вливають, и по брадѣ мажются, наричюще Бохмита. Тако же и жены ихъ творят ту же сквѣрну и ино же пуще: от совокупления мужьска вкушають». Си слышавъ, Володимиръ плюну на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима учить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра с нами мало же развращена: служать бо опрѣснокы, рекши оплатъкы, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбом служити, и преда апостоломъ, приимъ хлѣбъ, и рек: “Се есть тѣло мое, ломимое за вы”. Такоже и чашю приимъ, рече: “Се есть кровь моя новаго завѣта”.[201] Си же того не творять, и суть не исправилѣ вѣры». Рече же Володимиръ: «Придоша къ мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмьци и грѣци *вѣрують*, егоже мы распяхом». Философъ же рече: «Воистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорькоша, яко Богу родитися, а другии — распяту быти и третьй день въскреснути и на небеса възити. Они же ты пророкы и избиваху, а другия претираху. Егда же събысться пророчение ихъ, сниде на землю, и распятье приятъ, и въскресе и на небеса възиде, а сихъ же ожидаше покаянья за 40 лѣтъ и за 6, *и* не покаяшася, и посла на ня римляны. Грады ихъ разъбиша, а самѣхъ расточиша по странам, и работають въ странахъ». Рече же Володимиръ: «Что ради сниде Богъ на землю и страсть таку приятъ?» Отвѣщавъ же, рече философъ: «Аще хощеши, княже, послушати из начала, что ради сниде Богъ на землю?» Володимиръ же рече: «Послушаю, радъ». И нача философъ глаголати сице:[202]

Въ начало испѣрва створи Богъ небо и землю въ 1 день. Въ вторый день створи твердь, иже есть посредѣ водъ. Сего же дни раздѣлишася воды, полъ ихъ възиде на твѣрдь, а полъ ихъ под твердь.[203] Въ 3 день сътвори море, рѣкы, источникы и сѣмена. Въ 4 — солнце, и луну, и звѣзды, и украси Богъ небо. Видѣвъ же пѣрвый от ангелъ, старѣйшина чину ангельску, помысли в себе, рекъ: «Сниду на землю, и прииму землю, и поставлю столъ свой на облацѣхъ сѣверьскыхъ, и буду подобенъ Богу». И ту абье свѣржѐи съ небеси, и по немъ спадоша иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотанаилъ, в неже мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотана же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы пѣрвыя, наречеся противьникъ Богу. По семъ же въ 5 день створи Богъ кыты, и гады, и рыбы, и птица пернатыя, и звѣри, и скоты, и гады земныя. Въ 6 день створи же Богъ человѣка.[204] Въ 7 день почи Богъ от дѣлъ своихъ, еже есть субота. И насади

Богъ Рай на въстоци въ Едемѣ, и въведе Богъ ту человѣка, егоже созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же *единого* не ясти, иже есть разумѣти злу и добру. И бѣ Адамъ в Раи, и видяше Бога и славяше, егда ангели славяху Бога, и онъ с ними. И възложи Богъ на Адама сонъ, и успе Адамъ, и взятъ Богъ едино ребро у Адама, и створи ему жену, и приведе ю къ Адаму, и рече Адамъ: «Се кость от кости моея и плоть от плоти моея, си наречеться жена». И нарече Адамъ имена всѣмъ скотом и птицам, и звѣрем, и гадомъ, и самѣма ангелъ повѣда имени. И покори Богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всими, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволъ, яко почести Богъ человѣка, позавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и прииде в Евзѣ, и рече ей: «Почто не яста от древа, сущаго посредѣ Рая?» И рече жена къ змии: «Рече Богъ: не имата ясти, оли — да умрета смертью». И рече змия къ женѣ: «Смертью не умрета; вѣдаше бо Богъ, яко въньже день яста от него, отвѣрзостася очи ваю, и будета яко Богъ, разумѣвающа добро и зло». И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземьши жена снѣсть, и въдасть мужю своему, и яста, и отвѣрзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и сшиста листвием смоковьнымь препоясание. И рече Богъ: «Проклята земля въ дѣлехъ твоихъ, в печали яси вся дни живота твоего». И рече Господь Богъ: «Егда како прострета руку, и возмета от древа животнаго, и живета в вѣки». Изъгна Господь Богъ Адама из Рая. И сѣде прямо Раю, плачася и дѣлая землю, и порадовася сатана о проклятьи земля. Се на ны пѣрвое падение, горкый отвѣтъ, отпадения ангелъскаго житья. И роди Адамъ Каина и Авеля, и бѣ Каинъ ратай, а Авѣль пастух. Принесе Каинъ от плод земныхъ къ Богу, и не прия Богъ даровъ его. А Авель принесе от агнѣць пѣрвѣнѣць, и прия Богъ дары Авѣлевы. Сотона же вълѣзе въ Каина и пострѣкаше Каина на убийство Авѣлево. И рече Каинъ къ Авелю: «Изидевѣ на поле». И яко изидоша, въста Каинъ и хотяше убити`и, не умѣяше убити`и. И рече ему сотона: «Возми камень и удари`и». И уби Авѣля. И рече Богъ Каину: «Кде есть братъ твой?» Он же рече: «Еда азъ стражь есмь брату моему?»[205] И рече Богъ: «Кровь брата твоего въпиет къ мнѣ, буди стоня и трясыся до живота своего». Адамъ же и Евга плачющася бяста, и дьяволъ радовашеся, рекъ: «Сего же Богъ почести, азъ створих ему отпасти от Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзох». И плакастася по Авѣлѣ лѣт 30, и не сългни тѣло его, и не умѣста погрести его. И повелѣньемъ Божиимъ птѣнца два прилетѣста, единъ ею умре, и единъ же ископа яму, вложи умѣршаго и погребе. Видѣвша же се, Адамъ и Евга ископаста *яму*, и вложиста Авѣля, и погребоста`и съ плачем. Бысть же Адамъ лѣт 230 роди Сифа и 2 дщери, и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того чловѣци расплодишася по земли. И не познаша створшаго я, исполнишася блуда и всякого *скаредиа*, и убийства, и зависти, и живяху скотьскы человѣци. И бѣ Ной единъ правѣденъ в родѣ семъ. И роди 3 сына: Сима, Хама, Афета. И рече Богъ: «Не имать пребывати духъ мой въ человѣцехъ», и рече: «Да *потреблю* человѣка, егоже створих, от человѣка до скота». И рече Богъ Ноеви: «Створи ковчегъ в долготу лакотъ 300, а в широту 80, а *възвышье* 30 лакот» — егупьтѣ бо локтемъ саженъ зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣт, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, посмѣхахуся ему. И егда сдѣла ковчегъ, рече Господь Богъ Ноеви: «Влѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохы твоя, и въведи я к себѣ по двоему от всѣх гадъ, *скот и птицъ*». И въведе Ной, якоже заповѣда ему Богъ. И наведе Богъ потопъ на землю, и потопе всяка плоть, и ковчегъ плаваше на

водѣ. Егда же посяче вода, излѣзе Ной, и сынове его, и жена его. И от сихъ расплодися земля. И быша человѣци мнози и единогласни, рѣша другъ другу: «*Съзижемъ* столпъ до небесе». И начаша здати, и бѣ старѣйшина имъ Невродь.[206] И рече Богъ: «Умножишася человѣци, и помыслы ихъ суетны». И съниде Богъ, и размѣси языкы на 70 и два языка. Адамовъ же языкъ бысть не отъятъ у Авера: то бо единъ не приложися къ безумью ихъ, рѣкъ сице: «Аще бы человѣком Богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ Богъ словом, якоже створи небеса, и землю, и моря и вся видимая и невидимая». Того ради сего языкъ не премѣнися, от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася и разидошася по странам, кождо свой нравъ прияша. И по дьяволю научению ови рощением и кладязямъ жряху и рѣкам, и не познаша Бога. От Адама же до потопа лѣт 2242, а от потопа до разъдѣленья языкъ лѣт 529.

По семъ же дьяволъ в болша прелщения въвѣрже человѣкы, и начаша кумиры творити, ови древяныа и мѣдяныя, а друзии мороморяны, златы и сребряны, и кланяхуться имъ, и привожаху сыны своя и дьщери своя и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквѣрнена. И началникъ же бяше кумиротворению Серухъ, творяше бо кумиры въ имена мерътвыхъ человѣкъ, бывшимъ овѣмъ цесаремъ, другымъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ. Се же Серухъ роди Фару, Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, и Арана.[207] Фара же творяше кумиры, навыкъ у отца своего. Аврамъ же, пришедъ въ ум, възрѣвъ на небо, и рече: «Воистину *той* есть Богъ, иже створилъ небо и землю, а отець мой прельщает человѣкы». И рече Аврамъ: «Искушю богъ отца своего» и рече: «Отче! Прельщаеши человѣкы, творя кумиры древяны. То есть Богъ, иже створилъ небо и землю». И приимъ Аврамъ огнь, зажьже идолы въ *храминѣ*. Видѣвъ же се Аранъ, братъ Аврамовъ, рѣвнуя по идолѣхъ, хотѣ умьчати идолъ, самъ згорѣ ту Аранъ и умре пред отцемъ. Пред сѣмъ бо не умиралъ сынъ предъ отцемъ, но отець пред сыномъ, и от сего начаша умирати сынове пред отцемъ. И възлюби Богъ Аврама, и рече Богъ Авраму: «Изиди изъ дому отца твоего и поиди в землю, в нюже ти покажю, и створю тя въ языкъ великъ, и благословять тя колѣна земная». И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему Богь. И поя Аврамъ Лота, сыновца своего, и бѣ бо ему Лотъ шюринъ и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню дщерь Ароню, Сарру. И приде в землю Хананѣйску къ дубу высоку, и рече Богь къ Авраму: «Сѣмени твоему дамъ землю сию». И поклонися Аврамъ Богу. Аврамъ же бяше лѣт *75*, егда изиде от Хараона. Бѣ же Сарра неплоды, болящи *неплодскым*. Рече Сарра Авраму: «Влѣзи убо къ рабѣ моей». И поемши Сарра Агарь и вдасть *ю* мужеви своему, и влѣзъ Аврамъ къ Агари. И зача Агарь *и роди сына*, и прозва Аврамъ Измаилом, а Аврамъ же бѣ лѣт 86, егда родися Измаил. По семъ же, заченши, Сарра роди сына и нарече имя ему Исакъ. И повѣлѣ Богъ Авраму обрѣзати отроча, и обрѣза Аврам въ 8 день. И възлюби Богъ Аврама и племя его, и нарече я в люди себѣ, и отлучи я от языкъ, нарекъ люди своя. Сему же Исаку *възмогшу*, Авраму же живущю лѣт 175 и умре, и погребенъ бысть. Исаку же бывшю лѣт 60, роди два сына — Исава и Якова. Исавъ же бысть лукавъ, а Яков правдивъ. Сий же Яковъ работа у уя своего изъ дьщери его из *меньшие*

7 лѣт, и не дасть ему ея *Лаван*, уй его, рекъ: «Старѣйшюю поими». И вдасть ему Лию, старѣйшюю, и изъ другое рекъ ему: «Другую работай 7 лѣт». Онъ же . работа другую 7 лѣт из Рахили. И поя себѣ 2 сестреници, от неюже роди 8 сыновъ: Рувима, Семеона, Левгию, Июду, Исахара, и Заулона, Иосифа и Веньамина, и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада, Асира. И от сихъ расплодишася жидовѣ. Ияковъ же сниде въ Егупетъ, сы лѣт 130 с родомъ своим, числом 65 душь. Поживе же в Егуптѣ лѣт 17, и успе, и поработиша племя его за 400 лѣт.

По сихъ же лѣтѣхъ възмогоша людье жидовьстии, умножишася, и насиляхуть им егуптяне работою. В си же времена родися Моисѣй в жидех, и рѣша *волъсви* егупетьстии цесарю, яко «Родилъся есть дѣтищь въ жидох, иже хощеть погубити Егупет». Ту абье повелѣ цесарь ражающаяся дѣти жидовьскыя вмѣтати в рѣку. Мати же Моисѣова, убоявшися сего погубления, вземъши младенѣць, вложи въ крабьицю и, несъши, постави в лузѣ. В се же время сниде дщи фараонова Фермуфи купаться и видѣ отроча плачющеся, и възя е и пощади е, и нарече имя ему Моисий, и въскорми е. И бысть отроча красно, и бысть 4 лѣт, и приведѐи дщи фараоня къ отцю своему фараону. Видѣвъ же Моисѣя фараонъ, нача любити фараонъ отроча. Моисий же, хапаяся за шию цесареву, срони вѣнѣць съ главы цесаревы, и попра̀и.[208] Видѣвъ же волхвъ, рече цесареви: «О цесарю! Погуби отроча се: аще ли не погубиши, имаеть погубити всь Египет». И не послуша его цесарь, но паче повелѣ не погубити дѣтий жидовьскыхъ. Моисѣеви же възмогъшю, и бысть великъ в дому фараони. И бысть цесарь инъ, възавидѣша ему бояре. Моисѣй же уби егупьтянина, бѣжа изъ Египта и приде в землю Мадиамьску и, ходя по пустыни, научися от ангела Гавриила о бытьи всего мира, и о пѣрвѣмъ человѣци, и яже суть была по нем и по потопѣ, и о смѣшении языкъ, аще кто колико лѣтъ бяше былъ, и *звѣздное* хожение и число, земльную мѣру и всяку мудрость. По семъ же явися ему Богъ в купинѣ огньмь и рече ему: «Видѣхъ бѣду людий моих въ Египтѣ и низълѣзохъ изяти я от руку египетьску, изъвѣсти я от земли тоя. Ты же иди къ фараону цесарю египетъску и речеши ему: “Пусти Израиля, да три дни положать требу Господу Богу”. Аще не послушаеть тебе цесарь египетъскый, побью̀и и всими чюдесы моими». И пришедъшю Моисѣови, и не послуша его фараонъ, и пусти Богъ 10 казний на фараона: 1 — рѣкы въ кровь, 2 — жабы, 3 — мьшицѣ, 4 — пѣсья мухы, 5 — смерть на скотъ, 6 — прыщьеве *горющии*, 7 — градъ, 8 — прузи, 9 — тма три дни, 10 — моръ в человѣцѣхъ. Сего ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьскы. Егда же бысть моръ въ Египте, рече фараонъ Моисѣови *и* брату его Аарону: «Отъидета въскорѣ». Моисѣй же, събравъ люди жидовьскыя, поиде от земля Египетъскыя. И ведяше я Господь путемъ по пустыни къ Чермьному морю, и предъидяше пред ними нощью столпъ огньнъ, а во дни — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по нихъ, и притисну я къ морю. *Видѣвъше* же людье жидовьстии въспиша на Моисѣя, ркуще: «Почто *изведе* ны на смерть?». И въспи Моисѣй къ Богу, и рече Господь: «Что вопиеши къ мнѣ? Удари жезломъ в море». И створи Моисѣй тако, и раступиси вода надвое, и внидоша сынове израилеви в море. Видѣвъ же, фараонъ гна по нихъ, сынове же

израилеви проидоша посуху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И възлюби Богъ Израиля, и идоша от моря три дня по пустыни, и придоша в *Меронъ*. И бѣ ту вода горка, и възропташа людье на Бога, и показа имъ древо, и вложи е Моисѣй въ воду, и осладишася воды. По семъ же пакы възропташа людье на Моисѣя и на Арона, ркущи: «Луче ны бяше въ Египтѣ, еже ядохом мяса, и тукъ и хлѣбъ до сытости». И рече Господь Бог Моисѣови: «Слышах хулнание сыновъ Израилевъ». И дасть *им* манну ясти. По семъ же дасть имъ законъ на горѣ Синайстий. И Моисѣови въшедъшю на гору къ Богу, они же, сльявше тѣльчью главу, поклонишася аки Богу. Ихъ же Моисѣй исъсѣче 3000 числом. По семъ же пакы възропташа на Моисѣя и на Арона, еже не бѣ воды. И рече Господь Моисѣови: «Удари жезломъ в камень», рекъ: «Исъ сего камени егда не испустивѣ воды?» И разгнѣвася Господь на Моисѣя, яко не възвеличи Господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведѐ и на гору Вамьску и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисѣй ту на горѣ. И прия власть Исусъ Навгинъ. Сий приде въ землю обѣтованую и изби хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сыны Израилевы. Умѣрьшю же Исусу, бысть судья въ него мѣсто Июда, инѣхъ судий бысть 14. При них же, забывше Бога, изъведъшаго я изъ Египта, начаша служити бѣсом. И разъгнѣвася Богъ, предаяшеть я иноплеменьником на расхыщение. И егда ся начьну каяти, помиловашеть их, и пакы укланяхуся на бѣсослужение. По сихъ же служаше Илий жрець, и по семъ Самуилъ пророкъ. Рѣша людье Самуилу: «Постави нам цесаря». И разъгнѣвася Богъ на Израиля и постави надъ ними цесаря Саула. Таче Саулъ не изволи ходити въ завѣтѣ Господни, избра Господь Давида, поставѝ и цесаря надъ Израилемъ, и угоди Давидъ Богу. Сему Давиду кляся Богъ, яко от племени его родитися Богу. И пѣрвое начаша пророчьствовати о воплощении Божии, рекъ: «Изъ щрева преже деньница родихъ тя».[209] Се же пророчьствовавъ 40 лѣт и умре. И по нем царствова *и* пророчьствова сынъ его Соломонъ, иже възгради церковь Богови и нарече ю Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но на конѣць поползеся; цесарьствовавъ лѣт 40 и умре. По Соломонѣ же цесарьствовавъ сынъ его *Ровоамъ*. При семъ раздѣлися царство надвое жидовьское: въ Ерусалимъ одино, а другое в *Самарии*[210] Въ Самарѣи же царьствова Еровамъ, холопъ Соломонь, иже створи двѣ кравѣ златѣ и постави едину вь Вефили на холмѣ, а другу въ Енданѣ и рекъ: «Се Бога твоя, Израилю». И кланяхуся людье, а Бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ забывати Бога начаша, кланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть *Арей*,[211] и забыша Бога отець своихъ. И нача Богъ посылати к нимъ пророкы. Пророци же начаша обличати о безаконьи ихъ и о служеньи кумиръ. Они же начаша пророкы избивати, обличаеми от них. И разгнѣвася Богъ на Израиля велми и рече: «Отрину от себе и призову ины люди, иже мене послушают. И аще съгрѣшат, не помяну съгрѣшения ихъ». И нача посылати пророкы, глаголя: «*Прорицайте* о отвѣржении жидовьстѣ и о призваньи стран».

Пѣрвое же начаша пророчьстьвовати Осий, глаголя: «Преставлю царство дому Израилева и скрушю лукъ Израилевъ, и не приложю пакы помиловати дому Израилева, но *отмѣтаа*, отвѣргуся ихъ, — глаголеть

Господь, — и будут блудяще въ языцѣхъ».[212] Иеремѣя же рече: «Аще станеть Самуилъ и Моисѣй, не помилую ихъ», И пакы той же Еремѣя рече: «Тако глаголеть Господь: Се кляхся именемъ моим великымъ, аще будеть отселѣ кдѣ имя мое именуемо въ устѣх июдѣйскыхъ».[213] *Иезекеиль* же рече: «Тако глаголеть Господь Аданай: Расъсѣю вы вся, останкы твоя въ вся вѣтры, зане святая моя осквѣрнависте вьсими *негодованми* твоими. Азъ же тя отрину и не имамъ тя помиловати пакы».[214] Малахия же рече: «Тако глаголеть Господь: Уже нѣсть ми хотѣнья въ вас, понеже от въстока и до запада имя мое прославися въ языцѣх, и на всяком мѣстѣ приносится кадило имени моего и жертва чиста, зане велье имя мое въ языцѣх. Сего ради дамъ васъ на поносъ и на пришествие въ вся языкы».[215] Исая великый рече: «Тако глаголеть Господь: Простру руку свою на тя, истьлю тя и расѣю тя, и *не* приведу тя». И пакы и тъ же рече: «Възненавидѣхъ праздникы ваша и начаткы мѣсяць ваших не приемлю».[216] Амосъ же пророкъ рече: «Слышите слово Господне: Азъ приемлю на вы плачь. Домъ Израилевъ падеся и не приложи въстати».[217] Малахия же рече: «Тако глаголеть Господь: Послю на вы клятву и проклѣну благословление ваше, и разорю, и не будет въ вас».[218]

И много пророчьствоваша о отвѣржении их. Симъ же пророкомъ повелѣ Богъ пророчьствовати о призваньи инѣх странъ в них мѣсто. Нача звати Исая, тако глаголя: яко «Законъ от мене изидет, и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидеть, и на мышцю мою страны уповают».[219] Иеремѣя же рече: «Тако глаголеть Господь: И положю дому Июдову завѣтъ новъ, дая законы в разумѣнья ихъ, и на сѣрдца ихъ напишю, и будут имъ въ Богъ, и ти будут мьнѣ въ люди». [220] Исая же рече: «Ветхая мимоидоша, а новая възвѣщаю. И преже възвѣщения явлено бысть вамъ: пойте Господеви пѣснь нову. Работающим ми призоветь имя ново, еже благословиться имя ново, еже благословится имя всей земли. Домъ мой домъ молитвѣ прозовется по всѣмъ языком».[221] Той же Исая глаголеть: «Открыеть Господь мыщьцю свою святую пред всѣми языкы. Узрять вси концы земля спасение Бога нашего».[222] Давидъ же: «Хвалите Господа вси языци, похвалите его вьси людье».[223]

Тако Богу възлюбившю новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ и явитися человѣком плотью и пострадати за Адамово преступление. И начаша пророчьствовати о воплощении Божии. И пѣрвое Давидъ, глаголя: «Рече Господь Господеви моему: сяди одѣсъную мене, дондеже положю врагы твоя подножье ногама твоима».[224] И пакы: «Рече Господь къ мнѣ: сынъ мой еси ты, азъ днесь родих тя».[225] Исая же рече: «Не солъ, ни вѣстьникъ, но самъ Господь, пришедъ, спасеть ны». [226] И пакы: «Яко дѣтищь родися намъ, ему же бысть начало на рамѣ его. И прозовется имя его “велика свѣта ангелъ” и велика власть его, и миру его нѣсть конца».[227] И пакы: «Се въ утробѣ дѣвая зачат и родить сынъ, и прозовуть имя ему Еммануилъ».[228] Михѣя же рече: «Ты Вифлеоме, доме Ефрантовъ, еда не *многъ* еси быти в тысящах

Июдовах? Ис тебе бо ми изидет старѣйшина быти *въ князех* въ Израили; исходъ его от дний вѣка. Сего ради дасться до времени ражающая родит, и прочии от братья его обратятся на сыны Израилевы».[229] Иеремия же рече: «Се Богъ наш, и не *въмѣнится* инъ к нему. Изъобрѣте вьсякъ путь художьства, яко дасть Иякову, отроку своему. По сихъ же на земли явися и съ человѣкы поживе».[230] И пакы: «Человѣкъ есть, и кто увѣсть, яко Богъ есть, яко человѣкъ же умираеть».[231] Захарья же рече: «Не послушаша сына моего, и не услышю ихъ, глаголеть Господь».[232] Иосѣй рече: «Тако глаголеть Господь: Плоть моя от нихъ».[233]

Пророкоша же и о страсти его, ркуще, якоже рече Исая: «О лютѣ души ихъ, понеже свѣтъ золъ свѣщаша, ркуще: Свяжемъ праведника».[234] И пакы той же рече: «Тако глаголеть Господь: Азъ не *супротивлюся* <...> ни глаголю противу. Плещи мои дах на раны, и ланитѣ мои на заушение, и лица своего не отвратих от *студа заплевания*».[235] Еремия же рече: «Приидите, вложим древо въ хлѣбъ его, изътребимъ от земля животъ его».[236] Моисѣй же рече о распятьи его: «Узрите жизнь вашю висящю предъ очима вашима».[237] И Давидъ рече: «Въскую шаташася языци».[238] Исая же рече: «Яко овьча на заколенье веденъ бысть».[239] Ездра же рече: «Благословенъ Богъ, распростеръ руцѣ свои и спаслъ Иерусалима».

И о въскресении же его рькоша. Давидъ: «Въстани, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши въ всѣх странах».[240] И пакы: «Да въскреснеть Богъ, и разидутся врази его».[241] И пакы: «Въскрѣсни, Господи Боже мой, да вознесеться рука твоя».[242] Исая же рече: «Сходящии въ страну и сѣнь смѣртьную, свѣтъ восияеть на вы».[243] Захарья же рече: «*Ты* въ крови завѣта твоего испустилъ еси ужникы своя от рова, не имущи воды».[244] И ино много пророчьствова о немъ же, и събыстся все.

Рече же Володимиръ: «То въ кое время събысться се? И было ли се есть? *Еда* ли топѣрво хощет быти се?» И философъ же, отвѣщавъ, рече ему, яко «Уже преже сьбысться все, егда Богъ въплотися. Якоже преже ркох, жидомъ пророкы избивающим, цесаремъ ихъ законы преступающим, предасть я на расхыщение въ пленъ, и ведени быша въ Асурию, грѣхъ ради их, и работаша тамо лѣт 70. И по семъ възвратишася на землю свою, и не бѣ у нихъ цесаря, но архиерѣи обладаху *ими* <...> до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.[245]

В сего же власть, в лѣто 5000 и 500 посланъ бысть Гаврилъ въ Назарефъ къ дѣвици Марьи, от колѣна Давидова, рещи ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!»[246] И от слова сего зачатъ Слово

Божие во утробѣ, и породи сына, и нарече имя ему Исусъ. И се *волъсви* приидоша от въстока, глаголюще: «Кде есть рожийся цесарь *жидовескъ*? Видѣхом звѣзду его на въстоци, приидохом поклонится ему». Слышавъ же се, Иродъ цесарь смятесея, и всь Иерусалимъ с нимъ, и, призвавъ книжникы и старци людьскыя, въпрашаше: «Кде Христосъ ражается?» Они же рѣша ему: «Въ Вифлеомѣ июдѣйстѣмь». Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: «Избѣйте младенца сущаа до дву лѣту». Они же, шедше, избиша младениць 14 000. Марья же, убоявшися, скры отроча. Иосифъ же съ Мариею, поимъ отроча и бѣжа въ Египетъ, и бысть ту до умертвия Иродова. Въ Египте же явися аньгѣлъ Иосифу, глаголя: «Въстани, поими отроча и матерь его и иди в землю Израилеву». Пришедъшю же ему, вселися въ Назарефъ. И възрастъшю же ему и бывшю ему лѣт 30, нача чюдеса творити и проповѣдати царство небесное. Изъбра 12 и яже ученикы себѣ нарече, *и* нача чюдеса творити велика: мертвыя въскрешати, прокаженыя очищати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнье творити, и ина многа чюдеса велика, якоже бѣша пророци прорекли о немъ, глаголюще: «Тъ недугы наша ицѣли, и болезни подъя». И крестися въ Иерданѣ от Ивана,[247] показая новымъ людем обновление. Крестившю же ся ему, и се отвѣрзошася небеса, и Духъ сходящь зраком голубиномъ на нь, и глас глаголя: «Се есть сынъ мой възлюбленый, о немъже благоизволих».[248] И посылаше ученикы своя проповѣдати царство небесное и покаяние въ оставленье грѣховъ. И хотя исполнити пророчьство, и нача проповѣдати, яко подобает сыну человѣчьскому пострадати, и распяту быти, и въ 3 день въскреснути. И учащю ему въ церкви, архиерѣи исполнишася зависти и книжници искаху убитѝи, и емъшѐи, ведоша̀и къ игѣмону Пилату.[249] Пилатъ же, испытавъ, яко безъ вины предаша̀и, хотѣ пуститѝи. Они же рѣша ему: «Аще того пустиши, не имаеши быти другъ кесареви». Пилатъ же повелѣ, да̀и расъпнут. Они же, поемъше Исуса, ведоша̀и на мѣсто краньево,[250] и ту̀и распяша. И бысть тма по всей земли от шестаго часа до 9-го, и при 9-мь часѣ испусти духъ Исусъ. И церковьная запона раздрася надвое, и мертвии въстаяху мьнози, имъже повелѣ въ раи быти. И снемъше жѐи съ креста, положиша̀и въ гробѣ, и печатьми запечаташа гробъ людье же жидовьстии, и стражи приставиша, ркуще: «Еда украдуть и нощью ученичи его». Онъ же въ 3 день въскресе. И явися ученику, и въскресъ изъ мертвыхъ, рекъ имъ: «Идете въ вся языкы и научите вся языкы, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа». И пребысть с ними 40 дний, являяся имъ по въскресении. И егда исполнися *дьний* 40, повелѣ имъ ити на гору Елеоньскую. И ту явися имъ и, благословивъ я, рече имъ: «Сядете въ градѣ Иерусалимѣ, дондеже послю обѣтование Отца моего». И егда възношашеся на небо, ученикы поклонишася ему. И възъратишася въ Иерусалимъ и бяху воину въ церкви. И егда скончася днии 50, сниде Духъ Святый на апостолы, и приимъше обѣтование Святаго Духа, разидошася по вьселенѣй, учаще и крестяще водою».

Рече же Володимиръ къ философу: «Что ради от жены родися, и на дьревѣ распятъся, и водою крестися?». Философъ же рече ему: «Сего ради, понеже испѣрва родъ человѣчьскый женою съгрѣши: дьяволъ прелѣсти Евгою Адама, и отпаде рая; тако же и Богъ отмѣстье створи

дьяволу, женою пѣрвѣе побѣженье бысть дьяволу, женою бо *пѣрьвѣе*[251] испадение бысть Адаму из раа; от жены же пакы въплътися Богъ и повелѣ в рай ити вѣрным. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко от древа вкушь и испаде породы; Богъ же на древѣ страсть приать, да древом диаволь побѣжен будет, и от древа праведнаго приимут праведнии. А еже водою обновление, понеже *при Нои умножившемъся* грѣхом въ человѣцех, и наведе Богъ потопь на землю и потопи человѣкы водою. Сего ради рече Богъ: «Понеже погубих водою человѣкы грѣх ради их, нынѣ же пакы водою очищу грѣхы человѣком обновлениемь водою», ибо жидовьскый род въ мори очистишася от египетскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть пръвое; рече бо, и Духъ Божий ношашеся врьху воды, еже бо и нынѣ крестятся водою и Духом. Проображенье бысть пръвое водою, якоже Гедеон прообрази. Егда прииде к нему аггелъ, веляше ему ити на мадиама, *онъ же, искушая*, рече къ Богу, положивь руно на гумнѣ, рекь: «И аще будет по всей земли роса, а на рунѣ суша...». И бысть тако. Се же прообрази, яко иностраны бѣша преже суша, а жидове — руно, послѣже на странах роса, еже есть святое крещение, а на жидѣх суша. И пророци же проповѣдаша, яко водою обновление будет.

Апостолом же учащим по вселенней вѣровати Богу, их же учение и мы, греци, приахом, и вся вселеннаа вѣрует учению их. Нарекль же есть Богъ един день, в он же хощет судити, пришедый, живым и мертвым и въздати комуждо по дѣлом их: праведному царство небесное, и красоту неизреченную, веселие без конца, и не умирати в вѣкы, а грѣшником — мука огненна, и червь неусыпаемый, и муцѣ не будет конца. Сице же будут мучениа, иже не вѣруют Господу нашему Иисус Христу: мучими будут въ огни, иже ся не крестит». И се рекь, показа ему запону, на нейже бѣ написано судище Господне, показываше же ему одесную праведныа въ веселии *предъидуща* в рай, а ошуюю — грѣшныа, идущих въ муку. Володимер же, въздохнувь рече: «Добро сим одесную, горе же сим ошуюю». Он же рече: «Аще хощеши одесную стати, то крестися». Володимеръ же положи на сердци своем, рекь: «Пожду еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрах. Володимер же, сему дары многы въдавь, отпусти съ честию великою.

В лѣто 6495. Създва Володимерь бояры своя и старци градскыа и рече имь: «Се приходиша къ мнѣ болгаре, рекуще: “Приими закон нашь”. По сем же приидоша нѣмци, и тые хваляху закон свой. По сих приходиша жидове. Сих же послѣди приходиша и греци, хуляще всѣ законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказующе от начала миру. Суть же хитро сказающе, яко и другый свѣтъ повѣдают быти, и чюдно *слышати их: да аще кто*, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, станеть, и не умрети ему в вѣки, аще ли в-ынъ законъ ступить, то на griномъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай когождо ихъ службу, и кто како служить Богу». И бысть люба рѣчь

князю и всѣмъ людемъ. Избраша *мужи добры* и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идете первое в Болгары, испытайте вѣру ихъ и службу». Они же идоша и, пришедше, видиша скврѣная дѣла ихъ и кланяние вь ропати, и придоша в землю свою. И рече имъ Володимѣръ: «Идете пакы в нѣмцѣ и сглядайте такоже, и оттуду идете въ Грѣкы». Они же придоша в нѣмцѣ и сглядавше церковь и службу ихъ, и придоша к Цесарюграду и внидоша къ цесарю. Цесарь же испыта, коея ради вины придоша. Они же исповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ цесарь и рад бысть, и честь велику створи имъ въ тъ день. Наутрѣя же посла къ патрѣарху, глаголя сице: «Придоша русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего». И си слышавъ патрѣархъ и повелѣ созвати крилось всь, и по *обычаю* створи празникъ, и кадила вьжгоша, и пѣния ликы составиша. И иде и цесарь с ними во церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковьную, и пѣнья, и службу архиерѣйскы, и предстоянья дьяконъ, сказающе имъ служение Бога своего. Они же въ изумѣньи бывше и удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призвавша я цесаря Василѣй и Костянтинъ,[252] и рѣста имъ: «Идете в землю вашю». И *отпустиша* я с дары великы и с честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь бояры своя и старца, рче Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече имъ: «Скажите предъ дружиною». Они же рѣша, яко «ходихомъ первое в *Болгары* и смотрихомъ, како ся кланяють въ храминѣ, рекше в ропатѣ, стояще бес пояса: и поклонивься, сядет и глядить сѣмо и овамо, акы бѣшенъ, и нѣсть веселия у нихъ, но печаль и смрадъ великъ. И нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмцѣ и видихомъ службу творяща, а красоты не видихомъ никоеяже. И придохом же въ Грѣкы, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небеси ли *есмы были*, или на землѣ: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такоя, недоумѣемь бо сказати. Токмо то вѣмы, яко *онъдѣ* Богъ съ человѣкы пребываеть, и есть служба ихъ паче всих странъ. Мы убо не можемь забыти красоты тоя — всякъ бо человѣкъ, аще преже вкусить сладка, послѣди *же* <…> не можеть горести прияти — тако и мы не имамъ сде жити». Отвѣщавъша же боярѣ и рѣша: «Аще лихъ бы законъ грѣчкый, то не бы баба твоя Олга прияла кресщения, яже бѣ мудрѣйши всих человѣкъ». Отвѣщав же Володимѣръ, рече: «То где кресщение приимемь?». Они же рѣша: «Кдѣ ти любо».

И минувшу лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ с вои на Корсунь, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градѣ.[253] И ста Володимѣръ об онъ полъ града в лимени, вьдале града стрѣлище *едино*. И боряхуся крѣпко горожанѣ с ними. Володимеръ обьстоя град. И изнемогаху людие въ градѣ, и рече Володимеръ к гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спущимъ, корсуняне, подкопавше стѣну градьскую, крадяху *сыплемую* перьсть и ношаху к собѣ в град, сыплюще посредѣ града. Вои же присыпаху боле, и Володимеръ стояше. И се мужь именемь Анастасъ корсунянинъ стрѣли, написавъ на стрѣлѣ: «Кладези, яже суть за тобою от вьстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавше, преимете воду». *Володимеръ* же, се

слыша, възрѣвъ на небо, и рече: «Аще ся сбудеть, се имамъ креститися». И ту абье повелѣ копати прекы трубамъ, и переяша воду. И людье изнемогаху жажею водною и предашася. И вниде Володимеръ въ град и *дружина* его, и посла Володимиръ къ цесареви, Василию и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имаете дѣвою, да аще ея не вдасте за мя, то створю граду вашему, яко и сему створихъ». И се слышавша цесаря, *быста* печална, посласта вѣсть, сице глаголюще: «Не *достоить* крестьяномъ за поганыя посягати и даяти. Аще ли ся крестиши, то приимеши се и получиши царство небесное, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можевѣ дати сестры своей за тя». И сѣ слышавъ Володимѣръ и рече посланымъ от цесарю: «Глаголите цесарема тако, яко азъ кресщюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми любъ, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мужи». И се слышавша цесаря и рада быста, и умолиста сестру свою, именемь Анну, и посласта к Володимеру, глаголющи: «Крестися, тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». И рече Володимиръ: «Да пришедше *съ* сестрою вашею крестять мя». И послушаста цесаря и посласта сестру свою и сановникы нѣкыя и прозвутеры. Она же не хотяше ити яко в поганыя,[254] и рече им: «Луче бы ми сде умрети». И *рѣста* ей брата: «*Еда* како обратить Богъ Рускую землю в покаяние, а Грѣчкую землю избавиши от лютыя рати. Видиши ли колико зло створиша русь грѣкомъ? Нынѣ же, аще не идеши, то же имуть *творити* намъ». И одва принудиста. Она же, всѣдши в кубару, цѣловавши ужикы своѣ с плачемь, поиде чресъ море. Яко приде ко Корсуню, и излѣзоша корсуняни с поклономъ, и введоша ю въ градъ, и посадиша ю в полатѣ. По Божью же строенью вь се время разболѣлся Володимиръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляше, что створити. И посла къ нему цесариця, рекуще: «Аще хощеши болезни сея избыти, то вьскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаеши избыти сего». И си слышавъ, Володимеръ *рече*: «Аще се истина будет, поистѣнѣ великъ Богъ крестьянескь». И повелѣ крестити ся. И епископъ же корсуньскый с попы цесарицины, огласивъ`и, и крести Володимѣра. И яко возложи руку на нь, и абье прозрѣ. Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бога, рекъ: «То первое увидѣхъ Бога истиньнаго». Си же увидивше *дружина* его, мнози крестишася. Крести же ся въ церкви святое Софьи,[255] и есть церкви та стояще в Корсуни градѣ, на мѣстѣ посредѣ града, идеже торгъ дѣють корсунянѣ; полата Володимѣря воскрай церкви стоить и до сего дни, а цесарицина полата за олътаремь. По кресщении же приведе цесарицю на обручение.

Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть в Кыевѣ, инии же рѣша — в Василевѣ, друзии же рѣша инако сказающе.

И кресщену же Володимеру в Корсуни, предаша ему вѣру крестьяньскую, рекуще сице: «Да не прельстять тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя: «Вѣрую вь единого Бога Отца, вседержителя, творца небу и землѣ» и до конца вѣру сию. И *пакы*: «*Вѣрую* въ единого

Бога-Отца нерожена, и вь единого Сына рожена, и въ единъ Святый Духъ исходящь: три собьства свѣршена, *мысльна*, раздѣляема числомъ и собьствомь, а не божествомъ, *раздѣляеть бо ся не раздѣлно*, и совокупляеться *неразмѣсно*. Отець бо, Богъ-Отець, присно сый пребываеть въ отечьствѣ, нероженъ, безначаленъ, начало, вина всимь, единемь *нероженіемь старѣй* сы Сыну и Духови. От него же ражаеться Сынъ преже всих вѣкъ, исходить же Духъ Святый и безъ *времене* и бес тѣла; вкупѣ Отець, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Духъ Святый есть. Сынъ подобосущенъ и *безначаленъ* <...>, рожениемь точию разнествуя Отцю и Духу. Духъ есть пресвятый, Отцю и Сыну подобосущенъ и присносущенъ.[256] Отцю бо отечьство, Сыну же сыновьство, Святому Духу исхожение. *Ни* Отець бо *въ* Сынъ или *въ* Духъ преступаеть, *ни* Сынъ въ Отца и Духа, *ни* Духъ въ Сынъ или въ Отець, *неподвижна* бо *свойствия*. Не трие бози — единъ Богъ, понеже едино божество вь трехъ лицих. Хотѣньем же Отца же и Духа свою *спасти* тварь, отечьскых ядръ, иже не отступи, сшед и вь дѣвичьское ложе пречистое, акы Божье сѣмя вшед и плоть съдушьвну, и словесну же, и умну, не преже бывшю, приимъ, изииде Богъ воплощенъ, родивыся неизрѣченьнѣ и дѣвство матери схрани нетлѣньно, не смятение, ни размѣшение, ни измѣнения пострадавъ, но пребывь еже бѣ, *прием* рабий зракъ истиною, а не мечтаниемь, всячьскы, развѣ грѣха, намъ подобенъ бывъ. Волею родися, волею бо взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истиною, а не мечтаниемь, вся свѣршена, не оклеветаньныи страсти человѣчества. Распятъ же ся, смерти вкуси безъгрѣшный и въскресъ въ своей плоти, и, не вѣдѣвши истлѣния, на небеса вьзыиде и седе одесную Отца. И придеть же пакы съ славою судити живымъ и мертвымъ, якоже взиидe сь своею плотью, тако и снидеть.

К сим едино кресщение исповѣдаю водою и духомъ, приступаю кь пречистымъ тайнамъ, *вѣрую* вь истину тѣло и кровь, и приемлю церковьная предания, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному и кресту, и всякому кресту и святымъ мощемь и святымь сьсудомъ. *Вѣруй* же семи сборъ святыхъ отець,[257] иже есть первый в Никии 300 и 18, иже прокляша Арья и проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Вторый же сборь в Костянтинѣградѣ святыхъ отець 100 и 50, иже прокляша Македонья духоборца и проповѣдаша Троицю единосущную. 3-й же сборъ въ Ефесѣ святыхъ *отець* 200 на Несторья, егоже прокленше, проповѣдаша святую Богородицю. 4-й сборъ в Халкидонѣ святыхъ отець 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, еюже прокленше святии отци, изъгласивше свершена Бога и свѣршена человѣка Господа нашего Исуса Христа. 5 сборъ въ Цесарѣградѣ святыхъ отець 100 и 60 и 5 на Ерегенова предания и на Евагрия, ихже прокляша святии отци. 6-й сборъ Цесарѣградѣ святыхъ отець 100 и 70 на Сергиа и Кура, ихже *прокляша* святии отци. 7-й сборъ в Никеи святыхъ отець 300 и 50, прокляша, иже не поклоняються иконам.

Не приимай же от латынѣ учения, их же учение развращено: влѣзъше бо вь церковь, не покланяються иконамъ, но стоя *поклониться* <...> и,

поклонився, напишеть кресть на земли и цѣлуеть, и вьстанеть простъ ногама на немь, да, легъ, цѣлуеть, а вьставь попираеть. Сего бо апостоли не предаша: предали суть апостоли крестъ поставленъ цѣловати, иконы предаша. .Лука бо еуангелистъ, первое написавъ, посла вь *Римъ*. «Якоже глаголеть Василѣй, *икона* на первый образъ приходить».[258] Пакы же землю глаголють матерью. Да аще имъ есть земля мати, то отець имъ есть небо, искони створи Богъ небо и *такоже* землю. Тако глаголють: «Отче нашь, иже еси на небеси». Аще ли по сихъ разуму земля есть мати, почто плюете на матерь свою? Да сѣмо ю лобызаете, а семо ю сквѣрните? Сего же римлянѣ не творяху, но исправляху на всих сборѣх, *сходящеся* от Рима и от всихъ престолъ. На первомъ сборѣ, иже на Арья, иже в Никеи, от Рима преже Селивестръ посла епископы и прозвутеры, а от Александрия *Афанасия*, от Цесаряграда Митрофанъ посла епископы от себе, и тако исправляху вѣру. На вторемь же сборѣ от Рима Дамасъ, а от Александрѣа Тимофѣй, от Антиохия Мелетий, Курилъ Ерусалимскый, Григорѣй Богословець. На третьемь же сборѣ Келестинъ Римьский, Курилъ Александрийский. На 4 же сборѣ Леонтий Римьскый, Анатолѣй Цесаряграда, Увеналий Ерусалимскый. На пятомъ сборѣ Римьский Вилигий, Евьтухий Цесаряграда, Аполинарий Александрийский, Домнинь Антиохийскый. На шестом сборѣ от Рима Агафонь, Георгий Цесаряграда, Феофанъ Антиохийскый, от Александрия Петръ мнихъ. На 7-мь сборѣ Андрианъ от Рима, Тарасий Цесаряграда, Политьянь Александрѣйскый, Феодоръ *Антиохийскый*, Илья Ерусалимскый. Сии вси съ своими епископы и, сходящеся, и правяху вѣру. По семемь же сборѣ Петръ Гугнивый[259] сь иними шедъ в Римъ и прѣстолъ вьсхытивъ, развративъ вѣру, отвѣргься престола Ерусалимьскаго, и Александрѣйскаго, и Цесаряграда и Антиохийскаго. И возмутиша Италию всю, сѣюще учение свое раздно, тѣм же держать не в одино съглашение вѣру, но раздно: овии бо поповѣ, одиною женою оженився, служать, а друзии до семи женъ *поимающе* служать, ина же многа раздно держать, ихже блюдися учения. Пращають же грѣхы на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да хранить ть, княже, от сего».

Володимеръ же поимъ цесарицю, и Настаса, и попы корсуньскыя, мощи святаго Климента[260] и Фива, ученика его, и поима сьсуды церковныя, иконы на благословенье себе. Постави же церковь святаго Иоана Предтечю в Корсунѣ на горѣ, иже ссыпаще средѣ града, крадуще приспу, и яже и церкви стоить и до сего дни. Взяша же, идя, мѣдянѣ 2 капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко иже невѣдуще *мнять я* мраморяны суща. Вдасть же за вѣно Корсунь грѣкомъ цесарицѣ дѣля, а самъ прииде Кыеву. И яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы исѣщи, а другыя огньви предати. Перуна же повелѣ привязати кь коневи хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемь. Се же не яко древу чюющю, но на поругание бѣсу, иже прильщаше симъ образомъ человѣкы, да возмѣстье прииметь от человѣкъ. «Велий еси, Господи, чюдная дѣла твоя!»[261] Вчера чьстимь от человѣкъ, а днесь поругаем. И влѣкому же ему по Ручаеви кь Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли кресщения. И привлекше, и вринуша`и въ Днѣпръ. И

пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы-то отрѣвайте его от берега, доньдеже порогы проидеть, тогда охабитеся его», Они же повелѣное створиша. Яко пустиша ѝ, и проиде сквозѣ порогы, извѣрже ѝ вѣтръ на рѣнь, яже и до сего дни словет Перуня рѣнь. По сем же Володимиръ посла послы своя по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, убогъ, или нищь, или работенъ — противникъ мнѣ да будеть». И се слышавше, людье с радостью идяху, радующеся и глаголаху: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояри прияли». Наутрѣя же изииде Володимѣръ с попы цесарицины и корсуньскыми на Днѣпръ, и снидеся бе-щисла людий, [262] И влѣзоша вь воду и стояху ови до шеѣ, а другии *до* персий, младѣи же *по перси* от берега, друзии же младенци держаще, свѣршении же *бродяху*, поповѣ же, стояще, молитвы творяху. И бяше видити: радость велика на небеси и на земли, толико душь спасаемых, а дьяволъ стенаше, глаголя: «Увы мнѣ, яко отсюду прогонимь есмь! Здѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть учения апостолскаа, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхуся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. *И се уже* побѣжаемь есмь от невѣгласа сего, а не от апостолъ и мученикъ, и ни имамъ уже царствовать во странах сихъ». Крестившим же ся людемь, идоша когождо в домы своя. Володимѣръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже великый, створивый небо и землю! Призри на новыя люди своя, вдай же имъ, Господи, увѣдити тебе, истеньнаго Бога, якоже увидиша страны крестьяньскыя, и утверди у нихъ вѣру правую и несъвратну, мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣюся на тя и на твою державу, побѣжаю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церькви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояше кумиры. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумири — Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людье. И *нача* ставити по градомъ церкви и попы, и людие на кресщение приводити по всемъ градом и селомъ, И, пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти, и даяти на учение книжное. А матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдилѣ вѣрою, но акы по мерьтвѣцѣ плакахуся.

Симь же раздаянымъ на учение книжное, и сбысться пророчество на Руской землѣ, глаголящее: «Вь оны дни услышать глусии словеса книжная, яснъ будеть языкъ гугнивыхъ».[263] Си бо не бѣша прѣди слышали словеса книжная, но по Божью строенью и по милости своей помилова Богъ, якоже рече пророкъ: «Помилую, егоже хощю».[264] Помилова бо ны «Пакы банею бытия и обновлениемь духа»,[265] по изволению Божию, а не по нашим дѣломъ. Благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Рускую землю, и *просвѣти* ю крещениемь святымь. Тѣмже и мы припадаемь к нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти въздамъ о всихъ, яже ты въздасть намъ, грѣшнымъ сущимъ? Недоумеемь противу даромъ твоим въздати». «Велий бо еси и чюдна дѣла твоя, и величью твоему нѣсть конца. В роды и родъ въсхвалимъ дѣла твоя»,[266] рекуще съ Давидомъ: «Придете, възрадуемься Господеви и воскликнемь Богу, Спасу нашему. Варимъ лице его исповѣданиемь»;[267] «Исповѣдающеся ему, яко благъ, яко въ вѣкы милость его», яко «избавилъ *ны* еси от врагъ наших»,

[268] рекше от идолъслужитель. И пакы рчемь съ Давидомъ: «*Воспойте* Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля, воспойте Господеви, благословите имя его, благовѣстите день от дни спасение его, възвѣстите вь языцѣхъ славу его и во всѣхъ людехъ чюдеса его, яко велий Господь, хваленъ зѣло»,[269] «И величью его нѣсть конца».[270] Колика ти радость: не единъ, ни два спасаеться! Рече бо Господь: «Яко радость бываеть на небеси о единъмъ грѣшницѣ кающемся».[271] Се же не единъ, ни два, но бещисленое множьство к Богу *приступиша*, святымь кресщениемь просвѣщени. Якоже пророкъ рече: «Въскроплю на *вы* воду *чисту*, и очиститеся от идолъ ваших и грѣхъ ваших».[272] И пакы другый пророкъ рче: «Кто яко Богъ отъемля грѣхы и преступая неправду? Яко хотяй милостивь есть. Тъ обратить и ущедрить ны, погрузи грѣхы наша въ глубинѣ».[273] Ибо Павелъ глаголеть: «Братья, елико насъ креститься въ Христа Иисуса, и въ смерть его крестихомся, погребохомся убо с нимъ крещениемь вь смерть; да якоже въста Христосъ от мертвых съ славою отчею, якоже и мы въ обновлении житья поидемь».[274] И пакы: «Ветхая мимоидоша, и се быша нова».[275] «Нынѣ приближися намъ спасение, нощь успе, а день приближися».[276] «Им же привѣдение обрѣтохомъ вѣрою» князя нашего Володимера «вь благодать сию, им же восхвалимся и стоимъ».[277] «Нынѣ же свободивъшеся от грѣха, поработившеся Господеви, имате плодъ вашь вь священие».[278] Тѣмже дольжни есми рабътати Господеви, радующеся ему. Рече бо Давидъ: «Работайте Господеви съ страхомъ и радуйтеся ему с трепетомъ».[279] Мы же вопиемь къ владыцѣ Богу нашему, глаголюще: «Благословенъ Господь, иже не дасть насъ в ловитьву зубомъ *их*. Сѣть скрушися, и мы избавлени быхомъ»[280] от прелести дьяволя. «И погибе память его с шюмомъ, и Господь вь вѣкы прѣбываеть»,[281] хвалимъ от рускихъ сыновъ, поемь въ Троици, а дѣмони проклинаемы от благовѣрныхъ мужь и от говѣиньныхъ женъ, иже прияли суть кресщение, покаяние вь отпущение грѣховъ, нови людье крестьяньстии, избрани Богомъ».

Володимиръ же просвѣщенъ самъ, и сынови его, и земля его. Бѣ бо у него сыновь 12: Вышеславъ, Изяславъ, Святополкъ, и *Ярославь*, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ и Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава в Полотьсцѣ, а *Святополка* в Туровѣ, Ярослава в Ростовѣ. И умершю же старѣйшому Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ, а Бориса в Ростовѣ, а Глѣба вь Муромѣ, *Святослава* в Деревѣх, Всеволода в Володимѣрѣ, Мьстислава вь Тмутороканѣ. И рече Володимеръ: «Се не добро есть: мало городовъ около Кыева». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Устрьи, и по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ.[282] И поча нарубати мужи лутши от словенъ, и от кривичъ, и от чюдии, и от вятичь, и от сихъ насели и грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одоляя имъ.

Въ лѣто 6497. Въ лѣто 6498.

В лѣто 6499. По сем же Володимиру живущю в законѣ крестьяньстѣм, и помысли создати каменую церковь святыя Богородица,[283] и, пославъ, приведе мастеры от Грькъ. Заченшю здати, яко скончa зижа, украси ю иконами и поручивъ ю Настасу Корсунянину, и попы корсуньския *пристави* служити вь ней, вда ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и ссуды церковныя и кресты.

В лѣто 6500. Володимѣръ заложи град *Бѣльградъ*,[284] и наруби въ н от инѣхъ град, и много людий сведе в онь, и бѣ бо любя городъ *сий*.

Въ лѣто 6501. Иде Володимиръ на *Хорваты*.[285] Пришедшю же ему с войны хорватьской, и се печенѣзѣ придоша по оной сторонѣ от Сулы, Володимеръ же *поиде* противу имъ. И усрѣтѣ я на Трубеши *на* броду, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей странѣ, а печенѣзѣ на оной, и не смѣяху си на ону *сторону*, и они на сю сторону. И приѣха князь печенѣскый к рѣцѣ, и возва Володимира и рече ему: «Пусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемься за три *лѣта* <...>. Аще ли нашь мужь ударить вашимъ, да воюемь за три лѣта». *И разидостася разно*. Володимеръ же, пришедъ в товары, посла по товаромъ бирича, глаголя: «Нѣтутѣ ли такаго мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжаниномъ брати?» И не обрѣтеся никдѣже. И заутра приѣхаша печенѣзѣ, а свой мужь приведоша, а наших не бысть. И поча тужити Володимѣръ, сля по всимъ воемь своим. И приде единъ мужь старъ к нему и рече ему: «Княже! Есть у мене единъ сынъ дома менший, а сь четырми есмь вышелъ, и онъ дома. От дѣтьства си своего нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми сварящю, оному же мнущю *усние*, и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками». Князь же, се слышавъ, и рад бысть, и посла по нь борзо, и приведоша и́ ко князю, и князь повѣда ему вся. Сьй же рече: «Княже! Не вѣмь, могу ли *со нь*, да искусите мя: нѣтуть ли вола, велика и силна?» И налѣзоша волъ силенъ, и повелѣ раздражити вола, и *возложиша на нь* желѣзо горяче, и пустиша вола. И побѣже волъ мимо нь, и похвати вола рукою за бокъ и выня кожю с мясы, елико ему рука я. И рече ему Володимѣръ: «*Можеши* ся с нимъ *бороти* ». И назавьтрѣе придоша печенѣзѣ и почаша звати: «*Нѣсть ли мужа*? Се нашь доспѣль». Володимѣръ же повелѣ той ночи облѣщися въ оружье. И выпустиша печенѣзѣ мужь свой, и бѣ превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимѣръ, и възрѣвъ печенѣжинъ и посмѣяся, — бѣ бо средний тѣломъ. И размѣривше межи обѣима полкома, и пустиша я к собѣ. И ястася крѣпко, и удави печенѣжинина в руку до смерти. И удари имь о землю. И вьскликоша русь, а печенѣзѣ побѣгоша, а русь погнаша по нихъ, сѣкуще ѣ, и прогнаша их. Володимѣръ же, рад бывъ, и заложи городъ на броду томь и нарче и́ Переяславль, зане перея *славу* отрокъ.[286] Володимиръ же великомь мужемь створи того и отца его. Володимиръ же възвратися вь Киевь с побѣдою и славою великою.

Въ лѣто 6502. Въ лѣто 6503.

Въ лѣто 6504. Володимиръ же видивъ церковь свѣршену, и вшедъ в ню и помолися Богу, глаголя: «”Господи Боже! Призри с небеси и вижь. Посѣти винограда своего. И свѣрши, яже насади десница твоя”,[287] люди сия новыя, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиньнаго Бога. И призри на церьковь сию, юже создахъ, недостойный рабъ твой, во имя рожьшая ти матери и приснодѣвыя Марья Богородица. И аще помолиться кто въ церкви сей, то услыши молитву его и отпусти вся грѣхы его *молитвы* ради пресвятыя Богородица». И помолившюся ему, и рекъ сице: «Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ от имѣния своего и от моих град десятую часть». И положи, написавъ, клятьву вь церкви сей, рекь: «Аще сего посудить кто, да будеть проклятъ». И вдасть десятину Анастасу Корсунянину. И створи же празникъ великъ в той день бояромъ и старцемь градьскым, и убогимъ *раздая* имѣние много.

По сихъ же придоша печенѣзѣ к Василеву,[288] и Володимѣръ с малою дружиною изыиде противу имъ. И съступившимся имъ, не могъ Володимѣръ стѣрьпѣти противу, *подбѣгъ, ста под* мостомъ, и одва укрыся от противных. И тогда обѣщася Володимѣръ поставити церковь вь Василевѣ святое Преображение, бѣ бо празникъ Преображению Господню въ день, егда си бысть сѣча, Избывъ же Володимѣръ сего, постави церковь и творяше празникъ, варя 300 переваръ меду. И зваше бояры своя, и посадникы, и старѣйшины по всимъ градомъ, и люди многы, и раздаваше 300 гривенъ убогымъ. И празнова князь Володимеръ ту дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успение святыя Богородица,[289] и ту пакы *творяше* празникъ свѣтель, съзываше бещисленое множьство народа. Видяше же люди крестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ. И тако по вся лѣта творяше.

Бѣ бо любя книжная словеса, слыша бо единою еуангелие чтомо: «Блажении милостивии, яко тѣи помиловани будуть»,[290] и пакы: «*Продайте* имѣния ваша и дайте нищимъ»,[291] и пакы: «*Не* <…> скрывайте собѣ скровища на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповаеть, но скрывайте собѣ скровище на небесих, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть»,[292] и Давида глаголюща: «Благъ мужь милуя и дая»,[293] Соломона слыша глаголюща: «Дая нищимъ, Богу в заемь даеть».[294] Си слышавъ, повелѣ нищю всяку и убогу приходити на дворъ на княжь и взимати всяку потребу: питье и яденье, и от скотьничь кунами.[295] Устрои же се: рек, яко «Немощнии, болнии не могуть доити двора моего», повеле устроити кола и, вьскладываше хлѣбы, мяса, рыбы и овощь разноличьный и медъ въ *бочках*, а вь другыхъ квасы, возити по градомъ,[296] выпрашающе: «Кде болнии,

нищии, не могы ходити?» И тѣмь раздаваху на потребу. И се же творя людемь своимь: по вся недѣля устави по вся дни на дворѣ вь гридници пиръ творити и приходити бояромъ, и гридьмъ, и соцькимъ, и десятникомъ[297] и нарочитымь мужемь и при князѣ и безъ князя. И бываше на обѣдѣ томь множьство от мясъ, и от скота и от звѣрины, и бяше же изобилью всего. Егда же подопьяхуться, и начаху роптати на князя, глаголюще: «Зло есть нашимъ головамъ: да намъ ясти древяными лжицами, а не сребряными». И се слышавъ, Володимиръ повелѣ исковати лжици сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице, яко «Сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отець *мой* <...> доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо любяше Володимиръ дружину, и с ними *думаа* о строеньи землинемь, и о уставѣ земленемь, и о ратѣхъ. И бѣ живя с князи околными его миромъ: с Болеславомъ Лядьскымъ, и сь Стефаномъ Угорьскымъ и съ Ондроникомъ Чьшьскымъ.[298] И бѣ миръ межи *ими* и любы. И живяше Володимиръ въ страсѣ Божии. И умножишася разбоевѣ, и рече *епископи* Володимеру: «Се умножишася разбойници, почто не казниши?» Он же рче: «*Боюся* грѣха.» Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а на милование добрымъ. Достоить ти казнити разбойника, нъ съ испытаниемь». Володимеръ же отвѣргъ виры и нача казнити *разбойникы* <...>. И рѣша епископы и старци: «Рать многа, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди». И рече Володимиръ: «Да тако буди». И живяше Володимиръ по *устроению* дѣдню и отню.

Въ лѣто 6505. Володимеру шедшю к Новугороду по вѣрхъние воѣ на печенѣгы, бѣ бо рать велика бес пересту. В то же время увѣдаша печенѣзѣ, яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяхуть вылѣсти из града. Бѣ бо голодъ великъ вь градѣ, и не лзѣ Володимиру помочи, и не бѣ лзѣ поити ему, и еще бо ся бяхуть не собрали к нему вои, печенѣгь же бѣ множьство много. И удолжишася, остояче вь градѣ люди, и бѣ *глад* великъ. И створиша вѣче вь градѣ и рѣша: «Се хочемь помрети от глада, а от князя помочи нѣтъ. Да луче ли ны умрети? Вдадимся печенѣгомъ, да кого ли оживят, кого ли умертвять, уже помираемь от глада». И тако свѣтъ створиша. И бѣ же одинъ старець не былъ в вѣчи томь, выпрашаше: «Что ради створиша вѣче людье?» И повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати печенѣгомъ. Се же слышавь, посла по старѣйшины градьскыя и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете передатися печенѣгомъ». Они же рѣша: «Не стѣрпять людье голода». И рече имъ: «Послушайте мене, не *предайтеся* за три дни, и азъ что вы велю и створите». И они же ради и обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберете по горьсти овса, или пшеницѣ, ли *отруб*». Они же, шедше, ради снискаху. И повелѣ *женам* створити цѣжь, в немже варять кисель, и повелѣ копати кладязь, и вьставити тамо кадь, и налья цѣжа кадь. И повелѣ копати другий кладязь и вьставити тамо другую кадь. Повелѣ имь искати меду. Они же, шедше, взяша лукно меду, бѣ бо погребено вь княжи медуши. И повелѣ роситити воду велми и вьльяти вь кадь и в друземь кладязѣ тако. Наутрѣя же посла по печенѣгы. Горожани же рекоша, шедше, печенѣгомъ: «Поимете к собѣ тали наша, а васъ до 10 мужь идете вь *градъ* и видите, что ся дѣеть вь

градѣ нашемь». Печенѣзи же радѣ бывше, мняще, яко *хотять* ся передати, а сами избраша лучшии мужи вь градѣ[299] и послаша я вь град, да розъглядають, что ся дѣеть вь градѣ у нихъ. И придоша вь градъ, и *рекоша* людие: «Почто губите себе? Коли можете перестояти нас? Аще стоите 10 лѣт, что можете створити намъ? Имѣемь бо кормьлю от земля. Аще ли не вѣруете, да видите своима очима». И приведоша я кь кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и льяху в *латкы*. И варяху пред ними, и яко *свариша* пред ними кисель, и поемь я, и приведоша кь другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти первое сами, потом же и печенѣзѣ. И удивишася, рекоша: «Не имуть сему вѣры наши князи, аще не ядять сами». И людье нальяша корчагу цѣжа и сыты от кладязя и вдаша печенѣгомъ. Они же, пришедше, повѣдаша вся бывшая. И вариша кисель, и яша князи печенѣжьстии и подивишася. И поемше *тали* своя, а онѣхъ пустивше, и въсташа от града, и вь своя идоша.

Въ лѣто 6506. Въ лѣто 6507.

Въ лѣто 6508. Преставися Малъфридь.[300] В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отець Брячьславль, сынъ Володимѣрь.

Въ лѣто 6510.

Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Вълодимѣрь.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514.

Въ лѣто 6515. Принесени святии вь святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518.

Въ лѣто 6519. Преставися цесарици Володимеряа Анна.

Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521.

Въ лѣто 6522. Ярославу сущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю 2000 гривенъ от года до года Кыеву, а тысящю Новѣгородѣ *гридемъ* раздаваху. И тако *дааху* вси посадницѣ новьгородьстии, а Ярославъ поча сего не даяти Кыеву, отцю своему. И рче Володимиръ: «Теребите путь и мосты мостите» — хотяше бо ити на Ярослава, на сына своего, но разболѣся.

Въ лѣто 6523. Хотящю ити Володимѣру на Ярослава, Ярослав же, посла за море и приведе варягы, бояся отца своего. Но Богъ не дасть дьяволу радости. Володимеру же разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ, а печенѣгомъ идущимъ на Русь, и посла противу имъ Бориса, а самъ боляше велми, в нейже болести и скончася мѣсяца *иуля* въ 15 день. Умре же Володимиръ, князь великый, на Берестовъмь, и потаиша `и, бѣ бо Святополкъ в Кыевѣ.[301] И нощью же межи клѣтми проимавъше помостъ, в ковьрѣ опрятавши и ужи свѣсиша и на землю, и възложивъша`и на сани, и везоша,[302] и поставиша`и вь святѣй Богородици церкви, юже бѣ самъ создалъ. Се же увидѣвше людье и снидошася бе-щисла, и плакашася по немь, бояре аки заступника земли ихъ, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша`и вь гробѣ мраморяни, спрятавше тѣло его с плачемь великим, блаженаго князя.

Се есть новы Костянтинъ великаго Рима, иже крести вся люди своа самъ, и тако сий *створи* подобьно ему.[303] Аще бо бѣ преже в поганьствѣ и на сквѣрную похоть желая, но послѣди прилежа к покаянью, якоже вѣщаше апостолъ: «Идеже умножися грѣхъ, ту изобильствуеть благодать».[304] Аще бо прѣже в невѣжьствѣ, етера быша сгрѣшения, послѣди же расыпашася покаяньемь и милостнями, якоже глаголеть: «В нем тя застану, в том ти и сужю».[305] Якоже пророкъ глаголеть: «Живъ азъ, *Аданай* Господь, якоже не хощю смерти грѣшника, якоже обратитися ему от пути своего и живу быти, обращениемь обратися от пути своего злаго».[306] Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живуще, и кь смерти совращаються праваго пути и погыбають, а друзии развращено пребывають и кь смерти вьспомянуться и покаяньемь добрымь *очистять* грѣхы. Якоже пророкъ глаголеть: «Праведный не возможе спастися вь день грѣха его. Егда рекуть правѣдному: Живъ будеши, сьй же уповаеть правдою своею *и* сотворить безаконье, вся правда его не въспомянеться, в неправдѣ его, юже створи, и в ней умреть. И егда рекуть нечестивому: смертию умреши, ти обратиться от пути своего и створить судъ и правду. И заимъ судъ, лъжю *отдасть*, и вьсхищение възвратить. Вси грѣси его, яже

сгрѣшилъ есть, не *помянутся*, яко *суд* и правду створилъ есть, и живъ будеть в них. Комужьто вас сужю по пути его, доме Израилевъ!»[307]

Сьй же умеръ во исповѣдании добрьмь, покааньемь расыпа грѣхы своя, милостнями, иже есть паче всего добрѣй. «*Милостыни* бо хощю, а не жерьтвѣ».[308] Милостьни бо есть всего луче и вышьше, възводящи до самого небеси пред *Богъ*». Якоже ангелъ Корнильеви рече; «Молитвы твоя и милостня твоя взиидоша в память предъ Богомь».[309] Дивно есть се, колико добра створи Руской земли, крестивь ю. Мы же, крестьяни суще, *не* въздаемь почестья противу оного възданью. Аще бы онъ не крестилъ насъ, то и нынѣ быхомъ былѣ въ прельсти дьяволѣ, якоже и прародители наши погибнуша. Да аще быхомъ и мы потщание и молбы *приносили* к Богу за нь, вь день преставления его; видя бы Богъ тщание наше кь нему, прославилъ бы̀ и. Намъ бо достоить Бога молити за нь, понеже тѣмь Бога познахомъ. Нъ дай же ти Господь по сердцю твоему и вся прошения твоя исполни, егоже желаше царства небеснаго. Дажь ти Господь вѣнѣць с правѣдными, в пищи райстий, весельи, ликъствованье сь Аврамомь и с прочими патрѣархы, якоже Соломонъ рче: «Умершю правѣдному, не погибнеть упованье».[310] *Сего* бо в память держать рустии людье, поминающе святое кресщение и прославляюще Бога вь молитвах и вь пѣснѣхъ и вь псалмихъ, поюще Господеви, новии людье, просвѣщени Духомъ Святымь, чающе надежа великаго Бога, Спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неизреченьную радость, юже буди улучити всимь крестьяномъ.

Святополкъ же сѣде в Киевѣ по отци своемь, и созва кыяны и нача имѣние имь даяти, а они приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ быша с Борисомъ. Борису же возвратившюся с воины, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде ему, яко «Отець ти умерлъ». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь паче всих, и ста на Алтѣ, пришедъ. Рѣша ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди в Кыевѣ на столѣ отнѣ». Онъ же рече: «Не буди то — мнѣ вьзняти рукы на брата на старѣйшаго: аще отець ми умре, то сѣй ми будеть вь отца мѣсто». И се слышавше вои и разиидошася от него. Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкь же исполнися безакония, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголя, яко «С тобою хощю любовь имѣти и к отню ти придамъ», льстя под нимь, како бы погубити. Святополкъ же приде нощью к Вышегороду и отай призва Путшю и вышегородьскыя боярьцѣ, и рече имъ: «Прияете ли мнѣ всимъ сердцемь?». И рече Путьша: «Можемь головы своѣ с вышегородци положити». Он же рче имъ: «Не повѣдите никомуже, шедше, убийте брата моего Бориса». Они же вьскорѣ обѣщашася ему створити се. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: «Скоры суть бес правды прольяти кровь. Сбирають собѣ злая. Ти бо *обьщаются* крови. Сихъ путье суть скончевающе безаконие, нечестьемь бо свою душю емлють».[311] Послании же придоша нощью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса, поюща заутренюю — повѣдаша бо ему, яко хотять тя погубити. И, вьставъ, нача *пѣти*, глаголя: «Господи! Что ся *умножиша*

стужающии ми. Вьстають на мя мнози»,[312] и пакы: «Яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и *болѣзнь* моя предо мною есть»,[313] и пакы глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ, яко не оправдиться предъ тобою всякъ *живый*, яко погна врагь душю мою».[314] И кончавь ексапсалмы[315] и, видивь, яко послании суть погубить его, и нача пѣти псальтырь, глаголя, яко «*Обыидоша мя* унци тучни. И сборъ злобныхъ осѣде мя. Господи, Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и от всихъ гонящихъ избави мя».[316] По сем же нача канунъ пѣти. Тако вь заутрьню, помолися, зря на икону, глаголя, на образъ владычень: «Господи Иисусе Христе! Иже симь образомъ явися на земли спасения ради нашего, изволивый своею волею пригвоздити руци свои на крестѣ, и приемь страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха». И помолившюся ему, и вьзлеже на одрѣ своемь. И се нападоша на *нь*, акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса и слугу его, падша на немь, прободоша с нимь. Бѣ бо сь любимъ Борисомъ. Бяше бо отрокъ сь родомъ угринъ, именемь Георгий, егоже любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложи на нь гривьну злату, в нейже *предстояше* ему. Избиша же отрокы многы Борисовы. Георгиеви же, не могуще сняти вборзѣ гривны сь шѣи, и усѣкънуша главу его и тако сняша гривну ту, а главу отвѣргъше прочь, тѣмже не обрѣтоша послѣже тѣла его вь трупьи. Бориса же убивше, оканьнии, увѣртѣвшѐи в шатеръ, и вьзложиша̀и на кола, повезоша̀и, еще дыщющу ему. И увидивьше се, оканьный Святополкъ, и яко еще ему дышющу, и посла два варяга прикончевати его. Онѣма же пришедшима и видившема, яко еще ему живу сущю, и единъ ею извлекъ мечь и проньзе ѝ кь сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, приимь вѣнѣць от Христа Бога с правѣдными, причтеся сь пророкы и съ апостолы, и с лики *мученичьскыми* въдворяяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неизречьньную радость, вьспѣвая съ ангелы и веселяся с ликы святыхъ. И положиша тѣло его, принесоша̀и отай Вышегороду, вь церкви святаго Василия. Оканьнии же убийци придоша кь Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловичь, Ляшько, отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають: бѣси бо на зло посылаеми бывають, а ангели на благое *слеми бывают*. Ангелъ бо и человѣку зла не *створяет*, но благое мыслить ему всегда; пакы же крестьяномъ помагають и заступають от супротивнаго врага. А бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка Богомъ почьщена, и завидяще ему, и на зло слеми скори суть. Рече бо: «Кто идеть *прельстити* Ахава?» И рече бѣсъ: «Се азъ иду».[317] Золъ человѣкъ тщиться на злое, не *хужьши* есть бѣса, бѣси бо бояться Бога, а золъ человѣкъ ни Бога ся боить, ни человѣкъ стыдиться; бѣси бо креста Господня бояться, а золъ человѣкъ ни креста боиться. Тѣмже и Давидъ глаголаше: «Аще воистину убо право глаголите, право судите, сынови человѣчстии, ибо вь сердди дѣлаете безаконие, на земли неправду рукы ваша сплѣтають учюжени быша грѣшници от ложеснъ, заблудиша от чрева, глаголюща лжю, ярость ихъ по *образу* <…> змиину».[318]

Святополкъ же оканьный помысли в себе, рекъ: «Се уже убихъ Бориса, а еще како бы убити Глѣба?» И приимъ смысль Каиновъ, с лестью посла кь Глѣбу, глаголя сице: «Поиде вборьзѣ, отець тя зоветь, нездоровить бо велми». Глѣбъ же, всѣдъ на конь, поиде с маломъ дружины, бѣ бо послушьливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на полѣ потъчеся конь вь рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде ко Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ в корабли.[319] В се же время пришла бѣ вѣсть от Передьславы кь Ярославу о отни смерти, и посла Ярославъ кь Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убитъ от Святополка». И се слышавъ, Глѣбъ вьспи велми сь слезами и плачася по отци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы мнѣ умрети с братомь, нежели жити вь свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, *брате*, видилъ лице твое ангелское, умерлъ быхъ с тобою. Нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Где суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказания. Да аще еси получилъ деръзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же приялъ страсть. Луче бы ми с тобою умрети, нежели вь свѣтѣ семь прельстнемь жити». И сице ему молящюся сь слезами, и внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣба. И ту абье послании яша корабль Глѣбовъ и обнажиша оружья. И отроци Глѣбовы уныша. Оканьный же Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, выньзъ ножь, зарѣза Глѣба, аки агня непорочно.

Принесеся на жерътву Богови, вь *воню* благоухания, жерьтва словесная, и прия вѣнѣць, вшед в небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неизреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. «Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ!»[320] А оканни же вьзвратишася вьспять, якоже рече *Давидъ*: «Възвратишася грѣшници въ адъ».[321] И пакы: «Оружье изьвлѣкоша грѣшници и напрягоша лукы своя истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь, и оружье ихъ вниде вь сердца ихъ, и луци ихъ скрушаться. Яко грѣшници погибнуть изьщезающе яко дымъ погибьнуть».[322]

Онѣм же пришедшимъ, повѣдающимъ Святополку, яко «Створихомъ повѣленое тобою». Он же, се слыша, и вьзвеселися сердце его болма, и не вѣды Давида, глаголюща: «Что ся хвалиши о злобѣ, *силный*? Безаконье умысли языкъ твой, яко бритва изострена. Створилъ *еси* лесть, вьзлюбилъ еси злобу паче благостыня, неправду, неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ раздрушить тя до конца и вьстерьгнеть тя от села твоего и корень твой от земля живущихъ».[323] Якоже и *Соломонъ* рче: «Азъ вашей погибели посмѣюся, порадую же ся, внегда грядеть на вы пагуба. Тѣмже снѣдять своего *труда* плоды и своея нечести насытяться».[324]

Глѣбу же убьену и повѣржену бывшю на брезѣ межю двѣима кладома. По сем же вьземше и везоша`и, и положиша`и у брата своего Бориса у церькви святаго Василья.

Совокуплена тѣлома, паче же и душама, у владыкы всих цесаря пребывающа в радости бесконѣчнѣй и вь свѣтѣ неизреченьнемь, подающа ицѣления дары Руськой землѣ, инѣмь приходящимъ правою вѣрою даета ицѣление: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣние, болящимъ цѣлбы, окованымъ разьдрѣшение, тѣмницамъ отверзение, печалнымъ утѣху, напастьнымъ избавление. И еста заступника Руськой земли, и свѣтѣлника сияюща *воину* и молящася воину ко владыци о своихъ людехъ. Тѣмже и мы дольжни есме *хвалити* достойно страстотерпца Христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: «Радуйтася, страстотерпца Христова, заступьника Руськой земли, еже ицѣление подаета приходящимъ к вамъ вѣрою и любовью. Радуйтася, небесьная жителя, вь плоти ангела быста, *единомысленна* служителя, вьрьста единообразна, святымь единодушьна, тѣмь стражющимь всимъ исцѣление подаета. Радуйтеся, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя *воды* живоносныя исцѣления, истѣкають вѣрнымъ людемъ на ицѣление. Радуйтася, луча свѣтозарная и явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Рускую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклоньною. Радуйтася, недрѣманьная ока стяжавша, душа на свѣршение Божиихъ святыхъ заповѣдий приимша вь сердци своемь, блаженая. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, и вь славѣ неувядающей, еяже по достоянию сподобистася. Радуйтеся, Божьими свѣтлостьми явѣ *облистаеми*, всего мира обьходита, бѣсы отгоняюща, *недугы* ицѣляюща, свѣтелника предобрая и заступника теплая, суща сь Богомъ, *божественами* лучами *разжизаеми* воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людемь. Вьзвысила бо есть ваю свѣтоносная *небеснаа* любы, тѣмь красныхъ всих наслѣдоваста вь небеснемь житьи, славу, и райскую пищю, свѣтъ разумный, красная радости. Радуйтася, яко напаяющиа сердца, горести и болезнемь отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровныими, святыми очервивьша багряницю, преславная, ту же красно носяща съ Христомъ царствуете всегда, молящеся за новыя люди хрестьяньскыя и сродьникы своя. Земля Руская благословися ваю кровью, и мощьми положениемь вь церкви, духомъ божествнѣ просвѣщаете, в нейже с мученикы яко мученика за люди своя молита. Радуеться церквы свѣтозарное солнце, стяжавши вьсходъ, всегда просвѣщаеть вь страданьи вь славу ваю мученикомъ. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра вьсходящи. Но и христолюбивая заступника наша, страстотерпца, покорита поганыя под нозѣ княземь нашимъ, молящася ко владыцѣ и Богу нашему, и мирьно пребывати вь совокупьлении и вь здравьи, избавляюща от усобныя рати и от пронырьства дьяволя, сподобита же и насъ, поющихъ и почитающихъ ваю честное торьжество вь вся вѣкы до скончания.

Святополкъ же оканьный, злый уби Святьслава, пославь кь горѣ Угорьской, бѣжащу ему вь Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою и прииму власть рускую единъ». Помысли высокоумьемь своимь, а не вѣды, яко «Даеть *Богъ* власть, *емуже* хощеть, поставляеть цесаря и князя Вышений, емуже хощет, дасть».[325] Аще бо кая земля управить предъ Богомъ, поставляеть цесаря и князя правѣдна, любяща судъ и правду, и властеля *устраяет*, судью, правяща судъ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаються согрѣшения, аще ли зли и лукави бывають, то болшее зло наводить Богъ на землю ту, понеже глава есть *земли* <...>. Тако бо Исая рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, *еже* есть от цесаря и до простыхъ людий».[326] «Лютѣ бо граду тому, в немже князь унъ»,[327] любя вино пити со гусьми и *съ* младыми свѣтникы. Сяковыя Богъ даеть за грѣхы, а старыя, мудрыя отъемлеть, якоже Исая глаголеть: «Отъиметь Господь от Ерусалима крѣпость и крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смирена старца, и дивна свѣтника, и мудра хытрѣца, разумьна послушника. И поставьлю уношю князя имъ и ругателя имъ, обладающа ими».[328]

Святополкъ же оканьны нача княжити в Кыевѣ. И созвавъ люди, и нача даяти овѣмь корьзна, а другимъ кунами, и раздая множьство. Ярославу же не вѣдущю отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородьцемь. И, вьставша на нь, новгородьци избиша варягы вь дворѣ *Поромони*. И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на Рокъмъ,[329] и сѣде вь дворѣ. И пославъ к новьгородьцемь и рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити».[330] И позва к собѣ ; нарочитая мужа, иже бяху исьсѣкли варяги, и *обльсти* я сице, *исѣче их 1000*. В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить в Киевѣ, *уби Бориса и по Глѣба посла*, а ты блюдися сего повелику». И се слышавъ, Ярославъ печаленъ бысть по отци, и по брату, и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородцевь и рече Ярославъ: «О, любимая дружино, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ». И утре слезъ и рече имъ на вѣчѣ: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдить в Кыевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородьцѣ: «Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть, можемь по тобѣ бороти». И собра Ярославъ варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящь[331] и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: «Не азъ почахъ избивать братью, но онъ; да будеть Богъ отместьникъ крови брату моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведною. Еда и мнѣ си же створить? Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончаеться злоба грѣшнаго». И поиде на Святополка. Слышавъ же Святополкъ идуща Ярослава и пристрои бе-щисла вой — руси и печенѣгъ — и изииде противу Любчю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обь *сю*.

Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу обаполъ Днѣпра, и не смѣаху ни си на они наити, и ни тѣи на сихъ, и стояша за 3 мѣсяцѣ противу собѣ. И воевода нача Святополчь, яздя вьзлѣ бѣрегъ, укаряти новгородци, глаголя: «Что приидосте с хромьцемь симъ, а вы

плотници суще? А приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ». Се слышавше новгородци и рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземься на нихъ; аще кто не поидеть с нами, то сами потнем». Бѣ бо уже вь *заморозъ*. И стояше Святополкъ межи двѣима озерома, и вьсю нощь упивься с дружиною своею. Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину, противу свѣту перевезеся. И, высѣдше на брегъ, отринуша *лодиа* от берега и поидоша противу собѣ, и сьвькупившеся на мѣстѣ. И бысть сѣча зла, не бѣ лзѣ озеромъ помогати печенѣгомъ, и притиснуша *Святополчи* вои кь озеру, и вьступиша на ледъ, *и обломися лед с вои Святополчи, и мнози потопоша въ водах*, и одолѣвати нача Ярославъ. Видивъ же, Святополкъ побѣже, и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа в Ляхы. Ярославъ же сѣде в Кыевѣ на столѣ отни. Бѣ же тогда Ярославъ лѣт *28*.[332]

В лѣто 6525. Ярославъ *въиде* в Кыевъ, и погорѣша церкви.[333]

В лѣто 6526. Поиде Болеславъ сь Святополкомъ на Ярослава с ляхы, Ярославъ же множество совокупи руси, варягы, словены, поиде противу Болеславу и Святополку. И приде *Волыню*, и сташа оба полъ рѣкы Буга.[334] И бѣ у Ярослава корьмилець и воевода *Буды*, и нача Буды укаряти Болеслава, глаголя: «Да что ти пропоремь трескою чрево твое толъстое». Бѣ бо великъ и тяжекъ Болеславъ, яко ни на кони не моги сѣдѣти, но бяше смысленъ. И рече Болеславъ: «Аще вы сего *укора* <…> не жаль, азъ единъ погибну!» И, вьсѣдъ на конь, вьбреде в рѣку, а по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжавь с четырми человѣкы к Новугороду. Болеслав же вниде в Кыевъ сь Святополкомъ.[335] И рече Болеславъ: «Разведете дружину мою по городомъ на кормъ». И бысть тако. Ярославу же прибѣгшу к Новугороду, хотяше бѣжати за *море*, и посадникъ *Коснятинъ*, сынъ Добрынъ, с новьгородци расѣкоша лодья Ярославлѣ, рекуще: «Можемь ся еще *бити* с Болеславомъ и сь Святополкомъ». И начаша скотъ брати от мужа по четыре куны, а от старостъ по 10 гривенъ, а от бояръ по осмидесять гривенъ.[336] Приведоша варягы и вьдаша имъ скотъ, и совькупи Ярославъ воя многи. Болеслав же бѣ вь Кыевѣ сѣдя, безумный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по городомъ, избивайте я». Избиша ляхы. Болеслав же бѣжа ис Кыева, *възма* имѣние и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его,[337] и Настаса пристави десятиньнаго кь имѣнию, бѣ бо ся ему вьвѣрилъ лестью. И людий множьство веде съ *собою*, и грады червѣньскыя зая собѣ, и приде вь свою землю. Святополкъ же нача княжити в Кыевѣ. И поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ вь Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и *изыде* противу ему на Альто.[338] Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, и вьздѣвъ руцѣ на небо, и рече: «Кровь брата моего вопиеть к тобѣ, Владыко! Мьсти от крове

правѣднаго сего, якоже мьстилъ еси от крови Авелевы, положивъ на Каинѣ стѣнанье и трясение, — тако положи на семь. И, помолився, рекъ: «Брата моя! Аще есте отсюду тѣломъ отошла, то молитвою помозита ми на противнаго сего убийцю гордаго». И се ему рекшю, и поидоша противу собѣ, и покрыша поле *Летьское* обои от множьства вой. Бѣ же пяток тогда, вьсходящю солнцю, и совокупишася обои, и бысть сѣча зла, ака же не была в Руси, и за рукы емлюще сѣчахуся, и соступишася трижды, яко по удольемь кровь течаще. И кь вечеру одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. Бѣжащю же ему, и нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, и не можаше сѣдѣти на кони, и ношахуть`и вь носилахъ. И принесоша`и к Берестью, бѣгающе с нимъ. Он же глаголаше: «Побѣгнете со мною, женуть по насъ». Отроци же его посылаху противу: «*Еда* кто *женет* по немь?» И не бѣ никогоже вьслѣдъ женущаго, и бѣжаху с нимь. Онъ же в немощи лежа, и, вьсхапився, глаголаше: «Осе женуть, оно женуть, побѣгнете». И не можаше стерпѣти на единомъ мѣстѣ и пробѣже Лядьскую землю, гонимъ гнѣвомъ Божиимъ, и пробѣже пустыню межи Чяхи и Ляхы, и ту испровѣрже животъ свой злѣ. «Его же и по правдѣ, яко неправѣдна, суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияша муки сего, оканьнаго». Святополка «показываше явѣ посланая пагубная рана, вь смерть немилостивно вьгна»,[339] и по смерти вѣчно мучимъ есть и связанъ. Есть же могила его в пустыни той и до сихъ дний. Исходить же от ней смрадъ золъ. Се же Богъ показа на показание княземь рускымъ, да аще сице же створять, се слышавше, ту же казнь приимуть, но больши сея, понеже се вѣдуще бывшее, створити такое же зло братоубийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авѣля, *а* Ламехъ 70, понеже бо Каинъ не вѣды мьщьния прияти от Бога, а Ламехъ вѣды казнь, бывшюю на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ своима женама: мужа убихъ вь вредъ мнѣ и уношю вь язву мнѣ, тѣмже, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая, створихъ се».[340] Ламехъ уби 2 брата Енохова, и поя собѣ женѣ *ею*; сьй же Святополкъ — новы *Авимелех*, иже ся родилъ от прелюбодѣанья, иже изби братью свою, сыны Гедеоновы, тако и сь бысть.[341]

Ярославъ же, пришедъ, сѣде в Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

В лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимиръ.

В лѣто 6529. Приде Брячислав, сынъ Изяславль, внукъ Володимеръ, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, поимъ множество новгородець, имѣние ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судмири рѣцѣ,[342] *Ярославъ* <…> выиде ис Кыева *въ* 7 день постиже и́ ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и *новьгородцѣ* <…> *вороти* <…> к Новугороду, а Брячиславъ бѣжа къ Полотьску.

Въ лѣто 6530. Приде Ярославъ кь Берестью. Вь си же времена Мьстиславу сущю вь Тмуторокани, и поиде на касогы. Слышавъ же се, князь касожький Редедя изыиде противу ему. И ставшима обѣиима полкома противу собѣ, и рече Редедя кь Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидевѣ *сама* бороться. Да аще одолѣешь ты, и возмеши имѣние мое, и жену мою и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то возму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И *съѣхастася*, и рече Редедя кь Мьстиславу: «Не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющимся има, и нача изнемогати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и *силенъ* Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пресвятая Богородице, помози ми. Аще бо одолѣю сему, сьзижю церковь вь имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю. И вынемь ножь, ударѝ и вь гортань ножемь, и *ту бысть* зарѣзанъ Редедя. И вьшедъ в землю его, и взя все имѣние его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедьшю к Тъмутороканю и заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дни в Тмутороканѣ.

В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и сь касогы.

В лѣто 6532. Ярославу сущю в Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканa Кыеву, и не прияша его кыянѣ. Онъ же сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущу в Новѣгородѣ тогда.

В се же лѣто вьсташа вълъсви в суждалцихъ, избиваху старую чадь по дьяволю наученью и бѣсованию, глаголюще, яко си держать гобино. [343] И мятежь великъ и голодъ въ всей странѣ той; идоша по Волзѣ вси людье вь Болъгары и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ вълъхвы ты, и приде к Суждалю, изьима волъхвы, расточи, и другия показни, рекъ сице: «Богъ наводить по грѣхомъ на *куюждо* землю гладомь, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». И възвративъся Ярославъ и поиде к Новугороду, и посла Ярославъ за море по варяги.

И приде Акунъ с варягы, и бѣ Акунъ *сь лѣпъ*,[344] и луда у него златомъ истькана. И приде ко Ярославу, и Ярославъ сь Акуномь поиде на Мьстислава. Мьстислав же, слышавь, изииде противу има кь Листьвну. [345] Мьстислав же с вечера исполчи дружину, и постави сѣверъ вь чело противу варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывъши нощи, бысть тма, и громове, и молънья и дождь. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемь на нѣ». И поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу, и съступишася въ чело варязѣ сь сѣверомъ, и трудишася варязи, сѣкуще сѣверъ, и по семъ наступи Мьстиславъ с

дружиною своею и нача сѣчи варягы. И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше мъльнъя и блисташася оружья, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣв же Ярославъ, яко побѣжаемь есть, и побѣже сь Якуномъ, княземь варяжькимь, и Акунъ ту отбѣже луды златое. А Ярослав же приде к Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстислав же, о светъ *заутра* <...> видѣ лежачи исѣчены от своихъ сѣвѣръ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не рад? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а своя дружина цѣла». И посла Мьстиславъ по Ярославѣ, глаголя: «Сѣди ты на столѣ своемь Кыевѣ, понеже ты еси старѣй братъ, а мнѣ буди *ся* сторона». И не смѣяше Ярославъ в Кыевъ ити, донележе смиристася. И сѣдяше Ярославъ в Новѣгородѣ, и бяху сѣдяще в Киевѣ мужи Ярославлѣ. В том же лѣтѣ родися у Ярослава другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.[346]

В лѣто 6533.

В лѣто 6534. Ярославъ сьвокупи воя многы и приде Кыеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городьца. И раздѣлиста и по Днѣпръ Рускую землю: Ярославъ прия *сию* страну, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и вь братолюбьи, и преста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися третий сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

В лѣто 6536.

В лѣто 6537. Мирно лѣто.

В лѣто 6538. Ярославъ взя Белзъ.[347] И родися Ярославу 4-тый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Сего лѣта иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и постави городъ Юрьевъ.[348] В се же время умершу Болеславу Великому в Ляхѣхъ, и бысть мятежь великъ в Лядьской земли, и, вьставше, людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть мятежь вь нихъ.[349]

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста воя многы, и идоста на Ляхы, и заяста *грады* червенъскыя опять, и *повоеваста* Лядьскую

землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣлиста я. И посади Ярославъ своя по Рси, и суть и до сего дни.

В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Рси.

В лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафий умьре.

В лѣто 6542. В лѣто 6543.

В лѣто 6544. Мьстиславъ изыиде на ловы и разболѣся и умре. И положиша`и вь церкви святаго Спаса, юже создалъ самъ, бѣ бо вьздано ея при немь вьзвыше, яко и на конѣ стоячи рукою досячи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермьномь лицемь, великома очима, храбръ на рати, и милостивъ, и любяше дружину повелику, и имѣния не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше. По семь же прия власть его Ярославъ, и бысть единовластець Руской земли. Иде Ярославъ к Новугороду, посади сына своего Володимира в Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту.[350] И в то время родися Ярославу сынъ, и нарекоша имя ему Вячеславъ.

И Ярославу же сущу в Новѣгородѣ, и приде ему вѣсть, яко печенѣзѣ *обьстоят* Кыевъ. Ярослав же собравъ воя многы — варягы и словены — и прииде Кыеву, и вьниде вь градъ свой. И бѣ же печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ же выступи из града, исполчи дружину, и постави варягы по средѣ, а на правѣй странѣ кыяны, и на лѣвемь крилѣ новгородцѣ, и сташа предъ городомъ. А печенѣзѣ приступати начаша, и соступишася на мѣстѣ, идѣже есть нынѣ святая Софья, митрополья руская: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бѣ сѣча зла, и одва одолѣвъ к вечеру Ярославь. И побѣгоша печенѣзѣ раздно и не вѣдахуся, камо бѣжаче, и овии, бѣгающе, тоняху *в Ситомли*, инѣи же во инѣхъ рѣкахъ, и тако погибоша, и прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни. В то же лѣто всади Ярославъ Судислава вь порубь, брата своего, Плесковѣ, *оклеветань* к нему.

Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града врата суть Златая; заложи же и церковь святыя Софья, Премудрость Божию, митрополью, и по семь — церьковь на Златыхъ вратѣхъ камену святыя Богородица Благовѣщение. Сий же премудрый князь Ярославъ то того дѣля створи Благовѣщение на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымь благовѣщениемь Господнимь и молитвою святыя Богородица и архаангела Гаврила. По семь святаго Георгия манастырь

и святыя Орины.[351] И при семь нача вѣра крестьяньская плодитися и раширятися, и черноризци поча множитися, и манастыреве почаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковьныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же бѣ любя черноризьци, и книгамъ прилежа, почитая часто в день и вь нощи. И собра писцѣ многы и прѣкладаше от грѣкь на словеньскый языкъ и *писмо*.[352] И списаша многы книгы, и *списка, ими* же поучаються вѣрнии людье и наслажаються учения божественаго гласа. Якоже бо нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, инии же пожинають и ядять пищу бескудну, — *тако* и се: отець бо сего Володимиръ землю разора и умягчи, рекше кресщениемь просвѣтивъ. Сий же Ярославъ, сынъ Володимерь, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий. А мы пожинаемь, учение приемлюще книжьное.

Велика бо полза бываеть человѣку от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию, и мудрость бо обрѣтаемь и въздержание от словесъ книжныхъ. Се бо суть рекы, напаяющи вселеную всю, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина, сими *бо* <...> в печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздеръжанию. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваляше ю, глаголаше: «Азъ, премудрость, вселихъ свѣтъ и разумъ, и смыслъ азъ призвах. Страх Господень. Мой свѣтъ, моя мудрость, мое утвѣржение. Мною цесари царствують, и силнии *пишют* правду. Мною вельможи величаються, мучители удержать землю. Азъ любящая *мя* люблю, *ищющии* мене обрящють».[353] Аще бо поищеши вь книгахъ *мудрости* <...> прилежно, то обрящеши великую ползу души своей. Иже *бо* часто кто чтеть книгы, то бесѣдуеть с Богомъ или святыми мужьми. Почитая пророчькыя бесѣды, еуангелская учения и апостолская, и житья святыхъ *отець* <...>, вьсприемлеть душа ползу велику.

Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы, списавь, положи вь церкви святой Софьи, юже созда самъ. И украси ю иконами многоцѣньными, и златомъ и сребромъ и сосуды церковьными, въ ней же обычныя пѣсни Богу вьздають в годы обычныя. И ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая *им* имѣния своего урокъ, и веля имъ учити людий, и приходити часто кь церквамъ, попови бо часто достоить учити людий, понеже тому есть поручено Богомъ. И умножишася прозвутери и людье хрестьяньстѣи. И радовашеся Ярославъ, видя многи церкви и люди крестьяныи зѣло, а врагъ сѣтоваше, побѣжаемь новыми людми крестьяными.

В лѣто 6546. Иде Ярославъ на ятвягы.

В лѣто 6547. Священа бысть церкви святыя Богородица, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомъ Феопеньтомь.[354]

В лѣто 6548. Ярославъ иде на литву.

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовшаны[355] вь лодьяхъ.

В лѣто 6550. Иде Володимиръ, сын *Ярославль*, на ямь,[356] побѣдивъ я. И помроша кони у Володимерь вой, и яко еще дышющимь конемь, сдираху хъзы с нихъ: толикъ бѣ моръ в конѣхъ.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ Володимира, сына своего, на грѣкы и да ему воя многы, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу.[357] И поиде Володимирь на Цесарьград в лодьяхъ, и придоша в Дунай, и от Дуная поидоша кь Цесарюграду. И бысть буря велика и разби кораблѣ руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабли Ивань Творимирича, воеводы Ярославля. Прочии вои Володимѣрѣ вывержени быша *на* брегъ, числомъ 6000, и хотяче поити в Русь, и не иде с ними никтоже от дружины княжа. И рече Вышата: «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля к нимъ, рекъ: «Аще живъ буду, то с ними, аще ли погибну — с дружиною». И поидоша, хотяче в Русь. И бысть вѣсть грѣкомъ, яко избило море русь, и пославъ цесарь, именемь Мономахъ,[358] по руси олядий 14. Володимеръ же, видивъ, яко идуть по нихъ, вьспятився, изби олядии грѣчькия и вьзвратися в Русь, сьсѣдавшися в кораблѣ своѣ.[359] Вышату же яша сь извержеными на брегь и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша руси много. По 3-хъ же лѣтѣхъ, миру бывшю, и пущенъ бысть Вышата вь Русь кь Ярославу. В сии же времена вьдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вьдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.[360]

В лѣто 6552. Выгребена быста 2 князя — Ярополкъ и Олегъ, сына Святославля, и крестиша кости ею, и *положиша* я вь церкви святыя Богородица в Володимѣри.[361] Того же лѣта умре Брячьславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимирь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, егоже роди мати от волъхвования.[362] Матери бо родивши его, и бысть ему *язвено* на главѣ его; рекоша же волъсви матери его: «Се язьвено на главѣ его навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитье.

В лѣто 6553. Заложи Володимиръ святую Софью в Новѣгородѣ.

В лѣто 6554. В се же лѣто бысть тишина велика.

В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимеру.

В лѣто 6556. В лѣто 6557.

В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгини февраля вь 10.[363]

В лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Руси *въ* святѣй Софьи, собравъ епископы.[364]

И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерьскый манастырь.

Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и церковь *ту* сущую Святыхъ апостолъ и попы многы набдящю, и в них же бѣ прозвутерь, именемь Ларионъ, мужь благъ, и книженъ и постникъ, и хожаше с Берестового на Дьнѣпръ, на холмъ, кде нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, и ту молитвы творяше, бѣ бо лѣсъ ту великъ. Иськопа ту печеръку малу, 2-саженю, и приходя с Берестового, отпеваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посем же возложи Богъ князю въ сердце, и постави его митрополитомъ святѣй Софьи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкий *человѣкъ*, именемь мирьскимь,[365] от града Любча; и вьзложи сему Богъ в *сердце* вь страну ити. Онъ же устремися вь Святую Гору[366] ити. И видѣ манастыря сущая ту, и вьзлюби чернѣцьскый образъ, и приде вь единъ манастырь от сущихъ ту манастыревъ, и моли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ *мнишьскый*. И онъ же, послушавъ его, постриже его и нарче имя ему Аньтоний, и наказавъ его и научивъ его чернѣцкому образу, и рече ему: «Да иди опять вь Русь, и буди благословение от Святыя Горы, и мнози от тебе черноришци будуть». И благослови его, отпусти, рекъ ему: «Иди сь миромъ». Антоний же приде Кыеву и мышляше, кдѣ жити; и походи по манастыремь и не возлюби, Богу не хотящу. И поча ходити по дебремь и по горамъ, ища, кде бы ему Богъ показалъ. И приде на холмъ, идеже бѣ Ларионъ печеру ископалъ, и вьзлюби мьстьце се и вселися во нь, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в

мѣстьцѣ семь, и да будеть на мѣстьци семь благословение Святые Горы и моего игумена, иже мя постриглъ». И поча жити ту, моля Бога, яды хлѣбъ сухий и того чересъ день, и воды в мѣру вкушая, и копая печеру, и не дадя собѣ покоя ни день, ни нощь, вь трудѣхъ пребывая, вь бьдѣни и вь молитвахъ. По сем же уведавше добрѣи человѣцѣ и приходяху к нему, приносяще ему на потребу. И прослу *же* <…> великий Антоний, и приходяще к нему, просяху от него благословения. По сем же, преставлешюся великому кьнязю Ярославу, и прия власть его сынъ Изяславъ и сѣде Кыевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Руской земли. Изяславъ же, увѣдавъ житие его, и приде с дружиною своею, прося у него благословения и *молитвы*. И увѣданъ бысть всими великий Антоний и честимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я, и собрашася братья к нему яко числомъ 12, иськопаша печеру велику, и церковь, и кѣлья, яже суть и до сего дни в печерѣ подъ ветхымъ манастыремь.

Совокуплени же братьи, рече имъ Антоний: «Се Богъ васъ съвокупи, братье, от благословения есте Святыя Горы, иже постриже мене игуменъ Святыя Горы, а я васъ постригалъ; да буди на васъ благословение первое от Бога, а второе от Святыя Горы». И се рекъ имъ <…>: «Живете о собѣ, поставлю вы игумена, и самъ хощю вь ину гору сѣсти одинъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединився». И постави имъ игумена именемь Варламъ, а самъ иде в гору, ископа печеру, яже есть под новымъ манастыремь, в *ней* же и скончя животъ свой, живъ вь добродѣтели и не выходя ис печеры лѣт 40 николиже никаможе,[367] в нейже лежать мощи его и до сего дни. Братья же и игуменъ живяху в печерѣ. И умножившимся братьи и не могущимъ имъ вмѣститися в печеру, и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь. И приде игуменъ и братья ко Аньтонию и рекоша ему: «Отче! Умножилося братьи, а не можем ся *въмѣстити* в печерѣ. Да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставилѣ церквицю малу внѣ печеры». И повелѣ имъ Аньтоний. Они же поклонишася ему и поставиша церьквицю малу надъ печерою во имя святыя Богородица Успение. И нача Богъ *умножати* черноризѣць молитвами святыя Богородица, и свѣтъ створиша братья съ игуменомъ поставити манастырь. И рѣша *братья* <…> къ Антонию: «Отче! Братья умножаеться, а хотѣлѣ быхомъ поставити манастырь». Антоний же, рад бывъ, рче: «Благословенъ Богъ о всемь, и молитвами святыя Богородица и сущихъ отець, иже вь Святѣй Горѣ, да будеть с вами». И се рекъ, посла *единаго* от братья къ Изяславу князю, река тако: «Княже мой! Се Богъ умножаеть братью, а *мѣстце* мало; да бы ны вдалъ гору ту, яже есть надъ печерою». Изяславъ же, се слышавъ, радъ бывъ и мужи свои посла и дасть имъ гору ту. Игуменъ же и братья *заложиша* церковь велику, и манастырь оградиша столпъемь, и кѣлья *поставиша* многы, и церковь свѣршиша и украсиша ю иконами. И оттолѣ начаша звати манастырь Печерьскый, имже бѣша жили черньци преже в печерѣ, и от того прозвася Печерьскый манастырь. Есть же Печерьскы манастырь от благословения Святыя Горы пошелъ.

Манастыреви же свершену, игуменьство же держащю Варламу, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрѣя,[368] и выведе Варлама на игуменьство кь святому Дмитрею, хотя створити выший сего манастыря, надѣяся богатствѣ. Мнозии бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатства поставлени, но не суть таци, кации же суть поставлени слезами, и пощениемь, и молитвою, и бдѣниемь. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, *но стяжа* пощениемь и слезами, якоже глаголахъ. Варламу же шедшю кь святому Дмитрѣю, и свѣтъ створше братья, идоша кь старцю Аньтонию и рекоша: «Постави намъ игумена». Онъ же рче имъ: «Кого хощете?» Они же рѣша ему: «Кого хощеть Богъ и ты». И рече: «Кто болий есть в вас, акь есть Федосий:[369] послушливъ, и кротокъ, и смиреный, да сьй будеть игуменъ вамъ». Братья же ради бывше и поклонишася старцю, и поставиша Федосья игуменомъ *братии* сущей числомъ 20. Федосьеви же приимшю манастырь, и поча имѣти вьздержание велико, пощение и молитвы сь слезами, и совокупляти нача многы *черьноризци*, и совокупи братьии числомъ 100. И нача иськати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ, чернѣць манастыря Студискаго, иже бѣ пришелъ изь Грѣкь с митрополитомъ Георгиемь,[370] и нача у него искати устава черьнець студийскых. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ, как пѣти пѣния манастырьская и поклонъ како держати, и чтения почитати, и стояние въ церкви, и весь рядъ церковьный, на тряпезѣ сѣдание, и что ясти въ кыя дни, все съ *уставлениемь*. Федосий все то приобрѣтъ и предасть манастырю своему. От него же манастыря прияша вси манастырѣ уставъ по всемь манастыремь: тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣй всихъ и честью боле всихъ. Федосьеви же живущю в манастырѣ и правящю добродѣтелное житье и чернѣцьское правило, и приимающе всякого приходящего к нему, к нему же и азъ придохъ, худый и недостойны рабъ, *и* приять мя лѣтъ ми сущю 17 от рожения моего.[371] Се же написахъ и положихъ, и в кое лѣто почалъ быти манастырь, и *что* ради зоветься Печерьскый манастырь. А о Федосьевѣ житьи паки скажемь.

В лѣто 6560. Преставися Володимѣрь, сын Ярославль старѣйший, в Новѣгородѣ и положенъ бысть вь святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ.

В лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ Володимиръ от цесарицѣ грѣчькое.[372]

В лѣто 6562. Преставися *великый* князь рускый Ярославь. И еще живу сущю ему, наряди сыны своя, рекы имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь, понеже вы есте братья одиного отца и единой *матере*. Да аще будете в любви межи собою, и Богъ будеть в васъ и покорить вы противныя подь вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавистьно живуще, вь распряхъ, которающеся, то и сами погибнете, и землю отець своихъ и дѣдъ

погубите, иже налѣзоша трудомъ великомъ; но послушайте братъ брата, пребывайте мирно. Се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу — Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будеть вь мене мѣсто.[373] А Святославу — Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль,[374] а Вячеславу — Смолнескь». И тако раздѣли городы, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекь Изяславу: «Аще кто хощеть обидити своего брата, *то* ты помогай, егоже обидять», И тако наряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю ему к Вышегороду, разболѣся *велми*. Изяславу тогда в Туровѣ князящю, а Святославу вь *Володимерѣ*, а Всеволодъ тогда у отца, бѣ бо любимъ отцемь паче всея братья, егоже имяше у себе.

Ярославу же приспѣ конѣць житья, и предасть душю свою мѣсяца февраля вь 20, в суботу 1 недели поста, вь святаго Федора день. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, вьзложивъ на сани и повезоша Кыеву, поповѣ по обычаю пѣсни пѣвше, и плакашеся по немь людье. И принесъше и положиша̀ и в рацѣ мороморянѣ вь церкви святѣй Софья. И плакася по немь Всеволодъ и людье вси. Житъ же всѣхъ лѣтъ Ярославъ 70 и 6.

Начало княжения Изяславля вь Киевѣ. В лѣто 6563, пришедъ, Изяславъ сѣде Кыевѣ, а Святославъ в Черниговѣ, *Всеволодъ* же в Переяславлѣ, Игорь в Володимерѣ, Вячеславъ въ Смолѣньсцѣ. В тое же лѣто иде *Всеволодъ* на торкы зимѣ къ Воиню и побѣди торкы.[375] Того же лѣта приходи *Болушь* с половци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и вьзвратишася вьсвояси.

Въ лѣто 6564.

Въ лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смоленьский. И посадиша Игоря вь *Смолѣньсцѣ*, изъ Володимеря выведше.

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голядь.

В лѣто 6567. Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего *Судислава* ис поруба, сѣдѣвша 20 и 4 лѣта, и водивше и́ ко кресту, и бысть черньцемь.

В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ *Ярославль*. Того же лѣта Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ и Всеславъ, совокупивше воя бещислены, и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещисленое множьство, на торкы. И се слышавше, торци, убоявьшеся, пробѣгоша и до сего дни, и помроша, бѣгающе, Божиимъ гнѣвомъ гоними, овии от зимы, друзии же гладомъ, инии же моромъ и судомъ Божиимъ. И такъ Богъ избави крестьяны от поганыхъ.

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Руськую землю воеватъ. Всеволодъ же изыиде противу имъ мѣсяца февраля вь 2 день, и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода и, воевавше *отъидоша*. Се бысть первое зло на Руськую землю от поганыхъ безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Сокалъ.[376]

В лѣто 6570.

В лѣто 6571. Преставися Судиславъ, братъ Ярославль, и погребоша`и во церкви святаго Георгия. Того же лѣта в Новѣгородѣ иде Волхово вьспять дний 5. Се же знамение недобро бысть: на 4-е лѣто погорѣ весь городъ.[377]

В лѣто 6572. Бѣжа *Ростиславъ* кь Тмутороканю, сынъ Володимирь, внукъ Ярославль, и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынь Остромирь, воеводы новгородьского. И, пришедъ, выгна Глѣба изь Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.[378]

В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава кь Тмутороканю. Ростиславъ же отступи прочь из града, не убоявься его, не не хотя противу строеви своему оружья взяти. Святослав же, пришедъ кь Тмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба и вьзвратися вьсвояси. Пришедъ пакы опять Ростиславъ и выгна Глѣба, и приде Глѣбъ кь отцю своему, Ростиславъ же, пришедъ, сѣде вь Тмутороканѣ. В то же лѣто *Всеславъ* <...> рать почалъ.

В та же времена бысть знамение на западѣ: звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавѣ, вьсходящи с вечера по заходѣ солъначнемь, и бысть за 7 дний.[379] Се же проявляющи не на добро. По сем же быша усобицѣ многы и *нашествие* поганыхъ на Руськую землю, си бо звѣзда, акы кровава, проявьляющи крови пролитье. В та же времена бысть дѣтище вьвержено вь Сѣтомле. Сего же дѣтища выволокоша рыболовѣ в

неводѣ, его же позоровахомъ и до вечера, и пакы вывѣргоша и́ вь воду. Бяше бо на лицѣ его сице срамнии удове, а иного нѣльзѣ казати срама ради. Пред сим же временемь солнце прѣменися,[380] не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть. Его же невегласии глаголють снѣдаему сущю.

Се же бывають сия знамения не на добро, мы бо по сему разумѣхом. Якоже древле, при Антиосѣ, вь Ерусалимѣ ключися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вьздусѣ на коних рищющимъ, вь оружьи, златыя одежа имущи, и полкы *обоямо являемы*, и оружью движащюся. Се же являше нахожение Антиохово, нашествие рати на Ерусалимъ.[381] По сем же при Неронѣ цесарѣ в том же Ерусалимѣ въсия звѣзда вь образъ копийный надъ городомъ: се же проявляше нахожение рати от римлянъ.[382] И пакы сице бысть при Устиянѣ цесарѣ, звѣзда вьсия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блисталницю. И бысть сияющи за 20 дний. По сем же бысть звѣздамъ течение с вечера до утрия, яко мнѣти всимъ, яко падають звѣзды. И пакы солнце без лучь сияше. Се же проявляше крамолы, недузи, человѣкомъ умертвие бяше.[383] Пакы же при Маврикии цесари бысть се: жена дѣтище роди безъ очью, безъ руку, вь чресла бѣ ему рыбьий хвостъ прирослъ. И песъ родися шестоногъ. Въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4 ногах, а другий о двое главу.[384] По сем же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова: течение звѣздьное бысть на небесѣх, оттергаху бо ся на землю, и яко видящимъ мнѣти кончину. Тогда же вьздух вьзлияся повелику. В Сурии же бысть трусъ велий, землѣ расѣдшися трий поприщь, изииде дивно изь земли мьска, человѣцскымъ гласомъ глаголющи, проповѣдающи наитье языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на *Палестинскую* землю.[385] Знаменья бо вь небеси, или вь звѣздах, или вь солнци, или птицами, или етеромъ чимъ не благо *бывають*, но знамения сица на зло бывають, или проявление рати, или гладу, или на смерть проявьляеть.

В лѣто 6574. Ростиславу сѣдящу вь Тмуторокани и емлющи дань у касогъ и в ыных странахъ, сего же убоявъ же ся грѣци, послаша с лестью котопана.[386] Оному же пришедшю кь Ростиславу и увѣрившюся ему, и чьтяшѐи Ростиславъ. Единою же пьющу Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хощю на тя пити». Оному же рекшу: «Пий». Онъ же, испивъ половину чаши, а половину вдасть князю пити, дотиснувься палцемь в чашю, бѣ бо имѣя подъ ногътемь растворение смертьное, и дасть князю, урекъ смерть до осми дний. Оному же испившю, котопанъ же, пришедъ Кьрсуню, повѣда, яко в сий день умреть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиша камениемь людье корсуньстии. Бѣ же Ростиславъ мужь добръ на рать, вьзрастом же лѣпъ и красенъ лицемь, милостивъ убогимъ. Умре же мѣсяца февраля вь третий день, и тако положенъ бысть вь церкви святыя Богородица.

В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячьславль, Полотьский, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше воя, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша кь Мѣньску, и мѣнянѣ затворишася вь градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, исьсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты, и поидоша кь Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупившеся обои на Немизѣ, мѣсяца марта вь 3 день. И бяше снѣгъ великъ. И поидоша противу собѣ, и бысть сѣча зла, падоша мнозѣ, и одолѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, а Всеславъ бѣжа.[387] По сем же, мѣсяца иуня вь 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ *целовавше* крестъ честный кь Всеславу, рекше: «Приди к нама, а не створим ти зла». Он же, надѣяся *цѣлованию* креста, переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю.[388] И тако яша Всеслава на Рши у Смоленьска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Кыеву, и вьсадиша̀и в порубъ съ двѣима *сынома*.

В лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Рускую землю, половци мнозѣ. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изиидоша противу имъ на Льто. И бывши нощи, поидоша противу собѣ. Грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша *русьскыя князи, и побѣдиша* половци.[389]

Наводить Богъ по гнѣву своему[390] иноплеменьники на землю, и тако скрушенымъ имъ вьспомянуться к Богу; усобная же рать бываеть от сважения дьяволя. Богъ бо не хощеть зла вь человѣцѣхъ, но блага, а дьяволъ радуеться злому убийству, кровопролитью, вьздвизая свары, зависти, братоненавидѣния, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, то казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведениемь поганыхъ, или *ведромъ*, или гусѣницею, или инѣми казньми. Аще ли покаавшеся будемь, в немже ны Богъ велить быти, глаголеть бо намъ пророкомъ: «Обратитеся ко мнѣ всимъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемь».[391] Да аще сице творимъ, всихъ грѣхъ прощени будемь, но мы на злое възвращаемься, аки свинья в калѣ грѣховьнемь присно валяющеся, и тако пребываемь. Тѣмже и пророкомъ намъ глаголеть: «Разумѣхъ, — рече, — яко жестокъ еси, и шия желѣзна выя твоя»,[392] того ради «удержах от васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исьше»; «И поразихъ вы зноемь и различными казньми, то и тако не обратитеся ко мнѣ».[393] Сего ради винограды ваша, и смоквие *ваша*, нивы и *дубравы* ваша истьрохъ, глаголеть Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. «Послахъ на вы различныя болезни и смерти тяжькы»,[394] и на скотѣ ихъ казнь свою послахъ, «то и тако не обратистеся», ко мнѣ, но рѣсте: «Мужаимъся». Доколѣ не насытистеся злобъ ваших? Вы бо уклонистеся от пути моего, — глаголеть Господь, — *соблазните* многы, сего ради «свидитель скоро на противьныя, на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемь моимъ во лжю, и на лишающая мьзды наимника, и насильствующе сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ криво. Почто не здерьзастеся вь грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. И обратитеся ко мнѣ — и

обращюся кь вамъ, — глаголеть Господь, — и азъ *отверзу* вамъ хляби небесныя и възвращю от васъ гнѣвъ свой, дондеже все обилуеть вамь, и не *имут* изнемощи виногради ваши и нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: *суетень* работая Богу».[395] Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ваше далече отстоить от мене»,[396] — глаголеть Господь. Того ради, ихже просимь и не улучимъ. «*Будет* бо, рече, егда *призовете* мя, и азъ не послушаю васъ».[397] Взищете меня злии и не обрящете: не вьсхотѣша бо *ходити* по путемь моимъ. Да того ради затворяеться небо, ово злѣ отвѣрзаеться, градъ в дождя мѣсто пущая, ово ли сланою плоды узнабляя и землю зноемь томя, нашихъ ради грѣхъ. Аще ли ся покаемь о злобахъ своихъ, то «аки чадомъ своимъ подасть намъ вся прошения, и одождить намъ дождь ранъ и позденъ. И наполняться гумна ваша пшеници, и прольються точила виньная и маслиньная. И вьздамъ вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове, и гусиница; сила моя великая, юже послахъ на вы»,[398] — глаголеть Господь вседержитель. И си слышаще, вьстягнемся от зла на добро: вьзищете суда, избавите обидимаго, на покаяние придемь, не вьздающе зла за зло, и ни клеветы за клевету, но любовию прилѣпимся Господѣ Бозѣ *нашем*, постомъ и рыданиемь, слезами омывающе вся прегрѣшения, не словомъ нарѣчающеся крестьани, а поганьскы живуще. Се бо не поганьски *ли* живемь, аще *въ стрѣчю* вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то вьзвращаеться, или единець, или свинью — то не поганьскии ли есть се? Се бо по дьяволю научению кобь сию держать. Друзии же *чиханию вѣруют, еже* бываеть на здравье головѣ. Но сими дьяволъ льстить и другыми нравы, всякыми льстьми превабляеть ны от Бога: трубами, скомрахы, и гусьльми и русальями. [399] Видимъ бо игрища утолочена, и людий множьство на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять. Егда же бываеть годъ молитвы, мало ихь обрѣтаеться вь церкви. Да сего ради казни приемлемь от Бога всякыя, нахожение ратныхъ; по Божью повелению приемлемь казнь грѣхъ ради нашихъ. [400] И мы же на предлежащее возвратимся.

Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву пришедшю, а Святославу — Чернигову, и людье кыевьстии прибѣгоша Кыеву, и створивше вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли, да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на *Коснячька*, и идоша с *вѣча* <…> на гору, и придоша на дворъ Коснячьковъ и не обрѣтоша его, у двора сташа Брячьславля и рѣша: «Поидемь, высадимь дружину ис погреба».[401] И раздѣлишася надвое: и половина ихъ иде кь погребу, а половина иде по Мосту, сии же идоша на княжь дворъ. Изяславу сѣдящю на сенѣхъ с дружиною своею, и начаша прѣтися сь княземь стояще долѣ, а кьнязю изо оконца зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, *Чюдиновь* брат, Изяславу: «Видиши, княже, людье вьзвыли, посли, ать блюдуть Всеслава». И се ему глаголющю, и другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ. И рѣша дружина князю: «Се зло есть, посли ко Всеславу, ать призвавше ко оконьцю и *проньзут* и́ мечемь». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же, се

видивъ, со Всеволодомь побѣгоста с двора. Людье же высѣкоша Всеслава ис поруба вь 15 день сентября и поставиша̀ и средѣ двора княжа. И дворъ княжь разъграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, и кунами и *скорою*. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

По сем же половцемь воюющимъ по земли Рустѣй, а Святославу же сущю в Черниговѣ, а половцемь воюющимъ около Чернигова, Святославъ же, собравъ *дружины нѣколико*, изыиде на ня ко Сновьску.[402] И узрѣша половци идущя въя и пристрояшася противу. И видивъ Святославъ множьство ихъ и рече дружинѣ своей: «Потягнемь, уже намъ нѣ льзѣ камо ся дѣти». И удариша вь конѣ, и одолѣ Святославъ вь трѣхъ тысящах, а половѣць 12 тысящь; и тако изби я, и друзии потопоша вь Снъви, а князя ихъ руками яша вь 1 день ноября. И възвратися с побѣдою вь градъ свой Черниговъ Святославъ.

Всеслав же сѣде в Киевѣ. Се же Богъ яви крестьную силу: понеже Изяслав цѣловавъ крестъ и я̀и, тѣмже наведе Богь поганыя, сего же явѣ избави кресть честьный. Вь день бо Въздвижения *Всеславъ* <...> въздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рова сего».[403] Богъ же показа силу крестьную на показание земли Рустѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли кто преступить, то и сдѣ приимуть казнь и на преидущемь вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестьная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестомъ бо Господь княземь пособить в бранехъ, крестомь огражени вѣрнии человѣци и побѣжають супостаты противныя, крестомъ бо вьскорѣ избавляеть от напасти призывающимъ его с вѣрою. *Ничто* <...> бѣси бояться, токмо креста. Аще бо бываеть от бѣсовъ мѣчтание, знаменавъше лице крестомь, прогоними бывають. Всеслав же сѣде вь Киевѣ мѣсяць 7.[404]

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ[405] на Вьсеслава, Всеславъ же поиде противу. И приде к Бѣлугороду Всеславъ, *бывши* нощи, утаися кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода кь Полотьску. Заутра же видивьше людье бѣжавша князя и възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, послашася кь Святославу и кь Всеволоду, глаголюще: «Мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядьскую, а поидете вь град отца своего. Аще ли не хощета, то намъ неволя: зажегши городъ *свой* <...> ступити вь Грѣцискую землю». И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ кь брату своему: да аще поидеть на вы с ляхы погубить васъ, то вѣ противу ему ратью, не дадивѣ погубити града отца своего; аще ли *хощет* с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяне. Святослав же и Всеволодъ посласта кь Изяславу, глаголюще: «Всеславь ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хощеши гнѣвомъ ити и погубити град, то вѣси, яко намъ жаль отня стола». То слышавъ, Изяславъ остави ляхы, иде с Болеславомъ, мало ляховъ поемъ; посла же предъ собою сына

своего Мьстислава Кыеву. И, пришедъ, Мьстиславъ исьсѣче кыяны, иже бяху высѣкли Всеслава, числомь 70 чади, а другыя исьслѣпиша, другыя без вины погубивъ, не испытавъ. Изяславу же идущю кь граду, и изиидоша людье противу с поклономъ, и прияша князь свой кыане. И сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая вь 2 день. И распуща ляхы на покормъ, и изьбиваху ляхы отай. *Възвратися* Болеславъ вь землю свою. Изяслав же вьзгна торгь на гору[406] и прогна Всеслава ис Полотьска, и посади сына своего Мьстислава вь Полотьскѣ, иже вьскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата его Святополка, а Всеславу же бѣжавшю.

В лѣто 6578. Родися у *Всеволода* сынъ, и нарекоша именемь Ростиславъ. Того лѣта заложена бысть церквы святаго Михаила в манастырѣ Вьсеволожи на Выдобичи.[407]

В лѣто 6579. Воеваша половци у Растовца и у Неятина.[408] Того же лѣта выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. Того же лѣта побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска.[409] В та же времена приде волъхвь, прельщенъ бѣсомъ. Пришедъ бо Кыеву, глаголаше: «Явили ми ся есть 5 богъ, глаголюще: сице повѣдай людемь, яко на пять лѣт Днѣпру потещи вьспять, а землямь переступати на ина мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а Руской на Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитися». Его же невегласии послушахуть, а вѣрнии насмѣхахуся, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Еже и бысть ему: вь едину бо нощь бысть без вѣсти. Бѣси бо *подтокше* и на зло вьводять и по сем же насмихающися, вринуша и в пропасть смертьную, *научивше* <…> глаголати, яко се скажемь бѣсовьское наущение и дѣйство.

Бывши бо единою скудости вь Ростовьстѣй области, и вьстаста два волъхва от Ярославьля, глаголюща, яко «Вѣ свѣмы, кто обилье держить».[410] И поидоста по Волзѣ, и кдѣ придучи в погость, ту же *нарекаста* лучьшия жены, глаголюща, яко «Си жито держать, а сии — медъ, а сии рыбы, а сии скору». И привожаху к нима сестры своя, и матери и жены своя. Она же вь мьчтѣ прорѣзавше за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбы, или вѣверицю, и *убиваша* <…> многы жены, имѣния ихъ имаша собѣ. И приидоста на Бѣлоозеро и бѣ *у* нею людий инѣхъ 300. В то же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину, и повѣдаша ему бѣлоозерьци, яко два кудесника избила многы жены по Волъзѣ и по Шькснѣ и пришла есть сѣмо. Янь же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего ему князя, пославь же кь нимь, иже около ею суть, и рече имъ: «Выдайте волъхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя». Онь же повелѣ взяти оружье отрокомь, и бяста 12 отрока с нимь, и поиде к нимь кь лѣсу. Они же сташа, сполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцемь, выступиша

от нихъ трие мужи и придоша кь Яневи, рекуще ему: «Видя, идеши на смерть, не ходи». Оному же *повелѣвшю* бити я, кь прочим же поиде. Они же сунушася на ня, единъ *грѣшися* Яня топоромъ. Янь же, оборотя *топоръ*, и удари тыльемь, и повелѣ отрокомъ сѣщи я. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попа Янева. Янь же, вшедъ в горъдъ к бѣлоозерьчемь и рече имъ: «Аще не имете волъхву сею, и не иду от васъ за лѣто». Бѣлоозѣрьци же, шедше, и яша *я* и приведоша я к нему. И рече има: «Что ради погубисте толико человѣкъ?» Онима же рекшима, яко «Си держать гобину, да аще истрѣбивѣ, избьевѣ всихъ, и будеть обилье. Аще ли хощеши, то предъ тобою выемлевѣ жито, или рыбу, или ино». Янъ же рече: «Поистинѣ лжете: створилъ бо есть Богъ человѣка от земля, и съставленъ костьми и жилами от крови, и нѣсть в немь ничтоже и не вѣсть ничтоже, токмо Богъ единъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ человѣкъ». Онъ же рече: «Како?» Она же рекоста: «Мывся Богъ в мовьници и вьспотився, отерься вѣхтемь, и свѣрже с небеси на землю. И распрѣся сотона сь Богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьявьлъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи. Тѣмже, аще умреть человѣкь, в землю идеть, а душа кь Богу». Рече же има Янь: «Поистинѣ прельстилъ есть васъ дьяволъ. Которому Богу вѣруета?» Она же рекоста: «Антихръсту». Он же рече има: «То гдѣ есть?» Она же рекоста: «Сѣдить вь безднѣ». И рече има Янь: «То кий есть Богъ, сѣдя вь безднѣ? То есть бѣсъ, а Богъ есть сѣдя на небесѣхъ и на престолѣ, славимъ от ангелъ, иже предъстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти. А сий бо от ангелъ свѣрженъ бысть, егоже вы глаголете антихръста, за величание его, и свѣрженъ бысть с небеси и есть в безднѣ, якоже вы глаголета, ждя, егда придеть *Богъ* с небесѣ и, сего емь антихръста, свяжеть узами и посадить во огни вѣчнемь со слугами его и иже к нему вѣруеть. А вама же зде *муку* прияти от мене, а по смерти — тамо». Онѣма же рекшима: «Нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничтоже». Онъ же рече има: «Лжють вама бози ваши». Она же рекоста: «Нама предстати предъ Святославомъ, а ты намъ не можеши створити ничтоже». Янь же повелѣ бити я и поторъгати брадѣ ею.[411] Сима же битыма, и брадѣ поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: «Что вамъ бозѣ молвять?» Онѣма же рекьшима: «Стати намъ предъ Святославомъ». И повелѣ Янь вложити има рубля въ уста и привязати ко упругамъ, и пустити я предъ собою в *лодии*, а самъ по нихъ иде. И сташа на устьи Шекъсны, и рече има Янь: «Што вамъ молвять бози ваши?» Она же рекоста: «Сице намъ бози молвять: не быти нама живымъ от тебе». И рече има Янь: «То вамъ право молвять бозѣ ваши». Она же рекоста: «Аще насъ пустиши, много ти добра будеть, аще насъ погубиши, многу печаль приимеши и зло». Онъ же рече има: «Аще васъ отпущю, то зло ми будеть от Бога, аще ли васъ погублю, то мьзда ми будеть от Бога». И рече Янь к повозникомъ: «Ци кому васъ родинъ убьенъ от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, а другому сестра, иному родичь».[412] Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же, поимше я, *избиша* <…> и повѣсиша я на дрѣвѣ: отмѣстье приимша от Бога по правдѣ. Яневи же идущю домовь, вь другую нощь медвѣдь влѣзъ, угрызъ я и снѣде кудеснику. И тако *погыбоста* научениемь дьяволимь, инѣмь вѣдуща и гадающа, а своея пагубы не вѣдуща. Аще быста вѣдала, то не бы пришла на мѣсто се, идѣже ятома быти; аще ли ята быста, то почто глаголаста, яко «Не умрети нама», а оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское

научение; бѣси бо не вѣдають мысли человѣчьскыя, но влагають помыслъ вь человѣка, а тайны не вѣдуща. Богъ же единъ вѣсть помышления человѣцьска, бѣси бо не вѣдають ничегоже, суть бо немощнии и худи взоромь.

Яко се скажемь о взорѣ ихъ и о *омрачении их*. В си бо времена и в сѣ лѣта приключися нѣкоему новгородьцю прити в чюдь. И приде кудесьнику, хотя волъхвования от него. Онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы вь храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя храмины вь сторонѣ, кудесникъ лежаше оцѣпъ, и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же, вьставъ, рече новгородцю: «Бози наши не смѣють внити, нѣчто имаши на собѣ, егоже бояться». Онъ же помяну кресть на собѣ и, отъшедъ, повѣси кромѣ храмины тоя. Онъ же нача изнова призывати бѣсы. Бѣси же, *метавше* имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. По сем же нача просити его: «Что ради бояться его, егоже носимъ на собѣ — крестъ?» Онъ же рече: «То есть знамение небеснаго Бога, егоже наши бози бояться». *Онъ же рече*: «*То каци суть бози ваши, где живуть*?». Онъ же рече: «Бози наши живуть вь безднахъ. Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имущи; вьсходять же и подъ небо, слушающе вашихъ *боговъ*. Ваши бози на небесѣ суть. Аще кто умреть от вашихъ людий, то возносимь есть на небо, аще ли от нашихъ умираеть, но носимъ есть к нашимъ богомъ вь бездну». Якоже грѣшници вь адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а правѣдници вь *небеснемь* <…> жилищи вьдворяються съ ангелы.

Сица ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота и немощь. Тѣмьже и прельщають человѣкы, велящи имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, *несвѣршенным* вѣрою являющеся вь снѣ, инѣмь вь мѣчтѣ, и тако волъхвують научениемь дьяволимъ. Паче же женами бѣсовьская волъхвованиия бывають: исконѣ бо бѣсъ жену прельсти, жена же — *мужа, тако в си роди* много *волъхвують* жены чародѣйствомь, и отравою, инѣми бесовьскыми козньми, Но и мужи прельщени *бывають* от бѣсовъ невѣрнии. Яко и се вь первый родъ при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волъхвъ, иже вълъшествомъ творяше, повелѣ псомь человѣчьскы глаголати и самъ премѣняшеться ово старъ, ово молодъ, ово ли иного пременяше въ иного образъ в мечтаньи.[413] Сице творяшеть Аньний, Замврий, волъшвеньемь чюдеса творяшеть противу Моисѣеви, но въскорѣ не возмогоста. Но и Кунопъ творяшеть мьчтаниемь бѣсовьскымъ, яко и по водамъ ходити, и ина мѣчтания творяше, бѣсомъ льстимь, на пагубу собѣ и инѣмь.[414]

Сице бысть волъхвъ вьсталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ; глаголашеть бо людемь и творяшеть бо ся аки богъмъ, и многы прельсти, мало не весь городъ, глаголаше бо, яко «Все ведаю», хуля вѣру крестьяньскую, глаголашеть бо, яко «*Преиду* по Волъхову предъ всими». И бысть мятежь в городѣ, и вси яша ему вѣру и хотя побѣдити епископа.

Епископъ же,討земь крестъ и оболкъся в ризы, ста, рекъ: «Иже хощеть вѣру яти волъхву, да за нь идеть, аще ли вѣруеть кто кресту, да идеть *к нему*». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его сташа у епископа, а людье вси идоша за волъхва. И бысть мятежь великъ вельми. Глѣбъ же, возма топоръ подъ скутъ, и приде к волъхву и рече ему: «То веси ли, что утрѣ хощеть быти, что ли до вечера?» Онъ же рече: «Все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что *ти* хощеть днесь быти?» Онъ же рече: «Чюдеса велика створю». Глѣбъ же, выня топоръ, и ростя̀и, и паде мертвъ, и людие разиидошася. Он же погибе тѣломъ и душею предався дьяволу.

В лѣто 6580. Принесоша святая страстотерпца Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославличи — Изяславь, Святъславъ и Всеволодъ, митрополитъ же бѣ тогда Георгий, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Юрьевьскый, Федосий же игуменъ Печерьскый, Софроний же святаго Михаила игуменъ, Герьманъ святаго Спаса игуменъ и Никола, игумень Переяславьский,[415] и прочии игумени вси, створивше праздникъ свѣтелъ и преложиша я в новую церковь, юже здѣла Изяславъ, яже стоить *и* <...> нынѣ. Вземше бо первое Бориса в деревяний ракѣ Изяславъ, и Святославъ и Всеволодъ, вземше на плещи своя и понесоша и, предъидущимъ черноризьцемъ, свѣща держаще в рукахъ, и по нихъ дьякони с кандилы, и по семь прозвутери, и по нихъ епископи с митрополитомъ, и по нихъ с ракою идяхуть. И принесъшѐи в новую церковь, отверзоша раку, исполнися церкви благоухания, вонѣ благы; видивше се, прославиша Бога. И митрополита ужасъ обииде, бяше бо не твердо вѣруя к нима; и падъ ниць, прося прощения. И цѣловавше мощи его, вложиша и в раку камену. По сем же вземше Глѣба в рацѣ камени, и вьставиша̀и на сани и, емше за вужа, везоша̀и. Яко быша вь двѣрехъ, *ста* рака, не поидущи. И повелѣша народу звати: «Господи помилуй», и повезоша. И положиша я мѣсяца мая вь 20.[416] И отпѣвше литургию, обѣдаша братья си вся накупь, когождо с бояры своими и с любовью великою. Бѣ бо тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. И по семь разиидошася вьсвояси.

В лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору вь братьи сей Ярославличихъ. И бывши распре межи ими, быста сь себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. И изииде Изяславъ ись Кыева. Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ мѣсяца марта вь 22 и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало выгнанию братню, желая болшая власти, Всеволода бо прельсти и глаголя, яко «Изяславь *сватается* сь Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, имать насъ прогнати». И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в Ляхы со имѣниемь многимъ и сь женою, уповая богатьствомъ многымь, глаголя, яко «Симь налѣзу воя». Еже взяша у него ляхове, показаша ему путь от себе. А Святославъ сѣде в Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отьню, паче же и Божию. Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамовѣ на землю Сифову, по 400 лѣт

отмьщение прияша от Бога; от племени бо Сифова суть еврѣи, иже избиша хананейско племя, вьсприяша свой жребий и свою землю.[417] И пакы преступи заповѣдь Исавъ[418] отца своего и прия убийство; не *добро* есть преступати придѣла чюжаго.

Того же лѣта основана бысть церковь Печерьская Святославомъ княземь, сыномь Ярославлимь, игуменомъ Федосьемь, епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгиеви тогда сущю вь Грѣцѣхъ, а Святославу в Кыевѣ сѣдящю.

В лѣто 6582. Федоси, игуменъ Печерьскый, преставися. Скажемь о *успении* его мало. Федосий бо обычай имяше, приходящю бо постьному времени, в недѣлю масленую,[419] вечеръ, бо по обычаю целовавъ братью и поучивъ ихъ, како *проводити* постьное время, вь молитвахъ нощьных и дневныхъ, и блюстися от помыслъ скверныхъ, и от бѣсовьскаго насѣянья. «Бѣси бо, — рече, — всѣвають черноризьцемь *помышлениа*, похотѣния лукава, вжагающе *имъ* помыслы, тѣмьже врежаеми бывають имъ молитвы. Да приходящая таковыя мысли *вьзбраняти* <...> знамениемь крестнымь, глаголюще сице: “Господи Иисусе Христе, Боже нашь, помилуй насъ, аминъ”. И к симъ вьздержание имѣти от многаго брашна; въ ѣденьи бо мьнозѣ и вь питьи безмернѣ вьзрастають помысли лукавии, помысломъ же вьзьрастьшимь ствaряеться грѣхъ». «Тѣмже, — рече, — *противитися* бѣсовьскому дѣйству и пронырьству ихъ, и блюстися от лѣности и от многаго сна, и *бодру* быти на пѣние церковьное, и на предания отецьская и на почитания книжная. Паче же имѣти во устѣхъ псаломъ Давидовъ подабаеть черноризьцемь — симь бо прогонити бѣсовьское уныние. Паче же всего имѣти любовь в себе к мѣншимь и кь старѣйшимъ покорение и *послушание*, <...> старѣйшимь *же* <...> кь мѣншимь любовь и наказание. Образъ бывати собою вьздержаниемь и бдѣньемь, и хожениемь смиренымь, и тако наказывати и мѣньшая, утѣшивати я, и тако проводити постъ». Глаголашеть бо сице, яко «Богъ далъ есть намъ сию 40 дний на очищение души; се бо есть десятина, от лѣта даема Богу: дний бо есть от года до года 300 и 60 и 5 дний, и от сихъ дний десятый день вьздаяти Богу — десятину, еже есть постъ си *четырѣдесятный*, в ня же дни *очистившися* душа, празнуеть свѣтло вьскресение Господне, веселящеся о Бозѣ. Постьное бо время очищаеть убо умъ человѣку. Пощение бо исперва прообpажено бысть: Адаму не вкусити от древа единого; пости бо ся Моисѣй дний 40, сподоби бо ся прияти законъ на горѣ Синайстѣй и вѣдѣвъ славу Божию; постомъ Самуила мати роди; постивьшеся ниневгитянѣ гнѣва Божия избыша; постився, Данилъ видѣнья сподобися великаго; постився Илья акы на небо взятъ бысть и в пищю породную; постившеся трие отроци угасиша силу огненую; постивься Господь дний 40, намъ показа постное время». [420] Постомъ апостоли искорениша бѣсовьское учение; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ и сияють и по смерти, показавше труды великыя и вьздьрьжания, яко сей великий Антоний, и Евьфимий, и Сава[421] и прочии отци, ихже и мы поревнуемь, братье».

Сице поучивъ братью и цѣловавъ вся по имени, и тако изиидяше из манастыря, возмя *мало* коврижекъ. И вшедъ в пещеру, и затворяше двери пещеры и засыпаше пьрьстью, и не глаголаше никомуже. Аще ли будяше нужное орудье, то оконцемь мало бѣсѣдоваше в суботу или в недѣлю, а по иныи дни пребываше в постѣ и вь молитвѣ, и вьздержашеся крѣпко. И прихожаше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазоревъ,[422] в сий бо день кончаеться постъ *40-ный*, начинаеться от перваго понедѣлника наставшии Федоровѣ недѣлѣ,[423] кончаеть же ся в пятокъ Лазоревъ; а Страстная недѣля[424] уставлена есть поститися страсти ради Господня.

Федосьеви же пришедшю по обычаю, цѣлова братью и празнова сь ними недѣлю Цвѣтную,[425] и дошедъ великаго дни *Вьскресениа*, по обычаю празнововавъ свѣтло, впаде в болезнь. И разболѣвшюся ему и болѣвшю ему дний 5, по семь, бывшу вечеру, и повелѣ изьнести ся на дворъ. Братья же, вземшѐи на санехъ, и поставиша̀и прямо церкви. Онъ же повелѣ братью собрати всю. Братья же udариша в било, и собравшеся вси. Онъ же рече имъ: «Братье моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от васъ, якоже яви ми Господь в постьное время, в пещерѣ ми сущю, изыити от свѣта сего. Вы же кого хощете игуменомь поставити себѣ; да и азъ благословение подалъ быхъ ему?» Они же рекоша ему: «Ты еси отець намъ всѣмъ, да его же изволиши самъ, то намъ будеть отець *и* игуменъ, и послушаемь его, яко и тебе». Отець же нашь Федосий рече: «Шедше кромѣ мене, наречете, егоже хощете, кромѣ двою брату, Николы *и* Игната; вь прочихъ кого хощете, от старѣйшихъ даже и до меншихъ». Они же, послушавъше его, отступивше мало кь церкви, сдумавьше, и послаша два брата, глаголюще сице: «Егоже изволить Богъ и твоя честная молитва, егоже тобѣ любо, того нарци». Федосий же рече имъ: «Да аще от мене хощете игумена прияти, то азъ створю вамъ, но не по своему изволению, но по Божию строенью». И нарече имъ Якова прозвутера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще, яко «Не здѣ есть постригълъся»; бѣ бо Ияковъ пришелъ сь Летьца с братомъ своимъ Павломъ. И начаша братья просити *Стефана деместника*,[426] суща тогда ученика Федосьева, глаголюще, яко «Се сь есть вьздраслъ подъ рукою твоею *и* <…> тебе послужилъ есть, сего нынѣ вдай». Рече же имъ Федосий: «Се азъ по Божию повелению нареклъ бѣхъ вам Якова; се же вы своею волею створити хощете». И послушавъ ихъ, и предасть имъ Стефана, да будеть имъ игуменъ. И благослови Стефана и рече ему: «Чадо! Се предаю ти манастырь, блюди с *опасением* его, якоже устроихъ и вь службахъ, то держи. Преданья манастырьская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьскому». И по семь вземшѐи братья, и несоша̀и в кѣлью и положиша̀и на одрѣ. И шестому дни наставшю, и болну сущю велми, приде к нему Святославъ сь сыномъ своимъ Глѣбомъ. И сѣдящима има у него, рече ему Федосий: «Се отхожю свѣта сего и се предаю ти манастырь на сблюденье, *еда* будеть что смятение в немь. Се поручаю Стефану игуменьство, не давай его въ обиду». И князь, цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремь, и отиде от него. Семому же дни пришедшю, изнемогающю Федосьеви, и призва Стефана и братью и нача имъ глаголати сице: «Аще по моемь отшествии свѣта сего, аще буду Богу угодилъ, и приялъ мя будеть Богъ,

то по моемь отшествии манастырь ся начнеть строити и прибывати в немь, то вѣжьте, яко приялъ мя есть Богъ. Аще ли по моемь животѣ оскудѣвати начнеть *манастырь* <...> черноризьци, потребами манастырьскыми, то вѣдуще будете, яко не угодилъ буду Богу». И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: «Отче! Моли за ны Господа; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрѣ». И прѣсѣдѣша братья у него ту нощь всю, и наставшю дни осмому, вь вторую суботу по Пасцѣ вь 2 час дни, и предасть душю в руцѣ Божии мѣсяца мая вь 3 день, индикта вь 11 лѣто. И плакашася по немь братья. Бѣ же Федосий заповѣдалъ братьи положити ся в пещерѣ, идѣже показа труды многы, и рекъ сице: «В нощи похраните тѣло мое», якоже и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, вся братья вземше тѣло его и положиша`и в пещерѣ, проводивьше сь пѣсньми, и сь свѣщами, честьно, на хвалу Господу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, яже бѣ совокупилъ Феодосий...[427] Таки черноризьци, аки свѣтила в Руськой земли сияху: ово бо бяху постьници, овии же на бдѣние, овии же на кланяние коленьное, овии на пощение чересъ день и чересъ два дни, овии же ядяху хлѣбъ с водою, инии же зелье варено, и друзии *сыро*. В любви пребывающе, мѣншии покоряющеся старѣйшимъ, не смѣюще пред ними глаголати, но все с покорениемь и с послушаниемь великомъ. И тако же и старѣйшии имяху любовь к меншимъ, наказаху и утѣшающе аки чада вьзлюбленая. Аще который братъ впадеть в кое любо согрѣшение, и утѣшаху`и, и епитемью[428] единого брата раздѣляху 3-е или 4 за великую любовь. Такова бо бяше любовь в братьи той и вьздержание велико. Аще братъ етеръ вънъ идяше изь манастыря, и вся братья имяху о томъ печаль велику и посылають по нь, приводяху брата кь манастырю и, шедше, вси покланяхуся игумену, и умолять игумена и приимаху в манастырь брата с радостью. Таци бо бѣша любовници, и вьздѣрьжници. От нихъ же намѣню нѣколико мужь чюдьныхъ.

Первый Дѣмьань прозвутерь, бяше постьникъ и вьздерьжьник, яко развѣе хлѣба и воды ясти ему до смерти своей. Аще бо коли кто принесяше дѣтищь боленъ, кацимъ любо недугомъ одерьжимъ, приношаху в манастырь, или свѣршенъ человѣкъ, кацимъ любо недугомъ *одрьжим*, прихожаше в манастырь кь блаженому Федосьеви, и повелѣваше сему Дѣмьяну молитву творити над болящимъ. И абье творяше молитву и масломъ святымъ помазаше, и абье исцѣлѣваху приходящии к нему. Единою же ему разболѣвшюся, *и* конѣць прияти лежащю ему в болести, и приде к нему ангелъ вь образѣ Федосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его. По семь же приде Федосий съ братьею, и сѣдоша у него, оному же изнемогающю, вьзрѣвъ на игумена и рече: «Не забывай, игумене, еже ми еси ночесь обѣщалъ». И разумѣ Федосий великий, яко видѣние *видѣ*, и рече ему: «Брате Дѣмьяне! Еже ти есмь обѣщалъ, то ти буди». Онь же смѣживъ очи и предасть духъ в руцѣ Божии. Игумен же и братья похоронивше тѣло его.

Тако же и другый братъ, именемъ Еремѣй, иже помняше крещение земли Руськой. Сему даръ данъ от Бога: проповѣдаше, провидѣ будущая. И аще кого видяше в помышлении, обличаше втайнѣ и наказаше блюстися от дьявола. Аще который братъ мысляше изыити из манастыря, узряше и, пришедъ к нему, и обличаше мысль его и утѣшаше брата. И аще кому речаше, любо добро, любо зло, сбывашеться старцево слово.

Бѣ же и другий братъ, именемь Матфѣй, той бѣ прозорливъ. Единою ему стоящю вь церкви на мѣстѣ своемь, и вьзведе очи свои, и позрѣ по братьи, иже стоять, поюще, по обѣими сторонама, и видѣ обьходяща бѣса вь образѣ ляха в лудѣ, носяща вь приполѣ цтвѣтокъ, еже глаголеться лѣпокъ. И обьходя подлѣ братью, взимая из лона цьвѣтокъ и вѣржаше на кого любо. Аще прилпяше кьму цтвѣтокъ поющих от братья, и тъ, мало стоявъ и раслабевъ умомъ, вину створивъ каку любо, исходяше изь церкви, и шедъ в кѣлью и спаше, и не възвратяшеся вь церковь до отпѣтья. Аще ли верже на другаго, и не прилпяше к нему цтвѣтокъ, стояше бо крѣпко вь пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда идяше в кѣлью свою. И се видя, старѣць повѣда братьи своей. И пакы же сий старѣць виде се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, братьи отпѣвши заутрѣнюю, предъ зорями идоша по кѣльямь своимъ, сий же старѣць *послѣди* исхожаше ись церкви. Идущю же ему единою, и сѣде, почивая, подъ биломъ, бѣ бо кѣлья его подале церкви, и види се, акы толпа поиде от вратъ. И вьзведе очи свои, видѣ единого сѣдяіда на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имь старѣць: «Камо идете?» И рече бѣсъ, сѣдя на свиньи: «По Михаля по Толбоковича». Старѣць знаменася крестьнымъ знаменьемь и приде в кѣлью *свою*. И бысть свѣт, и разумѣ старѣць и рече кѣлѣйнику: «Иди, вьспроси, есть ли Михаль в кельи?» И рѣша ему, яко «Выскочилъ есть чресъ столпъе по *заутрени*». И повѣда старѣць видѣние се игумену и всей братьи. При семь бо старьци Федосий преставилъся, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефани Никонъ,[429] и сему старцю и еще сущю. Единою ему стоящю на заутрѣнии, вьзведе очи, хотя видити игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не вьсталъ есть игуменъ. Тако же ина многа видѣния провидяше старѣць сь, и почи вь старости добрѣ в манастырѣ семь.

Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, яко еще сущю в мирьскомъ житьи и богату сущю ему, бѣ бо купець, родомъ торопчанинъ,[430] и помысли быти мнихомъ, и раздая имѣние свое трѣбующимъ и по манастыремь, иде кь великому Антонию в пещеру, моляшеся ему, дабы створилъ черьноризьцемь. И приятъ`и Антоний, и возложи на нь порты чернѣцькиѣ и нарече имя ему Исакий, бѣ бо имя ему мирьское Чернь. Сий же Исакий вьсприя житье крепко: облѣчеся въ власяницю,[431] и повелѣ купити собѣ козелъ и одерти мѣшькомь козелъ, и возьвлече`и на власяницю, и осъше около его кожа сыра. И

затворися в пещерѣ, вь единой улици, вь кѣльицѣ малѣ, яко 4 лакотъ, и ту моляше Бога беспрестани день и нощь со слезами. Бѣ же ядение его проскура[432] одина, и та же чресъ день, и воды в мѣру пьяше. Приношаше же ему великий Антоний и подаваше оконьцемь ему, яко ся вмѣстяше рука, и тако приимаше пищю. И того створи лѣт 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрехъ лежа, но, сѣдя, мало приимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечерю, и поча кланятися, поя псалмы оли до полунощи, и яко трудяшеться, сѣдяше же на сѣдалѣ своемь. И единою же ему сѣдящю по обычаю и свѣщю угасившю, и внезапу свѣтъ восия, яко солнце, вь пещерѣ, яко *зрак вынимаа* человѣку. И поидоста двѣ уноши к нему прекрасьна, и блистася лице има, яко и солнце, и глаголаста к нему: «Исакье! Вѣ есвѣ ангела, а се идеть к тобѣ Христосъ, сь ангелы». И, вьставъ, Исакий видѣ толпу, и лица ихъ паче солнца, и единъ посредѣ ихъ и сьяху от лица его паче всихъ. И глаголаста ему: «Исакье, то ти Христосъ, падъ, поклонися ему». Онь же не разумѣ бѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступя поклонися, акы Христу, бѣсовьскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣкоша: «Нашь еси уже, Исакье», и вьведоша̀и в кѣльицю, и посадиша̀и, и начаша садитися около его — полна келья *и* улица печерьская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Возмите сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, ать ны Исакье сьпляшеть». И удариша в сопѣли и вь гусли и вь бубни и начаша имъ играти. И утомившѐи, оставиша̀и *еле* жива сущи, и отъидоша, поругавшеся ему.

Заутра же бывши свѣту и приспѣвшю вкушению хлѣба, и приде Антоний кь *оконцю* по обычаю и глагола: «Благослови, отче Исакье!» И не бысть гласа, ни послушания. И многажды глагола Аньтоний, и не бысть отвѣта. И глагола Антоний: «Се уже яко преставилъся есть». И посла в манастырь по Федосья и по братью. И откопавше, гдѣ бѣ загражено устье, и пришедше и взяша̀и, мнящѐи мертваго, и вынесьше, положиша̀и предъ пещерою. И узрѣша, яко живъ есть. И рече игуменъ Федосий, яко «Се имать от бѣсовьскаго дѣйства». И положиша̀и на одрѣ, и служаше около его Антоний. В то же время приключися Изяславу прити из Ляховъ, и нача гнѣватися Изяславъ на Антония изо Всеслава.[433] И прилсавъ Святьславъ нощью, поя Антония к Чернигову. Антоний же, пришедъ кь Чернигову, и вьзлюби Болъдину гору,[434] и ископавъ пещеру, и ту вселися. И есть манастырь святоі Богородицѣ на Болдинахъ горахъ и до сихъ дний.

Федосий же, увѣда, яко Антоний шелъ кь Чернигову, и, шедъ с братьею, вьзя Исакья и принесе кь собѣ в кѣлью, и служаше около его. Бѣ бо раслабленъ тѣломъ и умомъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни вьстати и ни сѣдити, но лежа на единой странѣ и подъ ся поливаше многажды, и червье кыняхуся подъ бедру ему с мочения. Федосий же самъ своима рукама омываше и *спряташѐ*и, за 2 лѣтѣ створи се около его. Се же бысть чюдно и дивно, яко, за двѣ лѣтѣ лежа, сий ни хлѣба вькуси, ни воды, ни от какаго брашна, ни от *овоща*, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за 2 лѣтѣ. Федосий

моляшеть Бога за нь и молитву творяшеть над нимь нощь и день, дондеже на 3-ее лѣто проглаголавъ и слыша, и на ногы нача вьставати акы младенѣць, и нача ходити. И не брежаше кь церкви ити, но нужею привлечахуть его кь церкви, и тако по малу научиша̀и. И по семь научися и на тряпезницю ходити, и *посажашѐ*и кромѣ братья и положаху пред нимь хлѣбъ, и не взимаше его, олны вложити будяше в руцѣ ему. Федосий же рече: «Положите хлѣбъ пред нимь и не вькладайте в руцѣ ему, ать самъ ясть», и не бреже за недѣлю ясти и, помалу оглядавься, кушавше хлѣба, и тако научися ѣсти, и тако избави ̀и Федосий от козни дьяволя и от прелѣсти.

Исакий же вьсприя дерьзновение и вьздержание жестоко. Федосью же преставившюся и Стефану в него мѣсто бывшю, Исакий же рече: «Се уже прельстилъ мя еси, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ, а уже не имамъ затворитися в пещерѣ, но имамъ тя побѣдити, *ходя* в манастырѣ». И облечеся въ власяницю, и на власяницю свиту вотоляну, и нача уродьство творити, и помагати нача поваромъ и варити на братью. И на заутренюю ходя преже всихъ, и стояше крѣпко и *неподвижно*. Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, и сьтояше вь прабошняхъ, вь черевьихъ и вь протоптаныхъ, яко примѣрьзняше нози его кь камени, и не двигняше ногами, дондеже отпояху заутренюю. И по *заутрени* идяше в поварницю и приготоваше огнь, и воду, и дрова, и приходяху прочии повари от братья. Единъ же поваръ, такоже бѣ именемь Исакий, и рече, посмихаяся: «Исакьи! Оно сѣдить вранъ черьный, иди, ими его». Онъ же, поклонився ему до земли и, шедъ, я врана и принесе ему предо всими повары. И ужасошася и повѣдаша игумену и братьи. И начаша̀и братья чтити. Онъ же, не хотя славы человѣчскыя, и нача уродьствовати и пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мирьскымь человѣкомъ, друзии же *раны* ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродомъ ся творя. И вселися в пещеру, в нейже преже былъ, уже бо бѣ Аньтоний преставилъся, и *совокупи* собѣ уныхъ и вьскладаше *на нь* порты чернѣцькыя, да ово от игумена Никона раны приимаше, ово ли от родитель дѣтьскыхъ. Се сь же то все терпяше и подъимаше раны и наготу, и студень день и нощь. Вь едину бо нощь вьжегъ пещь во истопцѣ *у* пещеры, и яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимь заложити, и вьступле на пламень ногама босыма, *ста на пламени*, дондеже изгорѣ пещь, и слезе. Ина много повѣдаху о немь, а другому и самовидци быхомъ. И тако взя побѣду на бѣсовьскыя силы, яко и мухъ ни во что же имяше устрашения ихъ и мечтания ихъ, глаголашеть бо к нимъ: «Аще бо мя бѣсте первое прельстилѣ, понеже не вѣдахъ козний вашихъ и лукавьства. Нынѣ же имамъ Господа Иисуса Христа, Бога нашего, и молитву отца нашего Федосья, надѣюся на Христа, имамъ побѣдити васъ». И многажды бѣси пакости дѣаху и глаголаху *ему* <…>: «Нашь еси, поклонилъся еси нашему старѣйшины и намъ». Онъ же глагола имъ: «Вашь старѣйшина есть антихрьсть, а вы бѣси есте». И перекрѣстися, и тако ищезняху. Овогда же ли пакы в нощи прихожаху к нему, и страхъ ему творяще ово вь мечтѣ, яко се многъ народъ с мотыками и с лыскари, глаголюще: «Раскопаемы пещеру сию и се здѣ загребемь». Инии же глаголаху: «Бѣжи, Исакье, хотять тя загрести».

Онъ же глаголаше к нимъ: «Аще бысте человѣцѣ былѣ, то вь день бысте ходили, а вы есте тма, во тмѣ ходите». И знаменася крестнымь знамениемь, они же ищезняху. А другоичи страшахуть`и во образѣ медвѣжьи, овогда же лютомь звѣремь, овогда же воломь, ово ли змия ползаху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не возмогоша ему ничьтоже створити. И рекоша ему: «Исакий! Побѣдилъ ны еси». Онъ же рече: «Якоже и вы первѣе мене побѣдили есте вь образѣ Исусъ Христовѣ и вь ангелскомъ, недостойнѣ суще того видѣния, топервое являстеся вь образѣ звѣриномъ и скотьемь, змиями и гадомь, аци же и сами бысте сквѣрни, зли вь видѣньи. И абье погыбоша бѣси от него, и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше, яко «Се бысть ми за три лѣта брань си». И потомь нача крѣплѣе жити и вьздержание имѣти, пощенье и бдѣние. И тако живущу ему, скончa житье свое. И разболѣся в пещерѣ, и несоша`и болна в манастырь, и до осмога дни скончася о Господѣ. Игумен же Иванъ и братья спрятавше тѣло его и погребоша`и.

Таци же бѣша черноризци Федосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за здѣ сущюю братью, и за приносящия в манастырь, и за мирьскую братью. Вь нем же и нынѣ добродѣтельно житье живуть и обыце вкупѣ, вь пѣньихъ, и вь молитвахъ и в послушаньихъ на славу Богу всемогущому, и Федосьевами молитвами сблюдаеми, ему же слава вь вѣкы, аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкви печерьская надъ основаньемь Стефаномъ игуменомь, изъ основанья бо Федосий поча, а на основаньи Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто мѣсяца июля въ 1 день.

В се же лѣто придоша послѣ из немець къ Святославу. Святослав же, величашеся, показа имъ богатьство свое. Они же, видивьше бесщисленое множество злата, и сребра и паволок, рѣша: «Се ни во что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть *кметье* лучьше. Мужи бо доищуться и болша сего».[435] Сице ся похвали Езекий, царь июдѣйский, к *послом царя асурийска*, егоже вся взята быша *въ Вавилонъ*.[436] Тако и по сего смерти все имѣнье расъсыпашася раздьно.

В лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ Святъславль ляхомь в помочь на чехы.[437] В се же лѣто преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря въ 27, от рѣзанья желве, и положенъ бысть у Спаса. И сѣде по немь Усеволодь на столѣ мѣсяца генваря въ 1 день. В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мьстиславъ, внук Всеволож.[438]

В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволод же поиде противу ему. И бывшу Всеволоду...[439] Сѣде Борисъ в Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его дний 8, и бѣжа Тмутороканю к Романовѣ. Всеволодъ же взыиде противу брату Изяславу на Волынь и створи миръ, и, пришед, Изяславъ сѣде в Киевѣ мѣсяца июля 15 день, *Олегъ* же, Святославль сынъ, бѣ *у* Всеволода в Чернѣговѣ.

В лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю от Всеволода мѣсяца априля въ 10 день. В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, Святославль сынъ, в Заволочьи.[440] Бѣ же Глѣбъ милостивъ на *убогия* и страньнолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть в Черниговѣ за Спасомь мѣсяца июля 23 день. Сѣдящу в него мѣсто Святополку в Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю у Смоленьскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Рускую землю и поидоста на Всеволода с половцѣ.[441] Всеволодъ же изоиде противу *има* на Съжици, и побидиша половцѣ русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть ту Иванъ Жирославичь, и Тукы, Чюдинь братъ. Порѣй и ини мнози мѣсяца августа 25 день. Олегь же и Борисъ придоста Чернигову, мьняще одолѣвше, а земли Руской много зла створившим, прольяше кровь хрестьяньску, еяже кровь взыщеть Богъ от руку ея, отвѣтъ дати за погиблыя душа хрестьяньскѣ. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кыеву, и цѣловавшася, сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда ему все бывшее. И рече ему Изяславъ: «Брате! Не тужи. Видиши бо, колко ся мнѣ сключи зла: первое бо, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И паки, кую вину створилъ есмь? Не изгнаста ли вы, мене, брата своя, и не блудих ли по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ, не створи зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будеть нама причастье в Руской землѣ, то обѣма, аще лишена будевѣ, то *оба*. Язъ сложю главу свою за тя». И се рекъ, *утѣши* Всеволода и повелѣ збирати воя от мала до велика. И поиде Изяславъ сь Ярополкомь, сыномь своимь, и Всеволодъ с Володимером, сыномь своимь. И поидоша к Чернигову, и черниговцѣ затворишася у градѣ. Олегь же и Борисъ *не* бяшета в Черниговѣ.[442] Чернѣговцемь же не отворящимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступиша къ вратом въсточнымъ, от Стръжене, и отя врата, и взяша градъ околний, и пожгоша огнемь, людемъ выбѣгшимъ во днешний город. Изяслав же и Всеволодъ слышаста, яко иде Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодъ урянився, поидоста от града противу Олговѣ. И рече Олегъ к Борисовѣ: «Не ходиви противу, не можевѣ стати противу чотырем князем, *но* пошливѣ с молбою къ строема своима». И рече ему Борисъ: «Ты зри готова, язъ имъ противен всимъ». И похвалився велми, не вѣды яко Богъ гордымъ противится, смѣреным же благодать даеть, и да не похвалится силны силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ им на мѣсьтѣ на Нѣжатини нивѣ, и совокупившимъся обоимъ, бысть сѣча зла. И пѣрвое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившаго велми. Изяславу, стоящю в *пѣщцехъ*, унезапу приѣхавъ один, удари копьемь за плеча. И тако убьенъ бысть Изяславь, сынъ Ярославль. Предолженѣ же

бывшѣ сѣчѣ, побѣже Олегь в малѣ дружини, едва втече и бѣжа Тмютороканю.

Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день. Вземше же тѣло его, привезоша в лодьи, и поставиша противу Городчю, и изидоша противу ему всь городъ Киевъ, и възложиша на санѣ, повезоша̀и с пѣсньми попове и *черноризци*, и понесоша въ градъ. И не бѣ лзѣ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ, плакася о немь весь городъ Киевъ. Ярополкъ же идяше по немь, плачася съ дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь, многи напасти приемь от людѣй и от братья своея? се же погибе не от брата, но за брата своего положи главу свою». И, принесъше, положиша тѣло его въ церквѣ святыя Богородица, уложиша̀и в раку камяну и *мраморяну*.[443] Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ, тѣломъ *великъ*, незлобивъ нравомь, кривды ненавидя, любя правду. Клюкъ же в немь не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко бо ему створиша киянѣ: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть: киянѣ исѣклъ, которѣи же высадили Всеслава ис поруба, то сь того не створѣ, *но* сынъ его. Паки же брата своя выгнаста̀и, и ходи по чюжей землѣ, блудя. И сѣдящу ему паки на своемь столѣ, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, *не рече* ему: «Колко подьяхъ от ваю». *Не вдасть* зла на зло, но утѣши и рекъ ему: «Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, уведе мя на столъ мой, нарекъ мя старѣйши себе, се азъ не помяну злобы первоѣ, ты мнѣ еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колко зло створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся приключи», не рече: «Сего кромѣ мене», но на ся перея печаль братнюю, показа любовь велику, свершая апостола, глаголюща: «Утѣшайте печалныя».[444] По истинѣ, аще что створилъ есть на свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, зане положи главу свою за брата своего, ни желая болшая части, ни имѣнья хотя болшаго, но за братню обиду. О сяковыхъ бо и Господь рече: «Да кто положить душю свою за други своя».[445] Соломонъ же рече: «Братье, в бѣдахъ пособиви бывайте».[446] Любовь бо есть выше всего. Яко же *Иоан* глаголеть: «Богъ любы есть, и пребывая у любви, у Бози пребываеть, и Богъ в немь пребываеть». О семь свершаеться любы, да достоянье имамъ въ день Судный, да якоже онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любы вонъ измѣщеть боязнь, яко боязнь мученье имать. «*Бояй* же ся нѣсть свершенъ у любви. Аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавидя — ложь есть. Не любяй брата своего, егоже видить, Бога, егоже не видить, како можеть любити? Сию заповѣдь има от него, да любяй Бога любить и брата своего».[447] У любви бо все свершаеться. Любви бо ради грѣси расыпаються. Любви бо ради и Господь сниде на землю и распятся за ны грѣшныя и вземь грѣхи наша, пригвоздѣ на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на помочь и на прогнанье бѣсомь. Любви ради мученици прольяша кровь свою. *Любве* же ради и сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню.

Начало княженья Всеволожа в Киеви. Всеволодъ же сѣде Киевѣ на столѣ отца своего и брата своего, переемь всю власть рускую. И посади сына своего Володимера в Черниговѣ, а Ярополка — Володимерѣ, придавъ ему Туровъ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половцѣ к Воиню. Всеволод же став у Переяславля и створи миръ с половцѣ. И възратися Романъ въспять, и бывшу ему ...[448] убиша̀и половцѣ мѣсяца августа 2 день. И суть кости его и до сего лѣта тамо лежаче, сына Святославля и внука Ярославля. А Олга емше козарѣ, поточиша за море Царюгороду.[449] Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмутороканю.

В лѣто 6588. Заратишася торци *переяславьстии* на Русь. Всеволод же посла на нѣ сына своего Володимера. Володимер же, шедъ, побил *торки*.

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревич Давыдъ с Володаремь Ростиславличем мѣсяца мая въ 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмутороканю.

В лѣто 6590. Осѣнь умре половѣцький князь.

В лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грек Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмуторокани. И исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ[450] ко Всеволоду на Великъ день. В се же время вбѣгоста Ростиславича два от Ярополка *и, пришедша, прогнаста Ярополка*, и посла Всеволодъ сына своего Володимера, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимерѣ. В се же лѣто Давыдъ зая грѣчнѣки во Олешьи и зая в них все имѣнье.[451] Всеволодъ же, пославъ, приведѐи и вдасть ему Дорогобужь.[452]

В лѣто 6593. Ярополку хотящю на Всеволода, послушавшю ему злых свѣтникъ. Се увѣдавъ, Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера, а Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину свою в Лучьскѣ,[453] а самъ бѣжа в Ляхи. Володимеру же пришедшю к Лучску, дашася лучане. Володимеру же посадившю Давыда въ Володимерѣ, у

Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву, имѣнье его вземь.

В лѣто 6594. Всеволодъ заложи церковь святаго Андрѣя при Иванѣ преподобномь митрополитѣ, створи у церкви тоя манастырь, в нем же постирижеся дщи его дѣвою, именемь Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину.[454]

В лѣто 6595. Приде Ярополкъ из Ляховъ и створи миръ с Володимеромъ, и иде Володимеръ опять Чернѣгову, а Ярополкъ сѣде Володимерѣ. И пересѣдивъ мало днѣй, иде Звенигороду.[455] И не дошедшу ему города, прободенъ бысть от проклятаго Нерядьца, от дьяволя наученья и от злыхъ человѣкъ. Князю же Ярополку лежащу на санках, а онъ с коня саблею прободе я мѣсяца ноября въ 22. Тогда въздвигнувся Ярополкъ, выторгну исъ себе саблю, и рече великимъ гласомъ: «Охъ, тот мя вороже погуби». И бѣжа Нерядець проклятый до Перемышля к Рюрикови,[456] а Ярополка взяша отроци на конь передъ ся — Радко и Воикина и инии отроци, несоша к Володимерю, а оттуду Киеву. И изииде противу ему благовѣрный князь Всеволодь со сынома своима, Володимеремь и Ростиславомь, и вси бояре, и блаженый митрополитъ Иванъ и черорисци *и* прозвутерѣ. И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалъмы и пѣснми проводиша̀и до манастыря святаго Дмитрия,[457] съпрятавше тѣло его, съ честью положиша̀и в рацѣ у церкви святаго апостола Петра, юже бо самъ началъ здати, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приемь, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ и разграбленъ, наконець и смерть горку прия, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бо бяше блаженый князь Ярополкъ кротокъ, смиренъ, братолюбивъ и нищелюбець, десятину дая от всихъ скотъ своих святѣй Богородици и от жита на вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: «Господи Боже мой Иисусъ Христѣ! Приими молитву мою и дай же ми смерть таку, якоже вдалъ еси брату моему, Борису и Глѣбови, от чюжюю руку, да омыю грѣхи вся своею кровью, избуду суетнаго свѣта и *сѣти* вражии». Его же прошенья не лиши его благий Богъ: усприя благая она, ихже ни око не види, ни *ухо* слыша, ни на сердце человѣку не взиде, яже уготова Богъ любящим его.[458] В се же лѣто ходи Всеволодо къ Перемышлю.

В лѣто 6596. Священа бысть церки святаго Михаила манастыря Всеволожа митрополитомь Иоаномь и *епископы* Лукою, Исаемь, игуменьство тогда держащу того манастыря Лазореви. Том же лѣтѣ иде Святополкъ из Новагорода Турову на княженье. У се же лѣто умре Никонъ, печерьски игуменъ. В се же лѣто взяша болгаре Муромъ.

В лѣто 6597. Священа бысть церкви печерьская святыя Богородица манастыря Федосьева Иваномъ митрополитомь, и Лукою, Бѣлогородским епископомь, и епискупомь Ростовьским Исаиемь, и Иваномь Черниговьскымь епискупомь, и Антоньемь, гурьговьскимь игуменомь, при благовѣрном князи Всеволодѣ, державному Руския земля, и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводьство держащю киевьской тысящи Яневи, игуменьство держащу Ивану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ си мужь хитръ книгамъ и учѣнью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласкав же всякому, к богату и къ убогу, смиренъ же умомъ и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же книгами святыми, утѣшая печальныя, и сякова не бысть преже в Руси, ни по нѣмь не будеть такий. В се же лѣто иде Янъка въ Греки, дщѣ Всеволожа, нареченая прѣже.

В лѣто 6598. Приведе Янка митрополита *Иоана* скопьчину, егоже видивши людье вси рекоша: «Се мертвець пришелъ». От года бо до года пребывъ, умре. Бѣ же се мужь не книженъ и умомъ простъ и просторѣкъ. В се же лѣто священа бысть церкви святаго Михаила переяславлеския Ефрѣмомъ, тоя церкви митрополитомъ, иже ю есть создалъ велику сущю, и пристрою в нѣй велику створи, украсивь ю всякою красотою, церковьными съсуды. Сий бо Ефрѣмь в си лѣта много зданье въздвиже: *докончавъ церковь* святаго Михаила, заложи же церковь на воротехъ святаго Федора, и святаго Андрѣя у церкве у воротъ, и городѣ каменъ, и строенно банное камяно, сего же не бысть в Руси.[459] И въкраси городъ Переяславьскый зданьи церковными и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игуменъ и черноризци свѣтъ створше, рѣша: «Не добро есть лежати отцю нашему Федосьеви кромѣ манастыря *и* церкви своея, понеже тъ есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ». И свѣтъ створше, повелѣша устроити мѣсто, идеже положити мощи его. И приспѣвшу празднику Успѣнья Богородицѣ треми деньми, и повелѣ игуменъ рушити, гдѣ лежать мощѣ отца нашего Федосья, егоже повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидець, Се же и скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о собѣ началникъ. Пришедшю бо игумену ко мнѣ и рекшю мнѣ: «Поидевѣ в пещеру к Федосьеви», Азъ же пришодъ съ игуменомъ, не вѣдущю никомуже, разъглядавша, куда копати, и назнаменавша мѣсто, кдѣ копати кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: «Не мози повѣдати *никомуже* <...> от братьи, да не увѣсть никтоже; но поими, егоже хощеши, да ти поможеть». Азъ же пристроих семь дни рогалия, имже копати. И въ вторникъ вечоръ в суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдущю никомуже, приидох в пещеру и отпѣхъ псалмы, почахъ копати. И, вътрудився, вдах другому брату, и копахомъ до полуночья и трудихомся, не могуще ся докопати. Начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, вземь *рогалью*, начахъ рамяно копати, другу моему опочивающю предъ пещерою, и рече ми: «Удариша в било». И азъ тотъ час *прокопах* на мощи Федосьеви. И оному глаголющю ко мьнѣ: «Удариша у било», мнѣ же рекшю:

«Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, объдержашет мя ужасть, начах звати: «Господи помилуй!» Въ *тъй* же час сѣдяста два брата в манастыри, егда игуменъ, утаився, нѣ с кимъ принесеть его отай, зряста к пещерѣ. И егда удариша в било, видиста три столпы, акы дугы зарни, и, стоявше, и приидоша надъ верхъ церкве, идѣже положенъ бысть Федосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ, — в се же время бысть епископъ, — видивъ въ своемъ манасътыри чресъ поле[460] зарю велику надъ пещерою, мнѣвъ, яко несуть Федосья, бѣ бо ему извѣщено, переже днемь единѣмь, и съжаливси, яко без него *преносят̀* и, и всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поемъ съ собою Климянта, егоже постави игумена по собѣ. Идяста в собѣ видяста зарю велику. И яко приидоста близъ, видѣста свѣщи многы надъ пещерою, и приидоста к пещерѣ, и не видиста ничтоже, и приидоста дну в пещеру, намъ сѣдящимъ у мощѣй его. Егда бо прокопах, послах ко игумену: «Прииди, да̀ и возмемъ». Игуменъ же прииде *съ* двѣма братома. И прокопах велми, и влѣзохъ, и видихом мощѣ его лежащѣ, но съставѣ не распалися быша, и власи главнии притяскли бяху. И възлозъше на *вариманътью*, вынесоша предъ пещеру. На другий же день совокупишася епископи: Ефримъ Переяславьскый, Стефанъ Володимерьскый, Иванъ Черниговьскый, *Маринъ* Гургевьскый, игумени вси от всих манастыревъ с черорисци, приидоша и людье благовѣрнии, взяша мощи Федосьевы съ свѣщами и съ *темияном*. И принесоша, и положиша̀ и у своей ему церкви, у притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 у четвергъ, в час 1 дне, индикта 14, лѣта... И празноваша свѣтло въ тъ день.

Се же повѣмь мало нѣчто, еже ся збысть прорѣченье Федосьево. Игуменьство бо Федосьеви держащю у животѣ своемь и правящю стадо, порученое ему Богомъ — черноризци, не токмо же си едини, но в мирьскими печашеся душами, како быша спаслися, паче же о сынех своихъ душевных, утѣшая и наказая приходящая к нему, другоичи в домы ихъ приходя и благословленье имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домь Яновъ[461] къ Яновѣ и к женѣ его Марьи — *Федосий* бо бѣ любя я, занеже живяста по заповидѣ Господнѣ и в любви живяста, единою же ему пришедшю к нима, и учашеть я о милостынѣ ко убогим, и о царьствѣ небеснѣмь, еже прияти праведникомь, а грѣшьнымъ муку, и о смертнемь часѣ. И се ему глаголющю и о положеньи тѣла у гробѣ има. И рече ему Яневая: «Кто вѣсть, гдѣ мя положать?» Речеже ей Федосий: «Поистинѣ *идеже* азъ лягу, ту и ты положена будеши». Се же събысться. Игумену бо *преставльшуся* преже 18 лѣт, се сбысться: в се бо лѣто преставися Яновая, именемь Марья, мѣсяца августа в 16 день. И пришедъше черорисци, пѣвше обычныя пѣсни, и, принесше, и положиша ю у церквѣ святыя Богородица, противу гробу Федосьеву, на лѣвой сторонѣ. *Федосий* бо положенъ бысть 14 день, а си въ 16 день. Се сбысться прорѣченье блаженаго отца нашего Федосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца нелицемѣрно, с кротостью и с расмотрениемь блюда их и бдѣниемь, и моляся за порученое ему стадо и за люди хрьстьяньския, и за землю Рускую, иже по *отшествии* его моляся за люди *вѣрныя* и за своя *ученикы*, иже, взирающе на *раку* твою, поминають ученье твое и

въздержанье твое, и прославляють Бога. Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимъ похвалити тя, добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто.

«Радуйся, отче нашь и наставниче, Федосий! Мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, Богу послужилъ еси у мнишьскомъ житьи, всяко собѣ принесѣнье принеслъ еси божественое, *пощеньемь* преузвысився, плотьскых сластий възненавидивъ, и мирьскую красоту и желанье вѣка сего отринувъ, услѣдуя стопамъ высокомысленымъ отцемь, ревнуя, молчаньемъ взвышаяся, смиреньемь украшаяся. Радуйся, укрѣплесе надежею и вѣчных благъ приемъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконью и мятежь, *преподобне*, и бѣсовьскихъ познѣй избѣгъ и от *сѣтий* его. С праведными, отче, почилъ еси, усприемъ противу трудомъ своим *възмѣздье*, отцемь наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью их и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя. Паче же ревноваше великому Федосью[462] житьемь и нравомь, и въздержаньемь ревнуя и послѣдьствуя обычаю его, и прѣходя от дѣла в дѣло уншее, обычныя молбы Богу уздая и воню благоуханья принося, кадѣло молитвеное, темьянъ благоуханьный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродерьжьца князя зѣка сего, супротивника поправъ дъявола и его козни, побѣдьникъ явися, противнымъ его стрѣламъ и гордымъ помысломъ ставъ супротивно, укрипився оружьемь крестьнымъ и вѣрою непобидимою, и Божьею помощью. И помолися за мя, честный отче, избавлену быти от сити неприязненъ, и от противнаго врага съблюди мя твоими молитвами».

В се же лѣто бысть знаменье въ солнци, погибе, мало ся его оста — акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия въ 21. В се же лѣто бысть: Всеволоду ловы дѣюща звѣриныя за Вышегородомь, заметавшимъ тенета и людемь кликнувшимъ, спаде привеликъ змѣй с небесѣ, и ужасошася вси людье.[463] В се же время земля стукну, мнозѣ слышаша. В се же лѣто волъхвь явися у Ростовѣ и погибе.

В лѣто 6600. Предивно бысть чюдо у Полотьскѣ у мечьтѣ: и в нощи бывши тутенъ, стонаше полунощи, яко человѣци рыщуть бѣси по улици. Аще кто вылѣзяще ис хоромины, хотя видѣти, и абье уязвенъ бяше невидимо от бѣсовъ, и с того умираху, и не смѣяху излазити ис хоромъ. По сѣмь же начаша во дне являтися на конѣх, и не бѣ их видити самѣх, но кони ихъ видити копыта,[464] и тако уязьвляху люди *полотскыя* и его область. Тѣмь и человѣци глаголаху, яко навье бьють полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрьюцька. В си же времена бысть знаменье у небесѣ, яко кругъ бысть посредѣ неба привеликъ. У се же лѣто ведро бяше, яко изгаряше земьля, и мнози борове изгоряхуся самѣ и болота, многа знаменья бываху по землѣ, и рать велика бяше от половець отвсюду. И взяша 3 городы: *Пѣсоченъ, Переволоку*, Прилукъ[465] и многа села повоеваша. В се же лѣто воеваша половцѣ ляхи с Васильемь

Ростиславличемь.[466] У се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. У си же веремена мнози человѣци умираху различными *недугы*, якоже глаголаху *продающе крсты, яко продахом крсты* от Филипова дни до мясопущь[467] 7 тысящь. Се же бысть за грѣхы нашѣ, яко умножишася грѣси наши *и* неправды. Се же наведе на ны Богъ, веля намъ *имѣти покаание* и вьстагнутися от грѣха, и зависти, от прочих злых дѣлъ неприязненыхъ.

В лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися *великый* князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ, мѣсяца априля 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда Страстьнѣй и дни сущу тогда четвергу великому, в онже положенъ бысть у гробѣ у велицѣй церкви святыя Софья, Сий благовѣрный князь Всеволодъ бѣ измлада любя правду и набдя убогия, и воздая честь епископомь и прозвутеромъ, излиха же любляше черорисцѣ и подаваше требованье имъ. Бѣ же и самъ уздержася от пьяньства и похотѣ, тѣмь любимъ бѣ отцемь своимъ, яко глаголати отцю его к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти Богъ подасть прияти власть стола *моего* по братьи своей, с правдою, а с ненасильемь, то егда Богъ отведеть тя от житья твоего, то ту ляжеши, идѣже азъ, у гроба моего, понеже люблю тя паче братья твоея». Се же сбысться *глаголъ* отца его, еже глаголалъ бѣ. Сему же приемьшю послѣже всея братья столъ отца своего, и по смерти брата своего, сѣде Киевѣ княжа.

И быша ему печалѣ болшѣ паче, неже сѣдящю ему у Переяславлѣ Сѣдшю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему о *сыновцех* своих, яко начаша ему стужати, хотяще властий ов сея, овъ же другоѣ, *съй* же, смиривая их, раздаваше волостѣ имъ. У сихъ же печали въсташа и недузи ему, и приспѣваше к нимъ старость. И нача любити смыслъ уныхъ и свѣтъ творяше с ними, си же начаша̀и заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемь не *доходити* княжѣ правдѣ. И начаша тивунѣ[468] его грабите люди и продаяти, сему не вѣдущю у болѣзнѣхъ своихъ. И разболѣвшюся ему велми, посла *по* сына своего Володимера Чернѣгову. И пришедшу Володимеру, видивъ отца больна суща, плакася велми. И присѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну меншому его, и пришедшу же часу, прѣставися тихо и кротко и приложися ко отцемь своимъ, княживъ лѣт у Киевѣ 15, а в Переяславлѣ лѣто,[469] а Черниговѣ лѣто. Володимер же плакався с Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его. Собрашася епископи, игумени с черноризци, и попове, и бояре и простии людье, вземше тѣло его со обычними пѣснями и положиша у святой Софьи, якоже рекохомъ преже.

Володимеръ же нача размышляти, река: «Аще азъ сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ узяти, яко то есть столъ отца

его переже былъ». И, тако размысливъ, посла по Святополка Турову, а самь иде Чернѣгову, а Ростиславь Переяславлю.

И минувши Велику дни, и *прешедше* Празднѣй недѣли, въ день антипасхы,[470] мѣсяца априля 24 *день* <...> начало княженья Святополча у Киевѣ. Приде Святополкъ Киеву. Изидоша противу ему кияне с поклономъ и прияша с радостью, и сѣде на столѣ отца своего и стрыя своего. В се же время поидоша половцѣ на Рускую землю, слышавше яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша послы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здума с болшею дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимь, изоимавъ послы, всажа вь погребъ. Слышавше же се, половцѣ почаша воевати. И приидоша половцѣ мнози и оступиша Торъчьский градъ. Святополкъ же, слышавъ половцѣ, посла, прося мира, и не восхотѣша половцѣ мира, и пустиша по землѣ воююще. Святополкъ же нача сбирати воѣ, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смысленѣи: «Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой». Он же рече имъ: «Имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могуть противу имъ стати». Начаша же друзии несмысленѣи молвити: «Поиди, княже». Смысленыи же глаголаху: «Аще бы пристроилъ их 8 тысящь, не лихо ти есть: наша земля оскудила есть от ратий и продажь.[471] Но пошлися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ». Святополкъ же послуша их и посла к Володимеру, дабы помоглъ ему. Володимеръ же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, до Переяславля, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшю Киеву, и совокупися у святаго Михаила, и взяста межи собою распрѣ и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою, а половцемъ воюющимъ по землѣ. И рѣша *има* мужѣ смысленѣи: «Почто вы распрю имата межи собою? А погании губять землю Рускую. Послѣдѣ ся смирита, а нынѣ поидита противу имъ любо с миромь, любо ратью». Володимеръ же хотяше мира, Святополкъ же хотя ратью. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславь къ Треполю, и приидоша ко Стугнѣ.[472] Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ съзваша дружину свою на свѣтъ, хотяче поступити чересъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ, яко «Сдѣ стояще чересъ рѣку, у грозѣ сей, створимъ миръ с ними». И присташа свѣту сему смысленѣи мужи, Янь и прочии. Киянѣ же не восхотѣша свѣта сего, но рекоша: «Хощемъ ся бити, поступимъ на ону сторону рѣкѣ». Излюбиша свѣто сь и *преидоша Стъгну* рѣку, бѣ бо тогда наводнилася велми.[473] Святополкъ же, и Володимерь и Ростиславъ, исполчившеся, поидоша. Идяше на десной сторонѣ Святополкъ, а на шюеѣ Володимеръ, а посередѣ Ростиславъ. И, минувше Треполь, проидоша валъ. И се половцѣ идяху противу, и стрѣлци противу пред ними. Нашимъ же ставшимъ межи валома, и поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стяги своя, налягоша первое на Святополка, и възломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не терпяще ратныхъ противленья, и послѣже побѣже Святополкъ. И налегоша на Володимера, и бысть брань люта, и побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ и вои его. И прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и въбродъ Володимеръ с Ростиславомь, и нача утапати Ростиславъ перъд очима Володимеровыма. И хотѣ подхватити брата своего и мало не

втону самъ. И тако утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимерь же пребредъ рѣку с маломь дружины, — мнози же падоша от полка его, и боярѣ его туто падоша, — и пришедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружини своей, иде Чернѣгову печаленъ велми. Святополкъ же убѣже во Треполь, и затворися ту, и бѣ до вечора и в ту нощь приде Кыеву. Половци же, видивше се, пустиша по землѣ воююче, а друзии узъвратишася к Торочьскому. Си же злоба соключи въ день святаго Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца маия 26. Ростислава же, искавше, обрѣтоша̀и в рецѣ и, вземше, и принесоша̀и Кыеву, и плакася по нѣмь мати его, и вси людье плакаша по немь повелику, уности его ради.[474] И собрашася епископы, и поповѣ, и черорисцѣ, и пѣсни обычныя пѣвше, и положиша въ церкви святоѣ Софьѣ у отца своего. Половцемь же осѣдяще Торочьский, противящем же ся торокомъ и крѣпко борющимъ изъ града, убиваху многы от противныхъ. Половци же начаша налѣгати, отоимати воду, изнемогати начаша у городѣ людье жажою водною *и* гладомъ. И прислаша *торъци* <...> къ Святополку, глаголюще: «Аще не пришлеши брашна, прѣдатися имамъ». Святополкъ же пославъ, и не бѣ лзѣ украстися в городъ множества *ради* ратныхъ. И стояше около города недѣль 9 и раздилишася надвое: едини сташа у града, рать борющю, а друзии поидоша Кыеву и пустиша на воропъ межи Кыевъ и Вышегородъ. Святополкъ же вынииде на Желяню,[475] и поидоша обои противу собѣ и ступишася, и въкрипися брань. Побѣгоша наши предъ иноплеменнѣкы, и падаху язвенѣи предъ врагы нашими, и мнози погибоша и быша мертви, паче неже *у* Треполя. Святополкъ же приде Кыеву самъ третѣй, а половцѣ узъвратишася к Торочкому. И быша же си злая мѣсяца июля 23. Навътрея же въ 24, у святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ у городѣ грѣхъ ради наших великихъ, за умноженье безаконий наших.

Се на ны Богъ пусти поганыя, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симь казнить ны нахоженьемь поганыхъ, се бо есть бо батъгъ Божий, да нѣколи смирившеся успомянемся от злаго пути. Сего ради во праздникы Богъ намъ наводить сѣтованье, якоже ся створи в се лѣто первое зло на Вознесенье у Треполя, 2 <...> на празникъ Бориса и Глѣба, иже есть праздникъ новой рускый. Сего ради пророкъ глаголаше: «И прѣложю праздникы ваша у плачь и пѣсни ваша в рыданье».[476] Створи бо ся плачь великъ у землѣ нашей, и опустѣша села наша и городѣ наши, и быхомъ бѣгающеи предъ враги нашими. Якоже и пророкъ глаголаше: «Падете предъ враги вашими, и поженуть вы ненавидящеи васъ, и побѣгнете, никому же не женющю по васъ. И скрушу руганье гордѣнья вашего, и будеть во тщету крѣпость ваша, и *убиеть* вы приходяй мѣчь, и будеть земля ваша пуста, *и* дворѣ ваши пустѣ будуть, яко вы зли есте и лукавѣ, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою»,[477] — глаголеть Господь Богъ святый Израилевъ. Ибо лукавии сынове Измаилове пожигаху села и гумьна, и мьногы церкви запалиша огнемь. Да не чюдиться никтоже о сѣмь: «Идеже множество грѣховъ, ту всякого видѣнья показанье».[478] Сего ради *вселеннаа* прѣдастася, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведутся полоненѣ, а друзии посѣкаеми бывають, друзии на месть

даеми бывають, и горкую приемлюще смерть, друзии трепещють, зряще убиваемыхъ, другии гладомъ умориваеми и водною жажею. Едино прѣщенье, едина казнь, *многовещныя* имуще раны и различныя печали, и страшныя мукы, — ови вязани и пятами пьхаеми, и на морозѣ держими и вкаряеми. И се *пристраннѣе* и страшнѣи, яко на хрѣстьяньсцѣ родѣ страхъ и колибанье и бѣда упространися. Право и достойно! Тако да накажемся и тако собѣ вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше бо намъ «в руцѣ преданымъ быти языку страньну и безаконьну и лукавнейшю паче всея земля». Рцѣмь велегласно: «Праведенъ еси, Господи, и праведнѣ суди твои».[479] Рцѣмь по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, и прияхомъ».[480] Рцѣмь съ Иевомъ: «Яко Господеви любо, тако и бысть: буди имя Господне благословено у вѣкы».[481] Да *нахожениемь* поганыхъ мучими, Владыку познаемъ, егоже мы прогнѣвахомъ. Прославлени бывше, *не прославихом*, *почтени бывше*, не почтохомъ, освятившеся, не разумѣхомъ, куплени бывше, не поработахомъ, породившеся, не яко отца постыдихомся, согрѣшихомъ и казнимы есмы. Якоже согришихомъ, тако и стражемъ: и градѣ вси опустѣша, и перейдѣмъ поля, идѣже пасома быша стада конѣ, овцѣ и волове, се все тще нынѣ видим, нивы *поростьше стоять*, звѣремъ жилище быша Но обаче надѣемься на милость Божью, казнѣть бо ны добрѣ благый Владыка, и «*Не* по безаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздалъ есть намъ»,[482] тако подобаеть благому Владыцѣ казати не по множеству грѣховъ. Тако Господь створи намъ: падшая уставить, Адамле преступленье прости, баню нетлѣнья дарова, свою кровь за ны излья. Такоже ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да хотяще и не хотяще и всяко в будущий вѣкъ обрящемь милость: душа бо, здѣ казнима, *всяко* у будущий вѣкъ обрящемь милость и лготу от мукы: не мьстить бо Господь двоичѣ о томь. О неизреченьному человѣколюбью! Якоже видити ны неволею к собѣ обращающася. Тмами любовь, яже к намъ! Понеже хотяще уклонитися от заповидѣ его. Се уже не хотяще терпимъ с нужею, и понеже неволею, се уже волею. Кдѣ бо бѣ тогда умиленье в насъ? Нынѣ же вся полна суть слезъ. Кдѣ бѣ в насъ уздыханье? Нынѣ же плачь по всимъ улицамъ умножися избьеныхъ ради, иже избиша безаконнѣи.

Половцѣ воеваша много и възвратишася к Торъческому; изнемогоша людье въ градѣ от глада и предашася ратнымъ. Половцѣ же, приемьше градъ, запалиша огнемь, и люди раздилиша и ведоша я у вежѣ к сердоболямъ своимъ и сродникомъ своимъ; мучими зимою и оцѣпляемѣ, у алъчбѣ и в жажѣ и в бѣдѣ, побледѣвши лици и почернивше телесы, незнаемою страною, языкомъ испаленомъ, нази ходяще и босѣ, ногы имуще избодены терньемь, съ слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: «*Азъ* бѣхъ сего города», а другий: «*И азъ сего* села». И тако съвъспрошахуся со слезами, родъ свой повѣдающе, очи *възводяще* на небеса к Вышнему, вѣдущему тайная.

Да никтоже дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Кого бо Богъ тако любить, якоже насъ узлюбилъ есть? Кого бо тако почтилъ есть, якоже насъ прославилъ есть и вънеслъ есть? Никого же! Им же паче ярость свою уздвиже на ны, якоже паче всихъ *почтени* бывше, *горѣе всѣх съдѣяхом грѣхы. Якоже паче всѣх, просвѣщени бывше*, и владычню волю вѣдуще, и презрѣвше, въ лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный, многаи часто Бога прогнѣвахъ и часто согрѣшая бываю по вся дни.[483]

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславля, мѣсяца октября въ 1, а погребенъ бысть мѣсяца ноября въ 16, въ церкви святыя Богородица Десятиньныя.

В лѣто 6602. Створи миръ с половцѣ Святополкъ и поя жену дщерь Тугортоканю, князя половецьскаго. Того же лѣта Олегъ приде с половцѣ ис Тмутороканя и прииде к Чернигову. Володимерь же затворися в городѣ Олегъ же прииде ко граду и пожьже около града, и манастыри пожьже. Володимеръ же створи миръ со Олгомъ и иде из города на столъ отень до Переяславля, а Олегъ вниде в городъ отца своего. Половьцѣ же начаша воевати около Чернигова, Олговѣ не возбраняющю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе Олегъ поганыя на Рускую землю, егоже грѣха дабы̀ и Богъ простилъ, понеже много хрестьянъ изъгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землямъ. В се же лѣто приидоша прузи на землю Рускую мѣсяца августа въ 16 и пояша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано во днехъ первыхъ в землѣ *Руской*, якоже видиста очи наша за грѣхи наша. В се же лѣто преставися епископъ володимерьскѣй Стефанъ, мѣсяца априля въ 27, въ 6 час нощи, бывшу преже игумену Печерьскаго манастыря.

В лѣто 6603. Идоша половцѣ на Грекы съ Девьгеневичемь и воеваша на греки, а царь я Девьгеневича и ослѣпѣ.[484] В се же лѣто приидоша половцѣ Итларь, Китанъ к Володимеру на миръ. И приде Итларь у городъ Переяславль, а Китанъ ста межи валома с вои. И вда Володимерь сына своего Святослава Китанови у таль, а Итларь бысть въ градѣ с лучшею дружиною. В се же веремя пришелъ Славята ис Кыева от Святополка к Володимеру на нѣкое орудье. И начаша думати дружина, Ратиборова чадь, съ княземь Володимеровъ о погубленѣ Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, глаголющю ему: «Како могу се азъ створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «Княже! Нѣсть ти в томъ грѣха: привелъ ти ѣ Богъ в руцѣ твои. Чему онѣ, к тобѣ всегда ротѣ ходяще, губять землю Рускую и кровь хрестьяньску проливають беспрестани». И послуша̇ихъ Володимерь. В ту нощь посла Володимерь Славяту с нѣколкомъ дружиною и с *торкы* межи вала. Выкрадше первое Святослава, и потомъ убиша Китана и дружину его всю избиша. Вечеру

сущю тогда суботному, а Итлареви в ту нощь лежащу на *сѣннице* у Ратибора и не вѣдущу ему, что ся надъ Китаномъ створи в ту нощь. Наутрѣя же в недѣлю, в завьтренѣ сущи година, пристрои же Ратиборъ отроки в оружьи, и изъбу *пристави* имъ затопити. И присла Володимеръ отрока своего Бяидюка по Итлареву чадь, и рече Бяидукъ ко Итлареви: «Зоветь вы князь Володимерь, реклъ тако: обувшеся в теплѣй изъбѣ и завътрокавше *у* Ратибора, приидѣте же ко мнѣ». И рече Итларь: «Тако буди». И яко влѣзоша во истьбу, и запроша я. И вои *възлѣзше* на изьдбу и прокопаша истьбу, и тако Ельбѣхъ Ратиборечь, вземъ лукъ свой и наложивъ стрѣлу, вдари Итларя подъ сердце, и дружину его всю *пострѣляша*. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь со дружиною своею в недѣлю Сыропустную, въ 1 час дни.

Святополкъ же и Володимерь посласта к Олгови, веляча ему ити съ собою на половьцѣ. Олегъ же обѣщася ити с нима и, пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и полониша скоты и кони, и вельблуды и челядь, и приведоста в землю свою. И начаста гнѣватися на Олга, яко не шедшю ему на поганыя с нима. И посла Святополкъ и Володимеръ ко Олгови, глаголюща сице: «Се ты не шелъ еси с нама на поганыѣ, иже погубиша землю Русьскую. А се у тебе есть Итларевичь: любо убий, любо дай нама. То есть ворогъ нама и Русьской землѣ». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто приидоша половцѣ ко Гурьгову[485] и стояша около его лѣто все, мало не възяша его. Святополкъ же въмири я. Половцѣ же приидоша за Рось, гюргевци же выбѣгоша и приидоша къ Кыеву, Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевьскомь холъмѣ, имя свое нарекъ — Святополчь градъ, и повелѣ епископу *Марину* со гурговцѣ сѣстѣ ту, и засаковцемъ, и прочимъ от нихъ, а Гюргевь *зажгоша* половцѣ тощь. Сего же лѣта исходяча, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода къ Смоленьску, новгородцѣ же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. И поемъше и приведоша̀и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к намъ». Пошедъ Давыдъ узворотися и сѣде у Смоленьскѣ опять, а Мьстиславъ сѣде у Новѣгородѣ. В се же веремя прииде Изяславъ, сынъ Володимерь, ис Курьска к Мурому. И прияша̀и муромьцѣ, и я посадника Олгова. В се же лѣто приидоша прузѣ мѣсяца августа 28 и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ *странам*, ядуще траву или проса.

В лѣто 6604. Святополкъ и Володимеръ посласта к Олгови, глаголюща сице: «Поиди Кыеву, ать рядъ учинимъ о Руской земьлѣ предъ епископы, игумены, и предъ мужи отець нашихъ и перъд горожаны, дабы оборонили землю Русьскую от поганыхъ». Олегъ же усприемъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть лѣпо судити

епископомъ и черньцемъ или смердомъ». И не восхотѣ ити къ братома своима, послушавъ злыхъ свѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста к нему: «Да се ты ни на поганыя идеши с нама, ни на думу, то ть и ты зло мыслиши на наю и помогати хощеши поганымъ, а Богъ промежи нама будеть». Святополкъ же и Володимеръ идоста на Олга къ Чернигову, и выбѣже Олегъ ис Черьнѣгова мѣсяца маия въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимеръ гнаста по нѣмь, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ[486] и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ оступиста *ѝ* у городѣ, и бьяхуся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и въязвенѣ бываху мнозѣ от обоиих. И бысть межи ими брань люта. И стояша около града дни 30 и 3, и изнемагаху люди в городѣ. И выиде Олегъ из города, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуще сице: «Иди къ брату своему Давыдови, и приидита къ Кыеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣй в землѣ нашѣй Кыевъ, и туто достоить снятися и порядъ положити». Олег же обѣщася створити, и на семь цѣловаша хрестъ.

В се же веремя прииде Бонякъ с половьцѣ къ Кыеву у недѣлю от вечера, и *повоеваша* околъ Кыева, и пожьже на Берестовомъ дворъ княжь. В се же веремя воева Куря с половцѣ *у* Переяславля и Устье пожьже мѣсяца маия 24. Олегъ же *выиде з* Стародуба вонъ и прииде къ Смоленьску …, и не прияша его смолняне, и иде к *Рязаню*, а Святополкъ и Володимеръ идоста усвояси. Того же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю мѣсяца маия въ 31 и ста около города, а переяславцѣ затворишася в городѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сѣй сторонѣ Днѣпра, и приидоста к Зарубу,[487] и туто перебродистася, и не почютиша ихъ половцѣ, Богу схраншю ихъ, *и*, исполъчившася, поидоста к городу. Гражанѣ, узрѣвше, ради быша и изидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубѣша, исполчивъвшеся. Святополкъ же и Володимеръ убредша у Трубѣшь к половцемъ, и нача Володимеръ хотѣти порядити дружины, они же не послушаша, но удариша в конѣ къ противнымъ. И се видивше, половци устремишася на бѣгь, и наши погнаша у слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противныя. Сдѣя въ тъ день Господь спасенье велико: мѣсяца иуля въ 19 день побѣжени быша иноплеменьнницѣ, и князь ихь Тугортъканъ убьенъ бысть и сынъ его, и инии князи мнози ту падоша. Наутрея же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя̀и Святополкъ *аки тестя* своего и врага. И привезъше Кииеву и погребоша̀и на Берестовомъ на могылѣ межи путемъ, грядущимъ на Берестовое, а другымъ, идущимъ в монастырь. Въ 20 того же мѣсяца, въ день пятокъ, въ час 1 дне, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапу, и мало в городъ не вогнаша половци, и зажгоша *болонье*[488] около города, и увратишася на монастырѣ, и пожгоша манастырь Стефанечь, деревнѣ и Германечь.[489] И приидоша на манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликоша около манастыря и поставиша 2 стяга предъ вороты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ задомъ монастыря, а другымъ убѣгшимъ на полатѣ. Безбожнии же сынове Измаилеви высѣкоши врата манастырю и устромишася по кѣльямъ, высекающе двери, изношаху, еже аще обрѣтаху у кѣльи. И по сѣмь вожгоша домъ святыя владычицѣ Богородицѣ, и приидоша къ церкви, и

зажгоша дверѣ, яже ко угу сторонниѣ *и* <...> вторыя, иже к сѣверу. И влѣзъше у притворъ у гроба Федосьева и вземьше иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашь. Богъ же терпяше, и еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконье ихъ, тѣмже и глаголаху: «Гдѣ есть Богъ ихъ,[490] да поможеть имъ и избавить я от насъ?» И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко Богъ казнить рабы своя напастьми и ратьми, да явяться яко злато искушено у горьнилѣ: хрестьяномъ бо многими скорбьми и печальми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ ругателемъ на семь свѣтѣ приемшемъ веселье и пространество, а на ономъ свѣтѣ приимуть муку съ дьявъломъ и огнь вѣчный. Тогда же зажгоша и дворъ Красный, егоже поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, иже есть надъ Выдобычь: то все оканнѣи половцѣ запалиша огнемъ. Тѣмьже и мы, послѣдъствующе пророку, глаголемъ: «Боже мой! Положи я яко коло, аки огнь предъ лицемь вѣтру, иже попалить дубравы, тако поженеши я бурею твоею, исполниши и лица ихъ досаженья».[491] Се бо оскверниша и пожгоша святый домъ твой, манастырь матере твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо от братья нашея нѣколько оружьемь безбожьнии сынове Измаилеви,[492] пущении на казнь хрестьяномъ.

Ищьли бо си суть от пустыня Етривьския, межи въстокомъ и сѣверомъ, ищьло же есть ихъ колѣнъ 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половьцѣ. Мефедий же свидительствуеть о нихъ,[493] яко 8 колѣнъ пробѣглѣ суть, егда исѣче я Гедеонъ:[494] осмь ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы, нѣсть тако: сынове бо Моавли — хвалисе, а сынове Амонови — болгаре, а срацини от Измаила и творяться сарини, и прозваша имя собѣ саракине, рекше: «Сарини есмы».[495] Тѣмьже хвалисе и болгаре суть от дщерью Лотову, иже зачаста от отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ. И Измаило роди 12 сына, от нихъже суть торъкмени, печенѣзи, и торци и половци, иже *исходят* от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть заклепани в горѣ Олександромь Макидоньскомь нечистыя человѣкы.

Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ,[496] яже сказа ми Гурята Роговичь, новгородець, глаголя сице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к нимъ, и оттудѣ иде въ Угру. Угра же суть людье языкъ нѣмъ и съсѣдяться съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ.[497] Угра же рекоша отроку моему: “Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имьже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще просѣчися. И есть в горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвять. Не разумѣти языку ихъ, но кажють желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ железо — или ножь, или *секыру* — и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ *тѣхъ* непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмь не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощьи”». Мнѣ же рекшю к Гурятѣ: «Се суть людье, заклѣпленѣ Олексанъдромъ,

макидоньскомъ цесаремъ, якоже сказа о нихъ Мефедий Патарийскъ, глаголя: “Олександръ, царь макидоньский възыде на въсточныя страны до моря, нарѣцаемое *Солнче* мѣсто, и видѣ человѣкы нечистыя от племене Афетова, ихъже нечистоту *видѣвъ*: ядяху скверну всяку, комары, мухы, коткы, змѣя, мертвеца не погребати, но ядяху, и женьскиѣ изъврагы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ, Олександръ убояся, еда како умножаться *и* осквернять землю, *загна их* на полунощныя страны у горы высокыя. И Богу повелѣвшю, соступишася о нихъ горы полунощьныя, токмо не ступишася о нихъ горы 12 локътю, и створиша врата мѣденая и помазаша суньклитомь. И аще хотять взяти и не возмогуть, ни огнемь могуть ижьжещи; вѣщь бо суньклитова сица есть: ни огнь можеть ижьжещи его, ни желѣзо его прииметь. У послѣдняя же дни по сихъ осми коленъ, иже изиидуть от пустыня Етривьския, изидуть си скверныи языци, яже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью”».[498]

Но мы на прежерѣченое уворотимься, якоже бѣхомъ глаголали первѣе. Ольговѣ обещавшюся ити къ брату своему Давыдови Смоленьску и прииити с братомъ своимъ Киеву и обрядъ положити, и не восхотѣ сего Олегъ сътворити, *но* пришедъ къ Смоленьску и поемъ воя и поиде Мурому, у Муромѣ тогда сущю Изяславу. *Бысть же вѣсть Изяславу*, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по вои Ростову и Суждалю, и по бѣлозерцѣ, и собра вои много. И посла Олегъ послы своя къ Изяславу, глаголя: «Иди у волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего.[499] Да хочю, ту *сѣдя*, порядъ положити съ отцемь твоимъ. Се бо мя выгналъ из города отца моего. Или ты ми здѣ не хощеши хлѣба *моего* же вдати?». И не послуша Изяславъ словесъ сихъ, надѣяся на множество вой. Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ в сѣмъ, и поиде к городу с вои. Изяславъ же исполчися передъ городомъ на полѣ. Олегъ же поиде противу ему полкомь, и сняшася обоѣ, и бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына *Володимеря*, *внука* Всеволожа,[500] мѣсяца септебря въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чресъ лѣсъ, друзии же в городъ. *Олег же вниде въ град*, и прияша`и горожане. Изяслава же вземьше и положиша в манастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша`и Новугороду и положиша у святоѣ Софьи на лѣвой сторонѣ. Олегъ же по приятьи града изоима ростовцѣ, и бѣлозерци и суждальцѣ и скова, и устремися на Суждаль. И пришедъ Суждалю, и суждалци дашася ему. Олегъ же, омиривъ городъ, овы изоима, другыя расточи, имѣнье ихъ взя. И приде к Ростову, и ростовци вдашася ему. И *перея* всю землю Муромьскую и Ростовьскую, и посажа посадники по городомъ и дани поча брати. И посла к нему Мьстиславъ посолъ свой из Новагорода, глаголя: «Иди опять Мурому, а в чюжей волостѣ не сѣди. И азъ пошлю молиться съ дружиною своею къ отцю моему и смирю *тя* с нимь. Аще и брата моего *убилъ* еси, то есть недивно: в ратехъ бо цесари и мужи погыбають». Олегъ же не восхотѣ сего послушатѣ, но паче мышляше и *Новъгородъ* прияти. И посла Олегъ брата своего Ярослава въ сторожѣ, а самъ стояше на поли у Ростова. Мьстислав же здумавъ с новгородьци, и послаша передъ собою *въ* сторожѣ Добрыну Рагуиловича, Добрыня же первое изоима данникы. Увѣда же Ярославъ се, яко *изымани* даньници, стояшеть бо тогда Ярославъ на

Медвѣдици[501] у сторожи, бѣжа тоѣ нощи, и прибѣже ко Олгови и повѣда ему, яко идеть Мьстиславъ. Прииде же вѣсть к Олгови, яко сторожеве его изоиманѣ, поиде к Ростову. Мьстиславъ же поиде на Волгу, повѣдаша ему яко Олегь узвратилъся есть к Ростову, а Мьстиславъ поиде по немь. Олегъ же прииде к Суждалю, и слышавъ, яко идеть по немъ Мьстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи городъ Суждаль, *токмо* остася дворъ манастырескъ Печерьскаго манастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ[502] и съ селы. Олегъ же побѣже к Мурому, а Мьстиславъ поиде к Суждалю и, сѣдя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, глаголя яко: «*Мний* азъ есмь тебе; шлися ко отцю моему, а дружину вороти, юже еси заялъ, а язъ тебе о всемь послушаю».[503] Олегъ же посла к нему хотя мира лестью. Мьстислав же, емь вѣры льсти и распусти дружину по селомъ. И наста Федорова недѣля 1 поста, и приспѣ Федорова субота, Мьстиславу сѣдящю на обѣдѣ, и прииде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязьмѣ, близь бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мьстиславъ бо емъ ему вѣру, не постави сторожовъ. Но Богъ вѣсть избавити человѣкы благочтивыя своя ото льсти. Олегъ же установися на Клязьмѣ, мня, яко, вбояся его, Мьстиславъ и побѣгнеть. Къ Мьстиславу собрася дружина въ тъ день и въ другий — новгородцѣ, и ростовцѣ, и бѣлозерьци. Мьстиславъ же ста предъ городомъ, исполъчивъ дружину, не поступи ни онъ къ Мьстиславу, ни Мьстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ дний 4. И прииде Мьстиславу вѣсть, яко «Пославъ ти отець Вячьслава брата с половьци». И прииде Вячьславъ у четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста, а в пятокъ завътра поиде Олегъ, исполчився, к городу, а Мьстиславъ поиде противу ему с новгородци. И въда Мьстиславъ стягъ Володимерь половчину, именемь Куману, удавъ ему пѣшьцѣ, поставивъ `и на правомъ крилѣ. И напя стягъ Володимерь, и узри Олегъ стягъ Володимерь, и вбояся, и ужась нападе на нь и на вои его. И поидоша к боеви противу собѣ, и поиде Олегъ противу *Мьстиславу, а Ярославь поиде противу* Вячьславу. Мьстиславъ же перешедъ *пожаръ* с новгородцѣ, и ступишася на Колачьцѣ,[504] и бысть брань крѣпка, и нача *одоляти* Мьстиславъ. И видивъ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь и нача заходити в тылъ его, и вбояся, побѣже Олегъ, и одолѣ Мьстиславъ. Олегъ же прибѣже Мурому и затвори Ярослава Муромѣ, и самъ иде *Рязаню*. Мьстиславъ же прииде Мурому и створи миръ с муромьци, поя люди своя, ростовцѣ же и суждальци, и поиде к Рязаню по Ользѣ. Олегъ же выбѣже из Рязаня, а Мьстиславъ створи миръ с рязаньци и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ *Олгови*, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но послися ко братьи своей с молбою не лишать тебе Русьской земли. А язъ послю къ отцю молится о тобѣ. Олегь же обѣщася тако створити. Мьстиславъ же узворотися въспять к Суждалю и оттуду прииде Новугороду в городъ свой молитвами преподобнаго епископа Никыты.[505] Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Приидоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь и братъ его Олегъ, и сняшася Любчи на строенье мира.[506] И глаголаше к собѣ, рекуще: «Почто губимъ Рускую землю, сами на ся *котору* <…> имуще? А

половци землю нашю несуть роздно и ради суть, оже межи нами рать донынѣ. Отселѣ имѣмься *въ* едино сердце и съблюдѣмь Рускую землю. Кождо держить очьчину свою: Святополку — Киевъ Изяславль, Володимеръ — *Всеволожю*, Давыдъ и Олегъ, Ярославъ — *Святославлю*, имьже раздаялъ Всеволодъ городы: Давыдови Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, *Теребовлъ* <...> Василькови». И на томъ цѣловаша хрестъ: «Да аще отселѣ кто на кого вьстанеть, то на того будемъ вси и честьный крестъ». И рекоша вси: «Да будеть на нь хрестъ честный и вся земьля Руская». И цѣловавшеся и поидоша усвояси.[507]

И прииде Святополкъ Кыеву съ Давыдомъ, и радѣ быша людье вси, токмо дьяволъ печаленъ быше о любви сѣй. И влѣзе сотона у сердьце нѣкоторымъ мужемъ, и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложилъся есть с Василкомъ на Святополка и на тя». Давыдъ же, имъ вѣры лживымъ словесемь, нача молвити на Василка, глаголя сице: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а *нынѣ* мыслить на тя и на мя, и сложилъся есть с Володимеромъ? Да промышляй си о своей головѣ». Святополкъ же смятеся умомъ, рекий: «Еда се право будеть или лжа, не *вѣдѣ*. И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право молвиши, да Богъ ти буди послухъ, аще ли завистью молвиши, да Богъ будеть за тѣмъ». Святополкъ же съжалиси по братѣ своемь и о себѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и перельсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василцѣ, а Василко сего не вѣдаше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имеве Василка, то ни тобѣ княженья у Киевѣ, ни мнѣ Володимери». И послуша сего Святополкъ. И прииде Василко въ 4 ноября и перевезеся на Выдобичь, иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици. Вечеру же бывшю, прииде в товаръ свой. Наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи от имининъ моихъ». Василко же отопрѣся, река: «Не могу ждати, еда будеть рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, и не ослушайся брата старѣйшаго. Поидевѣ оба». И не въсхотѣ Василко створити тако, ни послушаеть ею. И рече Давыдъ къ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в руку твоею. Аще ли отъидеть въ свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть городовъ твоихъ — Турова и Пиньска и прочихъ городовъ твоихъ. Да помянеши мя. Но, призвавъ̀ и ныня, ими и дай его мнѣ». И послуша его Святополкъ и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощеши ждати до имянинъ моихъ, и прииди нынѣ, да цѣлуеши мя, и посѣдимы вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прийти, не вѣдый лесть, юже коваше на нь Давыдъ, Василко же, всѣдъ на конь, поѣха, и въсрѣтѐ и отрокъ его и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша сего, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды , цѣловали хресть, рекуще: аще кто на кого будеть, хресть *на того* и мы вси». И помысливъ си, перехрестися, река: «Воля Господня да будеть». И приѣха в малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылезе противу ему Святополкъ, и идоша въ гридьницю, и прииде Давыдъ, и сѣдоша. И нача Святополкъ глаголати: «Останí на святокъ». И рече Василко: «Не могу, брате, остати, уже есмь повелѣл товаромъ поити переди». Давыдъ же

сѣдядше аки нѣмъ. И рече Святополкъ: «Завътрокай, брате!». И обѣщася Василко завътрокати. И рече Святополкъ: «Посидита вы здѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати ко Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа и ни послушанья: бѣ бо вжаслъся и лесть имѣя въ сердцѣ». И посѣдѣвъ мало Давыдъ, рече: «Гдѣ есть братъ?» Они же рекоша ему: «Стоить на сѣнехъ». И въставъ Давыдъ, рече: «Ать иду по нь, а ты ту, брате, посѣди». И, въставъ, Давыдъ лѣзе вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5 ноября, и оковавъше въ двоѣ оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва бояре и кияне и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ и на тя свѣщалъ с Володимеромъ, хочеть тя убити и градъ твой заяти». И рекоша бояре и людье: «Тобѣ, княже, головы своеѣ достоить блюсти. Да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василко казнь: аще ли неправо глаголалъ Давыдъ, да прииметь месть от Бога и отвѣщаеть предъ Богомъ». И увѣдѣша игумени и начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку, и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Давыдъ же, се въвѣдавъ, нача поостривати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створиши и его пустиши, тъ ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пуститѝи, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша̀и Звенигороду,[508] иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти *верьстъ* <...> вьдале, и привезъшѐи на колѣхъ, окована суща, и съсадиша̀и с колъ и въведоша в-истобъку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина, остряща ножь, и вразумѣ, яко *хотят̀*и ослипити, и възпи къ Богу плачемъ великомъ и стонаньемъ великомъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополчь, и Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, почаста простирати *коверъ* и, простерша, яста Василка и *хотяще* поврѣщѝи, боряшеться с нима крѣпко, и не можета его поврѣщи. И се влѣзъше друзии, повергоша̀и, и связаша̀и, и снемьше доску с печи и възложиша на персии ему. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ и не можаста его удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дъску с печи, и сѣдоста, и вдавиша̀и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи търчинъ именемь Береньди, овчюхъ Святополчь, держа ножь, хотя уверьтѣти ножь в око, и грѣши ока и перерѣза ему лице, и бяше знати рану ту на лици ему. По семь же увертѣ ему ножь в зѣницю, изя зѣницю, по семь у другое око уверьтѣ ножь, изя другую зиницю. И томъ часѣ бысть яко мертвъ. И вземьшѐи на коврѣ, узложиша̀и на кола яко мертва, и повезоша̀и Володимерю. И пришедъше, сташа с нимъ, перешедъше мостъ Въздвиженьскы, на торговищи, и сволъкоша с него сорочьку кроваву и вдаша попадьи *опрати*. Попадья же, оправъши, узволоче на нь, онѣмъ обѣдающимъ, и плакатися нача попадья оному, яко мерьтву сущю. Узбудѝи плачь, и рече: «Кдѣ се есьмь?» Они же рекоша ему: «Въ Звѣждени градѣ». И въпроси воды, они же даша ему, и испи воды, и въступи *во нь* душа, и помянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «*Чему* есте сняли с мене? Да быхъ в сѣй сорочици смерть приялъ и сталъ предъ Богомъ в кровавѣ сорочицѣ». Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша с нимь въекорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И приидоша с нимъ Володимерю въ 6 день. Прииде же и Давыдъ по немъ, яко звѣрь уловилъ. И посадиша̀и у дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стрѣщи, а 2 отрока княжа, Улана и Колчю.

Вълодимеръ же, слышавъ, яко ятъ есть Василко и ослѣпленъ, ужасася, и въсплакася вельми и рече: «Сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ наших, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла». И ту абье посла ко Давыду и к Ольгови Святъславичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся сотвори у Русьской земли и в насъ, братьи, оже уверже в ны ножь. Да аще сего не поправимъ, болше зло въстанеть в насъ, и начнеть братъ брата заколати, и погыбнеть земля Русьская, и врази наши половци, пришедъше, возмуть землю Русьскую». Се слышавъ, Давыдъ и Олегъ печална быста вельми и начаста плакатися, рекуща, яко «Сего не было в родѣ нашемь». И ту абье собравъша воя и приидоста к Володимеру. Володимеру сущю с вои стоящю у бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои къ Святополку, глаголюще: «Что се створилъ еси в Русьской землѣ — уверьглъ еси ножь в ны? Чему еси ослипил брата своего? Аще бы ти вина какая была на нь, обличилъ бы пред нами и, упрѣвъ бы̀и, створилъ ему. А ныне кая вина до него, оже ему се створилъ еси?» И рече Святополкъ: «Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хощеть убити и заяти волость твою — Туровъ, и Пинескъ,[509] и Берести и Погорину, и шелъ ротѣ с Володимѣромъ, яко сѣсти Володимеру в Киевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми главы своея блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ̀и к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Олгови: «Извѣта о семь не *имѣй*, яко Давыдъ есть слѣпилъ̀и. Не в Давыдовѣ градѣ ятъ есть, ни ослѣпленъ, но въ твоемъ городѣ ятъ и ослѣпленъ». И се имъ глаголющимъ, разидошася раздно. Наутрия же хотя Володимеру и Давыдови и Олгови чересъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотяше побѣгнути ис Кыева, и не даша ему кияне побѣгнути, но послаша Усеволожюю и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюща: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьской землѣ. Аще бо *возмете* рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашю, юже бѣша стяжали ваши дѣди и отци ваши трудомъ великимъ и хороборьствомъ, побарающе по Русьской земли, а ины земли приискаху, а вы хощете погубити Русьскую землю». Всеволожая и митрополитъ приидоста к Володимерю и молистася ему и повѣдаста молбу кыянъ, яко створити миръ и блюсти земли Руской, и брань имѣти с погаными. И се слышавъ, Володимеръ расплакася *и рече*: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши соблюдоша Русьскую землю, а мы ю хочемъ погубити». И преклонися на молбу *княгинину*, чтяшеть бо ю яко матерь, отца ради своего,[510] бѣ бо любимъ отцю своему повелику в животѣ и по смерти, и не ослушася его ни в чемь же. И послуша яко матере и митрополита такоже, чтя санъ святительскый, не прѣслуша молбы его.

Володимеръ же такъ есть любьзнивъ: любовь имѣя к митрополитомъ и къ епискупомъ *и къ игуменом*, паче же и черноризецький чинъ любя, и приходящая к нему напиташе и напояше, акы мати дѣти своя. Аще кого видить или шюмна, или в коемь зазорѣ, и не осужаше, но все на любовь прикладаше и втѣшаше.

Но мы на прежереченое узвратѣмься. Княгини же бывши у Володимера, и прииде Кыеву и повѣда всю рѣчь Святополку и кияномъ, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужѣ слати и вмиришася на семь, яко рѣша Святополку, яко «Се Давыдова есть сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, люби имѝи, любо прожени». Святополк же емься по се, и цѣловаше хрестъ межи собою, миръ створше.

Василкови же сущю в Володимери на прѣжереченомь мѣстѣ, яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю, у Володимѣрѣ, у едину нощь присла по мя князь Давыдъ.[511] И приидохъ к нему, и сѣдяху дружина около его, и посади мя и рече ми: «Се молвилъ Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, реклъ тако Василко: “Се слышу, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда. Даже бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужа своего к Володимеру, и *воротися*, вѣдѣ бо ся с нимъ что молвивъ — не поидеть”. Да се, Василю, шлю тя, ѣди к Василкови со сима отрокома, и молви ему тако: “Оже хощеши послати мужа своего, и воротится Володимеръ, то вдам ти который любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль”».[512] Азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Давыдову. Он же рче: «Сего есмь не молвилъ, но надѣяся на Богъ. Послю к Володимеру, да быша не прольяли крови мене дѣля. Но сему ми дивно: даеть ми градъ свой, *а мой* Теребовль, моя волость пождавше и нынѣ”». Якоже и бысть: въскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди къ Давыдови и рци ему: “Пришли ми Кулмѣя, азъ его пошьлю к Володимеру”». И не послуша его Давыдъ и посла мя река пакы: «Нѣ ту Кулъмѣя». И рече ми Василко: «*Посѣди* мало». И повелѣ слузи своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача глаголати: «Се азъ слышю, оже мя хочеть Давыдъ давати ляхомъ; то ся мало насытилъ крове моея, и се хощеть болше ся насытити, иже мя вдасть имъ. Азъ бо ляхомъ много зла створихъ[513] и еще есмь хотѣлъ створити и мьстити Русьскую землю. Аще мя вдасть ляхомъ, не боюся смерти, но се повѣдаю ти поистинѣ, яко наведе на мя Богъ за мое узвышенье, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ *берендичи*,[514] и печенѣзи, и торци, и се рекохъ въ умѣ своемь: оже ми будуть берендичи, и торци и печенѣзи, и реку брату своему Володареви и Давыдови:[515] “Дайта дружину свою моложьшюю, а сама пийта и веселитася”. И помыслихъ: “На землю Лядьскую наступлю на зиму и на лѣто, и возму землю Лядьскую, и мьщю землю Русьскую”. И по семь хотѣлъ есмь перевяти болгары дунайскыя и посадити я у себе. По семь хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на половцѣ, и поиду, рѣхъ, на половцѣ, да любо налѣзу собѣ славу, любо главу свою сложю за Русьскую землю. А иное помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся Богомь и его пришествиемь, яко не помыслилъ есмь зла братьи моей ни в чемь же. Но за мое узнесенье — иже поидоша береньдичи ко мнѣ и веселяся сердце мое и възвеселися умъ мой — и низложи мя Богъ и смѣри мя».

По семь же приходящю Великому дни, поиде Давыдъ, прияти хотя власть Василкову, и въсрѣтѐи Володарь, братъ Василковъ, у Бужьиска.[516] И не смѣ Давыдъ стати противу Володареви и затворися въ Бужьскѣ, и оступи градъ Бужескъ Володарь. И нача Володарь молвити: «Почто зло створивъ, не каешися сего? Да уже помянися, колко еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ творити, глаголя: «Ци я се створилъ, ци ли у моемъ городѣ? Язъ и самъ боялъся, аще быша и мене не яли и створили то же. Неволя ми было пристати свѣту ихъ, ходящу в рукахъ ихъ». И рече Володарь: «Богъ свидитель тому, а нынѣ пусти брата *моего*, и створю с тобою миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведы и уда̀и Володареви, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко в Теребовли, *а* Давыдъ приде Володимерю. Ставши веснѣ, и прииде Володарь и Василко на Давыда, и приидоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися у Володимерѣ. Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ городъ и зажьгоста огнемь, и выбѣгоша людье *от* огня. И повелѣ Василко вся исѣщи, и створи Василко мыщенье на людьхъ неповиньныхъ и пролья кровь неповиньну. По семь же приидоста Володимерю, и Давыдъ затворися в городѣ, си же обьступиста градъ. И посласта к володимерцемь, глаголюща: «Вѣ не приидоховѣ на городъ вашь, ни на васъ, но на вороги своя — на Туряка и на Лазоря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ все зло. Аще хощете за сихъ битися, да се мы готовы, аще ли — то выдайте враги наша». Гражани же, слышавше се, и *созваша* вѣче, и рекоша *Давыдови* людье на вѣчи: «Выдай мужи сия, мы не бьемъся за сихъ, а за тя можемъ ся бити, а за сихъ не бьемъся. Аще ли — то отворимъ ворота городу, а самъ промышляй о собѣ». И неволя бысть выдати я. И рече *Давыдъ*: «Нѣту ихъ сдѣ», бѣ бо я послалъ до Лучька. Онѣмь же пошедшимъ Лучьску, Турягъ бѣжалъ Кыеву, а Лазорь и Василь воротистася Турийську.[517] И слышаша людье, яко в Турийскѣ суть, и кликоша людье на Давыда, рекуще: «Выдай, кого ти хотять. Аще ли — то предамыся». Давыдъ же, пославъ, приведе Василья и Лазаря и вдасть я. И створися миръ в недѣлю, и завътра в понедѣлникъ, по зорямъ, повѣсиша Лазоря и Василя и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша от града. Се второе мьщенье створи, егоже бяше не лѣпо створити, дабы отместникъ Богъ былъ, и възложити было на Бога отмьщенье свое, якоже рече пророкъ: «И въздамъ месть врагомъ и ненавидящимъ мене въздамъ, яко кровъ сыновъ своихъ мьщаеть и мьстить, и вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его въздасть».[518] Симь же от града отшедшимъ, и сею снемьше погребоша.

Святополку же обѣщавшюся се створити — прогнати Давыда, поиде к Берестью к Ляхомъ. И се слышавъ, Давыдъ иде в Ляхы к Володиславу,[519] ища помощи. Ляхове же обѣщашася се створити и взяша у него 50 гривен злата, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, *яко* се вадить ны Святополкъ на снемъ, и ту вмиримъ тя съ Святополкомъ». И, послушавъ ихъ, Давыдъ иде Берестью с Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а ляховѣ на Бузѣ, и сносися Святополкъ рѣчью с ляхы и дасть имъ великия дары на Давыда. Володиславъ рече: «Не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять». И прииде Давыдъ Володимерю, а

Святополкъ свѣтъ створи с ляхы и поиде къ Пиньску, посла по воѣ. И прииде Дорогобужю и дожда ту вой своихъ, поиде на Давыда къ граду. Давыдъ затворися въ градѣ, чая помочи в *ляхох* на Святополъка, бѣша бо рекли ему: «Яко на тя приидуть русьскии князи, то мы ти будемъ помощници». И солгаша, а емлюще злато у Давыда *и у Святополка*. Святополкъ же оступи городъ, и Давыдъ въ градѣ. И стоя Святополкъ около города 7 недѣль, и поча Давыдъ молитися: «Пусти мя из города». Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста хрестъ межи собою, и изиде Давыдъ из города и прииде в Черненъ[520], а Святополкъ вниде в городъ в Великую суботу. Давыдъ же бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего и брата»,[521] и поиде на ня. И се слышавъ, *Володаръ* и Василко поидоста противу, вземше хрестъ, *егоже цѣловалъ к, нима на сем, яко*, *«На Давыда* пришелъ есмь, а с вама хощю имѣти миръ и любовь». И преступи Святополкъ, надѣяся на множество вой. И съсъступишася на поли на *Рожни*; исполчившимъся имъ обоимъ, Василькови же узвыси хрестъ, глаголя: «*Сего* еси цѣловалъ, се *пръвое* взялъ еси *зракъ* <…> очью моею, а се нынѣ отъяти хощеши душю мою. И межи буди нами хресть сий честный». И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ над *Василковыми* вои узвышьшиися вельми. Брани же велицѣ бывши и многымъ падающимъ от обою полку, видѣ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже к Володимерю. И Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, рекуща: «Доволѣеть нама на межи своей стати», и не идоста никаможе, Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его два,[522] и Святоша, сынъ Давыдовъ Святъславичь, и прочая дружина.

Святополкъ же посади сына своего Володимери Мьстислава, иже бѣ от наложницѣ ему, а Ярослава посла *въ* Угры, вабя угры на Володаря, а самъ иде Кыеву. Ярославъ, сынъ Святополчь, прииде съ угры, и король Коломанъ[523] и 2 епископа, и сташа около Перемышля по Вягру,[524] а Володарь затворися въ градѣ. Давыдъ же въ тъ чинъ пришедъ из Ляховъ и посади жену свою у Володаря, а самъ иде в Половцѣ. И усрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на *угры*. Идущима же има и сташа ночьлѣгу, и яко бысть полунощи, и въставъ Бонякъ отъѣха от рати и поча выти волъчьски, и отвыся ему волкъ, и начаша мнози волци выти. Бонякъ же, приѣха, повѣда Давыдови, яко «Побѣда ны есть на *угры*». И завътра Бонякъ исполчивъ вои свои; *Давыдовых* 100, а Бонякъ у *трех* стѣхъ, и *раздѣли* на 3 полкы и поиде к угромъ. И пусти на воропъ Алтунопу въ 50, а Давыда постави подъ стягомъ, а самъ раздѣлися на два полка, по 50 на сторону. Угре же исполчишася на заступы: бѣ бо угоръ числомъ 100 тысящь.[525] Алтунопа же пригна къ первому заступу и, стриливше, побѣгну передъ угры, угре же погнаху по нихъ, мьняху Боняка бѣжаща, а Бонякъ гнаше, сѣка у плещи. Алтунопа *възвратився* успять и не допустяху угръ опять, и тако множицею избиваше я. Бонякъ же раздилися на 3 полкы, и сбиша угры в мячь, яко

соколъ галицѣ збиваеть. И побѣгоша угре, и мнози истопоша у Вягру, друзии же в Сану. И бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гна по нихъ два дни, сѣкущи я. Ту же убиша *епископа* их Купана и от боляръ многи, якоже глаголаху, погыбло убьено 40 тысящь.

Ярославъ же бѣже на Ляхы и прииде Берестью, а Давыдъ заемъ Сутѣйску и Червенъ, и прииде внезапу и зая володимерцѣ, а Мьстиславъ затворися у градѣ съ засадою, уже *бяше* у него берестьяне, и пиняни, вышегородци.[526] И ста Давыдъ, оступивъ городъ, и часто приступаше. Единою *подступиша* къ граду подъ вежами, онѣмь же бьющимся съ града и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дожчь. Мьстиславу же хотящю стрилити, внезапу вдаренъ бысть подъ пазуху стрѣлою на забороле̇хъ[527] скважнею, и сведоша̀и, и на нощь умре. И таиша его 3 дни, и в четвертый день повѣдаша и на вѣчи. И рекоша людье: «Се князь убьенъ, да аще ся вдамы, и Святополкъ погубить ны». И послаша къ Святополку, глаголюще: «Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ голодомъ. Аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ же посла Путяту, своего воеводу. Путята же пришедъ с вои к Лутцьку къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ: заходилъ бо бѣ Святоша ротѣ *къ Давыдови*: «Аще поидеть на тя Святополкъ, повѣмъ ти». И не сътвори сего Святоша, но изоима мужѣ Давыдовы, а сам поиде на Давыда. И прииде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдови облежащю градъ, в полудне, а Давыдови спящю, и нападоша на нѣ и начаша сѣщи. И горожане скочишася съ града и почаша сѣщѣ вои Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мьстиславъ, сыновець его. Святоша и Путята переяста городъ и посадника Святополча Василья посадиста. И прииде Святоша Лучьку, а Путятя Киеву. Давыдъ же побѣже *в* половцѣ, и усрѣте *и* <...> Бонякъ *и* половцѣ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю к Лучьку, и оступиша Святошю у городи и створиша миръ. И изиде Святоша из города и прииде къ отцю своему Чернѣгову. А Давыдъ прия Луческъ и оттуду прииде к Володимерю; посадникъ же Василь выбѣже из города, а Давыдъ перея Володимерь и седѣ в немь. А на другое лѣто снемь створиша князи. Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, у немъже и вьмре. А Святополкъ перея Володимерь и посади сына своего Ярослава.

В лѣто 6606.[528] Прииде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ. В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѣ Богородицѣ *в Переяславли* на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Въстри.

В лѣто 6607. Иде Святополкъ на Давыда *к Володимерю и прогна Давыда* в Ляхы. В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремь мѣсяца

апреля: два круга, а в нею аки солнце, и до шестаго часа, а *ночи* акы три *стези*[529] свѣтлѣ оли до зорь. У се же лѣто побьени угре у Перемышля. В се же лѣто убьенъ бысть Мьстиславъ, сынъ Святополчь, у Володимери мѣсяца июня 12 день.

Вниде Мьстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня въ 10.[530] Того же лѣта братья створиша миръ межи собою: Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ и Олегь въ Увѣтичихъ мѣсяца августа въ 14 день. Того же мѣсяца въ 30 в томъ же мѣстѣ братья вся сняшася — Святополкъ, Володимеръ, *Давыдъ*, Олегъ.[531] Прииде к нимъ Давыдъ Игоревичь и рече имъ: «На что мя есте привабили? Осе есмь. Кому до мене обида?» И отвѣща к нему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к намъ, река: “Хощю, братье, приити къ вамъ и пожаловати своее обиды”. Да се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ, и чему не жалуеши? До кого ти обида?» И не отвѣща ему ничтоже Давыдъ. И сташа уся братья на конихъ, и ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею дружиною раздно, кромѣ себѣ. А Давыдъ Игоревичь сѣдяше опрочь, и не припустяху его к собѣ и особѣ думаху о Давыдѣ. И, сдумавше, послаша къ Давыдови мужи свои: Святополкъ Путяту, Володимеръ — Ратибора, Давыдъ *и* Олегъ — Торчина. Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвять братья: “Не хощем ти вдати стола Володимерьскаго, зане увергъ еси ножь в ны, егоже не было в Руськой земли. Но мы тебе не имемъ, ни иного зла створимъ, но се ти даемъ: шедъ, сяди в Божескомъ во острозѣ. Дубенъ и Черторыескъ[532] — то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривенъ, Давыдъ и Олегъ — 200 гривенъ”». И тогда *послаша* послы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вам Перемышль. Да аче вам любо, да сѣдѣта, аще ли — да пусти Василка сѣмо, атѣ и кормимъ здѣ. А холопы наши и смерды выдайта». И не послуша сего Володарь и Василко. А Давыдъ сѣдяше у Божьскомь, и по семь вда Святополкъ Давыдови Дорогобужь,[533] в немже и вомре, а Володимеръ вдасть сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, полотьскый князь, мѣсяца априля в 14 день, у 9 *часъ дне*, въ среду. В то же лѣто затворися[534] Ярославъ Ярополчичь у Берестьи, и изиде на нь Святополкъ, и заступи и́ в городѣ, и емь, и окова, и приведе и́ до Киева. И молися о немь митрополитъ и игумени, умолиша Святополка и узаводиша`и у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша`и. В тѣм же лѣтѣ съвъкупишася братья — Святополкъ и Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, Ярославъ с братьею — на Золотьчи.[535] И прислаша половци послы ото всихъ князь къ всей братьи, глаголюще и просяще мира. И рѣша имъ князи русьсции: «Аще хощете мира, да совкупимься у Сакова».[536] И послаша половци, и сняшася в Сакове, и створиша миръ с половци, и пояша таль межи собою, мѣсяца семьтября въ 15 день. В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну епискупью.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь ис Кыева мѣсяца октября въ 1 день. Того же мѣсяца на исходѣ *прелсти* Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, ятъ`и на Нури,[537] и приведе къ отцю Святополку, и оковаша`и. Того же лѣта, мѣсяца октября у 20, приде Мьстиславъ, сынъ Володимерь, с новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромь рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой *в Новѣгородѣ, а Володимери сына своего посадити* Володимеру. И прииде Мьстиславъ Кыеву, и сѣдоша в ыстобцѣ, и рекоша мужи Володимери: «Се присла Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородцѣ, да поемьше сына твоего, идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю». И рекоша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако: не хощемъ Святополка, ни сына его. Аще ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то посли `и. Сего ны далъ Всеволодъ, ускормили есмы собѣ князя,[538] а ты еси шелъ от насъ». Святополкъ же многу имѣ прю с ними, онѣмь же не восхотившимъ, поемьше Мьстислава, поидоша Новугороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря 29, по 3 дни, аки пожарная зоря от въстока, и уга, и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы от луны полны свѣтящеся. В то же лѣто бысть знаменье у лунѣ мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнцѣ: огородилося бяше солнце въ 3 дуги, и быша другыя дугы хрепты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнѣи человѣци съ въздыханьемь моляхуся Богу, съ слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро. Знаменья бо бывають ово же на добро, ово же на зло. Яко и си знаменья быша на добро: на прѣидущее лѣто вложи Богъ мысль добру в русьскии князи — умыслиша дерзнути на половцѣ, поити в землю их, еже и бысть, якоже скажемъ въ пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Володиславъ, лядьский князь. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополъчичь мѣсяца августа в 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава,[539] мѣсяца ноября въ 16 день. В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣй.

В лѣто 6611. Вложи Богъ у серьдце русьскымъ княземъ мысль благу: Святополку, Володимеру, и снястася думати на Долобьскѣ. В сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею дружиною, а въ единомь шатрѣ. И поча думати и начаша глаголати дружина Святополча: «Не веремя веснѣ воевати: хочемь погубити смерды и ролью имъ». И рече Володимеръ: «Дивно *ми*, дружино, оже лошади кто жалуеть, еюже ореть кто, а сего чему не расмотрите, оже начьнетъ смердъ орати, и половчинъ приѣха, ударить смерда стрѣлою, а кобылу его поиметь, а в село въѣхавъ, поиметь жену его и дѣти, и все имѣнье его возметь. То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь?» И не могоша противу ему отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Брате! Се азъ готовъ уже». И въста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши Русьской земьли». И посласта къ Давыдови и к Олгови, глаголюща: «Поидита на половци, а любо будемь живи, любо мертви». Давыдъ же послуша ею, а Олегъ не послуша сего, вину река: «Не здоровлю». Володимерь же,

цѣловавъ брата своего, поиде Переяславлю, а Святополкъ по немь и Давыдъ Святъславичь,[540] и Мьстиславъ, Игоревъ унукъ, Вячьславъ Ярополчичь, Ярополкъ Володимеричь.[541] И поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и приидоша ниже порогъ, и сташа въ протолчехъ и в Хортичимъ островѣ. И всѣдоша на конѣ, и пѣшьци из лодей высѣдавше, идоша в поле 4 дни и придоша на Сутинъ.[542] Половци же, слышавше, яко идуть русь, и собрашася бес числа и начаша думати. И рече *Урусоба*: «Просимъ мира в руси, яко крѣпко ся имуть бити с нами, мы бо много зла *створихомъ* Руской земли». И рѣша уншии Урусобѣ: «Аще ся ты боиши руси, но мы ся не боимъ. Сихъ бо избивше и поидемь в землю ихъ, и приимемъ вся грады ихъ, и кто избавить ихъ от насъ?» Рустии же князи и вои моляху Бога и причистии его матери, ово кутьею, овъ же милостынею къ убогымъ, ови же манастыремъ трѣбованья. И сице молящимъся, поидоша половьци и посла передъ собою въ сторожѣ Алтунопу, иже словяше мужьствомъ. Тако же и русьстии князи послаша сторожѣ свои. И въстерегоша Алтунопу, и объступиша Алтунопу и въбиша и́ и сущая с нимъ, ни единъ не избы от нихъ, но вся избиша. И поидоша полци половецьстии аки борове, и не бѣ перезрити ихъ, и русь поидоша противу имъ. И великий Богъ вложив жалость велику у половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепетъ от лица русьскыхъ вой, и дрѣмаху самѣ, и конемъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ. Русь же с весельемь на конихъ и пѣши потекоша к нимъ. Половци же, видивше устремленье руское на ся, не доступивше, *побѣгоша* передъ рускыми князи. Наши же погнаша, сѣкуще я. Въ 4 мѣсяца априля, и великое спасенье створи Богъ въ тъ день благовѣрнымъ княземъ русьскымъ и всимъ хрестьяномъ, а на врагы нашѣ дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кочия, Ярosланопу, Китанопу, Кунама, Асупа, Курътыка, Ченегрепа, *Сурбаря* и прочая князя ихъ, а *Бельдузя* яша. По семь же сѣдоша братья, побѣдивше враги своя, и приведоша Белдузя къ Святополку, и нача Белдузь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ. Святополкъ же посла Володимеру. И пришедшю ему, упроси его Володимеръ: «То веде, яла вы рота. Многажды бо, ходивше ротѣ, воевасте Русьскую землю. То чему ты не училъ сыновъ своихъ и роду своего не переступати ротѣ, но проливаете кровь хрестьяньску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей». И повели убитѝ и, и тако расѣкоша̀ и на *уды*. И по семь сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «”Се день, иже створи Господь, възрадуемься и възвеселимься во нь”,[543] яко Богъ избавилъ ны есть от врагъ нашихъ, и покори враги наша, и “скруши главы змѣевыя, и далъ есть Господь брашно ихъ намъ”».[544] Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и кони, и вельблуды, и вежѣ с добыткомъ и съ челядью, и заяша печенѣгы и торъкы с вежами. И приидоша в Русь с полономъ великымъ и съ славою и с побѣдою великою усвояси.

Того же лѣта приидоша прузии, августа въ 1 день. Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ и сруби Гурьговъ, егоже бѣша пожьглѣ половци. Того же лѣта бися Ярославъ[545] с морьдвою мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за цесаревичь за Олексиничь Цесарюграду,[546] мѣсяца июля въ 20. В том же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, во Угры за королевча,[547] мѣсяца августа въ 21. Того лѣта прииде митрополитъ Никифоръ в Русь мѣсяца декабря въ 6 день. *Того же мѣсяца* преставися Вячьславъ Ярополчичь въ 13 день. *Того же мѣсяца въ 18* Никифоръ митрополитъ посаженъ на столѣ. Сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Менескъ, а Володимеръ посла сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемъше Давыда Всеславича,[548] и не въспѣша ничтоже и възратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ, В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце въ крузѣ, а посредѣ круга хрестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы 2 солнци, надъ солнцемь же кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ. Тако же знаменье в лунѣ тѣмь же образомъ мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по три дни, а в ночи и в лунѣ по три ночи.

В лѣто 6613. Увалися верхъ святаго Андрѣя.[549] В се же лѣто постави митрополитъ Анфилохыя епископа Володимерю августа въ 27. Томъ же лѣтѣ постави Лазоря Переяславлю мѣсяца ноября 12. Томъ же лѣтѣ постави Мину Полотьскѣ мѣсяца декабря въ 13 день. Томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ *на* торкы и береньдѣѣ.

В лѣто 6614. Повоева половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня *и* Иванка Захарьича и Козарина,[550] и въгонивьше половцѣ до Дуная, полон *отяша* <...>. В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ, живъ по закону Божию, не хужий первыхъ праведникъ. У него же азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ в лѣтописиць. Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ, и смѣренъ, отгрѣбаяся от всякоя вещи, егоже и гробъ есть въ Печерьскомь монастырѣ, у притворѣ, идѣже лежить тѣло его, положено мѣсяца июня въ 24. В то же лѣто постирижеся Еупракси, Всеволожа дщи,[551] мѣсяца декабря въ 6 день. Того же лѣта помраченье бысть въ солнци августа. *Тогда пострижеся князь Святоша, сынъ Давыдовъ, внук, Святославль, Никола, мѣсяца февраля въ 17. В том же лѣтѣ побѣдиша зимѣгола Всеславича и всю братию и дружину, убиша их 9 тысяч.*

В лѣто 6615, кругъ луны 4, а солнечнаго — 8 лѣто. В се же время преставися Володимеря княгини[552] мѣсяца маия въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславлѣ. Томъ же лѣтѣ прииде Бонякъ, и Шарукань старый и ини князи мнози, и сташа около Лубна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мьстиславъ, Вячьславь,[553] Ярополкъ идоша на половцѣ къ Лубьну,[554] въ 6 часъ дне бродишася чересъ Сулу и кликоша на нѣ. Половци же вжасошася, от страха не възмогоша и стяга поставити, но побѣгоша, хватаючи коний, *а друзии пѣши побѣгоша. Наши же начаша сѣщи я, а другыа*

руками имати, и гнаша я до Хорола. Убиша же Тааза, Бонякова брата, и Сугра яша и братию его, а Шарукань одва утече.[555] *Отбѣгоша же товара своего, и взяша рускии вои мѣсяца августа въ 12 день, а възвратишася въсвоаси. с побѣдою великою. Святополкъ же прииде* завътреню в Печерьскый манастырь на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и радостью великою, яко врази наши побѣжены быша молитвами святыя Богородица и великаго Федосья, отца нашего. И тако бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, оли поклонився *у* гроба Федосьева и молитву вземъ у игумена, сущаго *ту*, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, того же мѣсяца, иде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ къ Аяпѣ и другому Аепѣ и створиша миръ. И поя Володимеръ за *Георгия*[556] *Аепину* дщерь, Асѣну *внуку*, а Олегъ поя *за сына*[557] *Аепину* дщерь, *Гиргеневу* внуку, мѣсяца генваря во вторый на 10 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи*.

В лѣто 6616. Заложена бысть церкви святаго Михаила Золотоверхая Святополкомъ княземъ мѣсяца июля въ 11. И тряпезницю кончаша Печерьскаго манастыря при Фектистѣ игуменѣ, юже заложи повеленьемь Глѣбовомъ,[558] иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика во Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. Того же лѣта вложи Богъ въ сердце *архимандриту*, игумену печерьскому, нача понужати Феоктистъ Святополка князя *вписати* Федосья в синаникъ,[559] Богу тако изволшю. Святополкъ же радъ бысть, *обѣщася* створити се, и се вѣды житье его. И нача Святополкъ узвѣщати житье Федосьево и велѣ`и вписати в сѣнаникъ, еже створи митрополитъ — вписа его в сѣнаникъ. Повелѣ же митрополитъ по всѣмъ епискупьямъ вписати Федосья в сѣнаникъ. Вси же епископи с радостью вписаша, и поминають его во всѣхъ сборѣхъ. В се же лѣто прѣставися Ерина,[560] Всеволожа дщерь, мѣсяца июля в 24. В се же лѣто кончаша верхъ святыя Борогодица Влахѣрны на Кловѣ, заложенѣй Стефаномъ епископомъ, бывшу ему прѣже игуменомъ Печерьскаго манастыря.

В лѣто 6617. Приставися Евъпраксии, Всеволожа дщи, мѣсяца июля въ 9 день, и положено бысть тѣло ея в Печерьскомъ манастыри у дверий, яже къ угу, и вчиниша над нею божницю, идѣже лежить тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичь взя вежи половецькие у Дона, 1000 вежь взя, послани Володимеромъ княземъ.

В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, Давыдъ. И дошедше Воиня, воротишася. Того же лѣта пришедше *половци* <…> воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша *полонъ* половьци у *Чина*.[561] В то же лѣто бысть знаменье в Печерьскомъ манастыри февраля въ 11 день: явися столпъ огненъ от земля до небесе, а молнья освитиша всю землю, и на небеси погремѣ в час 1 нощи, весь миръ видѣ. Се сь же столпъ ста на тряпезници

камянѣй, яко не видити хреста бяше, и стоя мало, ступи на церковь и ста надъ гробомъ Федосьевомъ, и потомъ надъ верхъ съступи, аки ко въстоку лицемъ, и потомъ невидимо бысть. Се же бяше не огнь, ни столпъ, но видъ ангельскый: ангелъ бо сице *являеться* ово столпомъ огненомъ, ово же пламеномь. Якоже рече Давидъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь пламянъ,[562] и слеми суть повеленьемь Божьимъ, аможе хощеть Владыка, всихъ Творець, ангеломъ и человѣкомъ. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту показають нѣчто мало виданья своего, ово бо огнемь, ово столпомъ, ово инако, яко мощно зрѣти *человѣком*, а не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго видити, аще и Моиси великий не возможе видѣти ангельскаго естьства: водяшеть бо я во дне столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ,[563] то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ Божий идяше пред нимь в нощи и во дне. Тако и се явленье которое показываше, емуже быти хотяше, еже бо и бысть на второе лѣто. Не сий ли ангелъ вожь бы на иноплеменникы, супостатъ бысть, якоже рече: «Ангелъ предъ тобою предъидеть», и пакы: «Ангелъ твой буди с тобою»?[564] Якоже пророк Давидъ глаголеть: «Яко ангеломъ своимъ заповѣсть *о* тебе сохранить тя».[565] Якоже пишеть премудрый Епифаний: «Къ коей же твари ангелъ приставленъ: ангелъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы, и зноеви, и осени, и весны, и лѣта, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподьнии тьмы, и сущи *връху* безны, бывшия древле верху земля, от неяже тмы, вечеръ, и нощь, и свѣтъ, и день».[566] Ко всимъ тваремъ ангели приставлени, тако же ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдають куюжьто землю, аще суть и погани. Аще Божий гнѣвъ будеть на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на кую убо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не вопротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяше, и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменникы поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ: они бо бяху водими аньеломъ по повелѣнью Божью.[567] Аще ли кто речеть, яко аньела нѣсть у поганыхъ, да слышить, яко Олександру Макидоньскому, ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и побидившю землю всю от въстокъ и до западъ, и поби землю Египетьскую, и поби Арама,[568] и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побидити жиды, занеже бяху мирни со Дарьемь. И поиде со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемь посредѣ шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимь и мѣчь нагъ в руцѣ его, и *обличие* меча его яко молонии. И запряже мечемь своимъ на главу цареву. И ужасеся цесарь велми и рече: «Не бий мене». И рече ему ангелъ: «Посла мя Богъ уимати цесарѣ великии предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помагая ти. А нынѣ вѣдай, яко умьреши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ Божьимъ и к людемъ его». И рече царь: «Молю тя, о Господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего, аче не любо ти, а ворочюся дому моему». И рече ангелъ: «Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши ту въ Ерусалими мужа въ *обличении моем*, и борзо пади на лици своемь, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобѣ, створи, не прѣступи рѣчи ему. В онь же день приступиши рѣчь его, и *умреши*». И въставъ, цесарь иде въ Ерусалимъ и, пришедъ, въспроси ерѣевъ: «Иду ли на Дарья?» И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему:

«Ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши и возмеши царство его».[569] Се убо не ангелъ ли вожаше Олександра, не поганъ ли побѣжаше и вси елини кумирослужебници? Тако и си погании попущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ *не* единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ; но противу Божью повеленью не могуть противитися, но молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди. Якоже и бысть: молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ умилосердися Богъ и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганыя. Якоже рече и Моисѣеви: «Се ангелъ мой прѣдыпоидеть предъ лицемъ твоимъ».[570] Якоже рекохомъ прѣже, зьнаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18.

В лѣто 6619. Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну.[571] Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю. Они же рекоша: «Не веремя нынѣ погубити смерьды от рольи». И посла Святополкъ к Володимерю, глаголя: «Да быхови ся сняла, и о томъ подумали быхомъ съ дружиною». Послании же приидоша к Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю. И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Долобьскѣ. И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: «Брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхъм промыслили о Русьской земли». И рече Святополкъ: «Брате, ты почни». И рече Володимеръ: «Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ. Но се дивно мя, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не *помышляюще*, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и, приѣхавъ, половчинъ ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадку, и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмъ чему не мыслите?» И рекоша вся дружина: «Право воистину тако есть». И рече Святополкъ: «Се азъ, брате, готовъ есмь с тобою». И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему съ собою. И въста Володимеръ и Святополкъ и цѣловастася, и поидоста на половцѣ Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимеръ съ сынми, и Давыдъ со сыномъ. И поидоша, возложивше надежю на Бога и на пречистую матерь его, и на святыя ангелы его. И поидоша въ 2 недѣлю поста, а в пятокъ быша на Сулѣ.[572] В субботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлують, и приидоша на *Пселъ*, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ. Ту пождаша и вои. И оттудо идоша Въръскла, ту же завътра, въ среду, хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами. И оттудѣ приидоша многи рѣки въ 6 недѣлю поста, и поидоша к Донови въ вторникъ. И оболичишася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимеръ пристави *попы* своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино, И перележаша нощь ту. И завътра, въ среду, поидоша к Сугрову и, пришедше, зажьгоша̀и, а в четвергъ поидоша съ Дона, а в пятницю завътра, мѣсяца марта въ 24 день, собрашася половци, изрядиша

половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши, възложише надежю свою на Бога, и рекоша: «Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко». И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшю же соступу и брани крѣпцѣ, Богъ вышний возрѣ на иноплеменникы со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменьници, и падоша мнози врази наши, супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя. И поможе Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ тъ день. И заутра, суботѣ наставшѣ, празноваша Лазарево *въскресенье*, Благовѣщенья день, и похваливше Бога, проводиша суботу, и в недѣлю приидоша. Наставшю же понедѣлнику страстныя недѣли, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции и тмами тмы. И оступиша полкы рускыи. И посла Господь Богъ ангела в помощь русьскымъ княземъ. И поидоша половецьстии *польци* и польцѣ русьстѣи, и зразишася первое с полкомъ, и трѣсну аки громъ *сразившимася* челома. И брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володимеръ с полки своими и Давыдъ, и, возрѣвше, половци вдаша плещи свои на бѣгъ. И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю. И побиша я в понедѣльникъ страстный, мѣсяца марта въ 27 день. Избьени быша иноплеменницѣ многое множество на рѣцѣ Салницѣ. И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давыдъ прославиша Бога, давшаго имъ побѣду таку на поганыя, и взяша полона много, и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изоимаша рукама. И въпросиша колодникъ, глаголюще: «Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгостѣ?» Си же отвѣщеваху, глаголюще: «Како можемъ битися с вами, а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?» Токмо се суть ангели, от Бога послани помогатъ хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, русьскии князи. Се бо, якоже рекохомъ, виднье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, таже преступѣ на церковь и *оттуда* к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни. И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, якоже рекохомъ.

Тѣмже достойно похволяти ангелы,[573] якоже Иоанъ Златоустець[574] рече: ибо ти Творцю безначално поють, милостиву ему быти и *тиху* человѣкомъ. Ангелы бо, глаголю, наша поборникы, на противныя силы воюющимъ, имьже есть архангелъ Михаилъ, ибо со дьяволомъ тѣла ради Моисиева противяся,[575] на князь же перьский свободы ради людьския противяся. Повеленьемь Божьимъ всю тварь раздѣлити и языкомъ старишины наставляюще. Симъ же нѣкоего перьсямъ *презрѣти* оправда, Михаила же сущимъ *обрѣзаномъ* людемъ схранити повелѣ, съставити же предѣлы ихъ прогнѣваньемь, не *по грѣховьныя* ярости, но от *божествьнаго* нѣкоего неизреченьнаго слова; сему же работати июдѣемь персямъ нудящю, сему же на свободу изъвлекущю и прилѣжно к Богу молитву *приносящю*, глаголюще: «Господи вседержителю! Доколѣ не помилуеши Иерусолима и градъ июдовых,

ихже презрѣ сѣмьдесятное лѣто?». Его же *видѣ* видиньемь и Данилъ *летяща*[576] — лице его, яко видъ молъиный, рещи, очи его, яко свѣщи, и мышьди его и голени, яко видъ мѣди блещащеся, и гласъ *слова* его, яко гласъ многаго народа. Отъ нихъ есть осла отвращая и Валама от нечистого волъшьвлѣнья праздно творяй.[577] От нихъ же и мѣчь извлѣкъ противу Иисусу Наугину,[578] помощи ему на противныя образомъ повелѣвая. От нихъ есть 100 и 80 тысящь суриськиихъ единою нощью поразихъ и сонъ варварьскыхъ смѣси смертью. От нихъ же есть, иже пророка Амбакума въздухомъ принесъ *скочениемь, да* пророка Данила посредѣ же левъ *прѣпитаеть*.[579] Таковии же убо и тации на враги изящьствують. Такоже есть и боголѣпный Рафаилъ: от единыя рыбы урѣза утрьникы, бѣснующися отроковицю ицѣли и слѣпа старца сълънъця видѣти створи ему.[580] Убо не великихъ ли честий достойни суть, нашю жизнь хранящe? Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша аньгели, якоже речено бысть: «Егда раздѣляше Вышний языкы, ихъже *разсѣя* сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ *Божиих, но* и вѣрнымъ человѣкомъ комуждо достася ангелъ. Ибо отроковица *Роди* изглаголавши *апостоломъ*, предъ дверьми стоящю Петру, Иродова лица *избѣгъ*, глаголаху, не имущи вѣры: «И ангелъ его есть».[581] Свидительствуеть же и симъ Господь, глаголя: «Видите и *не нерадите* единого от малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ видять лице воину Отца моего, *сущаго* на небесѣхъ». Еще же у коейждо церкви хранителя ангелы пристави Христосъ, якоже открываеть *Иоан*, глаголя: «Рци ангелу, сущему въ церкьви Измуреньстѣ: видихъ твою нищету и *скорбь, нъ* богатъ еси». ...Доброизвѣстьно убо есть любящимъ насъ ангеломъ, яко насъ ради къ Владыцѣ молящимся. Ибо служебнии дуси суть, якоже и апостолъ глаголеть: «Въ служенье слеми хотящимъ ради наслѣдити спасенье». Ихъ же и поборникы, и *споборникы*, якоже и ныня слышалъ еси Данила, како *въводи* архангела Михаила персемь в часъ прогнѣванья нашея ради свободы. Се бо людемъ работати персямъ нужаше, якоже речено бысть, се же раздришити пленьныя тщашеся. И одалаеть Михаилъ противнику, ибо Ефратъ жидове пришедше, *отьне* пакы селенье прияша, и градъ и церковь създаша. Тако же и великий Епифаний вѣща: «Коемуждо языку ангелъ приставленъ», и Списанье бо к Данилу глагола: «Ангелъ и властеля елиномъ и Михаила властеля июдѣемъ»; глаголеть же: «И постави уставы по числу ангелъ».

И се пакы, якоже Иполитъ[582] глаголеть, толкуеть Данила: «В лѣто третьее Кура цесаря, азъ Данилъ плакахъся три недѣли: перваго же мѣсяца смирихся, моля Бога дьний 20 и 1, прося от него откровенья тайны. И, услышавъ, Отець пусти слово *свое*, кажа хотящее быти имъ; и бысть на велицѣ *рѣцѣ*, лѣпо бяшеть ту ся явити, идѣже хотяше и грѣхи отпущати. И возведъ очи свои, видѣхъ: и се мужь одѣнъ в багоръ. Первый рече видѣньемь, аки Гаврилъ ангелъ летя, сдѣ же не тако, но видъ самого Господа, видъ же не свершена человѣка, но образомъ человѣкомъ являющася, якоже глаголеть: “И се мужь одѣнъ въ пъстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, и лице ему, аки молнья, и очи ему, яко свѣщи огненѣи, и мышци ему плещи подобни мѣди чистѣ, и глас его, аки народа многа”. И падохъ на земли, и се я мя аки рука, речи, человѣку, и еще въстави мя на колѣну

и рече ко мнѣ: “Не бойся, Даниле, вѣси, что ради приидохъ к тобѣ? Брань хочю створити съ княземъ перьскымь. Но повѣдаю ти *писаное* в писаньи истинномь, и *нѣсть* никогоже прящася о сѣмь со мною, развѣ Михаила князя вашего. Того бо оставихъ ту: от него же бо дьне устремися молити предъ Богомъ твоимъ, услыша молитву твою, и пущенъ есмь азъ брань створити со княземь *пръскым*, *съвѣт нѣкоторый* бысть не *отпустити* люди, да скоро убо будеть молитва твоя свершена; противихся ему и оставихъ ту Михаила князя вашего’. Кто есть Михаилъ, развѣ аньгела, прѣданаго людем?» Яко и к Моисиеви глаголеть: «Не имамъ с вами ити на путь, занеже суть людье жестокою выею», но «ангелъ мой идеть с вами».[583]

Якоже и се с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ, възъвратишася русьстии князи въсвояси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, *рекуще* къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде,[584] на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь.

Того же лѣта пристависи княгини Всеволожая,[585] мѣсяца октября въ 7 день, и положена бысть у святаго Андрѣя в манастыри. Того же лѣта пристависи Иоанъ, епископъ черниговьский, мѣсяца ноябрья въ 23.

В лѣто 6620. Индикта 5. Ярославъ ходи на ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я, и, пришедъ с войны, посла Новугороду и поя Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, мѣсяца маия въ 12, а приведена бысть июня въ 29. Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля.[586] Того же лѣта преставися Давыдъ Игоревичь, мѣсяца маия въ 25, и положено бысть тѣло его въ 29 въ церькви святыя Богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимѣра, мѣсяца ноября въ 3 день, положена бысть у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отець ея; ту бо ся бѣ и постьригла у церкви тоя, дѣвою сущи. Исходящю же сему лѣту, и поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову, игумена Печерьскаго, мѣсяца генваря въ 12 день, а посаженъ на столѣ въ 19. И радъ бѣ князь Давыдъ и княгини, бѣ бо ѣй отець духовный, и бояре, и вси людье радовахуся; бѣ бо пред нимъ епископъ боленъ и не моги служити, и лежа в болести лѣтъ 25; тѣмьже князь и людье жадаху епискуплѣ службѣ и радовахуся, славяще Бога. Сему же тако бывшю и братьи сущи безъ игумена, совокупившимся братьи всѣй, и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина, и възвистиша митрополиту и князю Святополку о немь. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью. И поставленъ бысть недѣлѣ Масленоѣ в четвергъ, мѣсяца февраля въ 9 день. И тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ.

В лѣто 6621. Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне, бысть видити всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Се же бывають знаменья не на добро; бывають знаменья въ солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но в которой любо землѣ аще будеть знаменье, то та земля и видить, и ина земля не видить. Тако се древле, во *дни* <…> Онтиоховы быша знаменья въ Ерусалимѣ, ключися являтися на въздуси на конихъ рыщуще во оружьи, и оружьемь двизанье, то се бяше въ Иерусолимѣ токмо, а по инымъ землямъ не бяше сего.[587] Якожь бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчю смерть. По семь бо приспѣ празникъ пасхы, и празьноваша, и по празницѣ разболися князь. А преставися благовѣрный князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день за Вышегородомъ. И привезоша̀и в лодьи Киеву, и спрятавше тѣло его, и възложиша на санѣ. И плакашеся по немь бояре и дружина его вся, пѣвше над нимь обычныя пѣсни, и положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же его много раздили богатьство монастыремъ и попомъ, и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такоя милости никтоже можеть створити. Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Се слышавъ, Володимеръ плакася велми и не поиде, жаляси по братѣ. Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зла уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь[588] твою и на бояры, и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ *имѣти*, княже, оже ти манастырѣ разъграбять». Се же слышавъ, Володимеръ поиде в Киевъ.

Начало княженья Володимѣря, сына Всеволожа. Володимеръ Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю. Усрѣтоша жѐи митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всими кияне с честью великою. Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и вси людье ради быша, и мятежь влеже.[589] Слышавше же половцѣ смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша къ Выры.[590] Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ, половцѣ же бѣжаша. Того же лѣта посади сына своего Святослава в Переяславлѣ, а Вячьслава у Смоленьскѣ. В се же лѣто преставися игуменья Лазорева манастыря, свята житьемь, мѣсяца семьтября въ 4 на десять день, живши лѣтъ шестьдесятъ в чернечествѣ, а от роженья девяносто лѣтъ и два. В се же лѣто поя Володимеръ за сына своего Романа Володаревну, мѣсяца семьтября въ 1 на десятъ день. В се же лѣто Мьстиславъ заложи церковь камяну святаго Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ.[591] Того же лѣта посади сына своего Ярополка в Переяславлѣ. Томъ же лѣтѣ поставиша епископа Данила Гургеву, а Бѣлугороду Никиту.

В лѣто 6622. Преставися Святославъ, сынъ Володимеръ, мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви святаго Михаила; ту бо отець ему далъ столъ, выведы̀ и *изъ* Смоленьска. В се же лѣто Мьстиславъ заложи Новъгородъ болий перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при князѣ Мьстиславѣ.

Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане, яко сдѣ есть: «Егда будеть туча велика, находять дѣти наши глазкы стекляныи, и малы и великыи, провертаны, а *другые* подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода», от нихъ же взяхъ боле ста, суть же различь.[592] Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: «Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь,[593] яко видивше сами на полунощныхъ странахъ: спаде туча, и в той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли. И пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли». Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкый и вси ладожане.

Аще ли кто сему вѣры не иметь, да *почтет* фронографа.[594] «Въ царство *Прово*, дожгьцю бывшю и тучи велиции, пшеница с водою многою смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша, а въ Африкѣи три камени спадоша превелици». И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ «поча царьствовати первое Местромъ от рода Хамова, по немь Еремия, по немь Феоста», иже и Соварога нарекоша египтяне. «Царствующю сему Феостѣ въ Египтѣ, въ время царства его спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и камениемъ бьяхуся. Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити говеющи, а иже прелюбы дѣющи, казнити повелѣваше. Сего ради прозваша̀ и богъ Сварогъ». «Преже бо сего жены блудяху к немуже хотяше, и бяху, акы *скотъ*, блудяще. Аще родяшеть дѣтищь, который ѣй любъ бываше, дашеть: “Се твое дѣтя”. Он же, створяше празнество, приимаше. Феость же сь законъ расыпа и въстави единому мюжю едину жену имѣти и женѣ за одинъ мужь посагати; аще ли кто переступить, да ввергуть̀ и в пещь огнену». «Сего ради прозваша и́ Сварогомъ и блажиша и́ египтяне. И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, егоже наричють Даждьбогъ, семъ тысящь и 400 и семъдесять дний, яко быти лѣтома двемадесятьмя ти полу. Нѣ видяху бо египтяне инии чисти; ови по лунѣ чтяху, а друзии деньми лѣта чтяху; двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнележе начаша человѣци дань давати царемъ. Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужь силенъ. Слышавше нѣ от кого жену нѣкую от египтянинъ богату и *в сану* сущю и нѣкоему, въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея, яти ю хотя. И не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа, поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть, нощью припаде на ню, не удоси мужа с нею, а ону обрѣте лежащю съ инѣмъ, с нимъже хотяше. Емъ же ю, и мучи, и пусти ю водити по земли в

коризнѣ, а того любодѣица всѣкну. И бысть чисто житье по всей земли Егупетьской, и хвалити начаша».[595] Но мы не *предолжимъ* слова, но рцѣмъ съ Давидомъ: «Вся елико въсхотѣ и створи Господь на небеси и на земли, в мори, въ всихъ безнахъ, възводяй облакы от послѣднихъ земли».[596] Се бо и бысть послѣдняя земля, о нейже сказахомъ первое.

В лѣто 6623, индикта 8. Съвъкупишася братья, русции князи, Володимеръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославлиць, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну на похвалу и честь телесема ею и на положение. Первое же освятиша церковь камяную мая въ 1 день, в суботу, наутрия же въ 2 день перенесоша святая. И бысть сборъ великъ, сшедшюся народу съ всихъ странъ, митрополитъ Микифоръ съ всими епископы: съ Фектистомъ черниговьскымъ, с Лазаремъ переяславьскымъ, с попомъ Никитою бѣлогородьскымъ и с Данилою гурьговьскымъ, и съ игумены: с Прохоромъ печерьскымъ, и съ Селивестромъ святаго Михаила, и Сава святаго Спаса, и Григорий святаго Андрѣя, Петръ кловьскый[597] и прочии игумени. И освятиша церковь каменую. И отпѣвшимъ имъ обѣдьнюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогыя и странъныя по 3 дни. И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболокошася у святительскыя ризы и свѣща *вожгоша* с кадѣлы благовоньными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша́и на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, черньцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, таже игумени, таже епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ. И не бѣ лзѣ вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху градъ и забрала, яко страшно бяше видити народа множество. И повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволокы, орници, бѣль розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба. Тѣмже образомъ и сего привезоша и поставиша у брата. Распри же бывши межи Володимеромъ, и Давыдомъ и Ольгомъ: Володимеру бо хотящю я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я в комару, «идеже отець мой назнаменалъ», на правой сторонѣ, идеже бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: «Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ». И вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой тряпезѣ, и выняся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша я в комару тою, на деснѣй странѣ, кде ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика маия въ вторый день из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ. Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста нужныя смерти. Тѣмже и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа, неискудно подаваета недужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему.

Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася кождо въсвояси. Володимеръ же окова рацѣ серебромъ и златомъ и украси гроба ею, такоже и комарѣ покова серебромъ и златомъ, имже покланяются людие, просяще прощения грѣхомъ.

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, егоже глаголють *невѣгласи* снѣдаемо солнце. В се же лѣто преставися Олегъ Святославличь, мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребенъ бысть у святаго Спаса, у гроба отца своего Святослава. Того же лѣта устрои мостъ чересъ Днѣпръ.

В лѣто 6624. Приходи Володимеръ на Глѣба, Глѣбъ бо бяше воевалъ дрѣговичи и Случескъ[598] пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголаше, укаряя`и. Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ *Мѣньску* съ сынъми своими и с Давыдомъ Святославичемъ и Олговичи. И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щитъ. А Володимеръ самъ поиде къ *Мѣньску*[599] и затворися Глѣбъ въ градѣ. Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узрившю, ужасеся сердцемь, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы. Володимеръ же съжалиси тѣмь, оже проливашеться кровь въ дьни постъныя великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же, вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омирѣвъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Желъди[600] дрьючаномъ, ихже бѣ полонилъ. В се же лѣто Мьстиславъ Володимеричь ходи на чюдь с новгородчи и со пьсковичи, и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа Глава, [601] и погостъ бе-щисла взяша, и възвратишася въсвояси съ многомъ полономъ. В се же лѣто иде Леонъ царевичь, зять Володимерь, на куръ *на* Олексия царя,[602] и вдася городовъ ему дунайскыхъ нѣколко, и въ *Дерьстрѣ* городѣ лестию убиста`и два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. В се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю. В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену красну велми, ясьскаго князя дщерь полонивъ. Томъ же лѣтѣ и Предъславна черница, Святославна, предъставися. Томъ же лѣте ходи Вячеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и не въспѣвше ничтоже, воротишася. В се же лѣто бишася с половци и с торкы и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи. В се же лѣто преставися Романъ Всеславичь. В се же лѣто преставися Мьстиславъ, внукъ Игоревъ.[603] Томъ же лѣтѣ Володимеръ отда дщерь свою Огафью за Всеволодка.

В лѣто 6625. Приведе Володимеръ Мьстислава из Новагорода, и дасть ему отець Бѣлъгородъ, а Новѣгородѣ сѣде Мьстиславичь, сынъ его, внукъ Володимеровъ.[604] В се же лѣто иде Володимеръ на Ярослава к Володимерю[605] и Давыдъ Ольговичь, и Володарь, и Василко и оступиша и́ у городѣ Володимери, и стояша дний шестьдесять, и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити, «когда тя позову». И тако в мирѣ разидошася кождо въсвояси.

Тогда же придоша половци къ болгаромъ, и высла имъ князь больгарьскый пити съ отравою, и пивъ Аепа и прочии князи, вси помроша. Семъ же лѣтѣ преставися Лазоръ, епископъ переяславьскый, семтября въ 6. Томъ же лѣтѣ придоша бѣловѣжьци в Русь. В се же лѣто поя Володимеръ за Андрѣя внуку Тугъртъканову. В се же лѣто потрясеся земля, семтября въ двадесять шестый. Того же лѣта *выведе* Глѣба из Мѣньска Володимеръ. И церковь заложи на Льтѣ мученику.[606] Володимеръ же посла сына Романа во Володимерь княжить. Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ.[607]

---

[1] *...черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго* — В *Х* после слова «черноризца» добавлено — «Нестера». Косвенное указание на создателя *ПВЛ* имеется также в Киево-Печерском патерике: в главе «О Никите Затворнике» упоминается «Нестеръ, иже написа лѣтописець». Слов «черноризца ...Печерьскаго» нет в *Л* и *Р*. Если считать, что чтение *И* (даже без уточнения, имеющегося только в *Х*) восходит к авторскому тексту, то оно является дополнительным указанием на причастность Нестора к созданию *ПВЛ*.

[2] *Яся въстокъ Симови...* — С этих слов начинается перечень земель, доставшихся каждому из сыновей Ноя. В *ПВЛ* он восходит не к Библии (ср.: Быт. 10, 10—12, 19 и 30), а в большей своей части к тексту хроники Амартола (см. с. 58—59).

[3] *Солиду* — все списки *ПВЛ* приводят это написание; в *Хронике Амартола* — «Еолиду».

[4] *Словене* — этот этноним добавлен в текст извлечения из *Хроники Амартола* летописцем.

[5] *...часть всякоя страны...* — В *Л* «всяческой страны», в *Хронике Амартола* также, вместо — «Асийскыя страны».

[6] *...до Понетьского моря...* — С этих слов начинается описание славянских земель, принадлежащее уже самому летописцу. Греки называли Черное море — Понт Евксинский, то есть «Море гостеприимное».

[7] *...Кавькасийскыя горы, рекше Угорьскыя...* — Речь идет о Карпатах, которые назывались «Кавказскими горами» в некоторых источниках XI—XII вв.

[8] *...чюдь и вси языцѣ ...либь.* — Чудь — предки эстонцев, пермь и печера — предки коми, меря — племя, обитавшее в районе Ростова Великого, мурома — племя, жившее в районе одноименного города, весь — вепсы, обитавшие между Ладожским и Белым озерами, заволочьская чудь обитала за волоками на Северной Двине, в бассейне реки Ваги и ее притоков. Ямь — предки финнов, угра — предки манси и хантов. Зимигола, корсь и летьгола — балтийские племена, давшие впоследствии названия областям Земгалия и Латгалия (ныне на территории Латвии), курши обитали южнее Рижского залива, ливы — по северному берегу Западной Двины.

[9] *Пруссы* — литовские племена, населявшие побережье Балтийского моря от Вислы до Немана.

[10] *Варяги* — скандинавские народы; варягами именовали также наемные дружины.

[11] *...до земли Агаряньски...* — В *Л* — «до землѣ Агнянски», то есть, по предположению, — до Англии.

[12] *...до Волошьскые.* — По предположению В. Д. Королюка, — до Италии.

[13] *Готы* — жители острова Готланд в Балтийском море.

[14] *Галичане* — значение этого термина спорно: жители Уэльса? Галлии? Галисии?

[15] *...волохове...*— В. Д. Королюк полагает, что летописец отличал древних римлян (волохов) от современных жителей Рима, Венеции и Генуи, именуя последних римлянами, венедиками, фрягами (*Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 174).

[16] *...корлязи...* — подданые каролингов?

[17] *Симъ же, и Хамъ ...хранимъ останокъ.* — Библейский рассказ (Быт. 11, 1—9) дополнен апокрифическими подробностями о разрушении столпа и его размерах. Сходный текст находится в *Хронике Амартола* (с. 57).

[18] *...норци...* — норики, жители одноименной римской провинции к югу от Дуная, между Ретией и Паннонией.

[19] *Хорутане* — предки сербов и словенцев.

[20] *Волохомъ бо ...насиляющимъ имъ.* — Представления летописца о римлянах, «покоривших дунайские славянские племена и принудивших их начать расселение из прародины», восходит, по мнению В. Д. Королюка, к великоморавской историографической традиции, пытавшейся установить связи славян с первыми апостолами (*Королюк.* Славяне и восточные романцы. С. 175).

[21] *...ляховѣ ...поморяне.* — Летописец упоминает польские племена: полян, обитавших в Малой Польше, мазовшан, живших между Вислой и Бугом, поморян — на южном побережье Балтики (см. о них: *Лециевич Л.* Летописные поморяне // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 133—138). Славянское племя лютичей населяло южный берег Балтийского моря между Эльбой и Одером.

[22] *Полота* — правый приток Западной Двины.

[23] *Семь* — Сейм, левый приток Десны. Область эта впоследствии именовалась Посемьем и принадлежала черниговским князьям.

[24] *Сула* — левый приток Днепра.

[25] *Северяне* — славянское племя.

[26] *...озеро великое Нево ...море Варяское.* — Реку Неву считали протоком, ведущим из озера Нево (Ладожского) в Балтийское море.

[27] *Оковский лес* — урочище на Валдайской возвышенности.

[28] *Море Хвалисское* — Каспийское море; хвалисы — жители Хорезма и само государство.

[29] *Якоже ркоша, Андрѣю ...Днѣпру горѣ.* — Л. Мюллер обратил внимание на то, что культ апостола Андрея получает распространение на Руси в 80-х гг. XI в. Только в списках Ипатьевской летописи содержится сообщение (в статье 1086 г.) о том, что Всеволод Ярославич заложил церковь апостола Андрея в Киеве; до 1089 г. церковь Андрея воздвигает в Переяславле Южном (Русском) митрополит Ефрем, имя Андрей получает сын Владимира Мономаха, родившийся в 1102 г. (это сообщение есть только в *И*!). Нет ли основания связывать это внимание редакции *ПВЛ*, отразившейся в Ипатьевской летописи, к культу апостола Андрея со вставкой и самого эпизода о путешествии апостола? Л. Мюллер, в частности, полагал, что возможно в каком-то храме апостола Андрея в день его памяти «выступивший с праздничной проповедью высказал предположение, а может быть и говорил, как о достоверном факте, что апостол Андрей ...зашел однажды в ту местность, где позднее был заложен Киев» (*Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 58). См. также: *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. М., 1974. С. 37—47.

[30] *...и будуть нази ...еле живы...* — В *Л* этот рассказ читается иначе: «и облѣются квасомъ усниянымь, и возмуть на ся прутье младое, бьют ся сами, и того ся добьють, егда влѣзуть ли живи и облѣются водою студеною, тако ожиуть» (Ср. *ПВЛ*. С. 12).

[31] *...не мытву себѣ, а мученье.* — В *Л* смысл противоположный: «мовенье собѣ, а не мученье». На это летописное разноречие стоит обратить внимание при толковании легенды.

[32] *Увоз Боричев.* — Боричев взвоз соединял центр Киева с Подолом (на берегу Днепра). Он проходил там же, где ныне — Андреевский спуск.

[33] *Створиша городокъ ...и наркоша и́ Киевъ.* — В современной науке существуют различные концепции о времени основания Киева. М. К. Каргер и И. П. Шаскольский относят возникновеиие города к IX—X вв. По мнению Б. А. Рыбакова, начало Киева следует связывать с деятельностью полянского князя Кия, княжившего в городке на Днепре, как полагает ученый, в конце V — первой половине VI в. (*Рыбаков Б. А.* Город Кия // *ВИ*, 1980. № 5). М. Ю. Брайчевський историю Киева начинает с поселений, существовавших на месте будущего города на рубеже новой эры (*Брайчевський М. Ю.* Коли і як виник Київ. Київ. 1963). Как указывает П. П. Толочко, «доказана заселенность горы Замковой и Старокиевской уже с конца V — начала VI в.» (Древний Киев. Киев. 1983. С. 29). По его же мнению, уже в «конце VI—VII вв. Киев являлся административно-политическим центром полянского союза племен» и в дальнейшем «рос и развивался за счет притока населения ...и уже в те времена имел межплеменной характер» (Там же. С. 29, 33). Однако остается неясным, почему этот межплеменной центр с многовековой историей еще в IX в. оставался небольшим по размерам и населению; существенное расширение пределов города и рост его населения начинается лишь при Владимире.

[34] *...при котором приходи цесари.* — Б. А. Рыбаков полагает, что Кий посетил Византию при императоре Анастасии (491—518 гг.) или Юстиниане (527—565 гг.), так как монеты именно этих императоров были найдены археологами на киевских горах. См. упомянутую выше его статью «Город Кия».

[35] *...на Ростовѣ озерѣ ...на Клещинѣ озерѣ...* — Речь идет об озерах Неро и Плещеево (в современной Ярославской области).

[36] *Си бо угри ...цесаря пѣрьскаго.* — Византийский император Ираклий в 627 г. одержал победу над персидским царем Хосровом II. Византийская хроника называет в числе союзников императора «угров», видимо тех, кого ПВЛ именует «уграми белыми» (см.: *Хроника Амартола*. С. 434).

[37] *Обры* — авары. Аварский каганат — объединение различных, по преимуществу тюркских племен — был создан в 60-х гг. VI в. Центром его была Паннония (территория современной Венгрии). Авары притесняли покоренные ими народы, воевали с Византией. В 626 г.

аварское войско было разгромлено под стенами Константинополя. В конце VIII в. каганат распался.

[38] *Дулебы* — славянское племя, входившее в объединение славян-антов. Впоследствии это имя носили племена, обитавшие на Волыни, в Чехии, на Среднем Дунае и в др. районах.

[39] *Печенеги* — союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дуная до Дона и постоянно совершали набеги на пограничные русские княжества.

[40] *...угри чернии...* — венгры. В IX в. они кочевали в степях Причерноморья между Днепром и Днестром (См.: *Перени Й.* Угры в «Повести временных лет» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 92—102).

[41] *Хорваты.* — Как полагают, здесь упомянуто восточнославянское племя: в прошлом это было «одно из антских племен, и этноним его восходит к периоду славянизации ирано-язычного населения в условиях черняховской культуры» (*Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 125). «Около 560 г. хорваты подвергались нападению авар, в результате которого значительные части этого праславянского племени переселились в Далмацию» (Там же). Другая часть хорват обитала впоследствии в малой Польше и Приднестровье. Упоминаемые в *ПВЛ* хорваты заселяли в основном Левобережье Днестра в верхнем его течении.

[42] *...уличи, тиверци ...по Днѣпру...* — В *Л* — «улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру» (*ПВЛ*. С. 14). Днепр в *И*, а также в *Р* и *М* назван, видимо, ошибочно. Тиверцы (от античного названия Днестра — Тирас) обитали в его бассейне, а уличи, вероятно, и в нижнем Поднепровье, граничa непосредственно с полянами (См.: *Седов.* Восточные славяне. С. 129—132).

[43] *Великая скуфь.* — В византийской историографии традиционно использовались восходящие еще к античности этнонимы — названия ранее обитавших на данной территории племен переносились на народы, заселявшие ее впоследствии (см.: *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // *Древнейшие государства*. 1980. М., 1982. С. 42—46).

[44] *Глаголеть Георгий в лѣтописьцѣ...* — Далее, до слов «прилѣжно въспитают», в *ПВЛ* обширная выписка из перевода Хроники Георгия Амартола (*Хроника Амартола*. С. 49—50). Текст *ПВЛ* имеет много искажений, которые частично исправляются по названному переводу.

[45] *...върахмане и островичи...* — У Амартола — «вактриане», жители Бактрии, государства в Средней Азии, ошибочно отождествлены с рахманами — легендарным народом, будто бы обитавшем на островах блаженных.

[46] *Халдеи* — семитское племя, обитавшее в южной части Месопотамии.

[47] *Гилии* — скифское племя, по античным представлениям обитавшее к юго-западу от Каспийского моря.

[48] *Амазонки* — легендарный народ женщин-воительниц, о котором рассказывали античные, а затем и средневековые авторы.

[49] *И наидоша я козаре...* — Хазары — тюркская народность, этнически близкая к прото-болгарам. В середине VII в. на территории Дагестана, Прикубанья и приазовских степей возникло государственное образование — Хазарский каганат. В *ПВЛ* о «хазарской дани» сохранилось лишь полулегендарное предание, а также поздние сведения о том, как киевский князь Олег освобождал от уплаты этой дани племена северян и радимичей (см. статьи 884 и 885 г.). Подробнее о русско-хазарских отношениях см.: *Новосельцев*. Хазарское государство. С. 196—231 и др.

[50] *Яко и при фараонѣ ...работающе имъ.* — Пересказ библейского текста (Исход. 1, 10) с апокрифическими добавлениями: в Библии не говорится о встрече младенца Моисея с фараоном и о пророчестве египетских вельмож.

[51] *В лѣто 6360, индикта 15...* —Летоисчисление на Руси после принятия христианства велось «от сотворения мира». Индикт — пятнадцатилетний цикл, применявшийся в византийском летоисчислении.

[52] *...наченшю Михаилу цесарьствовати...* — Византийский император Михаил III вступил на престол в 842, а не в 852 г.

[53] *...от Адама ...лѣт 542.* — В этой хронологической выкладке упоминаются библейские персонажи: первый человек Адам, праотец Авраам, Моисей, возглавивший «исход» евреев из Египта, а также исторические деятели и события: цари Израильско-Иудейского царства Давид (1004—965 гг. до н. э.) и его сын Соломон (965—928 гг. до н. э.), завоевание Иерусалима Навуходоносором (597 г. до н. э.), Александр Македонский (336—323 гг. до н. э.), римский император Константин Великий (306—337 гг.), Михаил III, византийский император (842—867 гг.). Как видим, расчеты источника (им был, как полагают, «Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) весьма неточны.

[54] *...до смерти Святополчи лѣт 60.* — Святополк Изяславич умер в 1113 г. Следовательно, эта часть *ПВЛ* не могла быть написана ранее этого времени. В *И* ошибочно «Ярополчи» вместо «Святополчи».

[55] *Цесарь же крести ...съ болгары.* — Принятие христианства болгарским царем Борисом датируется 865—866 гг. Ошибка летописца (858 вместо 866 г.) объясняется, вероятно, следованием за болгарским источником, в котором летоисчисление велось по «александрийской

системе», отличавшейся от принятой в Византии и на Руси на 8 лет. См.: *Зыков Э. Г.* Известия о Болгарии в «Повести временных лет» и их источник // *ТОДРЛ*. Л., 1969. Т. 24. С. 49.

[56] *...на всѣхъ, кривичахъ.* — В этом и других случаях переписчики поняли этноним «весь» (вепсы) как местоимение.

[57] *...по бѣлѣ и вѣверици....* — Это чтение вызывало споры: идет ли речь о «бѣлѣ» и «вѣверице», т. е. о серебряной монете и беличьей шкуре, или же их следует читать «по бѣлѣй вѣверице» — т. е. по зимней шкурке белки. Обоснование первого варианта см.: *Лихачев*. Комментарии. С. 233.

[58] *Сице бо звахутъ ты варягы ...тако и си.* — В науке не прекращаются споры о том, насколько соответствует действительности объяснение летописца, что «русь» — это название одного из скандинавских народов. См., например: *Горский А. А.* Проблема происхождения названия русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. N 3. С. 131—136. См. также: *Трубачев О. Н.* Русь, Россия // Русская речь. 1987. № 3. С. 131—134.

[59] *И сѣде старѣший в Ладозѣ Рюрикъ ...въ Изборьсцѣ.* — В *Л* город, в котором обосновался Рюрик, не назван, в *М* — «седе Новегородѣ». В *И* и в *Р* местом княжения Рюрика названа Ладога. Исследования последних лет позволяют допустить такую последовательность событий: в IX в. варяги (Рюрик) были приглашены в Ладогу (или захватили ее); затем Рюрик перенес свою резиденцию в Городище (так называемое Рюриково городище) — укрепленное славянское поселение на правом берегу Волхова, выше Новгорода по течению. Сам Новгород возник позднее: новгородская крепость («детинец») построена около 1044 г. Княжеская же резиденция была перенесена в начале XI в. на противоположный, правый берег Волхова, на Торговую сторону («Ярославово дворище»), но в XII в. князь вновь перебрался в Городище. Таким образом Новгород как укрепленный городской центр возникает лишь в середине XI в., хотя славянские поселения (особенно на северо-западном берегу озера Ильмень и в междуречьи Волхова и Веряжи) существовали здесь ранее, по крайней мере с середины IX в. (См.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170—205).

Что же касается самого приглашения варяжского князя с дружиной, то оно вполне могло иметь место, но летописец интерпретировал его, исходя из своего стремления узаконить права династии Рюриковичей. В действительности же пришельцы должны были, вероятно, лишь выполнять функции воинов-наемников — оберегать пригласивших их славян от внешних нападений, в том числе и от набегов своих соплеменников. Но затем варягам удалось захватить власть, оттеснив местных старейшин. Однако то, что первые князья династии Рюриковичей этнически были варягами, отнюдь не означает, что варягами и была создана русская государственность: варяжская правящая верхушка приняла уклад жизни славянского населения, его обычаи и верования. Характерно, что варягов и впоследствии продолжают приглашать как воинов-наемников. Утверждение, что

Рюрик явился на Русь с двумя братьями, вероятно, легендарно (см. прим. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина в кн.: *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 275).

[60] *...мы сѣдимъ род ихъ...* — Исправлено по *Л*, в *И* ошибочно «въ городѣ ихъ». «Род» — «родичи, потомки». То, что легенда подчеркивает непосредственную связь между Кием и его братьями и киевлянами IX в., как кажется, свидетельствует о том, что в представлении летописца время основания города не отстояло далеко от описываемых событий.

[61] *Иде Асколдъ и Диръ ...Михаила цесаря.* — Поход на Византию имел место в 860, а не в 866 г. Кто был его предводителем, не ясно: в Начальном своде в сообщении о походе русичей Аскольд и Дир не упоминаются (*Новг. перв. лет.* С. 105), впервые они называются воеводами в *ПВЛ*. Не знали имен русских военачальников и византийские историки, хотя само событие упоминается в ряде источников. Русских преданий о походе, видимо, не сохранилось: летописи воспроизводят сообщение *Хроники Амартола* (см. с. 511), Начальный свод — через посредство «Хронографа по великому изложению», составленному на основе *Хроники Амартола* (См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // *ТОДРЛ*. Л., 1976. Т. 30. С. 11—15).

[62] *Агаряне* — название мусульманских народов. Оно восходит к представлениям о происхождении их от Агари — наложницы библейского праотца Авраама. Сын Агари звался Измаил, отсюда и другое название мусульман — измаилтяне. В данном случае речь идет о войне византийцев с арабами.

[63] *Черная река* — река Мавропотам, впадающая в Эгейское море.

[64] *Эпарх* — в данном случае — глава городской администрации.

[65] *Суд* — залив Золотой Рог, на юго-западном берегу которого расположен Константинополь. Во время войн залив перегораживался массивной цепью, препятствовавшей проникновению вражеских судов.

[66] *Фотий* — константинопольский патриарх в 858—867 гг. С его именем связывают предание о крещении какой-то части русов; некоторые исследователи без достаточных оснований связывали это крещение с походом Аскольда и Дира (См.: *Творогов О. В.* Сколько раз Аскольд и Дир ходили на Константинополь? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54—59).

[67] *...церкви святий Богородици Вълахерни ...омочиша.* — Церковь находилась в районе Константинополя, примыкавшем к заливу Золотой Рог; раку с ризой Богородицы во время нашествия русичей перенесли в храм святой Софии.

[68] *...абье буря с вѣтром въста...* — В византийской историографии существуют две версии избавления столицы: согласно одной

(отразившейся в Хронике Амартола), русский флот разметала буря, согласно другой — русичи сняли осаду и ушли неотомщенными (см.: *Сахаров. Дипломатия Древней Руси*. С. 48—59).

[69] *Василий I Македонянин* — византийский император в 867—886 гг.

[70] *Крещена ...земля Болгарьская.* — См. сноску 55.

[71] *Умѣршю же Рюрикови ...молодъ велми.* — Это сообщение крайне сомнительно. Некоторые источники начинают династию киевских князей непосредственно с Игоря. Если допустить, что Олег был регентом при малолетнем Игоре, то недееспособность последнего растянется на три десятилетия, что трудно объяснимо. Вероятнее всего, что Олег был самостоятельным князем, а наследовавший ему Игорь не был сыном Рюрика.

[72] *Любеч* — город на Днепре, к северо-западу от Чернигова. Д. С. Лихачев допускает, что сообщение о взятии Любеча Олегом вставлено летописцем задним числом, исходя из упоминания города в договоре Олега с Византией (Комментарии. С. 250—251).

[73] *...за святою Ориною.* — Имеется в виду церковь, возведенная при Ярославе Мудром в честь святой покровительницы его жены Ингигерды, получившей на Руси имя Ирины.

[74] *И вдаша Олгови по щелягу...* — Д. С. Лихачев полагает, что «сбор дани с радимичей и вятичей польской монетой “щелягом”, очевидно, домысел летописца» (*Лихачев. Комментарии*. С. 254), так как о хождении таких монет у названных племен нет сведений.

[75] *Леонъ царствова ...лѣт 26.* — Говорится о византийских императорах: Льве VI (886—912 гг.) и его брате, соправителе и преемнике — Александре (912—913 гг.).

[76] *Сѣдяху бо ту преже ...землю Волыньскую.* — В *И* ошибка: правильнее читается в *Л*, где — «землю словеньску». Летописец хочет сказать, что на землях, где в его время располагалась Венгрия, прежде жили славяне и «волохи», т. е. романизированное население Паннонии. Сведения о последнем могли прийти на Русь как из «венгерской, так и из собственно славянской центрально-европейской среды» (*Королюк*. Славяне и восточные романцы. С. 183). Исследователь полагает, что помещение статьи под 898 г. может быть связано с итальянским походом венгров 899 г. Появились венгры на Дунае еще в 839 г., а их переселение в Паннонию состоялось не ранее 892 г.

[77] *Селунь* — Фессалоника — второй по значению после Константинополя городв Византии (на северном побережье Эгейского моря), ныне — Салоники.

[78] *Бѣ бо единъ языкъ словѣнѣскъ...* — Как полагают, от этих слов и до конца статьи — извлечение из «Сказания о начале славянской грамоты», одним из источников которого было Житие Мефодия (См.:

Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1940. Т. 4. С. 80—92).

[79] *...пѣрвѣе положены...* — Чтение ошибочно, следует читать как в *Л* — «преложены», то есть переведены.

[80] *Ростислав* — князь Великоморавского государства (846—870 гг.), *Святополк* (870—894 гг.) — его преемник. *Коцел* — князь Блатенского княжества (в районе озера Балатон). Посольство в Византию было послано одним Ростиславом в 863 г.

[81] *...Мефедья и Костянтина.* — Константин, в монашестве Кирилл (826/828—869/870) и его брат Мефодий (ок. 815—885) — создатели славянской грамоты и первые переводчики книг Священного писания и богослужебных книг на славянский язык.

[82] *Октоих* — богослужебная книга, содержащая церковные песнопения. В течение недели они исполнялись в одной тональности, на один «глас»; всего в октоихе таких гласов восемь, отсюда и название книги, которое в переводе с греческого значит «осьмогласник» (такой термин известен в древнерусской книжности).

[83] *...по Пилатову писанию, еже на крестѣ Господни написа.* — Согласно Евангелию (Лк. 23, 38), надпись на кресте — «Се есть Иисус, царь иудейский» — была воспроизведена по-гречески, по-латыни и по-еврейски.

[84] *...папежъ римьскый...* — Римский папа Адриан II (867—872 гг.) в 869 г. издал буллу, согласно которой разрешалось богослужение на славянском языке. Об этом сообщается в 8 главе Жития Мефодия.

[85] *Да ся исполнит книжное слово ...церковнаго...* — Это фрагмент из Жития Мефодия (главы 8). Входящие в его состав цитаты — свободное переложение из Псалтири (85, 9) и Деян. (2, 4).

[86] *...посади 2 попа ...дающему таку благодать...* — Извлечение из 15 главы Жития Мефодия.

[87] *Леонъ цесарь ная ...въ Деръстеръ убѣжа.* — Эти события происходили в 893 г. *Симеон* — болгарский царь (893—927 гг.). С его именем связывают расцвет болгарской книжной культуры; для него был переведен и сборник святоотеческой литературы, список с которого известен на Руси как Изборник Святослава 1073 г.

[88] *Иде Олегъ на Грѣкы, Игоря оставивъ Кыевѣ.* — Некоторые ученые считают поход 907 г. историографической легендой, ссылаясь на отсутствие сведений о нем в византийских источниках (См. например: *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *ВВ.* 1988. Т. 49. С. 112—118), но тексты договоров с греками свидетельствуют, что поход все же имел место. Другая проблема состоит в характере соотношения между собой договоров с Византией, включенных в *ПВЛ* под 907 и 911 гг. См. об этом: *Сахаров.*

Дипломатия Древней Руси. С. 84—89. Анализ текста договоров см. там же (с. 104—124 и 165—180), а также: *Лихачев. Комментарии*. С. 272—280.

[89] *Толковины* — по мнению некоторых ученых, это переводчики, толмачи. А. С. Сахаров полагает, что «толковины» — союзники. См.: *Дипломатия Древней Руси*. С. 98—100.

[90] *Великая скуфь* — см. сноску 43.

[91] *...въставити корабля на колеса.* — Иногда это сообщение считают эпическим вымыслом. Однако если Олег действительно перетащил корабли через узкий перешеек в залив Золотой Рог, то воины могли использовать «колеса» — катки, которыми обычно пользовались при переправе судов через волоки. При попутном ветре распущенные паруса могли, разумеется, оказать помощь волочившим лодки людям.

[92] *...святый Дмитрий.* — Приписываемое летописцем грекам сравнение Олега с Дмитрием Солунским отражает, думается, популярность этого святого на Руси. В XI в. Дмитрий считался небесным патроном Изяслава Ярославича, существовал Дмитровский монастырь и т. д. В Византии же Дмитрий почитался как покровитель Солуни, и сравнение с ним вождя враждебных русичей весьма странно.

[93] *Волос* (*Велес*) — бог скота (домашних животных) и бог богатства.

[94] *И повѣсиша щиты своя...* — В *Р* — «и повѣси щит свой», то есть речь идет об одном Олеге, что естественней. О древнем обычае (у болгар, норманнов) вешать щит на воротах города в знак примирения см.: *Сахаров А. Н.* «Мы от рода русского...». Л., 1986. С. 112—113.

[95] *Явися звѣзда ...копейнымъ образомъ.* — Речь идет о комете Галлея, приближавшейся к Земле в июле 912 г.

[96] *Равно другаго свѣщания...* — А. Н. Сахаров считает, что смысл этих слов — указание на соответствие текста договора предварительным переговорам о мире (*Сахаров. Дипломатия Древней Руси*. С. 134—146).

[97] *...от буря, или боронения земнаго боронима...* — Смысл этих слов неясен, перевод отражает одно из возможных толкований.

[98] *...кому будеть писалъ ...да наслѣдит е.* — Эта статья свидетельствует, что на Руси существовала практика составления письменных завещаний и, следовательно, были грамотные люди уже в начале X в.

[99] *...сътворихом Ивановомъ написанием...* — Полагают, что речь идет об Иване (Иоанне) — писце или переводчике договора.

[100] *...в недѣлю 15...* — В *И* ошибка, следует читать как в *Л* — «индикта 15».

[101] *Паволока* — шелковая ткань, *фофудья* — восточная золототканная материя.

[102] *...страсти Господни, вѣнѣць, и гвоздье...* — Имеются в виду христианские святыни: гвозди с креста, на котором был распят Христос, и терновый венец. Об их находке Еленой, матерью императора Константина Великого, упоминает паломник Даниил: «...святаа Елена налѣзла честный крестъ, гвоздия, и вѣнець...» (см.: наст. изд., т. 4). В «Хожении» Антония (начало XIII в.) также упоминается, что паломник видел в царских палатах «крест честный, венец, губу, гвозди».

[103] *Кудесник* — финно-угорский шаман. Комментарий к этому преданию см.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 358—361.

[104] *...словеть могила Олгова.* — О смерти Олега и о месте его погребения составитель Начального свода имел другие сведения: он считал, что Олег похоронен в Ладоге, а версию о смерти от укуса змеи дает с оговоркой: «Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре» (*Новг. перв. лет.* С. 109).

[105] *...сбывается чародѣйством.* — Фрагмент «Якоже бысть во царство ...Не чюдесы прельщати» — извлечение из *Хроники Амартола* (см. с 304—306).

[106] *...Аполоня Тянинъ* — искаженное написание имени Аполлония Тианского — философа и чародея, жившего во время правления римского императора Домициана (81—96 гг.).

[107] *Антиохия* — город в северной части современной Сирии на берегу реки Оронт (см. ниже: «при березѣ си Оронтии»). В античности и раннем средневековье Антиохия была одним из крупнейших городов Средиземноморья.

[108] *...Анастасий Божия города...* — «Божьим градом» называли Антиохию; Анастасий — почитаемый в Византии богослов Анастасий Синаит.

[109] *...Валамъ, и Саулъ ...сынове Скевави.* — Прорицатель Валаам (Чис. Гл. 22—24 и 29). Первый израильский царь Саул (1 Цар. Гл. 9—31), первосвященник Каиафа (Ио. Гл. 11 и 18), сыновья первосвященника Скевы (Деян. 19, 14). Какого Иуду имеет в виду Амартол — неясно.

[110] *И Навходъносоръ ...посредѣ же града откры...* — Вавилонский царь Навуходоносор II (605—562 г. до н. э.), согласно библейской книге Даниила (Дан., гл. 2), видел вещий сон, истолкованный ему пророком Даниилом. В *И* текст испорчен, у Амартола: «...послѣжде пакы мнозѣхъ сущихъ родъ откры». Соответственно этому тексту и сделан перевод.

[111] *Симон* — фнлософ-гностик I в. н. э. Он упоминается в апокрифическом «Прении апостола Петра с Симоном волхвом»: Симон, как и Петр, творит чудеса, возносится на воздух, но по молитве Петра,

поддерживавшие его духи оказываются бессильны, Симон падает на землю и гибнет.

[112] *Менандр* — чародей, живший во времена римского императора Траяна (98—117 гг.).

[113] *...Костянтинъ, сынъ Леонтовъ, зять Романовъ* — Константин VII Багрянородный — византийский император (913—959 гг.); единоличным правителем он стал лишь после смерти своего тестя и соправителя Романа (920—944 гг.).

[114] *...деревлянѣ заратишася...* — В *Л* и *Р* — «затворишася»; судя по управлению («от Игоря») это чтение первично и верно; соответственно сделан и перевод.

[115] *В си же времена приде Семеонъ, плѣняя Фракию.* — Речь идет о войне болгарского царя Симеона сВизантией в 913—917 гг.

[116] *Семеонъ же прия градъ ...Ондрѣянем градом.* — Эта статья *ПВЛ* — пересказ *Хроники Амартола* (см. С. 545—546). Адрианополь именовался прежде Орестий, по имени Ореста, сына Агамемнона (героя Троянского эпоса). Город был перестроен и укреплен римским императором Адрианом (117—138 гг.).

[117] *Прииде Семеонъ на Цесарьград ...възвратися въсвояси.* — Из *Хроники Амартола* (С. 557—559).

[118] *Пѣрвое придоша угри ...миръ со угры.* — См.: *Хроника Амартола*, с. 556.

[119] *Иде Игорь на Грѣкы.* — Рассказ летописца построен в основном на переводных источниках: византийском Житии Василия Нового и Хронике Амартола (см. С. 567). Текстуальное сопоставление с ними летописного текста см.: *Лихачев. Комментарии*. С. 284—286. В Начальном своде извлечение из Амартола было полнее: этот текст отразился, например, в Новгородской четвертой летописи (См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // *ТОДРЛ*. Л., 1974. Т. 28. С. 108—113).

[120] *Скедия* — греческий термин, обозначавший наскоро построенную лодку. Возможно, в его употреблении отразилось пренебрежительное отношение византийцев к «варварам» —русичам.

[121] *...и почаша воевати ...пополониша.* — Нападению подверглись византийские провинции на северо-западе полуострова Малая Азия и города Никомидия и Гераклея.

[122] *...другия же сторожи поставьляюще...* — Текст испорчен; в переводе Амартола — «аки стража», в греческом тексте — «скопос», слово имеющее значение и «сторож» и «цель».

[123] *...Панфиръ деместникъ ...съ фракы...* — Упоминаются византийские военачальники: Панфирий — командующий войсками империи, Варда Фока — полководец и командующий флотом Феофан.

[124] *...пущати огнь трубами на лодья рускыя.* — Византийские корабли были оснащены сифонами, из которых выбрасывалась струей горящая смесь смолы, серы, селитры и нефти.

[125] *Петр* — болгарский царь (927—969 гг.).

[126] *В се же лѣто родися Святославъ у Игоря.* — Это сообщение отсутствует в *Л* и *Р*.

[127] *...при цесари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ ...* — Соправители Романа, его сыновья Константин и Стефан, свергли отца в декабре 944 г. Следовательно, договор был подписан до этого времени.

[128] *...Воистовъ Иковъ...* — В *Л* — «Воиковъ». Чтение спорно, отождествление с варяжскими именами в данном случае не удается; возможно чтение — «Воистъ Воиковъ».

[129] *...князь вашъ ...царству нашему...* — При переводе текста договора на русский язык переводчик иногда забывал заменять местоимение «ваш» (по отношению к русской стороне) на «наш» и наоборот. В наст. издании эти ошибки исправляются нами по смыслу.

[130] *О Корсуньсций сторонѣ.* — Центром греческой (а с IV в. — византийской) колонии на южном берегу Крыма был город Херсонес (Корсунь), находившийся в границах современного Севастополя.

[131] *Кувара* — грецизм со значением «морское судно».

[132] *...у святаго Елеуфѣрья...* — Остров святого Еферия обычно отождествлялся с островом Березань, находящемся близ устья Днепра. Недавно выдвинуто предположение, что имеется в виду западная часть Кинбурнского полуострова, ограничивающего с юга Днепровский лиман, которая в древности была островом (*Погорелая В. В.* Остров св. Эферия // *Древнейшие государства*. 1984. М., 1985. С. 188—198).

[133] *...а хрестьяную русь водиша въ церковь святаго Ильи, яже есть надъ Ручьемъ, конѣць Пасыньцѣ бесѣды, и козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестьяни.* — А. А. Шахматов предложил осуществить перестановку слов и конец фразы читать иначе: «...мнози бо бѣша варязи и козарѣ христьяни» (Повесть временных лет. СПб., 1916. С. 61).

[134] *И приспѣ осень ...болшюю дань.* — Игорь отправился в полюдье — ежегодный осенний обход князем и его дружиной подвластных племен, где местные князья уже подготавливали для киевского князя собранную дань. О полюдье упоминает в своем сочинении византийский император Константин Багрянородный (См.: «Об

управлении империей» // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 273).

[135] *Отроци Свѣнделжи...* — Отроки — младшая (по положению и в значительной степени по возрасту) дружина князя, его вооруженная охрана и слуги. В данном случае говорится об отроках княжеского воеводы Свенельда (в *И* он именуется Свендел).

[136] *Искоростень* — столица древлян; ее отождествляют с городом Коростень Житомирской области Украины.

[137] *...убиша Игоря...* — Византийский историк Лев Диакон сообщает, что Игорь «был взят ...в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (*Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 57). Следует учесть, что пишущий располагал косвенными данными: он назвал древлян — германцами (!!) — и писал спустя сорок лет после гибели Игоря.

[138] *...дворъ демесниковъ...* — Деместик — руководитель церковного хора.

[139] *Сустога* — значение этого термина неясно.

[140] *А Ольга възвратися ...на прокъ ихъ.* — Как показали исследователи (См., например: *Лихачев. Комментарии*. С. 297—301; *Рыбаков*. Язычество Древней Руси. С. 365—376), три мести Ольги как бы воспроизводят три элемента языческого погребального обряда: покойника несли в ладье, затем сжигали, во время тризны совершались ритуальные военные игры.

[141] *...суну копьемъ ...велми дѣтескъ.* — По обычаю бой начинал сам князь. Ребенок Святослав также мечет копье в сторону неприятеля; брошенное детской рукой оно падает в ноги княжеского коня, но ритуал соблюден, и битва начинается.

[142] *И побѣдиша деревьляны.* — Как установил еще А. А. Шахматов, в Начальном своде после этих слов следует: «И възложи на ня дань тяжку ...» (ср. *Новг. перв. лет.* С. 113). Таким образом, рассказ о четвертой мести Ольги — взятии Искоростеня — появляется только в *ПВЛ*. Он явно разрушает отмеченную выше символическую «триаду».

[143] *Вышгород* — городок в 15—16 км от Киева, выше по течению Днепра.

[144] *Погосты* — центры, в которых осуществлялся сбор княжеской дани.

[145] *Иде Олга въ Грѣкы и приде к Цесарюграду.* — В сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» описан прием Ольги в Константинополе. 9 сентября ее принял император в Магнавре — тронном зале дворца, а затем — императрица Елена. Потом княгиня была приглашена во внутренние покои императрицы, куда явился и Константин с детьми. В честь Ольги был

дан обед. Г. Г. Литаврин выдвинул гипотезу, что описанный прием состоялся не в 957 г., как считалось ранее, а в 946 г. Второй раз Ольга, по мнению Литаврина, посетила Константинополь в 954/955 г.; она была принята с большими почестями, так как Византия нуждалась в русской военной помощи. Именно во время этой поездки Ольга крестилась и была наречена «дочерью» императора (*Литаврин Г. Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Олыи // Древнейшие государства. 1985. М., 1986. С. 49—57). Иную точку зрения высказывает А. В. Назаренко (Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь // *ВВ*, 1989. Т. 50. С. 63—83). По мнению Д. Оболенского (К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 36—47), Ольга крестилась не в Константинополе, а в Киеве после возвращения из Византии.

[146] *...якоже съхрани Еноха ...Данила от звѣрий.* — Приводятся аналогии из Библии и апокрифов: по апокрифическому преданию праведный Енох был взят живым на небо, Ной спасся от потопа в ковчеге (Быт. Гл. 6—9), ангелы спасли жизнь Лоту (Быт. Гл. 19), герарский царь Авимелех примирился с Авраамом (Быт. Гл. 20), неудачей кончилась попытка царя Саула убить Давида (1 Цар. Гл. 18—19), три отрока, брошенные в горящую печь, остались невредимыми (Дан. Гл. 3), пророка Даниила не тронули голодные львы (Там же. Гл. 6).

[147] *...при Соломони приде цесарица ...и зънамения...* — О посещении Соломона царицей Савской (Сава — область Эфиопии) рассказывается в Библии (3 Цар. 10, 1—13).

[148] *Ищющи бо премудрости обрящют.* — Притч. 8, 17.

[149] *Премудрость ...по пьравду.* — Там же. 1, 20—22.

[150] *Желанье благовѣрныхъ наслажаеть душю.* — Там же. 13, 19.

[151] *Приложиши сердце свое в разумъ.* — Там же. 2, 2.

[152] *Азъ бо любящая ...обрящють мя.* — Там же. 8, 17.

[153] *Приходящаго ...не иждену вонъ.* — Ио. 6, 37.

[154] *Невѣрнымъ ...уродьство есть.* — 1 Кор. 1, 18.

[155] *Не смышлиша ...въ тмѣ ходящии.* — Пс. 81, 5.

[156] *Одобелѣша бо сердца ...очима видѣти.* — Ис. 6, 10.

[157] *Дѣла нечестивых далече от разума.* — Притч. 13, 20(?)

[158] *Понеже звахъ вы ...не внимасте.* — Там же. 1, 24—25.

[159] *Възненавидѣша бо ...моя обличения.* — Там же. 1, 29—30.

[160] *Аще кто отца ...да умреть.* — Лев. 20, 9.

[161] *Кажа злыя ...възненавидять тебе.* — Притч. 9, 7—8.

[162] *Князю Святославу възрастьшю ...на вы ити.* — Византийский историк Лев Диакон описывает внешность Святослава: «...умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга, она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой» (*Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 82). Однако комментаторы отмечают, что Лев «возможно, правильно — по рассказам очевидцев — рисует наружность Святослава, но повествование его не вызывает доверия из-за особого пристрастия подражать древним авторам. В данном случае ...описание наружности Святослава напоминает описание Приском Аттилы» (Там же. С. 214).

[163] *Белая Вежа* — хазарская крепость Саркел, стены которой были сложены из кирпича. Во время этого похода, более подробные сведения о котором сохранились в восточных источниках, Святослав (по мнению А. П. Новосельцева и вопреки существовавшим ранее представлениям) захватил Белую Вежу и воевал в западных районах Хазарского каганата. Целью его похода было завоевание Тьмуторокани и освобождение от хазарской дани вятичей. В 968—969 гг. был совершен второй поход (быть может без личного участия Святослава), во время которого были разрушены Атиль (в устье Волги) и Самандар (в Дагестане). Именно этот поход и предопределил скорое крушение каганата (*Новосельцев. Хазарское государство*. С. 230—231).

[164] *Иде Святославъ на Дунай на Болъгары.* — Поход на Дунай в 967 г. был, вероятно, осуществлен с согласия византийского императора Никифора Фоки (963—969 гг.). Но когда обосновавшийся в Переяславце (на Дунае) Святослав добился возобновления уплаты Византией дани, отношение империи к русичам изменилось — весной 970 г. между ними начинается война.

[165] *...умьчимъ на сю страну, и люди.* — Слов «и люди» в *Л* и *Р* нет, вероятно, в *И* текст испорчен.

[166] *Похваляему правѣдному възвеселятся людье.* — Притч. 29, 2.

[167] *Прославляюща мя прославлю.* — 1 Цар. 2, 30.

[168] *В память вѣчную ...не подвижится.* — Пс. 111, 6—8.

[169] *Праведници въ вѣкы живуть... покрыеть я.* — Прем. 5, 15—16.

[170] *..милостьницѣ Ольжины...* — Милостники — наиболее доверенные приближенные, слуги.

[171] *...суть бо грѣци мудри...* — В *Л* — «суть бо грьци льстивы»; это чтение более соответствует смыслу.

[172] *И поиде Святославъ, воюя, къ городу...* — Святослав, одолев в битве прославленного византийского полководца патрикия Петра (эта битва и описана в *ПВЛ*), двинулся к Константинополю (он именуется просто «город»), но другой русский отряд был остановлен и разбит под Аркадиополем, в 150 км от столицы, Вардой Склиром. Это поражение и побудило Святослава начать переговоры с византийцами (См.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991. С. 146—150).

[173] *Равно другаго свѣщания...* — А. Н. Сахаров считает, что смысл этих слов — указание на соответствие текста договора предварительным переговорам о мире (*Сахаров*. Дипломатия Древней Руси. С. 134—146). Дипломатическую оценку этого договора см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. С. 178—198.

[174] *Иоанн Цимисхий* — византийский император (969—976 гг.). Он был женат на дочери Константина Багрянородного — Феодоре, ее племянники — Василий и Константин, сыновья Романа II, являлись его соправителями.

[175] *...съ всякымъ и великымъ цесаремъ ...* — Исследователи полагают, что «всякымъ» — описка вместо имени императора, но А. Н. Сахаров считает, что речь идет о намерении заключить с греками как бы «вечный мир» (Дипломатия Святослава. С. 193).

[176] *...да будем золотѣ, якоже золото се...* — В *Л* «будемъ колоти». Возможно, это не описка, а первоначальное чтение, и речь идет о каком-то ритуальном обряде «прокалывания золота»: ведь, принося клятву, русичи «покладоша оружья своя, и щиты и золото», как говорится в статье 945 г. Так полагал и В. М. Истрин (см. его статью «Договоры русских с греками X века» в Т. 29 *ИОРЯС*. С. 390).

[177] *Слышавше же печенѣзи се, заступиша порогы.* — Одним из условий договора Святослава с греками было требование, чтобы византийцы гарантировали беспрепятственное возвращение русичей в Киев. Однако печенеги отказались дать византийцам эти гарантии, а византийцы не сообщили об отказе Святославу.

[178] *Вручий* — Овруч, город на севере современной Житомирской области на Украине.

[179] *Не хощю розути Володимера...* — В *Л* ответ Рогнеды более резкий: «не хочю розути робичича» — намек на происхождение княжича от Малуши, ключницы княгини Ольги. Разувание мужа — элемент свадебного обряда.

[180] *Дорогожич* — урочище между Киевом и Вышгородом.

[181] *Ядый хлѣбъ ...на мя лѣсть.*— Пс. 40, 10.

[182] *Языкы своими ...Господи.* — Там же. 5, 10—11.

[183] *Мужи крови ...дний своих.* — Там же. 54, 24. Следует «крови и льсти».

[184] *Рось* — правый приток Днепра, впадающий в него южнее Киева. По реке проходила граница русских княжеств со Степью.

[185] *...Перуна деревяна ...Мокошь.* — В 1975 г. украинские археологи обнаружили на Старо-киевской горе постаменты языческих идолов: Перуна (бога грозы, покровителя князей и дружины), Хорса (божества солнца и светила), Даждьбога (божества света и подателя благ), Мокоши (богини земли и плодородия). Изображение Семаргла — крылатого пса, божества семян, ростков и корней, охранителя посевов, могло представлять собой, как предполагает Б. А. Рыбаков, рельеф при идоле Мокоши. (См.: *Рыбаков.* Язычество Древней Руси. С. 412—445).

[186] *...женъ 700, а наложьниць 300.* — Об этом говорится в Библии: 3 Цар. 11, 3.

[187] *Велий бо Господь ...нѣсть числа!* — Пс. 146, 5.

[188] *Не внимати злѣ женѣ ...неблагоразумна.*— Притч. 5, 3—6.

[189] *Дражьши есть ...въ вратѣхъ мужа ея.* — Там же. 31, 10—29, 31—32.

[190] *...Перемышль, Червенъ...* — Перемышль — город на реке Сан, ныне Пшемысль в Польше, Червен — город в междуречье рек Вепш и Западный Буг. Древняя Червенская земля — ныне приграничный район Польши к югу от города Хелм.

[191] *Ятвяги* — древнепрусское племя, обитавшее между реками Неман и Нарев (к северо-западу от города Гродно).

[192] *И нареку не люди моя люди моя...* — Ос. 2, 23.

[193] *Во всю землю ...глаголи ихъ.* — Пс. 18, 5.

[194] *Пищань* (Пещана) — правый приток реки Сож, впадающий в нее близ устья реки Прони (около города Славгород).

[195] *Иде Володимиръ на Болъгары ...И тако побѣди болгары.* — На каких болгар — волжских или дунайских — ходил Владимир? «Память и похвала Владимиру» упоминает в этом случае «серебряных», т. е. волжских болгар. А. П. Новосельцев высказывает осторожное предположение, что речь могла идти о приазовских (черных) болгарах (*Хазарское государство.* С. 227).

[196] *Приидоша болгаре вѣры бохъмичи...* — В 922 г. хан города Булгара Альмас начал объединять болгарские племена и для упрочения своей власти принял ислам. Славяне называли Мухаммеда — Бохмит.

[197] *Аще кто пьеть ...славу Божию...*— 1 Кор. 10, 31.

[198] *...жидове козарьстии...* — В Хазарии существовали колонии этнических евреев — купцов и ремесленников, а с последней четверти VIII в. правящая верхушка каганата исповедовала иудаизм. Однако среди других религий, приверженцы которых жили в Хазарии (ислам, христианство, языческие культы), иудаизм, по сведениям арабских авторов, занимал более чем скромное место (*Новосельцев. Хазарское государство.* С. 144—154).

[199] *...предана бысть земля наша хрестьяномъ.* — Эти слова указывают на позднее происхождение фрагмента: христианское Иерусалимское королевство возникло на территории Палестины лишь в 1099 г.

[200] *...уподобльшеся Содому и Гомору ...погрязоша...* — Об уничтожении небесным огнем этих городов, жители которых погрязли в грехах, говорится в Библии (Быт. 19, 24—25).

[201] *Се есть тѣло мое ...новаго завѣта.* — Компиляции с использованием цитат из 1 Кор. 11, 24—25 и Мф. 26. 28.

[202] *И нача философъ глаголати сице...* — Далее следует так называемая «Речь философа» — краткое изложение Священной истории, с которым будто бы обратился к Владимиру греческий миссионер. «Речь философа» считали составленной в Болгарии (А. А. Шахматов, А. С. Львов), в западнославянских землях (Н. К. Никольский), на Руси (Д. С. Лихачев). Последняя точка зрения подтверждается большим числом текстуальных параллелей в «Речи» и других компилятивных сочинениях, созданных на Руси. В «Речи философа» много апокрифичееких сюжетов, некоторые из них отмечаются далее в комментарии.

[203] *...полъ ихъ възиде ...под твердь.* — Согласно Библии, землю накрывает куполообразная «твердь» (небосвод), а первозданные воды частью остались на земле в виде морей и озер, а частью были возведены над твердью.

[204] *Въ 6 день ...человѣка.* — В *И* текст испорчен; в *Л*, как и в Библии (Быт. 1, 25), говорится: «В 6-й же день створи Богь звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человѣка».

[205] *Еда азъ стражь есмь брату моему?* — Цитата из Библии (Быт. 3, 9), однако упоминания о том, как Сатана учил Каина способу убийства, о тридцатилетнем оплакивании Авеля, о том, как птенцы подсказали, как похоронить убитого, а также сведения о детях Адама — апокрифические мотивы.

[206] *Неврод.* — Это имя отсутствует в библейском рассказе о Вавилонской башне (Быт. 11, 3—8), нет в нем и указания на число языков, нет слов о том, что Евер сохранил язык Адама — все это апокрифические мотивы.

[207] *Се же Серухъ ...Арана.* — Согласно Библии (Быт. 11, 22—26), у Серуха был сын Нахор, внук Фарра и правнуки — Аврам (Авраам), Нахор и Аран. Рассказ о протесте Авраама против деятельности отца, изготовлявшего идолов, и о гибели Арана — апокрифический.

[208] *Моисий же ...попра`и.* — Сюжет о поступке младенца Моисея апокрифический.

[209] *Изъ щрева преже деньница родихъ тя.* — Пс. 109, 3.

[210] *При семъ раздѣлися царство ...в Самарии.* — После смерти Соломона (ок. 928 г. до н. э.) Израильско-Иудейское государство распалось: Израиль (с центром в Самарии) просуществовал до 722 г. до н. э., когда он был завоеван ассирийским царем Саргоном II; Иудея (с центром в Иерусалиме) была завоевана вавилонским царем Навуходоносором II в 586 г. до н. э.

[211] *...Валу ...еже есть Арей...* — Ваал — божество древних семитов. Однако Ваал не был богом войны, и сближение его с Ареем (богом войны у греков) ошибочно.

[212] *Преставлю царство ...блудяще въ языцѣхъ.* — Ос. 1, 4 и 6; 9, 17.

[213] *Аще станеть Самуилъ ...не помилую ихъ... Тако глаголеть Господь ...въ устѣх июдѣскыхъ.* — Иер. 15, 1; 44, 26.

[214] *Тако глаголеть Господь ...помиловати пакы.* — Иез. 5, 8, 10—11.

[215] *Уже нѣсть ми хотѣнья ...въ вся языкы.* — Мал. 1, 10—11; 2, 9.

[216] *Тако глаголеть Господь ...не приведу тя... Възненавидѣхъ праздникы ...не приемлю.* — Ис. 1, 24—25; 1, 14.

[217] *Слышите слово ...не приложи въстати.* — Ам. 5, 1—2.

[218] *Тако глаголеть Господь... не будет въ вас.* — Мал. 2, 2.

[219] *Законъ от мене ...страны уповают.* — Ис. 51, 4—5.

[220] *Тако глаголеть Господь ...будут мьнѣ въ люди.* — Иер. 31, 31—33.

[221] *Ветхая мимоидоша ...пѣснь нову. Работающим ми ...имя всей земли. Домъ мой ...по всѣмъ яэыком.*— Ис., 42, 9—10; 65, 15—16; 56, 7.

[222] *Открыеть Господь ...Бога нашего.* — Там же. 52. 10.

[223] *Хвалите Господа ...вьси людье.* — Пс. 116, 1.

[224] *Рече Господь Господеви ...ногама твоима.* — Там же. 109, 17

[225] *Рече Господь ...родих тя.* — Там же. 2, 7.

[226] *Не соль, ни вѣстьникъ ...спасеть ны.* — Ис. 63, 9.

[227] *Яко дѣтищь родися ...нѣстъ конца.* — Там же. 9, 6—7.

[228] *Се въ утробѣ дѣвая ...имя ему Еммануилъ.* — Там же. 7, 14.

[229] *Ты, Вифлеоме, доме ...на сыны Израилевы.* — Мих. 5, 2—3.

[230] *Се Богъ наш ...съ человѣкы поживе.* — Вар. 3, 36—38. Иеремия назван в тексте ошибочно.

[231] *Человѣкъ есть ...яко человѣкъ же умираеть.* — Иер. 17, 9.

[232] *Не послушаша ...глаголеть Господь.* — Зах. 7, 13.

[233] *Тако глаголеть Господь: Плоть моя от нихъ.* — Ос. 9, 12.

[234] *О лютѣ души ихъ ...Свяжемъ праведника.* — Ис. 3, 9—10.

[235] *Азъ не супротивлюся ...от студа заплеваниа.* — Там же. 50, 5—6.

[236] *Приидите, въложим древо ...животъ его.* — Иер. 11, 19.

[237] *Узрите жизнь ...очима вашима.* — Вт. 28, 66.

[238] *Въскую шаташася языци.* — Пс. 2, 1.

[239] *Яко овьча ...веденъ бысть.* — Ис. 53, 7.

[240] *Въстани, Боже, суди ...въ всѣх странах.* — Пс. 81, 8.

[241] *Да въскреснеть Богъ ...врази его.* — Там же. 67, 22.

[242] *Въскресни, Господи ...рука твоя.* — Там же. 9, 33.

[243] *Сходящии въ страну ...свѣтъ восияеть на вы.* — Ис. 9, 2.

[244] *Ты въ крови завѣта ...не имущи воды.* — Зах. 9,11.

[245] *...но архиерѣи обладаху ...иже облада ими.* — После правления в Иудее Маккавеев (с 152 до 37 г. до н. э.) римляне передали власть Ироду, отличавшемуся исключительной жестокостью. Именно этим, возможно, объясняется тот факт, что с Иродом, умершим в 4 г. до н. э., христианское предание связывает «избиение младенцев» в канун рождества Христа.

[246] *Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!* — Лк. 1, 28.

[247] *Иван* — Иоанн Предтеча — проповедник, предвещавший явление Христа и крестивший Иисуса в водах Иордана.

[248] *Се есть сынъ мой възлюбленый, о немъже благоизволих.* — Лк., 3, 22.

[249] *Пилат* — римский наместник в Иудее в 26—36 гг.

[250] *...мѣсто краньево...* — От греч. «кранион» — череп. Название дано холму в окрестностях древнего Иерусалима по сходству его очертаний с черепом (отсюда же термин — «лобное место», как место казни). Тот же холм именуется Голгофой.

[251] *...пѣрьвѣе...* — С этого места до слов «слышати их» (с. 152) текст приводится по *Х*, а от слов «да аще кто» и до слов «мужи добры» по *Л*. В *И* утрачен лист.

[252] *Василий и Константин* — императоры-соправители, сыновья Романа II: Василий II Болгаробойца (976—1025 гг.) и Константин VIII (976—1028 гг.).

[253] *...иде Володимеръ с вои ...затворишася корсуняни въ градѣ.* — До сих пор не прекращаются споры о дате похода Владимира на Корсунь (Херсонес) и причинах, этот поход вызвавших. Так, по версии О. М. Рапова, события развивались следующим образом. В 987 г. византийский полководец Варда Фока поднял мятеж. Императоры Василий и Константин обратились за военной помощью к Владимиру, со своей стороны пообещав отдать за него свою сестру Анну, при условии, что Владимир примет крещение. Разгромив с помощью шеститысячного русского корпуса своего противника под Хрисополем, императоры не спешили исполнить свое обещание и прислать на Русь Анну. Именно тогда Владимир и осадил Корсунь. Поэтому крещение самого Владимира (тайное) произошло в 988 г., перед предполагаемым приездом Анны, а крещение киевлян состоялось уже после возвращения Владимира из корсунского похода — в 990 г. (*Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988). Польский историк А. Поппе выдвинул версию, что осада Корсуни была актом в поддержку императоров, так как город был захвачен мятежниками (О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг. // Вестник МГУ. 1978. Серия 8. № 2).

[254] *...яко в поганыя...* — Выражение бессмысленное; вероятно, более правильное чтение сохранено в *Л*: «Яко в полонъ, рече, иду...».

[255] *...въ церкви святое Софьи...*— В *Л* — «крести же ся въ церкви святаго Василья» (*ПВЛ*. С. 77). Отметим, что в *ПВЛ* упоминается и киевская церковь святого Василия, поставленная на месте языческого капища (С. 56). Но Б. А. Рыбаков считает, что фраза в статье 980 г. — «на томъ холмѣ нынѣ церкы есть святаго Василья, якоже послѣдѣ скажем» — «носит явно вставной характер» (Язычество Древней Руси. С. 426). Во всяком случае летописец к упоминанию этой церкви не возвратился, как обещал. Если вспомнить еще версию о крещении

Владимира в городе Василеве, то окажется, что с именем святого (небесного патрона Владимира) связан ряд неясных упоминаний (См. также: *Лихачев. Комментарии*. С. 338).

[256] *...подобосущенъ и присносущенъ.* — Отмечалось, что выражение «подобосущен» вместо «единосущен» носит еретический, арианский характер; возможно, это объясняется и неверным переводом (См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 340).

[257] *Вѣруй же семи сборъ святыхъ отець...* — Далее упоминаются семь вселенских церковных соборов, на которых вырабатывались ортодоксальные догматы христианства. Соборы происходили в 325 г. (Никейский), в 381 г. (Константинопольский), в 431 г. (в Эфесе), в 451 г. (в Халкидоне), в 553 г. и в 680 г. (в Константинополе), в 787 г. (в Никее), в 869—870 гг. (в Константинополе).

[258] *Якоже глаголеть Василѣй ...приходить.* — Изречение византийского богослова Василия Великого включено в летопись через посредство болгарского перевода Богословия Иоанна Дамаскина. См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 341.

[259] *Петр Гугнивый* — символический образ папы-отступника.

[260] *...мощи святаго Климента...* — Святой Климент умер в ссылке в Крыму, чем и объясняется нахождение его мощей в Херсонесе. Мощи были перенесены в киевскую Десятинную церковь; культ Климента получил распространение на Руси. См.: *Бегунов Ю. К.* Русское слово о чуде Климента Римского и Кирилло-Мефодиевская традиция // Slavia. Praha. 1974. Roč. 43, seš 1 S. 28—46.

[261] *Велий еси, Господи, чюдная дѣла твоя!* — Компиляция из Псалтыри (144, 3 и 5).

[262] *Наутрѣя же изииде Володимѣръ ...бе-щисла людий.* — По гипотезе О. М. Рапова, крещение киевлян произошло 1 августа 990 г. См. сноску 253.

[263] *Вь оны дни услышать ...языкъ гугнивыхъ.* — Ис. 29, 18.

[264] *Помилую, егоже хощю.* — Исх. 33, 19.

[265] *Пакы банею бытия и обновлениемь духа.* — Тит. 3, 5.

[266] *Велаи бо еси ...дѣла твоя.* — Пс. 144, 3—5.

[267] *Придете, възрадуемься ...исповѣданиемь.* — Там же. 94, 1—2.

[268] *Исповѣдающеся ему, яко благъ ...от врагъ наших.* — Там же. 135, 1 и 24.

[269] *Воспойте Господеви ...хваленъ зѣло.* — Там же. 95, 1—4.

[270] *И величью его нѣсть конца.* — Там же. 144, 3.

[271] *Яко радость биваеть ...грѣшницѣ кающемся.* — Лк. 15, 7.

[272] *Въскроплю на вы воду ...грѣхъ ваших.* — Иез. 36, 25.

[273] *Кто яко Богъ ...грѣхы наша въ глубинѣ.* — Мих. 7, 18—19.

[274] *Братья, елико насъ ...житья поидемь.* — Рим. 6, 3—4.

[275] *Ветхая мимоидоша, и се быша нова.* — 2 Кор. 5, 17.

[276] *Нынѣ приближися ...день приближися.* — Рим. 13, 11—12.

[277] *Им же привѣдение обрѣтохомъ ...и стоимъ.* — Там же. 5, 2.

[278] *Нынѣ же свободивъшеся ...вь священие.* — Там. 6, 22.

[279] *Работайте Господеви ...с трепетомъ.* — Пс. 2, 11.

[280] *Благословенъ Господь ...избавлени быхомъ.* — Там же. 123, 6—7.

[281] *И погыбе память ...вь вѣкы прѣбываеть.* — Там же. 9, 7—8.

[282] *И нача ставити городы ...по Стугнѣ.* — Упоминаются пограничные со Степью реки: Осетр — левый приток Десны, Трубеж и Сула — левые притоки Днепра, Стугна — правый приток Днепра.

[283] *...церковь святыя Богородица* — Десятинная церковь, была княжеской церковью, она «должна была стать русской преемницей древнего и священного Корсуня—Херсонеса ...в нее были перенесены мощи Климента Римского»; а также «иконы, книги и другая утварь»; «не менее важной должна была стать экономическая деятельность новой церкви», которой передавалась десятина — десятая часть княжеских доходов. См.: *Щапов. Государство и церковь.* С. 28—32. О десятине см. там же. С. 85—87.

[284] *Белгород* — город на реке Ирпень в 30 км к западу от древнего Киева (ныне — село Белгородка).

[285] *...на Хорваты.* — Куда именно был направлен поход Владимира, не ясно. Д. С. Лихачев отметил, что, возможно, этот поход вспоминали в XIII в.: «иный бо князь не входилъ бѣ в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестил» (так говорится о рейде вглубь территории Польши князя Даниила Романовича в статье 1229 г. Ипатьевской летописи. См.: *Лихачев.* Комментарии. С. 346—347).

[286] *...нарче и́ Переяславль, зане перея славу отрокъ.* — Однако Переяславль упоминается еще в договоре Олега с Византией. Следовательно, либо легенда была лишь позднее соотнесена с именем

Владимира (См. *Лихачев. Комментарии*. С. 347), либо приурочена к возведению в Переяславле новых укреплений.

[287] *Призри с небеси ...десница твоя.* — Пс. 80, 15—16.

[288] *Василев* — город на реке Стугне в 35 км южнее Киева. Ныне — Васильков.

[289] *И празнова князь ...на Успение святыя Богородица...* — Д. С. Лихачев, отметив, что «спасение» Владимира от печенегов и закладка церкви произошли в один и тот же день — 6 августа, пишет: «Ясно, что оба события не могли относиться к одному дню. Поэтому, очевидно, поражение Владимира в Васильеве и построение им церкви Преображения относятся к разным годам (возможно, что Владимир освятил церковь ровно через год — в годовщину своего спасения)» (*Лихачев. Комментарии*. С. 349).

[290] *Блажении милостивии ...помиловани будуть.* — Мф. 5, 7.

[291] *Продайте имѣния ваша и дайте нищимъ.* — Лк. 12, 33.

[292] *Не <...> скрывайте ...ни татье крадуть.* — Мф. 6, 19—20.

[293] *Благъ мужь милуя и дая.* — Пс. 111, 5.

[294] *Дая нищимъ, Богу в заемь даеть.* — Притч. 19, 17.

[295] *Куна* — мелкая денежная единица, равная в X—XI в. 1/25 гривны.

[296] *...возити по градомъ...* — Текст испорчен. Перевод сделан по *Л*, где читается «возити по граду».

[297] *...и гридьмъ, и соцькимъ, и десятникомъ...* — В *Л* — «десяцьким». Гриди — члены младшей дружины, сотские и десятские — знатные горожане, выполнявшие административные функции.

[298] *...с Болеславомъ ...Ондроникомъ Чьшьскымъ.* — Названы польский король Болеслав 1 Храбрый (992—1025 гг.), венгерский король Стефан (Иштван) (997—1038 гг.) и чешский князь Андрих (Олдржих) (1012—1034 гг.). Имя последнего искажено в *И*, в *Л* — «Андрихомь». То, что назван именно Андрих, а не его предшественник — Яромир (1003, затем 1004—1012 гг.), говорит о том, что статья рассматривает международные связи Владимира ретроспективно.

[299] *...мужи вь градѣ* — явная описка. Первичное чтение, вероятно, сохранено Софийской первой летописью: «мужи вь родехъ».

[300] *Малфрид* — по предложению А. А. Шахматова, речь идет о матери Владимира — Малуше. Но это отождествление представляется спорным (см.: *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 225).

[301] *Умре же Володимиръ ...в Кыевѣ.* — Из текста *ПВЛ* не ясно, почему приближенные Владимира опасаются Святополка. Но из хроники Титмара Мерзебургского выясняется, что Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава, вынашивал планы заговора против отца. Тот, узнав об этом, заточил Святополка и его жену в темницу, но, по свидетель-ству летописи, к моменту смерти Владимира Святополк оказался на свободе (См.: *Латинские источники*. С. 66—67, 80—83).

[302] *И нощью же межи клѣтми проимавъше помостъ ...и везоша...* — Вынос тела через разобранную крышу и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.

[303] *Се есть новы Костянтинъ ...подобьно ему.* — Владимир уподобляется Константину Великому, провозгласившему христианство государственной религией в Римской империи.

[304] *Идеже умножися грѣхъ ...благодать.* — Рим. 5, 20.

[305] *В нем тя застану, в том ти и сужю.* — Изречение сходно с Прем. 11, 17. Обширный фрагмент от слов «Аще бо прѣже в невѣжьствѣ...» и до слов «...въ память предъ Богомь» отсутствует в *Л* и *Р*.

[306] *Живъ азъ, Аданай ...от пути своего злаго.* — Иез. 33, 11.

[307] *Праведный не возможе ...доме Израилевъ!* — Там же. 33, 12—16 и 20.

[308] *Милостыни бо хощю, а не жерьтвѣ.* — Мф. 9, 13.

[309] *Молитвы твоя ...предъ Богомь.* — Деян. 10, 31. Отсюда возобновляется параллельный текст *Л* и *Р*.

[310] *Умершю правѣдному, не погибнеть упованье.* — Притч. 11, 7.

[311] *Скоры суть бес правды ...душю емлють.* — Притч. 1, 16—19.

[312] *Господи! Что ся умножиша ...на мя мнози.* — Пс. 3, 2.

[313] *Яко стрѣлы твоя ...предо мною есть.* — Там же. 37, 3 и 18.

[314] *Господи! Услыши молитву ...душю мою.* — Там же. 142, 1—3.

[315] *Ексапсалмы* — шесть псалмов, читающихся во время определенных служб в церкви.

[316] *Обыидоша мя ...избави мя.* — Пс. 21, 13 и 17; 7, 2.

[317] *Рече бо ...азъ иду.* — Эта фраза, отсутствующая в *Л* и *Р*, читается в Чтении о Борисе и Глебе Нестора в текстуально сходном с летописью фрагменте. Она восходит к *Хронике Амартола* (С. 92). Ахав — нечестивый израильский царь (3 Цар. Гл. 16—22).

[318] *Аще воистину убо ...змиину.* — Этот фрагмент также отсутствует в *Л* и *Р*. Он восходит к Псалтыри (37, 2—5).

[319] *...на Смядинѣ в корабли.* — Смядынь — приток Днепра в окрестностях Смоленска. В мае 1991 г. на предполагаемом месте убийства Глеба была заложена и освящена памятная стелла.

[320] *Се коль добро ...братома вкупѣ!* — Пс. 132, 1.

[321] *Възвратишася грѣшници въ адъ.* — Там же. 9, 18.

[322] *Оружье изьвлѣкоша грѣшници ...погибънуть.* — Там же. 36, 14—15, 20.

[323] *Что ся хвалиши о злобѣ ...живущихъ.* — Там же. 51, 3—7.

[324] *Азъ вашей погибели ... насытяться.* — Притч. 1, 26 и 31. Эта цитата отсутствует в *Л* и *Р*.

[325] *Даеть Богъ власть ...дасть.* — Дан. 5, 21.

[326] *Согрѣшиша от главы ...до простыхъ людий.* — Толкование на Ис. 6 6.

[327] *Лютѣ бо граду ...князь унъ.* — Еккл. 10, 10.

[328] *Отъиметь Господь ...обладающа ими.* — Ис. 3, 1—4.

[329] *Ракома* — княжеское село к югу от Новгорода.

[330] *Уже мнѣ сихъ не крѣсити.* — Как полагает Д. С. Лихачев (*Комментарии*. С. 361), это речевая формула, знаменующая отказ от родовой мести.

[331] *...варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящь...* — В *Новг. перв. лет.* иначе: «варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000» (С. 175).

[332] *Бѣ же тогда Ярославъ лѣт 28.* — Цифра 28 читается в *Х*, читалась и в *И*, но затем исправлена на «18». В *Л*: «И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣт 28». Оба эти расчета ошибочны: в 1016 г. Ярославу было 38 лет, а в Новгороде он княжил лишь с 1100 г.

[333] *...и погорѣша церкви.* — Во время этого пожара, как полагает Я. Н. Щапов (*Государство и церковь.* С. 24—25), вероятно, сгорела и деревянная церковь святой Софии. Новая, также деревянная, церковь была возведена в 1018 г. Титмар Мерзебургский сообщает, что в 1018 г. киевский архиепископ (митрополит), принимая польского короля Болеслава, «почтил пришедших в соборе святой Софии, который в прошлом году, к сожалению, сгорел» (*Латиноязычные источники*. С. 68—69, 93—94).

[334] *И приде Волыню ... рѣкы Буга.* — Волынь — город на реке Западный Буг западнее Владимира Волынского.

[335] *Болеслав же вниде в Кыевъ сь Святополкомъ.* — В Софийской первой летописи сообщается, что Болеслав обесчестил сестру Ярослава — Предславу. Этот факт подтверждает и Титмар Мерзебургский (*Латиноязычные источники*. С. 69, 94—95).

[336] *...по осмидесять гривенъ.* — Так же читается в *Р*; в *Л*, Новгородской четвертой и Воскресенской летописях — «по 18 гривенъ».

[337] *...възма имѣние и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его...* — Титмар сообщает, что в Киеве Болеславу «была показана неописуемо богатая казна, большая часть которой была роздана Болеславом своим союзникам и сторонникам, а другая часть отправляется на родину». Подтверждает Титмар и пленение Болеславом мачехи Ярослава (новой жены Владимира) и его сестер (*Латиноязычные источники*. С. 69).

[338] *Альта* — приток реки Трубеж (к юго-востоку от Киева).

[339] *Его же и по правдѣ ...немилостивно вьгна.* — Цитата из *Хроники Амартола* (С. 215—216): говорится о болезни царя Иудеи Ирода Агриппы, тело которого покрылось зловонными язвами.

[340] *Рече бо Ламехъ ...створихъ се.* — Быт. 4, 23—24.

[341] *...новы Авимелех ...тако и сь бысть.* — Святополк сравнивается с библейским персонажем — Авимелехом, незаконнорожденным сыном Гедеона, после смерти отца убившим 70 своих братьев (Суд. 9, 5).

[342] *Судомирь* — река, приток реки Шелонь.

[343] *...избиваху старую чадь ...державать гобино.* — Представляется верным истолкование этого эпизода И. Я. Фрояновым: речь идет не о социальных волнениях, как обычно понимается этот сюжет, а об «языческих ритуальных убийствах старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай» (*Фроянов И. Я.* Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Л., 1983. С. 34). Аналогичная ситуация описана и в статье 1071 г.

[344] *...Акунъ сь лѣпъ...* — Исследователи полагают, что речь идет не о слепом воеводе (если читать: «сьлѣпъ»), а о «лѣпом», т. е. красивом. Ошибочное понимание текста отразилось в Киево-Печерском патерике, где упоминается брат «Якуна Слепаго» (См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 371).

[345] *Листвен* — урочище к северу от Чернигова.

[346] *...родися у Ярослава другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.* — Летописец считает Изяслава вторым по старшинству (после Владимира, родившегося в 1020 г.). Но в перечне князей в *Новг. перв. лет.*

говорится: «Родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новьгородѣ, и умре» (с. 161). Судя по контексту, Илья мог княжить между 1019 и 1036 гг. Однако в перечне сыновей Ярослава в статье «Родословие тѣх же князей», предшествующей основному тексту, Илья не упомянут.

[347] *Белз* — город на Волыни (на севере Львовской области Украины).

[348] *Юрьев* — ныне г. Тарту (Эстония).

[349] *...бысть мятежь великъ ...мятежь вь нихъ.* — Летописец ошибается: Болеслав I умер в 1025 г., а мятеж произошел в 1030 г. (*Лихачев. Комментарии.* С. 373). По мнению В. Д. Королюка, здесь имеется в виду мятеж в конце правления Болеслава Забытого — в 1037—1038 гг. (Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 282).

[350] *Жидята* — Лука Жидята (сокращение от имени Жидислав) — новгородский епископ (ум. 1059—1060 гг.). До нас дошло его «Поучение к братии».

[351] *Заложи Ярославъ городъ великый ...святыя Орины.* — При Ярославе территория Киева, окруженная защитными сооружениями, расширяется в восемь раз, сравнительно с «городом Владимира», возводятся «Золотые врата» с надвратной церковью Благовещения, создаются княжеские монастыри — Георгиевский (Георгий — крестильное имя Ярослава) и Ирининский (Ирина—Ингигерда — жена Ярослава), строится знаменитый Софийский собор. Но среди исследователей не прекращаются споры: подводит ли статья 1037 г. итоги строительной деятельности Ярослава или же, напротив, оценивает ее, забегая вперед. В частности, есть сторонники мнения, что Ярослав в 1037 г. осуществил закладку Софийского собора (как сказано в *ПВЛ*), и есть суждения, что собор был к этому времени уже возведен (См., например: *Логвин Г. Н.* К истории сооружения Софийского собора в Киеве // Памятники культуры. Новые открытия. 1977. М., 1977. С. 169—174; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 178—181).

[352] *И собра писцѣ многы ...языкъ и писмо.* — Действительно, к середине XI в. древнерусские книжники располагали переводами византийских хроник, житий, памятников гимнографии, торжественного и учительного красноречия и т. д.

[353] *Азъ, премудрость ...обрящють.* — Притч. 8, 12—13, 14—17.

[354] *Священа бысть церкви ...митрополитомъ Феопеньтомь.* — Почему Десятинная церковь (если речь идет о ней) освящена так поздно (о ее освящении говорится уже в 996 г.)? Полагают, что это повторное освящение после ее перестройки. Д. С. Лихачев допускал, что речь идет об освящении Софийского собора (*Комментарии.* С. 989), но тогда ошибка двойная: собор не был заложен при Владимире.

[355] *Мазовшане* — жители Мазовии, северо-восточной области Польши (ныне с центром в г. Плоцке). Поход был осуществлен по просьбе

короля Казимира, обеспокоенного отложением мазовского князя Мстислава.

[356] *Ямь* (емь) — одно из племен — предков финского народа.

[357] *...воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу.* — А. А. Шахматов считал, что киевский воевода Вышата, сын новгородского посадника Остромира (по заказу которого было переписано в 1056—1057 гг. Евангелие — древнейшая из сохранившихся русских рукописных книг), был информатором летописца Никона, от которого последний узнал ряд новгородских преданий. Вышата, по мнению Шахматова, рассказал летописцу и о подробностях похода 1043 г.

[358] *Константин Мономах* — византийский император (1042—1055 гг.).

[359] *...сьсѣдавшися в кораблѣ своѣ.* — Эта фраза не ясна по смыслу. Попытку ее истолкования см.: *Поппе А.* К чтению одного места в Повести временных лет // *ТОДРЛ*. Л., 1969. Т. 24, с. 54—57.

[360] *В сии же времена вьдасть ...побѣдивъ Ярослава.* — Казимир I Пяст, возвратившийся в Польшу из Венгрии, был заинтересован в союзе с Русью для совместной борьбы с Мазовией и Литвой. Союз был скреплен браком Казимира с Марией Добронегой. Однако о дате возвращения Казимира и дате его брака с Марией существуют разные мнения: возможно, брак был заключен еще в 1039 г. (См.: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 305—307).

[361] *...вь церкви святыя Богородица в Володимѣри.* — В *Л* слов «в Володимѣри» нет. Речь идет, вероятно, о церкви Богородицы Десятинной в Киеве. Вероятно, кто-то из переписчиков *ПВЛ* добавил «Володимери» в значении притяжательного прилагательного (построенной Владимиром), в дальнейшем это слово было принято за название города.

[362] *...егоже роди мати от вольхвования.* — Скорее всего речь идет о том, что мать Всеслава прибегла к помощи знахарей либо при тяжелых родах, либо желая избавиться от бесплодия. Устойчивое представление, по которому рождение Всеслава «от волхвования» свидетельствует об его причастности чародейству (*Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 454), думается, не имеет достаточных оснований и возникло в результате толкования «Слова о полку Игореве». Что значит далее слово «язвено» — не ясно.

[363] *Преставися ...февраля вь 10.* — Речь идет о жене Ярослава — Ингигерде (Ирине), дочери шведского короля Олафа.

[364] *Постави Ярославъ Лариона ...собравъ епископы.* — Впервые на Руси митрополитом стал не грек, а русский — Иларион, бывший до этого священником церкви в княжеском селе Берестове. Иларион был

выдающимся проповедником и богословом, автором знаменитого церковно-политического трактата — «Слова о Законе и Благодати».

[365] *человѣкъ, именемь мирьскимь...* — Возможно, здесь пропущено мирское имя Антония.

[366] *Святая Гора* — Афон. Афонские монастыри располагались на восточном мысе Халкидонского полуострова (в северной части Эгейского моря). С начала XI в. на Афоне существовал и русский монастырь.

[367] *...лѣт 40 николиже никаможе...* — Расчет лет ошибочен. Если Антоний уединился в пещере при князе Изяславе (1055—1073 гг.), а умер в 1072—1073 гг., то он не мог прожить в пещере сорок лет. Вероятно, число сорок употребляется как эпическое обозначение длительного периода.

[368] *...манастырь святаго Дмитрѣя...* — Монастырь был поставлен Изяславом в честь Дмитрия Солунского — своего небесного патрона.

[369] *Феодосий* — церковный деятель, автор нескольких поучений. Пространное «Житие Феодосия Печерского» написано Нестором. См. текст «Жития» в наст. томе.

[370] *...Михаилъ, чернѣць манастыря Студискаго ...митрополитомъ Георгиемь.* — Георгий стал митрополитом после 1065 г., тогда же с ним и мог приехать Михаил. В Киево-Печерском патерике об обретении устава говорится иначе: Феодосий посылает «в Костянтинь град к Ефрему Скопцю, да весь устав Студийскаго манастыря принесеть, исписавь». Студийский монастырь в Константинополе славился в XI в. своим строгим уставом.

[371] *...к нему же и азъ придохъ ...от рожения моего.* — От чьего лица сказаны эти слова? А. А. Шахматов считал, что от имени составителя Начального свода, А. Г. Кузьмин допускает, что они принадлежат летописцу Сильвестру (См.: *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 157—163).

[372] *У Всеволода ...от цесарицѣ грѣчькое.* — В *Л* и *Р* — «от царицѣ грькынѣ». Речь идет о жене Всеволода (Марии?) — дочери византийского императора Константина Мономаха. Сын Всеволода, Владимир, получил от матери прозвание Мономах (См. также сноску 510).

[373] *Се же поручаю ...будеть вь мене мѣсто.* — В этих словах сформулирован принцип престолонаследия: во-первых, киевский князь объявлялся старшим по положению среди остальных русских князей, а во-вторых, определялся порядок, согласно которому и киевский и другие княжеские столы в уделах переходили не от отца к сыну, а к старшему в роде. Так, Изяславу на киевском столе должен был наследовать Святослав, а не старший сын Изяслава, Святославу — Всеволод и т. д.

[374] *...а Всеволоду — Переяславль...* — В некоторых летописях далее говорится: «А Игорю Володимерь». Действительно, во Владимире Волынском сел Игорь. Пропуск этих слов в *Л, Р, И* объясняется, по мнению А. А. Шахматова, тем, что на Владимир претендовал Святополк Изяславич, и в сводах, составлявшихся в годы его княжения, неугодное решение Ярослава опускалось.

[375] *Торки* — кочевое племя тюркского происхождения.

[376] *Сокал.* — В *Л* имя этого хана — Искал. Оба варианта имеют тюркские этимологии (см.: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 88), поэтому сложно сказать, какой вариант первичен.

[377] *...на 4-е лѣто погорѣ весь городъ.* — В *Л* событию дана совершенно иная трактовка: «на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ»: если в первом случае городской пожар соотносится со «знамением» — течением Волхова «вспять», то во втором пожару дано совершенно «земное» объяснение — набег Всеслава, о котором и будет рассказано в статье 6575 г.

[378] *...выгна Глѣба изь Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.* — С этим Глебом связывают надпись 1068 г. на знаменитом Тмутороканском камне: «Глеб князь мерил море по леду от Тмуторокани до Кърчева 8054 сажен».

[379] *...звѣзда превелика ...бысть за 7 дний.* — В марте — апреле 1066 г. на Земле была видна комета Галлея. Д. С. Лихачев объясняет упоминание знаменья под 1065 г. желанием летописца соотнести его с тем, что «в то же лѣто Всеславъ ...рать почалъ» (*Комментарии.* С. 394).

[380] *Пред сим же временемь солнце прѣменися...* — Речь идет о солнечном затмении 19 апреля 1064 г.

[381] *Якоже древле, при Антиосѣ ...на Ерусалимъ.* — Выписки из *Хроники Амартола* здесь и далее попали в летопись через посредство «Хронографа по великому изложению» (См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // *ТОДРЛ.* Л., 1974. Т. 28), но для удобства указываются страницы издания Хроники. В данном случае говорится о разграблении Иерусалима одним из Селевкидов — Антиохом IV Эпифаном в 168 г. до н. э. (*Хроника Амартола.* С. 200).

[382] *По сем же при Неронѣ ...рати от римлянъ.* — Вторая выписка из Хронографа (ср.: *Хроника Амартола.* С. 262). Речь идет об Иудейской войне, начавшейся в конце правления Нерона (54—68 гг.), и продолжавшейся при его преемниках — Веспасиане и Тите.

[383] *И пакы сице бысть ...умертвие бяше.* — Третья выписка из Хронографа (ср.: *Хроника Амартола.* С. 421). Упоминается византийский император Юстиниан Великий (527—565 гг.).

[384] *Пакы же при Маврикии ...о двое главу.* — Четвертая выписка из Хронографа (ср.: *Хроника Амартола*. С. 428). Маврикий — византийский император (582—602 гг.).

[385] *По сем же бысть ...на Палестинскую землю.* — Пятая выписка из Хронографа (см. *Хроника Амартола*. С. 479). Упомянут византийский император Константин V Копроним (741—775 гг.), сын Леона III Исавра.

[386] *Котопан* — византийский военный чин.

[387] *И совокупившеся обои на Немизѣ ...а Всеславъ бѣжа.* — Битва на Немиге упоминается и в «Слове о полку Игореве» («На Немизѣ снопы стелютъ головами ...Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни...»). Немига, по мнению большинства ученых, речка, протекающая ныне на территории современного Минска в подземном коллекторе. Древний Минск находился в 16 км к западу от будущего города (См.: *Поболь Л. Д.* Новые данные о древнем Менеске (Минске) //Древности славян и Руси. М., 1988. С. 47—52), поэтому правомерно говорить о том, что, овладев Минском, Ярославичи «поидоша кь Немизѣ». Однако картина сражения на берегах реки, какой она описывается и в летописи, и в «Слове», с трудом может быть соотнесена с представлением о маленькой речке, притоке Свислочи.

[388] *Изяславу же въ шатеръ предъидущю.* — Грамматическая конструкция свидетельствует, что фраза, видимо, оборвана. Возможно, далее говорилось о том, как именно был схвачен полоцкий князь, но в тексте остался лишь завершающий штрих: «И тако яша Всеслава...». Такое изъятие вполне вероятно, так как летописец едва ли был склонен сохранять подробности клятвопреступления Ярославичей. Вообще в рассказе о Всеславе много и других умолчаний.

[389] *Грѣхъ ради нашихъ ...побѣдиша половци.* — Первое столкновение с половцами — кочевым народом тюркского происхождения, заселившим в середине XI века Причерноморские степи, отмечено летописцем под 1061 г. (приход хана Болуша в 1054 г. завершился заключением мирного соглашения). Но именно поражение 1068 г. заставило летописца обратить особое внимание на половцев, которые на два столетия останутся основным источником внешней опасности для южнорусских княжеств: он вставляет обширное рассуждение о «казнях божиих» (См. коммент. к с. 208—210). О русско-половецких отношениях XI—XII в. существует огромная литература. Из последних обобщающих работ укажем: *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.

[390] *Наводить Богъ по гнѣву своему ...грѣхъ ради нашихъ.* — Шахматов установил, что этот фрагмент — вставка. Для ее соотнесения с собственно летописным текстом в предшествующей фразе были добавлены, разрезая первоначальный текст, слова «грѣхъ ради нашихъ попусти Богь на ны поганыя» — формулировка, повторяющаяся и в конце отрывка: «приемлемь казнь грѣхъ ради нашихъ», после чего следует помета: «И мы же на предлежащее возвратимся».

Источник вставки, согласно Шахматову, — «Слово о ведре и казнях Божиих», читающееся в составе сборника «Златоструй», попавшего на Русь из Болгарии и получившего широкое распространение в древнерусской книжности. Шахматов допускает, что летописец обратился не непосредственно к «Златострую», а к составленному кем-то на Руси (возможно, Феодосием Печерским) поучению, основанному на «Слове», но дополненному редактором. Это поучение и было включено в ПВЛ (См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1940. Т. 4. С. 104—111). См. также: *Орешников А. С.* К истории начального летописного свода (О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих»). // Труды Московского историко-архивного института. 1961. Т. 16. С. 481—487.

[391] *Обратитеся ко мнѣ ...постомъ и плачемь.* — Иоиль. 2, 12.

[392] *Разумѣхъ ...выя твоя...* — Ис. 48, 4.

[393] *...удержах ...обратитеся ко мнѣ.* — Ам. 4, 7—9.

[394] *Послахъ на вы ...смерти тяжькы...* — Там же. 4, 10.

[395] *...свидитель скоро ...суетень работая Богу.* — Мал. 3, 5, 7, 10—11. 13—14.

[396] *...усты чтуть мя ...отстоить от мене...* — Ис. 29, 13.

[397] *Будет бо ...не послушаю васъ.* — Притч. 1, 28.

[398] *...акы чадомъ своимъ ...послахъ на вы.* — Иоиль. 2, 23—25.

[399] *Русальи* — языческие праздники, проводившиеся в зимние святки и в «зеленые святки» — в середине лета. Судя по осуждающим описаниям христианских проповедников, русалии включали театрализованные представления, пения, танцы, сопровождаемые игрой на музыкальных инструментах (См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. С. 674—682).

[400] См. сноску 390.

[401] *Поидемь, высадимь дружину ис погреба.* — Из данных слов явствует, что киевляне, находившиеся у двора, принадлежащего отцу Всеслава, полоцкому князю Брячиславу Изяславичу (ум. в 1044 г.), решили освободить «дружину» — вероятно, кого-то из знатных половчан, заключенных в темницу вместе со схваченным Ярославичами Всеславом. Следующим шагом киевлян станет освобождение самого Всеслава.

[402] *Сновск* — ныне Седнев, город в Черниговщине.

[403] *О кресте честный! ...от рова сего.* — Эта молитва Всеслава (скорее всего реконструированная самим летописцем), как и последующие

рассуждения о силе креста, опровергают предположения ученых о Всеславе как «последнем язычнике», связанном с волхвами. Перед нами — благочестивый христианин, которого за благочестие же и хвалит летописец. Примечательно, что освобождение князя из поруба состоялось 15 сентября, на другой день после двунадесятого праздника — Воздвижения честного креста.

[404] *Всеслав же сѣде вь Кыевѣ мѣсяць 7.* — Летописец умалчивает о княжении Всеслава. Ценный комментарий к событиям см. в статье: *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // *ВИ*. 1985. № 11. С. 19—35.

[405] *Болеслав II* — польский князь (1058—1077 гг.) и король (1077—1079 гг.). На его тетке Гертруде был женат Изяслав. Он обратится к Болеславу за помощью и в 1073 г., когда будет свергнут с престола братьями.

[406] *...вьзгна торгъ на гору...* — «По-видимому, Изяслав, боясь народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу, перевел последний на гору — в город, где можно было легче контролировать его» (*Лихачев*. *Комментарии*. С. 401).

[407] *...в манастырѣ Вьсеволожи на Выдобичи.* — Выдубицкий монастырь располагался на берегу Днепра к юго-востоку от Киева.

[408] *Ростовец и Неятин* — города к юго-западу от Киева.

[409] *Голотическ* — город в Полоцком княжестве, южнее Друцка.

[410] *Бывши бо единою скудости ...обилье держить.* — Ростов упомянут как центр удела. Волхвы из Ярославля направились вверх по Волге и далее по Шексне до озера Белого. Об этих событиях существует большая литература (См.: *Лихачев*. *Комментарии*. С. 402). Но вероятнее всего, это было не восстание обездоленных низов, как трактовалось ранее, а чисто ритуальное действо: ведь женщин приводили к волхвам их братья, сыновья и мужья. Следовательно, и они были убеждены, что колдовство женщин является причиной голода — они «обилье держат», т. е. удерживают урожай. Доказывая это, волхвы «доставали» из тела («прорезая за плечами») съестные припасы. См. также сноску 343.

[411] *...поторъгати брадѣ ею.* — «Выдергивание или острижение бороды считалось в древней Руси тягчайшим оскорблением» (*Лихачев*. *Комментарии*. С. 404).

[412] *...иному родичь.* — В *Л* и *Р* — «роженье» (Б. А. Романов перевел это слово как «дочь» (см. *ПВЛ*, с. 319), что вполне вероятно: речь шла лишь о лицах женского пола).

[413] *...бысть Симонъ волъхвъ ...в мечтаньи.* — О чудесах Симона рассказывается в апокрифическом «Прении апостола Петра с Симоном волхвом». См. также сноску 111.

[414] *Сице творяшеть Аньний, Замврий ...и инѣмь.* — О египетских волхвах, пытавшихся соперничать с Моисеем, рассказывается в Библии (Исх. 6, 11—12; 22; 8, 7, 18 и др.), но имена их называются только в апокрифах. Имя Кунон прокомментировать пока не удается.

[415] *...епископъ Петръ ...игумень Переяславьский...* — Перечисляются епископы Переяславля Южного, Юрьева (южнее Киева) и игумены Киево-Печерского монастыря Феодосий, Михайловского монастыря в Выдубичах — Софроний, Спасо-Берестовского — Герман и Никола, игумен какого-то монастыря в Переяславле. Сведений об этом монастыре нет (См.: *Щапов Я. Н. Государство и церковь.* С. 131—142).

[416] *...мѣсяца мая вь 20.* — В *Л* — 2 мая, но в *И* вернее: 20-е мая приходилось в 1072 г. на воскресный день.

[417] *...исперва преступиша сынове ...свою землю.* — Имеется в виду библейский рассказ о том, как евреи, предводительствуемые Иисусом Навином, отвоевали Палестину от хананеян (согласно Библии — потомков Хама, сына Ноя).

[418] *Исав* — сын Исаака. В Библии (Быт. Гл. 32) рассказывается о вражде Исава с братом Иаковом, но лишь в апокрифе говорится, что Иаков убил Исава (См.: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Казань, 1877. С. 259).

[419] *Масленая неделя* — Сыропустная неделя, последняя неделя перед Великим постом. Здесь говорится, вероятно, о Прощеном воскресении, последнем воскресении перед постом.

[420] *Пощение бо исперва проображено ...показа постное время.* — Упоминаются различные сюжеты Священного писания: Адам нарушил запрет не вкушать от «древа познания добра и зла» (Быт. Гл. 2 и 3), Моисей 40 дней находился на горе Синая (Исх. 24, 18). О рождении Самуила говорится в Первой книге Царств (1, 20), но о том, что постилась его мать Анна, не сказано. Жители Ниневии, под влиянием проповедника Ионы, стали поститься и были помилованы Богом (Иона. Гл. 3). В книге Даниила повествуется, как Даниил и три отрока, постившись, обрели великие знания, а Даниил к тому же — способность истолковывать знамения и вещие сны (Дан. 1, 17), пророк Илья постился в пустыне и был по смерти взят на небо (3 Цар. Гл. 17—19, 4 Цар. Гл. 2), отроки — соратники Даниила, брошенные в горящую печь, остались невредимыми (Дан. Гл. 3), сорок дней постился Иисус Христос (Мф. 4, 2; Лк. 1, 13).

[421] *...великий Антоний, и Евьфимий, и Сава...* — Упоминаются знаменитые основатели монастырей — Антоний Великий, Евфимий Великий, Савва Освященный. Их жития были известны на Руси (в переводе с греческого) уже, вероятно, в XI—XII вв.

[422] *...канунъ Лазоревъ...* — Лазарева суббота, суббота пятой недели Великого поста.

[423] *Федорова неделя* — первая неделя Великого поста.

[424] *Страстная неделя* — последняя неделя Великого поста.

[425] *Неделя Цветная* — Вербное воскресенье — воскресный день шестой недели Великого поста.

[426] *Деместник* — руководитель церковного хора.

[427] *...яже бѣ совокупилъ Феодосий...* — Далее явный пропуск; этот пропуск есть во всех известных нам списках ПВЛ.

[428] *Епитемья* — наказание, состоявшее в необходимости совершения каких-либо благочестивых деяний: усердной молитвы, определенного числа поклонов, воздержания от сна, строгого поста и т. д.

[429] *Никон* — монах Киево-Печерского монастыря, в последние годы жизни (умер в 1088 г.) был игуменом. Это свидетельствует о том, что рассказ о печерских подвижниках составлен не ранее его смерти: упрек игумену при его жизни был бы едва ли допустим в такой форме.

[430] *Торопчанин* — житель города Торопца (на западе современной Тверской области).

[431] *Власяница* — грубая шерстяная одежда.

[432] *Просфора* — хлебец, употреблявшийся при совершении обряда евхаристии (причащения).

[433] *...нача гнѣватися Изяславъ на Антония изо Всеслава.* — Вероятно, Антоний осуждал Ярославичей за нарушения крестной клятвы и захват его в 1067 г.

[434] *...Болъдину гору...* — Болдины горы — холмы в западной части Чернигова.

[435] *...придоша послѣ из немець ...и болша сего.* — Изгнанный из Киева, Изяслав обратился за помощью к императору Священной Римской империи Генриху IV. Посольство Генриха, возглавлявшееся Бурхардом Трирским, отправилось в Киев, где свергнувший Изяслава Святослав постарался богатыми дарами купить нейтралитет императора. По словам автора «Анналов» Ламперта Херсфельдского, Бурхард привез из Киева «столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнил ранее о таком количестве, привезенном в немецкое государство за один раз» (*Латиноязычные источники*. С. 164—165).

[436] *Сице ся похвали Езекий ...въ Вавилонъ.* — Летописец ошибается: Иезекия показывал свои богатства послам вавилонского, а не ассирийского царя (См.: 4 Цар. 20, 12 и след.).

[437] *...ляхомь в помочь на чехы.* — Речь идет об участии Владимира Мономаха в конфликте между чешским королем Вратиславом и польским королем Болеславом Смелым в 1076 г. на стороне Польши. Об этом походе вспоминает в своем «Поучении» и Мономах: «Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли их 4 месѣцы».

[438] *В се же лѣто родися у Володимера ...внук Всеволож.* — Сообщение о рождении Мстислава — в будущем новгородского, а затем киевского великого князя в 1125—1132 гг.— читается только в *И* и *Х*.

[439] *И бывшу Всеволоду...* — Эти слова читаются только в *И* и *Х*. Создается впечатление, что фраза оборвана: должно было быть указано местонахождение Всеволода.

[440] *...убьенъ бысть Глѣбъ ...в Заволочьи.* — Об этом событии упоминает и Новгородская первая летопись: «Убиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяца маия въ 30 день», а в перечне новгородских князей уточняется, что Глеба «выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и́ чюдь» (*Новг. перв. лет.* С. 161 и 201). Заволочье — принадлежавшие Новгороду земли чуди между верховьями рек Великой и Ловати.

[441] *...Олегъ и Борисъ ...поидоста на Всеволода с половцѣ.* — Олег, сын Святослава Ярославича, и Борис, сын Вячеслава Ярославича, сидевшего в Смоленске, видимо, оказались без уделов: в родовом городе Святослава — Чернигове — сидел Всеволод, а Олег находился у него, вероятно, в роли подручного князя. Претендовал на Чернигов и Борис, захвативший город в 1077 г. и просидевший там 8 дней (комментарий к этому событию см.: *Яценко Б. И.* Кто такой Борис Вячеславич «Слова о полку Игореве» // *ТОДРЛ*. Л., 1976. Т. 31. С. 296—304). «Слово о полку Игореве», обращаясь к событиям 1078 г., говорит об «обиде Ольгове», то есть о нарушении его феодальных прав, имея в виду, вероятно, то же право на Чернигов.

[442] *Олегъ же и Борисъ не бяшета в Черниговѣ.* — Место в летописи неясное: отрицание «не» добавлено в текст на основе *Р*: в *Л*, *И* и *Х* его нет. Но по смыслу князья находились не в городе (Изяслав и Всеволод идут от Чернигова «противу Олговѣ»), а «затворились» верные им горожане.

[443] *...положиша тѣло его ...в раку камяну и мраморяну.* — В *Л* и *Р* — «в раку мраморяну». Исследователей смущало, что вопреки древнейшим летописям в «Слове о полку Игореве» говорится, что Изяслав был погребен в Софийском соборе. В Софийской первой и Новгородской четвертой летописях (на что обратил внимание Ив. М. Кудрявцев в статье, опубликованной в 7 томе *ТОДРЛ*) также сообщается о погребении князя в Софийском соборе. Но стоит обратить внимание на контекст, явно смонтированный из разных источников: «Убиенъ бысть Изяславъ Ярославичь с Борисомъ Святославличемъ (так!), бьяся по Всеволодѣ съ братеници, съ Олгомъ Святославличемъ и з Борисомъ Вечеславличемъ у града Чернигова. Ту же и воеводу убиша Всеволожа Ивана Жирославича, и Тукия, и иных много бояръ, привели

бо бяше половцевъ на Рускую землю. И положиша Изяслава в святѣй Софѣи въ Киевѣ» (Новгородская четвертая летопись. *ПСРЛ.* Т. 4, Ч. 1. Вып. 1. Пгр., 1915. С. 133—134).

[444] *Утѣшайте печалныя.* — 1 фес. 5, 14.

[445] *Да кто положить ...други своя.* — Иоан. 15, 13.

[446] *Братье, в бѣдахъ пособиви бывайте.* — Притч. 17, 17.

[447] *Богъ любы есть ...и брата своего.* — 1 Иоан. 4, 16—18, 20—21.

[448] *...и бывшу ему...* — Эти слова читаются только в *И* и *Х*. Текст, видимо, оборван — не указано место гибели князя.

[449] *А Олга емше казарѣ, поточиша за море Царюгороду.* — Из «Хожения» игумена Даниила явствует, что Олег находился в ссылке на острове Родос: «И в томъ островѣ был Олегь князь русский 2 лѣтѣ и 2 зимѣ» (см. наст. изд., т. 4). В ссылке Олег тем не менее женился на знатной гречанке Феофано Музалонисе, а в 1083 г. вернулся на Русь с воинским контингентом, достаточным для того, чтобы изгнать из Тмуторокани и пленить князей Давыда и Володаря Ростиславичей. Г. Г. Литаврин предполагает, что Олегу помог император Алексей Комнин (1081—1118 гг.), обусловив при этом себе «верховные права на Тмуторокань» (История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 352). См. также: *Захаров В. А.* Тмуторокань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 208—221.

[450] *Ярополк* — Ярополк Изяславович, сын Изяслава Ярославича.

[451] *В се же лѣто Давыдъ ...все имѣнье.* — По предположению Д. С. Лихачева (*Комментарии*. С. 413), Давыд захватил в Олешье, торговом становище в устье Днепра, гречников — купцов, торговавших с Византией. В *Л* и *Р* ошибочно сказано — «зая грькы».

[452] *Дорогобуж* — город в Волынском княжестве, вблизи современного города Шепетовка (Хмельницкая обл. Украины).

[453] *Лучск* — город в Волынском княжестве (ныне Луцк).

[454] *Всеволодъ заложи церковь ...по манастырьскому чину.* — Вся эта статья отсутствует в *Л* и *Р*; следующая статья отнесена к 6594 г., а статья 6595 там без текста.

[455] *Звенигород* — город в Волынской земле (южнее г. Львов).

[456] *Рюрик* — Рюрик Ростиславич, сын Ростислава Владимировича, последние годы княжившего в Тмуторокани (умер в 1067 г.). Рюрик княжил в Перемышле, а его братья — Володарь и Василько — впоследствии княжили в Перемышле и Теребовле (Перемышль — ныне Пшемысль на юго-востоке Польши, Теребовль — ныне Теребовля, город к югу от Тернополя на Украине). В описываемые годы Ростиславичи,

вероятно, обладали лишь Перемышлем и находились в зависимости от владимиро-волынского князя Ярополка Изяславича: именно их стремление расширить свои владения, а быть может и посягательства на владимирский стол и явились причиной конфронтации с Ярополком. Вероятно, Ростиславичами же и был подослан убийца.

[457] *...манастыря святаго Дмитрия...* — Дмитриевский монастырь в Киеве был основан Изяславом Ярославичем.

[458] *Его же прошенья не лиши ...любящим его.* — Как полагает Д. С. Лихачев, «пышная некрологическая статья о Ярополке Изяславиче и необыкновенное сочувствие к нему печерского летописца отчасти объясняется тем, что Ярополк, его жена и дочь ...были крупными жертвователями в Печерский монастырь» (*Комментарии*. С. 414). Ярополк был женат на Кунигунде, дочери графа Оттона из Мейсена. После гибели Ярополка его жена покинула Русь вместе с дочерью (См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 44).

[459] *...строенно банное камяно, сего же не бысть в Руси.* — Смысл этих слов вызывает споры. П. А. Раппопорт допускает, что исследованная археологами «гражданская постройка» в Переяславле, действительно, была баней (*Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 34—35).

[460] *...въ своемъ манасътыри чресъ поле...* — Киево-Печерский патерик объясняет эти слова: Стефан, в то время уже епископ Владимира (на Волыни), в дни перенесения мощей оказался во Влахернском монастыре на ручье Клове, недалеко от Киево-Печерского монастыря (См.: *Толочко П. П.* Историческа топографія стародавнього Кіева. Київ, 1972. С. 152—158). В этом монастыре Стефан также был игуменом, о чем говорят слова «въ своемъ манасътыри».

[461] *...в домь Яновъ...* — Ян — сын Вышаты. См. также сноску 357.

[462] *Феодосий Великий* (424—529 гг.) — один из основоположников византийского монашества.

[463] *...спаде привеликъ змѣй ...вси людье.*— Речь идет о падении метеора.

[464] *...но кони ихъ видити копыта...* — Как понимать эти слова: так, что кони были невидимы, а видимы были только их копыта? Скорее говорится о том, что были видны следы от копыт невидимых коней.

[465] *Прилук* — ныне Прилуки на юге Черниговской области на Украине.

[466] *...с Васильемь Ростиславличемь.* — Далее в *И*, как и в других летописях, князь именуется Васильком Ростиславичем.

[467] *...от Филипова дни до мясопущь...* — От кануна Рождественского поста (14 ноября) до недели мясопустной, предшествующей Великому посту.

[468] *Тивун* — тиун, княжеский управитель. Именно это чтение *И* комментирует С. М. Соловьев (История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 1. С. 367). Д. С. Лихачев, напротив, предпочтение отдает чтению *Л* и *Р* — «начаша ти унии грабити» (*Комментарии*. С. 418).

[469] *...в Переяславлѣ лѣто...* — Странно, что княжение Всеволода в Переяславле ограничено во всех старших списках *ПВЛ* одним годом. Переяславль достался Всеволоду по завещанию Ярослава и, как можно судить по тексту *ПВЛ* и «Поучения» Владимира Всеволодича Мономаха, Всеволод княжил там не менее двух десятилетий.

[470] *Антипасха* — воскресенье, следующее после Пасхи.

[471] *Продажа* — денежный штраф за различные преступления. Видимо, на практике они превратились в неоправданные поборы.

[472] *...къ Треполю, и приидоша ко Стугнѣ.* — Треполь располагается в устье Стугны — небольшой речки, правого притока Днепра.

[473] *...бѣ бо тогда наводнилася велми.* — «Слово о полку Игореве» также сообщает, что Стугна «растрена ко усту», вобрав в себя «чужи стругы» (потоки, ручьи): следовательно, именно в это время, может быть после обильных дождей, небольшая речка, разлившись, стала для переправлявшихся через нее по обычаю вброд неожиданно опасной.

[474] *...плакася по нѣмь мати его ...уности его ради.* — Об этом оплакивании вспоминает и автор «Слова о полку Игореве»: «плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ». См. также коммент.510.

[475] *Желань* — правый приток реки Припять.

[476] *И прѣложю праздникы ...в рыданье.* — Ам. 8, 10.

[477] *Падете предъ враги ...яростью лукавою.* — Лев. 26, 17, 19—20, 33, 27—28 (?).

[478] *Идеже множество ...показанье.* — Рим. 5, 20.

[479] *Праведенъ еси ...суди твои.* — Пс. 118, 137.

[480] *Мы достойная, яже сдѣяхомъ, и прияхомъ.* — Лк. 23, 41.

[481] *Яко Господеви любо ...благословено у вѣкы.* — Иов. 1,21.

[482] *Не по безаконью нашему ...въздалъ естъ намъ.* — Пс. 102, 10.

[483] *Се бо азъ грѣшный ...по вся дни.* — По гипотезе А. А. Шахматова, этими словами оканчивался Начальный свод 1095 г.

[484] *...а царь я Девьгеневича и ослѣпѣ.* — Самозванец, выдавший себя за Леона Диогена, сына императора Романа IV Диогена, был захвачен Алексеем Комнином и ослеплен.

[485] *...ко Гурьгову* — Юрьев — город на реке Рось, к югу от Киева.

[486] *Стародуб* — город в Черниговском княжестве (ныне — в Брянской области).

[487] *Заруб* — город на правом берегу Днепра, к югу от Переяславля.

[488] *...зажгоша болонье...* — Здесь имеется в виду, разумеется, не низменное предградье, а располагавшиеся там жилые постройки, сараи и т. д.

[489] *...манастырь Стефанечь, деревнѣ и Германечь.* — Стефанов монастырь, вероятно,— монастырь на Клове, где Стефан был игуменом (см. коммент. 460). Германов монастырь, по предположению Е. Е. Голубинского, — Спасо-Берестовский монастырь. Что значит слово «деревнѣ» — неясно; бесспорно лишь, что речь не идет о деревнях (этот термин был в XII в. неупотребим). Быть может, искажено слово «древний» или «древяный»?

[490] *Где есть Богъ ихъ...* — Пс. 78, 10.

[491] *Боже мой! Положи я ...лица ихъ досаженья.* — Там же. 82, 14—17.

[492] *...сынове Измаилеви...* — *Агаряне* — название мусульманских народов. Оно восходит к представлениям о происхождении их от Агари — наложницы библейского праотца Авраама. Сын Агари звался Измаил, отсюда и другое название мусульман — измаилтяне. В данном случае речь идет о войне византийцев с арабами.

[493] *Мефедий же свидительствуеть о нихъ...* — В приписывавшемся Мефодию, епископу Патар (III—IV вв.), «Откровении» предсказывался «исход от пустыни» восточных народов, однако именования племен внесены летописцем. Сопоставление «Откровения» с текстом *ПВЛ* см.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 92—103.

[494] *...исѣче я Гедеонъ.* — В Библии (Суд. 7, 21—25) рассказывается, как израильский властитель (судья) Гедеон разгромил многочисленное войско мадианитян. Сведения же о «коленах» кочевых племен, частично истребленных, а частично изгнанных в пустыню Гедеоном,— результат произвольных толкований «Откровения» летописцем. См. в указанной выше работе А. А. Шахматова. С. 101—103.

[495] *Друзии же глаголють ...Сарини есмы.* — Летописец вольно интерпретирует библейский рассказ и «Откровение»: Аммон и Моав — сыновья Лота (Быт. 19, 37—38), Измаил же — сын Авраама не от Сарры, а от ее рабыни Агари (так и подчеркнуто в «Откровении»), текст летописи неясен.

[496] *Се же хощю сказати... 4 лѣтъ...* — А. А. Шахматов соотносил эту фразу со статьей 1114 г., где также говорится о посещении летописцем новгородских владений, и делал два существенно важных для своей концепции вывода. Во-первых, он полагал, что весь отрывок «И по сихъ 8 колѣнъ ...въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью» принадлежит третьей редакции *ПВЛ* и в списки второй редакции (например, в *Л* и *Р*) вставлен позднее. Во-вторых, из этой статьи, по мнению ученого, следует, что летописец «был на севере (где беседовал с Гюрятой Роговичем новгородцем) за четыре года до составления своего труда. Следовательно, летописец работал над переделкой и продолжением Повести вр. лет в 1118 году» (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1 // Летопись занятий Археографической комиссии.Пгр., 1917. Вып. 29. С. V—VI; отдельное издание — Пгр., 1916).

[497] *...в Печеру ...на полунощныхъ сторонахъ.* — Речь идет о народах, обитавших в бассейне реки Печоры. *Самоядь* — ненцы, упоминаемые далее горы — Северный Урал.

[498] *Олександръ, царь макидоньский ...по повелѣнью Божью.* — Этот фрагмент — пересказ соответствующего текста «Откровения» Мефодия Патарского.

[499] *...а то есть волость отца моего.* — Олег прав: Муром относился к владениям черниговских князей.

[500] *И убиша Изяслава ...внука Всеволожа...* — О гибели сына Владимир написал Олегу письмо (см. подробнее «Поучение Владимира Мономаха»).

[501] *Медведица* — левый приток Волги. Вероятно, угрозы Олега не были пустой похвальбой — его авангард уже переправился через Волгу, направляясь к Новгороду.

[502] *Ефрем.*— Речь идет о переяславском митрополите: Суздаль входил в состав Переяславской епархии (См.: *Щапов. Государство и церковь.* С. 47).

[503] *Мний азъ есмь тебе ...о всемь послушаю.* — Характерная черта феодального этикета: Мстислав, несмотря на то, что Олег захватил не принадлежащую ему Ростовскую волость, все же признает себя «младшим» (к тому же он — крестник Олега) и просит Олега войти в переговоры со своим отцом — Владимиром Мономахом.

[504] *...на Колачьцѣ ...* — Видимо, на реке Колокше, левом притоке Клязьмы, впадающем в нее выше Владимира.

[505] *Никита* — новгородский архиепископ (1096—1108 гг.).

[506] *...и сняшася Любчи на строенье мира.* — Княжеский съезд в Любече (вероятно, в селе под Киевом, а не в одноименном городе) был одним из нескольких подобных съездов (в Городце в том же году, в

Витичеве в 1100 г., на Золотче в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г.), на которых князья тщетно пытались подтвердить и укрепить принцип, согласно которому «каждый да держит отчину свою». Участники съезда представляли все ветви Ярославичей: Святополк — сын Изяслава Ярославича, Владимир — сын Всеволода Ярославича, Давыд — сын Игоря Ярославича, Василько Ростиславич — внук Владимира Ярославича, Давыд и Олег — сыновья Святослава Ярославича. Соответственно были разделены и «отчины».

[507] *...и поидоша усвояси.*— Следующий далее рассказ об ослеплении Василька Теребовльского, по мнению ряда исследователей, — отдельное произведение, принадлежащее Василию (как полагают — «мужу» Давыда Игоревича) и впоследствии включенное в состав *ПВЛ*. Д. С. Лихачев включает в состав Повести об ослеплении Василька Теребовльского весь текст статьи 1097 г. от слов «Приидоша Святополкъ и Володимеръ...» (См.: Комментарии. С. 459—460), А. А. Шахматов относил к рассказу Василия лишь фрагменты «И прииде Святополкъ Кыеву съ Давыдомъ... 2 отрока княжа, Улана и Колчю», «Василкови же сущю в Володимери ...и сею снемьше погребоша» и «Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати ...посади сына своего Ярослава» (Повесть временных лет. Т. 1. С. XXXI—XXXVI).

[508] *Звенигород* — город к югу от Киева.

[509] *...Туровъ, и Пинескъ...* — Туров и Пинск относились к владениям киевского князя.

[510] *...чтяшеть бо ю яко матерь, отца ради своего...* — Сноска 372. 474. На основании этих с0лов исследователи заключают, что Всеволод женился вторично и речь идет о мачехе Мономаха. Действительно: Мономах родился в 1053 г., а княгиня умерла в 1111 г., то есть в очень преклонном возрасте, если считать ее матерью Мономаха. Но утонувший в Стугне Ростислав был сыном этой второй жены (его оплакивала мать, что подчеркивала летопись и «Слово о полку Игореве»), Владимир был его сводным братом, и возможно, прозвище Мономах должно было отличать Владимира как сына «царицы грекини».

[511] *...присла по мя князь Давыдъ.* — Эти слова указывают на рассказчика, а далее Давыд Игоревич обращается к нему по имени: «Да се, Василю, шлю тя...».

[512] *Всеволожь* — город на реке Западный Буг к юго-западу от Владимира Волынского (См.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 35—36), *Шеполь* — город северо-западнее Луцка, *Перемиль* — город южнее Луцка. Вероятно, предлагая города в центре собственных владений, Давыд рассчитывал тем самым поставить Василька в полную от себя зависимость.

[513] *Азъ бо ляхомъ много зла створихъ...* — Возможно, Василько вспоминает свой поход в Польшу с половцами в 1092 г.

[514] *Берендеи* — тюркское племя, жившее на южных рубежах русских княжеств.

[515] *...реку брату своему Володареви и Давыдови...* — Василько называет рядом с братом и своего врага Давыда (двоюродного дядю), вероятно, желая подчеркнуть свою прежнюю доверительность ему.

[516] *Бужьск* — город в верховьях реки Западный Буг (См.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории. С. 36—37).

[517] *Турийск* — город на реке Турья, к северо-востоку от Владимира Волынского.

[518] *И въздамъ месть ...ненавидящимъ его въздасть.* — Вт. 32, 41 и 43.

[519] *Владислав-Герман* — польский король (1079—1102 гг.).

[520] *Черненъ* — видимо, Червен — город в междуречье рек Вепш и Западный Буг. Древняя Червенская земля — ныне приграничный район Польши к югу от города Хелм.

[521] *...волость отца моего и брата...* — Святополк напоминает, что после 1057 г., когда Изяслав перевел владимиро-волынского князя Игоря Ярославича в Смоленск, само княжество было присоединено к Киевской земле. Всеволод Ярославич отдал Владимир Ярополку (брату Святополка), а Ростиславичи, вероятно, находились у него в подчинении и пытались отбить у Ярополка Владимир.

[522] *...сына его два...* — Видимо, речь идет о Мстиславе и Ярославе.

[523] *Коломан* (Кальман) — венгерский король (1095—1116 г.).

[524] *Вагр* — правый приток реки Сан (притока Вислы), впадающий в нее в районе города Перемышль.

[525] *...числомъ 100 тысящь.* — Численность венгерских войск, как и численность их потерь (40 000), явно преувеличена. М. Д. Приселков полагал, что здесь отразилась половецкая песнь в честь Алтунопы (Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. Вып. 7. Л., 1941. С. 10—11).

[526] *Вышегородцы* — вероятно, ошибочно вместо выгошевцы (как в *Л*), то есть воины из города Выгошева, расположенного в Теребовльском княжестве.

[527] *Забрало, забороло* — помост по верху городской стены, огражденный бревенчатым или досчатым бруствером.

[528] *В лѣто 6606.* — Статьи 6606 и 6607 гг. повторяют то, о чем рассказывалось в так называемой «Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского»: перемирие у Городца, поход Святополка на Владимир, смерть Мстислава. Но о съезде князей в Витичеве

(Уветичах), напротив, рассказано более подробно, чем в «Повести» (там сказано лишь: «А на другое лѣто снемь створиша...»).

[529] *...акы три стези...* — В *И* — «три стяги», отдаем предпочтение варианту *Л* и *Р*.

[530] *Вниде Мьстиславъ... въ 10.* — Перед этой фразой в *Л* читается: «В лѣто 6608».

[531] *...Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ.* — В *Л* упомянут Давыд Игоревич — его имя добавлено в тексте и в переводе.

[532] *...в Божескомъ во острозѣ. Дубенъ и Черторыескъ...* — Вероятнее всего речь идет о Бужьске (*Бужьск* — город в верховьях реки Западный Буг (См.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории. С. 36—37)), Остроге, городе на реке Горынь (на южной границе современной Ровенской области), Дубне (Дубно на западе той же области) и Черторыеске — городе на реке Стыр, более 60 км. к северо-востоку от Луцка.

[533] *Дорогобуж* — город в Волынском княжестве, вблизи современного города Шепетовка (Хмельницкая обл. Украины).

[534] *...затворися...* — В переводе опираемся на чтение *Л* — «заратися», что более подходит по смыслу.

[535] *Золотча* — левый приток Днепра.

[536] *Саков* — город на левом берегу Днепра в Переяславском княжестве.

[537] *Нура* — приток Западного Буга.

[538] *...ускормили есмы собѣ князя...* — Мстислав с двенадцатилетнего возраста княжил в Новгороде: сначала в 1088—1093 гг., затем вновь возвращается на новгородский стол в 1095 или 1097 гг.; в 1117 г. был приглашен отцом в Киев.

[539] *Болеслав III Кривоустый* — с 1097 г. князь Силезии и Малой Польши, в 1106—1138 гг.— король.

[540] *...Давыдъ Святъславичь...* — Далее в *Л* упоминается еще Давыд Всеславич — сын полоцкого князя.

[541] *Ярополк Владимирович* — сын ВладимираМономаха; в 1103 г., согласно В. Н. Татищеву (История Российская. М., 1963. Т. 2. С. 129), был смоленским князем.

[542] *Сутин* — По предположению К. В. Кудряшова (Половецкая степь. М., 1947. С. 91—94), Сутин (Сутѣнь) — река Молочная, впадающая в Азовское море.

[543] *Се день ...възвеселимься во нь.* — Пс. 117. 24.

[544] *...скруши главы змѣевыя ...брашно ихъ намъ.* — Компилятивный текст с использованием Псалтыри (73, 13—14).

[545] *Ярослав* — видимо, Ярослав Святославич, Муромский князь.

[546] *...за цесаревичь за Олексиничь Цесарюграду...* — Ирина, дочь Володаря Ростиславича, была выдана, как полагают, за Исаака — сына византийского императора Алексея Комнина. См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 85.

[547] *...Передъслава ...за королевча...* — Предслава стала женой герцога Альмоша, сына венгерского короля Гезы I (1074—1077 гг.). Их дочь Адельгейда вышла замуж за чешского короля Собеслова I (1125—1140 гг.). См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 53, 184.

[548] *...иде на Глѣба, поемъше Давыда Всеславича ...* — Против минского князя Глеба Всеславича выступил и его брат — Давыд.

[549] *Увалися верхъ святаго Андрѣя.* — Церковь Андрея Первозванного была возведена Всеволодом Ярославичем в 1086 г. Данное сообщение, как и сообщение о воздвижении церкви, читаются только в *И*.

[550] *...Яня и Иванка Захарьича и Козарина...* — В Софийской первой летописи после имени Яня добавлено: «Вышатича и брата Путяту». Таким образом Янь отождествлен с Янем Вышатичем, о смерти которого «в старости мастите», в возрасте 90 лет, говорится в той же статье. Даже если девяностолетний возраст — эпическое преувеличение, Янь был в эти годы весьма старым человеком. И странно, что глубокого старца, да еще вместе с тысяцким Путятой, направляют в рядовой поход. Скорее всего нападение половцев отражали братья Янь и Иванко Захарьичи, а отождествление двух Янов — домысел. Однако в *И* другим почерком тоже добавлены слова — «Вышатича» и «и брата его Путяту»: вероятно, это влияние какого-то позднего летописного свода.

[551] *...Еупракси, Всеволожа дщи...* — Евпраксия Всеволодовна была обручена с маркграфом Генрихом Шаденским, но вскоре овдовела. В 1088 г. она становится женой императора (с 1084 г.), Священной Римской империи Генриха IV, получив при коронации имя Адельгейда. Евпраксия принимала активное участие в политической борьбе, но в начале 90-х гг. оставила мужа, отличавшегося крайней безнравственностью, и перешла в стан его противников. Вернувшись в Киев, Евпраксия после смерти Генриха (в 1106 г.) постригается. О ее судьбе см.: *Розанов С. П.* Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна (1071—1109) // Известия АН СССР. VII серия. 1929. № 8. С. 617—646; *Пашуто. Внешняя политика*. С. 125—127.

[552] *...преставися Володимеря княгини...* — жена Мономаха — Гита, дочь англо-саксонского короля Гаральда. После гибели Гаральда в битве при Гастингсе (в 1066 г.) его семья уехала во Фландрию, а затем в Данию. Бракосочетание Гиты и Владимира состоялось в 1074—1075 гг.

Умерла Гита, возможно, в Смоленске, если она сопровождала супруга в поездке. См.: *Пашуто. Внешняя политика*. С. 134—135.

[553] *Вячеслав* — сын Владимира Мономаха.

[554] *Лубен* — город на Суле, ныне — Лубны Полтавской области (Украина).

[555] *...а Шарукань одва утече.* — Полагают, что именно эти события имел в виду автор «Слова о полку Игореве», говоря, что готские девы «лелеют месть Шароканю».

[556] *Георгий* — Юрий Долгорукий, князь суздальский, а в 1155—1157 гг. великий князь киевский.

[557] *...за сына...* — Имеется в виду Святослав Ольгович. В 1136 г. он, видимо овдовев, женился на новгородке, от брака с которой у него родился Игорь — герой «Слова о полку Игореве».

[558] *...заложи повеленьемь Глѣбовомъ...* — Глеб Всеславич, его жена (дочь Ярополка Изяславича) и тесть были щедрыми жертвователями в Киево-Печерский монастырь. См.: *Лихачев. Комментарии*. С. 414 и 471.

[559] *Синодик* — книга, в которой записывали для поминовения умерших. Канонизация Феодосия произошла позднее, но уже в Успенском сборнике рубежа XП—XIII вв. читается его «Житие», написанное Нестором.

[560] *Ерина* — В *Л* вместо имени Ирины читается «Екатерина».

[561] *...у Чина...* — В *Х* — «Тчючина». Имеется в виду Чучин—город на Днепре, выше по течению устья Трубежа.

[562] *Творя ангелы своя духы ...огнь пламянъ.* — Пс. 103, 4.

[563] *...водяшеть бо я ...столпъ огненъ...* — Ср.: Исход, 13. 21.

[564] *...Ангелъ твой буди с тобою.* — На этом месте обрывается текст в *Л, Р* и сходных с ними (в части, относящейся к *ПВЛ*) летописях; далее читается приписка Сильвестра, сообщающая о написании (переписке? редактировании?) летописи в 1116 г. В *И* рассказ о знамении в Печерском монастыре продолжается.

[565] *Яко ангеломъ своимъ ...схранить тя.* — Пс. 90, 11.

[566] *Къ коей же твари ...и свѣтъ, и день.* — Выписка из сочинения Епифания Кипрского, церковного писателя IV в. Этот текст почти дословно совпадает с цитатой из того же автора во Вводной части «Летописца Еллинского и Римского», но начало текста там иное: «Въ пръвый день (сотворил Бог,— *О. Т.*) небеса и вышняя, и землю, и воды ...и духи, иже служать пред нимъ, иже суть сии: аггели облаком и мъглам...» и далее как в летописи, однако вместо «и таиныя бездны, и

суть скровены подъ землею, и преисподъниии тьмы» — «водныя, и бездныя, и сущая подземлею пропасти и тьмѣ».

[567] *...повелѣнью Божью.* — Далее следует фрагмент «Аще ли кто речеть ...не поганъ ли побѣжаше» — отрывок из «Александрии» в обработке еврейской средневековой хроники «Иосиппон» (См.: *Мещерский Н. А.* К вопросу об источниках «Повести временных лет» // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 57—65). Александр Македонский в 332 г. до н. э. действительно посетил Иерусалим, но совершенно легендарен восходящий к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия рассказ о том, как полководец поклонился иудейскому богу и смог познакомиться с пророчеством Даниила — сочинением, возникшнм через полтора столетия после походов Александра.

[568] *Арам* — в еврейском оригинале — «земля Эдом».

[569] *Ты еси козелъ ...возмеши царство его.* — Пророчество, будто бы предрекающее (а фактически задним число констатирующее) победу Александра над персидским царем Дарием III Коломаном (336—331 до н. э.), содержится в Библии, в Книге пророка Даниила (8, 20—21).

[570] *Се ангелъ мой ...лицемъ твоимъ.* — Ср.: Исход. 23, 20.

[571] *...понужая его на поганыя, на весну.* — Как показал Д. С. Лихачев (*Комментарии*. С. 473—475), рассказ о совещании князей перед походом 1111 г. почти дословно воспроизводит сообщение в статье 1103 г.

[572] *И поидоша въ 2 недѣлю поста ...быша на Сулѣ.* — Маршрут и хронология похода были реконструированы К. В. Кудряшовым в его книге «Половецкая степь» (М., 1948. С. 113—119). 26 февраля войско вышло из Переяславля, переправилось через Сулу в районе Лукомля, а затем через Хорол в среднем его течении и приток Псела—Голтву, переправилось через Ворксу в районе Лтавы (современной Полтавы), затем двинулось в район современного Змиева, переправилось через Северский Донец (летописец называет его Доном), двинулось по левому его берегу, а затем, перейдя на правый, князья взяли городки Шарукан и Сугров, располагавшиеся на Донце между устьями Оскола и Казенного Торца. Затем русские повернули назад, и решающее сражение произошло 27 марта на притоке Донца — Сальнице в районе современного города Изюм.

[573] *Тѣмже достойно похволяти ангелы...* — Отсюда и до слов «...и постави уставы по числу ангелъ» обширная выписка из Хроники Амартола (С. 160—162).

[574] *Иоанн Златоуст* — византийский церковный писатель и проповедник, один из наиболее почитаемых отцов церкви, константинопольский патриарх в 398—404 гг.

[575] *...со дьяволомъ тѣла ради Моисиева противяся...* — Об этом упоминается в Послании апостола Иуды (Иуд. 9) и подробно

повествуется в апокрифе о Моисее (См.: *Порфирьев В. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник *ОРЯС*. СПб., 1877. Т. 17, № 1. С. 204).

[576] *...Его же видѣ видиньемь и Данилъ летяща...* — Следующее далее описание ангела сходно с библейским текстом (Дан. 10, 6).

[577] *Отъ нихъ есть осла отвращая ...праздно творяй.* — В Библии рассказывается, как ослица заговорила, удерживая пророка Валаама от неугодного Богу поступка (Чис. 22, 27—30).

[578] *Иисус Навин* — вождь израильтян после смерти Моисея. Данный эпизод см.: Ис. Нав. 5, 13.

[579] *...пророка Амбакума ...посредѣ же левъ прѣпитаеть.* — Пророк Даниил был брошен в ров с голодными львами, но остался невредим (Дан. 6, 16—22).

[580] *Такоже есть и боголѣпный Рафаилъ ...створи ему.* — В библейской книге Товит рассказывается, как демон умерщвлял одного за другим семь женихов Сарры, дочери Рагуила. Сыну Товита Товии ангел Рафаил велел извлечь из пойманной рыбы сердце, печень и желчь и сохранить их. Затем ангел повелел Товии жениться на Сарре, но перед брачной ночью сжечь внутренности рыбы. От этого запаха демон бежал, и молодожены остались живы.

[581] *Ибо отроковица Роди ...ангелъ его есть.* — В книге Деяний апостолов (12, 12—17) рассказывается, что, когда ангел извел апостола Петра из темницы и он пришел к дому евангелиста Марка и постучал в дверь, то служанка Рода, услышав его голос, не открыла дверь, а побежала сообщить молившимся в доме о его приходе. Ей не поверили, думая, что пришел «ангел его».

[582] *Ипполит* — церковный писатель, автор толкований на Книгу пророка Даниила. Далее (до слов «...Михаила князя вашего») следует близкий к оригиналу пересказ Библии (Дан. 8, 1 — 13).

[583] *Не имамъ с вами ити ...идеть с вами.* — Пересказ библейского текста (Исх. Гл. 33).

[584] *...къ Грекомъ и Угромъ ...и до Рима проиде...* — Образ разносящейся по всем странам славы мы встречаем также в «Слове о полку Игореве» («Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю...») и в «Задонщине».

[585] *Всеволожая* — вдова Всеволода Ярославича.

[586] *...ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля.* — Евфимия была выдана замуж за венгерского короля Кальмана II (1095—1116 гг.), но вскоре была отослана обратно на Русь из-за ухудшения отношений с Венгрией. Ее сын Борис впоследствии выступал как претендент на

венгерский престол (См.: *Пашуто. Внешняя политика.* С. 167—168). Умерла Евфимия в Киеве в 1139 г.

[587] *Тако се древле ...не бяше сего.* — См. сноску 381.

[588] *Ятровь* — жена брата. Здесь речь идет, видимо, о вдове Святополка.

[589] *Сѣдѣ на столѣ отца ...мятежь влеже.* — Владимир останется великим князем киевским до своей смерти в 1125 г. В 1113 г., став киевским князем, Владимир, стремясь успокоить киевлян, дополнил свод законов — «Русскую правду» разделом «А се уставил Володимерь Всеволодовичь», в котором были расширены права «закупов» — то есть зависимой части населения, отрабатывающей свой долг и ссуду, полученную от феодала.

[590] *Выра* — приток Сейма, ныне это река Выр.

[591] *...церковь... Николы ...Новѣгородѣ* — Николо-Дворищенский собор.

[592] *...глазкы стекляныи ...суть же различь.* — Д. С. Лихачев полагает, что говорится о стеклянных «бусинах», вымывавшихся ливнями или речной водой с берега Волхова (*Комментарии.* С. 480).

[593] *Самоядь* — ненцы.

[594] *...да почтет фронографа.* — Далее следует пересказ из Хроники Амартола и Хроники Иоанна Малалы. См.: *Творогов О. В.* Античные мифы в Древней Руси — древнерусской литературе XI—XVI вв. // *ТОДРЛ.* Л., 1979. Т. 33. С. 8—11. *Проб* (Пров) — римский император (276—282 гг.), *Аврелиан* — римский император (270—275 гг.) Сообщение об упавших камнях во Фракии (не в Африке), как и предыдущие два, читаются в *Хронике Амартола* (См. сноску 381), но попали в летопись через посредство «Хронографа по великому изложению».

[595] *...поча царьствовати ...и хвалити начаша.* — Свободный пересказ главы 23 первой книги Хроники Малалы, главы 1 второй книги и главы 4 четвертой книги. В славянском переводе античные боги Феоста—Гефест и Гелиос—Солнце соотносятся со славянскими божествами Сварогом и Даждьбогом. Следует подчеркнуть, что, вопреки распространенному мнению, отождествление это произведено не летописцем, а славянским переводчиком.

[596] *Вся елико въсхотѣ ...от послѣднихъ земли.*— Пс. 137, 7.

[597] *Петръ кловьскый* — игумен Влахернского монастыря на Клове.

[598] *Случеск* — ныне Слуцк, в Минской области Беларуси.

[599] *...къ Мѣньску...* — В *И* — «къ Смоленьску», но по смыслу речь идет о Минске, стольном городе Глеба.

[600] *Желъди* — Желни, город в нижнем течении Сулы.

[601] *Медвѣжа Глава* — впоследствии крепость Оденпе, вблизи от города Юрьева (Тарту).

[602] *...Леонъ царевичь ...на Олексия царя...* — Леон — Девгениевич (См. сноску 484). Алексей — император Алексей Комнин (1081—1118 гг.).

[603] *...Мьстиславъ, внукъ Игоревъ* — сын неизвестного нам по имени сына Игоря Ярославича.

[604] *...Мьстиславичь, сынъ его, внукъ Володимеровъ.* — Речь идет о Всеволоде Мстиславиче, который прокняжит в Новгороде до 1136 г., когда будет изгнан недовольными им новгородцами.

[605] *...на Ярослава к Володимерю...* — на Ярослава Святополчича к Владимиру Волынскому.

[606] *И церковь заложи на Льтѣ мученику.* — Церковь в память о Борисе и Глебе на Альте, месте гибели Бориса.

[607] *Иван* — Иоанн Комнин, византийский император (1118—1143 гг.).

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О МИНУВШИХ ГОДАХ ЧЕРНОРИЗЦА ФЕОДОСЬЕВА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ <...> КТО В НЕЙ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ, И ОТКУДА ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем же повесть эту.

После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, и Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Кулия, Коммагена, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира.

На востоке же находятся Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия. Туда же относятся и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр, и река Геона, называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, меоты, дереви, сарматы, тавриане, Скифия, фракийцы, Македония, Далмация, молоссы, Фессалия, Локрида, Пеления, именуемая также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лухития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корфу, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря, на север, Дунай, Днестр, и Кавкасийские горы, то есть Венгерские, и оттуда, скажем, до самого Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части обитает русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Поляки же и пруссы, и чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской.

Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, то замыслили они создать столп до неба в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не завершен был. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и язык един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и есть остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов приняли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и

двух народов произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались морава, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них, и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки — лютичи, иные — мазовшане, а иные — поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно дойти даже до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и идет к северу, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — к варягам, а от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтийское море тремя устьями; это море именуемо Русским, — по берегам его учил святой Андрей, брат Петра.

Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на

этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: «Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытелью, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а <...> мученье». Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой — Щек, а третий — Хорив, и сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне — киевляне и доныне.

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> — не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого — не знаю, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском

озере — меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, свой народ — мурома, и черемисы — свой народ, и мордва — свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами.

А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царем. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры», — их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода поляков. Были ведь два брата у поляков — Радим, а другой — Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое — свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и

снохи перед свекровями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописце: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света, имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, страх имея великий. Иначе — у соседних с ними индийцев: эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон и у халдеев и у вавилонян: на матерях жениться, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и дома строят, и мужские дела совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые вовсе своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, а также многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые.

Амазонки же не имеют мужей, как скот бессловесный, но единожды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестных <земель> мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, —

снова покидают те места. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и теперь при нас половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, и едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут в жены своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

По прошествии времени, после смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старцы фараоновы: «Этому суждено унизить землю Египетскую»; так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва были <евреи> рабами их. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Поэтому с этой поры начнем и числа положим: от Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1082 года, от Авраама до исхода Моисея 430 лет, от исхода Моисея до Давида 601 год, от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, от пленения до Александра 318 лет, от Александра до рождества Христова 333 года, от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила этого 542 года. От первого года Михайлова до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел в Киеве, до первого года Игорева 31 год, от первого года Игорева до первого года Святославова 33 года, от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; княжил Ярополк 8 лет, Владимир княжил 37 лет, Ярослав княжил

40 лет. Таким образом от смерти Святославовой до смерти Ярославовой 85 лет, от смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Цесарь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, увидев, не смогли противостоять им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Цесарь же крестил князя их и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367 (859). Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренные жители в Новгороде — славяне, в Полоцке —

кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864).

В год 6373 (865). В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876). В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу— родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень молод.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятал он воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря, Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли <Аскольда> на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николая; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне и варяги, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать с древлянами и, покорив их, начал брать дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам <им платить> незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И обладал Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, и царствовали двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые называются Угорскими, и стали воевать с жившими там. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем землю Волынскую захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились вместе со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать с греками и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать с моравами и чехами. Был един народ славянский: славяне, сидевшие по Дунаю и покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых переведены книги, которые и названы славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к цесарю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснял святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, потому что не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, цесарь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. И есть у него сыновья, знающие славянский язык; оба сына у него искусные философы». Услышав об этом, цесарь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к цесарю, и сказал он им: «Вот, прислала ко мне славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их цесарь и послал их в славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же они <Константин и Мефодий> пришли, то начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божием на своем языке.

Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал <только на этих языках>». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: “Пусть восхвалят Бога все народы”, и другое: “Пусть все восхвалят своими языками величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить”. Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на месте святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; поэтому учитель славянскому народу — апостол Андроник. К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян — Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель апостол Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един. От варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами же прозваны были потому, что сидели в поле, а язык им был общий — славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-цесарь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, пошел на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега, и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не разорял Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими цесарями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у цесаря на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цесари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и

тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и ряд между греками и русскими, и послал, говоря:

«Согласно другому уряжению, бывшему при тех же цесарях — Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, цесарям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших князей и по повелению, от всех находящихся под рукой его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, такую дружбу объявить и утвердить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, насколько это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей. Но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, — русский христианина, или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же совершит этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина, или напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он крал, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из русских христианину или христианин русскому с побоями угрожает, и насилие явно, или отнимет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и станет помогать сохранить ладью с грузом ее и отправить ее вновь в христианскую землю, то следует нам проводить ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем <на греческий берег> мы, русские. И когда приходим <мы, русские> в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то <мы, греки> пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из прибывших с ладьею быть убиту или избитому от нас, русских, или что-нибудь будет взято, то пусть будут виновники присуждены теми к вышесказанному наказанию.

Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и когда нужда возникнет, и эти <русские> захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны <пленные христиане> на Русь и продаваемые <русскими> назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

О русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих <в Греции> у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — цесаря вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись цесарю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Цесарь же Леон почтил русских послов дарами — золотом и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великой честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все

речи обоих царей, как заключили мир и урядились Греческая земля и Русская не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не пользуясь им, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого тогда волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И наступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Это не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство. Так было и в царствование Домициана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, упросили его живущие там сделать следующее: он изгнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на глазах у бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми — антиохиянами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и покрикивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города комары и скорпионы. И спросили его еще об угрожавшем городу землетрясении, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много ты потрясешься, и огнем будешь попален, оплачет тебя <тот, кто будет> на берегу Оронта». Об < Аполлонии > этом и великий Анастасий из Божьего града сказал: «Чудеса, сотворенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: одни — для отогнания четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы, такие чудеса, но и

по смерти, находясь у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать несчастных людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебным искушением дела? Вот ведь, искусен был Аполлоний на волшебное обольщение и никогда не считался с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попущением Божиим и творением бесовским случается, — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка, пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Другое же, когда некоторые именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и даже бесов изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам всего был чужд — и праведного жития и веры, но тем не менее явилась в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго, каков был и Симон волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было справедливо сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона и зять Романа. И затворились от Игоря древляне после смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

В год 6423 (915). Сначала пришли печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и перебиты были греки. Симеон же захватил город Адрианов, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона, ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил кесарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен цесарем Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и гордости, и сотворил мир с Романом-цесарем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, как цель их ставя, стрелами стреляли, заламывая назад руки, связывали и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины — Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патрикий с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановитые бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русичи же, видя пламя,

бросались в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились восвояси. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарами. В том же году родился Святослав у Игоря.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цесареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кто одолеет: мы ли, они ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию:

«Согласно другому уряжению, заключенному при цесарях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и

общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянник Игорев, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн Сфандр от жены Улеба, Прастен Туродов, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен Акун, племянник Игорев, Кары Тудков, Каршев Туродов, Егри Евлисков, Воист Войков, Истр Аминдов, Ятвяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол Клеков, Стегги Етонов, Сфирка..., Алвад Гудов, Фудри Тулбов; Мутор Утин, купцы Адунь, Адолб, Ангивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турьбрид, Фурьстен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Ингелд, Турберн и другой Турберн, Улеб, Турбен, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилий, Апубкарь, Свень, Вузелев, Синько бирич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всех князей, и от всех людей Русской земли. И ими поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману и Стефану, и Константину, к великим цесарям греческим заключить мир с самими цесарями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока солнце сияет и весь мир стоит.

Кто от страны Русской замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

Великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим цесарям греческим сколько хотят кораблей с послами своими и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные. Ныне же стал князь ваш посылать грамоту в царство наше; те послы и гости, которые будут посылаться им, пусть приносят грамоту, написав в ней, что «послал столько-то кораблей», чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цесари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину —

послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, и да не имеют права зимовать у святого Мамонта.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит тоже наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому, и по уставу греческому и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, дадим ему, сколько ему будет нужно, и пусть воюет.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков, — наших царских поданных, — да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его. Если же убежит убийца и скроется, а будет у него имущество, то пусть родственники убитого возьмут имущество это; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его пока не найдется. И да будет убит.

Если же ударит мечом или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших врагов, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, цесарей, — на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, и предлежащим честным крестом, и хартией этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли, или иной кто, крещеный или некрещеный, да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом и в этой жизни и в загробной и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, написанное на хартии этой, будет соблюдаться Игорем и всеми боярами, и всеми людьми и Русской страной во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И пусть на благо Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи цесаря Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам цесарь?» И сказали царские послы: «Вот послал нас цесарь, обрадованный миром, и хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге наших цесарей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и мужи его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских водили в церковь святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы, и хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан среди варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил их; послы же пришли к цесарю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять пойти к древлянам, желая взять с них большую дань.

В год 6453 (945). Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя навстречу ему из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у города Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, и воевода был Свенельд, тот был отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем

жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города. Двор теремной и другой двор были, где стоит сейчас двор деместика, позади церкви святой Богородицы, над горою. Был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и спросила их: «Хорошо ли, гости, дошли?» И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?» Ответили древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за нашего князя за Мала”». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, с гордостью. Утром я пошлю за вами, вы же скажите: “Не едем на конях, ни пешком не пойдем, но понесите нас в ладье” — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пешком не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и

приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где другие мужи наши, которых послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко, а потом приказала отрокам рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. И Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся.

Начало княжения Святослава.

В год 6454 (946). Ольга с сыном Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав метнул копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще совсем мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и стойко сопротивлялись, ибо знали, что сами убили князя и что их ожидает. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь от дани, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «Я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий — когда устроили тризну по моем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, так дайте же мне эту малость». Древляне же, обрадовавшись, собрали с каждого двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому голубю и воробью. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни свои, а воробьи под стрехи, и так загорелись голубятни, а от них клети и сеновалы. И не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их.

А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною своею по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и, пробыв здесь год, в год 6465 (947) отправилась Ольга к Новгороду. И основала по Мете погосты и установила дани, и по Луге — погосты и дани и оброки установила, и места охот ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты. И сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть ее места для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там пребывала с ним в любви.

В год 6456 (948). В год 6457 (949). В год 6458 (950). В год 6459 (951). В год 6460 (952). В год 6461 (953). В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. Был тогда цесарь Константин, сын Льва. И увидев, что она красива лицом и весьма умна, подивился цесарь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в городе этом». Она же, поразмыслив, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее цесарь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». И дал ей наставления о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее цесарь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей цесарь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И поднес ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась, и в Христа облеклась, и Христос

сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев.

Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская, желая услышать премудрости Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та <царица эфиопская> — человеческой, а эта — Божьей. «Ибо ищущие мудрости — найдут». «Премудрость на улицах возглашает, на дорогах возвышает голос свой, на забралах стен городских проповедует, в городских воротах громко вещает: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Елена с малых лет искала мудростью своей, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Склонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня», ибо Господь, сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Ольга же эта пришла в Киев, как мы сказали, и прислал к ней цесарь греческий послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и много воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и уговаривала принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался по своей воле креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть»; Ибо «не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались, обратился к вам, и не поняли, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь Бога — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям. Если кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал:

«Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых как мозоли. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464 (956). В год 6465 (957). В год 6466 (958). В год 6467 (959). В год 6468 (960). В год 6469 (961). В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и набрел на вятичей, и спросил вятичей: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем каганом и сошлись биться, и в войне с ними одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и пришел в Киев.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В году 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И сразились, и одолел Святослав болгар, и взял городов восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли печенеги впервые на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце. И заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силой великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогли люди от голода и жажды. И собрались люди противоположной стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и

нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я смогу пройти». Горожане же обрадовались и сказали отроку: «Если знаешь, как пройти, — иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и прошел через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув с себя одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. Те же заметили его с другого берега, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подступите завтра рано утром к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив с собой княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны <Днепра>». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет воинов бесчисленное множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Будет так». И подали они друг другу руки, и одарил печенежский князь Претича конем, саблей и стрелами. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь, нас ведь чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, и воск, и мед, и рабы». Отвечала ему Ольга: «Разве не видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали о ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как утренняя звезда перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди запятнаны грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Радуется народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он защитит их десницею и покроет их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — милостницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, сказав: «Это мой город!» И послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки мудры и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки

против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские и греки друг на друга. И сразились полки, и окружили греки русских, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и доныне пусты.

И созвал цесарь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И когда пришли греки с поклоном, сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав, смотря в сторону: «Спрячьте». Отроки же Святославовы, взяв, спрятали. Послы же цесаревы вернулись к цесарю, и созвал цесарь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, и приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие. Он же взял и стал хвалить цесаря, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к цесарю и поведали все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань», И послал к нему цесарь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы какой-нибудь хитростью не истребили дружину мою и меня не убили», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Цесарь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с цесарем и узнает цесарь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество

воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к цесарю, и пришли в Доростол и сказали о том цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена”». Цесарь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Согласно другому уряжению, заключенному при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, цесарю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479.

Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми поданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими цесарями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными цесарями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим цесарям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем колоты, как золото, и своим оружием посечены будем и умрем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел на ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и перезимовал Святослав. Когда же наступила весна, отправился Святослав к порогам.

В год 6480 (972). Пришел Святослав к порогам, и напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали

чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А было всех лет княжения Святослава двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И с того началась вражда между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало с моста, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега внизу под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!» И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она ответила: «Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог противостоять Владимиру и затворился Ярополк в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с коварством говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как своего отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд посланным Владимиром: «Буду я тебе друг». О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету». Этот же обманом задумал измену князю. И еще: «Языками своими льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневили тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумны те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд <в городе> вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: “Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка”. Беги же из города». И послушался его Ярополк, бежал из города и, придя в город Родень в устье реки Роси, затворился там, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так

говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть будет так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, и как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: “Что ты мне ни дашь, то я и приму”. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под мышки. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

После всего этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого».

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса и Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась жертвоприношениями земля Русская и холм тот. Но исполненный блага Бог не захотел гибели грешников, и на том холме ныне есть церковь святого Василия, как расскажем об этом после, Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира Перуна над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден похотью. Были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, и наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велико могущество его, и разуму его нет конца!» Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене, ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейцы; на мгновение только наслаждает гортань твою, после горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоразумна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках, а о хороших женах сказал он так: «Дороже она многоценного камени. Радуется на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирает к полезному, локти свои возлагает на веретено. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее заметен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо хвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их: Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов и захватил их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, тех и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, и был двор его, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и втайне исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его, окаянный, и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны вручную из дерева секирою и ножом. Бог же один, которому служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и человека, и звезды, и солнце, и луну, и создал жизнь на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он и прежде погубить род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. «Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, ни пророки не предрекали», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не были здесь апостолы сами, однако учение их как трубные звуки раздается в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем противника и врага — дьявола, попирая его под ноги, как попрали и эти два отца наших, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста впереди себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил Волчий Хвост радимичей. Оттого дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы от волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода поляков, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в

сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево”». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию”, — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых низверг Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета.

Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Это есть тело мое, ломимое за вас”. Так же и чашу взял и сказал: “Это есть кровь моя нового завета”. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого мы распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния сорок “шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина сошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского и решил: «Сойду на землю, и овладею ею, и поставлю престол свой на облаках северных, и буду подобен Богу». И тотчас же был свергнут с небес и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в пятый день сотворил Бог китов, и гадов, и рыб, и птиц пернатых, и зверей, и скотов, и гадов земных. В шестой день сотворил Бог человека. В седьмой же день почил Бог от дел своих, это и есть суббота. И насадил Бог Рай на востоке в Едеме и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания зла и добра — не есть. И был Адам в Раю, видел Бога и славил его, когда ангелы славили Бога, и он с ними. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и привел ее к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена всем скотам и птицам, зверям и гадам, и дал имена даже самим ангелам. И подчинил Бог Адаму зверей и скот, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил Бог человека, и позавидовав ему, преобразился в змия, пришел к Еве, и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине Рая?» И сказала

жена змию: «Сказал Бог: не ешьте, а не то — смертью умрете». И сказал жене змий: «Смертью не умрете; ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете, как Бог, ведать добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяв, съела жена плод и дала мужу своему, и ели оба, и открылись им очи, и поняли они, что наги, и сшили себе перепоясание из листвы смоковницы. И сказал Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь питаться все дни твоей жизни». И сказал Господь Бог: «Когда простреге руки и возьмете от дерева жизни, — будете жить вечно». И изгнал Господь Бог Адама из Рая. И поселился он против Рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля. Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял Бог дары Авеля, Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И, когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не сумел это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». И убил Каин Авеля. И сказал Бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал Бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стенать и дрожать до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого Бог почтил, того я заставил отпасть от Бога, и вот ныне горе на него навлек». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божьим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было 230 лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, всякой нечистоты, убийства, зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде людском. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал Господь Бог Ною: «Построй ковчег в длину 300 локтей, в ширину 80, а в вышину 30»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: «Войди в него ты и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех гадов, скотов и птиц». И ввел Ной, кого повелел ему Бог. И навел Бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена его. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». И начали строить, и был старейшина у них Неврод; и сказал Бог: «Умножились люди и замыслы их суетные». И сошел Бог, разделил речь их на 70 и 2 языка. Только язык Адама не был отнят у Евера: этот один из всех остался непричастен к их безумному делу, и сказал так: «Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы сам Бог словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменился его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на 70 и 1 народ и

разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам, и не познали Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет.

Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они изготовлять кумиры: одни — деревянные, другие — медные, третьи — мраморные, а некоторые — золотые и серебряные. И поклонялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых бывших царей или храбрых людей и волхвов, и жен прелюбодеек. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, задумавшись, посмотрел на небо и сказал: «Воистину тот Бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего» и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянные кумиры? Тот Бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храмине. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но и сам тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и произведу от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам Лота, племянника своего; этот Лот был ему и шурин и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам Богу. Аврааму же было 75 лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом. Аврааму же было 86 лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара и родила сына, и нарекла имя ему Исаак. И приказал Бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезал его Авраам на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, а назвав своим народом, отделил его от других. И возмужал Исаак, а Авраам жил 175 лет и умер, и был погребен. Когда же Исааку было 60 лет, родил он двух сыновей: Исава и Якова. Исав же был лжив, а Яков — праведен. Этот Яков работал у своего дяди семь лет, добиваясь его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя его, сказав: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой сказал ему: «Работай еще семь лет». Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулона, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же, когда ему было 130 лет, пошел в Египет вместе со всем родом своим, числом 65 душ. Прожил он в Египте 17 лет и умер, а потомство его находилось в рабстве 400 лет.

По прошествии же этих лет усилились евреи и умножились, а египтяне притесняли их как рабов. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетские царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и, отнеся, поставила ее подле реки. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила и дала имя ему Моисей, и вскормила. Был же тот мальчик красив, и, когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон же, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей же, хватаясь как-то за шею царя, уронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв же, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то он сам погубит весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей, повзрослев, стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и, когда бродил по пустыне, узнал он от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд и о числе их, и о размерах земли и всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог пламенем в терновнике и сказал ему: «Видел я бедствия людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: “Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они требу Богу”. Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него десять казней: 1) окровавленные реки, 2) жабы, 3) мошки, 4) песьи мухи, 5) мор скота, 6) нарывы, 7) град, 8) саранча, 9) трехсуточная тьма, 10) мор на людей. Потому напустил Бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыню к Красному морю, и шел впереди их огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и прижал их к морю. Увидев это, евреи стали кричать на Моисея: «Зачем повел нас на смерть?» И возопил Моисей к Богу, и сказал Господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море по суху. И когда вышли на берег, сомкнулась вода над фараоном и воинами его. И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на Бога, и показал он им дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал Господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди

отлили голову тельца и поклонились ей как Богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: «Ударь жезлом в камень» и сказал: «Из камня этого разве не источите вы воды?» И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа. И не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамьскую и показал землю обетованную. И умер Моисей здесь на горе. И принял власть Иисус Навин. Этот вошел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место его сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных судей было четырнадцать. При них забыли евреи Бога, изведшего их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался Бог, и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться,— миловал их Бог; и снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался Бог на израильтян, и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону Господню, и избрал Господь Давида, и поставил его царем над Израилем, и угодил Давид Богу. Давиду этому обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божьем, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил тебя». Так он пророчествовал 40 лет и умер. А после него царствовал и пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал 40 лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись им люди, а Бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря Арею; и забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать пророков. Бог разгневался сильно на Израиля и сказал: «Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну согрешений их». И стал он посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании иных народов».

Первым стал пророчествовать Осия, говоря: «Положу конец царству дома Израилева и сокрушу лук Израилев, уже не буду более миловать дом Израилев, но, отметая, отвергнусь их, — говорит Господь, — И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы восстали Моисей и Самуил, не помилую их». И еще сказал тот же Иеремия: «Так говорит Господь: “Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев”». Иезекииль же сказал: «Так говорит Господь Адонаи: Рассею вас, и все остатки ваши развею по всем ветрам за то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими. Я же отрину тебя и не помилую тебя снова». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: “Уже нет моего благоволения к вам, ибо от востока и до запада прославится имя мое

между народами, и повсюду возносят фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов”». И еще сказал тот же пророк: «Возненавидел я праздники и начала месяцев ваших не приемлю». Амос же пророк сказал: «Слышите слово Господне: “Я подниму плач о вас. Пал дом Израилев и не встанет более”». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: “Пошлю на вас проклятие и прокляну ваше благословение... разрушу его и не будет с вами”».

И много пророчествовали пророки об отвержении их. Тем же пророкам повелел Бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исайя, так говоря: «От меня произойдет закон и суд мой — свет для народов. Скоро приблизится правда моя и восходит, и на мышцу мою надеятся народы». Иеремия же сказал: «Так говорит Господь: “Заключу с домом Иудиным новый завет, давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом”». Исайя же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу. И прежде возвещания оно было явлено вам: пойте Богу новую песнь. Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле. Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророк Исайя говорит: «Обнажит Господь святую мышцу свою перед глазами всех народов, — и все концы земли увидят спасение от Бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком в плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога. Первым Давид возвестил: «Сказал Господь Господу моему: “Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих”». И еще: «Сказал мне Господь: “Ты сын мой; я ныне родил тебя”». Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам Бог придя, спасет нас». И еще: «Как младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему “великого света ангел” и велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами Иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и исход которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову. После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он Бог, ибо умирает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит Господь». И Осия сказал: «Так говорит Господь: “Плоть моя от них”».

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: «Горе душе их, ибо совет зол сотворили, говоря: “Свяжем праведника”». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит Господь: “Я не воспротивлюсь, не скажу вопреки. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевывания”». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исайя же сказал: «Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен Бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении его вещали. Сказал Давид: «Востань, Боже, суди землю, ибо ты наследуешь среди всех народов». И еще: «Да воскреснет Бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, Господь Бог мой, да вознесется рука твоя». Исайя же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ты ради крови завета твоего освободил узников своих изо рва, в котором нет воды». И много пророчествовали о нем, что и сбылось все.

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, предал их <Бог> на расхищение, и выведены были в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В дни владычества его, в году пять тысяч и пятисотом послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» И от слова этого зачала она в утробе Слово Божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему». Услышав об этом, Ирод царь пришел в смятение и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме иудейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев четырнадцать тысяч. А Мария, испугавшись, спрятала отрока. Затем Иосиф с Марией, взяв отрока, бежали в Египет и пробыли там до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему 30 лет, начал он творить чудеса и проповедывать царство небесное. И избрал двенадцать и назвал их

учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем, говоря: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошел в образе голубином, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, его же благоизволил». И посылал он учеников своих проповедывать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедывать о том, как подобает сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи исполнились зависти и хотели убить его и, схватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что без вины его ему передали, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом Цесарю». Тогда Пилат приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место, и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, востали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти на гору Елеонскую. И тут явился им и, благословив их, сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование Отца моего». И, когда возносился на небо, поклонились ему ученики. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил философа: «Почему родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему: «Того ради, что вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и лишился тот рая; так и Бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, из-за жены первоначально был изгнан Адам из рая; так же через жену воплотился Бог и повелел войти в рай верным. А на древе он был распят потому, что от древа вкусил <Адам> и лишился рая; Бог же на древе принял страдания, чтобы древом был побежден дьявол, и древом праведным спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал Бог: «Как водою погубил я людей за грехи их, так и теперь вновь водою очищу от грехов людей, — водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетского злого нрава, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: Дух Божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и Духом. Первое преображение тоже было водою, чему Гедеон дал прообраз. Когда

пришел к нему ангел, веля ему идти на мадимьян, он же, испытывая, обратился к Богу, положив руно на земле, сказал: «Если будет по всей земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же было прообразом, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на другие страны пала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Когда апостолы учили по вселенной веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, и вся вселенная верует учению их. Установит же Бог и день единый, в который будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его: праведникам царство небесное и красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же страдания в огне, червь неусыпающий и муки без конца. Таковы же будут мучения тем, кто не верит Господу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, <философ> показал <Владимиру> завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». <Философ> же сказал: «Если хочешь с праведниками по правую сторону стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честию великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира. И удивительное рассказывают, будто бы и другой свет есть — и чудно слушать их, — если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то по смерти снова востанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у кого служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их и службу». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к цесарю. Цесарь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав это, цесарь обрадовался и в тот же день оказал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские, разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они

славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила зажгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цесари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили прежде всего в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, называемом мечетью. Стоят там без пояса и, сделав поклон, садятся и глядят туда и сюда, как безумные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не хорош закон их. И пришли мы к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы — на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на другом берегу лимана, на расстоянии полета стрелы от города, и крепко сопротивлялись горожане. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушали его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал насыпать землю горой у городских стен. И когда насыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, крали насыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — сам крещусь!» И тотчас же повелел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к цесарям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цесари и послали ему весть такую: «Не пристало христианам жениться и выдавать замуж за язычников. Если же крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого,

то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от цесарей: «Скажите цесарям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде разузнал о законе вашем и люба мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цесари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цесари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти к язычникам и сказала им: «Лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села на корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. Когда прибыла в Корсунь, вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и отвели ее в палату. По божественному промыслу разболелись в то время у Владимира глаза, и не видел ничего, и скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга этого». Услышав это, Владимир сказал: «Если же так и будет, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь познал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святой Софии, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака.

Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут.

Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: “Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли” — и до конца этот символ веры. И еще: “Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Святой Дух, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности; ибо разделяется <Бог> нераздельно и соединяется без смешения. Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времен, Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу и безначален, только

рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или в Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменные их свойства. Не три бога, но один Бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же Отца и Духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам <людям>... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления, взошел на небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет.

Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь, принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и кресту, и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших единосущную Троицу. Третий же собор — в Ефесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедовали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам.

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не склоняются перед иконами, но, стоя, кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что ложась целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: чествование иконы переходит на ее

первообраз. Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, — изначала сотворил Бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и тут же оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никее против Ария <папа> римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров; от Александрии Афанасий, а от Царьграда Митрофан послали от себя епископов и так исправляли веру. На втором же соборе — от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе — Келестин Римский, Кирилл Александрийский. На четвертом же соборе — Леонтий Римский, Анатолий из Царьграда, Ювеналий Иерусалимский. На пятом соборе — Римский Вигилий, Евтихий из Царьграда, Аполлинарий Александрийский, Домнин Антиохийский. На шестом соборе — от Рима Агафон, Георгий из Царьграда, Феофан Антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе — от Рима Адриан, Тарасий из Царьграда, Политиан Александрийский, Феодор Антиохийский, Илья Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляли веру. После же седьмого собора Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола Иерусалимского, Александрийского, Константинопольского и Антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея различные свои учения, потому и нет у них единой согласованной веры, а различные: одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат, иные же и многие другие отличия имеют, и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи за подношения, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

Владимир же взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь святого Иоанна Предтечи в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, когда крали землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он с собой и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел повергнуть идолы — одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения. И, приволочив, кинули его в Днепр. И поручил Владимир <людям>, сказав: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его, пока не пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили

повеленное. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, которая и до сих пор зовется Перунья отмель. Затем разослал Владимир посланцев своих по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни, погрузившись до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость великая на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой этим, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, возвел глаза на небо и сказал: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правую и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где приносили им жертвы князь и люди. И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости своей помиловал их Бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам, грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои». «Ибо велик ты и чудны дела твои; нет предела величию твоему. Род за родом восхвалят дела твои», скажем с Давидом: «Придите, возрадуемся Господу, возгласим Бога и спасителя нашего. Предстанем лицу его со славословием»; «Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его», ибо «избавил нас от врагов наших», скажем так о идолослужителях. И еще скажем с Давидом: «Воспойте Господу песнь новую, воспойте Господу вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя его, благовествуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах

славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик Господь и достохвален», «И величию его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто Бог, как не ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; итак погребены с ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое», «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него», князя нашего Владимира, «получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить Господу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом, и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к владыке Богу нашему: «Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их! Сеть расторгнулась, и мы избавились» от обмана дьявольского. «И исчезла память его с шумом, и Господь пребывает вовеки», а демоны проклинаемы благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещенье и покаяние в отпущенье грехов, — новые люди христиане, избранные Богом».

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Святополк и Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис и Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил Ярослава в Новгороде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Это плохо, что мало городов вокруг Киева». И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). В год 6498 (990).

В год 6499 (991). После этого жил Владимир в христианском законе, и задумал создать каменную церковь пресвятой Богородице, и послал

привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды церковные и кресты.

В год 6500 (992). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6501 (993). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года и разойдемся; если же наш муж бросит вашего оземь, то будем разорять вас три года». Владимир же, вернувшись в стан свой, разослал глашатаев объявлять: «Нет ли такого мужа, который бы поборолся с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и тут же послал за ним, привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли крупного и сильного вола?» И нашли могучего вола, и приказал он разъярить вола; возложили на него раскаленное железо и пустили вола. И побежал вол мимо него, и схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи. Печенеги выпустили своего мужа: был же он огромен и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули русские, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «”Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя” — этих новых людей, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его и отпусти все грехи его, ради молитвы пречистой Богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и от моих городов». И уставил так, написав заклятие в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это, — да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал многие богатства.

После этого пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо был праздник Преображения Господня в тот день, когда произошла та сеча. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив триста мер меду. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал здесь князь Владимир восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил светлый праздник, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно.

И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и взаймы дает». Слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает взаймы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут дойти до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И такое делал он для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать

пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же, бывало, перепьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны. И жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андроником Чешским. И были между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божьем. И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам деда и отца.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир пойти к нему, так как не собрались еще к нему воины, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и начался среди горожан сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а от князя помощи нет. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем собрали люди вече?» И поведали ему, что завтра горожане хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же охотно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел копать колодец и поставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел копать другой колодец и поставить в него другую кадь. Повелел им поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и влить в кадь во втором колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им

сдаться, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается у тех в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И стали варить у них на глазах; когда сварили кисель, взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив кисель, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6506 (998). В год 6507 (999).

В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В год 6510 (1002).

В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В год 6512 (1004). В год 6513 (1005). В год 6514 (1006).

В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В год 6516 (1008). В год 6517 (1009). В год 6518 (1010).

В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.

В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав перестал платить в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис, а тем временем печенеги пошли походом на Русь, и Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер же князь великий Владимир на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем великим.

То новый Константин великого Рима, который крестил всех людей своих и крестился сам, и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в язычестве и в скверных пехотных желаниях, зато впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Если в прежние годы невежества и были какие согрешения, то впоследствии рассыпаны они покаянием и милостыней, как говорится: «За чем тебя застану, по тому и сужу». Как пророк говорит: «Жив я, Адонай Господь, и не хочу смерти грешника, пусть он сойдет с пути своего и жив будет, обращением <к добру> отвернется от пути своего злого». Многие ведь из праведников, творившие и жившие по правде, накануне смерти совращаются с верного пути и погибают, а другие, в разврате пребывавшие, к смерти опомнятся и добрым покаянием очистятся от грехов. Как говорит пророк: «Праведник не сможет спастись в день греха своего. Когда скажут праведному: жив будешь, и он начнет уповать на праведность свою и сотворит беззаконное, то все праведное его не вспомнится в неправде его, им сотворенной, в ней же умрет. И когда скажут нечестивому: смертью умрешь, и он отвернется от пути своего и

поступит по справедливости, и сотворит суд праведный, ложь отринет и похищенное возвратит. Все грехи его, все, в чем согрешил он, не помянутся, если он творит суд и правду, и будет жив благодаря этому. Каждого сужу по делам его, дом Израилев!»

Этот же <Владимир> умер в исповедании, следуя добру, покаянием рассыпал грехи свои и милостынями, что всего лучше. «Милостыни ведь хочу, а не жертвы». Милостыня всего лучше и выше, возносит до самого неба перед Богом. Как ангел Корнилию сказал: «Молитвы твои и милостыня твоя останутся в памяти перед Богом». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему тех почестей, каковых достойны его деяния. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как чтим мы его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда». Держат в памяти его русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды нашей, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Святополк сел в Киеве после смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Святополк же, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечал же Путша: «Согласны я и вышегородцы головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на неправедное пролитие

крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню, так как сказали уже ему, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные. Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волей дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса, и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его очень любил, и одел он на него большое золотое ожерелье, в котором тот и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. Не могли они быстро снять ожерелье с шеи Георгия и отсекли голову ему, и только тогда сняли ожерелье, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те подошли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнявшись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, воспевая с ангелами и в веселье пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, словно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, — потому и завидуют и скоры на совершение зла. Было сказано: «Кто идет прельстить Ахава?» И ответил бес: «Это я иду». Злой человек, усердствуя злому делу, хуже самих бесов, ибо бесы хоть Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится. Поэтому и Давид говорит: «Воистину ли верно говорите и по праву ли судите,

сыны человеческие? Но в сердце творите беззаконие, на земле неправду ваши руки плетут, от самого лона материнского отступили грешники <от правды>, заблудились, <выйдя> из чрева, говоря ложь, а ярость их подобна змеиной».

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне на корабле. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою. Ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И неожиданно захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка.

Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама — жертва одушевленная, и принял венец, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостию, которой удостоились они за свое братолюбие. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». И еще: «Оружье обнажили грешники и натянули луки свои, чтобы застрелить нищего и убогого, заклать чистых сердцем. И оружье их вонзится в их же сердца, и луки их переломятся. Как грешники они погибнут, исчезая словно дым погибнут».

Пришли <убийцы> и сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Беззаконие умышляет язык твой, изостренный словно бритва, творит коварное. Полюбил зло более благостыни, неправду больше, чем говорить правду.

Полюбил все слова гибельные, язык лживый. За это Бог уничтожит тебя до конца и исторгнет тебя из села твоего и корень твой из земли живущих». Как и Соломон говорит: «Я посмеюсь над погибелью вашей, порадуюсь, когда придет на вас бедствие. Поэтому съедят своих дел плоды и насытятся своего нечестия».

Итак, Глеб был убит и положен на берегу между двумя колодами. Затем же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а того более — душами, пребывая у владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном, и подавая дары исцеления Русской земле и всех, приходящих с верою из иных стран, исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отверзение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке Богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, ангелы во плоти, единомысленные служители Богу, единообразная чета, святым единодушная; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи целебные из источника живоносной воды, истекают они верным людям на исцеление. Радуйтесь, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие недреманное око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, которой по делам своим удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обходите, бесов отгоняя, недуги исцеляя, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напоятете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, преславные, ибо, прекрасные в ней, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуется церкви светозарное солнце, дождавшись восхода, всегда освещает в страдании славу вашу,

мучеников. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые заступники наши и страстотерпцы, покорите же поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, воспевающих вас и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал к уграм. И стал помышлять: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русской землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит он ей цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, правящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь — глава земли. Ибо так сказал Исайя: «Согрешили от головы и до ног, то есть от цесаря и до простых людей». «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет Господь у Иерусалима силу и могучего исполина, и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика им поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда еще Ярослав не знал об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам. Новгородцы же поднялись на них и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил их тысячу. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса и за Глебом послал, берегись его очень». Услышав это, Ярослав опечалился об отце, и о брате, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, истребляя братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя сражаться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, и, воззвав к Богу, сказал: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины

пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что идет Ярослав, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех напасть, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим, вы, плотники? Поставим вас хоромы нам ставить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу: «Завтра мы переправимся и пойдем на них; если кто не пойдет с нами, сами убьем его». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же на другой день, на рассвете, исполчив дружину, переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился лед под воинами Святополка, и многие утонули в воде. И стал одолевать Ярослав. Видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав, а Святополк бежал в Польшу, Ярослав же сел в Киеве на столе отцовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав вступил в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав множество руси, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка. И пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода по имени Буда, и стал он оскорблять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав так велик и тяжек, что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И воскликнул Болеслав, обратившись к дружине своей: «Если вас не оскорбляет насмешка эта, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его, Ярослав же не успел исполниться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, добравшись до Новгорода, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: «Можем и дальше биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от старост по десять гривен, а от бояр по восьмидесяти гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав множество воинов. Когда Болеслав еще

находился в Киеве, безумец Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же бежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестры его, а Анастаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо тот обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и победил Ярослав Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, обрек Каина на стенания и трепет: так возложи и на этого». Помолившись сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, когда сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабли все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там в муках окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного». Святополку «показало явно: посланная на него Богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит же из нее тяжелый смрад. Все это Бог явил в поучение князьям русским; если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще большую той, потому что совершат такое злое братоубийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от Бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: “Мужа убил во вред себе и, юношу убив, навлек на себя беду, потому, — сказал он, — и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это”». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Авимелех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же пришел и сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив множество новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, Ярослав, выйдя из Киева, на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев возвратил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услыша же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И съехались. И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был рослым и сильным Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и ударил его ножом в горло, и тут был зарезан Редедя. И, войдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде.

В тот же год появились волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а

других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами.

И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина варягов с северянами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, то блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Сиди ты на своем столе в Киеве, поскольку ты старший брат, а мне пусть будеть эта сторона <Днепра>». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Ярослав в Новгороде, а в Киеве были мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6533 (1025).

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дал имя ему Святослав.

В год 6536 (1028).

В год 6537 (1029). Мирно было.

В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж великий в земле Польской: восстав, люди перебили епископов, и попов, и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и возвратили себе червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Роси.

В год 6541 (1033). Евстафий Мстиславич умер.

В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили его в церкви святого Спаса, которую сам создал: ведь были при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его уделом Ярослав и стал единовластием в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав.

Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, исполчил дружину, и поставил варягов посередине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев, и стал пред градом. Печенеги двинулись на них, и сошлись на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне

града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врассыпную и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, и так гибли, а остаток их бегает где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу во Пскове — был тот оклеветан перед ним.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав великий город <городские стены> Киев, у того же города Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, Премудрости Божьей, митрополию, и затем церковь каменную на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения. Этот премудрый князь Ярослав для того создал <церковь> Благовещения на вратах, чтобы даровать навсегда радость городу тому благовещением Господним и молитвою святой Богородицы и архангела Гавриила. Потом <заложил> монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же любил черноризцев, и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напояющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение. Мною цесари царствуют, и сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее иконами бесценными, и золотом, и серебром, и сосудами церковными, и

возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей и постоянно пребывать в церкви, потому что попам достоит всегда наставлять людей, ибо им поручено это Богом. И умножились пресвитеры и люди христиане. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

В год 6546 (1038). Ярослав пошел на ятвягов.

В год 6547 (1039). Освящена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава.

В год 6548 (1040). Ярослав пошел на Литву.

В год 6549 (1041). Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославович на ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней.

В год 6551 (1043). Послал Ярослав Владимира, сына своего, на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир на Царьград в ладьях, и приплыл к Дунаю, и от Дуная пошли к Царьграду. И началась буря сильная, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов. Прочих воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля, сказав: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с соратниками». И хотели дойти до Руси. И сообщили грекам, что море разбило ладьи русских, и послал царь, именем Мономах, в погоню за русскими четырнадцать ладей. Владимир же, увидев, что преследуют их, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В это же время выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного

дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Извлечены были из могил два князя — Ярополк и Олег, сыновья Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы Владимировой. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти», и носил его на себе Всеслав и до дня последнего своего, оттого и немилостив он был на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046). В этом году была тишина великая.

В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан и победил их, и убил князя их Моислава, и покорил их Казимиру.

В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).

В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава, февраля в 10-й день.

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона русским митрополитом в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь.

Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и находившуюся там церковь Святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, книжный и постник, и ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне

находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там большой лес. Выкопал он небольшую пещерку, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и осталась. И некоторое время спустя некоему человеку, мирянину из города Любеча, положил Бог мысль на сердце пойти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел тамошние монастыри, и, полюбив монашескую жизнь, пришел в один из тамошних монастырей, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-монашески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут черноризцами». И благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, в поисках места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и полюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет на нем благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды испивая в меру, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали о нем добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний, и, приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле. Изяслав, узнав о житии его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стали приходить к нему братья, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословению Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал, — да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам я хочу уединиться в другой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никогда и никуда из пещеры в течение сорока лет, в ней лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, задумали поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, не можем вместиться в пещере; если бы Бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И

повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. И начал Бог, по молитвам святой Богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен Бог во всем, и молитва святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот Бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начал прозываться Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основан же монастырь Печерский по благословению Святой Горы.

Когда устроился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святого Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые прославлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего постом и слезами, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же ответили: «Кого хочет Бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия — послушного, кроткого, смиренного, — да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом их было двадцать. Когда же Феодосии принял монастырь, стал он следовать воздержанию, и строгим постам, и молитвам со слезами, и стал собирать многих черноризцев, и собрал братии числом сто. И стал искать устава монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из Греческой земли с митрополитом Георгием, — и стал у него Феодосии спрашивать устав студийских монахов. И нашел у него, и списал, и ввел в монастыре своем — как петь пения монастырские, и как класть поклоны, и как читать, и как стоять в церкви, и весь распорядок церковный, и на трапезе поведение, и что вкушать в какие дни — все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосии ввел его в своем монастыре. От того же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого и считается монастырь Печерский старшим изо всех. И почитаем более других. Когда же жил Феодосии в монастыре, и вел добродетельную жизнь, и соблюдал монашеские правила, и принимал всякого, приходящего к нему, — пришел к нему и я — худой и недостойный раб, — и принял меня, а лет мне было от роду семнадцать. Написал я это и указал, в какой год начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерским. А о житии Феодосия скажем после.

В год 6560 (1052). Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.

В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын Владимир от царевны греческой.

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, завещав им не переступать границы уделов других братьев и не изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обижают». И так наставил сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его при себе.

И пришел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою месяца февраля в 20-й день, в субботу первой недели поста, в день святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали о нем люди; и, принеся, положили его в гробе мраморном в церкви святой Софии. И оплакивали его Всеволод и весь народ. Жил же Ярослав всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. В год 6563 (1055), придя, сел Изяслав на столе в Киеве, а Святослав в Чернигове, Всеволод же в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимой пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы восвояси.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярославов, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярославов. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, бесчисленное множество. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, — так и перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил Бог христиан от поганых.

В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в бою победили Всеволода и, разорив землю, ушли. То было первое зло Русской земле от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Сокал.

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярославов, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год сгорел весь город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города — не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему. Ростислав же, придя, сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.

В те же времена было знаменье на западе: звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней. Знамение это было не к добру. После того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда, как бы кровавая, предвещала кровопролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль: этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно съедаемо.

Знамения эти бывают не к добру, мы вот почему так думаем. Так же случилось в древности, при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, два полка являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья: это предвещало нашествие римского войска. Так же было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни, смерть людей. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, и к бедрам его рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родились: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при Константине Иконоборце, сыне Леонове, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное. В Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и чудесным образом из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказавший нашествие иноземцев, как и случилось потом: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.

В год 6574 (1066). Когда Ростислав княжил в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, то завоевал его доверие, и чтил его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, прижав палец к чаше, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, прибыв в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав доблестным воином, прекрасно сложен и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Начал междоусобную войну Всеслав Полоцкий, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей: Изяслав, Святослав, Всеволод, — собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и было много снегу, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней и одолели Изяслав, Святослав и Всеволод, Всеслав же бежал. Позднее, месяца июля в 10-й день, Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной, сказали Всеславу: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Изяслав первым вошел в шатер. И так схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит Бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и тогда, в горе, люди вспоминают о Боге; междоусобная же война бывает от дьявольского совращения. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злому убийству и кровопролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка: «Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче».

Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно валяющаяся, так и пребываем. Устами того же пророка говорит нам Господь: «Знаю, — говорит, — что ты жесток и жилы железные в шее твоей», поэтому «не допустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло». «И поразил вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне». Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я, — говорит Господь, — а злоб ваших не мог изничтожить. «Послал на вас различные болезни и смерти ужасные» и на скот ваш послал казнь свою, но и «тогда не обратились ко мне», но сказали: «Не поддадимся». Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, — говорит Господь, — и соблазнили многих; поэтому «буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишающих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды. Почему не покаетесь в грехах ваших? Но искажаете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам, — говорит Господь, — и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: «Ничтожен служащий Богу!» Поэтому: «Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня». Оттого, чего просим, не приемлем. «Будет же так, — говорит, — когда призовете меня, я не стану вас слушать». «Будете искать меня в беде — и не обрящете, ибо не восхотели ходить по путям моим», отчего и затворяется небо или, напротив, на горе разверзается, град вместо дождя испуская или инеем плоды губя и землю зноем томя, за наши грехи. Если же покаемся в злодеяниях своих, то «как родным детям своим, даст он нам все просимое и дождь ранний или поздний. И наполнятся гумна ваши пшеницею, а давила — вином и маслом. И возмещу вам за годы, в которые поели у вас саранча, и жуки, и гусеницы; сила моя велика, которую я послал на вас», — говорит Господь вседержитель. Слыша все это, обратимся от зла к добру: взыщите праведного суда, избавьте обижаемого; обратимся к покаянию, не воздавая злом на зло, клеветой за клевету, но возлюбим Господа Бога нашего, постом, и рыданием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, — разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся этих примет; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове. Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога: трубами и скоморохами, гуслями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утоптаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, — а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божьему повелению принимаем наказание за грехи наши. Но возвратимся к своему повествованию.

Когда Изяслав со Всеволодом пришли в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли с веча на гору и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брячиславова и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Тукы, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Не к добру это; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и поставили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, и монеты, и меха. Изяслав же бежал в Польшу.

Продолжали половцы разорять землю Русскую, а Святослав был в Чернигове, и стали они воевать около Чернигова, Святослав же, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущих воинов, и изготовились к бою. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда уже нам деться». И припустили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в первый день ноября. И возвратился с победой в город свой Чернигов Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых. Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от рва этого». Бог же явил силу креста в назидание земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная: крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крестом Господь князьям в сражениях помогает, крестом ограждаемы, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов наваждения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава, Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю, идите же в город отца своего; если же не хотите, то поневоле придется нам поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками губить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим погубить город отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если же хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия. Когда же Изяслав подошел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во второй день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно. И возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволода на Выдубичи.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал: «Явились мне пять богов, говоря: вот что поведай людям: на пятый год Днепр потечет вспять и земли начнут перемещаться, и Греческая земля станет на месте Русской земли, а Русская на месте Греческой, и прочие земли переместятся». Невежды слушали его, благоверные же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести. Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмехаются, ввергнув их в пропасть смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто урожай держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут же называли знатных женщин, говоря, что та жито удерживает, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку, и убивали многих женщин, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много женщин по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи они смерды, и узнав, что это смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, оскорбят тебя». Он же велел взять оружие отрокам, и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же изготовились против него. И вот, когда Янь пошел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них замахнулся на Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И спросил их: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они удерживают урожай, и если истребим, перебьем их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине лжете вы: сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, и ничего он не знает, один только Бог знает». Они же сказали: «Мы двое знаем, как сотворен человек». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к Богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас дьявол: какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу» Он же спросил их: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это Бог, коли сидит в бездне? Это бес, а Бог восседает на небесах, на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут — тот, кого вы называете антихристом; за высокомерие свое и низвергнут был с небес и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба Бог и этого антихриста свяжет узами и посадит в бездну, схватив его, в огонь вечный вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а после смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги ваши». Они же ответили: «Суждено нам предстать перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать». Янь же повелел бить их и повыдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же

ответили: «Предстать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить кляп в уста им и привязать их к мачте и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь ваши боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это вам правду поведали боги ваши». Волхвы же ответили: «Если нас пустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то возмездие мне будет от Бога, если же вас погублю, то будет мне от Бога награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у иного дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от Бога по справедливости! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взобрался, загрыз и съел кудесников. И так погибли они по наущению дьявольскому, о других зная и им гадая, а своей гибели не предвидев. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им суждено было быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайного не ведая. Бог один знает помыслы человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и безобразны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую. И пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти, — имеешь на себе нечто, чего они боятся». Тот же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, повесил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «Боги наши живут в безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в наваждении, и так волхвуют по наущению дьявольскому. Больше же всего через жен бесовские волхвования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же

мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины, нестойкие в вере, бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь превращал в иной образ, в мечтании. Так творили Анний и Мамврий: они волхвованием чудеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать, равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился при Глебе в Новгороде; говорил людям, представляя себя богом, и многих обманул, чуть ли не весь город, говорил ведь: «Все знаю», хуля веру христианскую, уверял: «Перейду по Волхову перед всеми». И была смута в городе, и все поверили ему, и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал, что кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует кресту, пусть к нему идет. И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» Он же ответил: «Чудеса великие сотворю». Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод, митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и прочие игумены, — и устроили светлый праздник, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ним дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли гроб, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили Бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них <Бориса и Глеба>; и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая в 20-й

день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Возбудил дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Покинул Изяслав Киев, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многими ценностями и с женой, рассчитывая на богатство, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение приняли от Бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, не к добру ведь вступать в предел чужой!

В этот же год основана была церковь Печерская князем Святославом, сыном Ярославовым, игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосии игумен Печерский преставился. Скажем же о кончине его вкратце. Феодосии имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на Масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных, блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь, — говорил, — внушают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая в них желания, и тем нарушены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знамением крестным, говоря так: “Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь”. И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и пития безмерного возрастают помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому, — говорил он, — противьтесь делам бесовским и хитрости их, остерегайтесь лености и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, а всего более хранить в себе любовь ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к

меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения и смиренного хождения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо, — говорил он, — Бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года Богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать Богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения Господня, в радости о Боге. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропостившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в благодать райскую; постясь, трое отроков угасили силу огненную; постился и Господь сорок дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и тот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых мы последуем, братия». И так поучив братию, Феодосии прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере и засыпал их землею и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, в строгом воздержании. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровой недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в Страстную неделю установлено поститься в память страданий Господних.

И в этот раз Феодосии же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день Воскресения, по обычаю отпраздновав его светло, впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братия моя, и отцы мои, и дети мои! Вот я отхожу от вас, как это открыл мне Господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? Я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосии сказал: «Отойдите от меня и назовите, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих же — кого захотите, от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посовещавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет Бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назови». Феодосии же сказал им: «Если уж от меня хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по божественному промыслу». И назвал

им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана доместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосии: «Вот я по Божию повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братья, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосии: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение. И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре, и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосии, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я Богу угоден и примет меня Бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться; так и знайте, что принял меня Бог. Если же после моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я Богу». И когда он говорил это, плакали братья и говорили: «Отче! Молись за нас Богу, ибо знаем, что Бог трудов твоих не презрит». И просидела братия у него всю ту ночь, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки Божьи, месяца мая 3-го, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосии же завещал братии положить себя в пещере, где явил подвиги многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда наступил вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу Богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... Такие чернецы как светила в Русской земле сияли: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные же овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие любовь имели к младшим, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой-либо грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо, из великой любви. Таковы были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь покидал монастырь, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, приводили его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали

брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди, полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал, и тут же выздоравливали приходящие к нему. Когда же он разболелся и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосии с братиею, и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосии, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, предал дух в руки Божий. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от Бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил, как уберечься от дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря, то, увидя его и придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветок, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-под полы цветок и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал, и не возвращался в церковь до конца службы; если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее. Обычно, когда старец этот отстоит заутреню, а братия, отпев заутреню, перед рассветом расходилась по келиям своим, старец этот уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знамением и пришел в

келию свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: «Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что после заутрени перескочил через ограду. И поведал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосии преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это было еще при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что не встал еще игумен. Много и других видений видел старец, и почил он в старости почтенной в монастыре этом.

А был еще и другой черноризец, именем Исакий; был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, родом торопчанин, и задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям, и пошел к великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постриг его в монахи. И принял его Антоний, и возложил на него одеяние чернеческое, и дал имя ему Исакий, а было ему имя мирское Чернь. Этот Исакий повел строгую жизнь: облекся во власяницу, велел купить себе козла, содрать мешком его шкуру, и надел на власяницу, и обсохла на нем шкура сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой кельице, в четыре локтя, и там молил Бога со слезами непрестанно день и ночь. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил. Приносил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце — такое, что только руку просунуть, и так принимал пищу. И так подвизался он лет семь, не выходя на свет, никогда не ложась на бок, но, сидя, спал немного. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, стал класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставал, садился на своем сиденье. И как-то, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а там идет к тебе Христос с ангелами». И, встав, Исакий увидел толпу, и лица их ярче солнца, а один среди них — от лица его сияние ярче всех. И сказали ему: «Это Христос, пади и поклонись ему». Он же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому действу. Бесы же закричали: «Наш Исакий уже!» И, введя его в кельицу, посадили и стали сами рассаживаться вокруг него — полна ими келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, называемый Христом: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним.

На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исакий». И не слышно было голоса. И еще не раз взывал Антоний, и не было ответа. И сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосией и за братией. И, прокопав там, где был

засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосии: «Случилось это от бесовского действа». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня.

Феодосии же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом и разумом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на одном боку и постоянно мочился под себя, так что от мочения и черви завелись у него под бедрами. Феодосии же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, никакой иной пищи, ни овощей, ни слова не произнес, но нем и глух лежал два года. Феодосии же молился Богу за него и молитву творил над ним ночью и днем, пока тот на третий год не заговорил, и не начал слышать, и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он в трапезницу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосии же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись, стал откусывать хлеб; так научился он есть, и так избавил его Феодосии от козней дьявольских и коварства.

Исакий же обратился к подвижничеству и воздержанию строгому. Когда же скончался Феодосии и на его месте был Стефан, Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же наступала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, а затем уже приходили прочие повара из братии. Один же повар, тоже по имени Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон сидит ворон черный, ступай, возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах. И те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить к

мирянам, также юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде, — Антоний уже умер к тому времени, — и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел, выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и когда разгорелась печь, заполыхал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам был очевидцем. И так он победил бесовские силы, как мух, невзирая на их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною Господь Иисус Христос и Бог наш и молитва отца нашего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили и говорили ему: «Наш ты, поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил им: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы». И осенял себя крестным знамением, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял себя крестным знамением, и они исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И пострадали от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам поведал, что была у него с ними три года война. Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иван и братия убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят Бога за живущую здесь братию, и за жертвующих в монастырь, и за мирскую братию. В монастыре же и доныне добродетельной жизнью живут все вместе, сообща, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу Богу всемогущему, хранимые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосии, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день.

В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, похваляясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого воины. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалялся Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Святослава все имущество его расточилось.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег Святославич в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го от разрезания желвака, и положен был у Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день. В том же году родился у Владимира сын Мстислав, внук Всеволодов.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него... Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и заключили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, — привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Тукы, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня в прошлом и не разграбили ли мое имущество? И снова в чем провинился я? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И двинулись в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с

Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса не было в Чернигове. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и запалил его огнем, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города навстречу Олегу. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем со смирением к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех» и расхвастался он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они на Нежатиной ниве, соступились обе стороны, и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеславова, безмерно похвалявшегося. К Изяславу, стоявшему среди пеших воинов, неожиданно подъехал кто-то и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной и едва спасся, убежал в Тмуторокань.

Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяв тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И не слышно было пения из-за плача великого и вопля, плакал о нем весь город Киев. Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Много ли пожил ты без печали на свете этом, столько напастей приняв от людей и от братьи своей? И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб каменный и мраморный. Был же Изяслав муж красивый видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Хитрости не было в нем, ни обмана, но был простодушен, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Киевлян истребил, которые освободили Всеслава из темницы», то не он это сделал, а сын его. Затем братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся!», не воздал злом за зло, но утешил, сказав ему: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», — как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не добиваясь ни большего удела, ни большего богатства, но за братнюю обиду. О таких-то Господь сказал: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превыше всего.

Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в Боге пребывает, а Бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что <предъявить> в день Судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. “Боящийся не совершенен в любви. Если кто говорит: “Люблю Бога, а брата своего ненавижу”, это — ложь. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий Бога любил и брата своего». В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради и Господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой на помощь и для борьбы с бесом. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь этот пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь Господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами в Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад и когда был он... убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святославова, внука Ярославова. А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В год 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.

В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и захватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И

иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод сына своего, Владимира, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил гречников в Олешье и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушавшись злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, сам бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086). Всеволод заложил церковь святого Андрея при Иоанне, преподобном митрополите, и создал при церкви той монастырь, в котором постриглась дочь его девицей по имени Янка. Янка эта, собрав многих черноризиц, подвизалась с ними по чину монастырскому.

В год 6595 (1087). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову, а Ярополк сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И еще не дошел он до города, как был пронзен проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Князя Ярополка, лежавшего на возу, пронзил тот саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда, приподнявшись, Ярополк выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох, погубил меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка положили на коня перед собой отроки его Радко, Воикина и другие отроки и повезли его во Владимир, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне оплакали его горько, с псалмами и песнопением проводили его до монастыря святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в раку месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытал, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, а в конце и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Был же блаженный князь Ярополк кроток, смирен и

братолюбив, и нищелюбец, десятину давал от всех богатств своих святой Богородице и от хлебов своих ежегодно, и всегда молил Бога, говоря: «Господи, Боже мой Иисус Христос! Прими молитву мою и ниспошли мне смерть такую же, какую даровал и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый Бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал Бог любящим его. В том же году ходил Всеволод к Перемышлю.

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном и епископами Лукою и Исайей, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода княжить в Туров. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли <волжские> болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре митрополитом Иоанном, и Лукою, белгородским епископом, и епископом ростовским Исайей, и Иоанном, черниговским епископом, и Антонием, юрьевским игуменом, при благоверном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же тот Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и нищему, смиренен же умом и кроток, молчалив, речист же, когда от святых книг утешал печальных; такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого. В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде.

В год 6598 (1090). Привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила в Переяславле Ефремом, митрополитом той церкви, которую он выстроил большой и пристроил к ней большую пристройку, украсив церковь всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем в те годы много зданий воздвиг: докончил церковь святого Михаила, заложил церковь святого Федора на воротах и церковь святого Андрея у ворот, и стену <городскую> каменную, и строение банное каменное, чего не было на Руси, украсив город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, посовещавшись, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церкви основание положил и черноризцев собрал». И посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения Богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, повелению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как участник того дела. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, втайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать, — в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и втайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем не в ту сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой отдыхал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!» И я в это мгновение докопался до мощей Феодосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосии. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия, а теперь был уже епископом, видел в своем монастыре за полем зарю великую над пещерою; решив, что несут Феодосия, так как за день до того было ему возвещено об этом, и пожалев, что переносят без него, сел на коня и быстро поехал, взяв с собою Климента, которого он потом поставил вместо себя игуменом. И когда они ехали, видели они свет великий. И когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послал я к игумену: «Приходи, вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями; и я раскопал поболее, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распались, и волосы на голове присохли. И, положив его на мантию, вынесли его перед пещерой. На другой же день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы со свечами и с фимиамом. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года... И праздновали светло день тот.

Теперь коротко поведаю о том, как сбылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосии был жив и держал игуменство, управляя стадом черноризцев, порученных ему Богом, пекся он не только о них, но и о мирянах — о душах их, как бы им спастись, особенно о духовных сынах

своих, утешая и наставляя приходящих к нему, а иногда приходя в дома их и благословение им подавая. Однажды, придя в дом Янев к Яню и к жене его Марье, — ибо Феодосии любил их за то, что они жили по заповеди Господней и в любви, итак, однажды, зайдя к ним, поучал он их о милостыне убогим, и о царствии небесном, которое заслужат праведники, тогда как грешники — муку, и о смертном часе. И когда он говорил о положении их тел во гроб, сказала ему жена Яня: «Кто знает, где меня похоронят?» Сказал же ей Феодосии: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и сбылось. Игумен умер раньше ее, а на восемнадцатый год это и сбылось: ибо в тот год преставилась жена Яня, именем Марья, месяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосии был похоронен 14-го, а та 16-го. Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастуха, пасшего словесных овец истово, с кротостью и со вниманием, наблюдая за ними и опекая их, молясь за порученное ему стадо, за землю Русскую, и за людей христианских, за которых и по отшествии своем молится, за людей верных и за своих учеников, — они, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют Бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое.

«Радуйся, отче наш и наставник Феодосии! Мирскую суету отвергнув, молчание возлюбив, Богу послужил ты в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские наслаждения возненавидел, красоту мирскую и желания жизни этой отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, подражая им, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь. Радуйся, укрепившись надеждою и вечные блага восприняв, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, обретя по трудам твоим воздаяние, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию образом жизни и нравом, в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, положенные молитвы к Богу вознося и благоухания принося, кадило молитвенное, фимиам благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца — князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимою, Божьего помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеской, и от противника-врага сохрани меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце: исчезло, и совсем мало его осталось — как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были

уже закинуты тенета и люди кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и погиб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало, рыскали бесы по улице, словно люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что пересохла земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было на земле; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел разорили. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярославов, внук Владимира, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда Страстная, и день тогда был четверг великий, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Этот благоверный князь Всеволод с младых лет любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, поэтому говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если Бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то когда Бог пошлет тебе смерть, то тут ляжешь, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего сел княжить в Киеве.

И было у него огорчений больше, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, печаль была ему о племянниках его, ибо начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях начались и недуги, а за ними приспела и старость. И стал

он любить образ мыслей младших, советуясь с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали тивуны его грабить и продавать людей, а князь о том не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев отца больным, сильно горевал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшого, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, прокняжив в Киеве пятнадцать лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же с Ростиславом, братом своим, оплакав его, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, с песнопениями по обычаю положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то ожидает меня война со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав — в Переяславль.

И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день <…> начало княжения Святополка в Киеве. Пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пришли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в погреб. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же, узнав о приходе половцев, послал с предложением мира. И не захотели половцы мира, и разошлись по всей земле, воюя. Святополк же стал собирать воинов, чтобы пойти на них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих восемьсот, которые могут им противостоять». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и восемь тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю. И сказали им мужи разумные: «Зачем вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу им — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли

Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир: «Пока за рекою стоим, грозной силой, заключим мир с ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно разлилась она тогда. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчившись, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой — Владимир, посредине же — Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрелки их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрелки из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и прорвали строй полка его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. И навалились на Владимира, и был бой лютый; и побежали Владимир с Ростиславом и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. И попытался подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшой дружиной, — ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали, — и перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей и пошел в Чернигов в печали великой. Святополк же убежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя все это, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день святого Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди горько оплакивали его, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки <...> к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества неприятелей. И стояли <половцы> около города девять недель, и разделились надвое: одни остались у города, сражаясь, а другие пошли к Киеву и совершили набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же прибежал в Киев сам-третий, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, за грехи наши великие, за умножение беззаконий наших.

Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич Божий, чтобы мы смирились, опомнившись на пути зла. Из-за этого в праздники Бог посылает нам огорчение, как в этом году случилась на Вознесение первая напасть у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба; это новый праздник Русской земли. Вот об этом и пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бегали мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, дворы ваши будут пусты. Так как вы злы и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой», — говорит Господь Бог святой Израилев. Ибо коварные сыны Измаила сжигали села и гумна и многие церкви запалили огнем. Да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и земля страдает: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом умерщвляют и жаждою. Только наказание, только казнь, разнообразные несущая бедствия, и различные печали и страшные муки, — кого-то связывают и пинают ногами, держат на морозе и оскорбляют. И это тем более удивительно и страшно, что повсюду среди Христиан страх, и колебанье, и беды. Справедливо и достойно! Так и будем наказаны, и так будем верить, терпя наказания: подобает ведь нам «преданным быть народу чужому и самому беззаконному и коварному на всей земле». Воскликнем громко: «Праведен ты, Господи, и справедливы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как Господу угодно, так и случилось; да будет имя Господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем Владыку, которого мы прогневали. Прославлены были — и не прославили его, чествуемы были — и не почтили его, просвещали нас — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и не усовестились его как отца, согрешили — и наказаны теперь. Как нагрешили, так и страдаем. И города все опустели; и пройдем полями, где паслись стада коней, овцы и волы, и все пусто ныне увидим; нивы стоят заросшие, стали они жилищем зверям. Но надеемся все же на милость Божию; справедливо наказывает нас благой Владыка, «не по беззаконию нашему сделал нам, но по грехам нашим воздал нам». Так подобает благому Владыке наказывать не по множеству грехов. Так Господь сотворил нам: падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и свою кровь за нас пролил. Вот и нас видя в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы желая и не желая, в будущей жизни получили милость: потому что душа, наказываемая здесь, всякую милость в будущей жизни обрящет и освобождение от мук, ибо не мстит Господь дважды за одно и то же. О неизреченное человеколюбие! Ибо видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к нам! Ибо сами захотели уклониться от заповедей его. Теперь уже и не хотим, а терпим — по необходимости и поневоле, терпим, но как бы и по своей воле! Ибо где было у нас тогда умиление? А ныне все полно

слез. Где у нас было воздыхание? А ныне плач умножился по всем улицам из-за убитых, которых избили беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с бледными лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бредя и босые, с ногами, исколотыми терпением, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное.

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы Богом! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому-то и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и более всех совершили грехов. Ибо больше других просвещены были, зная волю владычную, и презрев ее, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день, а погребен был месяца ноября в 16, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову. Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел Олег поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было такого в земле Русской с первых ее дней, что увидели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день, в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на греков с Девгеневичем и воевали с греками; и цесарь захватил Девгеневича и ослепил. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с отборной дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву дружину. Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха! Отдал их Бог в руки твои. Зачем они всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир. В ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. Выкрав сперва Святослава, потом убили Кытана и дружину его всю перебили. Вечер был тогда субботний, и Итларь в ту ночь спал у Ратибора на сеновале и не знал, что сделали с Кытаном в ту ночь. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой дружиной, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: “Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне”». И сказал Итларь: «Так и сделаем». И как вошли они в избу, так и заперли их. И воины, забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, выстрелил Итларю в сердце, и дружину его всю перестреляли. И так страшно окончил жизнь свою Итларь с дружиной своей в неделю Сыропустную, в первом часу дня.

Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, пообещав пойти с ними, и выступив, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и захватили скот, и коней, и верблюдов, и челядь, и привели их в землю свою. И стали гневаться на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли на Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчь город и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим, а опустевший Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд и опять сел в Смоленске, а

Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватили Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами и игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед горожанами, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или чернецам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав недобрых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь с нами на поганых, ни на совет тот, то ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть Бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир погнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те приступали к городу и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-е. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В том же месяце пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, Бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел построить дружину, но те не послушались, а погнались вслед воинам, рубя врагов. И даровал Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князь их Тугоркан был убит, и сын его, и иные князья многие тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его

к Киеву, похоронили его на Берестовом на кургане, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь… и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измайловы вырубили ворота монастырские и разошлись по кельям, высекая двери, и вынося, все что находили в кельях; и затем подожгли дом святой владычицы Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые — на северной. И, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам и беззакониям их, а они говорили: «Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их от нас!» И иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог казнит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через многую скорбь и печаль, суждено войти в царство небесное, а эти поганые оскорбители, на этом свете знающие веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом, огонь вечный. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, что над Выдубичем: все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Боже мой! Положи их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурею твоею; исполнишь лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием безбожные сыны Измайловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етривской между востоком и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колен убежало, когда иссек их Гедеон, восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и назвали себя сарацины, что значит: «Сарины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заточенные в горе Александром Македонским нечистые люди.

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович, новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди с языком непонятным, и соседствуют они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: “Дивное мы нашли и новое чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад: есть горы, доходящие до залива морского, высота у них как до неба, и в горах тех слышны клики великие и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят. Не понять языка их, но показывают железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им железо — или нож, или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север”». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заточенные <в горах> Александром, царем Македонским, как говорит о них Мефодий Патарский: “Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоялся, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по Божию повелению окружили их горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и воздвигли ворота медные и помазали сунклитом. И если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство сунклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по велению Божию”».

Но мы к предыдущему возвратимся, — о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не захотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Ростов и Суздаль, и за белозерцами, и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. Ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты мне и здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него с полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на

левой стороне. Олег же по взятии города похватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился в Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. И пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди назад в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своей пошлю просить отца моего и помирю тебя с ним. Хоть и брата моего убил ты, то дело обычное: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посовещался с новгородцами, и послали вперед себя в сторожу Добрыню Рагуиловича. Добрыня же прежде всего перехватал сборщиков дани. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что сборщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав. Пришла весть к Олегу, что сторожи захвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалю, и услышав, что преследует его Мстислав, повелел зажечь город Суздаль, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти, а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей, — но Бог знает, как избавлять благочестивых людей своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой — новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мстиславу весть: «Послал к тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу приступил Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куману, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И <Куман> развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и соступились на реке Колокше, и была сеча жестокая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и

суздальцев, и пошли к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не бегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по молитвам преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, говоря так: «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог за того будет». Святополк же пожалел брата своего и про себя стал думать, а ну как правда все это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдубичь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинали тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего. Пойдем оба». И не захотел Василько ни сделать так, ни послушаться их. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой.

Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то придя сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не догадываясь об обмане, который задумал против него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, подумав: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в гридницу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, Давыд вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька — 5 ноября,— и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Давыд же, узнав обо всем, начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Звенигород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в небольшую избу. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями громкими. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел вонзить нож в глаз, и, промахнувшись, порезал ему лицо, и видна та рана на лице его. И затем вонзил ему нож в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз вонзил

нож и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И по пути остановились с ним, перейдя Здвиженский мост, на торговище и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, натянула на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И разбудил его плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Здвижене городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке смерть принял и предстал бы в окровавленной сорочке перед Богом». Те же, пообедав, вскоре поехали с ним на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно зверя изловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, горько заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Приходите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и заплакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору, Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а договорился с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовой городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро Владимир и Давыд и Олег собрались перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали ваши деды и отцы ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали

мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И уступил Владимир мольбе княгининой, которую почитал как мать, в память об отце своем, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем. И послушал ее как мать свою, и митрополита также чтил за сан святительский и не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин, и приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал.

Но вернемся к сказанному ранее. Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде названном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему: и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче, и сказал Василько так: “Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, то я бы послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше”. И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку с этими отроками и молви ему так: “Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль”». Я же пошел к Васильку и поведал ему все, что сказал Давыд. Он же сказал: “Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но то мне дивно, что отдает мне город свой, но той Теребовль — мое владение ожидает меня поныне”». Это и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: “Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру”». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, — хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал полякам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но

скажу тебе по правде, что Бог на меня навел <беду> за мою гордость; пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и торки, и печенеги, то скажу брату своему Володарю и Давыду: “Дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь”. И подумал: “На землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польской и отомщу за Русскую землю”. И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и Владимира идти на половцев, и пойду, думал, на половцев, и либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и его пришествием, что не замышлял я зла против братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие — что пришли берендичи ко мне, возликовало сердце мое и возвеселился ум мой, и низложил меня Бог и смирил».

Потом же, с приходом Великого дня, пошел Давыд, собираясь захватить Васильковy волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Бужьска. И не посмел Давыд пойти против Володаря и затворился в Бужьске, и осадил город Бужьск Володарь. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни же, сколько зла натворил»? Давыд же стал возлагать вину на Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору, ибо я у них под рукой». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожу, и взяли город приступом, и запалили его огнем, выбежали люди, спасаясь от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил Василько мщение над людьми неповинными, и пролил кровь неповинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд в городе, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы пришли ни на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василия, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, если же нет — то выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди на вече: «Выдай мужей этих, мы не будем биться из-за них, а за тебя биться можем, а за них не бьемся. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь», ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, стали кричать люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого те хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василия и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, в понедельник на рассвете повесили Лазаря и Василя, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы Бог был

только мстителем, и надо было возложить на Бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит Бог и воздаст отмщение врагам и ненавидящим его воздаст». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав это сделать — прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу, ища помощи у Владислава. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди назад». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посовещавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь поляков против Святополка, ибо сказали ему: «Если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками», и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, а Давыд был там, и стоял Святополк около города семь недель; и стал Давыд просить: «Выпусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен, а Святополк вошел во Владимир в Великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Васильке пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на многочисленность своих воинов. И сошлись в поле на Рожни, исполнились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись оба друг против друга в бой, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко вознесенный над Васильковыми воинами. Во время жестокого сражения, когда многие пали в обоих полках, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина.

Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, подбивая

венгров на Володаря, сам же пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Давыд же в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. В пути остановились они на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми». Наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у Боняка триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, побежал от венгров, венгры же погнались за ним, думая, что это Боняк обратился в бегство, а Боняк погнался за ними, рубя их с тыла. Алтунопа же повернул обратно, и не пропустили венгров назад, и так во множестве избивали их. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в кучу, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана берегом, и спихивали друг друга в реку, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили, ведь, что погибло их сорок тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Нервен, пришел внезапно и захватил владимирцев. Мстислав же затворился в городе с засадой из берестьян, пинчан, вышегородцев. И стал Давыд, обступив город, и часто приступал. Однажды подступили к городу под <осадными> башнями, те же стреляли с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы как дождь. Мстислав же, собравшийся выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелою на забрале, через щель между досок. И свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путяту, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сделал того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины осаждали город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане поскакали со стен и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василия. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк с половцами. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и заключили мир. И вышел

Святоша из города и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василий бежал из города, а Давыд захватил Владимир и сел в нем. А на следующий год собрались на съезд князья — Святополк, Владимир, Давыд и Олег, призвали Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк получил Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, стали у Городца, и заключили мир. В тот же год заложил Владимир церковь каменную святой Богородицы в Переяславле на княжеском дворе. В том же году заложил Владимир Мономах крепость на Востри.

В год 6607 (1099). Пошел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В том же году было знаменье над Владимиром в апреле месяце: два круга, а в них словно бы солнце, и видно было до шестого часа, а ночью словно три дороги светлые и так до самого рассвета. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополка, во Владимире, месяца июля в 12-й день.

Ушел Мстислав от Давыда на море месяца июня в 10-й день. В тот же год братья заключили мир между собой — Святополк, Владимир, Давыд и Олег в Уветичах месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд и Олег — и пришел к ним Давыд Игоревич и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя обида?» И не отвечал ему Давыд ничего. И стали братья на конях: и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих: Святополк — Путяту, Владимир — Ратибора, Давыд и Олег — Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: “Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо вверг ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Бужском остроге, а Дубен и Черторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен”». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость — Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушали этого ни Володарь, ни Василько. А

Давыд сел в Бужске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в девять часов дня, в среду. В том же году затворился Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и осадил его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него <Ярослава> клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и отпустили его. В том же году собрались все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, и Ярослав с братьями на Золотче. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и заключили мир с половцами, и обменялись заложниками месяца сентября в 15-й день. В тот же год Владимир заложил в Смоленске каменную церковь святой Богородицы, епископскую.

В год 6610 (1102). Бежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимиров, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром договорились, что Новгороду быть за Святополком, и посадить ему сына своего в Новгороде, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его, а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас”». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье на небе месяца января в 29-е, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знамение в солнце: окружено было солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились Богу и со слезами, чтобы Бог обратил эти знамения к добру: знамения ведь бывают одни к добру, другие же к беде. Эти же знамения предвещали добро: на следующий год внушил Бог мысль добрую русским князьям — задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как расскажем под следующим годом. В этот же год преставился Владислав, польский князь. В том же году преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же

год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день. В том же году родился у Владимира сын Андрей.

В год 6611 (1103). Вложил Бог в сердце князьям русским мысль благую — Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею дружиною в одном шатре. И стали совещаться, и начала говорить дружина Святополкова, что «не время ныне, весной, воевать: погубим смердов и пахоту их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половец поразит смерда стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, захватит жену его и детей, и все имущество его возьмет? Лошадь его вы жалеете, а самого почему не жалеете?» И ничего не смогла возразить ему дружина Святополка. И сказал Святополк: «Брат мой! Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и зашли ниже порогов, и стали на протоке у острова Хортицы. И сели на коней, а пешие, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла причинили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и Пречистой матери его, кто кутьей, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в разведку Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали разведку свою. И подстерегли Алтунопу и, обступив Алтунопу, убили его и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки половецкие, словно лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил растерянность великую в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие двинулись на них. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя до них, побежали перед русскими князьями. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля даровал Бог великое спасение в тот день благоверным князьям русским и всем христианам, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусову, Кочия, Яросланопу, Китанопу, Кунама, Асупа, Куртыка, Ченегрепу, Сурбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к

Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это <нарушенная> клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки разоряли Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливаете кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на куски. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: «”Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день”, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змеиные и отдал Господь достояние их нам”». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победой великой.

В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. В тот же год, того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612 (1104). Выдана была дочь Володарева за царевича Алексинича в Царьград месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, месяца августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. На исходе того же года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир послал сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича, и, ничего не достигнув, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем же вне круга — дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Провалился верх <церкви> святого Андрея. В том же году поставил митрополит епископом Амфилохия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславле, месяца ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, месяца декабря в 13-й день. В том же году явилась звезда с хвостом на западе и стояла месяц. В том же году пришел Боняк зимой к Зарубу на торков и берендеев.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Заречска, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, и Козарина, и прогнали половцев до Дуная и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону Божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописаньи этом. Был он муж благ, и кроток, и смиренный, избегал он всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положено месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год померкло солнце в августе. Тогда же постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, Никола, месяца февраля в 17-е. В тот же год победила зимигола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), круг луны 4-й, а солнечного — 8-й год. В это же время преставилась жена Владимирова, месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, от страха не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, а других руками хватать, и гнали их до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и братьев его, а Шарукан едва убежал. Бросили половцы и обоз свой, который захватили русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и великого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонится гробу Феодосиеву и молитву возьмет у игумена печерского, только тогда уже отправится в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и к другому Аепе, и заключили мир. И взял Владимир за Георгия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслась земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила Златоверхая Святополком князем, месяца июля 11-го. И закончили строить трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба и на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил Бог в сердце архимандриту, игумену печерскому, и стал побуждать Феоктист князя Святополка вписать имя Феодосия в синодик. Богу так было угодно. Святополк же рад был, пообещал

сделать так, ибо знал о житии его. И начал Святополк возвещать о житии Феодосьевом и велел вписать его в синодик, что и сделал митрополит — вписал его в синодик. Повелел же митрополит по всем епископьям вписывать Феодосия в синодик. Все епископы с радостью вписали и поминают его на всех соборах. В том же году преставилась Ирина, Всеволодова дочь, месяца июля в 24-е. В том же году закончили верх святой Богородицы Влахерны на Клове, заложенной Стефаном епископом, бывшим в прошлом игуменом Печерского монастыря.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволодова, месяца июля в 9-й день, и положено было тело ее в Печерском монастыре у дверей, что к югу, и соорудили над ней божницу, на том месте, где лежит тело ее. В том же году, месяца декабря во 2-й день, Дмитрий Иворович захватил вежи половецкие у Дона, тысячу веж захватили посланные князем Владимиром.

В год 6618 (1110). Весной пошли на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, возвратились. В том же году половцы <...> разоряли села около Переяславля. В том же году захватили половцы полон у Чучина. В том же году было знамение в Печерском монастыре, февраля в 11-й день: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сначала стал над трапезной каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосьевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангела, ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь пламенный», посылаемы они повелением Божьим, куда хочет Владыка и Творец всех ангелов и людей. Ангел же приходит туда, где есть благословенные места и молитвенные дома, и тут лишь едва являет свой вид либо огнем, либо столпом, либо как иначе, чтобы можно было людям увидеть; ибо людям невозможно узреть и увидеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества, ибо водил их <евреев> днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел Божий шел перед ним ночью и днем. Так и это явление предсказывало, что предстояло быть, что и сбылось на второй год. Не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой?». Как пророк Давид говорит: «Как ангелам своим заповедал о тебе — сохранить тебя». Как пишет и премудрый Епифаний: «Ко всякому сотворенному ангел приставлен: ангел облаков, и туманов, и снега, и града, и мороза, ангел голосов и громов, ангел холода и зноя, и осени, и весны, и лета, всякой одушевленной твари его на земле, и тайной бездны, скрытой под землей, и преисподней тьмы и всему, что над бездной, а раньше бывшей над землей, от чего происходят и тьма, и вечер, и ночь, и свет, и день». Ко всему сотворенному ангелы приставлены; также ангел

приставлен к каждой земле, чтобы соблюдал эту землю, хотя бы она была и поганая. Если Божий гнев обратится на какую-либо землю, то повелит ангелу тому пойти войной на ту землю, а ангел той земли не воспротивится повеленью Божьему. Так и это было, и навел Бог на нас, из-за грехов наших, иноплеменников поганых, и побеждали они нас по повелению Божьему, ибо они были водимы ангелом по повеленью Божьему. Если же кто говорит, что у поганых нет ангела, то пусть слышит, как Александр Македонский, ополчившись на Дария и двинувшись на него, завоевал всю землю от востока и до запада, и разгромил землю Египетскую, и сокрушил Арам и пришел на острова морские, а затем обратил взор свой на Иерусалим, желая разгромить евреев, ибо были они в союзе с Дарием. И пошел он со всеми воинами своими, и стал лагерем, и почил. И настала ночь, и когда он, лежа на ложе своем в шатре, открыл глаза свои, то увидел мужа, стоящего над ним, и меч обнаженный в руке его, и вид меча его был подобен молнии. И замахнулся он мечом своим на голову цесареву. И очень испугался цесарь и сказал: «Не убивай меня». И сказал ему ангел: «Послал меня Бог покорять тебе цесарей великих и множество людей, и хожу я перед тобой, помогая тебе. А теперь знай, что умрешь, потому что замыслил войти в Иерусалим, зло причинить иереям Божиим и людям его». И сказал царь: «Молю тебя, о господин, прости этот грех раба твоего, если не угодно тебе, то я вернусь домой». И сказал ангел: «Не бойся, продолжай путь свой к Иерусалиму, и увидишь там в Иерусалиме мужа в облике моем, и тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и все, что он повелит тебе, исполни. Не преступи приказаний его. Если же преступишь, в тот же день умрешь». И, встав, цесарь пошел в Иерусалим и, придя туда, спросил иереев: «Идти ли мне на Дария?» И показали они ему книги Даниила пророка и сказали ему: «Ты козел, а он овен, и разрушишь и возьмешь царство его». Так вот не ангел ли водил Александра, не язычник ли побеждал и все эллины кумирослужители? Так и этим поганым все дозволено за грехи наши. Да будет ведомо, что у христиан не один ангел, но столько, сколько их крещеных, а уж тем более у благоверных князей наших; но не могут они противиться божественному повелению, но молят Бога прилежно за христианский народ. Так и случилось: вняв молитвам святой Богородицы и святых ангелов, смилостивился Бог и послал ангелов в помощь русским князьям против поганых. Как сказал Бог Моисею: «Это ангел мой пойдет перед тобой». Как мы сказали ранее, знамение это было февраля в 11-й день на исходе этого 18-го года.

В год 6619 (1111). Вложил Бог Владимиру мысль, и начал он говорить брату своему Святополку, побуждая его пойти на поганых весною. Святополк же поведал дружине своей сказанное Владимиром. Дружинники же сказали: «Не время теперь: навредим смердам, оторвав их от пахоты». И послал Святополк к Владимиру, говоря: «Нам бы следовало съехаться и посоветоваться обо всем с дружиной». Посланные же пришли к Владимиру и поведали все сказанное Святополком. И пришел Владимир, и встретились на Долобске. И расположились в одном шатре Святополк со своею дружиной, а Владимир со своею. И после некоторого молчания сказал Владимир:

«Брат, ты старший, говори первый, как бы нам защитить Русскую землю». И сказал Святополк: «Брат, уж ты начни». И сказал Владимир: «Как я стану говорить, а со мной станет пререкаться твоя дружина и моя, что хочет, мол, он погубить смердов и пахоту смердов. Но то мне дивно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половец, приехав, поразит смерда стрелою и заберет лошадь ту и жену его, и детей его, и гумно его подпалит. Об этом-то почему не подумаете?» И сказала вся дружина: «Право же, воистину так оно и есть». И сказал Святополк: «Вот я, брат, готов <идти> с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись Владимир и Святополк и попрощались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли они, возложив надежду свою на Бога и на пречистую матерь его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье поста, а в пятницу были уже на Суле. В субботу они достигли Хорола, там же и сани оставили. А в воскресенье, когда крест целуют, пришли на Псел, а оттуда дошли до реки Голты. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда перешли много рек, и пришли к Дону во вторник шестой недели поста. И облеклись в доспехи, и построили полки, и двинулись к городу Шаруканю. И князь Владимир повелел попам, едучи перед войском, петь тропари и кондаки в честь креста честного и канон святой Богородицы. И вечером подъехали к городу, и в воскресенье вышли люди из города с поклонами к князьям русским и вынесли рыбу и вино. И провели там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и, приступив, зажгли его, а в четверг двинулись от Дона; в пятницу же, на другой день, марта 24-го, собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши, возложив надежду свою на Бога, сказали: «Здесь смерть нам, так станем же крепко». И прощались друг с другом и, возведя очи на небо, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны, и завязалась битва жестокая, Бог вышний обратил взор свой, исполненный гнева, на иноплеменников, и пали они перед христианами. И так были побеждены иноплеменники, и пало множество врагов наших, супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали хвалу Богу в тот день. И наутро, когда настала суббота, праздновали Лазареве воскресение, день Благовещенья, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу и дождались воскресенья. В понедельник же Страстной недели вновь собрали иноплеменники многое множество полков своих и двинулись, словно огромный лес, тысячами тысяч. И окружили полки русские. И послал Господь Бог ангела на помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сошлись в первой схватке полки, и грохот стоял подобный грому. И битва жестокая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, половцы обратились в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы, невидимо <кем> ссекаемые, падали на землю. И победили их в понедельник Страстной недели, месяца марта в 27-е. Перебито было иноплеменников многое множество на реке Сальнице. И спас Бог

людей своих. Святополк же, и Владимир и Давыд прославили Бога, даровавшего им такую победу над погаными, и взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников многих похватали руками. И спросили пленников, говоря: «Как это случилось: вас была такая сила и такое множество, а не смогли сопротивляться и вскоре обратились в бегство?» Они же отвечали, говоря: «Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в оружии светлом и страшные и помогали вам?» Это только и могли быть ангелы, посланные Богом помогать христианам. Это ведь ангел вложил Владимиру Мономаху мысль призвать братьев своих, русских князей, на иноплеменников. Вот это, как сказали мы, виденье и видели в Печерском монастыре: стоял столп огненный над трапезной, затем передвинулся на церковь и оттуда к Городцу, а тут был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру в сердце, и стал побуждать <он идти в поход>, как мы сказали.

Поэтому надлежит воздавать хвалу ангелам, как сказал Иоанн Златоуст, ибо они вечно Творца славят, чтобы он был милостивым и кротким к людям. Ибо ангелы, говорю я, наши защитники, когда мы воюем с силами врагов наших, а начальник им архангел Михаил, ибо с дьяволом за тело Моисеево боролся, на князя же персидского ополчался ради свободы человеческой. Повелением своим Бог, все сотворенное разделив и поставляя старейшин народам, этим персианам разрешил пренебречь своим <властителем>, а Михаила же обрезанным людям повелел почитать, пределы же их установил с гневом не по греховной ярости, но по божественному некоему неизреченному слову, причем тот <властитель персов > принуждал иудеев работать на персов, тот же <Михаил> старался освободить их и прилежно возносил молитву к Богу, возглашая: «Господи, вседержитель, когда же ты помилуешь Иерусалим и города иудовы, от которых ты уже 70 лет как отвернулся?» Его видел в видении и Даниил летящего — лицо его подобно молнии, и глаза его как свечи, и мышцы и голени его подобны меди блестящей, и голос его точно голос множества народа. Из них <ангелов> и отвративший осла и отторгший Валаама от нечестивого волхвования, из них и тот, кто извлек меч перед Иисусом Навином, обещая ему этим образом помощь против врагов. От них тот, кто в одну ночь перебил 180 тысяч сирийцев и сон варваров превратил в смерть. От них тот, кто перенес пророка Аввакума по воздуху, чтобы тот накормил Даниила, обретающегося среди львов. Таковые и подобные им одолевают врагов. Таков же и богоподобный Рафаил: отрезав у одной рыбы жир, бесноватую девицу исцелил и слепому старцу дал увидеть солнце. Не великой ли чести достойны те, что нашу жизнь охраняют? Не только заступниками народов повелено было быть ангелам, как было сказано: «Когда разделял Всевышний народы, которые рассеял он — сынов Адамовых, установил пределы <обитания> народов по числу ангелов Божьих», но и каждому благоверному человеку достался ангел. Ибо когда девица Роди стала говорить апостолам, что Петр стоит перед дверьми, скрывшись с глаз Иродовых, отвечали ей, не веря: «И ангел его это». Свидетельствует же об этом Господь, говоря: «Смотрите и не пренебрегайте никем из малых сих, ибо ангелы их воистину видят лик

Отца моего, сущего на небесах». И еще у каждой церкви приставил Христос ангела хранителя, как свидетельствует Иоанн, говоря: «Скажи ангелу, пребывающему в церкви Измуренской: “Видел нищету твою и скорбь, но богат ты”». Хорошо известно ведь все это любящим нас ангелам как молитвенникам за нас перед Владыкою. Ибо они — служебные духи, как и апостол говорит: «В служение посылаемы к хотящим обрести спасение». Им они защитники и помощники, как и ныне слышал ты Даниила, как вводит архангела Михаила к персам в час гнева ради нашего освобождения. Ибо тот принуждал покоряться персам, как было сказано, этот же старался освободить пленных. И одолевает Михаил врага, ибо евреи, перейдя Евфрат, снова обрели отеческую землю и построили и город и церковь. Также и великий Епифаний говорил: «К каждому народу ангел приставлен», так говорит Писание Даниилу: «Ангел <нарек > и властителя эллинам и Михаила властителя иудеям»; говорится же: «И уставил уставы по числу ангелов».

И еще к тому, как Ипполит говорит, толкуя Даниила: «В третий год Кира цесаря я, Даниил, плакал три недели, <к концу> первого месяца смирился, моля Бога 21 день, прося у него откровения тайны. И, услышав, ниспослал Отец слово свое, поведав, чему суждено быть; и было на великой реке — должно было туда явиться, где хотел грехи отпускать. И возвел я глаза свои и увидел: вот муж, одетый во все багряное. На первый взгляд с виду словно летящий ангел Гавриил, но здесь не так, а облик самого Господа, облик не настоящего человека, но с виду словно бы человек, как сказано: “И вот муж, одетый во все пестрое, и бедра его препоясаны чистым золотом, и тело его словно топаз, и лицо у него словно молния, и глаза у него как свечи горящие, и мышцы и плечи подобны меди чистой, и голос его таков, точно говорит много народа”. И упал я наземь, и вот взяла меня точно бы рука человеческая и поставила меня на колени, и сказал мне: “Не бойся, Даниил, знаешь ради чего я пришел к тебе? Войну хочу начать с князем персидским. Но поведаю тебе, что написано в писании истинном, и нет никого, кто бы поспорил со мною об этом, кроме Михаила, князя вашего. Ибо его я оставил тут, и с того дня, как стал молиться я перед Богом твоим, услышал молитву твою, и послан я начать войну с князем персидским, был ему совет некий не отпускать людей, но скоро осуществится твоя мольба, противился я ему и оставил здесь Михаила, князя вашего”. Кто же такой Михаил, как не ангел, приставленный к людям?» Так и Моисею говорит <Бог>: «Не пойду с вами в путь, ибо вы люди жестоковыйные», но «ангел мой пойдет с вами».

Так вот и теперь с Божьей помощью по молитвам святой Богородицы и святых ангелов возвратились русские князья восвояси к своим людям со славой, которая донеслась до всех дальних стран — до греков, до венгров, поляков и чехов, даже и до Рима дошла она, на славу Богу всегда и ныне и присно во веки, аминь.

В тот же год скончалась вдова Всеволодова октября в 7-й день и положена была у святого Андрея в монастыре. В том же году скончался Иоанн, епископ черниговский, ноября 23-го.

В год 6620 (1112), индикта 5. Ярослав, сын Ярополка, ходил на ятвягов и победил их, и, вернувшись с войны, послал в Новгород, и взял себе в жены Мстиславову дочь, внучку Владимира, месяца мая в 12-й день, а приведена была 29 июня. В том же году повели Владимировну Ефимию в Венгрию за короля. В том же году преставился Давыд Игоревич, месяца мая в 25-е, и положено тело его 29-го в церкви святой Богородицы Влахерны на Клове. В том же году преставилась Янка, дочь Всеволодова, сестра Владимира, месяца ноября в 3-й день, положена была у церкви святого Андрея, которую создал отец ее, тут же она и постриглась в церкви этой, будучи девою. На исходе этого года поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена печерского, месяца января в 12-й день, а посажен был на престоле 19-го. И рад был князь Давыд и княгиня, ибо он был ее отцом духовным, и бояре, и все люди радовались; ибо был перед ним епископ больной и не мог служить, и пролежал в болезни 25 лет, поэтому князь и люди истосковались без епископской службы и радовались, славя Бога. Когда же произошло это и братия <печерского монастыря> осталась без игумена, собралась вся братия и нарекла себе игуменом Прохора попа, и возвестили митрополиту и князю Святополку о нем. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью. И поставлен был на Масляной неделе в четверг месяца февраля в 9-й день. И так вступили братья в пост с игуменом.

В год 6621 (1113). Явилось знаменье на солнце в первом часу дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, словно месяц вниз рогами, месяца марта в 19-й день, а луны в 29-й. Такие бывают знамения не к добру; бывают знамения на солнце, и на луне и в звездах не по всей земле, но в какой-либо земле будет знамение, то та земля и видит, а другая земля не видит. Так же в древности, в дни Антиоховы, были знамения в Иерусалиме, стали там являться на воздухе скачущие на конях с оружием, и оружия движение, но это было только в Иерусалиме, а в других землях этого не было. А то знамение, что было на солнце, предвещало смерть Святополка. После того наступил праздник Пасхи, и праздновали, и после праздника разболелся князь. А преставился благоверный князь Михаил, именуемый Святополк, месяца апреля в 16-й день за Вышгородом. И привезли его в ладье в Киев, и, убрав тело его, возложили на сани. И оплакивали его бояре и дружина его вся, пев над ним положенные песни, и положили в церкви святого Михаила, которую он сам и создал. Княгиня же его много богатства раздала монастырям и попам, и убогим, так что дивились все люди, ибо такой милости никто не может сотворить. Наутра же 17-го посоветовались киевляне и послали к Владимиру сказать: «Пойди,

княже, на стол отца и деда». Услышав это, Владимир заплакал горько и не пошел, печалясь о брате. Киевляне же разграбили двор тысяцкого Путяты, пошли и на евреев и их пограбили. И снова послали киевляне к Владимиру, говоря: «Приходи, княже, в Киев; если не придешь, то знай, что много бед произойдет, не только Путятин двор, не только сотских и евреев пограбят, но нападут и на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, княже, если разграбят и монастыри». Услышав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княжения Владимира, сына Всеволодова. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж улегся. Когда же узнали половцы о смерти Святополка, то собрались и пришли к Выру. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом, половцы же бежали. В том же году посадил <Владимир> сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В тот же год скончалась игуменья Лазарева монастыря, жившая как святая, месяца сентября в 14-й день, прожив шестьдесят лет в чернечьстве, а всего от рождения 92 года. В том же году взял Владимир за сына своего Романа дочь Володаря месяца сентября в 11 день. В том же году Мстислав заложил каменную церковь святого Николы на княжеском дворе у торговища в Новгороде. В том же году посадил <Владимир> сына своего Ярополка в Переяславле. В том же году поставили епископа Даниила в Юрьеве, а в Белгороде — Никиту.

В год 6622 (1114). Скончался Святослав, сын Владимиров, месяца марта в 16-й день, и погребен был в Переяславле в церкви святого Михаила; там ведь отец дал ему стол, выведя из Смоленска. В тот же год Мстислав заложил <городскую стену> в Новгороде больше прежней. В том же году заложены были каменные стены на насыпи в Ладоге посадником Павлом при князе Мстиславе.

Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что здесь бывает: «Когда находит туча великая, то отыскивают дети наши шарики стеклянные, и маленькие и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода», их же и я взял более ста, и все различные. Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это не удивительно, бывает же и такое: мужи старые ходили за Югру и за Самоядь, так видели сами в северных странах: спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и вырастают и расходятся по земле. А в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают олени маленькие, и вырастают, и расходятся по земле». Этому у меня есть свидетель — посадник ладожский Павел и все ладожане.

Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф. «В царствовании Прова, во время дождя из огромной тучи вместе с водой многой попадала пшеница, которой, собрав ее, заполнили большие закрома. Так же при Аврелиане серебряные крупинки упали, а в Африке три камня упали громадных». И после потопа и после разделения языков «начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Ермия, затем Феоста», которого и Сварогом называли египтяне. «Когда царствовал этот Феост в Египте, в годы правления его упали клещи с неба, и начали ковать оружие, а до того палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон издал о том, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и вели себя воздержанно, а кто впадет в прелюбодеяние, тех казнить повелевал. Поэтому и прозвали его бог Сварог». «Прежде же женщины сходились с кем хотели, точно скот. Когда женщина рождала ребенка, она отдавала его тому, кто ей был люб: "Это твое дитя". Тот же, устроив празднество, брал себе ребенка. Феост же этот обычай уничтожил и повелел одному мужчине иметь одну жену и женщине за одного мужа выходить, если же кто преступит этот закон, да ввергнут его в печь огненную». Того ради прозвали его Сварогом и чтили его египтяне. И после него царствовал сын его, по имени Солнце, которого называют Даждьбогом, 7 тысяч и 400 и семьдесят дней, что составляет двадцать с половиной лет. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Солнце царь, сын Сварогов, иначе Даждьбог, был могучим мужем. Услышав от кого-то о некоей богатой и родовитой египтянке и о человеке некоем, восхотевшем сойтись с ней, искал ее, желая схватить. Не хотел он закон отца своего Сварога нарушить. Взяв с собой нескольких мужей и узнав час, в который она прелюбодействует, ночью застиг ее и не нашел мужа с ней, а ее застал лежащей с другим мужчиной, которого она возжелала. Схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житье по всей египетской земле, и все восхваляли его. Но мы не будем продолжать рассказ, а скажем вместе с Давидом: «Все, что пожелал, сотворил Господь на небе и на земле, в море, во всех безднах, возводя облака от края земли». Это и была последняя земля, о которой мы сказали ранее.

В год 6623 (1115), индикта 8. Собрались братья, русские князья, Владимир, именуемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич, и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо возвели им церковь каменную, в похвалу и в честь им и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая в 1-й день, в субботу, наутро же 2-го дня перенесли святых. И собралось множество, пришли люди отовсюду, митрополит Никифор со всеми епископами: с Феоктистом черниговским, с Лазарем переяславским, с попом Никитою белгородским и с Даниилом юрьевским, и с игуменами: с Прохором печерским и Сильвестром святого Михаила, и Савва святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И

освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, все обедали у Олега и пили, и было все устроено наилучшим образом, и кормили нищих и странников в течение трех дней. И вот наутро <2 мая> митрополит, епископы, игумены облачились в святительские ризы, и зажгли свечи и кадила благовонные, и пришли к ракам святых, и взяли раку Борисову и поставили ее на сани, и поволокли их за веревки князья и бояре. Впереди шли чернецы со свечами, за ними попы, игумены и епископы перед самою ракою, а князья с ракою шли между оградами. И трудно было везти из-за множества народа: поломали ограду, а иные облепили городские стены и заборола, так что страшно было видеть такое множество народа. И повелел Владимир, нарезав на куски паволоки и шерстяные ткани, разбрасывать народу, а также беличьи шкурки, другим же <велел> бросать серебряные монеты напиравшим людям, и легко внесли раку в церковь, поставили ее посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом. И заспорили Владимир, Давыд и Олег: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный возвести над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, «где отец мой указал», на правой стороне, где и было подготовлено для них место. И сказали митрополит и епископы: «Бросьте жребий, и где угодно будет мученикам, там их и поставим». И все согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой на святую трапезу, и вынулся жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики 2 мая из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Они же — похвала князьям нашим и заступники земли Русской, ибо славу мира этого они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его возжелали шествовать, овцы Христовы добрые, которые не воспротивились, когда влекли их на заклание, не бежали от насильственной смерти. Потому и воцарились с Христом в вечной радости и дар исцеления приняли от Спаса нашего Иисуса Христа, щедро оделяя им больных, с верою приходящих в святой храм их, поборников отечества своего. Князья же и бояре и все люди праздновали три дня и воздали хвалу Богу и святым мученикам. И затем разъехались каждый восвояси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их, также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, прося прощения грехов.

В том же году было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят — объеденное солнце. В том же году скончался Олег Святославич в первый день августа, а во второй был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году <Владимир> построил мост через Днепр.

В год 6624 (1116). Ходил Владимир войной на Глеба, ибо Глеб воевал с дреговичами, Случеск сжег и не раскаялся в этом и не подчинялся, но все более перечил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на Бога и на правду, пошел к Минску с сыновьями своими и с Давыдом Святославичем и с Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу, а

Давыд с Ярополком взяли Друцк штурмом. А сам Владимир пошел к Минску, и затворился Глеб в городе. Владимир же стал сооружать возле лагеря своего осадную башню (?) против городских стен. Глеб же, увидев это, устрашился и стал слать к Владимиру послов с мольбами <о мире>. Владимир же пожалел о том, что проливается кровь в дни Великого поста и заключил с ним мир. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиной, поклонился Владимиру, и начали переговоры о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира. Владимир же, заключив с Глебом мир и наставив его обо всем, дал ему Минск, а сам вернулся в Киев. Ярополк же срубил город Желди для жителей Друцка, которых он взял в плен. В том же году Мстислав Владимирович ходил на чудь с новгородцами и псковичами и взял их город, называемый Медвежья голова, и погостов захватили бесчисленное множество, и возвратились домой с большим полоном. В том же году ходил царевич Леон, зять Владимира, на царя Алексея, и сдались ему несколько дунайских городов, и в городе Дерестре хитростью убили его два подосланные царем сарацина августа месяца в 15-й день. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича и посажал посадников по Дунаю. В том же году послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк привел себе жену очень красивую, пленив дочь ясского князя. В том же году и монахиня Предслава, дочь Святослава, скончалась. В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомой Ратиборичем и, прийдя к Дерестру, не достигли ничего и вернулись обратно. В том же году бились с половцами, и с торками, и с печенегами у Дона, и секлись два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги. В том же году скончался Роман Всеславич. В том же году скончался Мстислав, внук Игорев. В том же году Владимир выдал дочь свою Агафью за Всеволодка.

В год 6625 (1117). Привел Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров. В том же году ходил Владимир на Ярослава к <городу> Владимиру с Давыдом и Ольговичами, и Володарем и Васильком, и осадили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом. Ярослав же покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир же дал наказ ему обо всем, повелев ему приходить к себе, «когда тя позову». И так мирно разошлись восвояси.

Тогда же приходили половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравой, и, выпив, Аепа и другие князья половецкие все умерли. В том же году скончался Лазарь, епископ переяславский, сентября 6-го. В том же году пришли беловежцы на Русь. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугоркanову. В тот же год тряслась земля 26 сентября. В том же году Владимир вывел Глеба из Минска. И церковь заложил на Альте мученикам. Владимир же послал сына Романа во

Владимир княжить. В том же году умер царь Алексей, и воцарился сын его Иоанн.

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. И. Милютенко

ВСТУПЛЕНИЕ

«Память и похвала князю русскому Владимиру» — одно из древнейших произведений русской литературы, созданное в XI в. В нем сохранились сведения из летописи, предшествовавшей не только «Повести временных лет», но и Начальному своду (ок. 1095 г.). Именно в «Памяти и похвале», а не в позднейших летописях содержатся правильные даты (датировки не цифровые, хронология событий отсчитывается от вокняжения и смерти Владимира): вокняжение Владимира в Киеве в 978 г., а не в 980, как сказано в «Повести временных лет»; крещение Владимира в 987 г., а не в 988, взятие Корсуня после крещения в 989 г., а не в 988 г. и др. (См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 13—28, 131—161).

Старший список произведения датируется XV в., отстоя от протографа на четыре столетия. А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. А. Бугославский выделяли в нем три части: собственно Память и похвалу Владимиру, Похвалу Ольге (только в некоторых списках) и Древнее житие. Выделение Соболевским Древнего жития условно и опиралось только на существование части «Памяти и похвалы» от слов «Блаженый же князь Володимеръ... крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести» в отдельном виде. А. А. Шахматов первым указал, что вступительная часть так называемого Древнего жития — это продолжение сравнения Владимира с Константином Великим, которое иначе обрывается на описании деяний римского императора и не имеет завершения (Разыскания... С. 13—28). Несомненной вставкой является Похвала Ольге, разрывающая связный текст сравнения после слов «Тако же и блаженый князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Олгою» (с. 320). А. А. Шахматову принадлежит наиболее полное исследование «Памяти и похвалы» (корректура книги «Жития князя Владимира», Архив *РАН*, ф. 154, оп. 1, № 112), но ученый не успел его завершить.

Для стиля автора памятника, монаха Иакова, характерны сложные синтаксические периоды и ритмическая организация текста. Он

широко использует ассонансы, текст строится не только на созвучиях отдельных звуков и рифмовке окончаний, но и на звучании сходных приставок (пра-, при-, пре-, про-), созвучии корней в словах, относящихся к разным частям речи (глагол, существительное, прилагательное, наречие). Все характерные литературные приемы Иакова есть и в той части, которую А. И. Соболевский когда-то предложил считать Древним житием. Некоторую разностильность «Памяти и похвалы» создают вкрапленные в нее фрагменты летописного характера. Они располагаются не в хронологическом порядке, а в последовательности, избранной автором, и служат подтверждением его тезиса об изначальной богоизбранности Владимира. «Память и похвала» является единым авторским произведением, а не компиляцией нескольких разных текстов.

О самом Иакове, авторе «Памяти и похвалы», ничего не известно. Архиепископ Макарий (Булгаков) считал его тем монахом Киево-Печерского монастыря, которому Феодосий хотел передать игуменство после своей смерти.

Текст издается по списку *РНБ*, Софийское собрание, № 1424 с учетом списков Софийского собрания № 1494 и списка *РГБ*, собрание Егорова, № 637, и издания В. И. Срезневского.

ОРИГИНАЛ

КАКО КРЕСТИСЯ ВОЛОДИМЕРЪ, И ДѢТИ СВОЯ КРЕСТИ, И ВСЮ ЗЕМЛЮ РУСКУЮ ОТ КОНЦА ДО КОНЦА, И КАКО КРЕСТИСЯ БАБА ВОЛОДИМЕРОВА ОЛГА[1] ПРЕЖЕ ВОЛОДИМЕРА. СПИСАНО ИАКОВОМЪ МНИХОМЪ

Отче, благослови!

Паулъ святый апостолъ, церковный учитель и свѣтило всего мира, посылая къ Тимофею писание, глаголаше: «Чядо Тимофею, еже слыша от мене многыми послухы, тоже предай вѣрнымъ человѣкомъ, иже доволнѣи будуть и иныхъ научити».[2] И блаженый апостолъ Лука евангелистъ къ Феофилу писаше, глаголя: «Понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ, бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ, ходившю исперва и по всѣхъ писати тебѣ, державный Феофиле, да разумѣеши, о нихъже начатъ Исусъ творити же и учити».[3] Къ тому Феофилу написа Дѣяния апостольская и Еуангелие святый апостолъ Лука, по томъ многыхъ святыхъ писати начаша жития и мучения. Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ от многыхъ о благовѣрнемъ князѣ Володимери всея Руския земля, о сыну Святославлѣ[4], и мало събравъ от многыя, добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же святою славную мученику Бориса и Глѣба,[5] како просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку

Игореву[6], и возлюби`и человеколюбивый Богъ, «хотяй спасти всякого человѣка и въ разумъ истинный приити»,[7] и вжада святого крещения.

«Якоже жадаеть елень на источники водныя»,[8] тако вжада благовѣрный князь Володимеръ святого крещения, и Богъ сътвори хотѣние его. Пишеть бо ся: «Волю боящихся его сътворить и молитву ихъ услышить и спасеть`я».[9] И самъ рече Господь: «Просите и преимите, ищите и обрящите, толчете и отверзется вамъ. Всякъ просяй приемлеть, ищай обрящеть, толкущему отверзется».[10] И паки рече: «Иже вѣру иметь и крестится, и спасенъ будеть, а иже вѣры не имать, не крестится, осужен будеть».[11] Взиска спасения и прия о бабѣ своей Олзѣ, како шедши къ Царюграду, и приняла бяше святое крещение, и пожи добрѣ предъ Богомъ, всими добрыми дѣлы украсившися, и почи с миромъ о Христѣ Исусѣ и въ вѣрѣ блазѣ. То все слышавъ князь Володимеръ о бабѣ своей Олзѣ, нареченѣй въ святомъ крещении Елене, тоя и житие подража, такоже и святыя царици Елены[12], матере великаго царя Коньстантина житию ревнуя въ всемъ. И разгоряшеся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещения. Видя же Богъ хотѣние сердца его, провидя доброту его, и призрѣ съ небесѣ милостью своею и щедротами. И въ Троицы славимый Богъ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ на князя Володимера, «испытая сердца и утробы»,[13] Богъ праведенъ, вся предвѣдый, и просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру прияти святое крещение.

Крести же ся самъ князь Володимеръ, и чада своя, и весь домъ свой святымъ крещениемъ просвѣти, и свободи всяку душу, мужескъ полъ и женескъ, святого ради крещения. И възрадовася, и възвеселися о Бозѣ Давыдьскы князь Володимеръ, и аки святый пророкъ дивный Аввакумъ «о Господѣ веселяся и радуяся»[14] о Бозѣ Спасѣ моемъ. О, блаженное время и дьнь добрый, исполненъ всего блага, в онъже крестися Володимеръ князъ, и нареченъ бысть въ святомъ крещении Василей! И даръ Божий осѣни его, благодать Святого Духа освѣти сердце его, и навыче по заповѣди Божии ходити и жити добрѣ о Бозѣ, и вѣру тверду удержа неподвижиму. Крести же и всю землю Рускую от конца до конца, и поганьскыя боги, паче же и бѣсы, Перуна и Хъроса,[15] и ины многы попра, и съкруши идолы, и отверже всю безбожную лесть. И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица[16], прибѣжище и спасение душамъ вѣрнымъ, и десятину ей дасть, тѣмъ попы набдѣти и сироты, вдовица и нищая. И потомъ всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами. И отвержеся всея диаволи льсти, и прииде от тмы диаволя на свѣтъ съ чады своими, приде къ Богу, крещение приимъ, и всю землю Рускую исторже изъ устъ диаволь и къ Богу приведе, и къ свѣту истиному. Рече бо Господь пророкомъ: «Изводяй от нечестия нечестиваго, аки уста моя еси».[17] И бысть князь Володимеръ аки уста Божиа и человекы изъ лести диаволя къ Богу приведе. О, колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и арахангели, и святыхъ дуси възыграшася. Самъ рече Господь: «Колика радость бываеть на небесѣхъ о единемъ грѣшницѣ

кающимся».[18] Толико бес числа душь по всей земли Руской приведены къ Богу святымъ крещениемъ, похвалы всякыя дѣло постойно створи и радости духовныя полно.

О блаженый и треблаженый княже Володимерѣ, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче, мъзда твоа многа предъ Богомъ! То же блаженый Давыдъ глаголаше: «Блаженъ человекъ, егоже ты накажеши, Господи, и от закона твоего научиши`и, да укротиши`и от дний лютъ». [19] Блаженый князь Володимеръ, уклонився от службы диаволя, и прииде къ Христу Богу, Владыцѣ своему, и люди своя приведе, и научи `я служити Богу, Самъ бо рече Господь: «Иже створить и научить, се великъ наречеться въ царствии небеснемъ».[20] А ты, блаженый княже Володимере, бысть апостолъ въ князехъ, всю землю Рускую приведъ къ Богу святымъ крещениемъ, и научи люди кланятися Богу, славити и пети Отца, и Сына, и Святаго Духа. И вси людие Рускыя земля познаша Бога тобою, божественый княже Володимере. Възрадовашася ангельстии чини, агници честнии, нынѣ радуются вѣрныи, и воспѣша, и въсхвалиша! Аки младенци еврейстии съ вѣтвьми усрѣтоша Христа, вопиюще: «Осанна Христу Богу, побѣдителю смерти!»,[21] тако и новоизбраннии людие Руския земля въсхвалиша Владыку Христа с Отцемъ и Святымъ Духомъ. И къ Богу приближившеся святымъ крещениемъ, и диавола отврьгшеся, и службы его поругашася, и поплеваша бѣсы, и познаша Бога истиннаго, творца и съдѣтеля всей твари. И поють по вся дни живота и на всякъ часъ пѣснь чудную, *хвалу* архангельскую: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволение!»[22] И ты, блаженый княже Володимере, подобно Констянтину Великому[23] дѣло сътвори, яко онъ вѣрою великою и любовью Божиею подвигся. Утверди всю вселеную любовию и вѣрою, и святымъ крещениемъ просвѣти весь миръ, и законъ Божий по всей вселенѣй заповѣда. И разруши храмы идольския съ лжеименными богы, и святыя же церкви по всей вселенѣй постави на хвалу Богу, в Троицы славимому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасение. С блаженою и богомудрою матерью своей святою Оленою и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бещисленое множество. И требища бѣсовсьскыя потреби, и храмы идольскыа разруши, и церквами украси всю вселеную и грады, и заповѣда въ церковахъ памяти святыхъ творити пѣнии и молитвами, и праздникы праздновати на славу и на хвалу Богу. Тако же и блаженый князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Олгою.

Блаженый же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче,[24] и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады честными церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣниемъ и молитвами, и празноваше свѣтло праздники Господьскыя. И три трапезы поставляше: первую митрополиту съ епископы, и съ черноризцѣ, и съ попы; вторую нищимъ и убогымъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мужемъ своимъ.

Подобя ся царемъ святымъ, блаженый князь Володимеръ, пророку Давыду, царю Иезекѣю,[25] и треблаженому Иосѣю,[26] и великому Коньстянтину, иже избраша и изволиша Божий законъ боле всего, и послужиша Богу всѣмъ сердцемъ, и получиша милость Божию, и наслѣдиша рай, и прияша царство небесное, и почиша со всѣми святыми, угожьшими Богу. Тако же и блаженый князь Володимеръ, послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душею. Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти, мнози бо святии праведнѣи не створиша чюдесъ, но святи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святый Иоаннъ Златоустый:[27] «От чего познаемъ и разумѣемъ человека свята, от чюдесъ ли, или от дѣлъ?» И рече: «От дѣла познати, а не от чюдесъ, много бо и вълсви чюдесъ створиша бѣсовскымъ мечтаниемъ». И бяху святѣи апостоли, и бяху лжии апостоли, и бѣша святѣи пророци, и бяху лжии пророци, слугы диаволя, ино чюдо, самъ сотона преображается въ ангелъ свѣтелъ. Но от дѣлъ разумѣти святого, яко же апостолъ рече: «Плодъ духовный есть любы, радость, терпѣние, благовѣрие, благость, кротость и въздержание. На таковыхъ нѣсть закона».[28] Блаженый же князь Володимеръ всимъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби и заповѣди его взыска и съхрани. И вся страны боахуся его и дары ему приношаху. Възвеселися, и възрадовася о Бозѣ и о святѣмъ крещении, и хваляшеся, и славяше Бога о всемъ томъ князь Володимеръ. И сице в радости смирениемъ сердца глаголаше: «Господи Владыко благый, помянулъ мя еси и привелъ мя еси на свѣтъ, и познахъ тя, всея твари творца. Слава ти, Боже всѣхъ, Отче Господа Бога нашего Исуса Христа! Слава ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, сице мя помиловавъ. Въ тмѣ бяху, диаволу служа и бѣсомъ, но ты мя святымъ крещениемъ просвѣти. Акы звѣрь бяхъ, многа зла творях въ поганьствѣ и живяхъ акы скотина, но ты мя укроти и наказа своею благодатью. Слава ти, Боже в Троицы славимый, Отче, и Сыне, и Святый Душе! Троице Святая, помилуй мя, настави мя на путь твой и научи мя творити волю твою, яко ты еси Богъ мой!» Князь же Володимеръ поревнова святыхъ мужь дѣлу и житию ихъ, и възлюби Аврамово[29] житие и подража странолюбию его, Иаковлю[30] истину, Моисѣеву[31] кротость, Давыдово безлобие, Констянтина, царя великого, перваго царя кристианского, того подражая правовѣрие, боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ. Иже немощныа и старыа не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ домы имъ посылаше, немощнымъ и старымъ, всяку потребу блаженый князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многыа его милостыня, не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей земле Руской. И въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыа одѣвая, альчныя кормя и жадныя напаяя; странныа покоя милостью; церковникы чтя, и любя, и милуя, подавая имъ требование, нищая, и сироты, и вдовица, и слѣпыя, и хромыя, и трудоватыя, вся милуя, и одѣвая, и накормя, и напаяя.

Такоже пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ[32] побѣди и дань на нихъ положи, вятичи[33]

побѣди и дань на нихъ положи, и ятвягы[34] взя, и сребреныя болгары[35] побѣди, и на козары[36] шедъ, побѣди я и дань на них положи.

Умысли же и на грѣческый крадъ Корсунь[37] и сице моляшеся князь Володимеръ Богу: «Господи Боже Владыко всѣхъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди кристианы и попы на всю землю, и да научать люди закону кристианскому». И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь, и взя съсуды церковныя, и иконы, и мощи священомученика Климента[38] и иныхъ святыхъ.

И въ ты дни бѣаста цари два въ Цариградѣ, Констянтинъ и Василий,[39] и посла къ нимъ Володимеръ, прося у нихъ сестры оженитися, да бы ся болма на кристианский законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта ему, и мощи святыхъ даста ему.

И тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ и скончa житие свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ и съ благовѣрною Олгою. И та бо шедши къ Царюграду, приала бяше святое крещение, и много сътворивъ добра въ житии семъ предъ Богомъ, и скончa житие свое въ добрѣй вѣрѣ, и почи съ миромъ, в руцѣ Божии душю предавше. И еще живу сущю Володимиру князю, рать бяше от печенѣгъ, Володимеръ же бяше болѣзнию одержимъ, въ той же болѣзни предасть душю свою въ руцѣ Божии.

Молитва святого князя Володимера. Володимеръ князь, отходя свѣта сего, сице моляшеся, глаголя: «Господи Боже мой, не позналъ тебе бяху, но помиловалъ мя еси и святымъ крещениемъ просвѣтилъ мя еси, и познахъ тя, Боже всѣхъ, святый творче всея твари, Отче Господа нашего Исуса Христа, слава ти съ Сыномъ и Святымъ Духомъ! Владыко Боже, не помяни моей злобѣ, не позналъ есмь тебе въ поганьствѣ, нынѣ же тя знаю и ведаю, Господи Боже мой, помилуй мя. Аще мя хочеши казнити и мучити за грѣхы моя, казни самъ мя, Господи, бѣсомъ не предай же мене!» И сице глаголя и моляся Богу, преда душю свою съ миромъ ангеламъ Господнимъ и успе. «Праведныхъ бо души въ руку Божию суть»,[40] «и мъзда имъ от Господа, и строение имъ от Вышняго, того ради приимуть вѣнець красоты от руки Господни».[41]

По святомъ крещении поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ.[42] На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи,[43] на третье Корсунь городъ взя,[44] на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи,[45] а на пятое лѣто Переяславль заложи,[46] въ девятое лѣто

десятину от имения своего блаженый христолюбивый князь Володимеръ вда церкови святѣй Богородицѣ.[47] О томъ бо и самъ Господь рече: «Идѣже есть съкровище ваше, ту и сердце ваше будеть».[48] Блаженый же князь Володимеръ имяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце его бѣ въ царствии небеснѣмъ. И Богъ поможе ему, и сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенѣзѣ убиша, а Ярополкъ[49] сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава; и Олегъ, идый съ вои у Вруча града, *ся обломи мостъ съ вои, и угнетоша* Олга[50] въ гребли, а Ярополка убиша[51] въ Киевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486.[52] Крестилъ же ся князь Володимеръ въ десятое лѣто по убьении брата своего Ярополка.[53] И каашесе и плакаше блаженый князь Володимеръ всего того, елико створи въ поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, творца небу и земли, покаявся всего и отврьжеся дьавола и бѣсовъ, и всея службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 дьнь, въ лѣто 6523 о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

---

[1] *Ольга* (ум. 969) — русская княгиня, жена кн. Игоря, правительница Руси во время малолетства Святослава. Приезжала в Константинополь к императору Константину Багрянородному, где, очевидно, и крестилась.

[2] *«Чядо Тимофею... научити».* — 2 Тим. 2, 2.

[3] *«Понеже мнози... и учити».* — Ср. Лк. 1, 1—4.

[4] *Святослав* (ок. 940—972) — русский князь, сын вел. кн. киевского Игоря и Ольги.

[5] *Борис и Глеб* — первые русские святые, канонизированные православной церковью. После смерти Владимира в 1015 г. были убиты своим братом Святополком. Им посвящены «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение» Нестора и др. памятники (подробнее см. коммент. к «Сказанию о Борисе и Глебе»).

[6] *Игорь* (уб. 945) — вел. кн. киевский, в 944 г. заключил договор с Византией. Убит древлянами.

[7] *...«хотяй спасти... приити».* — 1 Тим. 2, 4.

[8] *«Якоже жадаеть... водныя».* — Пс. 41, 2.

[9] *«Волю боящихся... и спасеть я».* — Пс. 144, 19.

[10] *«Просите... отверзется».* — Мф. 7, 7—8; Лк. 11, 9—10.

[11] *«Иже вѣру иметь... осужен будеть».* — Ср. Мр. 16, 16.

[12] *Елена* (ум. 327) — мать императора Константина Великого. Ее деятельность имела большое значение для распространения христианства.

[13] *«Испытая сердца и утробы».* — Пс. 7, 10.

[14] *«О Господѣ... радуяся».* — Ср. Пс. 31, 11.

[15] *Перунъ* — верховный бог языческой Руси, бог грома и войны, *Хъросъ* — бог Солнца.

[16] *...церковь... во имя пресвятыя Богородица* — первый каменный храм Руси, позже именовался Десятинной церковью, так как Владимир даровал ей десятую часть всех своих доходов.

[17] *«Изводяй от нечестия нечестиваго... еси».* — ср. Иер. 15, 19.

[18] *«Колика радость... кающимся».* — Лк. 15. 7, 10.

[19] *«Блаженъ... днии лютъ».* — Пс. 93, 12.

[20] *«Иже створить и научить... царствии небеснемъ».* — Мф. 5, 19.

[21] *«Осанна Христу... смерти!»* — ср. Мф. 21. 9; Мр. 11, 9—10; Иоан 12, 13.

[22] *«Слава въ вышнихъ... благоволение!»* — Лк. 2, 14.

[23] *Константин* — При Константине (ок. 274—337), римском императоре (306—337 гг.), прекратилось преследование христиан (Миланский эдикт 313 г.). В 325 г. в его присутствии состоялся Никейский собор, принявший православный символ веры.

[24] *...храмы идолскыя... посѣче...* — Как свидетельствуют археологические исследования, языческие славянские святилища стояли в окружении валов и были огорожены тыном, иногда имелась постройка в центре. Валы и рвы нужно было «раскопать», а тын «рассечь».

[25] *Иезекия* (715—687 гг. до н. э.) — иудейский царь, боровшийся с идолопочитанием.

[26] *Иосия* (627—613 до н. э.) — благочестивый царь иудейский, восстановивший почитание истинного Бога.

[27] *Иоанн Златоуст* — византийский церковный писатель и проповедник, один из наиболее почитаемых отцов церкви, константинопольский патриарх в 398—404 гг.

[28] *«Плодъ духовный... закона»* — Галат. 5, 22—23.

[29] *Авраам* — ветхозаветный патриарх и праведник, родоначальник евреев и арабов. У Мамврийского дуба ему явился Бог в образе трех ангелов, которых он пригласил к себе и принимал как гостеприимный хозяин.

[30] *Иаков* — (Израиль), ветхозаветный патриарх, сын Исаака, внук Авраама.

[31] *Моисей* — ветхозаветный пророк, вывел евреев из египетского плена, на горе Синай получил завет от Бога.

[32] *Радимичи* — славянское племя, обитало в бассейне р. Сож. По «Повести временных лет» покорены в 984 г.

[33] *Вятичи* — славянское племя, жили в районе рек Оки и Москвы, было два похода: в 981 и 982 гг. (См. «Повесть временных лет»).

[34] *Ятвяги* — балтское племя, обитавшее на р. Неман, покорены в 983 г. (См. «Повесть временных лет»).

[35] *Болгары.*— Поход в Волжскую Болгарию состоялся в 986 г. (См. «Повесть временных лет»).

[36] *Хозары.*— Хазарский каганат на Волге и Дону был разгромлен отцом Владимира кн. Святославом в 965 г. Поход Владимира на хазар по другим источникам не известен.

[37] *Корсунь* — др. греч. колония в Крыму Херсонес (окраина совр. Севастополя). В X в. центр Византийской провинции. Согласно византийским хроникам и «Памяти и похвале» Корсунь взят Владимиром в 989 г., а не в 988, как сказано в «Повести временных лет» (см. также коммент. 253 к «Повести временных лет»). Все русские источники сообщают, что свадьба Владимира и Анны состоялась только в Крыму, что подтверждает гипотезу о враждебности русского князя императору из-за нежелания последнего соблюдать условия договора. Иаков мотивирует поход крестившегося Владимира против христианского города стремлением найти учителей веры для своего народа.

[38] *Климент* — Святой Климент умер в ссылке в Крыму, чем и объясняется нахождение его мощей в Херсонесе. Мощи были перенесены в киевскую Десятинную церковь; культ Климента получил распространение на Руси. См.: *Бегунов Ю. К.* Русское слово о чуде Климента Римского и Кирилло-Мефодиевская традиция // Slavia. Praha. 1974. Roč. 43, seš 1 S. 28—46.

[39] *Константин VIII и Василий II.* — императоры-соправители, сыновья Романа II: Василий II Болгаробойца (976—1025 гг.) и Константин VIII (976—1028 гг.).

[40] *«Праведныхъ бо... суть».* — Прем. 3, 1.

[41] *«...и мзда имъ от Господа... от руки Господни».* — Прем. 5, 15—16.

[42] *...поживе... 28 лѣтъ.* — Так же определяет срок жизни Владимира после крещения автор «Сказания о Борисе и Глебе». Сопоставив эти указания с датой смерти Владимира 15 июля 1015 г., получим год крещения Владимира 987, а не 988, как в «Повести временных лет».

[43] *На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи...* — В летописи рассказа о таком походе нет. А. А. Шахматов предполагал, что Владимир ходил на печенегов, А. Поппе считал, что он встречал царевну Анну. Возможно, Владимир сопровождал войско, отправляемое в 988 г. в Византию.

[44] *...на третье Корсунь город взя...* — 989 г. О том, что Владимир крестился не в Корсуне, а еще в Киеве до похода, в полемике упоминает составитель «Повести временных лет» и называет место крещения — Василев (см. «Повесть временных лет» под 988 г.).

[45] *...цьрьквь камену... заложи...* — 990 г. В летописях закладка церкви относится ко времени сразу после корсунского похода (989 г. или 991 г.).

[46] *...на пятое лѣто Переяславль заложи...* — 991 г. В «Повести временных лет» — 992 г. (не через год, а через два года после закладки Десятинной церкви).

[47] *...въ девятое лѣто десятину... Богородицѣ.* — 995 г. А. А. Шахматов считал верной именно эту дату, так как 12 июля, день освящения церкви, приходился на воскресенье в 995, а не в 996 г.

[48] *«Идѣже есть съкровище... будеть».* — Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

[49] *Ярополк* — старший сын Святослава; в 969 г. перед вторым болгарским походом Святослав выделил ему Киев.

[50] *...угнетоша Олга...* — второй сын Святослава. Получил Древлянскую землю. Из «Повести временных лет» известно, что ок. 976 г. Ярополк напал на Олега, который после проигранной битвы бежал в Овруч. Когда все торопились проскочить в город, многих, в том числе и князя, столкнули с моста в ров, где его задавило людьми и лошадьми. Неясно, представляет собой текст неудачное сокращение источника, или в источнике Иакова смерть Олега была представлена как несчастный случай.

[51] *...Ярополка убиша...* — Ярополк был убит в Киеве в присутствии Владимира. (См. «Повесть временных лет» под 980 г.).

[52] *И сѣде в Киевѣ... въ лѣто 6486.* — Святослав погиб, возвращаясь из неудачного похода на Болгарию, на Днепровских порогах. Если год вокняжения Владимира (978) был восьмым после смерти Святослава, то

князь погиб в 971 г., а не в 972, как в «Повести временных лет». Но данное противоречие мнимое. Мир между византийцами и русскими был заключен в 971 г., и войско двинулось на Русь. Не успев добраться в течение одного сезона, оно осталось зимовать на Днепре. Согласно источнику Иакова, князь погиб на зимовке в 971 г., а летописец отнес его смерть к весне следующего 972 г. Точная дата вокняжения Владимира есть только в «Памяти и похвале». Хотя «Повесть временных лет» называет 980 г., все остальные сведения в ней же подтверждают дату 978 г. (срок правления Владимира — 37 лет, Ярослав родился в 978 или 979 г., а не в 980).

[53] *Крестилъ же ся... по убьении. ...Ярополка...* — 987 г.

ПЕРЕВОД

КАК КРЕСТИЛСЯ ВЛАДИМИР, И ДЕТЕЙ СВОИХ КРЕСТИЛ, И ВСЮ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ ОТ КРАЯ ДО КРАЯ, И КАК ЕЩЕ ДО ВЛАДИМИРА КРЕСТИЛАСЬ БАБКА ВЛАДИМИРОВА ОЛЬГА. НАПИСАНО ИАКОВОМ МОНАХОМ

Отче, благослови!

Павел, святой апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, говорил: «Чадо Тимофей, то, что слышал от меня при многих свидетелях, передай верным людям, которые будут способны и других научить». И блаженный апостол Лука евангелист к Феофилу писал, говоря: «Так как многие начали повествовать о известных событиях, случившихся с нами, захотелось и мне описать тебе, достопочтенный Феофил, исследовав все сначала и по порядку, чтобы уяснил ты, как начал Иисус творить и учить». Для того же Феофила написал Деяния апостольские и Евангелие святой апостол Лука, а после жития и мучения многих святых начали описывать. Так и я, ничтожный монах Иаков, слышавший от многих о благоверном князе всей Русской земли сыне Святослава Владимире, и собрав из многого немногое, написал о добродетелях его, а также о двух сыновьях его, святых славных мучениках Борисе и Глебе. И написал, как благодать Божия просветила сердце князя русского Владимира, сына Святослава, внука Игорева, и как, «желающий всякого человека спасти и к познанию истины привести», возлюбил его человеколюбивый Бог — и возжаждал князь святого крещения.

«Как жаждет олень водного источника», так возжаждал благоверный князь Владимир святого крещения, и исполнил Бог желание его. Ибо пишется: «Волю боящихся его исполнит, и молитву их услышит, и спасет их». И сам Господь сказал: «Просите и получите, ищите и найдете, стучите и откроется вам. Всякий просящий получит, ищущий найдет, стучащему откроется». И еще сказал: «Кто уверует и крестится, тот спасен будет, а кто не уверует и не крестится, тот осужден будет». Он искал спасения и узнал о бабке своей Ольге, как, пойдя в Царьград, приняла она святое крещение, и жила, как следует по-божески, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром о Иисусе Христе и в благой вере. То все услышав о бабке своей Ольге, нареченной в святом крещении Еленой, князь Владимир и в жизни ей стал подражать, как и святой царице Елене, матери великого царя Константина, следуя во всем. И разгорелось Святым Духом сердце его, желая святого крещения. Видя желание сердца его, Бог, зная о доброте его, снизошел с небес на князя Владимира милостью своею и щедротами. И Бог Отец, и Сын, и Святой Дух в Троице славимый, «проникающий в сердце и существо» Бог праведный, все предвидящий, просветил сердце князю Русской земли Владимиру, чтобы принял он святое крещение.

Крестился сам князь Владимир, и детей своих, и весь дом свой святым крещением просветил, и освободил каждую душу, и мужского пола, и женского, крещением святым. И возвеселился, как Давид, и возрадовался Богу князь Владимир, и «веселился, и Господу радовался», как святой пророк дивный Аввакум, Богу Спасу своему. О, блаженное время и день добрый, исполненный всякого блага, в который крестился Владимир князь и назван был в святом крещении Василий! И дар Божий осенил его, и благодать Святого Духа осветила сердце его, и научился по заповеди Божьей поступать, и жить добродетельно по-божьи, и веру соблюдал твердо и непоколебимо. Он крестил всю Русскую землю из конца в конец — и отверг нечестивое наваждение, и языческих богов, а вернее бесов, Перуна и Хорса, и других многих попрал, и сокрушил идолов. И церковь построил каменную во имя пресвятой Богородицы, прибежище и спасение душам верным, и десятину ей дал, чтобы о попах заботиться, и о сиротах, и о вдовицах, и о нищих. И потом всю землю Русскую и города все украсил святыми церквами. И отверг весь дьявольский обман, и пришел от тьмы дьявольской на свет с детьми своими, пришел к Богу, крещение приняв, и всю землю Русскую вырвал из пасти дьявола и к Богу привел, и к свету истинному. Ведь сказал Господь устами пророка: «Отводящий от нечестия нечестивого, ты — как уста мои». И был князь Владимир как уста Божий и людей от обмана дьявольского к Богу привел. О, сколько радости и веселия было на земле! Ангелы возрадовались и архангелы, и души святых воспряли. Сам Господь сказал: «Какая радость бывает на небесах, если хоть один грешник раскается». Бесчисленны души, приведенные к Богу святым крещением по всей земле Русской, исполнено дело, похвалы всякой достойное и радости духовной полное.

О блаженный и трижды блаженный князь Владимир, благоверный, и христолюбивый, и гостеприимный, велика награда твоя от Бога! То же блаженный Давид говорил: «Блажен человек, которого ты наставишь, Господи, и закону твоему научишь его, и сохранишь его в горькие дни». Блаженный князь Владимир, отказавшись от службы дьяволу, пришел к Христу Богу, своему Владыке, и людей своих привел, и научил их Богу служить. Ибо сам Господь сказал: «Тот, кто совершит и научит, тот великим назван будет в царстве небесном». А ты, блаженный князь Владимир, был апостолом в князьях, всю землю Русскую приведя к Богу святым крещением, научил людей своих поклоняться Богу и славить и петь Отца, и Сына, и Святого Духа. И все люди Русской земли через тебя познали Бога, божественный князь Владимир. Возрадовались ангельские чины, агнцы славные, теперь радуются верные, и воспели, и восхвалили! Как дети еврейские с ветвями встретили Христа, возглашая: «Осанна Христу Богу, победителю смерти!», так и новоизбранные люди Русской земли восхвалили Владыку Христа с Отцом и Святым Духом. И к Богу святым крещением приблизившись, и дьявола отвергнув, и службы его поругав, и бесов оплевав, истинного Бога познали, творца и создателя всего сущего. И поют во всякий день и час своей жизни песнь чудную, хвалу архангельскую: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение!» И ты, блаженный князь Владимир, подобно Константину Великому, дело совершил, как он, верой великой и любовию к Богу подвигнут был. Утвердил Константин всю вселенную любовью и верою, и святым крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей вселенной заповедал. И разрушил храмы идольские с ложно возвеличенными богами, а церкви святые по всей вселенной поставил во славу Бога, в Троице славимого, Отца, и Сына, и Святого Духа, и крест обрел, всего мира спасение. С блаженной и богомудрой матерью своей святой Еленой и с детьми многими привел к Богу святым крещением людей бесчисленное множество. И жертвенники бесовские истребил, и храмы идольские разрушил, и украсил церквами и города, и всю вселенную, и повелел пением и молитвами в церквах память святым совершать и праздники праздновать во славу и хвалу Богу. То же блаженный князь Владимир и бабка его Ольга совершили.

Блаженный князь Владимир, внук Ольгин, крестившись сам, и детей своих, и всю землю Русскую крестил из конца в конец. Храмы и жертвенники идольские всюду раскопал и посек, и идолов сокрушил, города и всю землю Русскую церквами украсил, и память святым в церквах совершал пением и молитвами, и праздновал светло праздники Господни. Три стола накрывал: первый митрополиту с епископами и монахами, и с попами; второй нищим и убогим; третий себе, и боярам, и мужам всем своим. Подражал царям святым блаженный князь Владимир, пророку Давиду, царю Иезекии, и трижды блаженному Иосии, и великому Константину, которые избрали и предпочли закон Божий всего превыше, и послужили Богу всем сердцем, и получили милость Божию, и наследовали рай, и приняли царство небесное, и почили со всеми святыми, угодившими Богу. Подобен же им блаженный князь Владимир, послуживший Богу всем сердцем и всей душой. Не

станем удивляться, возлюбленные, что чудес он не творит после смерти, потому что многие святые праведные не сотворили чудес, но святы они. Как сказано об этом где-то у святого Иоанна Златоуста: «Как узнаем и понимаем человека святого, по чудесам или по делам?» И сказал: «По делам узнаем, а не по чудесам, потому что и волхвы много чудес сотворили бесовским наваждением». И были святые апостолы и были лжеапостолы, и были святые пророки и были лжепророки, слуги дьявола, и еще чудо — сам сатана превращается в светлого ангела. По делам узнаем святого, как апостол сказал: «Плод духовный — любовь, радость, терпение, благоверие, благость, кротость и воздержание. На таковых нет закона». Блаженный князь Владимир, возлюбя всем сердцем и всей душой Бога, заповеди его познал и соблюдал. И все страны боялись его и дары ему приносили. И возвеселился, и возрадовался Богу и святому крещению, и благодарил, и славил Бога за все то князь Владимир. И так в радости со смирением в сердце говорил: «Господи Владыка благой, помянул ты меня и привел на свет, и познал я тебя, творца всего сущего. Слава тебе, Боже всех, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Слава тебе с Сыном и Святым Духом за то, что меня помиловал. Во тьме я был, дьяволу служа и бесам, но ты меня святым крещением просветил. Как зверь был, в язычестве много зла творил и жил, как скотина, но ты меня благодатью своей укротил и научил. Слава тебе, Боже, в Троице славимый, Отец, и Сын, и Дух Святой! Троица Святая, помилуй меня, наставь на путь истинный и научи меня исполнять волю твою, так как ты — Бог мой!» Князь Владимир следовал делу святых мужей и жизни их, и восхитился жизнью Авраама и подражал гостеприимству его, возлюбил Иаковлеву истину, Моисееву кротость, Давидово беззлобие, более же всего Константину, царю великому, первому царю христианскому, подражая в правоверии, милостыню творил князь Владимир. Если немощные и старые не могли дойти до княжеского двора и взять необходимое, то блаженный князь Владимир к ним домой посылал и все, что нужно, давал. Не могу описать многие его милости — милосердие проявлял не только в доме своем, но и по всему городу, не только в Киеве одном, но и по всей земле Русской. И в городах, и в селах, везде оказывал милосердие, нагих одевая, голодных кормя, жаждущих поя, странствующим покой давая; церковников чтя, и любя, и милуя, подавал им нужное, нищих и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и страждущих, всех миловал, и одевал, и кормил, и поил.

Когда князь Владимир добрые дела совершал, то Божья благодать освещала сердце его и рука Господня помогала ему, и побеждал всех врагов своих, и боялись его все. На кого шел, одолевал: радимичей победил и дань на них положил, вятичей победил и дань на них положил, ятвягов взял, и серебряных болгар победил; и хазар, пойдя на них, победил и дань на них положил.

Замыслив поход на город греческий Корсунь, так молился князь Владимир Богу: «Господи Боже, Владыка всех, одного у тебя прошу: дай

мне город, чтобы взял и привел людей христиан и попов на всю землю, и пусть учат людей закону христианскому». И услышал Бог молитву его, и взял он город Корсунь, и сосуды церковные, и иконы, и мощи священномученика Климента и других святых.

И в те дни были два царя в Царьграде: Константин и Василий. И послал к ним Владимир, прося у них сестру себе в жены — да укрепится он еще больше в законе христианском. И дали они ему сестру свою, и дары многие прислали ему, и мощи святых дали ему.

И так добродетельно прожил благоверный князь Владимир, и окончил жизнь свою в правоверной вере о Христе Иисусе Господе нашем, как и благоверная Ольга. Она прежде него, пойдя в Царьград, приняла святое крещение, и много сделав добра в этой жизни пред Богом, кончила жизнь свою в истинной вере, и почила с миром, в руки Божий душу предав. И когда была война с печенегами, еще был жив Владимир князь, но болен, и от этой болезни предал душу свою в руки Божий.

Молитва святого князя Владимира. Владимир князь, отходя от света сего, так молился, говоря: «Господи Боже мой, не познал я тебя, но помиловал ты меня и святым крещением просветил меня, — и познал я тебя, Боже всех, святой творец всего сущего, Отец Господа нашего Иисуса Христа, слава тебе с Сыном и Святым Духом! Владыка Боже, не помяни моего зла, не знал я тебя в язычестве, теперь же знаю тебя и ведаю. Господи Боже мой, помилуй меня. Если хочешь меня казнить и мучить за грехи мои, казни сам, Господи, не предавай меня бесам!» И так Богу молясь, предал душу свою с миром ангелам Господним и умер. «Праведных души в руках Божьих», «и награда им от Господа, и воздаяние им от Вышнего, и примут они венец красоты из руки Господней».

После святого крещения прожил блаженный князь Владимир двадцать восемь лет. На другой год после крещения к порогам ходил, на третий год Корсунь город взял, на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил, а на пятый год Переяславль заложил, в девятый год десятину блаженный христолюбивый князь Владимир дал церкви святой Богородицы из достояния своего. Об этом и сам Господь сказал: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». А блаженный князь Владимир сокровище свое на небесах милосердием и добрыми делами скрыл, там и сердце его было в царстве небесном. И Бог помог ему, и сел в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенеги убили, а Ярополк сел в Киеве на месте отца своего Святослава. И когда Олег шел с воинами у Овруча города, обломился мост с воинами, и задавили Олега во рву, а Ярополка убили в

Киеве люди Владимира. И сел в Киеве князь Владимир в восьмой год после смерти отца своего Святослава, 11 июня, в год 6486 (978). Крестился князь Владимир в десятый год после убийства брата своего Ярополка. Каялся и оплакивал блаженный князь Владимир все то, что совершил в язычестве, не зная Бога. Познав же Бога истинного, творца неба и земли, покаявшись во всем и отвергнув бесов и дьявола и служение ему, послужил Богу добрыми своими делами и милосердием. Преставился с миром 15 июля 6523 (1015) года о Христе Иисусе Господе нашем.

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1015 г. умер киевский князь Владимир I Святославич. Киевский великокняжеский стол занял Святополк. По старшинству он имел право претендовать на это, но обстоятельства рождения Святополка и характер отношения к нему Владимира заставляли его опасаться за прочность своего положения. За 35 лет до этих событий, в 980 г., Владимир, убив своего старшего брата Ярополка, княжившего в Киеве, взял себе в жены его беременную жену «грекиню» (гречанку). Таким образом, хотя Святополк родился, когда его мать являлась женой Владимира I, он был сыном не Владимира, а Ярополка. Поэтому-то, как говорит «Сказание о Борисе и Глебе»,— «и не любляаше его» Владимир. Стремясь утвердиться на киевском великокняжеском престоле, Святополк стал уничтожать своих возможных соперников. Были убиты по его приказанию сыновья Владимира Святослав, Борис и Глеб. В борьбу за киевский княжеский стол вступил княживший в Новгороде сын Владимира от Рогнеды Ярослав, прозванный

впоследствии Мудрым. В результате упорной и длительной борьбы, продолжавшейся до 1019 г. и окончившейся поражением и гибелью Святополка, Ярослав утвердился на киевском престоле (княжил до 1054 г.). Деятельность Ярослава была направлена на усиление могущества и самостоятельности Руси. Важное государственное и политическое значение в этом процессе приобретало положение русской церкви. Стремясь укрепить независимость русской церкви от Византии, Ярослав добивался канонизации (признания святыми) русских государственных и церковных деятелей. Такими первыми, официально признанными Византией русскими святыми стали погибшие в межкняжеских распрях Борис и Глеб. В честь Бориса и Глеба был установлен церковный праздник (24 июля), причисленный к великим годовым праздникам русской церкви.

Культ Бориса и Глеба имел важное государственно-политическое значение. Поведением Бориса и Глеба, не поднявших руки на старшего брата даже в защиту своей жизни, освящалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии: князья, не нарушившие этой заповеди, стали святыми. Политическая тенденция почитания первых русских святых заключалась в осуждении княжеских распрь, в стремлении укрепить государственное единство Руси на основе строгого соблюдения феодальных взаимоотношений между князьями: все князья — братья, но старшие обязаны защищать младших и покровительствовать им, а младшие беззаветно покоряться старшим.

Государственное, церковное и политическое значение культа Бориса и Глеба способствовало созданию и широкому распространению в древнерусской письменности многочисленных произведений о них. Им посвящена летописная повесть (под 1015 г.) об убийстве Бориса (см. Повесть временных лет), «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба», написанное неизвестным автором, «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба», автором которого был Нестор, проложные сказания (краткие рассказы в Прологах — особом виде древнерусских литературных сборников), паремийное чтение (текст, включенный в богослужебные книги — Паремийники и Служебные Минеи). Вопрос о взаимоотношении всех этих текстов и их хронологии весьма сложен и до настоящего времени не может считаться разрешенным. По мнению большинства ученых в основе и «Сказания», и «Чтения» лежит летописная повесть (есть, правда, и гипотеза о первичности «Сказания» по отношению к летописной повести). По вопросу о взаимоотношении «Сказания» и «Чтения» в науке существуют две противоположных точки зрения.

С. А. Бугославский на основе текстологического изучения 255 списков всего цикла памятников о Борисе и Глебе пришел к заключению, что «Сказание» возникло в последние годы княжения Ярослава Мудрого (т. е. в середине XI в.). Позже к «Сказанию о Борисе и Глебе» было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшееся последовательно тремя авторами на протяжении 1089—1115 гг. Наиболее ранний список «Сказания» (в Успенском сборнике конца XII — нач. XIII вв.) дошел до нас уже в таком виде (т. е. текст «Сказания о Борисе и Глебе», дополненный «Сказанием о чудесах»). На основе «Сказания о Борисе и

Глебе», дополненного рассказами о чудесах в редакции второго автора, скорее всего около 1108 г., Нестором было составлено «Чтение». Противоположная точка зрения, обоснованная А. А. Шахматовым, поддержанная и развитая Н. Серебрянским, Д. И. Абрамовичем, Н. Н. Ворониным (мы называем имена тех исследователей, которые специально занимались этой проблемой), сводится к следующему. Сначала, в 80-х гг. XI в., было написано «Чтение» Нестором. На основе Несторового «Чтения» и летописной повести после 1115 г. было создано «Сказание», с самого начала включавшее в свой состав и рассказы о чудесах. Гипотетичность обеих точек зрения требует дальнейшей разработки данного вопроса.

В «Сказании», по сравнению с «Чтением», гораздо драматичнее и динамичнее изображены описываемые события, сильнее показаны эмоциональные переживания героев. Сочетание в «Сказании» патетичности с лиричностью, риторичности с лаконизмом, близким к летописному стилю повествования, делают этот памятник самого раннего периода древнерусской литературы одним из наиболее ярких произведений Древней Руси. У древнерусских читателей «Сказание» пользовалось значительно большей популярностью, чем «Чтение»: списков первого произведения гораздо больше, чем второго.

Образ Бориса и Глеба, как святых-воинов, покровителей и защитников Русской земли и русских князей, неоднократно использовался в древнерусской литературе, особенно в произведениях, посвященных воинским темам. В течение нескольких веков древнерусские писатели обращались к литературным памятникам о Борисе и Глебе, преимущественно к «Сказанию», заимствуя из этих источников сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста. Столь же популярны Борис и Глеб, как святые князья-воины, были и в древнерусском изобразительном искусстве.

Летописная повесть о Борисе и Глебе неоднократно издавалась в составе «Повести временных лет». Научное издание текстов «Сказания», «Чтения» и других памятников этого цикла см.: «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916; *Бугославский С. П.* Украіно-руськи памʼятки XI—XVIII вв. про князив Бориса и Гліба. У Київі, 1928.

Мы публикуем текст «Сказания о Борисе и Глебе» по списку Успенского сборника (по изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971), но в том составе, который, по гипотезе С. А. Бугославского, это произведение имело в своем первоначальном виде, т. е. без «Сказания о чудесах», но сохраняя приложенную после похвалы Борису и Глебу, перед «Сказанием о чудесах», статью «О Борисѣ, какъ бѣ възъръм». Исправления ошибок и восполнение пропусков делаются по спискам «Сказания», входящим в редакцию Успенского сборника (по изд. Бугославского).

ОРИГИНАЛ

СЪКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТЮЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

Господи, благослови, отьче!

«Родъ правыихъ благословиться, — рече пророкъ, — и сѣмя ихъ въ благословлении будеть».[1]

Сице убо бысть малъмь преже сихъ. Сущю самодрьжьцю вьсей Русьскей земли Володимиру, сыну Святославлю,[2] вънуку же Игореву, иже и святыимь крьщениемь вьсю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сице есть: сь убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единоя жены, нъ отъ раснъ матеръ ихъ. Въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немь Изяславъ, 3 — Святопълкъ, иже и убийство се зълое изъобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи, и поялъ`ю бѣ Яропълкъ,[3] братъ Володимирь, и ростригъ`ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святоплъка оканьнааго, Володимиръ же поганъй еще, убивъ Яропълка и поятъ жену его непраздьну сущю. Отъ нея же родися сий оканьный Святопълкъ, и бысть отъ дъвою *отьцю* и брату сущю. Тѣмьже и не любляаше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди[4] 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ българынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инъде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъже и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканьнааго Святопълка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нъ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть вълѣземъ, нъ о немьже начахъ, си съкажемъ убо сице. Многомъ же уже дьньмъ минувъшемъ, и яко съконьчашася дьние Володимиру, уже минувъшемъ лѣтомъ 28 по святѣмь крьщении, въпаде въ недугъ крѣпъкъ. Въ то же время бяше пришелъ Борисъ изд-Ростова, печенегомъ же о онуду пакы идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяаше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печаляашеся. И призъвавъ Бориса, емуже бѣ имя наречено въ святѣмь крьщении Романъ,[5] блаженааго и скоропослушьливааго, предавъ воѣ мъногы въ руцѣ его, посъла и́ противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велить воля сьрдьца твоего». О таковыихъ бо рече Притъчьникъ: [6] «Сынъ быхъ отьцю послушьливъ и любиимъ предъ лицьмь матере своея».

Ошедъшю же ему и не обрѣтъшю супостатъ своихъ, възвративъшююся въспять ему. И се приде вѣстьникъ къ нему, повѣдая ему отьчю съмрьть, како преставися отьць его Василий, въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмь крьщении, и како Святопълкъ потаи сьмьрть отьца своего, и ночь проимавъ помостъ на Берестовѣмь и въ ковъръ обьртѣвъше, съвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ,[7] поставиша и́ въ цьркви святыя Богородица. И яко услыша святый Борисъ, начатъ тѣлъмь утърпывати и лице его вьсе сльзъ испълнися, и сльзами разливаяся и не могый глаголати. Въ сьрдьци си начатъ сицевая вѣщати: «Увы мнѣ,

свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бъздро уности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отьче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому възьрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и *казания* разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како зайде свѣте мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чьстьное твое тѣло своима рукама съпрятялъ и гробу предалъ. Нъ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпьныхъ твоихъ сѣдинъ. Нъ, о блажениче, помяни мя въ покои твоемь! Сьрдьце ми горить, душа ми съмыслъ съмущаеть и не вѣмь къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, егоже быхъ имѣлъ въ отьца мѣсто? Нъ тъ, мьню, о суетии мирьскыихъ поучаеться и о биении моемь *помышляеть*. Да аще кръвь мою пролѣеть и на убийство мое потъщиться, мученикъ буду Господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдыимъ противиться, съмѣренымъ же даеть благодать».[8] Апостолъ же: «Иже рече — “Бога люблю”, а брата своего ненавидить — лъжь есть».[9] И пакы: «Боязни въ любъви нѣсть, съвьршеная любы вънъ измещеть страхъ».[10] Тѣмьже что реку или чьто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отьць — ты ми братъ и старѣи. Чьто ми велиши, господи мой?»

И си на умѣ си помышляя, идяаше къ брату своему и глаголааше въ сьрдьци своемъ: «То понѣ узьрю ли си лице братьца моего мьньшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениямина?»[11] И та вься полагая въ сьрдьци си: «Воля твоя да будеть, Господи мой». Помышляше же въ умѣ своемь: «Аще поиду въ домъ отьца своего, то языци мнози превратять сьрдьце мое, яко прогнати брата моего, якоже и отьць мой преже святаго крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины. То камо имамъ приити по ошьствии моемь отсюду? Какъ ли убо обрящюся тъгда? Кый ли ми будеть отвѣтъ? Къде ли съкрыю мъножьство грѣха моего? Чьто бо приобрѣтоша преже братия отьца моего или отьць мой? Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница[12] и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашьна чьстьная, и быстрии кони, и домове красьнии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чьсти бещисльны, и гърдѣния, яже о болярѣхъ своихъ? Уже все *се* имъ, акы не было николиже: вся съ нимь ищезоша, и нѣсть помощи ни отъ когоже сихъ — ни отъ имѣния, ни отъ множьства рабъ, ни *отъ* славы мира сего. Тѣмь и Соломонъ, все прошьдъ, вься видѣвъ, вся сътяжавъ и съвъкупивъ, рече расмотривъ вьсе: “Суета и суетие, суетию буди”,[13] тъкмо помощь от добръ дѣлъ, и отъ правовѣрия, и отъ нелицемѣрьныя любъве».

Идый же путьмь, помышляаше о красотѣ и о доброте телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь. И хотя удрьжатися и не можааше. И вси зьряще его тако, плакаашеся о добродьнѣмь тѣлѣ и чьстьнѣмь разумѣ възграста его. И къжьдо въ души своей стонааше горестию сьрдьчьною, и вси съмущаахуся о печали.

Къто бо не въсплачеться съмрьти тоѣ пагубьноѣ, приводя предъ очи сьрдьца своего?

Образъ бо бяаше унылъй его, възоръ и скрушение сърдьца его святаго, такъ бо бѣ блаженый тъ правьдивъ и щедръ, тихъ, крътъкъ, съмѣренъ, всѣхъ милуя и вься набъдя.

Помышлять же въ сьрдьци своемь богоблаженый Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ, — брата моего зълуради чловѣци понудятѝ и на убийство мое, и погубить мя. Да аще пролѣеть кръвь мою, то мученикъ буду Господу моему, а духъ мой прииметь Владыка». Таче, забывъ скърбь съмьртьную, тѣшааше *сърдьце свое о сло*веси Божии, «Иже погубити душю свою мене ради и моихъ словесъ, обрящетѝ ю въ животѣ вѣчьнѣмь съхранить̀ ю».[14] И поиде радъстьнъмь сърдьцьмь, «не презьри мене, — рекыи, — Господи премилостиве, уповающааго на тя, нъ спаси душю мою».

Святопълкъ же, сѣдя Кыевѣ по отьци, призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочю съ тобою любъвь имѣти и къ отьню ти придамь». Льстьно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду[15] ночь, отай призъва Путьшю и вышегородьскыѣ мужѣ и рече имъ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство имѣете ли къ мнѣ?» Путьша рече: «Вьси мы можемъ главы своя положити за тя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра человѣка, яко вьсю надежю свою на Господа положилъ есть святый Борисъ, начатъ подвижьнѣи бываати, и обрѣтъ, якоже преже Каина[16] на братоубийство горяща, тако же и *Святопълка*. По истинѣ вътораага Каина улови мысль его, яко да избиеть вся наслѣдьникы отьца своего, а самъ приимьть единъ вѣсю власть.

Тъгда призъва къ себе оканьный трьклятый Святопълкъ съвѣтьникы всему злу и началникы всей неправьдѣ, и отъвьрзъ пресквьрньная уста рече, испусти зълый гласъ Путьшинѣ чади: «Аще убо главы своя обѣщастеся положити за мя, шедъше убо, братия моя, отай, къде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время убиите и́». И обѣщашася ему тако створити.

О таковыихъ бо рече пророкъ: «Скори суть кръвь пролияти бес правьды. Си бо обѣщаваються кръви и събирають себе злая. Сихъ путье суть събирающеи безаконие, нечистиемь свою душю обиемлють».[17]

Блаженый же Борисъ якоже ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Льтѣ шатьры.[18] И рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни, се бо вси *вои* въ руку твоею суть». *Онъ* же имъ отъвѣщааваше: «Не буди ми възяти рукы на брата своего и еще же и на старѣйша мене, егоже быхъ имѣлъ, акы отьца». Си слышавъше вои разидошася от него, а самъ оста тъкъмо съ отрокы своими. И бяаше въ дьнь суботьный. Въ тузѣ и печали, удручьнъмь сърдьцьмь и вълѣзъ въ шатьръ свой, плакашеся съкрушенъмь сърдьцьмь, а душею радостьною, жалостьно гласъ испущааше: «Сльзъ моихъ не презьри, Владыко, да яко же уповаю на тя, тако да с твоими рабы прииму часть и жребий съ вьсѣми святыими твоими, яко ты еси Богъ милостивъ, и тебе славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему бывъшю убиению, и како святѣй Варварѣ отьць свой убойца бысть.[19] И помышляаше слово премудрааго Соломона: «Правьдьници въ вѣкы живуть и отъ Господа мьзда имъ и строение имъ от Вышьняаго». И о семь словеси тъчию утѣшаашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечеръ и повелѣ пѣти вечеръню, а самъ вълѣзъ въ шатьръ свой начатъ молитву творити вечернюю съ сльзами горькыми и частыимь въздыханиемь, и стонаниемь многымь. По сихъ леже съпати, и бяше сънъ его въ мънозѣ мысли и въ печали крѣпъцѣ и тяжьцѣ и страшьнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати и вѣру съблюсти, яко да и щадимый вѣньць прииметь от рукы Вьседьржителевы. И видѣвъ, възбьнувъ рано, яко годъ есть утрьний. Бѣ же въ святую недѣлю. Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начьни заутрьнюю». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молитися къ Господу Богу.

Посълании же приидоша отъ Святопълка на Льто ночь и подъступиша близъ, и слышаша гласъ блаженааго страстотьрпьца поюща Псалтырь заутрьнюю. Бяше же ему и вѣсть о убиении его. И начать пѣти: «Господи! Чьто ся умножиша сътужающии! Мънози въсташа на мя»,[20] и прочая *псалма*, до коньца. И начатъ пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и уньци тучьни одьржаша мя».[21] И пакы: «Господи Боже мой! На тя уповахъ, спаси мя».[22] Таже по семь канонъ.[23] И коньчавъшю ему утрьнюю, начатъ молитися, зьря къ иконѣ Господьни рече: «Господи Исусъ Христе! Иже симь образъмь явися на земли изволивы волею пригвоздитися на крьстѣ и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, съподоби и мя прияти страсть!»

И яко услыша шпътъ зълъ окрьстъ шатьра и трьпьтьнъ бывъ и начатъ сльзы испущати отъ очию своею и глаголааше: «Слава ти, Господи, о вьсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую съмьрть и все престрадати любъве ради словесе твоего. Не въсхотѣхомъ възискати себе самъ; ничто же себе изволихъ по апостолу: “Любы вьсе търпить, всему вѣру емлеть и не ищьть своихъ си”.[24] И пакы: “Боязни *въ* любъви нѣсть — съвьршеная бо любы вънъ отъмещеть боязнь”.[25] Тѣмь, Владыко, душа моя въ руку твоею въину, яко закона твоего не забыхъ. Яко Господеви годѣ бысть — *тако буди*». И узьрѣста попинъ его и отрокъ, иже служааше ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суща зѣло, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милый господине наю и драгый! Колико благости испълненъ бысть, яко не въсхотѣ противитися *брату своему* любъве ради Христовы, а коликы воѣ дьржа въ руку своею!» И си рекъша умилистася.

И абие узьрѣ текущиихъ къ шатьру, блистание оружия и мечьное оцѣщение. И без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страстотьрпьца Бориса. Насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько.

Видѣвъ же отрокъ его, вържеся на тѣло блаженааго, рекый: «Да не остану тебе, господине мой драгый, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду *с тобою* съконьчати животъ свой!»

Бяше же сь родъмь угринъ, имьньмь же Георгий. И бѣаше възложилъ на нь гривьну злату,[26] и бѣ любимъ Борисъмь паче мѣры. И ту же и́ проньзоша.

И яко бысть ураненъ и искочи и-шатьра въ оторопѣ. И нача глаголати стояще округъ его: «Чьто стоите зьряще! Приступивъше сконьчаимъ повелѣное намъ!» Си слышавъ блаженый, начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ми время отдайте, да понѣ помолюся Богу моему». И възьрѣвъ на небо съ сльзами и *горцѣ* въздъхнувъ начатъ молитися сицими глаголы: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостиве! Слава ти, яко съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего льстьнааго! Слава ти, прещедрый живодавьче яко сподоби мя труда святыихъ мученикъ! Слава ти, Владыко чловѣколюбьче, сподобивый мя съконьчати хотѣние сърдьца моего! Слава ти, Христе, мъногому ти милосьрдию, иже направи на правый путь мирьны *ногы* моя тещи къ тебе бесъблазна! Призьри съ высоты святыня твоея, вижь болѣзнь сърдьца моего, юже прияхъ от сѫродника моего, яко тебе ради умьрщвяемъ есмь вь сь дьнь, Въмѣниша мя, яко овьна на снѣдь. Вѣси бо, Господи мой, яко не противлюся ни въпрекы глаголю, а имый въ руку вься воя отьца моего и вься любимыя отьцемь моимь, и ничьтоже умыслихъ противу брату моему. Онъ же *селико, елико възможе, въздвиже на мя*. Да “аще бы ми врагъ поносилъ, протьрпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вельречевалъ, укрылъ быхъ ся”.[27] Нъ ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братъмь моимь. И не постави имъ, Господи, грѣха сего, нъ приими въ миръ душю мою. Аминь».

И възьрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемь лицьмь, и вьсь сльзами облиявъся рече: «Братие, приступивъше, съконьчаите службьу вашю. И буди миръ *брату* моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ сльзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мъногыхъ сльзъ. Нъ съ въздыханиемь горькымь жалостьно глаголааху и плакаахуся и къжьдо въ души своей стонааше: «Увы намъ, къняже нашь милый и драгый и блаженый, водителю слѣпыимъ, одеже нагымъ, старости жьзле, казателю ненаказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не въсхотѣ славы мира сего, како не въсхотѣ веселитися съ чьстьныими вельможами, како не въсхотѣ величия, еже въ житии семь. Къто не почюдиться великууму съмерению, къто ли не съмѣриться, оного съмѣрение видя и слыша?»

И абие усъпе, предавъ душю свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца июлия въ 24 дьнь, преже 9 каландъ агуста.[28]

Избиша же и отрокы многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривьны и отсѣкъше главу, отъвьргоша и́ кромѣ. Да тѣмь и послѣдь не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатьръ възложивъше на кола, повезоша. И яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святоплъкъ, пославъ два варяга и прободоста и́ мечьмь въ сърдьце. И тако съконьчася и въсприятъ неувядаемый вѣньць. И положиша тѣло его принесъше Вышегороду у цьркъве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убийства оканьный Святопълкъ, нъ и на большая неистовяся, начатъ простиратися. И яко видѣся желание сърдьце своего уже улучивъ, абие не въспомяну зълааго своего убийства и многааго убо съблажнения, и ни малы понѣ на покаяние преклонися. Нъ ту абие въниде въ сърдьце его сотона и начаты и́ пострѣкати вящьша и горьша сдѣяти и множайша убийства. Глаголааше бо въ души своей оканьнѣй: «Что сътворю? Аще бо до сьде оставлю дѣло убийства моего, то дъвоего имамъ чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивъше въздадять ми и горьша сихъ. Аще ли и не сице, то да ижденуть мя и буду чюжь престола отьца моего, и жалость землѣ моея сьнѣсть мя, и поношения поносящиихъ нападуть на мя, и къняжение мое прииметь инъ и въ дворѣхъ моихъ не будеть живущааго. Зане егоже Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо *безаконие*. Обаче и матере моея грѣхъ да не оцѣститься и съ правьдьныими не напишюся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущиихъ». Якоже и бысть, еже послѣди съкажемъ. Нынѣ же нѣсть время, нъ на предълежащее възвратимъся.

И си на умѣ си положивъ, зълый съвѣтьникъ дияволь, посла по блаженааго Глѣба рекъ: «Приди въбързѣ. Отьць зоветь тя и несъдравить ти вельми».

Онъ же въбързѣ, въ мале дружинѣ, въсѣдъ на конь поѣха. И пришедъ на Вългу, на поле потъчеся подъ нимь конь въ ровѣ, и наломи ногу малы. И яко приде Смолиньску и поиде отъ Смолиньска, яко зьрѣимъ едино, ста на Смядинѣ[29] въ кораблици. И въ се время пришьла бяаше вѣсть отъ Передъславы[30] къ Ярославу о отьни съмьрти. И присла Ярославъ къ Глѣбу река: «Не ходи, брате! Отьць ти умьрлъ, а братъ ти убиенъ *отъ* Святопълка».

И си услышавъ блаженый възъпи плачьмь горькыимь и печалию сърдьчьною и сице глаголааше: «О увы мнѣ, господине мой, отъ двою плачю плачюся и стеню, дъвою сѣтованию сѣтую и тужю. Увы мнѣ, увы мнѣ! Плачю зѣло по отьци, паче же плачюся и отъчаяхъся по тебе, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее съмрьти предася, како не отъ врага, нъ отъ своего брата пагубу въсприялъ еси? Увы мнѣ! Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити. Азъ мнѣхъ въбързѣ узьрѣти лице твое ангельское, ти се селика туга състиже мя, и *уне бы ми* съ тобою умрети, господине мой! Нынѣ же что сътворю азъ, умиленый, очюженый отъ твоея доброты и отъ отьца моего мъногааго разума? О милый мой брате и господине! Аще еси уполучилъ дрьзновение у Господа, моли о моемь унынии, да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмь».

И сице ему стенющю и плачющюся и сльзами землю омачающю съ въздыхании частыими Бога призывающю, приспѣша вънезапу посълании отъ Святопълка зълыя его слугы, немилостивии кръвопийцѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри душю *имущю*.

Святый же поиде въ кораблици и сърѣтоша и́ устие Смядины. И яко узьрѣ я святый, въздрадовася душею, а они узърѣвъше и омрачаахуся и гребяахуся к нему, а сь цѣлования чаяяше отъ нихъ прияти. И яко быша равьно пловуще, начаша скакати зълии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ своихъ, бльщащася, акы вода. И абие вьсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша. Си видѣвъ блаженый, разумѣвъ яко хотять его убити, възьрѣвъ къ нимъ умиленама очима и сльзами лице си умывая, съкрушенъмь срьдьцьмь, смѣренъмь разумъмь и частыимь въздыханиемь, вьсь сльзами разливаяся, а тѣлъмъ утьрпая, жалостьно гласъ испущааше: «Не дѣите мене, братия моя милая и драгая! Не дѣите мене, ни ничто же вы зъла сътворивъша! Не брезѣте, братие и господье, не брезѣте! Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и господье мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ брату моему и господину. Помилуйте уности моеѣ, помилуйте, господье мои! Вы ми будѣте господие мои, *а* азъ вамъ рабъ. Не пожьнете мене отъ жития не съзьрѣла, не пожьнѣте класа, не у же съзьрѣвъша, нъ млеко безълобия носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастъша, а плодъ имуща! Молю вы ся и милъ вы ся дѣю. Убойтеся рекъшааго усты апостольскы: “Не дѣти бывайте умы, зълобиемь же младеньствуйте, а умы съвьршени бывайте”.[31] Азъ, братие, и зълобиемь и въздрастъмь еще младеньствую. Се нѣсть убийство, нъ сырорѣзание! Чьто зъло сътворихъ съвѣдѣтельствуйте ми, и не жалю си. Аще ли кръви моеѣ насытитися хочете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю».

И не понѣ единого словесе постыдѣшася, нъ яко же убо сверѣпии звѣрие, тако въсхытиша его. Онъ же видѣвъ, яко не вънемлють словесъ его, начатъ глаголати сице: «Спасися, милый мой отьче и господине Василие, спасися, мати и госпоже моя, спасися и ты, брате Борисе, старѣйшино уности моея, спасися и ты, брате и поспѣшителю Ярославе, спасися и ты, брате и враже Святопълче, спасетеся и вы, братие и дружино, вьси спасетеся! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии семь, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею». И глаголааше плачася: «Василие, Василие, отьче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мой, и призьри и вижь приключьшаяся чаду твоему, како без вины закалаемъ есмь. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши небо и вънуши земле. И ты, Борисе брате, услыши гласа моего. Отьца моего Василия призъвахъ и не послуша мене, то ни ты не хочеши мене послушати? Вижь скърбь сърдьца моего и язву душа моея, вижь течение сльзъ моихъ, яко рѣку! И никтоже не вънемлеть ми, нъ ты убо помяни мя о мнѣ къ обьщему Владыцѣ, яко имѣя дьрзновение и престоя у престола его».

И начатъ, преклонь колѣнѣ, молитися сице: «Прещедрый и премилостиве Господи! Сльзъ моихъ не премълчи, нъ умилися на мое уныние. Вижь съкрушение сърдьца моего: се бо закалаемъ есмь, не вѣмь, чьто ради, или за котерую обиду не съвѣдѣ. Ты вѣси, Господи,

Господи мой! Вѣмь тя рекъша къ своимъ апостоломъ яко: “За имя мое, мене ради възложать на вы рукы, и предани будете родъмь и другы, и братъ брата предасть на съмьрть и умьртвять вы имене моего ради”.[32] И пакы: “Въ търпѣнии вашемъ сътяжите душа ваша”.[33] Вижь, Господи, и суди: се бо готова есть душа моя предъ тобою, Господи! И тебе славу въсылаемъ, Отьцю и Сыну и Святууму Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

Таче възьрѣвъ къ нимъ умиленъмь гласъмь и измълкъшьмь грьтаньмь рече: «То уже сътворивъше приступльше сътворите, на не же посълане есте!»

Тъгда оканьный Горясѣръ повелѣ зарѣзати и́ въбързѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именьмь Тързчинъ, изьмъ ножь и, имъ блаженааго, и закла̀и яко агня непорочьно и безлобиво, мѣсяца септября въ 5 дьнь, въ понеделникъ.

И принесеся жьртва чиста Господеви и благовоньна, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узьрѣ желаемааго си брата *и* въсприяста вѣньца небесныя егоже и въжелѣста, и въздрадовастася радостию великою неиздреченьною, юже и улучиста.

Оканьнии же они убойцѣ възвративъшеся к посълавъшюуму̀я, якоже рече Давыдъ: «Възвратяться грѣшьници въ адъ и вьси забывающии Бога».[34] И пакы: «Оружие *извлекоша* грѣшьници, напрягоша лукъ свой заклати правыя сьрдьцьмь и оружие ихъ вънидеть въ сьрдьца *их*, и луци ихъ съкрушаться, яко грѣшьници погыбнуть».[35] И яко съказаша Святопълку, яко «сътворихомъ повеленое тобою», и си слышавъ, възнесеся срьдьцьмь, и събысться реченое псалмопѣвьцемь Давыдъмь: «Чьто ся хвалиши сильный о зълобѣ? Безаконие вь сь дьнь неправьду умысли языкъ твой. Възлюбилъ еси зълобу паче благостынѣ, неправьду неже глаголаати правьду. Възлюбилъ еси вься глаголы потопьныя и языкъ льстьвъ. Сего ради раздрушить тя Богъ до коньца, въстьргнеть тя и преселить тя отъ села твоего, и корень твой отъ земля живущихъ».[36]

Убиену же Глѣбови и повьржену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама.[37] И Господь не оставляяй своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: «Хранить Господь вься кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушиться».[38]

И сему убо святууму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти невврежену, нъ показа: овогда бо видѣша стълпъ огньнъ, овогда свѣщѣ горущѣ и пакы пѣния ангельская слышааху мимоходящии же путьмь гостие, ини же, ловы дѣюще и пасуще.

Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, дондеже Ярославъ, не търпя сего зълааго убийства, движеся на братоубийца оного, оканьньнааго Святоплъка и брани мъногы съ нимь съставивъ. И вьсегда пособиемь Божиемь и поспѣшениемь святою, побѣдивъ елико брани състави, оканьный посрамленъ и побѣженъ възвращаашеся.

Прочее же сь трьклятый прииде съ множьствъмь печенѣгъ, и Ярославъ, съвъкупивъ воя, изиде противу ему на Льто и ста на мѣстѣ, идеже бѣ убиенъ святый Борисъ. И въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Се кръвь брата моего въпиеть къ тебе, Владыко, якоже и *Авелева* преже.[39] И ты мьсти его, якоже и на ономь положи стонание и трясение[40] на братоубиици Каинѣ. Ей, молю тя, Господи, да *въсприиметь* противу тому». *И помолися и рек*: «*О, брата моя*, аще и тѣлъмь ошьла еста, нъ благодатию жива еста и Господеви предъстоита и молитвою помозѣта ми!»

И си рекъ, и поидоша противу собѣ и покрыша поле Льтьское множьствъмь вои. И съступишася, въсходящю сълнцю, и бысть сѣча зла отинудь и съступашася тришьды, и бишася чересъ дьнь вьсь, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а сь оканьныий Святопълкъ побѣже. И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию[41] съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящаяго, ни женущааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, въсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше търпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣже Лядьску землю гонимъ гнѣвъмь Божиемь.

И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы,[42] и ту испроврьже животъ свой зълѣ. И приятъ възмьздие отъ Господа, якоже показася посъланая на нь пагубьная рана и по съмьрти муку вѣчьную. И тако обою животу лихованъ бысть: и сьде не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нъ и муцѣ и огню предасться. И есть могыла его и до сего дьне, и исходить отъ неѣ смрадъ зълый на показание чловѣкомъ. Да аще кто си сътворить слыша таковая, си же прииметь и вящьша сихъ. Якоже Каинъ, не вѣдый мьсти прияти и едину прия, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмь же седмьдесятицею мьстися ему.[43] Така ти суть отъмьстия зълыимъ дѣлателемъ. Якоже бо Иулиянъ цесарь,[44] иже мъногы кръви святыихъ мученикъ пролиявъ, горькую и нечеловѣчьную съмьрть прия: не вѣдомо отъ кого *прободенъ* бысть копиемь въ сърдьце въдруженъ. Тако и сь бѣгая не вѣдыйся отъ кого зълострастьну съмьрть прия.

И оттолѣ крамола преста въ Русьскѣ земли, а Ярославъ прея вьсю волость Русьскую. И начатъ въпрашати о тьльсьхъ святою, како или кде положена еста. И о святѣмь Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть. А о святѣмь Глѣбѣ не вьси съвѣдяаху, яко Смолиньскѣ убиенъ есть. И тъгда съказаша ему, яже слышаша от приходящиихъ отътуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посъла Смолиньску на възискание презвутеры, рекый, яко: «То есть братъ мой». И обретоша и́ идеже бѣша видѣли, и шьдъше съ крьсты и съ свѣщами мънозѣми, и съ ка*н*дилы, и съ чьстию многою и́ вложьше въ корабль,[45] и пришедъше положиша и́ Вышегородѣ, идеже лежить и тѣло преблаженааго Бориса и раскопавъше землю, и тако же положиша `и, недоумѣюще, якоже бѣ лепо пречьстьнѣ.

Се же пречюдьно бысть и дивьно и памяти достойно; како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коегоже плътоядьца, ни бѣаше почьрнѣло, яко же обычай имуть телеса мьртвыхъ, нъ свѣтьло и красьно и цѣло и благу воню имущю. Тако Богу съхранивъшю своего страстотьрпьца тѣло.

И не вѣдяху мнози ту лежащю святою страстотьрпьцю телесу. Нъ якоже рече Господь: «Не можеть градъ укрытися врьху горы стоя, ни свѣщѣ въжьгъше спудъмь покрывають, нъ на свѣтилѣ поставляють, да свѣтить тьмьныя».[46] Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ, премногыими чюдесы сияти въ Русьскѣй сторонѣ велицѣй, идеже множьство стражющиихъ съпасени бывають: слѣпии прозирають, хромии быстрѣе сьрны рищуть, сълуции простьрение приемлють.

Нъ или могу вься съповѣдати или съказаати творимая чюдесы, по истинѣ ни вьсь миръ можеть понести, яже дѣються предивьная чюдеса и паче пѣсъка морьскааго. И не ту единде, нъ и по вьсѣмъ сторонамъ и по вьсѣмъ зѣмлямъ преходяща, болѣзни вься и недугы отъгонита, сущиихъ въ тьмьницахъ и въ узахъ посѣщающа. И на *мѣстѣхъ* идеже мученьчьскыимь вѣньцьмь увязостася, съзьданѣ быста цьркви въ имя ею. Да и ту тако же многа чюдеса посѣщающа съдѣваета.

Тѣмьже ваю како похвалити не съвѣмъ или чьто рещи недоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, *иже* въскорѣ обрѣтаетася близъ скърбящиихъ, нъ плътьскы на земли пожила еста въ чловѣчьствѣ. Чловѣка ли ва именую, то паче всего чловѣчьска ума преходита множьствъмь чюдесъ и посѣщениемь немощьныихъ. Цесаря ли, князя ли ва проглаголю, нъ паче чловѣка убо проста и смѣрена съмѣрение бо сътяжала еста, имьже высокая мѣста и жилища въселистася.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя къняземъ, ибо ваю пособиемь и защищениемь князи наши противу въстающая дьржавьно побѣжають, и ваю помощию хваляться. Вы бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утвьржение и меча обоюду остра, има же дьрзость поганьскую низълагаемъ и дияволя шатания въ земли попираемъ. По истинѣ несумьньнѣ рещи възмогу: вы убо небесьная чловѣка еста, земльная ангела, стълпа и утвьржение землѣ нашея. Тѣмьже и борета по своемь отьчьствѣ и пособита, якоже и великий Димитрий[47] по своемь отьчьствѣ. Рекъ: «Аще убо и веселящемъся имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ нимь умьру». Нъ обаче сий великый милъсьрдый Димитрий о единомь градѣ сице извѣща, а вы не о единомь бо градѣ, ни о дъву, ни о вьси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Русьскѣй!

О, блаженая убо гроба приимъши телеси ваю чьстьнѣи акы съкровище мъногоцѣньно! Блаженая цьркы, въ нейже положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю, о Христова угодьника! Блаженъ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ русьскыихъ и выший градъ, имый въ себе таковое скровище. Ему же не тъчьнъ ни вьсь миръ. Поистинѣ Вышегородъ наречеся — выший и превыший городъ всѣхъ; вторый Селунь явися въ Русьскѣ земли, имый въ себе врачьство безмьздьное, не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бъгъмь, нъ и вьсей земли

спасение. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почьреплють ицѣление, якоже и въ святыихъ Евангелиихъ Господь рече святымъ апостоломъ яко: «Туне приясте, туне и дадите».[48] О сихъ бо и самъ Господь рече: «Вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю и тъ сътворитъ и больша тѣхъ».[49]

Нъ о блаженая страстотърпьца Христова, не забываита отьчьства, идеже пожила еста въ тели, егоже всегда посѣтъмь не оставляета. Тако же и въ молитвахъ вьсегда молитася о насъ, да не придеть на ны зъло, и рана да не *приступить* къ *телеси* рабъ ваю. Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо далъ есть Богъ о насъ молящася и ходатая къ Богу за ны. Тѣмьже прибѣгаемъ къ вама, и съ сльзами припадающе, молимъся, да не придеть на ны нога гърдыня и рука грѣшьнича не погубить насъ, и вьсяка пагуба да не наидеть на ны, гладъ и озълобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ, и усобичьныя брани чюжа сътворита и вьсего грѣха и нападения заступита насъ, уповающиихъ къ вама. И къ Господу Богу молитву нашю усьрдьно принесѣта, яко съгрѣшихомъ зѣло и безаконьновахомъ премъного, и бещиньствовахомъ паче мѣры и преизлиха. Нъ ваю молитвы надѣющеся къ Спасу възъпиемъ глаголюще: «Владыко, единый без грѣха! Призьри съ небесе святаго твоего на насъ убогыхъ, елма же съгрѣшихомъ, нъ ты оцѣсти, и безаконьновахомъ, ослаби, претъкнухомъся по пременении, яксь блудьницю оцѣсти ны и яко мытоимьца оправи! Да придеть на ны милость твоя! Да въсканеть на ны чловѣколюбие твое! И не ослаби ны преданомъ быти грѣхы нашими, ни усънути, ни умрети *горкою* съмьртию, нъ искупи ны отъ настаящааго зла и дажь ны время покаянию, яко многа безакония наша предъ тобою, Господи! Сътвори съ нами по милости твоей, Господи, яко имя твое нарицаеться въ насъ, нъ помилуй ны и ущедри и заступи молитвами пречьстьною страстотърпьцю твоею. И не сътвори насъ въ поносъ, нъ милость твою излѣй на овьца пажити твоея, яко ты еси Богъ нашь и тебе славу въсылаемъ Отьцю и Сыну и Святууму Духу нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком. Аминь».»

О Борисѣ, какъ бѣ възъръм. Сь убо благовѣрьный Борисъ благого корене сый послушьливъ отьцю бѣ, покаряяся при всемь отьцю. Тѣлъмь бяше красьнъ, высокъ, лицьмь круглъмь, плечи велицѣ, тънъкъ въ чресла, очима добраама, веселъ лицьмь, *борода* мала и усъ — младъ бо бѣ еще. Свѣтяся цесарьскы, крѣпъкъ тѣлъмь, вьсячьскы украшенъ акы цвѣтъ цвьтый въ уности своей, в ратьхъ *хръбъръ*, въ съвѣтѣхъ мудръ и разумьнъ при вьсемь и благодать Божия цвьтяаше на немь.

---

[1] *«Родъ правыихъ... въ благословлении будеть».* — Пс. 111, 2.

[2] *...Володимиру, сыну Святославлю...* — О княжении Владимира I Святославича в «Повести временных лет» рассказывается под 980—1015 гг.

[3] *Сего мати преже бѣ чьрницею, гръкыни сущи, и поялъ ю бѣ Яропълкъ...* — О княжении Ярополка, его женитьбе и гибели в «Повести временных лет» рассказано под 973—980 гг.

[4] *А отъ Рогнѣди...* — О Рогнеде Рогволодовне, полоцкой княжне, в «Повести временных лет» говорится под 980 и 1000 гг. В статье 980 г. рассказывается также о женах Владимира и его детях от них.

[5] *И призъвавъ Бориса, емуже бѣ имя наречено въ святѣмь крьщении Романъ...* — В древности был распространен обычай давать два имени — одно «русское», «мирское», «княжеское», а второе христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давыд.

[6] *О таковыихъ бо рече Притъчьникъ...* — Приточник — составитель книги притчей — царь Израильско-Иудейского царства (X в. до н. э.) Соломон. Книга притчей Соломона входит в состав Библии.

[7] *...и ночь проимавъ помостъ на Берестовѣмь... везъше на саньхъ...* — Вынос тела через разобранную крышу и перевозка покойника на санях (в любое время года) — элементы древнерусского похоронного обряда.

[8] *...«Господь гърдыимъ противиться... даеть благодать».* — Иак. 4, 6; 1 Петр. 5, 5.

[9] *...«Иже рече — «Бога люблю»... лъжъ есть».* — 1 Иоан. 4, 20.

[10] *...«Боязни въ любъви нѣсть... измещеть страхъ».* — 1 Иоан. 4, 18.

[11] *«То понѣ узьрю ли си лице братьца... яко же Иосифъ Вениямина?»* — Иосиф и Вениамин — библейские персонажи: самые младшие дети ветхозаветного патриарха Иакова от Рахили, его любимой жены. Иосиф встречается со своим младшим братом Вениамином после длительной разлуки, виновниками которой являлись старшие их братья от других жен Иакова, продавшие Иосифа в рабство.

[12] *Багряница* — царское, княжеское одеяние, порфира.

[13] *«Суета и суетие суетию, буди».*— Ек. 1, 2.

[14] *«Иже погубити душю свою... съхранить ю».* — Мф. 10, 39.

[15] *Пришедъ Вышегороду...* — Вышегород— загородная резиденция киевских князей, городок в 15—16 км от Киева, выше по течению Днепра.

[16] *...якоже преже Каина...* — Каин — библейский персонаж. Каин и Авель — дети Адама и Евы. Каин из зависти к младшему брату убил его (См.: Быт. 4, 1—16).

[17] *«Скори суть кръвь пролияти... нечистиемь свою душю обиемлють».* — Притч. 1. 16.

[18] *...и сталъ бѣ на Льтѣ шатьры.* — Льта приток реки Трубеж (к юго-востоку от Киева).

[19] *Помышляшеть же мучение... мученика Никиты и святаго Вячеслава... и како святѣй Варварѣ отьць свой убоица бысть.* — Борис вспоминает имена тех святых, которые погибли за верность христианству от руки своих ближайших родственников: Никита, царский сын, был мучим и казнен отцом, не признававшим христианство; Вячеслав (Вацлав) — чешский князь (921—929 гг.), объявленный церковью святым, был убит братом Болеславом I; Варвара за исповедание христианской веры была казнена отцом-язычником.

[20] *«Господи! Чьто ся умножиша сътужающии! Мънози въсташа на мя».* — Пс. 3, 2.

[21] *«Обидоша мя пси мнози... одьржаша мя».* — Пс. 21, 17.

[22] *«Господи Боже мой! На тя уповахъ, спаси мя».* — Пс. 7, 2.

[23] *Канон* — церковное песнопение.

[24] *«Любы вьсе тьрпить... не ищьть своихъ си».* — 1 Кор. 13, 4.

[25] *«Боязни въ любъви нѣсть... отъмещеть боязнь».* — 1 Иоан. 4, 18.

[26] *...възложилъ на нь гривьну злату...* — Здесь гривна — шейный обруч, ожерелье как знак отличия, награда.

[27] *Да «аще бы ми врагъ поносилъ... укрылъ быхъ ся».* — Пс. 54, 13.

[28] *...мѣсяца июлия въ 24 дьнь, преже 9 каландъ агуста.* — В древнеримском календаре первый день каждого месяца назывался календами, 5-е или 7-е число месяца (день первой четверти луны) — нонами, 13-е или 15-е число (день полнолуния) — идами. От этих трех моментов дни отсчитывались назад (исходная дата включалась в счет дней). Поэтому, в счете по календам, 24 июля соответствовало девятому дню перед августовскими календами. Календарный счет с упоминанием календ встречается в древнерусских текстах редко и параллельно с указанием дат и дней недели согласно юлианскому календарю, принятому на Руси вместе с христианством.

[29] *...ста на Смядинѣ...* — Смядынь — приток Днепра в окрестностях Смоленска.

[30] *...пришьла бяаше вѣсть отъ Передъславы...* — Предслава — дочь Владимира I от Рогнеды, родная сестра Ярослава.

[31] *...«Не дети бывайте умы... съвьршени бывайте».* — 1 Кор. 14, 20.

[32] *...«За имя мое... имене моего ради».* — Лк. 21, 12, 16.

[33] *...«Въ тьрпѣнии... душа ваша».* — Лк. 21, 19.

[34] *...«Възвратяться грѣшьници въ ад...забывающии Бога».* — Пс. 9, 18.

[35] *...«Оружие изъвлекоша грѣшьници... яко грѣшьници погыбънуть».* — Пс. 36, 14. 15. 20.

[36] *...«Чьто ся хвалиши сильный о зълобѣ... отъ земля живущихъ».* — Пс. 51, 3—7.

[37] *...повьржену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама.* — Здесь либо имеется в виду колода — ствол упавшего дерева, либо колода — гроб, выдолбленный из двух половин цельного ствола дерева.

[38] *...«Хранить Господь вься кости ихъ... съкрушиться».* — Пс. 33, 21.

[39] *...якоже и Авелева преже.* — См. сноску 16.

[40] *...якоже и на ономь положи стонание и трясение...* — Наказывая Каина за братоубийство, Бог сказал: «Стеня и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4, 13).

[41] *И прибѣгоша Берестию...* — Берестье — ныне г. Брест.

[42] *И прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы...* — Существует гипотеза, что выражение «между Чехами и Ляхами» — древняя поговорка в смысле «где-то далеко».

[43] *...Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Каинѣ, тѣмь же седмьдесятицею мьстися ему.* — Ламех — один из потомков Каина, также совершивший убийство. В Библии сказано: «Яко седмицею отмстися от Каина, от Ламеха же седмьдесят седмицею» (Быт. 4).

[44] *...Якоже бо Иулиянъ цесарь...* — Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан), римский император (361—363 гг.), восстановил в Римской империи язычество как официальную религию и выступил против христианства. Имя Юлиана в христианской литературе стало нарицательным именем гонителя православия. Погиб либо от вражеской стрелы, либо от удара копьем в спину во время похода против персов в 363 г. Неясные обстоятельства его гибели породили множество легенд.

[45] *...и вложьше въ корабль...* — В древних погребальных обычаях покойника либо везли на санях (независимо от времени года), либо несли в ладье.

[46] *...«Не можеть градъ укрытися... да свѣтить тьмьныя».* — Мф. 5. 14—15.

[47] *...якоже и великий Димитрий...* — Димитрий Солунский, сын солунского воеводы, проконсул Солуни (совр. Салоники), был убит в 306 г. и признан христианской церковью святым. Почитался как покровитель и защитник Солуни. Пользовался особой популярностью

как святой-воин не только в Солуни, но на Афоне, в Балканских странах и в Древней Руси.

[48] *...«Туне... дадите».* — Мф. 10, 8.

[49] *...«Вѣруяй въ мя... и больша тѣхъ»* — Иоан. 14, 12.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛА МУЧЕНИКАМ СВЯТЫМ БОРИСУ И ГЛЕБУ

Господи, благослови, отче!

«Род праведных благословится, — говорил пророк, — и потомки их благословенны будут».

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившем святым крещением всю землю Русскую. О прочих его добродетелях в другом месте поведаем, ныне же не время. О том же, что начали, будем рассказывать по порядку. Владимир имел 12 сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын — Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки — Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение, о чем в другом месте скажем, здесь же расскажем про тех, о ком сия повесть.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава — в Новгороде, а Бориса — в Ростове, а Глеба — в Муроме. Не стану, однако, много толковать, чтобы во многословии не забыть о главном, но, о ком начал, поведаем вот что. Протекло много времени, и, когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира — впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, а печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал тогда он к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало много воинов, послал его против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник говорил: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал ему о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло, солнце мое, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал. Но не нес я доблестное тело твое, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О, блаженный, помяни меня в месте успокоения твоего! Сердце мое горит, душа мой разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: “Я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом — ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И, помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба, как Иосиф Вениамина?» И решил в сердце своем: «Да будет воля твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжения в мире этом, отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ним исчезло, и ни от чего нет подспорья — ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всем овладев и все собрав, говорил обо всем: “Суета сует — все суета!” Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И

каждый в душе своей стенал от горести сердечной, и все были охвачены печалью.

Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое, и погубит он меня. И когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки — преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на подлое убийство. Оскверненные кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, — нечестием губят душу свою».

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками

своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего». И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И, проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться к Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие востают на меня» — и остальную часть псалма, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотели мы сами избегнуть мук, ничего не пожелали себе, последуя заповедям апостола: “Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится”. И еще: “В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх”. Поэтому, Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как Господу угодно — так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные Путьша, Талец, Елович, Ляшко.

Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, — где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!»

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили.

И, раненный, выскочил он в оторопе из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал молиться и просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться Богу». И воззрев на небо со слезами, и горько вздохнув, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня уйти от обольщения этой обманчивой жизни! Слава тебе, щедрый даросатель жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава тебе, Владыка человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава тебе, Христос, слава безмерному твоему милосердию, ибо направил ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости твоей и узри боль сердца моего, которую претерпел я от родственника моего — ведь ради тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ведь ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой, ничего не замышлял против брата моего. Он же, сколько смог, воздвиг против меня. “Если бы враг поносил меня — это я стерпел бы; если бы ненавистник мой клеветал на меня, — укрылся бы я от него”. Но ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим. И не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И, принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха, и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстерегши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме, и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отце, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до

Господа, — помолись о моей печали, чтобы и я сподобился такое же мучение восприять и быть с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники с душою свирепых зверей.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: “Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте”. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать госпожа моя, и ты, брат Борис, — наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

И, преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господь! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на

сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно, за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные тобою своим апостолам: “За имя мое, меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени моего”. И еще: “Терпением укрепляйте души свои”. Смотри, Господи, и суди: вот готова моя душа предстать пред тобою, Господи! И тебе славу возносим, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся, а нечестивые погибнут». И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели говорить правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых».

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий своих рабов, как сказал Давид, «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и небрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение.

И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволением Божьим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к тебе, Владыка. И ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю тебя, Господи, — да воздается ему за это». И помолился и сказал: «О, братья мои, хотя телом вы и отошли отсюда, но благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом Божьим.

И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти — муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан. И сохранилась могила его до наших дней, и исходит от нее ужасный смрад в назидание всем людям. Если кто-нибудь поступит так же, зная об этом, то поплатится еще горше. Каин, не ведая об отмщении, единую кару принял, а Ламех, знавший о судьбе Каина, в семьдесят раз тяжелее наказан был. Такова месть творящим зло. Вот Юлиан цесарь — пролил он много крови святых мучеников, и постигла его страшная и бесчеловечная смерть: неведомо кем пронзен был копьем в сердце. Так же и этот — неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался.

И с тех пор прекратились усобицы в Русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых — как и где похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами, и свечами многими, и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса; раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами

мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых страстотерпцев. Но, как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем». Так и этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю поэтому, какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас цесарями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в горние места и жилища.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей! Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и милосердый Димитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О, блаженны гробы, принявшие ваши честные тела как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые, хранящие в себе блаженные тела ваши, о Христовы угодники! Поистине блажен и величественнее всех городов русских и высший город, имеющий такое сокровище. Нет равного ему во всем мире. По праву назван Вышгород — выше и превыше всех городов: второй Солунь явился в Русской земле, исцеляющий безвозмездно, с Божьей помощью, не только наш единый народ, но всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеление, как в святых Евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили,

даром давайте». О таких и сам Господь говорил: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотворит».

Но, о блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни, да не коснутся тела рабов ваших. Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и беды удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием принесите, ибо грешим мы сильно, и много в нас беззакония, и бесчинствуем с излишком и без меры. Но, на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря: «Владыко, единый без греха! Воззри со святых небес своих на нас, убогих, и хотя согрешили, но ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй, и, впавших в заблуждение, как блудницу, прости нас и, как мытаря, оправдай! Да снизойдет на нас милость твоя! Да прольется на нас человеколюбие твое! И не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться, ибо много беззаконий наших пред тобою, Господи! Рассуди нас по милости твоей, Господи, ибо имя твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев твоих. И не предай нас в поругание, а излей милость твою на овец стада твоего, ведь ты Бог наш и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

О Борисе, какой был видом. Сей благоверный Борис был благого корени, послушен отцу, покорялся во всем отцу. Телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, весел лицом, борода мала и ус — ибо молод еще был, сиял по-царски, крепок был, всем был украшен — точно цветок цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и благодать Божия цвела в нем.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Житие Феодосия» — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х гг. XI в. монахом той же обители — Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской жизни», а став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все эти мотивы встречаются и в «Житии Феодосия». Но в то же время это житие привлекает обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь страны. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделил ее Нестор, борется со стремлением сына «датися» Богу. Монахи Киево-Печерского монастыря предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. В описании чудес и видений Нестор проявляет удивительное писательское мастерство: он умеет найти и подать такие выразительные детали, которые создают иллюзию достоверности даже в самых фантастических эпизодах. В то же время, если не считать традиционного для житий вступления, где автор молит Бога помочь в написании произведения и сетует на свое «невежество», и некоторых молитв Феодосия, житие лишено риторических рассуждений, оно сюжетно и динамично.

«Житие Феодосия» публикуется по списку в составе Успенского сборника (рукопись *ГИМ*, Синодальное собр., № 1063/4), изданному в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Исправления и дополнения внесены по списку «Жития» в составе Киево-Печерского патерика, изданного в кн.: *Абрамович Дмитро*. Киево-Печерський патерик. У Києві, 1930.

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Господи, *благослови, отьче*!

Благодарю тя, владыко мой, Господи Исусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнааго съповѣдателя быти святыимъ твоимъ въгодьникомъ, се бо испьрва писавъшю ми о житие и о погублении и о чюдесьхъ святою и блаженою страстотрьпьцю Бориса и Глѣба,[1] понудихъ ся и на другое исповѣдание приити, еже выше моея силы, ему же и не бѣхъ достоинъ — грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ *же яко и* не бѣхъ ученъ *никоеиждо* хытрости, нъ въспомянухъ, Господи, слово твое, рекъшее: «Аще имате вѣру яко и зьрно горущьно и речете горѣ сей: преиди и въврьзися въ море, и абие послушаеть васъ».[2] Сина умѣ азъ грѣшьный Нестерь приимъ и оградивъся вѣрою и упованиемь, яко вься възможьна отъ тебе суть, начатъкъ слову списания положихъ, еже о житии преподобнааго отьца нашего Феодосия, бывъша игумена манастыря сего святыя владычицѣ нашея Богородицѣ, его же и день усъпение нынѣ праздьнующе память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущю же съписану ни отъ *кого* же, печалию по вься дни съдрьжимъ бѣхъ и *моляхъся Богу*, да съподобить мя по ряду съписати о житии богоносьнааго отьца нашего Феодосия. Да и по насъ сущеи чьрноризьци, *приимьше писание и почитающе й́, тако видяще мужа доблесть, въсхвалять Бога*, и въгодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляються, наипаче же яко и въ странѣ сей такъ сий мужь явися и угодникъ Божий. О семь бо и самъ Господь прорече: «Яко мнози приидуть отъ въстокъ и западъ и възлягуть съ Авраамъмь и съ Исакъмь и Ияковъмь въ царствии небесьнѣмь»[3] и пакы: «Мнози будуть послѣдьнии *прѣвии*»,[4] ибо сии послѣдьнии вящии прьвыхъ отьць явися, житиемь бо подражая святааго и пьрвааго начальника чьрьньчьскууму образу, великааго мѣню Антония[5] чьрньчьскууму образу. И се же чюдьнѣе, якоже пишеть въ отьчьскыихъ кънигахъ: «Слабу быти послѣдьнюму роду»; сегоже Христось въ послѣдьниимь родѣ семь такого себе съдѣльника показа и пастуха инокыимъ, бѣ бо измолода житиемь чистъмь украшенъ, добрыими дѣлесы, вѣрою же и съмыслъмь паче. Его же нынѣ отьсюду уже начьну съповѣдати еже отъ уны върсты житие блаженааго *Феодосия*.

Нъ послушайте, братие, съ вьсяцѣмь прилежаниемь, испълнь бо есть пользы слово се вьсѣмъ послушающиимъ. Молю же вы, о възлюблении: да не зазьрите пакы грубости моей, съдрьжимъ бо сый любъвию еже къ преподобьнууму, сего ради окусихъся съписати вься си яже о святѣмь, къ симъ же и блюдый, да не къ мнѣ речено будеть: «Зълый рабе лѣнивый, подобаше ти дати сребро мое тържьникомъ, и азъ *пришед* быхъ съ лихвою истязалъ е».[6] Тѣмьже якоже и нѣсть лѣпо, братие,

таити чюдесъ *Божиих*, наипаче Богу рекъшюуму ученикомъ своимъ яко: «Еже глаголю вамъ въ тьмѣ, повѣдите на свѣтѣ и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домъхъ».[7] Си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ съписати хощю, и о сихъ Бога славяще, мьзды отдание приимете. Хотящю же ми исповѣдати начати, преже молюся Господеви, глаголя сице: «Владыко мой, Господи вьседрьжителю, благымъ подателю, отьче Господа нашего Исус Христа, прииди на помощь мнѣ и просвѣти сърьдце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ и отвьрзи устьнѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление святааго въгодника твоего; да прославиться имя твое, яко ты еси помощьникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы. Аминъ».

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь, *именемь Васильевъ*[8]. Въ томь бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крьстияньстѣй живуща и всячьскыимь благочьстиюмь *украшена*. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмый дьнь принесоста и́ къ святителю Божию, якоже обычай есть крьстияномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища и сърьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Феодосиемь того *нарицаеть*.[9] Таче же, яко и минуша 40 дьний дѣтищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать Божия съ нимь, и Духъ Святый измлада въселися въ нь.

Къто исповѣсть милосьрьдие Божие! Се бо не избьра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокыимъ, нъ — да о семь прославиться имя Господне — яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися! О утаения тайно! Яко отнюдуже не бѣ начаятися, оттудуже въсия намъ деньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвъше свьтѣние ея, тещи к ней, вся презрѣвъше, тоя единоя свѣта насытитися. О благости Божия! Еже бо испьрва мѣсто назиаменавъ и благословивъ, пажить створи, на немь же хотяше паствитися стадо богословесьныхъ овьць, донъдеже пастуха избьра.[10]

Бысть же родителема блаженаго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшю, паче же реку — Богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, от въстока дьньница възидеть, събирающи окрьстъ себе ины многы звѣзды, ожидающи солнца правьднааго, Христа Бога, и глаголюща: «Се азъ, Владыко, и дѣти яже въспитахъ духовьнымь твоимь брашьнъмь; и се, Господи, ученици мои, се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити. Се, о Владыко, стадо богословесьныхъ твоихъ овьць, и имъже мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бъжьствьнѣй твоей пажити, и сия ти приведохъ, съблюдъ чисты и непорочьны». Таче Господь къ нему: «Рабе благый, верьне умноживый преданый талантъ, [11] тѣмьже приими уготованый тебе вѣньць и въниди въ радость

Господа своего». И къ ученикомъ его речеть: «Придѣте, благое стадо, добляаго пастуха богословесьная овьчата, иже мене ради алкавъше и трудивъшеся приимѣте уготованое вамъ царствие от съложения миру».[12]

Тѣмьже и мы, братие, потьщимъся рьвьнителе быти и подражателе житию преподобьнааго Феодосия и ученикомъ его, ихъ же тъгда предъ собою къ Господу посла, да тако сподобимъся слышати, гласъ он, еже отъ Владыкы и вседрьжителя речеться: «Придѣте убо, благословлении Отьца моего, приимѣте уготованое вамъ царствие».[13]

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь Божию, и хожаше по вся дьни въ цьркъвь Божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всѣмь въниманиемь. Еще же и къ дѣтьмъ играющимъ не приближашеся, якоже обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема и́ облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогыхъ. Къ симъ же и датися *веля* на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель; якоже и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемь не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся *с ним*?

Въ то же время отьць его житию коньць приятъ. Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше и́, не велящи ему тако творити, моляше и́ пакы облачитися въ одежю *свѣтьлу* и тако исходити ему съ съвьрьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко «тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши». Оному о томь не послушающю ея, и *якоже* многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и́, бѣ бо и тѣлъмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю суща.

Къ симъ же пакы божьствьный уноша мысляаше, како и кымь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ,[14] идеже Господь нашь Исусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся Богу, глаголя: «Господи Иисусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ!» И тако многашьды молящюся

ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ, и, аще Богу велящю, хощемъ въспять уже ити. Святый же моляше я, да и́ поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и́ *створять* съ собою. Они же обѣщашася пояти и́ съ собою и допровадити и́ до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженый *Феодосий*, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свой. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ нощию и не вѣдущю никомуже, *тай* изиде из дому своего, не имый у себе ничсоже, развѣ одежа, въ нейже хожаше, и та же худа. И тако изиде въслѣдъ страньныхъ. Благый же Богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, егоже и-щрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сей богогласьныихъ овьць назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю, да опустѣеть пажить, юже Богъ благослови, и търние и вълчьць въздрастеть на ней, и стадо разидеться.

По трьхъ убо дьньхъ увѣдѣвъши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абие погъна въслѣдъ его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьний блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъша, яста и́, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши и́ за власы, и поврьже и́ на земли, и своима ногама пъхашети и́, страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана. Тольми же гнѣвъмь одрьжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити и́, дондеже изнеможе. И по сихъ же, въведъши и́ въ храмъ и ту привяза и́, и затворьши, и тако отъиде. Божьствьный же уноша вься си съ радостию приимаше, и Бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дьнию отрѣши и́ и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмь одьржима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбѣжить отъ нея. Тако же сътвори дьни мъногы ходя. По томь же пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и́, да не отъбѣжить оть нея, любляше бо и́ зѣло паче инѣхъ и того ради не търпяше без него. Оному же обѣщавъшюся ей не отъити отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженый же Феодосий на прьвый подвигъ възвратися и хожаше въ цьркъвь Божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашьды лишаемѣ сущи литургии, проскурьнааго ради непечения, жаляшеси о томь зѣло и умысли же самъ своимь съмѣрениемь отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начатъ бо пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ. Цѣною же пакы купяше жито и, своима рукама измълъ, пакы проскуры творяше. Се же тако Богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться въ цьркъвь Божию отъ непорочьнаго и несквьрньнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтѣ или боле творя. Вьси же съврьстьнии отроци его ругающеся ему, укаряхути и́ о таковѣмь дѣлѣ, и тоже врагу научающю я. Блаженый же вься си съ радостию приимаше, съ мълчаниемь и съ съмѣрениемь.

Ненавидя же испрьва добра золодѣй врагъ,[15] видя себе побѣжаема съмѣрениемь богословесьнааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити и́ отъ таковаго дѣла. И се начатъ матерь его поущати, да ему възбранить отъ таковааго дѣла. Мати убо, не търпящи сына своего въ такой укоризнѣ суща, и начатъ глаголати съ любъвию к нему: «Молю ти ся, чадо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свой, и не трьплю бо слышати отъ вьсѣхъ укаряему ти сущю о таковѣмь дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку сущю, таковааго дѣла дѣлати». Таче съ съмѣрениемь божьствьный уноша отъвѣщавааше матери своей, глаголя: «Послушай, о мати, молю ти ся, послушай! Господь бо Исусъ Христосъ самъ поубожися и съмѣрися, намъ образъ дая, да и мы его ради съмѣримъся. Пакы же поруганъ бысть и опльванъ и заушаемъ, и вься претьрпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ трьпѣти, да Христа приобрящемъ. А еже о дѣлѣ моемь, мати моя, то послушай: егда Господь нашь Исусъ Христосъ на вечери възлеже съ ученикы своими, тъгда приимъ хлѣбъ и благословивъ и преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: “Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за мъногы въ оставление грѣховъ”.[16] Да аще самъ Господь нашь плъть свою нарече, то кольми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя съподоби Господь плъти своей быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и отътолѣ нача оставатися его. Нъ врагъ не почиваше, остря ю на *възбранение* отрока о таковѣмь его съмѣрении. По лѣтѣ же единомь пакы видѣвъши его пекуща проскуры и учьрнивъшася от ожьжения пещьнаго, съжалиси зѣло, пакы начатъ оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи и́, да ся останеть таковаго дѣла. Божьствьный же уноша въ скърби велицѣ бысть о томь, и недъумѣя, чьто створити. Тъгда же, въставъ нощию отай *изыде* из дому своего, и иде въ инъ градъ, не далече сущь *оттолѣ*, и обита у прозвутера, и дѣлааше по обычаю дѣло свое. Потомь же мати его, яко его искавъши въ градѣ своемь и не обрете его, съжалиси по немь. *Таче* по дьньхъ мнозѣхъ слышавъши, къде живеть, и абие устрьмися по нь съ гнѣвъмь великъмь, и пришедъши въ прежереченый градъ и, искавъши, обрете и́ въ дому презвутерове, и имъши, влечаше и́ въ градъ свой биющи. И въ домъ свой приведъши и запрети ему, глаголющи, яко «къ тому не имаши отити мене; елико бо аще камо идеши, азъ, шедъши и обрѣтъши тя, съвязана биющи приведу въ сий градъ». Тъгда же блаженый Феодосий моляшеся Богу, по вся дьни ходя въ цьркъвь Божию, бѣ же съмѣренъ сьрьдцьмь и покоривъ къ вьсѣмъ.

Якоже и властелинъ града того, видѣвъ отрока въ такомь съмерении и покорении суща, вълюби и́ зѣло и повелѣ же ему, да *пребываеть* у него въ цьркви, *въдасть* же ему и одежю свѣтьлу, да ходить въ ней. Блаженый же Феодосий пребысть въ ней ходя мало дьний, *яко* нѣкую тяжесть на собѣ нося, тако пребываше. Таче съньмъ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пърты обълкъся, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвы и́ тако ходяща, и пакы ину въдасть одежю, вящьшю пьрвыя, моля и́, да ходить въ ней. Онъ же съньмъ и ту отъда. Сице же многашьды сътвори, якоже судии то увѣдѣвъшю, большимь начатъ любити и́, чюдяся съмѣрению его. По сих же божьствьный

Феодосий шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему желѣзо съчепито съковати, иже и възьмъ и препоясася имь въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же узъку сущю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, яко ничсоже скърбьна от него приемля тѣлу своему.

Таче, яко ишьдъшемъ дьньмъ мъногомъ и бывъшю дьни праздьничьну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежю свѣтьлу на служение вьсѣмъ бо града того вельможамъ, въ тъ дьнь възлежащемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосию предъстояти и служити. И сего ради поущашети и́ мати его, да облечеться въ одежю чисту, наипаче же якоже и слышала бѣ, еже есть сътворилъ. Якоже ему облачащюся въ одежю чисту, простъ же сы умъмь неже блюдыйся ея. Она же прилѣжьно зьряаше, хотящи истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кръвь сущю от въгрызения желѣза. И раждьгъшися гнѣвъмь на нь, и съ яростию въставъши и растьрзавъши сорочицю на немь, биющи же и́, отъя желѣзо от чреслъ его. Божий же отрокъ, яко ничьсоже зъла приятъ от нея, обълкъся и, шедъ, служаше предъ възлежащими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени пакы нѣкоторѣмь слыша въ святѣмь еуангелии Господа глаголюща: «Аще кто не оставить отьца или матере и въ слѣдъ мене не идеть, то нѣсть мене достоинъ».[17] И пакы: «Придѣте къ мънѣ вьси тружающеися и *обременении*, и азъ покою вы. Възьмѣте ярьмъ мой на ся и научитеся от мене, яко крътъкъ есмь и съмѣренъ сьрдьцьмь, и обрящете покой душамъ вашимъ».[18] Си же слышавъ богодъхновеный Феодосий и раждьгъся божьствьною рьвьностию и любъвию, и дышаниемь Божиемь, помышляаше, како или кде пострѣщеся и утаитися матере своея. По случаю же Божию отъиде мати его на село, и якоже пребыти ей тамо дьни мъногы. Блаженый же, радъ бывъ, помоливъся Богу, и изиде отай из дому, не имый у себе ничьсоже, развѣ одежа, ти мало хлѣба немощи дѣля телесьныя. И тако устрьмися къ Кыеву городу, бѣ бо слышалъ о манастырихъ ту сущиихъ. Не вѣдый же пути, моляшеся Богу, дабы обрѣлъ съпутьникы, направляюща и́ на путь желания. И се по приключаю Божию бѣша идуще путьмь *тѣмь* купьци на возѣхъ съ бремены тяжькы. Увѣдѣвъ же я блаженый, яко въ тъ же градъ идуть, прослави Бога и идяшеть въслѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмъ же ставъшемъ на нощьнѣмь становищи, блаженый же не доида, яко и зърѣимо ихъ, ту же опочиваяше, единому Богу съблюдающю и́. И тако идый, трьми недѣлями доиде прежереченааго *града*. *Егда* же пришедъ и обьходи вся манастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приятъ ими будеть. Они же видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же Богу изволивъшю тако, да на мѣсто, идеже бѣ Бъгъмь от уности позъванъ, на то же ведешеся.

Тъгда же бо слышавъ о блаженѣмь Антонии,[19] живущиимь въ пещерѣ, и окрилатѣвъ же умъмь устрьмися къ пещерѣ. И пришьдъ къ преподобьнуму Антонию, его же видѣвъ и, падъ, поклонися ему съ сльзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великый же Антоний казаше и глаголя: «Чадо, видиши ли пещеру сию, скьрбьно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ. Ты же унъ сый, якоже мню, и не имаши трьпѣти на мѣстѣ семь скърби». Се же не тъкмо искушая и́ глаголаше, нъ и прозорочьныма очима прозря, яко тъ хотяше възградити самъ мѣстъ то и манастырь славьнъ сътворити на събьрание множьству чьрньць. Богодъхновеный же Феодосий отвѣща ему съ умилениемь: «Вѣжь, чьстьный отче, яко проразумьникъ всячьскыихъ Богъ приведе мя къ святости твоей и спасти мя веля, тѣмьже, елико ми велиши сътворити, сътворю». Тъгда глагола ему блаженый Антоний: «Благословенъ Богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тьщание, и се мѣсто — буди въ немь». Феодосий же, *пакы* падъ, поклонися ему. Таче благослови и́ старьць и повелѣ великому Никону[20] острѣщи и́, прозвутеру тому сущю и чьрноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыихъ отьць остригы и облече и́ въ мьнишьскую одежю.

Отьць же нашь Феодосий предавъся Богу и преподобьнууму Антонию, и оттолѣ подаяшеся на труды телесьныя, и бъдяше по вся нощи въ славословлении Божии, съньную тягость *отвръгъ*, къ въздьржанию же и плътию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вься дьни псалъмьское оно слово: «Вижь съмѣрение мое и трудъ мой и остави вься грѣхы моя».[21] Тѣмь вьсь съ вьсѣмь въздьржаниемь душю съмѣряаше, тѣло же пакы трудъмь и подвизаниемь дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмѣрению его, и покорению, и толику его въ уности благонравьству, и укрѣплению, и бъдрости. И вельми о вьсемь прослависта Бога.

Мати же его много искавъши въ градѣ своемь и въ окрьстьнихъ градѣхъ и яко не обрете его, плакаашеся по немь лютѣ, биющи въ пьрси своя яко и по мрьтвѣмь. И заповѣдано же бысть по всей странѣ той, аще къде видѣвъше такого отрока, да пришьдъше възвѣстите матери его и велику мьзду приимуть о възвещении его. И се пришьдъше от Кыева и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лѣт видѣхомы и́ въ нашемь градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомь от манастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити. И нимало же помьдьливъши, ни дълготы же пути убоявъшися въ прежереченый градъ иде на възискание сына своего. Иже и пришедъши въ градъ тъ, и обьходи вься манастыря, ищющи его. Послѣди же повѣдаша ей, яко въ пещерѣ есть у преподобнааго Антония. Она же и тамо иде, да и́ тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобьнууму, да изидеть. «Се бо многъ путь гънавъши приидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвѣщено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Его же видѣвъши и поклонися ему. Таче

сѣдъшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, еяже ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отьче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мой. Много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть». Старьць же сый простъ умъмь и, не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко «сде есть сынъ твой, и не жалиси его ради, се бо живъ есть». То же она къ нему: «То чьто, отьче, оже не вижю его? Многъ бо путь шьствовавъши, придохъ въ сий градъ, тъкмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ градъ свой». Старьць же к ней отъвѣща: «То аще хощеши видѣти и́ да идеши нынѣ въ домъ, и азъ, шедъ, увѣщаю и́, не бо рачить видѣти кого. Ти въ утрѣй дьнь пришедъши, видиши и́». То же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущий дьнь видѣти и́. Преподобьный же Антоний, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосию, иже и́ слышавъ, съжалиси зѣло, яко *не* може утаитися ея. Въ другый же дьнь прииде пакы жена, старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти матерь свою. Онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць, ишьдъ, глагола ей, яко «много молихы и́, да изидеть къ тебе, и не рачить». Она же к тому уже не съ съмѣрениемь начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмь великъмь въпияаше о нуже старьца сего, яко имый сына моего и съкрывый въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трьплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ двьрьми печеры сея, аще ми не покажеши его». Тъгда Антоний, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляаше блаженааго Антоний, да изидеть къ ней. Онъ же не хотя ослушатися старьца и изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣй скърби суща, бѣ бо уже лице его измѣнилося отъ многааго его труда и въздьржания, и, охопивъшися емь, плакашеся горко. И одъва мало утѣшивъшися, сѣде и начатъ увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свой, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеши въ дому си по воли своей, тъкмо же да не отълучайся мене. И егда ти умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хощеши. Не трьплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженый же рече къ ней: «То аще хощеши видѣти мя по вся дьни, иди въ сий градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многыими наказани пребываше по вся дьни, увѣщавая матерь свою. Онъй же о томь не хотящи, не понѣ послушати его. И егда отъхожаше от него, тъгда блаженый, въшедъ въ пещеру, моляшеся Богу прилѣжно о спасении матере своея и обращении сьрьдьца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодьника своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ Господь призывающиимъ въистину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышить, и спасеть я».[22] Въ единъ бо дьнь пришьдъши мати ему глаголя: «Се, чадо, велимая вься тобою сътворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свой, нъ яко Богу *волящю*, да иду въ манастырь женъ, и ту остригъшися прочая пребуду дьни своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сий маловременьный». Си слышавъ, блаженый Феодосий въздрадовася духъмь и въшьдъ съповѣда великому Антонию, иже, и услышавъ, прослави Бога, обративъшааго сьрьдце ея на такавое покаяние. И шьдъ къ ней и много поучивъ ю, еже

на пользу и на спасение души, и възвѣстивъ о ней княгыни, пусти ю въ манастырь женьскый, именуемъ святаааго Николы. И ту постриженѣ ей быти, и въ мьнишьскую одежю облеченѣ ей быти, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ миръмь усъпе.

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны вьрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его съповѣда единому от братия, именьмь Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемь Феодосии. Азъ же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающю ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я. Обаче и на прочее съказание отрока исправления поиду, съврьшение же глаголъ ми укажеться благоисправляющю Богу и словослову.

Сий убо отьць нашь Феодосий святый побѣдоносьць показася въ пещерѣ на злыя духы. По острижени же матере своея и по отврьжении всякоя мирьскыя печали большими труды паче наченъ подвизатися на рьвение Божие. И бѣ видѣти свѣтила три суща въ пещерѣ разгоняща тьму бѣсовьскую молитвою и алканиемь: мѣню же преподобнааго Антония, и блаженааго Феодосия и великааго Никона. Си бѣша въ пещерѣ моляще Бога, и Богъ же бѣ съ ними; «иде бо, — рече,— 2 или трие съвъкуплени въ имя мое, ту есмь посредѣ ихъ».[23]

Въ то же время иже бѣ прьвый у князя въ болярѣхъ имьньмь Иоан. И того сынъ часто прихожаше къ преподобьнымъ, наслажаяся медоточьныихъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху изъ устъ отьць тѣхъ, и възлюби же я зѣло и яко въсхотѣти ему жити съ ними и вься презьрѣти въ житии семь, славу и богатьство ни въ что же положивъ. Прикосну бо ся емь слово Господне, рекшее, яко «удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, нежели богату въ царствие небесное вънити».[24] Тъгда же повѣда единому Антонию мысль свою, глаголя: «Хотѣлъ быхъ, отьче, аще Богу годьно, мнихъ быти и жити съ вами». Глаголя ему старьць: «Благо хотѣние твое, чадо, и помыслъ, испълненъ благодати, нъ блюди, чадо, да не богатьство и слава мира сего възврати тя въспять. Господу рекъшю: “Никтоже възложь рукы своея на рало и зря въспять, управленъ есть въ царствии небеснѣмь”,[25] тако и мнихъ, възвращаяся къ миру мыслию и пекыися о мирьскыхъ, не имать управитися въ жизнь вѣчьную». И *ина* многа старьць бесѣдова къ отроку и оному же сьрьдце боле остряшеся на любъвь Божию и тъгда отиде въ домъ свой.

И въ другый же дьнь одѣвъся въ одежю свѣтьлу и славьну и тако въсѣдъ *на конь поеха къ старцю*[26] и отроци бѣша окрестъ его едуще и другыя коня въ утвари ведуще пред ним, и тако въ славѣ велицѣ приеха къ печерѣ отець тѣх. Онѣмь же изшедшим и поклонившимся ему, якоже есть лѣпо велможам, он же пакы поклонися имъ до земля, потомь же

снемъ съ себе одежу боляръскую и положи ю пред старцемь, и також коня, сущаа въ ютвари, и постави пред нимь, глаголя: «Се вся, отче, красьнаа прельсть мира сего суть, и якоже хощеши, тако сътвори о них, азъ бо уже вся си прѣзрѣх и хощу мних быти и с вами жити в печерѣ сей, и к тому не имам възвратитися в дом свой». Старець же рече к нему: «Блюди, чадо, къ кому обѣщаваешися и чий въинь хощеши быти, се бо невидимо предстоятъ аггели Божии, приемлюще обѣщаниа твоя. Но егда како отець твой пришед съ многою властию и изведет тя отсюду, нам же не могущим помощи ти, ты же пред Богом явишися, якож ложь и отмѣтникь его». И глагола ему отрок: «Вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнеть отець мой, не имам послушати его, еже възвратити мя къ миру. Молю же ти ся, отче, да въскорѣ острыжеши мя». Тогда повелѣ преподобный Антоние великому Никону, да постриЖеть его и облечеть въ мнишескую одежю. Он же, по обычаю, молитвовавь, и остриже его, и въ мнишескыя ризы облече его, Варлаам имя тому нарекь.

Тогда же приде каженикъ нѣкто от княжа дому, иже бѣ любим князем и предръжа у него вся, и моляшеся старцю Антонию, и той хотя быти чръноризець. Его же поучивъ старець еже о спасении души, и предасть его Никону, да того острыжеть. Он же и того остригь, облече его въ мнишескую одеждю и Ефрѣм имя тому нарекъ. Нѣсть же лѣпо таити, еже нанесе врагь скръбь на преподобныя ею ради. Ненавидяй же добра врагь, диаволъ, видя себе побѣждаема от святаго стада и разумѣвь, яко оттолѣ хотяше прославленно быти мѣсто то, плакашеся своея погыбели. Начат же злыми своими козньями раждизати сердце князю на преподобныя, да поне тако то святое стадо распудить, но ни тако възможе, но сам посрамлень бысть молитвами их и въпадеся въ яму, юже сътвори. «Обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его».

И увѣдавь убо князь Изяславь[27] бывшее о бояринѣ и о каженицѣ его, разгнѣвався зѣло и повелѣ единого от них привести пред ся, дрьзнувша таковаа сътворити. И ту абие, скоро шедше, великаго Никона приведоша предо нь. Князь же, со гнѣвом възрѣв на Никона, глагола ему: «Ты ли еси остригый болярина и каженика без повелѣниа моего?». Никонъ же отвѣща: «Благодатию Божиею азъ есмъ остригы их повелѣнием небеснаго царя и призвавшаго их Исуса Христа на таковый подвигь». Князь же рече то: «Или увѣщавь их в дом свой поити, или на заточение послю тя и сущаа с тобою, и печеру вашу раскопаю». К симь же Никонь отвѣща се: «Еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако сътвори, мнѣ же нѣсть лѣпо отвратити въинь от царя небеснаго». Антоний же и иже с ним, вътемше одежда своа, отъидоша от мѣста своего, хотяще отъити въ ину область. Князю же еще гнѣвающюся и укоряющу Никона, и се единь от отрокь, вшед, поведаше, *яко Антоний и иже* съ нимь отъходить отъ града сего въ ину область. Тъгда глагола ему жена его:[28] «Послушай, господи, и не гнѣвайся. Яко тако же бысть и въ странѣ нашей, отъбѣжавъшемъ нѣкоея бѣды ради чрьньцемъ, много

зъла створися въ земли той ихъ ради, нъ блюди, господи, да не тако въ области твоей будеть». То же слышавъ князь и убоявъся гнѣва Божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ему ити въ пещеру свою, По онѣхъ же посла, рекый, да съ мольбою възвратяться въспять. Иже едва по три дьни увѣщани быша възвратитися въ свою пещеру, яко се нѣкотории храбри от брани, побѣдивъше супостата своего врага. И бѣша въину молящеся дьнь и нощь къ Господу Богу. Нъ ни тако не почиваше врагъ, боряся съ ними. Тъгда бо увѣдѣвъ бояринъ Иоанъ, яко никоегоже имъ зъла не створи христолюбивый князь Изяславъ, и раждьгъся на ня гнѣвъмь, сына ради своего, и поимъ отрокы многы, и иде на святое стадо, иже и распудивъ я, и въшедъ въ пещеру, и имъ сына своего, божьствьнааго Варлаама, извлече и́ вънъ, таче съньмъ съ него святую мантию, и въврьже ю въ дьбрь, такоже и шлѣмъ спасения, иже бѣ на главѣ его, съньмъ, завьрже и́. И тъгда же и́ облече въ одежю славьну и свѣтьлу, якоже е лѣпо боляромъ. Онъ же съврьже ю долу, не хотя ни видѣти ея, и тако створи многашьды. Тоже повелѣ отьць его съ гнѣвъмь съвязати ему руцѣ и одѣти и́ въ прежереченую одежю, ти тако ити ему сквозѣ градъ въ домъ свой. Онъ же, иже поистинѣ теплый душею на Божию любъвь Варламъ, идый путьмь, узрѣ распалину, калну сущю, и скоро въшьдъ въ ню и Божиею помощию съврьже одежю съ себе, и своима ногама попирашеть ю въ калѣ, попирая съ тѣми и злыя помыслы и лукаваго врага. Таче по сихъ пришедъшемъ имъ въ домъ, повелѣ отець его сѣсти съ нимь на трѣпезѣ. Оному же сѣдъшю, и ничьсоже въкуси отъ брашьна, нъ пребывааше нича и долу зря. По отъядении же отъпусти и́ въ своя храмы, приставивъ отрокы блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его утворитися въ утварь всякую на прельщение отрока и служити предъ нимь. Рабъ же Христовъ Варламъ въшедъ въ едину клѣть, сѣдѣ в углѣ ея. Жена же его, якоже бѣ ей повелѣно, хожаше предъ нимь и моляшети и́ сѣсти на одрѣ своемь. Видѣвъ же онъ неистовьство жены и разумѣвъ, яко на прельщение ему уготова отьць, моляшеся въ тайнѣ сьрьдца своего къ милосьрдууму Богу, могущууму спасти отъ прельсти тоя. Пребысть же на мѣстѣ томь сѣдя три дьни, не въстая от него, ни брашьна же въкушая, ни въ одежю облечеся, нъ въ единой свитѣ си пребывааше. Преподобьный же Антоний и съ сущиими съ нимь и съ блаженыимь Феодосиемь бѣша въ печали мнозѣ его ради и моляхуться Богу за нь. Богъ же услыша молитву ихъ: «възъваша бо, — рече, — правьдьни, и Господь услыша я и от вьсѣхъ печалий ихъ избавить я. Близь Господь съкрушеныихъ сьрьдцьмь и съмѣреныя духъмь спасеть».[29]

Видѣвъ убо благый Богъ търпѣние и съмѣрение отрока, обрати жестокое сьрьдце отьца его на милость къ сыну своему. Тъгда убо възвѣстиша ему отроци, глаголюще, яко «се уже четвертый день имать не въкушая брашьна, ни въ одежю рачить облѣщися». То же слышавъ, отьць его съжалиси зѣло его ради, блюдый, да не гладъмь и зимою умреть. Призъвавъ же и любьзно цѣловавъ и отпусти и́. Бы же тъгда вещь пречюдьна и плачь великъ, яко и по мрьтвѣмь. Рабы и рабыня плакахуться господина своего и яко отъхожааше отъ нихъ, иде жена, мужа лишающися плакашеся, отьць и мати сына своего плакастася, яко отлучашеся отъ нихъ, и тако съ плачьмь великъмь проважахути и́. Тъгда

Христовъ воинъ ишедъ из дому своего, яко птица ис пругла истьргъшися или яко сьрна отъ тенета, тако скоро текый, и доиде пещеры оноя. Его же видѣвъше, отьци ти въздрадовашася радостию великою и, ставъше, прославиша Бога, яко услыша молитву ихъ. То уже оттолѣ многыимъ приходящемъ въ пещеру благословления ради еже от отьць тѣхъ и друзии от нихъ бывааху чрьньци Божиею благодатию.

Тъгда же великий Никонъ и другый чърньць святаго Мины манастыря, болярина тако наречемъ, съвѣщавъшася, тако отъидоста, хотяща особѣ сѣсти. И пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе, якоже се апостола Павьлъ и Варнава на проповѣдание Христово, якоже пишеться въ Дѣянихъ апостолъ.[30] Болязринъ же, идый къ Костянтиню граду, обрете островъ средѣ моря и ту въселися въ ньмь. Поживе лѣта *многа*, трьпя зиму и гладъ, и тако успе съ миръмь. Се же и донынѣ островъ тъ зовомъ есть Боляровъ. Великый же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый,[31] и ту обрѣтъ мѣсто чисто близь града, сѣде на немь. И Божиею благодатию въздрасте мѣсто то, и цьркъвь святыя Богородица възгради на немь, и бысть манастырь славьнъ, иже и донынѣ есть, прикладъ имый въ сий Печерьский манастырь.

По сихъ же пакы Ефремъ каженикъ отиде въ Костянтинь градъ и ту живяше въ единомь манастыри. Послѣже же изведенъ бысть и въ страну сию и поставленъ бысть митрополитъмь въ городѣ Переяславли. Се же уже многыими наказании предъложение слову створихомъ, обаче отъселѣ на предълежащее слово възвратимъся, къде се все мину и по отходѣ отьць тѣхъ.

Тъгда же блаженый отьць нашь Феодосий поставленъ бысть презвутеръмь повелѣниемь преподобьнааго Антония и бѣ по вся дьни божьствьную службу съвършая съ всякыимь съмѣрениемь, бяше бо кротъкъ нравъмь, и тихъ съмыслъмь, и простъ умъмь, и духовьныя всея мудрости испълненъ. Любъвь же непорочьну имѣя къ всей братии, бѣ бо уже съвъкупилося братия яко до пяти-на-десяте. Преподобьный же Антоний, якоже бѣ обыклъ единъ жити и не трьпя всякого мятежа и мълвы, затворися въ единой келии пещеры, поставивъ въ себе мѣсто братии блаженаго Варлаама, сына болярина Иоана. И отътуда пакы преселися на инъ хълмъ Антоний и, ископавъ пещеру, живяше, не излазя из нея, идеже и донынѣ чьстьное тѣло его лежить. Тъгда же божествьный Варламъ постави надъ пещерою малу цьрквицю въ имя святыя Богородица, веля, да ту братия събираються на божьствьное словословие. То уже всѣмъ явлено бысть мѣсто то, бѣ бо мнозѣми суще преже не вѣдомо.

А еже испьрва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдущю, а устомъ человѣчьскомъ не мощьно исповѣдати. Къ симъ же и ядь ихъ бѣ ръжанъ хлѣбъ тъкмо, ти вода. Въ суботу же ти въ недѣлю сочива въкушахуть; многашьды же и въ та дьни не обрѣтъшюся сочиву, зелие съваривъше едино и то ядяху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло: ово ли копытьца плетуще и клобукы, и ина ручьная дѣла строяще и тако, носяще въ градъ, продаяху и тѣмь жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшеть на състроение хлѣбомъ. Таче по томь начатъкъ пѣнию заутрьнюуму творяаху и тако пакы дѣлааху ручьное свое дѣло. Другоици же въ оградѣ копахуть зелиинааго ради растения, дондеже будяше годъ божьствьнууму славословию, и тако вьси въкупѣ съшедъшеся въ цьркъвь, пѣния часомъ творяахуть, таче святую службу съврьшивъше, и тако въкусивъше мало хлѣба и пакы дѣлѣ ся своемь къждо имяшеть. И тако по вся дьни трудящеся, пребывахуть въ любъви Божии.

Отьць же нашь Феодосий съмѣренъмь съмыслъмь и *послушаниемь* вься преспѣвааше, трудъмь и подвизаниемь и дѣлъмь телесьныимь, бяше бо и тѣлъмь благъ и крѣпъкъ и съ поспѣшьствъмь всѣмъ служаше, и воду нося и дръва из лѣса на своею плещю, бъдя же по вся нощи въ славословлении Божии. И братии же на опочители суще, блаженый же възьмъ раздѣленое жито и когождо часть измълъ и поставляше на своемь мѣстѣ. Другоици же, оваду сущу многу и комаромъ, въ нощи излѣзъ надъ пещеру и, обнаживъ тѣло свое до пояса, сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцемъ и псалтырь же Давидову поя. Отъ множьства же овада и комара все тѣло его покръвено будяше, и ядяху плъть его о немь, пиюще кръвь его. Отьць же нашь пребываше неподвижимъ, ни въстая от мѣста того, дондеже годъ будяше утрьний, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ цьркви. И ставъ на своемь мѣстѣ непоступьнъ сы, ни мятыйся умъмь, божьствьное славословие съврьшаше, ти тако пакы и-црькве послѣже всѣхъ излажааше. И сего ради вьси любляхути и́ зѣло и яко отьца имяхути и́, зѣло дивящеся съмѣрению его и покорению.

Таче по сихъ божествьный Варлаамъ, игуменъ сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемь повелѣниемь въ манастырь святаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставленъ.[32] Тъгда же братия ту сущая въ пещерѣ събравъшеся, изволениемь всѣхъ, възвѣстивъше преподобьноуму Антонию, блаженааго отьца нашего Феодосия игумьнъмь себе нарекоша, яко и чьрньчьскую жизнь управивъша и Божия извѣсто заповѣди излиха вѣдуща.

Отьць же нашь Феодосий, аще и старѣйшиньство приимъ, не измѣни съмѣрения своего правила, на памяти Господа имѣя, рекъша: «Иже аще кто въ васъ хощеть быти старѣй, буди всѣхъ убо мьний и всѣмъ слуга».

[33] Тѣмь же съмѣряшеся, мьний всѣхъ ся творя и всѣмъ служа, и собою образъ вьсѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исходя и въ чину святыя литургия. И оттолѣ цвьтяше и мъножашеся мѣсто то правьдника молитвою. «Правьдникъ бо, — рече, — яко и фуникъсъ процвьтеть и яко и кедръ, иже въ Ливанѣ, умножиться».[34] Умножаху бо ся оттолѣ братия и цвьтяше мѣсто то добрыими нравы и молитвами ихъ и инѣми благочьствивыими нравы. И многымъ отъ вельможь приходити къ нему благословления ради, и от имѣний своихъ малу нѣкаку часть подающи имъ. Преподобьный же отьць нашь, иже поистинѣ земльный ангелъ и небесный человѣкъ, Феодосий видя мѣсто скърбьно суще и тѣсно и еще же и скудно при всѣмь, и братии мъножащися, цьркви же малѣ сущи на съвъкупление имъ, и николиже въпаде о томь въ печаль, ни поскърбе о томь, нъ по вся дьни братию всю утѣшая, учаше и никакоже попечися о плътьнѣмь, но Господень гласъ въспоминаше, имъ глаголя: «Не пьцѣтеся, чьто пиемъ, или что ѣмъ, или въ что облечемъся: вѣсть бо отьць вашь небесьный, яко требуеть вься си, обаче ищете цесарьства небеснаго и си вься приложаться вамъ». Блаженый же сице помышляше, Богъ же все на потребу нескудьно подаваше ему.

Тъгда бо сий великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече от печеры суще, и разумѣвъ, яко довъльно есть на възгражение манастыря, и разбогатѣвъ *благодатию* Божиею и оградивъся вѣрою и упованиемь, испълнивъ же ся Духа Святаго, начатъ подвизатися въселити мѣсто то. И якоже Богу помагающю ему, въ мало время възгради цьркъвь на мѣстѣ томь въ имя святыя и преславьныя Богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ и постави келиѣ многы, и тъгда преселися от пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570. И отътолѣ Божиею благодатию въздрасте мѣсто то, и бысть манастырь славьнъ, се же и донынѣ есть Печерьскый наричемъ, иже от святаго отьца нашего Феодосия съставленъ бысть.

По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопьцю, да вьсь уставъ Студийскааго манастыря,[35] испьсавъ, присълеть ему. Онъ же преподобьнааго отьца нашего повелѣная ту абие и створи. и вьсь уставъ манастырьскый испьсавъ, и посъла къ блаженому отьцю нашему Феодосию. И его же приимъ отьць нашь Феодосий, повелѣ почисти предъ братию, и оттолѣ начатъ въ своемь манастыри вся строити по уставу манастыря Студийскааго, якоже и донынѣ есть, ученикомъ его сице съвръшаемъмъ. Вьсякому же хотящю быти чьрноризьну и приходящему къ нему, не отрѣвааше ни убога, ни богата, нъ вся приимаше съ всякымь усьрдиемь, бѣ бо и самъ въ искушении томь былъ, якоже и вышеречеся: егда бо приде отъ града своего, хотя быти мнихъ, якоже обьходящю тому вься манастыря, не рачахуть бо того прияти — Богу тако сътворьшю на искушение ему. Се бо си въспоминая благый, какова скърбь бываеть человѣку, тъгда хотящюуму острѣщися, и сего ради вся съ радостию приходящая приимаше. Нъ не ту абие постригаше его, нъ повелѣваше ему въ своей одежи ходити, дондеже извыкняше вьсь устрой манастырьскый, таче по сихъ

облечашети и́ въ мьнишьскую одежю и тако пакы въ всѣхъ службахъ искушашети и́, ти тъгда остригы, и оболочашети и́ въ мантию, дондеже пакы будяше чьрньць искусьнъ житиемь чистъмь си, ти тъгда сподобяшети и́ прияти святую скиму.

По вься же дьни святыихъ мясопущь[36] святый отьць нашь Феодосий отхожаше въ святую свою пещеру, идеже и чьстьное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеся единъ до Врьбьныя недѣля,[37] и въ пятъкъ тоя недѣля, въ годъ вечерьняя, прихожааше къ братии и, ставъ въ двьрьхъ цьркъвьныихъ, учааше вься и утѣшая, подвига ради и *пощения* ихъ. Себе же недостоина творя, якоже ни единоя недѣлѣ, понѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скърбь и мьчатание зълии дуси творяхуть ему въ пещерѣ той; еще же и раны наносяще ему, якоже и о святѣмь и велицѣмь Антонии пишеться. Нъ явивыйся оному, дрьзати веля Тъ, и сему невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Кто бо не почюдиться *убо* блаженууму сему, еже въ такой тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ, мъножьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не убояся, нъ крѣпко стоя, яко храбъръ сильнъ, Бога моляаше и Господа Исус Христа на помощь себе призывающа. И тако побѣди я Христовою силою, яко къ тому не съмѣти имъ ни приближитися емь, нъ и еще издалеча мьчьты творящемъ ему. По вечерьниимь убо пѣнии сѣдъшю ему и хотящю опочинути, не бо николиже на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинути, то, сѣдъ на столѣ и тако мало посъпавъ, въстаняше пакы на нощьное пѣние, и поклонение колѣномъ творя. Сѣдъшю же ему, якоже речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ, якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другыимъ же въ бубъны биющемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, ти тако всѣмъ кличющемъ, якоже трястися пещерѣ отъ множьства плища зълыихъ духовъ. Отьць же нашь Феодосий, вся си слышавъ, не убояся духъмь, ни ужасеся сьрьдцьмь, нъ оградивъся крьстьнымь оружиемь и, въставъ, начатъ пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многый трусъ не слышимъ бывааше. Таче по молитвѣ сѣдъшю ему, се пакы бещисльныихъ бѣсовъ глас слышаашеся, якоже и преже. И преподобьнууму же Феодосию ставъшю и начьнъшю оно псалъмьское пѣние, глас онъ абие ищазааше. Сице же по многы дьни и нощи творяхуть ему зълии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дондеже благодатию Христовою побѣди я, и възятъ от Бога власть на нихъ, якоже отътолѣ не съмѣти имъ ни прикоснутися ни къ мѣсту тому, идеже блаженый молитву творяше.

Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братия творяаху: овогда муку расыпающе, овогда же положеный квасъ на състроение хлѣбомъ разливааху и ину мъногу пакость творяще бѣша. Тъгда же старѣй пекущимъ, шьдъ, съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыихъ бѣсовъ. То же сь уповая, яко възятъ власть на нихъ

отъ Бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тъ, и затворивъ двьри о себе, ту же пребысть въ немь до утрьняя, молитвы творя. Якоже отъ того часа не явитися бѣсомъ на томь мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемь преподобьнааго и молитвою.

Имѣяше же обычай сиць великый отьць нашь Феодосий, якоже по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когоджо ихъ како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда, ставъ, прославяше о немь Бога, егда же пакы кого слышааше бесѣдующа дъва ли или трие съшедъшеся въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ двьри ти, тако отхожааше, назнаменавъ тѣмь свой приходъ. Таче въ утрѣй дьнь призъвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ якоже издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тъщание ихъ. Аще бо будяше братъ льгъкъмь сьрьдьцьмь и теплъ на любъвь Божию, то сий въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшеся, прощения прося отъ него прияти. Аще ли будяше пакы братъ *омрачениемь* бѣсовьскымь сьрьдьце покръвено имый, то сий станяше, мьня, яко о иномь бесѣдують, самъ чистъ ся творя, дондеже блаженый обличашети и́, епитимиею того утвьрдяше, и отъпустяше. И тако вься прилѣжьно учааше молитися къ Господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерьний молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии Бога молити, якоже кто можеть и рукама же своима дѣлати по ся дьни, псалмы Давыдовы въ устѣхъ своихъ имуще и сице же имъ глаголааше: «Молю вы убо, братие, подвигнѣмъся постъмь и молитвою, и попьцѣмъся о спасении душь нашиихъ, и възвратимъся отъ зълобъ нашихъ и от путий лукавыхъ, яже суть сии: любодѣяния, татьбы и клеветы, праздьнословия, котеры, пияньство, обиѣдание, братоненавидѣние. Сихъ, братие, уклонимъся, сихъ възгнушаимъся, не осквьрнавимы си душа своея, нъ поидѣмъ по пути Господню, ведущиимь ны въ породу, и възищѣмъ Бога рыданиемь, сльзами, пощениемь и бъдѣниемь, и покорениемь же и послушаниемь, да тако обрящемъ милость отъ него. Еще же възненавидимъ мира сего, всегда поминающе о семь Господа рекъшааго: “Аще кто не оставить отьца и матере, и жену, и дѣтий, и селъ мене ради Еуанглия, нѣсть ми достоинъ”,[38] и пакы: “Обрѣтый душю свою погубить ю, а погубивъ ю мене ради — спасеть ю”.[39] Тѣмьже и мы, братие, отърекъшеися мира, отъврьзѣмъся и сущиихъ въ немь, възненавидимъ же всяку неправьду, еже мързъкааго не сътворити, и не обратимъся на прьвыя грѣхы, якоже и пси на своя бльвотины. “Никътоже бо — рече Господь — възложь рукы своея на рало и обращься въспять, управленъ есть въ царьство небесьное”.[40] Како же мы убѣжимъ мукы бесконьчьныя, коньчавающе время жития сего въ лѣности, а не имуще покаяния? Лѣпо бо намъ есть, нарекъшемъся чьрньцемъ, то по вься дьни каятися грѣхъ своихъ: покаяние бо есть путь, приводя къ царьству, покаяние есть ключь цесарьствия, бес того бо неудобь вълѣсти никомуже. Покаяние есть путь, въводя въ породу, того пути, братие, дрьжимъся, на томь пригвоздимъ плеснѣ и стопы, къ тому бо пути не приближаеться змий лукавый, того бо пути шьствия суть прискърбьна, а послѣдь радованьна. Тѣмьже, братие, подвигнѣмъся преже дьни оного, да получимъ благая

она, избѣгнѣмъ же всѣхъ хотящихъ быти на неродивыихъ и не въ покаянии живущиихъ».

Святый убо си наставьникъ сице творяаше, къ симъ и учааше вьсю братию. Они же, яко земля жажющия воды, тако приимааху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу. овъ сьто, овъ же 60. И бѣ видѣти на земли человѣкы, житиемь акы ангелъмь тъчьны, и манастырь тъ подъбьнъ небеси, и въ немь блаженый отець нашь Феодосий паче солнца въсиявъ добрыими дѣлы, якоже се явися игумену манастыря святаго архистратига Михаила, Софронию же именьмь. Ѣдущю бо ему въ манастырь свой, нощи же сущи тьмьнѣ, и се видѣ свѣтъ надъ манастырьмь тъкъмо блаженаго отьца нашего Феодосия. И якоже чюдяся ему, славяаше Бога, глаголя: «О, колико благостыня твоея, Господи, яко показалъ еси такъ свѣтильникъ въ мѣстѣ семь — преподобьнааго сего мужа, иже, тако свѣтяся, просвѣти манастырь свой!» Сице же ини мнози, видѣвъше се многашьды, сповѣдаху се.

Тѣмьже убо слышаще князи и боляре доброе ихъ житие прихожааху къ великууму Феодосию, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу приимъше бо от того, отъхожааху, ти тако пакы приношааху ему нѣчьто мало отъ имѣний своихъ на утѣшение братии, на състроение манастырю своему. Друзии же и села въдаваюче на попечение имъ. Наипаче же зѣло любляаше блаженааго христолюбивый князь Изяславъ, предьржай тъгда столъ отьца своего, и часто же й призываше къ собѣ, мъножицею же и самъ прихожааше к нему и тако духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отъхожааше. Якоже отътолѣ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая вьсѣхъ благыихъ въ немь молитвами въгодьника своего.

Отьць же нашь Феодосий бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не отврьзаеть вратъ никомуже, и никтоже пакы да не въходить въ манастырь, дондеже будяше годъ вечерьний, яко да полудьнию сущю почиють братия нощьныихъ ради молитвъ и утрьняго пѣния.

И въ единъ день, полудьнию сущу, прииде по обычаю христолюбьць Изяславъ съ малъмь отрокъ: егда хотяше поѣхати къ блаженууму, тъгда распустяше вся боляры въ домы своя, нъ тъкмо съ шестию или съ пятию отрокъ прихожааше къ нему. Се же, яко рѣкъхъ, приѣхавъ и съсѣде съ коня, ни бо николиже ѣха на дворъ манастырьскый, и приступивъ къ вратомъ повелѣ отъврьсти, вънити хотя. Онъ же отъвѣща ему, яко повелѣние есть великааго отьца не отъврьзати вратъ никомуже, дондеже годъ вечерьний будеть. Таче пакы христолюбьць възвѣщая ему, да увѣсть, къто есть. И глаголаше: «Се бо азъ есмь, и мнѣ отъврьзи

врата единому». Онъ же, не вѣдый, яко князь есть, отъвѣщавааше ему сице: «Рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь приидеть, не отъврьзи вратъ, то уже аще хощеши, потрьпи мало, дондеже годъ будеть вечерьний». Онъ же отъвѣща, яко «Азъ есмь князь, то или мнѣ не отъврьзеши». Тъгда изникъ видѣтъ, и познавъ князя его суща, и въ страсѣ бывъ, не отъврьзе вратъ, нъ блаженууму съповѣдатъ трече, оному же стоящю предъ враты и търпящю, о семь подражающю святаго и върховьняаго апостола Петра: изведену бо бывъшю тому ангелъмь ис тьмьницѣ и пришьдъшю ему къ дому, идеже бѣша ученици его и тълкънувъшю ему въ врата, и се рабыни изникнувъши, видѣ Петра стояща, и от радости же не отврьзе воротъ, нъ, текъши, повѣда ученикомъ приходъ его. Тако же и сь от страха не отврьзе вратъ, нъ скоро текъ, повѣда блаженууму христолюбьца. Таче блаженый ишедъ и видѣвъ князя и поклонися ему, и по сихъ начатъ глаголати ему христолюбьць: «О како, отьче, запрещение твое, еже глаголеть чьрноризьць сий, яко, аще и князь приидеть, не пустити его». Блаженый же отвѣща: «Сего ради глаголють, владыко благый, повелѣние то, якоже да въ годъ полудьньный не исходять братия из манастыря, нъ починуть въ то время, нощьнааго ради славословия. Твое же Богъмь подвижьное тъщание къ святѣй владычици нашей Богородици благо и души твоей на успѣхъ. И мы же вельми радуемъся о прихожении твоемь», таче по сихъ шедъшема има въ цьркъвь и сътворивъ молитву сѣдоста. Ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточьныихъ тѣхъ словесъ и иже исхожааху от устъ преподобьнааго отьца нашего Феодосия и велику пользу приимъ отъ него, иде въ домъ свой, славя Бога. И от того дьне большиими начатъ любити и́, тако имяше его, яко единого отъ прьвыихъ святыихъ отьць и вельми послушааше его и творяаше вся повелѣная ему отъ великааго отьца нашего Феодосия.

Божествьный же Варламий, сын Иоана болярина, игуменъ же манастыря святаго мученика Дьмитрия, иже възгради христолюбивый князь Изяславъ, иде въ святый градъ Иерусалимъ. Таче походивъ святая та мѣста, възвратися въ свой манастырь и пакы по времени нѣкоторѣмь иде въ Костянтинь градъ, и ту такоже походи вся манастыря и искупивъ, еже на пользу манастырю своему, и тако поиде на конихъ въ страну свою. Идый же путьмь и уже въ странахъ своихъ си, въпаде въ недугъ лютъ. Таче, яко доиде града Володимеря, въниде въ манастырь, ту сущий близъ города, иже наричюти и Святая гора, ту же усъпе съ миръмь и житию коньць приятъ. И заповѣдавъ сущиимъ с нимь, да доправять тѣло его въ манастырь святааго и блаженааго отьца нашего Феодосия и ту положать е, и вся сущая, яже бѣ искупилъ въ Костянтини градѣ — иконы и ино, еже на потребу, повелѣвъ туда, иде же самъ, ту же и то повелѣ въдати блаженууму, якоже заповѣда имъ. Ти тако донесъше тѣло его, положиша е въ манастыри блаженаго и преподобьнааго отьца нашего Феодосия на деснѣй странѣ цьркве, идеже и донынѣ есть гробъ его.

Тъгда же христолюбивый князь от манастыря великааго отьца нашего Феодосия избьравъ единого отъ братия, иже въ чьрньчьскѣмь житии просиявъша, Исаию наричемааго, того же, изведъ, игумена постави въ манастыри своемь у святааго мученика Димитрия, иже и послѣже добрыхъ ради нравъ его, поставленъ бысть епискупъмь Ростову городу.

Тъгда же великий Никонъ, умьръшю Ростиславу князю острова того, [41] умоленъ бысть отъ людий тѣхъ преити къ Святославу князю и молити и́, да пустить къ нимъ сына своего, да сядеть на столѣ томь. Таче яко и пришьдъ, прииде въ манастырь блаженааго отьца нашего Феодосия, и яко видѣста другъ друга, падъша оба въкупѣ, поклонистася, и тако пакы охопистася, и надълзѣ плакастася, якоже много время не видѣвъшася.

По сихъ же моляшети и́ святый Феодосий не отьлучитися ему от него, дондеже еста въ плъти. Тъгда же великий Никонъ обѣщася ему, глаголя, якоже «тъкмо дошьдъ тамо и манастырь свой обрядивъ, и ту абие възвращуся въспять»; якоже и сътвори: дошьдъ бо съ князьмь Глѣбъмь[42] острова того, и оному сѣдъшю на столѣ въ градѣ томь, Никонъ же възворотися въспять. Таче пришедъ въ манастырь великааго отьца нашего Феодосия, и вься своя благая предавъ блаженууму, самъ же бѣ съ всякою радостию покаряяся ему, зѣло же любляшет и́, и богодъхновеный Феодосий, яко отьца его себе имѣяшеть. Тѣмьже, аще и коли къде отъходя, поручаше тому братию и еже тѣхъ съблюдати же и поучати, якоже старѣйшю тому сущю всѣхъ. И егда же пакы самъ поучаше братию въ цьркъви духовьныими его словесы и повелѣвааше пакы великууму Никону, яко се ис кънигъ почитающе поучение *творити* братии, таче и пакы преподобьнууму отьцю нашему Стефану, *ексиарху* тъгда сущю, послѣже же игумену сущу того манастыря по съмрьти блаженааго Феодосия, таче по томь епискупу въ Володимирьскую оболость.

Се же *и* о сихъ съповѣдахъ, таче на послѣдъцѣ о единомь блаженѣмь отьци Феодосии словеси поиду и яже о немь достойна своя ему исправления, Божию благодатию исповѣдая свѣтила просвѣщенааго отьца нашего Феодосия.

Бѣаше бо поистинѣ чловѣкъ Божий, свѣтило въ вьсемь мирѣ видимое и просиявъшее въ всемь чьрноризьцемъ: съмѣренъмь, съмыслъмь и послушаниемь, и прочиими труды подвизаяся, дѣлая по вся дьни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же въ пещьницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмь, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпъкъ тѣлъмь и сильнъ. Вься же

стражющая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никакоже раслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

Въ единъ же от дьний хотящемъ имъ праздьникъ творити святыя Богородица, и водѣ не сущи, преже же намѣненууму Феодору, сущю тъгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславьнѣмь мужи семь. Тъ же, шедъ, повѣда блаженууму отьцю нашему Феодосию, яко нѣсть къто воды нося. То же блаженый, съ спѣхъмь въставъ, начатъ воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братия видѣвы и́ воду носяща и, скоро шедъ, възвѣсти нѣколику братии, иже и съ тъщаниемь притекъше наносиша воды до избытъка. И се же пакы дръвомъ нѣколи приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздьну, да, въшедъ, приготовить дръва, еже на потребу. То же блаженый отъвѣща ему: «То се азъ праздьнъ есмь, и се поиду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възьмъ сѣчиво, нача сѣчи дръва. И се по отъядении излѣзъше братия, ти видѣша преподобьнааго игумена своего сѣкуща дръва и тако тружающася. И възятъ къждо сѣчиво свое, таже тако приготоваша дръва, якоже тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дьни.

Сице бо ти бѣ тъщание къ Богу блаженааго и духовьнааго отьца нашего Феодосия, имяаше бо съмѣрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиньнааго Бога, глаголавъшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко крътъкъ есмь и съмѣренъ сърьдцьмь».[43] Тѣмьже на таковое подвизание възирая, съмѣряшеся, послѣдьний ся вьсѣхъ творя и служьбьникъ, и собою вьсѣмъ образъ дая. На дѣло же преже вьсѣхъ исходя, и въ цьркви же преже вьсѣхъ обрѣтаяся, и послѣже вьсѣхъ излазя. Мъногашьды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы, и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа съмѣрение и простость. И никтоже его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тъкмо руцѣ умывающа. А одежа его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извьну же на ней и ина свита. И та же вельми худа сущи, и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явитися власяници сущи на *нем*. О сей одежи худѣй мнози несъмысльнии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вься приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово Господне и тѣмь утѣшая веселяшеся: «Блажени бо, — рече, — есте, егда укорять вы, егда рекуть всякъ зълъ глаголъ на вы, лъжюще мене ради. Въздрадуйтеся въ тъ дьнь и възыграйте, се бо мьзда ваша мънога на небесѣхъ».[44] Си въспоминая блаженый и о сихъ утѣшаяся, трьпяше укоризну и досажение от всѣхъ.

И се въ единъ дьнь шедъшю великууму отьцю нашему Феодосию нѣкоторааго ради орудия къ христолюбьцю князю Изяславу, далече ему

сущю отъ града. Таче яко и пришьдъ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христолюбьць, нощьнааго ради посъпания ему, на возѣ допровадити и́ до манастыря его. И яко бысть идый путьмь и возяй его, видѣвы и́ въ такой одежи сущааго, и мьнѣвъ, яко единъ от убогыхъ есть, глагола ему: «Чьноризьче! Се бо ты по вься дьни пороздьнъ еси, азъ же трудьнъ сый. Се не могу на кони ѣхати. Нъ сице сътворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могый на кони ѣхати». То же блаженый съ вьсякыимь съмѣрениемь въставъ, сѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя Бога. И егда же въздрѣмаашеся, тъгда же съсѣдъ, текъ, идяаше въскрай коня, дондеже трудяашеся, ти тако пакы на конь въсядяше. *Таче* же уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издалеча познавъше блаженааго и съсѣдъше съ конь, покланяахуся убо блаженууму отьцю нашему Феодосию. Тъгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Въсяди на конь свой». Онъ же видѣвъ, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и, *трепетенъ сыи*, въста и въсѣде на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Феодосию на возѣ сѣдящю. Вси же боляре, сърѣтъше, покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря, и се ишедъше вься братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ больми ужасеся, помышляя въ себе: кто сь есть, еже тако вьси покланяються ему? И емы и́ за руку, въведе и́ въ трапезьницю, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отъпусти и́. Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тъ, а блаженууму о семь никомуже явивъшю, нъ сице бѣ убо по вся дьни о сихъ уча братию, не възноситися ни о чемь же, нъ съмерену быти мниху, а самому мьньшю всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ вьсѣмъ покориву быти. «И ходяще *же* — глаголааше имъ — руцѣ съгъбенѣ на прьсьхъ своихъ къжьдо да имате, и никтоже васъ да не преходить въ съмѣрении же вашемь, да ся покланяете къждо другъ къ другу, якоже есть лѣпо мьниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нъ въ своей келии къждо васъ да молить Бога». Сицими же и инѣми словесы по вся дьни не престая ихъ наказааше, и аще пакы слышааше от братия, комуже сущю от мьчьтаний бѣсовьскыихъ, то сия призъвавъ и, яко въ вьсѣхъ искушенихъ бывъ, учааше и наказааше стати крѣпъцѣ противу дияволемъ къзньмъ, никакоже поступати, ни раслабѣтися от мьчьтаний и бѣсовьскыя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нъ постъмь и молитвою оградитися и Бога часто призывати на побѣду злааго бѣса. Глаголааше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испьрва. «Единой бо нощи поющю ми въ *келии* обычьныя псалъмы, и се песъ чьрнъ ста предъ мною, якоже имь мнѣ нельзѣ ни поклонитися. Стоящю же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постреченъ бывъ, хотѣхъ ударити и́, и се невидимъ бысть от мене. Тъгда же страхъ и трепетъ обиятъ мя, якоже хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы Господь помоглъ ми. Се бо малы въспрянувъ от ужасти, начахъ прилѣжьно Бога молити и часто *поклонение* колѣномъ творити, и тако отбеже отъ мене страхъ тъ, якоже отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся». Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я на зълыя духы. И тако отпущааше я, радующася и славя Бога о таковѣмь наказании добляаго наставьника и учителя ихъ.

И се исповѣда ми единъ отъ братия, именьмь Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зълии бѣси. Егда бо ему легъшю на ложи своемь, и се множьство бѣсовъ пришьдъше и за власы имъше и́, тако пьхающе, влачахути и́, и друзии же, стѣну подъимъше, глаголааху: «Сѣмо да влеченъ будеть, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могый тьрпѣти, шедъ, съповѣда преподобьнуму отьцю *Феодосию* пакость бѣсовьскую. И хотя отъити отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженый моляшети и́, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не *како* похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створьше, и оттолѣ пакы больше зъло начьнути ти *творити*, яко власть приимъше на тя. Нъ се да молишися Богу въ келии своей, да и Богъ, видя твое трьпѣние, подасть ти побѣду на ня, якоже не съмѣти имъ ни приближитися къ тебе». Онъ же пакы глаголаше ему: «Молю ти ся, отьче, *яко* отселѣ не могу пребывати въ келии множьства ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тъгда же блаженый, прекрестивы и́, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть ти никоеяже пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же вѣру имъ и, поклонивъся святууму, отъиде, и тако въ ту нощь легъ въ келии своей, съпа сладъко. И отътолѣ проныривии бѣси не съмѣша ни приближитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отьца нашего Феодосия отъгоними суще и бѣжаще отидоша.

И се пакы тъ же чьрньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сий по вся дьни и нощи писааше книгы въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну, или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къжьдо свое дѣло, и се вълниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрий дьнь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженый глагола ему: «Се, якоже видиши, уже вечеръ сущь, и утрьний дьнь далече есть. Тѣмьже иди и потрьпи мало, моляся Богу, некъли тъ помилуеть ны и попечеться о насъ, якоже самъ хощеть». И то слышавъ, икономъ отъиде. Таче, *въставъ*, блаженый иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шьдъ, сѣде дѣлая дѣло свое. И се пакы вълниде икономъ, то же глаголя. Тъгда отвѣща ему блаженый: «Рѣхъ ти, иди и помолися Богу. Въ утрий дьнь шедъ въ градъ и у продающиихъ да възьмеши възаимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдь, егда *благодѣавшу* Богу, отдамы дългъ от Бога, таче вѣрьнъ есть глаголай: “Не пьцѣтеся утрѣйшимь, и тъ не имать насъ оставити”». Таче отшедъшю иконому, и се вълезе свѣтьлъ отрокъ въ воиньстѣй одении и поклонивъся, и ничьсоже рекый, и положивъ же на стълпѣ гривьну злата[45] и тако пакы мълча излезе вънъ. Тъгда же въставъ блаженый, и възьмъ злато, и съ сльзами помолися въ умѣ своемь. Таче вратаря възъвавъ, пыташѐи, еда къто къ воротомъ приходи въ сию нощь. Онъ же съ клятвою извѣщася, яко и еще свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмь ихъ отврьзалъ, и никтоже приходилъ къ нимъ. Тъгда же блаженый, призвавъ иконома, подасть ему гривьну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе, яко не имамъ чимь купити братии требования? Нъ сице, шьдъ, купи еже на потребу братии. Въ утрѣй же пакы дьнь Богъ да попечеться нами». Тъгда же икономъ, разумѣвъ,

падъ, поклонися ему. Блаженый же учaаше и́ глаголя: «Николиже не отъчаися, нъ въ *вѣрѣ* крѣпяся, вьсю печаль свою възвьрзи къ Богу, яко тъ попечеться нами, якоже хощеть. И сътвориши братии праздьникъ великъ дьнесь». Богъ же пакы нескудьно подавааше ему еже на потребу божествьнууму тому стаду.

Блаженый же о сихъ всѣхъ по вся нощи бе-съна пребываше, *моля* Бога съ плачьмь и часто къ земли колѣнѣ прекланяя, якоже и многашьды слышаша цьркъвьнии строителе, вънегда бо годъ будяше заутрьнюму пѣнию и онѣмъ хотящемъ благословление възяти отъ него. И единъ отъ нихъ тихы шедъ и, ставъ, послушааше, ти слышашети и́ молящася и вельми плачющася и главою часто о землю биюща, таче мало отъступивъ и се начьняше рамяно шьствовати и, якоже слышааше тутънъ, умълкъняше, творяся, еже мнѣти оному, яко съпить. Оному же тълъкнувъшю и рекъшю: «Благословести, отьче!». Блаженый же мълчаше, якоже оному до трий кратъ сице тълкънувъшю и глаголавъшю: «Благослови, отьче!». То же сий, яко от съна въспрянувъ, глаголааше: «Господь нашь Исусъ Христосъ да благословить тя, чадо», и тако же пакы преже всѣхъ обрѣтаашеся въ цьркви. Сице же пакы по вся нощи съповѣдахути и́ творяща.

И бѣ въ манастыри его единъ нѣкто чьрноризьць, санъмь прозвутеръ, имьньмь Дамианъ[46], иже *ръвьнием* подражааше житию и съмѣрению преподобнааго своего отьца Феодосия. О немь же мнози съвѣдѣтельствують о добрѣмь его съмѣрении и о житии и *послушании* и еже къ вьсѣмъ покорение сътяжа. Наипаче же бывъшеи съ тѣмь въ келии ти видѣвъше кротость его и несъпание по вся нощи, и почитающа съ прилежаниемь святыя книгы, и участяща пакы на молитву; сии же ина многа съповѣдаху о мужи томь. Тому же нѣколи болящю и при коньци уже сый, моляшеся Богу съ сльзами, глаголя: «Господи мой, Исус Христе, съподоби мя съобьщнику быти славы святыихъ твоихъ и съ тѣми причаститися царствию твоему и не отлучи мене, молю ти ся, Владыко, отьца и наставьника моего преподобнааго Феодосия, нъ съ тѣмь убо причьти мя въ свѣтѣ томь, еже еси уготовалъ правьдьникомъ». Сице же ему пребывающю и молящюся, и се вънезаапу предъста у одра его блаженый Феодосий, иже и падъ на пьрсьхъ его и любьзно цѣлуя и глаголааше к нему: «Се, о, чадо, о немь же молися Господеви, се нынѣ посла мя извѣстити ти, яко сице по прошению твоему будеть ти, и съ святыми причьтенъ будеши и съ *тъми* въ царствии у небеснааго владыкы обьщьникъ будеши. И егда пакы Господь Богъ повелить ми отъ свѣта сего преставитися и приити ми къ тебе, и тъгда не имавѣ разлучитися от себе, нъ въкупѣ будевѣ въ свѣтѣ ономь». И се рекъ, невидимъ бысть от него. Тъгда же тъ разумѣвъ, яко явление от Бога бысть ему, не бо его видѣ дверьми излѣзъша, ни пакы двьрми вълѣзъша, нъ на немьже мѣстѣ явивъся, на томь же пакы и невидимъ бысть. И въскорѣ же пригласивъ служащаaго ему и пославъ по блаженааго Феодосия. Тому же въскорѣ пришедъшю, и глагола ему онъ веселъмь лицьмь: «Се, отьче, буде ли тако, якоже нынѣ явивъся обѣща ми ся».

Блаженый же, яко не вѣдый того, отвѣща: «Ни, чадо, яко не вѣмь того, еже глаголеши обѣщание». Тъгда же съповѣда ему, како молися и како явися ему тъ самъ преподобьный. То же услышавъ богодъхновеный отьць нашь Феодосий, осклабивъся лицьмь и мало прослызивъся *глаголеть* тому: «Ей, чадо! Будеть ти, якоже ти ся обѣща ангелъ, явивъся въ образѣ моемь. Азъ же, грѣшьный, како могу обьщьникъ быти славы оноя, еже уготована есть правьдьникомъ?». Обаче онъ, слышавъ обѣщание, радъ бысть. И тако братии малу събьравъшюся, цѣлова вься и сице съ миръмь предасть въ руцѣ душю пришедъшимъ по нь ангеломъ. Тъгда блаженый повелѣ ударити въ било, да съберуться братия, и тако съ лѣпотьною чьстию и съ пѣниемь погребоша чьстьное тѣло его, идеже и всю братию погрѣбаху.

По сихъ же множащися братии, и нужа бысть славьному отьцю нашему Феодосию распространити манастырь на поставление келий, множьства ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братиею дѣлая и городя дворъ манастырьскый. И се же разгражену бывъшю манастырю и онѣмъ не стрѣгущемъся, и се въ едину нощь, тьмѣ сущи велицѣ, приидоша на ня разбойници. Глаголаху, яко въ полатахъ цьркъвьныихъ, ту есть имѣние ихъ съкръвено, да того ради не идоша ни къ одиной же келии, нъ цьркви устрьмишася. И се услышаша гласъ поющихъ въ цьркви. Си же, мьнѣвъше, яко братии павечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помьдливъше въ лѣсѣ, таче мьнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, пакы придоша къ цьркви. И се услышаша тъ же глас и видѣша свѣтъ пречюдьнъ въ цьркви сущь, и благоухание исхожаше отъ цьркве, ангели бо бѣша поюще въ ней. Онѣмъ мнящемъ, яко братии полунощьное пѣние съвьршающемъ, и тако пакы отидоша, чающе, донъдеже сии съконьчають пѣние, и тъгда, въшьдъше въ цьркъвь, поемлють вься сущая въ и́. И тако многашьды приходящемъ имъ, и тъ глас аньгельскый слышащемъ. И се годъ бысть утрьнюуму пѣнию, и пономонареви биющю въ било. То же они, отъшьдъше мало въ лѣсъ и сѣдъше, глаголааху: «Чьто сътворимъ? Се бо мьниться намъ, привидѣние бысть въ цьркви? Нъ се да егда съберуться вьси въ цьркъвь, тъгда, шьдъше и от дврий заступивъше, вься я погубимъ и тако имѣние ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я, хотящю тѣмъ *святое* то стадо искоренити от мѣста того, нъ обаче ни *како* възможе, нъ обаче самъ от нихъ побѣженъ бысть, Богу помагающю молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия. Тъгда бо зълии ти человѣци, мало помудивъше, и преподобьнуму тому стаду събьравъшюся въ цьркъвь съ блаженыимь наставьникъмь и пастухъмь своимь Феодосиемь и поющемъ утрьняя псалмы, *устрьмишася* на ня, акы звѣрие дивии. Таче яко придоша, и се вънезаапу чюдо бысть страшьно: отъ земля бо възятъся цьркы и съ сущиими въ ней възиде на въздусѣ, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущеи же въ цьркви съ блаженыимь не разумѣша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свой. И оттолѣ умилишася никомуже зъла сътворити, якоже и старѣйшинѣ ихъ съ инѣми трьми пришьдъшемъ къ блаженому Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывъшее. Блаженый же, то слышавъ, прослави Бога, спасъшааго я

от таковыя съмьрьти. Онъ же поучивъ я, еже о спасении души, и тако отпусти я, славяща и благодаряща Бога о вьсѣхъ сихъ.

Сицево же чюдо о цьркви той и инъгда пакы видѣ единъ от боляръ христолюбьця Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ нощи на поли, яко 15 попьрищь от манастыря блаженааго. И се видѣ цьркъвь у облака сущу. И въ ужасти бывъ, погъна съ отрокы, хотя видѣти, кая то есть цьркы. И се яко доиде манастыря блаженааго Феодосия, тъгда же, оному зьрящю, съступи цьркы и ста на своемь мѣстѣ. Оному же тълъкнувъшю въ врата, и вратарю отвьрьзъшю ему врата, въниде и повѣда блаженому бывъшее. И оттолѣ часто приходяше къ нему и насыщаяся от него духовьныихъ тѣхъ словесъ, подаваше же и от имѣния своего на състроение манастырю.

И се же пакы инъ боляринъ того же христолюбьця идый нѣколи съ князьмь своимь христолюбьцьмь на ратьныя, хотящемъ имъ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемь, глаголя, яко «аще възвращюся съдравъ въ домъ свой, то дамь святѣй Богородици въ манастырь блаженааго Феодосия 2 гривьнѣ золота, еще же и на икону святыя Богородиця вѣньць окую». Таче бывъшю сънятию и многомъ от бою оружиемь падъшемъ. Послѣже побѣжени бывъше ратьнии, си же спасени възъвратишася въ домы своя. Боляринъ же забысть еже дасть святѣй Богородици. И се по дьньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудьне въ храминѣ своей, и се приде ему глас страшьнъ, именьмь того зовущь его: «Клименте!» Онъ же въспрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя Богородиця, иже бѣ въ манастыри блаженаго, прѣдъ одрьмь его стоящю. И глас от нея исхожааше сице: «*Почто* се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми далъ? Нъ се нынѣ глаголю ти: потъщися съвьрьшити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя Богородиця невидима бысть от него. Тъгда же болеринъ тъ, въ страсѣ бывъ, таче възьмъ, имь же бѣ обѣщалъся, несъ въ манастырь, блаженому Феодосию въдасть, такоже и вѣньць святыя Богородиця на иконѣ окова. И се же пакы по дьньхъ немнозѣхъ умысли тъ же болеринъ дати Еваньгелие въ манастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму Феодосию въ манастырь, имый подъ пазухою съкръвено святое Евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не у еще явивъшю Еуангелия, глагола тому блаженый: «Пьрьвѣе, брате Клименте, изнеси си святое Еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщалъ еси дати святѣй Богородици, ти тъгда сядемъ». Се слышавъ, онъ ужасесе о проповѣдании преподобьнааго, не бѣ бо никомуже о томь възвѣстилъ. И тако изнесъ святое то Еваньгелие, въдасть блаженому на руцѣ, и тако сѣдъ и духовьныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свой. И оттолѣ велику любъвь имяаше къ блаженому Феодосию и часто прихожааше къ нему, и велику пользу приимаше от него.

И егда же сии прихожааху къ нему, то же си и тако по божьствьнѣмь томь учении прѣдъставляаше тѣмъ тряпезу от брашьнъ тѣхъ манастырьскыихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Мъногашьды же и христолюбьцю Изяславу и таковыихъ брашьнъ въкушающю, якоже и веселяся, глаголаше блаженому Феодосию: «Се, якоже вѣси, отьче, вьсѣхъ благыихъ мира сего испълънися домъ мой, то же нѣсмь тако сладъка брашьна въкушалъ, якоже нынѣ сьде. Многашьды бо рабомъ моимъ *устроившим* различьная и многоцѣньная брашьна, ти не суть така сладъка. Нъ молю ти ся, отьче, повѣжь ми, откуду есть сладость си въ брашьнѣ вашемь?» Тъгда же богодъхновеный отьць Феодосий, хотя увѣрити того на любъвь Божию, глагола ему: «То аще, благый владыко, сия увѣдѣти хощеши, послушай насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии манастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы пещи, или кую ину службу творити, тъгда же пьрьвое шьдъ единъ от нихъ възьметь благословление отъ игумена, таче по сихъ поклониться прѣдъ святыимь олътарьмь три краты до земля, ти тако свѣщю възьжеть от святаго олътаря и отъ того огнь възгнѣтить. И егда пакы воду въливая въ котьлъ, глаголеть старѣйшинѣ: “Благослови, отьче!” И оному рекущю: “Богъ да благословить тя, брате!” И тако вься служьба ихъ съ благословлениемь съвьрьшаеться. Твои же раби, и якоже рече, дѣлають сварящеся и шегающе и кльнуще другъ друга, многашьды же и биеми суть от приставьникъ. И тако же вься служьба ихъ съ грѣхъмь сътваряеться». То же слышавъ, христолюбьць глагола: «Поистинѣ, отьче, тако есть, якоже глагола».

А иже преподобьный отьць нашь Феодосий, иже поистинѣ испълъненъ Духа Святааго, тѣмьже и Божия таланта умъноживъ, иже населивъ мѣсто множьствъмь чьрьноризьць, иже пусто суще, манастырь славьнъ сътвори. Тѣмьже не хотяше никакоже прилога творити въ немь, нъ бѣ вѣрою и надежею къ Богу въскланяяся, якоже паче не имѣти упования *имѣнием*. Тѣмьже и тако сего ради многашьды хожаше по келиямъ ученикъ своихъ, и аще чьто обрящааше у кого, ли брашьно сънѣдьно, ли одежею лише уставьныя одежа, или от имѣния чьто, сия възьмъ, въ пещь вьмѣташе, якоже вражию часть сущю и прѣслушание *грѣху*. И сице же глаголаше имъ: «Нѣсть лѣпо намъ, братие, мьнихомъ сущемъ и отвьрьгъшемъся мирьскыихъ, събьрание пакы творити имѣнию въ келию свою. Како же можемъ молитву чисту приносити къ Богу, съкровища имѣнию дьрьжаще въ келии своей? О семь слыша Господа рекуща, яко “иде съкровища ваша, ту и сьрьдьця ваша”,[47] и пакы о събирающиихъ: “Безумьне, въ сию нощь душю твою изьму, а яже събьра — кому будуть?”.[48] Тѣмьже, братие, довъльни будѣмъ о уставьныихъ одежахъ нашихъ и о брашьнѣ прѣдъложенѣмь на трапезьници от келаря, а въ келии от сицевыихъ не имуще ничьтоже, да тако съ вьсякыимь усьрьдиемь и вьсею мыслию молитву свою чисту приносимъ къ Богу». И се же и ина многа увѣщавааше я съ вьсякыимь съмѣрениемь и съ сльзами учаше вься. Не бо николиже бѣ напраснъ, ни гнѣвьливъ, ни яръ очима, нъ милосьрьдъ и тихъ, и милость имѣя къ вьсѣмъ. Тѣмьже и аще къто от святааго стада раслабѣлъ бѣ сьрьдцьмь, отидяше от манастыря, то же блаженый его ради въ велицѣ печали и скърби будяше и моляся къ Богу, дабы отблудивъшееся овьча от стада

его възвратилъ въспять. И такоже по вься дьни прѣбываше плача и моля Бога его ради, донъдеже братъ тъ възвратяшеся въспять. То же того блаженый съ радостию приимъ учаше и́ никакоже раслабѣти вражиями къзньми, ни попустити имъ на ся, нъ крѣпѣ стати. Се бо глаголааше яко «не мужьскыя есть душа, еже раслабѣти печальныими сими напастьми». Си и ина многа глаголавъ, утѣшивъ того, отпустяаше въ келию его съ миръмь.

Бѣ же ту единъ братъ слабъ сы, иже и часто отбѣгаше от блаженаго манастыря, и егда пакы приидяше, то же блаженый съ радостию его приимаше, глаголаше бо, яко не имать бо его оставити тако, да кромѣ манастыря сего съконьчаеться. Се бо аще и многашьды отходя есть от насъ, нъ сь имать въ манастыри семь коньць житию прияти. И *моляше* съ плачьмь Бога о немь, прося търьпѣния ему. Таче по мнозѣмь исхожении ему, приде единою къ манастырю, моляся великому Феодосию, дабы приятъ былъ. То же, иже поистинѣ милостивый и, яко овьча от заблужения пришьдъшее, тако того съ радостию приятъ и причьте къ стаду своему. Тъгдаже чьрьноризьць тъ, иже бѣ своима рукама дѣлая, сътяжалъ имѣния мало, бѣ бо платьна дѣлая, сия принесъ, прѣдъ блаженыимь положи. То же святый глагола ему: «Аще хощеши чьрноризьць съвьрьшенъ быти, възьмъ сия, яко ослушания дѣло есть, въвьрьзи въ пещь горущу». Онъ же, иже теплъ сый на вѣру, несъ, по повелѣнию блаженаго въвьрьже въ пещь, и тако изгорѣ. Самъ же оттолѣ живяше въ манастыри томь, прочая дьни своя проводя, и тако ту по проречению блаженаго усъпе съ миръмь. Сицева ти бѣ любы блаженаго, и сицево милосьрьдие къ ученикомъ своимъ имяше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нъ вься въкупѣ, яко пастухъ добрый, пакы пасяше, уча и утѣшая и словесы увѣщавая душа ихъ, къръмляше и напаяя не престаяше. Тѣмьже и мъногы на Божий разумъ наводяше и къ небесьному царствию направляше. Нъ се пакы на прокое отселѣ съповѣдание отьца нашего Феодосия поидемъ.

Се бо въ единъ от дний приде келарь къ сему блаженому глаголя, яко въ сий дьнь не имамъ, что прѣдъложити на ядь, се бо ни съварити чьто имамъ. Глагола тому блаженый: «Иди, потьрьпи мало, моля Бога, некъли тъ попечеться нами. Аще ли же, то да съваривъше пьшеницу, ти ту, съмятъ съ медъмь, прѣдъставиши на тряпезѣ братии, да ѣдять. Обаче же надѣюся на Бога, иже въ пустыни людьмъ непокоривыимъ хлѣбъ небесьный одъжди и источи крастѣли.[49] Тъ и намъ дьньсь мощьнъ есть пищю подати». То слышавъ, келарь отиде. И блаженый моляше Бога о сихъ. И се прѣжереченый онъ боляринъ, Богу ему възложьшю на умъ, се бо напълнивъ три возы брашьна: хлѣбъ, и сыръ, и рыбъ, сочиво же и пьшено, еще же и медъ, и то посъла къ блаженому въ манастырь. И еже видѣвъ, блаженый прослави Бога и глагола келарю: «Видиши ли, брате Феодоре, яко не имать насъ Богъ оставити, аще надѣемъся на нь вьсѣмь сьрьдцьмь. Нъ иди и сътвори обѣдъ братии великъ въ сий дьнь, се бо посѣщение Божие есть». И тако блаженый възвеселися съ братиею на обѣдѣ веселиемь духовьныимь, бѣ же самъ

ѣда хлѣбъ сухъ и зелие варено без масла и воду пия — се же ѣдь его бѣ вьсегда. И николиже его бѣ видѣти дряхла или съньзъшася на обѣдѣ сѣдяща съ братиею, нъ вьсегда весело лице имуща и благодатию Божиею бѣ утѣшаяся.

Къ сему же блаженому нѣколи приведоша разбойникы съвязаны, ихъ же бѣша яли въ единомь селѣ манастырьскѣ, хотяща красти. Блаженый же, видѣвъ я съвязаны и въ такой скърби суща, съжалиси зѣло и, просльзивъся, повелѣ раздрѣшити я и дати же тѣмъ ѣсти и пити. И тако пакы тѣхъ учаше мъного, еже никогоже прѣобидѣти и никомуже зъла сътворити. Подасть же тѣмъ от имѣния довьльное, еже на потрѣбу, и тако тѣхъ съ миръмъ отпусти, славяща Бога, якоже оттолѣ тѣмъ умилитися и никомуже зъла сътворити, нъ своими дѣлы довьльномъ *быти*.

Таково бо бѣ милосьрьдие великааго отьца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, въ скърьби суща и въ одежи худѣ, жаляашеси его ради и вельми тужаше о семь и съ плачьмь того миноваашe. И сего ради сътвори дворъ близь манастыря своего и цьркъвь възгради въ немь святааго пьрьвомученика Стефана,[50] ту же повелѣ прѣбывати нищимъ и слѣпыимъ и хромыимъ и трудоватыимъ, и от манастыря подаваашe имъ еже на потрѣбу и от вьсего сущаго манастырьскааго десятую часть даяше имъ. И еще же и по вься суботы посылаше въ потребу возъ хлѣбъ сущиимъ въ узахъ.

Въ единъ же от дьнии приде къ преподобьнуму Феодосию прозвутеръ от града, прося вина на службьу святыя литурьгия. И ту абие блаженый, призъвавъ строителя цьркъвьнаго, повелѣ налияти вина, юже ношаше викию, и дати ему. Онъ же глагола, яко «мало имамъ вина, еже тъкъмо довълѣеть на 3, или на 4 дьни святѣй литурьгии». Блаженый же отвѣща ему: «Излѣй вьсе человѣку сему, и нами Богъ да попечеться». Онъ же отшьдъ и прѣобидѣвъ святааго повелѣния, вълия ему въ викию мало вина, оставивъ на утрия цьркъвьнѣй службѣ. Прозвутеръ же, несъ, еже мало ему въда, показа блаженому Феодосию. И пакы призъвавъ пономонаря, глагола ему: «Рѣхъ ти, излѣй вьсе и о утрѣйшьниимь дьне не пьцися, не бо имать Богъ оставити цьркве сея въ утрий дьнь бе-служьбы, нъ се въ сий дьнь подасть намъ вина до избытъка». Тъгда же, шьдъ, пономонарь излия вьсе вино прозвутерови и тако и́ отъпусти. Таче по отъѣдении къ вечеру сѣдящемъ имъ, и се по проречению блаженаго привезоша 3 возы пълъны суще кърьчагъ съ винъмь, ихъ же посъла жена нѣкая, иже бѣ прѣдьрьжащи вься въ дому благовѣрьнааго князя Вьсеволода. Си же видѣвъ, парамонарь прослави Бога, чюдяся проповѣданию блаженаго Феодосия, еже якоже рече: «Въ сий дьнь вина до избытъка Богь подасть намъ», — такоже и бысть.

Бывъшю же нѣколи дьни святаго и великаго Димитрия[51], въ нь же Христа ради мучению коньць приятъ, преподобьному же Феодосию съ братиею идущу вь манастырь святаго Димитрия, и се принесоша ему хлѣбьцѣ нѣ от кыихъ зѣло чисты, ихъ же повелѣ келарю прѣдъложити на ядь оставъшии ту братии. И то же онъ, прѣслушавъся того, помысли въ себѣ, глаголя, яко «въ утрѣй дьнь, пришьдъши вьсей братии, прѣдъложю сия хлѣбы на ѣдь имъ; нынѣ же манастырьскый хлѣбъ и да прѣдъложю сей братии». Якоже помысли, такоже и сътвори. И въ утрѣй дьнь сѣдъшемъ имъ на обѣдѣ, хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ сущемъ, таче блаженый прѣзьрѣвъ и видѣ хлебы такы суща, и, пригласивъ келаря, въпрашаше его, откуду си суть хлѣби. Онъ же отвѣщева, яко «вьчера принесени суть, нъ сего ради вьчера малу сущю братии, помыслихъ въ сий дьнь вьсей братии прѣдъложити на ядь». Тъгда же блаженый глагола ему: «Лѣпо бѣ не пещися о приходящимь дьни, нъ по повелѣнию моему сътворити. И нынѣ бы Господь нашь и присно печеться нами, большими попеклъся и подалъ намъ еже на потрѣбу». Таче поведѣ единому от братиѣ събьрати въ кошь укрухы ты и, несъше, посрѣдѣ рѣкы въсыпати ѣ, оного же епитимиею утвьрьди,[52] якоже прѣслушание сътворьша.

Сицимь же образъмь творяаше, еже аще слышаше кое дѣло творимо, благословлению пьрвое не възяту бывъшю, не бо хотяаше, да святое стадо того таковааго брашьна въкусити, еже не благословлениемь сътворено и от прѣслушания суще, нъ се яко вражию часть сущю повелѣваше овъгда въ пещь горущю върмѣтати, овъгда же въ рѣчьныя струя въврѣщи.

Се же якоже по съмьрьти блаженаго отьца нашего Феодосия сицева нѣкака от прѣслушания вещь бысть, еже аще нѣсть лѣпо сьде съповѣдати ея, имь же на въспомяновение того приидохомъ и сему подобьно слово къ слову приложимъ.

Се бо по изъгнании еже от манастыря преподобьнааго нашего игумена Стефана и великому *Никону* игуменьство прѣимъшю, приспѣвъшемъ же дьньмъ святааго и великаго поста. И въ 1-вую недѣлю таковаго въздьрьжания и яко добрыимъ подвижьникомъ потрудивъшемъся въ ту недѣлю, тѣмьже уставлено бысть преподобьныимь отьцьмь нашимь Феодосиемь, въ пятокъ тоя недѣля да бывають имъ хлѣби чисти зѣло, друзии же от нихъ съ медъмь и съ макъмь творени. То же тако повелѣвъшу Никону по обычаю творити келарю, онъ же прѣслушанию творя, сълъга, рекый яко «мукы не имамъ на сътворение такыимъ хлѣбомъ». Нъ обаче Богъ не прѣзьрѣ труда и молитвы преподобьныихъ своихъ, и да пакы не разориться уставленое божьствьныимь Феодосиемь. Се бо по святѣй литурьгии идущемъ тѣмъ на постьныя ты обѣды, се отнюду же бѣ не начаятися то же, тако ти привезоша возъ таковыихъ хлѣбъ. Еже видѣвъше братия прославиша Бога, чюдящеся,

како присно Богъ печеться нми, подавая вься имъ, еже на потрѣбу, молитвами преподобьнааго имъ отьца и наставьника Феодосия. Таже по дъвоя дьнью повелѣвъшю келарю, да по обычаю хлѣбы братии испекутъ въ муцѣ той, ея же бѣ прѣже реклъ «не имамъ», то же пекущиимъ готовящемъ и тѣсто мѣсящемъ и пакы имъ лѣющемъ укропъ въ не, и се обрѣтеся ту жаба, якоже той варенѣ быти въ таковѣй водѣ и такоже то тѣмъ осквьрьни, иже от прѣслушания твореное дѣло. Богу сице изволышю на съблюдение святаго стада, иже и таковъ подвигъ сътворьше въ святую ту недѣлю, то же да не таковыихъ хлѣбъ вькусять. Нъ се, яко вражию часть сущю, гадъмь осквьрьни сию Богъ, якоже на показание тому быти. Еже о семь да не зазьрить ми никътоже от васъ, яко сии сьде въписахъ и прѣсѣчение слову сътворихъ: се бо сего ради си въписахъ, да разумѣете, яко нѣсть лѣпо намъ ни въ чемь же ослушатися наставьника игумена своего, вѣдуще, яко аще чьто утаимъ от него, нъ от Бога нѣсть потаено ничьтоже, и тъ имать въскорѣ мьсть сътворити о немь, егоже постави намъ старѣйшину и пастуха, яко да вьси послушають его и по повелѣнию его вься сътворимъ.

Обаче же уже на пьрьвое съповѣдание възвратимъся, яже о блаженѣмь Феодосии исповѣдающе.

Се бо приспѣвъшю нѣколи праздьнику Усъпения прѣсвятыя Богородиця, бѣша же и цьркви творяще праздьникъ въ тъ дьнь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вълияние въ тъ дьнь. Помысли строитель цьркъвьный въ сѣмени льнянѣмь избити масла, и то, вълиявъше въ кандила, въжещи. И въпросивъ о томь блаженаго Феодосия, и оному повелѣвъшю сътворити тако, якоже помысли. И егда въсхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышь въпадъшю въ не, мьрътву плавающу въ немь. Таче скоро шьдъ, съповѣда блаженому, глаголя, яко «съ вьсякыимь утвьрьженеемь бѣхъ покрылъ съсудъ тъ съ маслъмь, и не вѣдѣ, откуду вълѣзе гадъ тъ и утопе». То же блаженый помысли, яко Божие есть съмотрение се. Похуливъ же свое невѣрьство, глагола тому: «Лѣпо бы *намъ, брате*, надежю *имѣти къ* Богу уповающе, яко мощьнъ есть подати намъ на потрѣбу, его же хощемъ. А не тако, невѣрьствовавъше, сътворити, егоже не бѣ лѣпо. Нъ иди и пролѣй масло то на землю. И мало потьрьпимъ, моляще Бога, и тъ имать намъ дати въ сий дьнь до избытька дрѣвянаго масла». Таче уже бывъшю году вечерьнюму, и се нѣкъто от богатыихъ принесе къръчагу велику зѣло, пълъну масла дрѣвянааго, юже видѣвъ, блаженый прослави Бога, яко *тъ* въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вься, и избыся его большая часть. И тако сътвориша на утрѣй дьнь праздьникъ свѣтьлъ святыя Богородиця.

Боголюбивый же кънязь Изяславъ, иже поистинѣ бѣ теплъ на вѣру, яже къ Господу нашему Иисусу *Христу и* къ прѣчистѣй матери *его, иже* послѣже положи душю свою за брата своего[53] по Господню гласу, сь

любъвь имѣя, якоже речеся, не просту къ отьцю нашему Феодосию, и часто приходя къ нему, и духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единъ от дьний пришьдъшю тому, и въ цьркви сѣдящема има на божьствьнѣй тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечерьний. Тако же сий христолюбьць обрѣтеся ту сь блаженыимь и съ чьстьною братиею на вечерьниимь славословии. И абие Божиею волею дъждю велику лѣющюся, блаженый же, видѣвъ тако належание дъждю, призъвавъ же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашьна на ядь кънязю». Тъгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отьче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити кънязю и сущиимъ съ нимь». Глагола тому блаженый: «Ни ли мало имаши?» Отвѣща онъ: «Ей, отьче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, якоже рече, опроворотилъ таковый съсудъ тъщь и ниць положилъ». Глагола тому пакы блаженый: «Иди и съмотри истѣе, еда осталося или мало чьто от него будеть». Онъ же отвѣщаваше рекый: «Ими ми вѣру, отьче, яко и съсудъ тъ, въ немьже бѣ таковое пиво, опровратихъ и тако ниць положихъ». То же блаженый, иже поистинѣ испълъненъ духовьныя благодѣти, глагола тому сь: «Иди по глаголу моему и въ имя Господа нашего Иисуса Христа обрящеши медъ въ съсудѣ томь». Онъ же, вѣру имъ блаженому, отъиде, и пришьдъ въ храмъ, и по словеси святааго отьца нашего Феодосия обрѣте бъчьвь ту правѣ положену и пълъну сущю меду. Въ страсѣ же бывъ и въскорѣ шьдъ, съповѣда блаженому бывъшее. Глагола тому блаженый: «Мълъчи, чадо, и не рьци никомуже о томь слова, нъ иди и носи, елико ти на трѣбу кънязю и сущиимъ съ нимь; и еще же и братии подай от него, да пиють. Се бо благословление Божие есть». Таче пакы дъждю прѣставъшю, отъиде христолюбьць въ домъ свой. Бысть же тако благословление въ дому томь, якоже на мъногы дьни довъльномъ имъ тѣмь быти.

Въ единъ же пакы от дьний от единоя вьси приде мьнихъ манастырьскый къ блаженому отьцю нашему Феодосию, глаголя, яко «въ хлѣвинѣ, идеже скотъ затваряемъ, жилище бѣсомъ есть, тѣмьже и многу пакость ту творять въ немь, якоже не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутеръ молитву творить и водою святою покрапляя, то же *никако*: оставшася зълии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту». Тъгда же отьць нашь Феодосий въоруживъся на ня постъмь и молитвою по Господню гласу, еже рече: «Сь родъ изгониться ничимьже, тъкъмо молитвою и постъмь». Тѣмьже уповая блаженый, яко имать прогънати я от мѣста того, якоже дрѣвле от мѣсильниця. И прииде въ село то и вечеръ въниде единъ въ хлѣвину ту, идеже бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ двьри, ту же прѣбысть до утрьняя, молитву творя. Якоже от того часа не явитися бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никомуже. Молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, яко се оружиемь отгънани быша от вьси тоя. И тако пакы блаженый приде въ манастырь свой, яко храбъръ сильнъ, побѣдивъ зълыя духы, пакостьствующа въ области его.

Пакы же нѣколи въ единъ от дьний къ сему блаженому и преподобьному отьцу нашему Феодосию приде старѣй пекущиимъ, глаголя, яко «мукы не имамъ на испечение хлѣбомъ братии». Глагола тому блаженый: «Иди, съглядай въ сусѣцѣ, еда како мало мукы обрящеши въ немь, донъдеже пакы Господь попечеться нами». Онъ же вѣдяашеся, яко и помелъ бѣ сусѣкъ тъ и въ единъ угълъ мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригъръще, тѣмьже глаголааше: «Истину ти вѣщаю, отьче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тъ, и нѣсть въ немь ничьсоже, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомь». Глагола тому отьць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощьнъ есть Богъ, и от тѣхъ малыихъ отрубъ напълънить намъ сусѣкъ тъ мукы, иже якоже и при Илии сътвори въдовици оной, умъноживъ от единѣхъ пригъръщь мукы множьство, якоже прѣпитатися ей съ чады своими въ гладьное врѣмя, донъдеже гобино бысть въ людьхъ. Се бо нынѣ тъ же есть, и мощьнъ есть и такоже и намъ от мала мъного сътворити. Нъ иди и съмотри, еда благословление будеть на сусѣцѣ томь». То же слышавъ, онъ отьиде, и яко въниде въ храмъ тъ, ти видѣ сусѣкъ тъ, иже бѣ пьрьвѣе тъщь, и молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия пълънъ сущь мукы, якоже прѣсыпатися ей чрѣсъ стѣну на землю. Тъгда же въ ужасти бысть, видя таковое прѣславьное чюдо и, въспятивъся, блаженому съповѣда. То же святый къ тому: «Иди, чадо, и не яви никомуже сего, нъ сътвори по обычаю братии хлѣбы. Се бо молитвами преподобьныя братия нашея посъла Богъ милость свою къ намъ, подая намъ вься на потрѣбу, егоже аще хощемъ».

Тако ти тъщание бѣ къ Богу надежа преподобьнаго *Феодосиа* и тако упование имяаше къ Господу нашему Исусу Христу, якоже не имѣти надежа о земьныихъ никоеяже, ни уповати же ни о чемь же въ мирѣ семь, нъ бѣ вьсею мыслию и вьсею душею къ Богу въскланяяся и на того вьсе упование възложь, никакоже пекыйся о утрьнимь дьне и Господень глас по вься дьни имяаше на памяти сьрьдця своего, еже рече: «Не пьцѣтеся ни о чемь же и съмотри же пътиць небесьныихъ, како не сѣють, ни жьнють, ниже събирають въ житьниця своя, нъ отьць небесьный питаеть я,[54] кольми паче тѣхъ уньше есте вы». Тѣмьже по вься нощи моляшеся къ Богу съ сльзами о стадѣ своемь глаголя: «Яко ты нынѣ еси, Владыко, съвъкупилъ въ мѣсто се, и аще годѣ ти есть жити намъ въ немь, буди намъ помощьникъ и податель вьсѣмъ благыимъ. Се бо въ имя прѣсвятыя матере твоея възграженъ бысть домъ сий. Мы же пакы въ твое имя събьраны въ нь, и ты съблюди ны и съхрани от вьсякого съвѣта вьселукаваага врага и съподоби ны получити вѣчьную жизнь. Присно же вълагай въ сьрьдця наша страхъ твой, яко да тѣмь причастимъ благая она, яже уготова правьдникомъ». И тако пакы по вься дьни прѣбываше, братию уча, и утѣшая, и запрѣщая же никакоже раслабѣти, нъ крѣпѣ быти на вься труды чьрьньчьскыя. И тако прилежаниемь стадо свое пасяаше, блюды и́, еда нѣкако зълокъзньный вълькъ, въшьдъ, распудить божьствьное то стадо.

Тѣмьже о семь, якоже и человѣку нѣкоему христолюбиву и боящюся Бога явлениемь открыся еже о блаженѣмь и преподобьнѣмь отьци нашемь Феодосии и о прѣчистѣй того и непорочьнѣй молитвѣ, еще же и о святѣмь того манастыри, и от того пакы показуя ино мѣсто, якоже тѣмъ ту прѣселитися.

Есть бо мала гора, надълежащи надъ манастырьмь тѣмь, и человѣку тому туда вь нощи по ней ѣдущю, и се видѣти тому чюдо испълънь ужасти. Нощи бо сущи тьмьнѣ, свѣтъ же прѣчюдьнъ тъкъмо надъ манастырьмь блаженааго, и се, яко възьрѣвъ, видѣ пръподобьнааго Феодосия въ свѣтѣ томь, посрѣдѣ манастыря прѣдъ цьрквию стояща, руцѣ же на небо въздѣвъшю и молитву къ Богу прилѣжьно творяща. Таче тому зьрящю и чюдящюся о томь, и се ино чюдо явльшеся тому: пламень великъ зѣло от вьрьха цьркъвьнааго ишьдъ и, акы комара сътворивъся, прѣиде на другый хълъмъ, и ту тѣмь коньцьмь ста, идеже блаженый отьць нашь Феодосий цьркъвь назнамена, начатъ зьдати послѣже. Се же якоже и донынѣ есть на мѣстѣ томь манастырь славьнъ. Сий же тако пламень тъ являшеся тому, яко дуга стоя единѣмь коньцьмь на вьрьху цьркъвьнѣмь, таче и другыимь на нареченѣмь мѣстѣ, донъдеже тому заѣхавъшю за гору не видѣти того. Се же якоже то самъ видѣвъ, исповѣда единому от братия въ манастыри блаженааго, иже истиньна суть. Тѣмьже есть лѣпо намъ съ божьствьныимь Ияковъмь рещи, яко «есть Господь на мѣстѣ семь и есть свято мѣсто се и нѣсть ино, нъ се домъ Божий и си врата небесьная».

И се пакы подобьно есть рещи, еже яко пишеться таково о святѣмь и велицѣмь Савѣ.[55] Се бо въ едину нощь такоже тому шьдъшю ис келия своея и молящюся, и се показася тому стълъпъ огньнъ до небесе сущь. Таче потомь, якоже дошьдъ мѣста того, и обрѣте въ немь пещеру и ту тако въ мало дьний сътвори манастырь славьнъ. Такоже и сьде разумѣвати есть, Богу назнаменавъшю мѣсто то, еже яко видѣти есть манастырь славьнъ сущь на мѣстѣ томь, иже и донынѣ есть молитвами его цвьтущь.

Сицева ти бѣ блаженаго отьця нашего Феодосия молитва еже къ Богу о стадѣ своемь и о мѣстѣ томь, и сицево бъдѣние и несъпание по вься нощи, и тако сияше яко свѣтило прѣсвѣтьло въ манастыри томь.

Тѣмьже тако того молитвами благый Богъ ино пакы чюдо показа о святѣмь томь мѣстѣ человѣкомъ близь ту *живущемъ*, иже якоже и послѣже съповѣдаша вьсей братии бывъшее. Въ едину бо нощь слышаша гласъ бещисльно поющиихъ. То же якоже ти слышаша глас тъ, въсташа от ложь своихъ и, ишьдъше исъ храмъ и на высоцѣ мѣстѣ ставъше, съмотряху гласа того. Сияше бо и свѣтъ великъ надъ

манастырьмь блаженаго, и се видѣша мъножьство чьрьноризьць исходящь отъ ветъхыя цьркве и бяхуть грядуще на нареченое мѣсто, носяху же прѣди икону святыя Богородиця. Вьси иже ти въ слѣдъ идуще, пояху, и вьси въ рукахъ свѣщѣ горущѣ имяхуть, прѣдъ ними же идяше преподобьный отьць ихъ и наставьникъ Феодосий, Таче дошьдъше мѣста того, ту же пѣние и молитву сътворьше, възвращахуся въспять. И, якоже тѣмъ зьрящемъ, вънидоша пакы поюще въ ветъхую цьрькъвь. Се же не единъ, ни дъва видѣста, нъ мънози людие, видѣвъше сия, съповѣдааху. Си же, якоже разумѣти есть, аньгеломъ сице явльшимъся быти, имь же от братия ни единому же сихъ чювъшю, Богу сице изволышю и съкрывъшю отъ нихъ тайну сию. И якоже послѣже слышавъше, прославиша Бога, творящааго чюдеса велика и прославляющааго мѣсто то и освящающа е молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия.

Нъ се пакы лѣпо есть намъ сия съповѣдавъше на прокое похваление блаженааго съказание поити и яже о немь достойная съ истиною исповѣдающе, еже по Господи нашемь Исусѣ Христѣ того рьвьние. Се бо и сиць обычай имяше блаженый, якоже многашьды въ нощи въстая и отай вьсѣхъ исхожааше къ жидомъ, и тѣхъ еже о Христѣ прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отметьникы и безаконьникы тѣхъ нарицая, жьдаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ быти.

И се же якоже бѣ отъходя въ постьныя дьни въ прѣжѣреченую пещеру и оттуду пакы многашьды, якоже того не вѣдущю никомуже, въ нощи въставъ и, Богу того съблюдающю, отходяаше единъ на село манастырьско, и ту уготованѣ сущи пещерѣ въ съкрьвенѣ мѣстѣ, и никомуже того вѣдущю, прѣбывааше въ ней единъ до Вьрьбьныя недѣля, и такоже пакы прѣидяше пакы въ нощи въ прѣжереченую пещеру, и оттуда въ пятъкъ Вьрьбьныя недѣля къ братии излазяаше, якоже тѣмъ мьнѣти, ту ему прѣбывъшю въ постьныя дьни. И тако прѣбывааше, не дадый себѣ покоя бъдѣниемь и молитвами вьсѣми нощьныими о стадѣ своемь, моля Бога и того призывая помощьника имъ быти о вьсякомь подвизѣ ихъ, и во вься нощи обиходя дворъ манастырьскый и молитву творя, и тою огражая и яко градъмь твьрьдъмь стрѣгый, яко да не вьшьдъ змий лукавый плѣнить кого от ученикъ его. И тако бѣ оградилъ вься области его манастырьскыя.

Се бо нѣколи ятомъ бывъшемъ мужемъ разбой творящемъ от нѣкыихъ стрѣгущиихъ дому своего, и бысть съвязаномъ имъ сущемъ и ведомомъ въ градъ къ судии. И се по изволению Божию сълучися имъ миновати мимо едино село манастырьское, и единъ от зълодѣй тѣхъ съвязаныихъ, покывавъ главою на село то, глаголааше якоже «нѣколи въ едину нощь приидохомъ къ двору тому, разбой хотяще творити и поимати вься сущая, и видѣхомъ градъ сущь высокъ зѣло, яко не мощи намъ приближитися емь», Сице бо бѣ благый Богъ оградилъ невидимо вься та

съдьрьжания молитвами правьдьнааго и преподобьнааго сего мужа. Тѣмьже и божьствьный Давидъ о семь прѣдъизвѣща, рекый: «Очи Господьни на правьдьныя и уши его въ молитву ихъ».[56] Присно бо Владыка, съзьдавый ны, прикладаеть слуха своя на послушание призывающимъ и́ въистину, и такоже молитву ихъ услышавъ, спасе я. Сьде же по воли ихъ и прошению вься творить, имъ же упъвающиимъ на нь.

Сицево преподобьному и прѣблаженому отьцю нашему Феодосию пасущю стадо свое съ вьсякыимь благочьстиемь и чистотою и еще же и житие свое съ въздьрьжаниемь и подвигъмь исправляющю, бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако[57] от вьселукавааго врага въ трьхъ кънязьхъ, братии сущемъ по плъти, якоже дъвѣма брань сътворити на единого старѣйшааго си брата, христолюбьца, иже поистинѣ боголюбьця Изяслава. То же тако тъ прогънанъ бысть от града стольнааго, и онѣма, пришьдъшема въ градъ тъ, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправьдьнѣмь томь съвѣтѣ. То же, иже бѣ испълъненъ Духа Святаго, преподобьный же Феодосий разумѣвь, еже неправьдьно суще изгънание, еже о христолюбьци, глаголеть посъланому, яко «не имамъ ити на тряпезу Вельзавелину[58] и причаститися брашьна того, испълнь суща кръви и убийства». И ина же многа укоризньна глаголавъ, отпусти того, рекый, яко да възвѣстиши вься си посълавъшимъ тя.

Нъ обаче она, аще и слышаста си, нъ не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правьдьна суща человѣка Божия, ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже от вьсея тоя области отъгънаста того, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою.

Тъгда же отьць нашь Феодосий, напълнивъся Святаго Духа, начатъ того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону сѣдъша на столѣ томь, и яко отьця си и брата старѣйшаго прогьнавъша. То же тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому, овъгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличааше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличаяя того и глаголя: «Глас кръве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многыихъ дрѣвьниихъ гонитель, и убойникъ, и братоненавидьникъ приводя, и притъчами тому вься еже о немь указавъ и тако въписавъ, посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго, и удари тою о землю. И якоже отътолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша и моляаху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже такоже и от боляръ мънози

приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхуть и́ не супротивитися ему. «Се бо, — глаголааху, — на заточение хочеть тя посълати». Си же слышавъ блаженый, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсоже ми блаже въ житии семь: еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтий отлучению и селъ опечалуеть мя? Ничьсоже от таковыихъ принесохомъ въ миръ сь, нъ нази родихомъся, такоже подобаеть намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмьже готовъ есмь или на съмьрьть». И оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нъ обаче *онъ*, аще и вельми разгнѣвалъся бѣ на блаженааго, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скьрьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его. Якоже прѣже многашьды его ради завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своей, якоже съповѣдаше, слышавъ от того, чьрноризьць Павьлъ, игуменъ сый от единого манастыря, сущиихъ въ области его.

Блаженый же отьць нашь Феодосий, много молимъ бывъ от братьѣ и от вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсоже успѣшьно сими словесы, тому остася его, и оттолѣ не укаряаше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

Не по мнозѣхъ же дьньхъ разумѣвъ благый князь тъ прѣложение блаженааго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, въздрадовася зѣло, издавьна бо жадааше бесѣдовати съ нимь и духовьныихъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому прити въ манастырь свой или ни? Оному же повелѣвъшу тому приити. То же сий, съ радостию въставъ, приде съ боляры въ манастырь его. И великому Феодосию съ братиею ишьдъшу ис цьркве и по обычаю сърѣтьшю того и поклоньшемася, якоже е лѣпо кънязю, и тому же цѣловавъшю блаженаго. Таче глаголааше се: «Отьче, не дьрьзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не въпустиши насъ въ манастырь». То же блаженый отвѣща: «Чьто бо, благый владыко, успѣеть гнѣвъ нашь еже на дьрьжаву твою. Нъ се намъ подобаеть обличити и глаголати вамъ еже на спасение души. И вамъ лѣпо есть послушати того». И тако же въшьдъшема въ цьркъвь и бывъши молитвѣ сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата. И оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити. И такоже пакы по мнозѣй той беседѣ отъиде князь въ домъ свой, славя Бога, яко съподобися съ таковыимь мужьмь бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и съта[59]: се же суть словеса блаженааго, яже исходяахуть от медоточьныихъ усть тѣхъ.

Многашьды же великый Феодосий къ тому хожаше и тако въспоминаше тому страхъ Божий и любъвь еже къ брату.

И въ единъ от дьний шьдъшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ[60], и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ князьмь. Блаженый же, бѣ въскрай его сѣдя и долу нича и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: «То будеть ли сице на ономь свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словъмь блаженаго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣвааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Многашьды же пакы, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же, тако ишьдъ, того сърѣташе, радуяся, прѣдъ двьрьми храму, и тако вънидоста оба в храмъ. Се же, якоже веселяся, глаголаше преподобьному: «Се отьче, истину ти глаголю: яко аще быша ми възвѣстили отьця въставъша от мьртвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь. И не быхъ ся того тако боялъ или сумьнѣлъ, яко же преподобьныя твоея душа». Блаженый же тоже: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрьный отьць *твой* прѣдасть». Онъ же о семь умълъче, не могый чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и́ врагъ раждьглъ гнѣвъмь на брата своего, яко ни слухъмь хотяше того слышати. Отьць же нашь Феодосий бѣ по вься дьни и нощи моля Бога о христолюбьци Изиславѣ, и еще же въ ектении веля того поминати[61], яко стольному тому князю и старѣйшю вьсѣхъ, сего же, якоже рече, чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томь, не веляше поминати въ своемь манастыри. О семь же едъва умоленъ бывъ от братиѣ, повелѣ и того съ нимь поминати, обаче же пьрьвое христолюбьца, ти тъгда сего благаго.

Великый же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отьиде съ инѣма дъвѣма чьрьноризьцема въ прѣжереченый островъ, идеже бѣ манастырь съставилъ, и блаженому Феодосию мъного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донъдеже еста въ плъти, и не отходити ему от него. Обаче онъ не послушавъ его о томь, нъ, якоже рече, отъиде въ свое мѣсто.

Тъгда же отьць нашь Феодосий, напълнивъся Духа Святаагo, начатъ благодатию Божиею подвизатися, якоже въселити тому въ другое мѣсто, помагающу тому Святому Духу, и цьркъвь же велику камениемь

въздрадити въ имя святыя Богородиця и приснодѣвыя Мария, пърьвѣй бо цьркви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Въ начатъкъ же таковааго дѣла събьрася множьство людий, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажющемъ, инѣмъ же ино, и вьсѣхъ не бѣ подобьно мѣсто княжю полю, близь прилежащю. И се по строю Божию бѣ благый князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ могъ народъ, въпроси, чьто творять ту. И якоже увѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко от Бога подвиженъ показа тѣмъ мѣсто на своемь поли, веля ту възградити ту таковую цьркъвь. Се же якоже и по молитвѣ тому самому начатъкъ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженый Феодосий по вься дьни съ братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще *и не* съвьрьши его живъ сы, нъ се и по съмьрьти того, Стефану приимъшю игуменьство и Богу помагающю тому молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, съвьрьшено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся, и онъдеже малу ихъ оставъшю, и съ тѣми прозвутеру и диакону, якоже по вься дьни и ту святая литурьгия съвьрьшаеться.

Се же житие преподобьнааго и блаженааго отьца нашего Феодосия, еже от уны вьрьсты до сьде от многаго мало въписахъ. Къто бо довълънъ вся по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, къто же възможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся того достойно противу исправлению его похвалити, нъ не възмогу — грубъ сы и неразумичьнъ.

Многашьды же сего блаженаго князи и епископи хотѣша того искусити, осиляюще словесы, нъ не възмогоша и акы о камыкъ бо приразивъшеся *отскакаху*, огражень бо бѣ вѣрою и надежею, еже къ Господу нашему Иисусу Христу, и въ себе жилище Святааго Духа сьтвори. И бысть въдовицямъ заступьникъ и сирыимъ помощьникъ и убогыимъ заступьникъ и, съпроста рещи, вься приходящая, уча и утѣшая, отпущааше, убогыимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищю тѣм.

Мънози же того от несъмыслльныихъ укаряхуть, то же сий съ радостию та приимааше, се же якоже и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нъ обаче онъ, Бога моля за вься, прѣбываше. И еще же и о худости ризьнѣй мнози от невѣглас, усмихающеся тому, ругахуться. Онъ же и о томь не поскърьбѣ, нъ бѣ радуяся о поругании своемь и о укоризнѣ и вельми веселяся, Бога о томь прославляше. Якоже бо аще къто не зная того, ти видяше и́ въ такой одежи суща, то не мьняаше того самого суща блаженааго игумена, нъ яко единого от варящиихъ. Се бо и въ единъ дьнь идущю тому къ дѣлателемъ, идеже бѣша цьркъвь зижющеи, сърѣте и того убога въдовиця, яже бѣ от судии

обидима, и глагола тому самому блаженому: «Чьрьноризьче, повѣжь ми, аще дома есть игуменъ вашь?» Глагола той блаженый: «Чьто трѣбуеши от него, яко тъ человѣкъ есть грѣшьнъ?» Глагола тому жена: «Аще грѣшьнъ есть, не вѣмь, тъкъмо се вѣмь, яко многы избави от печали и напасти, и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможеть, обидимѣ сущи бес правьды от судии». Таче блаженый увѣдѣвъ, яже о ней, съжалиси, глагола той: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свой, и се, егда придеть игуменъ нашь, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и тъ избавить тя от печали тоя». То же слышавъши жена отъиде въ домъ свой, и блаженый иде къ судии и еже о ней глаголавъ тому, избави ту от насилия того, якоже тому посълавъшю възвратити той, имь же бѣ обидя ю.

Тако же сий блаженый отьць нашь Феодосий многыимъ заступьникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемь прѣслушати его, вѣдуще и́ правьдьна и свята. Не бо его чьстяху чьстьныихъ ради пърътъ, или свѣтьлыя одежа, или имѣния ради мъногаго, нъ чистаго его ради жития и свѣтьлыя душа, и поучение того многыихъ, яже кыпяхуть Святымь Духъмь от устъ его. Козьлины бо тому бѣахуть, яко многоцѣньная и свѣтьлая одежа, власяниця же, яко се чьстьная и цесарьская багъряниця, и тако, тѣмь величаяся, ходяше и житиемь богоугодьно поживъ.

И уже на коньць жития прѣшьдъ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ Богу свое отшьствие и дьнь покоя своего: правьдьныимъ бо съмьрьть покой есть.

Тъгда же уже повелѣ събьрати вьсю братию и еже въ селѣхъ или на иную потрѣбу шьли и, вься съзъвавъ, начатъ казати тиуны, и приставьникы[62] и слугы, еже прѣбывати комужьдо въ порученѣй ему службѣ съ вьсякыимь прилежаниемь и съ страхъмь Божиемь, въ покорении и любъви. И тако пакы вься съ сльзами учааше, еже о спасении души и богоугодьнѣмь житии и о пощении, и еже къ църкви тъщание, и въ той съ страхъмь стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тъкъмо къ старѣйшинамъ, нъ и къ съвьрьстьныимъ себѣ любъвь и покорение имѣти. Глаголавъ, отъпусти я, самъ же, вълѣзъ въ келию, начатъ плакатися, бия въ пьрьси своя, припадая къ Богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемь и о мѣстѣ томь. Братия же, ишьдъше вънъ, глаголаху къ себѣ: «Чьто убо сий сицево глаголеть? Еда, къде отшьдъ, съкрытиси хощеть въ тайнѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдущемъ его», — якоже многашьды въсхотѣ тако сътворити, нъ умоленъ бывааше о томь от князя и от вельможь, братии о томь паче молящися. И такоже и ту тако тѣмъ мьнящемъ.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу и́, и не могый къ тому ничьтоже, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля Божия да будеть, и якоже изволися ему о мънѣ, тако да сътворить! Нъ обаче молю ти ся, Владыко мой, милостивъ буди души моей, да не сърящеть ея противьныихъ лукавьство, нъ да приимуть ю ангели твои, проводяще ю сквозѣ пронырьство тьмьныихъ тѣхъ *мытарствъ*, приводяще ю къ твоего милосьрьдия свѣту». И си рекъ, умълъче, къ тому не могый ничьтоже.

Братии же въ велицѣ скърьби и печали сущемъ его ради. Потомь онъ 3 дьни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многыимъ мьнѣти, якоже уже умрѣтъ, тъкъмо же малы видяхуть и еже сущю душю въ немь. Таче по трьхъ дьньхъ въставъ, и братии же вьсей съберавъшися, глагола имъ: «Братие моя и отьци! Се, яко уже вѣмь, врѣмя житию моему коньчаваеться, якоже яви ми Господь въ постьное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хощете, да азъ поставлю и́ вамъ въ себе мѣсто игумена». То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь въпадоша, и по сихъ излѣзъше вънъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и якоже съ съвѣта вьсѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суща цьркъвьнааго.

Таче пакы въ другый дьнь блаженый отьць нашь Феодосий, призъвавъ вьсю братию, глагола имъ: «Чьто, чада, помыслисте ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?». Они же вьси рекоша, яко Стефану достойну быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженый же, того призъвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я, нарекъ имъ дьнь прѣставления своего, яко «въ суботу, по възитии сълньця, душа моя отлучиться от тѣлесе моего». И пакы же призъвавъ Стефана единого, учааше и́, еже о паствѣ святааго того стада, *се* бо и не отлучашеся от него, служа тому съ съмѣрениемь, бѣ бо уже болѣзнию лютою одьрьжимъ.

И якоже пришьдъши суботѣ и дьни освитающу, посълавъ, блаженый призъва вьсю братию, и тако по единому вься цѣлова, плачющася и кричаща о разлучении таковааго имъ пастуха. Блаженый же глагола имъ сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вься вы цѣлую, яко отхожю къ Владыцѣ, Господу нашему Исус Христу. И се вамъ игуменъ, его же сами изволисте. Того послушайте, и отьця того духовьнааго себѣ имѣйте, и того бойтеся, и по повелѣнию его вься творите. Богъ же, иже вься словъмь и прѣмудростию сътвори, тъ васъ благослови и сънабъди от пронырливаго без бѣды, и неподвижиму и твьрьду яже къ тому вѣру вашю да съблюдеть въ единоумии и въ единой любъви до послѣдьняаго издыхания въкупѣ суще. Дай же вамъ благодать, «же работати тому бес прирока, и быти вамъ въ единомь

тѣлѣ и единѣмь духъмь въ съмѣрении сущемъ и въ послушании. Да будете съвьршени, якоже и отьць вашь небесьный съвьршенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семь же молю вы и заклинаю: да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постьныя дьни прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла, и да никътоже от людий мене, нъ вы едини сами да погребете въ прѣжереченѣмь мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братия от усть святаго отьца плачь и сльзы изъ очию испущааху.

Блаженый же пакы утѣшая глаголааше: «Се обѣщаюся вамъ, братия и отьци, аще и тѣлъмь отхожю от васъ, нъ духъмь присно буду съ вами. И се, елико же васъ въ манастыри семь умьреть, или игуменъмь къде отсъланъ, аще и грѣхы будеть къто сътворилъ, азъ имамъ о томь прѣдъ Богъмь отвѣщати. А иже отъидеть къто о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томь орудия не имамъ. Обаче о семь разумѣйте дьрьзновение мое, еже къ Богу: егда видите вься благая умножающаяся въ манастыри семь, вѣдите, яко близь владыкы небесьнааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и вьсѣмь умаляющеся, тъгда разумѣйте, яко далече ми Бога быти и не имуща дьрьзновения молитися къ нему».

Таче по глаголѣхъ сихъ отпусти я вънъ вься, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братиѣ, иже вьсегда служааше ему, малу сътворь скважьню, съмотряше ею. И се блаженый въставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ сльзами милостивааго Бога о спасении душа своея, вься святыя призывая на помощь и наипаче же — святую владычицю нашю Богородицю, и тою Господа Бога Спаса нашего Исус Христа моля о стадѣ своемь, и о мѣстѣ томь. И тако пакы по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемь и, мало полежавъ, таче възьрѣвъ на небо, и великъмь гласомь, лице весело имый, рече: «Благословленъ Богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожю свѣта сего!» Се же, якоже разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томь опрятавъся, и нозѣ простьръ, и руцѣ на пьрьсьхъ крьстообразьнѣ положь, прѣдасть святую ту душю въ руцѣ Божии и прѣложися къ святыимъ отьцемъ.

Тъгда же братия сътвориша надъ нимь плачь великъ и тако, възьмъше того, несоша въ цьркъвь, и по обычаю святое пѣние сътвориша. Тъгда же, акы нѣ от коего божьствьнааго явления, подвижеся вѣрьныихъ множьство, и съ усьрьдиемь сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, донъдеже блаженааго изнесуть. Благовѣрьный же князь Святославъ бѣ не далече от манастыря блаженааго стоя, и се видѣ стълъпъ огньнъ, до небесе сущь надъ манастырьмь тѣмь. Сего же инъ никътоже видѣ, нъ тъкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженаго, и глагола сущимъ съ нимь: «Се, якоже мьню, дьньсь блаженый Феодосий умьре». Бѣ бо прѣже того дьне былъ у него

и видѣлъ болесть его тяжьку сущю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томь много.

Братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимь и ожидающе, донъдеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришьли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дъждь. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждь прѣста и сълньце въсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша и́, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и без брашьна вьсь дьнь прѣбыша.

Умрѣтъ же отьць нашь Феодосий въ лѣто 6 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ суботу, якоже прорече самъ, въсиявъшю сълньцю.

---

[1] *...писавъшю ми о житие... Бориса и Глѣба...* — Нестором написано также «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба». Как полагают, тот же Нестор создал и новую редакцию русской летописи — «Повесть временных лет». Сведения о Киево-Печерском монастыре и о Феодосии в «Повести временных лет» (в статьях 1051, 1074 и 1091 гг.) дополняют рассказ «Жития», но в ряде случаев и противоречат ему.

[2] *Аще имате вѣру... послушаеть васъ.* — Мф. 17, 20.

[3] *Яко мнози приидуть ...въ царствии небесьнѣмь.* — Мф. 8, 11.

[4] *Мнози будуть послѣдьнии пръвии.* — Мф. 19, 30.

[5] *...великааго мѣню Антония...* — Антоний Великий (III—IV вв.) — отшельник, признаваемый церковью как основоположник монашества.

[6] *Зълый рабе ...истязалъ е.* — Мф. 25, 26.

[7] *Еже глаголю ...въ домъхъ.* — Мф. 10, 27.

[8] *Градъ есть... 50 попьрищь... именемь Васильевъ.* — Город юго-западнее Киева на реке Стугне; поприще — древнерусская мера длины, в данном случае близка по значению к версте.

[9] *...Феодосиемь того нарицаеть.* — В переводе с греческого «Феодосий» — «данный, посвященный Богу».

[10] *...стадо богословесьныхъ овьць, донъдеже пастуха избьра.* — Традиционные в древнерусской книжности символы: «пастух», «пастырь» — священник или игумен, «овцы», «стадо»— прихожане или монахи, «волк» или «враг» — дьявол.

[11] *Рабе благый, верьне умноживый преданый талантъ...* — В данном месте имеется в виду евангельская притча о рабах, которым господин, уезжая, оставил на сохранение свои сокровища (талант — денежная единица в Древнем Востоке). Один раб закопал деньги в землю, а другие пустили их в оборот и вернули господину с прибылью (см.: Мф. 25, 14—30). Здесь речь идет о том, что данный тебе талант (способность) не следует скрывать, его нужно развивать в деле.

[12] *Придѣте, благое стадо... съложения миру.* — Ср.: Мф. 25.

[13] *Придѣте, убо... вамъ царствие.* — То же.

[14] *...о святыхъ мѣстѣхъ...* — о Палестине, куда в средневековье часто отправлялись паломники.

[15] *...золодѣй врагъ...* — Здесь и в дальнейшем словом «враг» обозначается дьявол.

[16] *Примѣте и ядите... въ оставление грѣховъ.* — Мф. 26, 26 и 28.

[17] *Аще кто не оставить... нѣсть мене достоинъ.* — Ср.: Мф. 10, 37—38.

[18] *Придѣте къ мънѣ ...покой душамъ вашимъ.* — Мф. 11, 28—29.

[19] *...о блаженѣмь Антонии...* — см. о нем в «Повести временных лет» под 1051 г.

[20] *...великому Никону...* — Никон — монах, а позднее игумен Киево-Печерского монастыря; он был составителем летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет».

[21] *Вижь съмѣрение мое... грѣхы моя.* — Пс. 24, 18.

[22] *Близъ Господь призывающиимъ ...спасеть я.* — Пс. 144, 18-19.

[23] *...иде бо ...посредѣ их.* — Мф. 18, 20.

[24] *...удобѣе есть вельбуду ...вънити.* — Мф. 19, 24.

[25] *Никто же возложь ...небеснѣмь.* — Лк. 9, 62.

[26] *...на конь поеха къ старцю... яко Антоний и иже...* — Этот текст восполняется по Киево-Печерскому патерику; в Успенском сборнике утрачен лист с этим текстом.

[27] *Князь Изяслав* — старший сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069 гг., когда княжил Всеслав).

[28] *Тъгда глагола ему жена его...* — Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского князя Мешко II; события, о которых говорит Гертруда, быть может, — восстание 1037 — 1038 гг.

[29] *...възваша бо... духъмь спасеть.* — Пс. 33, 18, 19.

[30] *...якоже се апостола Павьлъ и Варнава... въ Дѣянихъ апостолъ.* — О проповеди христианства апостолами Павлом и Варнавой рассказывается в Новом завете (Деян. гл. 11—14).

[31] *...островъ Тьмутороканьскый...* — Имеется в виду Тмутороканское княжество, располагавшееся на Таманском полуострове.

[32] *...въ манастырь святаго мученика Димитрия и ту игуменъмь поставленъ.* — Речь идет о Дмитриевском монастыре, построенном киевским князем Изяславом Ярославичем. Монастырь находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, невдалеке от Киево-Печерского монастыря.

[33] *Иже аще кто въ васъ... всѣмъ слуга.* — Ср.: Лк. 32, 26; Мф. 20, 26—27.

[34] *Правьдьникъ бо... умножиться.* — Пс. 91, 13.

[35] *...уставъ Студийскааго манастыря...* — Студийский монастырь в Константинополе славился в XI в. своим строгим уставом.

[36] *...святыихъ мясопущь...* — Неделя мясопустная, предшествующая Великому посту.

[37] *...до Врьбьныя недѣля...* — Вербное воскресенье – воскресный день шестой недели Великого поста.

[38] *Аще кто не оставить... достоинъ.* — Мф. 10, 37.

[39] *Обрѣтый душю... спасеть ю.* — Мф. 10, 39.

[40] *Никътоже бо... царьство небесное.* — Лк. 9, 62.

[41] *...умьрьшю Ростиславу князю острова того...* — О смерти Ростислава Владимировича см. в «Повести временных лет» под 1066 г.

[42] *...съ князьмь Глѣбьмь...* — Глеб, сын Святослава Ярославича, княжил в Тмуторокани в начале 60-х гг., в 1064 г. был изгнан Ростиславом; после его смерти в 1066 г. тмутороканцы вновь попросили Глеба стать их князем.

[43] *Навыкнѣте отъ мене... съмѣренъ сьрьдцьмь.* — Мф. 11, 29.

[44] *Блажени бо... мънога на небесѣхъ.* — Ср.: Мф. 5, 11—12; Лк. 6, 22—23.

[45] *...гривьну злата...* — Гривна — денежная единица; здесь, возможно, речь идет о золотом слитке достоинством в гривну.

[46] *...единъ нѣкто чьрноризьць... имьньмь Дамианъ...* — О Дамиане (Демьяне) см. в «Повести временных лет», в статье 1074 г.

[47] *...иде съкровища ваша, ту и сърьдця ваша.* — Лк. 12, 34.

[48] *Безумьне... душу твою изьму, а яже събьра — кому будуть?* — Лк. 12, 20.

[49] *...въ пустыни людьмъ непокоривыимъ хлѣбъ небесьный одъжди и источи крастѣли.* — В Библии рассказывается, как Бог ниспослал с неба манну и перепелов блуждавшим по пустыне евреям (Исход. 16, 13—14).

[50] *...святааго пьрьвомученика Стефана...* — Согласно библейскому преданию (см. Деян. гл. 6—7), Стефан — дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря Калигулы (12—41).

[51] *Бывъшю же нѣколи дьни святаго и великаго Димитрия...* — День памяти святого Дмитрия Солунского; в честь его и был основан князем Изяславом монастырь, не раз упоминаемый в «Житии Феодосия».

[52] *...епитимиею утвьрьди...* - Епитемья – наказание, состоящее в необходимости совершения каких-либо благочестивых деяний: усердной молитвы, определенного числа поклонов, воздержания от сна, строгого поста и т. д.

[53] *Боголюбивый же кънязь Изяславъ... послѣже положи душю свою за брата своего...* — О гибели Изяслава рассказывается в «Повести временных лет», в статье 1078 г.

[54] *съмотри же пътиць... питаеть я.* — Мф. 6, 26.

[55] *...о святѣмь и велицѣмь Савѣ* — Савве Освященном, византийском святом.

[56] *Очи Господьни... въ молитву ихъ.* — Пс. 33, 16.

[57] *...бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако...* — Речь идет о событиях 1073 г., когда киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан из своего удела братьями — Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Киевским князем стал Святослав и оставался им до своей смерти в 1076 г.

[58] *...на тряпезу Вельзавелину...* — т. е. на пир, устраиваемый Святославом, грубо нарушившим заповедь своего отца Ярослава.

Иезавель — жестокая и коварная жена царя Ахава, о которой повествуется в Библии (3 Цар. гл. 18).

[59] *...паче меду и съта...* — Сыта — сладкий напиток на меду.

[60] *...другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ...* — Органы и замры (?) — ударные и духовые музыкальные инструменты.

[61] *...въ ектении веля того поминати...* — то есть упоминать в заздравной молитве.

[62] *...тиуны, и приставьникы...* — Тиун, приставник — эконом, управляющий хозяйством, дворецкий.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее; «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят Бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник Божий. Об этом и сам Господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и почиют с Авраамом, и с Исааком и Иаковом в царствии небесном», и еще:

«Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосии в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому бытию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса Божьи, — вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это Бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к Богу со словами: «Владыка мой, Господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосией. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух Святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие Божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы

только светом ее насладиться. О милосердие Божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока взошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, Владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, Господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, Бога и Господина. Вот, о Владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоем поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил Господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости Господа своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство».

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобнаго Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к Господу, и да сподобимся услышать слово Владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные Отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божьей, и ходил каждый день в церковь Божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать

же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосии радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предначертал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет терниeм и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтоб не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосии пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосии вернулся к прежнему

своему подвижничеству и каждый день ходил в Божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирялись. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: “Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов”. Если уж сам Господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня стать содеятелем плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосии снова стал молиться Богу и ежедневно ходить в церковь Божию, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосии недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосии некоторое время спустя пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Положите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосии, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле Божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут,

и один только Бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосии о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и неприглядное всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосии отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосии снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосии всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в

упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаешься с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот ослушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и

не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосии и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Феодору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш Феодосии вышел победителем в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению Богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и великом Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах Богу, и Бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и полюбил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово Господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно Богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего позовут тебя назад. Господь говорит: “Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не найдет себе места в царствии небесном”; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к Богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи, и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы Божий, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед Богом явишься лжецом и отступником его». И отвечал ему отрок: «Верю Богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облек его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал, «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав, что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гневе обратившись к Никону, спросил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати Божьей я постриг их, по повелению небесного царя и Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так: «Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне

не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устрашился гнева Божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде , чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь Господу Богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христолюбивый князь Изяслав, то воспылал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести чрез весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к Богу Варлаам — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с Божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному Богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него Бога. И Бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и Господь услышал их, и от всех печалей избавил их. Близок Господь сокрушенным сердцем и спасает смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не

хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили Бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по Божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посовещавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, перенося холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и доныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по Божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и поныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславле. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда блаженный отец наш Феодосии по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой

небольшую церквушку во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному Богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосии смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах Бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молол за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую блюл и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им Господни слова, говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а Бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосии присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и Духом Святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосией.

Некоторое время спустя послал Феодосии одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосии повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — Богом так было задумано

для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облекал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

Всегда после дней святого мясопуста отец наш Феодосии уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до Вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию Тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не устрашился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая себе на помощь Господа Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосии, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосии и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с Божьей помощью и не приобрел от Бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от Бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосии имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издалека, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться Господу и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы. И так им говорил: «Молю же вас, братья, подвигнемся постом и молитвой, и попечемся о спасении душ наших, и отступим от пороков наших и от путей неправедных, которые же суть: любодеяние, воровство и клеветы, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение. От всего этого, братья, отвратимся, всего того станем гнушаться, не оскверним этим души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в рай, и обратимся к Богу с рыданием и слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием, и тем обретем милость его. Еще же возненавидим мир этот, всегда помня Господа, о сем сказавшего: “Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села ради меня и Евангелия, тот меня не достоин”, и еще: “Обретший жизнь свою — погубит душу, а потерявший жизнь меня ради — душу спасет”. Поэтому и мы, братья, отрекшиеся от мира, отвергнем и все ему присущее, возненавидим же всякую неправду, чтобы мерзости никакой не сотворить, и не вернемся к прежним грехам, как псы возвращаются на свою блевотину. “Тот, — говорит Господь, — кто, возложив руки свои на плуг, оборачивается назад, не достоин войти в царство небесное”. Как же мы избавимся от мук бесконечных, если проведем жизнь свою в праздности и не зная покаяния? Ибо подобает нам, назвавшимся чернецами, всякий день каяться в грехах своих, ибо покаяние — это путь, ведущий к царству, покаяние — это ключ к царству, без него туда не вступить никому. Покаяние — это путь, ведущий в рай, того пути, братья, и станем держаться, на том поставим свои ноги и стопы, к тому пути ведь не приближается змей лукавый, шествие по пути тому

скорбно, но зато впереди ожидает радость. Поэтому, братья, встанем на подвиг, не дожидаясь дня того, чтобы обрести блага эти, избегнем всего, что ожидает нерадивых и живущих без покаяния».

Святой же наставник этот так поступал, тому и учил всю братию. Они же, как земля, жаждущая воды, принимали слова его, принося плоды трудов своих Господу — кто сто, а кто 60. И были видны на земле люди словно бы уподобившиеся ангелам, и монастырь тот был подобен небу, и в нем блаженный отец наш Феодосии ярче солнца сиял добрыми деяниями, как это было явлено игумену монастыря святого архистратига Михаила по имени Софроний. Как-то он ехал в монастырь свой, а ночь была темная, и вдруг увидел свет только над монастырем блаженного отца нашего Феодосия. И удивился он и, прославив Бога, возгласил: «О, сколь велика благостыня твоя, Господи, что показал ты такой свет на месте сем — преподобного этого мужа, который, так сияя, озарил и монастырь свой!» О том же рассказывали не раз и иные многие.

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил Бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосии повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел по обыкновению христолюбец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христолюбец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что

перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру, когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христолюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христолюбец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя Богом подвигаемая забота о святой владычице нашей Богородице — благо есть, и твоей душе на пользу, И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христолюбивый князь насладился медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя Бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его, словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосии.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Димитрия, построенного христолюбивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторе время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что накупил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и доныне находится его гробница.

В то же время христолюбивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей

монашеской жизнью, по имени Исайю, и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Димитрия; он впоследствии за добродетели свои был поставлен епископом города Ростова.

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосии, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинился ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосии, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством, все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Феодор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Феодор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Феодор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному Богу, вещавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосии, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово Божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевеща на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосии по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосии поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосии

смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосии свой путь, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и, издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас, и в страхе вскочил, и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосии сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосии, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите, — говорил он им, — руки держите прижав к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать Бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы Господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною». К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих Бога за такие наставления доброго наставника и учителя их.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые

духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получат власть над тобою. Но молись ты Богу в келье своей, и Бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выспался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим долг, ибо истинны слова: “Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит”». Как только удалился эконом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и ни слова не говоря, положил на стол золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь Богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в

церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, и, отступив немного, снова подходил, громко топая, а Феодосии, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный же в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосии, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и много еще поведали они о муже том. Когда же заболел он и настал его смертный час, то обратился к Богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня войти в царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, Владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосии, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, Господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился Господу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в царство небесного владыки. Когда же Господь Бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от Бога, ибо не видел, ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же, не медля, позвал прислуживавшего ему и послал его за блаженным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что приходив, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосии улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды темной ночью пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельям, а устремились к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо Бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил Бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, также славящих и благодарящих за все Бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил

к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А некий другой боярин того же христолюбца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христолюбцем против вражеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой Богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой Богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой Богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой Богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой Богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой Богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой Богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосии, желая укрепить благочестие князя, сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлебы печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду

наливает в котел, говорит старшему: “Благослови, отче!” И тот отвечает: “Бог да благословит тебя, брат!” И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христолюбец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосии поистине был исполнен Святого Духа, потому и смог умножить божественное богатство и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждой уповал на Бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к Богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит Господь: “Где сокровища ваши, там и сердца ваши”; и еще о тех, кто собирает их: “Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?” Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к Богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился Богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него Бога, пока тот брат не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его, наставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что «не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей». Такими и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему было в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него Бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосии же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и

вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего ослушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в Бога, по повелению блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбился, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости Божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля Бога, чтобы позаботился о нас. Или же, на крайний случай, свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на Бога, который в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами. Тот Бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться Богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению Божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил Бога и обратился к келарю: «Вот видишь, брат Феодор, что не оставляет нас Бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение Божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой, — такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью Божьей.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их связанными и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег на все необходимое и отпустил их с миром, славящих Бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана, и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина до избытка», — так и случилось.

Как-то в день святого и великого Димитрия, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосии с братией отправились в монастырь святого Димитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосии повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы Господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто таковое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще преподобным отцом нашим Феодосией, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлебы, и другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, ослушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, Бог не оставил труда и молитв преподобных своих, чтобы не было попрано установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога, удивляясь, как постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом ослушания. Случилось же то по изволению Божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таковых хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его Бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем ослушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от Бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой Богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампады. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то увидел, что в нем плавает упавшая туда мертвая мышь. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление Божьей заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на Бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся Богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком».

Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную деревянного масла, увидев которую, прославил блаженный Бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправил все лампады, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой Богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву Господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле Божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, опрокинул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую: и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полн меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божье». Тем

временем дождь перестал, и христолюбец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосии вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал Господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших во владениях его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлебы. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусеке, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока Господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни, — и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосии: «Поверь мне, чадо, что велик Бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может Бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлебы для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам Бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на Бога у преподобного Феодосия, так уповал он на Господа нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не

возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к Богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас Господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют, не жнут, не собирают в житницы свои, но отец небесный питает их, насколько же вы лучше их». Поэтому он еженощно со слезами молил Бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, Владыка, собрал ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христолюбивому и боящемуся Бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться. Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося Богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся огненный столб и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосии указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и доныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не заехал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что «сам Господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом Божий и врата небесные».

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы. Однажды ночью он также вышел из кельи своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени построил там славный монастырь. Так и здесь следует

понимать, что Бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой Бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей услышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой Богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосии. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле Божьей скрыта была от них эта тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили Бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о рвении его за Господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый Богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до Вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу Вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля Бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор

монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле Божьей, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой Бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи Господни устремлены на праведных, и уши его внимают молитвам их». Постоянно ведь Владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христолюбца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосией, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к неправедному их союзу. Но тот, исполненный Духа Святого, преподобный Феодосии, видя, что несправедливо изгнан христолюбец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял их, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек Божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосии, исполнившись Духа Святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая беззаконное изгнание брата

перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к Богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступиться и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосии после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосии же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосии с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не впустишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать

это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосии приводить примеры из Священного писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя Бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосии посещал князя и напоминал ему о страхе Божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался пред ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосии дни и ночи молил Бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого.

А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на упомянутый выше остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосии не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный Духа Святого, задумал по благодати Божьей перенести монастырь на новое место и, с помощью Святого Духа, построить большую каменную церковь во имя святой Богородицы и присснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле Божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно Богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосии каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с Божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до нынешних — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на Господа нашего Иисуса Христа и Святой Дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех Богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это Бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к

строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосии заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, Святым Духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багряницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к Богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божьим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь Богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля

Божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, Владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том Господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосии, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к Владыке, Господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно Богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает Господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте,

которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед Богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому Богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу Богородицу, и молил ее именем Господа Бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно: «Благословен Бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки Божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинуясь божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что вправду умер Феодосии, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле Божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосии в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВА ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко

ВСТУПЛЕНИЕ

Рукописная традиция донесла до нас целый ряд сочинений Феодосия Печерского — свидетельства его пастырской деятельности в монастыре и в миру. Большую часть литературного наследия основателя Киево-Печерского монастыря составляют поучения к инокам. Сохранились учительные слова Феодосия, обращенные к монастырской братии, в которых запечатлен тот духовный труд, что был положен им на устроение обители. Игумену должно было заботиться и об усвоении и исполнении богослужебного устава, и об устроении и соблюдении церковного благочиния, и о христианском воспитании нравственности иноков. Дошедшие до нас Слова передают ту настойчивость и неустанное душевное напряжение, с которыми делал это Феодосий. Житие рассказывает об обычае преподобного Феодосия удаляться в затвор на время Великого поста ради сосредоточенной молитвы и покаяния. Одно из публикуемых здесь поучений, «Слово утѣшно къ братии о душевнѣй ползѣ», как раз сохранило в своем содержании свидетельство того, что оно написано из затвора: даже ненадолго покидая братию, игумен не оставлял ее своим попечением. Очевидно,

уединение на время поста создавало ему, кроме всего прочего, еще и наиболее благоприятную возможность для обдумывания своих мыслей и для писательского труда.

Монашество составляло главную часть паствы Феодосия Печерского, но он был пастырем и мирских людей. Особое место среди духовных чад Киево-Печерского игумена занимал великий князь киевский Изяслав Ярославич, внук крестителя Руси Владимира I Святославича. Предание, зафиксированное «Житием Феодосия», свидетельствует об очень близких отношениях великого князя с преподобным Феодосием. Рукописная традиция сохранила до наших дней два послания Феодосия к Изяславу с наставлениями по поводу поста и о том, как надо относиться к латинянам, то есть католикам. И поучения инокам, и поучения князю, первоначально обращенные к совершенно конкретным лицам, со временем превратились в поучения для всех православных христиан, ибо благодаря неугасающей рукописной традиции продолжали из века в век обращаться все к новым и новым поколениям людей.

Венцом христианского подвижничества Феодосия Печерского можно назвать его молитву за всех христиан, молитву, по содержанию которой особенно ясно видно, за что было дано ему в народном предании прослыть «светильником всея Руси», — за то, что был он именно таким молитвенником за всех.

Мы публикуем избранные поучения Феодосия Печерского (полное их научное издание см.: *Еремин И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 159—184) по следующим рукописям: Слово о терпении, любви и посте, Поучение о терпении и смирении, Слово утешительное к братии о душевной пользе — *РГБ*, собр. Румянцева, № 406, XV в., л. 105 об. — 108 об., 111 об.—114 об., 99 об.—101 об.; Поучение келарю — *РНБ*, Софийское собр., № 1262, XV в., л. 125; Послания к князю Изяславу Ярославичу — *РНБ*, Софийское собр., № 1285, XV в., л. 100—102 об.; Молитва за всех христиан — *ГИМ*, Синодальное собр., № 235, пергаменная Псалтырь 1296 г., л. 275—277.

ОРИГИНАЛ

В ЧЕТВЕРГ 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИА СЛОВО О ТРЪПѢНИИ И О ЛЮБВИ И О ПОСТѢ

Господи, благослови!

Многажды друзии отгоними мною искушениа ради, а не останутся, дондеже получать святый тьй даръ. То что створю, не вѣмъ, убогый! Аще бо умолчю вашего ради роптаниа, угождаа вамъ вашеа ради

слабости, то камение възъпиеть. Не азъ бо то глаголю, но они свѣтила вселеныа всея, истиннии стлъпи, правыя вѣры всадители, наставници всему доброму благонравию, вожди истиннии и свѣтила негасущая. Нынѣ бо печалуемь и скорбимъ о инѣх богоувѣдѣнии, о нѣмже бы нам радоватися и хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят час пришедшим не похули их опождениа, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъутра дѣлавшим; ропщющим бо на винограднаго владыку, *что бо рече*: «Друже, не обижю тебе; не тако ли съвѣщах с тобою, и не лѣт ли ми въ своих, якоже хощу».[1]

Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ приемъ заповѣд благаго Владыкы, се вѣщаю вамъ: лѣпо бо бяше намъ от трудовъ своих кръмити убогыа и странныя, а не празднымъ пребывати, прѣходити от келии въ келию. Слышасте бо Павла, глаголюща: «Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох, но нощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдах, и руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»,[2] и пакы: «Праздный да не ясть».[3] Мы *же* ничсоже того не сотворихомъ. Аще бы не благодать Божиа приспѣла на нас и кръмила боголюбивыми человѣкы, что быхом сътворили, на своя труды зряще, да аще речемъ: пѣниа ради нашего или поста ради или бдѣниа та намъ вся приносять, и за всѣх бо за приносящих ни единою поклонимся.

Слышасте бо притчю о десяти дѣвахъ, мудрых а 5 несмысльных.[4] Вѣщеваеть бо святое Евангелие: мудрыя же дѣвьства съблюдоша, и свѣтилникы своя украсиша милостынями и вѣрою, и внидоша въ чрътогъ радостный, и никомуже не възъбраняющю им. Оны же буяя како нарѣкошася? Понеже дѣвьственую печать съблюдоша неразориму и в пощении и въ бдѣнии, въ молитвах стончиша плоть свою, масла же милостыни не принесоша въ свѣтилницѣх своих душь, и того ради изъгнани быша исъ чрътога; и тогда възыскаша продающих милостыня нищих, но не обрѣтоша, уже бо затворишася двери человѣколюбиа Божиа.

Да не лѣпо нам есть, възлюблении, посылаемых от Бога на ползу душамъ и телесем нашимъ от боголюбивых человѣкъ удержати себе, но инѣмъ подаати трѣбующимъ. «Луче бо, — рече апостолъ, — даяти, нежели взимати»;[5] «Блаженъ, — рече, — разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавить`и Господь»;[6] и еще: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть».[7]

Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрѣва ради падоша въ пустыни; ни помышляемь бѣсовскыих помышлений, иже всѣвають въ сердца наша неподобнаа, не дающе намъ хвалы въздати Богу о всѣхъ благодатех его, еже к намъ. Слышите бо, въ что изыде роптание онѣхъ.

Не первѣе ли, егда ведяше я Моиси къ морю Чрьмному столпом огньнымъ облачномъ, и они, забывше онѣхъ казни и елико сътвори имъ Богъ в Египтѣ Моисѣом и Аряномъ, не възпиша ли на Моисѣя: «Что извел ны еси сдѣ, да умрем нынѣ в пустыни сей; не луче ли да быша гроби наши въ Египтѣ были!»[8] Да егда проведе их Богъ сквозѣ Чрьмное море рукою Моисеовою и врагы их потопи,[9] приидоша въ Мерры и обрѣтоша ту горкыа воды, и пакы усъкориша и забыша дѣлъ Божиих, възропташа на Моисѣя, глаголюще: «Чьто пиемь! Се бо въвел ны еси въ пустыню сию безводную, нѣимущи никакояже утѣхы». И не ослади ли имъ Богъ горкых водъ?[10] То и ту не осташа в разумѣ, но по тѣх всѣх чюдотворных поклонишася тѣлцю.[11] Да аще бы не Моисѣй стал во сокрушении ко Богу о нѣх, то потрѣбилъ бы я Богъ от лица земли. И пакы воду имъ ис камени источи[12], и хлѣбы имъ съ небесе дарова.[13] То или похвалиша Бога, безъблагодатнии? Но начаша глаголати: «Егда подаваем от хлѣба иноязычникомъ?»

И не о всѣх ны слово сии есть, но о тѣх, иже тѣм болят и втайнѣ ропщущих. Но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси приимуть яко квасъ злосрѣбролюбнаа. Глаголаше: «Почто гыбель сиа бысть? Можаше бо се миро роспродатися на мнозѣ и датися убогымъ»,[14] и послѣди же не продаст ли Июда учителя своего на 30-тех срѣбреницѣх, а самъ удавися. И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаще въ васъ. И аще бых моглъ, и възъглаголал ко вашей любви оно пророчьское слово: «Кто дасть главѣ моей камение и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и нощь дщере людий моих!»[15] Удалихом бо ся въ пустыню, по Писанию, и чаемь Бога, спасающаго насъ. И не изведе ли насъ, акы изъ Египта, от мира въ пустыню сию безводную, не рукою Моисѣовою, но благодатию Божиею. И что облиховани быхом, братиа моя и отци?! Что бо принесосте от имѣний своих на мѣсто се или что азъ трѣбовахъ от васъ, приимая въ обитель сию? И человѣколюбие Божие что насъ лиши?! Нѣ вся ли подасть намъ молитвами святыя Богородица?!

Да тѣмъ молюся вамъ от всея душа моея, любимици мои, не прѣбываимъ въ двоудушии, да не прогнѣваемъ благаго Владыкы, якоже и бни непокоривии. Но въздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотрить и вся намъ изобилия подаваеть, не помня немощей наших; и длъжни есмы к нему глаголати оно Давыдово слово: «Что есмы грѣшнии, Господи мой, Господи, о иже ты и насъ изъбра и та вся намъ дарова! Смирихъ бо ся, — рече, — спаси мя»[16], и: «Въ смирении нашем помянул ны Господь»[17]. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем.

В ПЯТОК 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИА ПОУЧЕНИЕ О ТРЪПѢНИИ И О СМИРЕНИИ

Господи, благослови!

Подвизайтеся, трудници, да приимѣте вѣнець тръпѣниа вашего, Христос бо ждеть входа нашего. И въждезѣмъ свѣтилникы наша любовию и послушаниемъ, кротосьтию и смирениемъ и срящем Христа непостыдномъ лицемъ, глаголюще къ намъ: «Приидѣте, иже мене ради потружавшеся въ молитвах и въ бдѣниих и въ всякых службах, и приобщитеся благых». Паки же речеть лѣнивым и неродивымъ: «Идѣте от мене, проклятии, не знаю вас, якоже вы не слышасте гласа рабъ моих, пророкъ и апостоль, и святыми Евангелии позывающа въ царство небесное, тако и азъ васъ не слышу; но емуже послѣдовасте, тому же и обѣщници будете мукамъ бесконечнымъ».

Билу бо ударѣющу, не лѣпо ны есть лѣжати, но въстати на молитву, якоже ны богоносивый Феодоръ учит[18] и Давыдьское оно слово въ умѣ имѣюще и глаголати: «Готово сердце мое, Боже, готово».[19] Да егда второму клѣпанию кончевающуся, тогда и своя ногы вготовимъ на сшествие церковное, помысла своего не дряхла имуща, но весела, и въздающе хвалу живодавцю Богу, прѣпроводившу нас връсту нощную, и въ устѣх имѣюще пророка Давыда и царя псалом, в нѣмже глаголеть: «Възвеселихся о рѣкших мнѣ: в домъ Господень внидемъ»[20] и прочее. Такожде входяще въ церковь и «Святый Боже» поюще, таже с лѣпотою поклонившеся Христу трижды до земля и съ великою боязнию и съ страхом стати безмолвно при стенѣ, гласы немлъчны въспѣвающе к Вышнему, иже насъ грѣшных сподобилъ входа церковнаго, не имѣюще собѣ подъпоры стѣны, ни стлъпа, еже намъ суть на честь створена. Егда бо и къ другомъ приходимъ, то достоить нам, поклонение створше до земля и связавше руцѣ, аки рабу Божию стати прѣд нимъ, Христа о сѣмъ подражающе, видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже.[21] И повелѣно ны есть другомъ толикы чьсти даяти смирениа ради, имже добродѣтелныа вѣнца украшаемъ; еже бо не поклонитися другу своему и руцѣ долу повѣсити, то неродивых мужь и лѣнивых и въ умѣ *гордяшихся*. И въ церкви боле того есть, на честь бо намъ стлъпи суть и стѣны церковныа, а не на бещестие.

Кадящу прозвитеру святый олтарь и намъ чающимъ присѣщениа кадилнаго, не лѣпо с лѣностию стояти, но страх великый имѣти. Святое бо кадило образъ Святаго Духа есть, да не лишимся того, любимици! Да

егда приобрящемся благодати Святаго Духа кадилным присѣщениемъ, и на мѣсто свое шедше и стати ны лѣпо есть съ всякою кротостию, якоже въ уставѣ пишеть, сонъ отложивше и мертва себе сътворити къ копасаниемъ и к кашлю акы нечювствьна, и съ умилениемъ молитися Богу, да послеть намъ помощь скончати намь въ блазѣмъ тръпѣнии заутреню и канонъ.

Да егда присѣщениемъ Божиимъ въсиаеть въ душах нашихъ свѣт истинный и по пѣнии «Богъ Господь» егда начнемъ псалтырное пѣние, не лѣт ны есть другъ друга прихватити стиховъ и пѣнию мятежь творити немалъ, но на стрѣйшаго сторону взирающе, и безъ того початиа не лѣпо есть починати никомуже; тако бо доброчиньство бываеть. И егда, починающе пѣснь или «аллилуа», покланяние междю събою творим, подражающе о сѣмъ ангелы, длъжни есмы взирати в томъ на старѣйшиу сторонѣ, да егда онъ поклонится, и мы поклонитися, послѣдующе ему, должни есмы добролѣпне. Ангелы бесплотныа видѣша пророкы поюща и поклоняющася и Богу хвалу въздающе съ прѣстояниемъ. Нам же кацѣмъ быти достоить, сподобившимся съ ангелы Богу невидимому служити и прѣстояти, от негоже мъзды длъжныа чаем! Тъ бо съвѣсть сердца наша, кого дѣля пристоимъ въ святѣй церкви. Да не лѣнимся, любимици мои, о годинах и о службѣ своей Испытающему вся дѣла наша и помышлениа наша. Открыем съгрѣшениа наша сдѣ прѣдъ худымъ человѣкомъ, да тамо не обличена будуть, прѣдо вселенною. И блюдѣмъ годинъ заутрьних, и обѣдѣнных, и павечерних; иже бо погубляеть годины лѣности ради, татбѣ подобно есть украдаа святаа; *проклят бо есть иже дело Божие делает со нерадением*.

Да не лѣнимся, любимици мои, братиа и отци, и чада духовнаа, избраннаа! Съ слѣзами бо глаголю горкаа словеса къ вашей любви, понеже вамъ глаголю, сам не створя. И на мнѣ днесь сбысться реченое от пророка: «Грѣшнику же рече Богъ: “въскую ты повѣдаеши завѣть мой усты твоими! Ты же наказание възненавидѣ и низъврьже словеса моа въспят. Аще видяше тате, течаше с нимъ, и съ блудникы участие свое полагаше, и на братъ свой клѣвѣташе, и на сына матере своея полагаше съблазнъ. Сие створилъ еси, и умолчах. А *вознепщевал еси, безаконниче, яко буду* подобенъ тебе! Обличю тя и поставлю прѣд лицемъ твоимъ грѣхы твоя, да разумѣють вси забывающеи Бога, егда къгда похитить и не будеть избавляющаго”».[22] И пакы: «Усты твоими сужю ти, рабе лукавый, — добрѣе бы ти было, да бы възвратилъ срѣбро мое, да бых тщивымъ дѣлателемъ вдалъ, иже быша ми въздали съ прибыткомъ».[23] Да нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да нѣ кьто умреть въ моемъ молчании лютым грѣхомъ. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем.

ВЪ ВТОРНИК 3 НЕДѢЛИ ПОСТА НА ЧАСЪХ СЛОВО УТѢШНО КЪ БРАТИИ О ДУШЕВНѢЙ ПОЛЗѢ

Господи, благослови!

Азъ, грѣшный и лѣнивый, погрѣбый талантъ свой в земли, а не придѣлавъ имъ ничтоже, и чаю по вся дни на себѣ онѣх лютых и немилостивыих истязатель, и прѣщения оного страшнаго, и гнѣва лютаго, егда начнет глаголати: «О, злый рабе и лѣнивый, непотрѣбне, добрѣе бы створилъ, да бы възвратилъ сребро мое добрым пенязником, и поспѣшным и дѣтельнымъ, иже быша ми въздѣлали съ лихвою»,[24] нынѣ же нуждю имѣю глаголати и глаголю, и, глаголя, не прѣстаю, не яко учитель, но яко рабъ, съ слезами моляся и колѣнех ваших касаяся, и указаа вамъ прѣдлежащая благаа и грядущаа муки, да бысте не погрешили благыа оноя надежда. Немало бо то зло, еже нам тацѣх даров лишенымъ быти и въ непроходимая и адъскаа мѣста *впасти* лѣностию хождения ради и красотъ маловрѣменных, въ нихже ничсоже успѣша, послѣдовавше таковым. Азъ же, унылый, имѣя в собѣ корѣнь злаго того проращениа от моея лѣности, ни самъ входя въ царство небесное и вамъ препону творя своею лѣностию и своими неподобными нравы, судих себе двоичю и трижды отлучитися от вас. И се створих, не добродѣтелий дѣания онѣхъ святых подражати хотя, но се луче судих, да поне вас не упражняю от благого подвизания, аще бо бых с вами былъ, немалу съпону вам створилъ бых собою, отставилъ вы бых от Божиа пути. Мнѣ бо, грѣшному, еже единъ день отлучитися от васъ въ все ми ся лѣто вмѣняеть, паче же достоания церковнаго и почитаниа божественых словесъ и житиа святыих, егоже облиши мя лѣность моя немалаа, еюже акы веригами связанъ лежу, и ума моего, акы Лазаря другаго пред враты, повръжена,[25] токмо вѣрное око къ Богу простирая и Богородицу съ вышнею молитвою на помощь призывая, да нѣкако бы ся умилосердилъ благый Богъ ваших дѣля молитвь и любовь, юже ко мнѣ имѣете. Падох бо падениемъ злымъ; аще не Господь бы помоглъ мнѣ и Богородица, вмалѣ не вселилася бы въ адъ душа моя. И видѣх, чего дѣля падохъ: оставивъ порученую ми службу, и въслѣдовах трапезамъ, и не чюях себе сводима къ пропасти адьстѣй. Но человѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря, струпы посыпана и гнойна, умерша, но въскресилъ *ѝ*,[26] тожде и на мою немощь присѣти, не призрѣ моея лѣности, но пусти на мя духъ унынна, имже угнѣтаемъ есмь и донынѣ, егоже дѣля удалихся от васъ, чая, по писаному, Бога спасающаго мя. Въ моем бо отлучении от вас не чюх себе ничсоже добра приискавша, но токмо имый бдѣниа и пощениа; не могох скончати якоже вы, да тѣмъ и осудих ся. Вашеа ради любве радуюся, еже в толицѣ злѣ видяще мою худость, не възгнушастеся моих словесъ, еже въ моемъ отхождении к вамъ изглаголаная, но съ всякым тщанием створисте`я. И своея бо лѣности забых въ вашемь тщании, и еже бо велико поспѣшение имѣете о службѣ церковнѣй, и въ длъготръпѣниѣ

стоании въ всѣх бо годинах и службах обрѣтающеся, и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся[27]. Потщание имѣйте, да тогожде блаженьства сподобистеся и жизни вѣчнѣй причастници будете о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем.

ПОУЧЕНИЕ СЛОВО КЪ КЕЛАРЮ СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ В КЫЕВЕ

Брате, се от рукы Христовы и от престола славы его приемлеши сию службу. Имѣй страхъ его предъ очима си: потщися порученое тобе дѣло непорочно свершити, да и вѣнца от Христа достоинъ будеши. И да мнить ти ся онъ престолъ вышний, егоже видѣ Исая, к немуже единъ от серафимъ посланъ бысть, имѣяй угль, не опаляяй пророка, но просвѣщаяй.[28] Тако же и ты, брате, вземляй ключь, акы огнь, а се от престола, на немже жрѣться Христосъ по вся дни, аще сию службу, *сыну* имярек, в чинъ монастырьскый съ душевною приязнию исправиши, щадить ти ся правѣдный венець и будеть ти сий ключь просвѣщаяй и спасаяй душю твою. Аще ли уклониши сердце твое преобидети что монастырьское или окрадати что и себе притяжати и сбирати паче, а не манастыреви, и будеть ти сий ключь опаляяй душю твою, здѣ и въ будущий вѣкъ, геона тя прииметь и судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя. Та бо, уемша у цены села своего, напрасно умроста,[29] ты же горцей муце достоинъ будеши, крадый чюжая или раздаваяй безъ чину своимъ. Геезино прокажьство[30] наидеть на тя, — не телесно, но душевно. Внимай себе, брате, и службѣ своей, да спасеть тя Господь ото всѣх сих молитвами святыя Богородица и всѣх святыхъ твоихъ, и нынѣ, и присно.

ВЪПРАШАНЬЕ ИЗЯСЛАВА КНЯЗЯ, СЫНА ЯРОСЛАВЛЯ, ВНУКА ВОЛОДИМИРЯ, ИГУМЕНА ФЕДОСЬЯ ПЕЧЕРЬСКОГО МАНАСТЫРЯ

Что възмыслилъ еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижьна и худа о таковей вѣщи, — въпрашалъ бо еси: аще есть подобно въ день въскресный, еже есть недѣля, заклати ли волъ, ли овьнъ, или птицю, или что от тѣхъ и аще подобно мяса ихъ ясти въ день въскресения, въ недѣлю!

Ибо недѣля не наричется недѣля, якоже вы глаголете, нъ първый день всея недѣлѣ наричется. Понеже Христосъ Богъ нашь в тотъ день въскресе из мертвыхъ, и наричется въскресный день. А понеделникъ наричется вторый день, а вторникъ — третий, а среда — четвертый, а четвертокъ — пятый, а пятница — шестый, а субота — седмый. В тѣхъ днехъ свѣршилъ Богъ вся дѣла, небо, и землю, и все, яже в нихъ; последи же створи человека, цесаря надо всѣмъ; въ семый день сконьча вся дѣла.

Исъходящемъ же израильтомъ изъ Египта от работы фараона и прошедшомъ древле Чьрьмное море посуху, и въведѐя въ пустыню и прѣпита̀я ту лѣтъ 40 и законъ имъ да на дъсцѣ камянѣ — Божиимь пьрстомъ написано и дано Моисѣю — и суботу имъ хранити повелѣ: отинудь не дѣлати[31], ни огня възгнѣщати[32], ни закалати, нъ вечеръ в пятокъ все приготовити и заутра ясти, ни прѣходити исъ храмины в храмину, егоже хранять и до днешняго дне израильтяне. А понеже Господь Богъ наш съниде на землю, — жидовьская вся умолкоша. И нѣсмы чада Авраамля, нъ чада Христа Бога нашего святаго ради крещения, въ неже самъ ся крестилъ. Господне бо крещение очищаеть еже от рожьства грѣхы.

А иже реклъ ти во недѣлю не рѣзати, ни того ясти, то не от Святаго Писания реклъ, нъ от своего сердца. Рече бо святый Павелъ апостолъ: «Иже кто благовѣстить вамъ паче насъ, еже мы благовѣстихомъ вамъ, проклятъ да будеть».[33] И нѣсть ти възбранено, ни грѣхъ, еже рѣзати въ недѣлю. Аще бо таковый нравъ приимемъ, еже въ суботу рѣзати, а въ недѣлю ясти, то явѣ жидовьствуемь.

Реклъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и в пятницю не ясти мясъ, добро ли есть. Добро вельми и полезно. И не я сего завѣщаю, нъ божьствении святии апостоли да тако бо законъ положиша: да всякъ крестьянинъ постится въ среду и в пятокъ, бѣлци — от мясъ, а черньци — от сыра, въ среду же понеже съвѣтъ створиша жидове на Христоса, а в пятокъ распяша Господа безаконьници. Ты же, княже мой, аще которыя ради вины отреклъся еси или напасти ради въ среду и въ пятокъ мясъ не ясти, — глаголетъ Давыдъ, пророкъ и царь: «Обѣщайтеся и въздадите»[34], — недостоить человеку крестьяну себе связати, оже не ясти, ни пити, нъ оже связанъ будеть от отца духовнаго. Обаче прѣдание имамы от святыхъ апостолъ и от святыхъ богоносныхъ отець: въ Господьскыхъ праздницѣхъ и святой Богородици въ всѣ празникы и въ память святыхъ апостолъ 12 празновати духовно, а от изъбытька вашего питати убогыя. И понеже еси мене въпрашалъ недостойнаго, — аще связанъ еси отцемь духовныимъ въ среду и в пятокъ мясъ не ясти, от того же и раздрѣшение приими; или самъ ся

еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя. Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ Господьскый празникъ, *любо святѣй Богородици*, *ли 12 апостолъ*, то ѣжь мясо[35]. И Богъ мира буди с вами. Аминь.

ТОГО ЖЕ ФЕДОСИА К ТОМУ ЖЕ ИЗЯСЛАВУ

Азъ, Федосъ, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, въ чистѣй и въ правовѣрнѣй вѣрѣ роженъ есмь и въспитанъ добрѣ въ законѣ правовѣрнымъ отцемь и матерью християною,[36] наказывающа мя добру закону и норовмъ правовѣрныхъ послѣдовати, вѣрѣ же латиньской не прилучатися, ни обычая ихъ дьржати, и комькания ихъ бѣгати, и всякого ученья ихъ не слушати, и всего ихъ обычая и норова гнушатися и блюстися, своихъ же дьчерѣй не даяти за нѣ, ни поимаите у нихъ, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимь въ одиномъ съсудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ приимати. Тѣм же пакы у насъ просящомъ Бога дѣля ясти и пити, дати имъ ясти и пити, нъ въ своихъ съсудех. Аще ли не буде съсудау нихъ, да въ своемь дати и потомъ, измывъши же, сътворити молитва. Занеже неправо вѣруют и нечисто живуть: ядять съ пьсы и съ кошьками,[37] пьють бо свой сьчь[38] и ядять жълвы, и дикѣи кони, и осьлы, и удавленину, и мертвьчину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровый ядять.[39] Въ говѣнье и мяса пущають пьрвоѣ недѣлѣ поста въ вторникъ.[40] И чьрьнци ихъ ядять лой и въ суботу постятся и, постившеся, вечеръ ядять молоко и яйця. А съгрѣшениемь не от Бога просять прощения, нъ пращають попове ихъ по дару.[41] А попове ихъ не женятся[42] законьною женою, нъ съ робами дѣтей добываюче и служать невъзбраньно. И пискупи ихъ наложьницъ дьржать и на войну ходять.[43] И опрѣснокомъ служать.[44] И иконъ не цѣлують, ни святыхъ мощей.[45] И крестъ цѣлують, лежаще, написавше на земли, а въставше, попирають ногами.[46] Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ положать, а не на перьсѣхъ.[47] Женящеся у нихъ поимають двѣ сестреницѣ.[48] А крещаются въ одино погруженье,[49] а мы въ три. Мы же, крещающеся, мажемься мюромъ и масломъ, а они соль сыплють крещаемому въ ротъ.[50] Имени же не нарицяють святаго, нъ како прозовуть родители, в то имя и крестять.[51] Се же пакы глаголють и Духа Святаго исходящаго *от Отца и от Сына*.[52] Мы же не глаголемъ: *от Сына*. И ина многа суть яже въ тѣхъ злая и неправая и развращеная, и погыбели полна вѣра ихъ и делеса ихъ; егоже ни жидове творять, то они творять, много же и въ *Савьску* ересь въступають.[53]

Мнѣ же рече отець: «Ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлесъ, занеже исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людий. Да кто спасая и спасеть свою душю, въ правовѣрнѣй вѣрѣ жива. И нѣсть бо иноя вѣры, лучьши, якоже наша едина чистая и честная и святая си вѣра правовѣрная. Сею вѣрою живущи и грѣховъ избыти, и мукы вѣчьныя гонезнути, и жизни вѣчьнѣй причастникомъ быти и бес концъ съ святыми радоватися. А сущему въ иной вѣрѣ — ли в латиньской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской — нѣсть видѣти жизни вѣчьныя, ни части съ святыми.

Не подобаеть же хвалити чюжѣ вѣры. Аще ли хвалить кто чюжюю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля Аще ли начьнеть непрѣстанно хвалити и свою и чюжюю, то обрѣтается таковый двовѣрье держа и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такыхъ дѣяний блюдися, ни присвоися к нимъ, нъ бѣгай от нихъ, якоже можеши, и свою вѣру едину непрѣстанно хвали, подвизаяся въ ней добрыими дѣлы.

Милостынею же милуй, не токмо своея вѣры, нъ и чюжея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одьржима, аще ти будеть ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли от поганыхъ, — всякого помилуй и от бѣды избави, якоже можеши, и мьзды от Бога не погрѣшиши. Богъ бо и самъ нынѣ набьдить поганыя, якоже и крестьяныя. Поганымъ же и иновѣрнымъ въ семь вѣцѣ попечение от Бога, въ будущемь же чюжи будуть добрыя дѣтели. Мы же, живущеи въ правовѣрнѣй вѣрѣ, и сдѣ есмы набьдими Богомь, и въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господемь нашимъ Исусъ Христомь».

Рече ми отець: «Чадо, аще ти ся лучить по вѣрѣ сей святѣй Господа ради умрети, то с дерьзновеньемь не останися правыя сея вѣры, нъ умри за Христову вѣру. И святии бо, — рече, — по вѣрѣ умроша, да и живи суть по Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкыя иновѣрныя, съ вѣрными прю дѣюща и прѣльстию хотяща отвести от правыя вѣры, невѣжамъ сущемь вѣрнымъ, ты же, вѣдѣние имы, и не скрый въ собѣ, нъ помози правовѣрьныимъ на кривовѣрныя. И аще имъ поможещи, то яко овьця избавиши от устъ лвовъ. Аще ли умолчиши то яко отемь у Христоса, прѣдаеши ихъ сотонѣ, тъ бо есть кривовѣрныя кривѣй вѣрѣ научилъ».

И аще ти речеть прьць: «Сию вѣру и ону Богъ далъ есть», ты же, чадо, рци: «То ты, кривовѣрне, мниши ли Бога двовѣрна! Не слыши ли, оканьне и развращене злою вѣрою, Писанье тако глаголеть: “Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье”,[54] и Господь рече: “Тако бо лѣпо есть намъ исполнити волю”, да сее все исполнивъ, толи възнесеся, а ученикы посла на проповѣданье. Ты по проповѣдании апостольстѣмъ

толико лѣтъ дѣржавъ правую вѣру, съвратилъся еси на зловѣрье по научению сотонину. Не слышите ли Павла глаголюща: «Аще и ангелъ пришедъ с небесе благовѣстить вамъ не якоже мы благовѣстихомъ, да будеть проклятъ».[55] Вы же отринувше проповѣдание апостольское и святыхъ отець исправления, приясте неправедное ученье и вѣру развращену и исполнену многыя погыбели. Того ради и от нас бысте отвѣржени. Да того ради и намъ с вами недостоить сужатия имѣти, ни къ Божьствьнамъ Тайнамъ обьще с вами намъ не приступати, ни вамъ к нашей службѣ, ни намъ къ вашей, занеже мертвымъ тѣломъ служите, [56] акы мертва Господа мняще. А мы службу творимъ живымъ тѣломъ, самого Господа жива видяще и одесную Отця сѣдяща, и пакы приидеть судить живымь и мертвымъ. Вы же есте, о латинине, мрьтви иже мрьтву жертву сьдѣваете. Намъ живу Богу живу жрьтву чисту и непорочну приносяще, животъ вѣчьный обрѣсти. Тако бо и писано есть: «Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».[57]

МОЛИТВА СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРЬСКАГО ЗА ВСЯ КРЕСТЬЯНЫ

Владыко Господи человѣколюбче! Иже суть вѣрнии, Господи, утверди`я, да будуть вѣрнѣйши того; иже суть неразумливии, ты, Владыко, вразуми я. Иже суть погани, Господи, обрати`я на крестьянство, и ти будуть братья наша, Иже суть в темьницахъ, или въ оковѣхъ, или в нужи, ты, Господи, избави`я от всякоя печали. Иже суть в затворѣхъ, и въ столпѣхъ[58], и в печерахъ, и въ пустыни, братья наша, ты, Господи, подажь имъ крѣпость к подвигу.

Помилуй, Господи, князя нашего, имярек, и град сь, и вся сущая люди в немь. Милостью своею помилуй и мене, раба твоего грѣшнаго, имярек, аще и многогрѣшенъ есмь, но правою вѣрою рабъ твой есмь.

Спаси и помилуй, Господи, епископа нашего, имярек, и весь чинъ мнишьскый съ иерѣи и дьяконы, и вся правовѣрныя крестьяны, имярек.

Помилуй, Господи, сущихъ в недостаточьствѣ и озлобленыя нищетою, подажь имъ богатую милость, моления ради святыя Богородица, и силою честьнаго креста и святаго триднывнаго въскресения твоего, и славнаго пророка и предотеча ради Иоана, и всѣхъ пророкъ и апостолъ твоихъ, святитель и мученикъ, и преподобныхъ отець, и святыхъ женъ, и

всѣхъ святыхъ твоихъ, и святыхъ отець 300 и 18, иже в Никѣи,[59] и святыхъ отец, поручникъ нашего покаяния: Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Николы, и святаго отца нашего *Антония*[60] всея Руси свѣтилника, обѣщавшаго молитися за ны.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, правовѣрныхъ князь нашихъ и епископъ, имярек, и вся сродникы наша по плоти, имярек.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ, умершая въ градѣхъ, и в селѣхъ, и в пустыняхъ, и на путихъ, и на мори.

Покой я на мѣстѣ свѣтлѣ, в лици святыхъ, въ оплотѣ благаго рая и жизни бесконечной и неизглаголанѣмъ и немерцаемѣмъ свѣтѣ лица твоего.

Яко ты еси покой и въскресение усопшимъ рабомъ твоимъ, Христе Боже нашь, и тебе славимъ съ Отцемь и Святымь Духомь, и ныня и присно.

---

[1] *...хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят час пришедшим не похули их опождениа, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъутра дѣлавшим... не лѣт ли ми въ своих, якоже хощу».* — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о работниках в винограднике. См. Мф. 20, 13—15.

[2] *«Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох... руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»...* — Ср. 1 Фес. 2. 9—10; 2 Фес. 3. 7—8.

[3] *«Праздный да не ясть».* — Ср. 2 Фес. 3. 10.

[4] *Слышасте бо притчю о десяти дѣвахъ, мудрых а 5 несмысльных.* — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о десяти девах. См. Мф. 25. 1—12.

[5] *«Луче бо... даяти, нежели взимати».* — Деян. 20. 35.

[6] *«Блаженъ... разумѣваяй на нища и убога... избавить и Господь».* — Пс. 40. 2.

[7] *«Блажени милостивии, яко ти помилованы будуть».* — Мф. 5. 7.

[8] *...егда ведяше`я Моиси къ морю Чрьмному... гроби наши въ Египтѣ были!»* — Здесь и далее Феодосий имеет в виду события, которые происходили при исходе израильского народа из Египта в землю обетованную. См. Исход. 13. 18—22; 14. 10—12.

[9] *Да егда проведе их Богъ сквозѣ Чрьмное море... и врагы их потопи...* — См. Исход. 14. 21—31.

[10] *...приидоша въ Мерры... не ослади ли имъ Богъ горкых водъ?* — См. Исход. 15. 23—25.

[11] *...поклонишася тѣлцю.* — См. Исход. 32. 1—14.

[12] *...воду имъ ис камени источи...* — См. Числ. 20. 1—11.

[13] *...хлѣбы имъ съ небесе дарова.* — См. Исход. 16. 4, 12—35.

[14] *...«Почто гыбель сиа бысть? Можаше бо се миро... и датися убогымъ»...* — Мф. 26. 8—9; ср. Мк. 14. 4—5; Иоан. 12. 4—5.

[15] *...«Кто дасть главѣ моей камение... да плачюся... дщере людий моих!»* — Ср. Иерем. 9. 1.

[16] *«Смирихъ бо ся... спаси мя».* — Пс. 114. 5.

[17] *«Въ смирении нашем помянул ны Господь».* — Пс. 135. 23.

[18] *...якоже ны богоносивый Феодоръ учит...* — Феодор Студит (VIII—IX вв.), игумен Студийского монастыря в Константинополе, с именем которого связывалось сложение Студийского церковно-монастырского устава. Феодосий имеет здесь в виду правила Студийского устава, которыми руководствовались в Киево-Печерском монастыре. Студийский устав был принят в Киево-Печерском монастыре в первые же годы его существования (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 108; *Абрамович Д. И.* Киево-Печерський патерик. У Києві, 1931. С. 39) и отсюда распространился по всем другим русским монастырям и оставался в обиходе на Руси вплоть до XIV века, когда его сменил Иерусалимский устав.

[19] *...«Готово сердце мое, Боже, готово».* — Пс. 56. 8.

[20] *...«Възвеселихся о рѣкших мнѣ: в домъ Господень внидемъ»...* — Пс. 121. 1.

[21] *...видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже...* — См. Мф. 27. 11 и след.; Мк. 15. 1 и след.; Лк. 23. 1 и след.; Иоан. 18. 28 и след.

[22] *...«Грѣшнику же рече Богъ... и не будеть избавляющаго».* — Пс. 49. 16—22.

[23] *«Усты твоими сужю ти, рабе лукавый... иже быша ми въздали съ прибыткомъ».* — Ср. Мф. 25. 26—27.

[24] *...«О, злый рабе и лѣнивый... иже быша ми въздѣлали съ лихвою...»* — Ср. Мф. 25. 26—27.

[25] *...акы Лазаря другаго пред враты, повръжена...* — Феодосий имеет здесь в виду евангельскую притчу о богатом и Лазаре. — См. Лк. 16. 19—25.

[26] *...человѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря... но въскресилъ ѝ...* — Феодосий имеет здесь в виду евангельское чудо воскрешения Лазаря. См. Иоан. 11. 2—45.

[27] *...и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся.* — Имеется в виду Студийский устав.

[28] *...онъ престолъ вышний, егоже видѣ Исая... не опаляяй пророка, но просвѣщаяй.* — Феодосий имеет в виду эпизод из Книги пророка Исаии, где описывается призвание Исаии к пророческому служению. См. Ис. 6. 1—7.

[29] *...судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя... напрасно умроста...* — Феодосий имеет в виду чудо, о котором рассказано в Деяниях апостольских: Анания и жена его Сапфира, желая стать членами иерусалимской общины христиан, продали свое имение, но принесли в общину только часть цены, выдав ее за всю полученную сумму; карой за ложь была им внезапная смерть. См. Деян. 5. 1—10.

[30] *Геезино прокажьство...* — Гиезий, слуга пророка Елисея, был наказан проказой за взятое тайно и с помощью лжи серебро. См. 4 Царств. 5. 20—27.

[31] *...отинудь не дѣлати...* — См. Исход. 31. 15—18.

[32] *...ни огня възгнѣщати...* — См. Исход. 35. 3.

[33] *...«Иже кто благовѣстить вамъ паче насъ... проклятъ да будеть».* — Ср. Галат. 1. 8. 9.

[34] *...«Обѣщайтеся и въздадите»...* — Пс. 75. 12.

[35] *Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ... празникъ... то ѣжь мясо.* — Речь идет об обрядовой особенности, которая некоторое время держалась в русской церкви. Как можно понять из ряда летописных упоминаний, из записанных в середине XII в. канонических правил в сборнике, под названием «Вопрошение Кирика», а также из настоящего послания, по русскому обычаю XI—XII вв. пост в среду и пятницу полностью отменялся, если на эти дни приходились праздники господские, богородичные и нарочитых святых; в то время как в Византии уже в XII в. такая отмена совершалась лишь в праздники Рождества Христова и Богоявления (см.: *Макарий* (*Булгаков*). История

русской церкви. СПб., 1888. Т. III, изд. 3-е. С. 105—111). Слова *«...любо святѣй Богородици, ли 12 апостолъ...»* — в ркп. зачеркнуты и на поле внизу другим почерком написано *Рожество Христово и Крещение Господне*. Так переписчик данной рукописи поправил Феодосия Печерского вследствии того, что к его времени указанный порядок отмены поста среды и пятка уже перестал практиковаться на Руси.

[36] *Азъ, Федосъ... въспитанъ добрѣ въ законѣ правовѣрнымъ отцемь и матерью християною...* — Общая характеристика родителей Феодосия Печерского как людей благочестивых имеется в его Житии.

[37] *...ядять съ пьсы и съ кошьками...* — Как это, так и следующие обвинения латинян находят себе аналогии в современных Феодосию и более ранних произведениях греческой антилатинской полемики. В сочинении «Стязание с латиною», приписываемом киевскому митрополиту Георгию (1062—1079 г.г.), подобное обвинение выражено более ясно и помогает понять данное место в послании Феодосия: «Иже ядять съ пьсы въ одиномъ съсудѣ, сами ядъше, а избытокъ поставляють пъсомъ, да полижуть, и потомь пакы сами ядять» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 71; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 195).

[38] *...пьють бо свой сьчь...* — Об этом есть в сочинениях византийских авторов (см. *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 71).

[39] *...ядять жълвы... и хвостъ бобровый ядять.* — В большинстве греческих полемических произведений против латинян говорится только об употреблении латинянами в пищу удавленины. Но в сочинении «О фрягах и прочих латинах», ходившем и в славянском переводе, находится близкое к посланию Феодосия перечисление различных видов «скверноядения» латинян (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 62).

[40] *Въ говѣнье и мяса пущають пьрвоѣ недѣлѣ поста въ вторникъ.* — Речь идет о нарушении латинянами первой седмицы Великого поста.

[41] *...пращають попове ихъ по дару.* — Возможно, речь здесь идет о папских индульгенциях. В греческих полемических трактатах индульгенциям посвящался особый раздел (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 74).

[42] *А попове ихъ не женятся...* — Речь идет о целибате, принятом в западной церкви принципе безбрачия духовенства. Об этом говорилось и в послании Константинопольского патриарха Михаила Керулария к Антиохийскому патриарху Петру, написанном во время окончательного разделения церквей в 1054 г. (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 48—49).

[43] *И пискупи ихъ... на войну ходять.* — Смысл этого обвинения становится более ясным, если сравнить его с отрывком из послания

патриарха Михаила Керулария; вот его древний славянский перевод: «Епископи их... на брани же исходяще, кръвми свои руцѣ помазують и къ симъ душа убивающе и убиваеми» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49).

[44] *И опрѣснокомъ служать.* — Речь идет об употреблении западной церковью в таинстве евхаристии бесквасного хлеба, или опреснока, подаваемого причащающимся в виде круглой пластинки, облатки. Все антилатинские полемисты, греческие и русские, постоянно касались вопроса об опресноках в своих сочинениях.

[45] *И иконъ не цѣлують, ни святыхъ мощей.* — Этот пункт также был в послании патриарха Михаила Керулария.

[46] *И крестъ цѣлують, лежаще... а въставше, попирають ногами.* — В греческом сочинении «О фрягах и прочих латинах» этот пункт давался подробнее (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 61—62). О невольном попирании латинянами креста, начертанного ими прежде на земле, с осуждением говорилось и в Повести временных лет.

[47] *Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ... не на перьсѣхъ.* — О том, что латиняне не складывают руки покойникам на груди, а простирают вдоль тела, говорилось и в греческом трактате «О фрягах и прочих латинах» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 65).

[48] *Женящеся у нихъ поимають двѣ сестреницѣ.* — Очевидно, эта мысль Феодосия восходила к одному из пунктов послания патриарха Михаила Керулария, где осуждался тот факт, что у латинян два брата могли жениться на двух сестрах (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49).

[49] *А крещаются въ одино погруженье...* — Этот пункт упоминался и в послании патриарха Михаила Керулария (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49, 77).

[50] *...соль сыплють крещаемому въ ротъ.* — Упоминание этого латинского обряда также есть в послании Михаила Керулария (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49, 63).

[51] *Имени же не нарицяють святаго, нъ како прозовуть родители, в то имя и крестять.* — Это положение также встречается в ряде антилатинских полемических сочинений (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 54; *Павлов А.* Критические опыты. ... С. 196).

[52] *...глаголють и Духа Святаго исходящаго от Отца и от Сына.* — Речь идет об основном католическом догмате, отделяющем западную церковь от греческой, догмате об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына (filiogue). Обличение этого догмата входило почти во все антилатинские полемические сочинения, как греческие, так и русские (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 8, 12, 35, 48, 54—55, 59—60).

[53] *...въ Савьску ересь въступають.* — Речь идет о ереси Савелия (III в.). Савелий и его последователи отвергали ипостасное различие между лицами Троицы, отождествляя их и сливая в одно лицо, уча, что каждое из трех лиц Троицы есть особая форма выражения одного Божества, сменяющая другую во времени.

[54] *...«Единъ Богъ... едино крещенье»...* — Ефес. 4. 5.

[55] *...«Аще и ангелъ пришедъ с небесе... да будеть проклятъ».* — Галат. 1. 8.

[56] *...занеже мертвымъ тѣломъ служите...* — Автор имеет в виду, что таинство евхаристии совершается латинянами на бесквасном (то есть «мертвом») хлебе.

[57] *«Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».* — Ср. Откр. 22. 12.

[58] *...в затворѣхъ, и въ столпѣхъ...* — Речь идет об особенно аскетических видах иноческого подвижничества: затворничестве (уединении по обету и безвыходном пребывании в келье или пещере) и столпничестве (тоже уединении, сопровождавшемся еще и неподвижным пребыванием на столпе, — камне, скале, специально устроенном возвышении).

[59] *...и святыхъ отець 300 и 18, иже в Никѣи...* — Феодосий имеет в виду отцов 1-го Вселенского собора, который происходил в Никее в 325 г.

[60] *...Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Николы, и святаго отца нашего Антония...* — Феодосий Печерский имеет в виду церковных подвижников раннехристианских времен, святителей Василия Великого (IV в.), Григория Богослова (IV в.), Иоанна Златоуста (IV в.), Николу Мирликийского (IV в.), причтенных к лику святых, и присоединяет к ним только что скончавшегося своего современника, наставника и христианского брата Антония Печерского. Помимо всего прочего, эта деталь означает, что настоящая молитва родилась у Феодосия на последнем году его жизни, ибо известно, что Антоний скончался в 1072/1073 г., а Феодосий — в 1074 г. *...Антония...* — В ркп. добавлено: и Феодосия; так редактировал молитву преп. Феодосия писец настоящего ее списка.

ПЕРЕВОД

В ЧЕТВЕРГ 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИА СЛОВО О ТРЪПѢНИИ И О ЛЮБВИ И О ПОСТѢ

Господи, благослови!

Многажды друзии отгоними мною искушениа ради, а не останутся, дондеже получать святый тьй даръ. То что створю, не вѣмъ, убогый! Аще бо умолчю вашего ради роптаниа, угождаа вамъ вашеа ради слабости, то камение възъпиеть. Не азъ бо то глаголю, но они свѣтила вселеныа всея, истиннии стлъпи, правыя вѣры всадители, наставници всему доброму благонравию, вожди истиннии и свѣтила негасущая. Нынѣ бо печалуемь и скорбимъ о инѣх богоувѣдѣнии, о нѣмже бы нам радоватися и хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят час пришедшим не похули их опождениа, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъутра дѣлавшим; ропщющим бо на винограднаго владыку, *что бо рече*: «Друже, не обижю тебе; не тако ли съвѣщах с тобою, и не лѣт ли ми въ своих, якоже хощу».[1]

Нынѣ же азъ, худый, въ умѣ приемъ заповѣд благаго Владыкы, се вѣщаю вамъ: лѣпо бо бяше намъ от трудовъ своих кръмити убогыа и странныя, а не празднымъ пребывати, прѣходити от келии въ келию. Слышасте бо Павла, глаголюща: «Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох, но нощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдах, и руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»,[2] и пакы: «Праздный да не ясть».[3] Мы *же* ничсоже того не створихомъ. Аще бы не благодать Божиа приспѣла на нас и кръмила боголюбивыми человѣкы, что быхом сътворили, на своя труды зряще, да аще речемъ: пѣниа ради нашего или поста ради или бдѣниа та намъ вся приносять, и за всѣх бо за приносящих ни единою поклонимся.

Слышасте бо притчю о десяти дѣвахъ, мудрых а 5 несмысльных.[4] Вѣщеваеть бо святое Евангелие: мудрыя же дѣвьства съблюдоша, и свѣтилникы своя украсиша милостынями и вѣрою, и внидоша въ чрътогъ радостный, и никомуже не възъбраняющю им. Оны же буяя како нарѣкошася? Понеже дѣвьственую печать съблюдоша неразориму и в пощении и въ бдѣнии, въ молитвах стончиша плоть свою, масла же милостыни не принесоша въ свѣтилницѣх своих душь, и того ради изъгнани быша исъ чрътога; и тогда възыскаша продающих милостыня нищих, но не обрѣтоша, уже бо затворишася двери человѣколюбиа Божиа.

Да не лѣпо нам есть, възлюблении, посылаемых от Бога на ползу душамъ и телесем нашимъ от боголюбивых человѣкъ удержати себе, но инѣмъ подаати трѣбующимъ. «Луче бо, — рече апостолъ, — даяти, нежели взимати»;[5] «Блаженъ, — рече, — разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавить̀ и Господь»;[6] и еще: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть».[7]

Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрѣва ради падоша въ пустыни; ни помышляемь бѣсовскых помышлений, иже всѣвають въ

сердца наша неподобнаа, не дающе намъ хвалы въздати Богу о всѣхъ благодатех его, еже к намъ. Слышите бо, въ что изыде роптание онѣхъ.

Не первѣе ли, егда ведяше я Моиси къ морю Чрьмному столпом огньнымъ облачномъ, и они, забывше онѣхъ казни и елико сътвори имъ Богъ в Египтѣ Моисѣом и Ароnомъ, не възпиша ли на Моисѣя: «Что извел ны еси сдѣ, да умрем нынѣ в пустыни сей; не луче ли да быша гроби наши въ Египтѣ были!»[8] Да егда проведе их Богъ сквозѣ Чрьмное море рукою Моисеовою и врагы их потопи,[9] приидоша въ Мерры и обрѣтоша ту горкыа воды, и пакы усъкориша и забыша дѣлъ Божиих, възропташа на Моисѣя, глаголюще: «Чьто пиемь! Се бо въвел ны еси въ пустыню сию безводную, нѣимущи никакояже утѣхы». И не ослади ли имъ Богъ горкых водъ?[10] То и ту не осташа в разумѣ, но по тѣх всѣх чюдотворных поклонишася тѣлцю.[11] Да аще бы не Моисѣй стал во сокрушении ко Богу о нѣх, то потрѣбилъ бы я Богъ от лица земли. И пакы воду имъ ис камени источи[12], и хлѣбы имъ съ небесе дарова.[13] То или похвалиша Бога, безъблагодатнии? Но начаша глаголати: «Егда подаваем от хлѣба иноязычникомъ?»

И не о всѣх ны слово сии есть, но о тѣх, иже тѣм болят и втайнѣ ропщущих. Но того дѣля глаголю то всѣмъ, да не вси приимуть яко квасъ злосрѣбролюбнаа. Глаголаше: «Почто гыбель сиа бысть? Можаше бо се миро роспродатися на мнозѣ и датися убогымъ»,[14] и послѣди же не продаст ли Июда учителя своего на 30-тех срѣбреницѣх, а самъ удавися. И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаще въ васъ. И аще бых моглъ, и възъглаголал ко вашей любви оно пророчьское слово: «Кто дасть главѣ моей камение и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и нощь дщере людий моих!»[15] Удалихом бо ся въ пустыню, по Писанию, и чаемь Бога, спасающаго насъ. И не изведе ли насъ, акы изъ Египта, от мира въ пустыню сию безводную, не рукою Моисѣовою, но благодатию Божиею. И что облиховани быхом, братиа моя и отци?! Что бо принесосте от имѣний своих на мѣсто се или что азъ трѣбовахъ от васъ, приимая въ обитель сию? И человѣколюбие Божие что насъ лиши?! Нѣ вся ли подасть намъ молитвами святыя Богородица?!

Да тѣмъ молюся вамъ от всея душа моея, любимици мои, не прѣбываимъ въ дводушии, да не прогнѣваемъ благаго Владыкы, якоже и бни непокоривии. Но въздадимъ хвалу благому Владыцѣ, о иже тако о насъ смотрить и вся намъ изобилия подаваеть, не помня немощей наших; и длъжни есмы к нему глаголати оно Давыдово слово: «Что есмы грѣшнии, Господи мой, Господи, о иже ты и насъ изъбра и та вся намъ дарова! Смирихъ бо ся, — рече, — спаси мя»[16], и: «Въ смирении нашем помянул ны Господь»[17]. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем.

В ПЯТОК 3 НЕДѢЛИ ПОСТА СВЯТАГО ФЕОДОСИА ПОУЧЕНИЕ О ТРЪПѢНИИ И О СМИРЕНИИ

Господи, благослови!

Подвизайтеся, трудници, да приимѣте вѣнець тръпѣниа вашего, Христос бо ждеть входа нашего. И въждезѣмъ свѣтилникы наша любовию и послушаниемъ, кротосьтию и смирениемъ и срящем Христа непостыдномъ лицемъ, глаголюще къ намъ: «Приидѣте, иже мене ради потружавшеся въ молитвах и въ бдѣниих и въ всякых службах, и приобщитеся благых». Паки же речеть лѣнивым и неродивымъ: «Идѣте от мене, проклятии, не знаю вас, якоже вы не слышасте гласа рабъ моих, пророкъ и апостоль, и святыми Евангелии позывающа въ царство небесное, тако и азъ васъ не слышу; но емуже послѣдоваете, тому же и обѣщници будете мукамъ бесконечнымъ».

Билу бо ударѣющу, не лѣпо ны есть лѣжати, но въстати на молитву, якоже ны богоносивый Феодоръ учит[18] и Давыдьское оно слово въ умѣ имѣюще и глаголати: «Готово сердце мое, Боже, готово».[19] Да егда второму клѣпанию кончевающуся, тогда и своя ногы вготовимъ на сшествие церковное, помысла своего не дряхла имуща, но весела, и въздающе хвалу живодавцю Богу, прѣпроводившу нас връсту нощную, и въ устѣх имѣюще пророка Давыда и царя псалом, в нѣмже глаголеть: «Възвеселихся о рѣкших мнѣ: в домъ Господень внидемъ»[20] и прочее. Такожде входяще въ церковь и «Святый Боже» поюще, таже с лѣпотою поклонившеся Христу трижды до земля и съ великою боязнию и съ страхом стати безмолвно при стенѣ, гласы немлъчны въспѣвающе к Вышнему, иже насъ грѣшных сподобилъ входа церковнаго, не имѣюще собѣ подъпоры стѣны, ни стлъпа, еже намъ суть на честь створена. Егда бо и къ другомъ приходимъ, то достоить нам, поклонение створше до земля и связавше руцѣ, аки рабу Божию стати прѣд нимъ, Христа о сѣмъ подражающе, видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже.[21] И повелѣно ны есть другомъ толикы чьсти даяти смирениа ради, имже добродѣтелныа вѣнца украшаемъ; еже бо не поклонитися другу своему и руцѣ долу повѣсити, то неродивых мужь и лѣнивых и въ умѣ *гордяшихся*. И въ церкви боле того есть, на честь бо намъ стлъпи суть и стѣны церковныа, а не на бе-щестие.

Кадящу прозвитеру святый олтарь и намъ чающимъ присѣщениа кадилнаго, не лѣпо с лѣностию стояти, но страх великый имѣти. Святое бо кадило образъ Святаго Духа есть, да не лишимся того, любимици! Да егда приобрящемся благодати Святаго Духа кадилным присѣщениемъ, и на мѣсто свое шедше и стати ны лѣпо есть съ всякою кротостию, якоже въ уставѣ пишеть, сонъ отложивше и мертва себе сътворити къ копасаниемъ и к кашлю акы нечювствьна, и съ умилениемъ молитися Богу, да послеть намъ помощь скончати намь въ блазѣмъ тръпѣнии заутреню и канонъ.

Да егда присѣщениемъ Божиимъ въсиаеть въ душах нашихъ свѣт истинный и по пѣнии «Богъ Господь» егда начнемъ псалтырное пѣние, не лѣт ны есть другъ друга прихватити стиховъ и пѣнию мятежь творити немалъ, но на стрѣйшаго сторону взирающе, и безъ того початиа не лѣпо есть починати никомуже; тако бо доброчиньство бываеть. И егда, починающе пѣснь или «аллилуа», покланяние междю събою творим, подражающе о сѣмъ ангелы, длъжни есмы взирати в томъ на старѣйшиу сторонѣ, да егда онъ поклонится, и мы поклонитися, послѣдующе ему, должни есмы добролѣпне. Ангелы бесплотныа видѣша пророкы поюща и поклоняющася и Богу хвалу въздающе съ прѣстояниемъ. Нам же кацѣмъ быти достоить, сподобившимся съ ангелы Богу невидимому служити и прѣстояти, от негоже мъзды длъжныа чаем! Тъ бо съвѣсть сердца наша, кого дѣля пристоимъ въ святѣй церкви. Да не лѣнимся, любимици мои, о годинах и о службѣ своей Испытающему вся дѣла наша и помышлениа наша. Открыем съгрѣшениа наша сдѣ прѣдъ худымъ человѣкомъ, да тамо не обличена будуть, прѣдо вселенною. И блюдѣмъ годинъ заутрьних, и обѣдѣнных, и павечерних; иже бо погубляеть годины лѣности ради, татбѣ подобно есть украдаа святаа; *проклят бо есть иже дело Божие делает со нерадением*.

Да не лѣнимся, любимици мои, братиа и отци, и чада духовнаа, избраннаа! Съ слѣзами бо глаголю горкаа словеса къ вашей любви, понеже вамъ глаголю, сам не створя. И на мнѣ днесь сбыстъся реченое от пророка: «Грѣшнику же рече Богъ: “въскую ты повѣдаеши завѣть мой усты твоими! Ты же наказание възненавидѣ и низъврьже словеса моа въспят. Аще видяше тате, течаше с нимъ, и съ блудникы участие свое полагаше, и на братъ свой клѣвѣташе, и на сына матере своея полагаше съблазнъ. Сие створилъ еси, и умолчах. А *вознепщевал еси, безаконниче, яко буду* подобенъ тебе! Обличю тя и поставлю прѣд лицемъ твоимъ грѣхы твоя, да разумѣють вси забывающеи Бога, егда къгда похитить и не будеть избавляющаго”».[22] И пакы: «Усты твоими сужю ти, рабе лукавый, — добрѣе бы ти было, да бы възвратилъ срѣбро мое, да бых тщивымъ дѣлателемъ вдалъ, иже быша ми въздали съ прибыткомъ».[23] Да нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да нѣ къто умреть въ моемъ молчании лютым грѣхомъ. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем.

ВЪ ВТОРНИК 3 НЕДѢЛИ ПОСТА НА ЧАСѢХ СЛОВО УТѢШНО КЪ БРАТИИ О ДУШЕВНѢЙ ПОЛЗѢ

Господи, благослови!

Азъ, грѣшный и лѣнивый, погрѣбый талантъ свой в земли, а не придѣлавъ имъ ничтоже, и чаю по вся дни на себѣ онѣх лютых и немилостивыих истязатель, и прѣщения оного страшнаго, и гнѣва лютаго, егда начнет глаголати: «О, злый рабе и лѣнивый, непотрѣбне, добрѣе бы створилъ, да бы възвратилъ сребро мое добрым пенязником, и поспѣшным и дѣтельнымъ, иже быша ми въздѣлали съ лихвою»,[24] нынѣ же нуждю имѣю глаголати и глаголю, и, глаголя, не прѣстаю, не яко учитель, но яко рабъ, съ слезами моляся и колѣнех ваших касаяся, и указаа вамъ прѣдлежащая благаа и грядущаа муки, да бысте не погрешили благыа оноя надежда. Немало бо то зло, еже нам тацѣх даров лишенымъ быти и въ непроходимая и адъскаа мѣста *впасти* лѣностию хождения ради и красотъ маловрѣменных, въ нихже ничсоже успѣша, послѣдовавше таковым. Азъ же, унылый, имѣя в собѣ корѣнь злаго того проращениа от моея лѣности, ни самъ входя въ царство небесное и вамъ препону творя своею лѣностию и своими неподобными нравы, судих себе двоичю и трижды отлучитися от вас. И се створих, не добродѣтелий дѣания онѣхъ святых подражати хотя, но се луче судих, да поне вас не упражняю от благого подвизания, аще бо бых с вами былъ, немалу съпону вам створилъ бых собою, отставилъ вы бых от Божиа пути. Мнѣ бо, грѣшному, еже единъ день отлучитися от васъ въ все ми ся лѣто вмѣняеть, паче же достоания церковнаго и почитаниа божественых словесъ и житиа святыих, егоже облиши мя лѣность моя немалаа, еюже акы веригами связанъ лежу, и ума моего, акы Лазаря другаго пред враты, повръжена,[25] токмо вѣрное око къ Богу простирая и Богородицу съ вышнею молитвою на помощь призывая, да нѣкако бы ся умилосердилъ благый Богъ ваших дѣля молитвь и любовь, юже ко мнѣ имѣете. Падох бо падениемъ злымъ; аще не Господь бы помоглъ мнѣ и Богородица, вмалѣ не вселилася бы въ адъ душа моя. И видѣх, чего дѣля падохъ: оставивъ порученую ми службу, и въслѣдовах трапезамъ, и не чюях себе сводима къ пропасти адьстѣй. Но человѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря, струпы посыпана и гнойна, умерша, но въскресилъ *ѝ*,[26] тожде и на мою немощь присѣти, не призрѣ моея лѣности, но пусти на мя духъ уныниа, имже угнѣтаемъ есмь и донынѣ, егоже дѣля удалихся от васъ, чая, по писаному, Бога спасающаго мя. Въ моем бо отлучении от вас не чюх себе ничсоже добра приискавша, но токмо имый бдѣниа и пощениа; не могох скончати якоже вы, да тѣмъ и осудих ся. Вашеа ради любве радуюся,

еже в толицѣ злѣ видяще мою худость, не възгнушастеся моих словесъ, еже въ моемъ отхождении к вамъ изглаголаная, но съ всякым тщанием створисте`я. И своея бо лѣности забых въ вашемь тщании, и еже бо велико поспѣшение имѣете о службѣ церковнѣй, и въ длъготрьпѣниѣ стоании въ всѣх бо годинах и службах обрѣтающеся, и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся[27]. Потщание имѣйте, да тогожде блаженьства сподобистеся и жизни вѣчнѣй причастници будете о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем.

ПОУЧЕНИЕ СЛОВО КЪ КЕЛАРЮ СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ В КЫЕВЕ

Брате, се от рукы Христовы и от престола славы его приемлеши сию службу. Имѣй страхъ его предъ очима си: потщися порученое тобе дѣло непорочно свершити, да и вѣнца от Христа достоинъ будеши. И да мнить ти ся онъ престолъ вышний, егоже видѣ Исая, к немуже единъ от серафимъ посланъ бысть, имѣяй угль, не опаляяй пророка, но просвѣщаяй.[28] Тако же и ты, брате, вземляй ключь, акы огнь, а се от престола, на немже жрѣться Христосъ по вся дни, аще сию службу, *сыну* имярек, в чинъ монастырьскый съ душевною приязнию исправиши, щадить ти ся правѣдный венець и будеть ти сий ключь просвѣщаяй и спасаяй душю твою. Аще ли уклониши сердце твое преобидети что монастырьское или окрадати что и себе притяжати и сбирати паче, а не манастыреви, и будеть ти сий ключь опаляяй душю твою, здѣ и въ будущий вѣкъ, геона тя прииметь и судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя. Та бо, уемша у цены села своего, напрасно умроста,[29] ты же горцей муце достоинъ будеши, крадый чюжая или раздаваяй безъ чину своимъ. Геезино прокажьство[30] наидеть на тя, — не телесно, но душевно. Внимай себе, брате, и службѣ своей, да спасеть тя Господь ото всѣх сих молитвами святыя Богородица и всѣх святыхъ твоихъ, и нынѣ, и присно.

ВЪПРАШАНЬЕ ИЗЯСЛАВА КНЯЗЯ, СЫНА ЯРОСЛАВЛЯ, ВНУКА ВОЛОДИМИРЯ, ИГУМЕНА ФЕДОСЬЯ ПЕЧЕРЬСКОГО МАНАСТЫРЯ

Что възмыслилъ еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижьна и худа о таковей вѣщи, — въпрашалъ бо еси: аще есть подобно въ день въскресный, еже есть недѣля, заклати ли волъ, ли овьнъ, или птицю, или что от тѣхъ и аще подобно мяса ихъ ясти въ день въскресения, въ недѣлю!

Ибо недѣля не наричется недѣля, якоже вы глаголете, нъ първый день всея недѣлѣ наричется. Понеже Христосъ Богъ нашь в тотъ день въскресе из мертвыхъ, и наричется въскресный день. А понеделникъ наричется вторый день, а вторникъ — третий, а среда — четвертый, а четвертокъ — пятый, а пятница — шестый, а субота — седмый. В тѣхъ днехъ свѣршилъ Богъ вся дѣла, небо, и землю, и все, яже в нихъ; последи же створи человека, цесаря надо всѣмъ; въ семый день сконьча вся дѣла.

Исъходящемъ же израильтомъ изъ Египта от работы фараона и прошедшомъ древле Чьрьмное море посуху, и въведѐя въ пустыню и прѣпита̀я ту лѣтъ 40 и законъ имъ да на дъсцѣ камянѣ — Божиимь пьрстомъ написано и дано Моисѣю — и суботу имъ хранити повелѣ: отинудь не дѣлати[31], ни огня възгнѣщати[32], ни закалати, нъ вечеръ в пятокъ все приготовити и заутра ясти, ни прѣходити исъ храмины в храмину, егоже хранять и до днешняго дне израильтяне. А понеже Господь Богъ наш съниде на землю, — жидовьская вся умолкоша. И нѣсмы чада Авраамля, нъ чада Христа Бога нашего святаго ради крещения, въ неже самъ ся крестилъ. Господне бо крещение очищаеть еже от рожьства грѣхы.

А иже реклъ ти во недѣлю не рѣзати, ни того ясти, то не от Святаго Писания реклъ, нъ от своего сердца. Рече бо святый Павелъ апостолъ: «Иже кто благовѣстить вамъ паче насъ, еже мы благовѣстихомъ вамъ, проклятъ да будеть».[33] И нѣсть ти възбранено, ни грѣхъ, еже рѣзати въ недѣлю. Аще бо таковый нравъ приимемъ, еже въ суботу рѣзати, а въ недѣлю ясти, то явѣ жидовьствуемь.

Реклъ бо еси, благородне, аще отречется въ среду и в пятницю не ясти мясъ, добро ли есть. Добро вельми и полезно. И не я сего завѣщаю, нъ божьствении святии апостоли да тако бо законъ положиша: да всякъ крестьянинъ постится въ среду и в пятокъ, бѣлци — от мясъ, а черньци — от сыра, въ среду же понеже съвѣтъ створиша жидове на Христоса, а в пятокъ распяша Господа безаконьници. Ты же, княже мой, аще которыя ради вины отреклъся еси или напасти ради въ среду и въ пятокъ мясъ не ясти, — глаголетъ Давыдъ, пророкъ и царь: «Обѣщайтеся и въздадите»[34], — недостоить человеку крестьяну себе связати, оже не ясти, ни пити, нъ оже связанъ будеть от отца духовнаго.

Обаче прѣдание имамы от святыхъ апостолъ и от святыхъ богоносныхъ отецъ: въ Господьскыхъ праздницѣхъ и святой Богородици въ всѣ празникы и въ память святыхъ апостолъ 12 празновати духовно, а от изъбытька вашего питати убогыя. И понеже еси мене въпрашалъ недостойнаго, — аще связанъ еси отцемь духовныимъ въ среду и в пятокъ мясъ не ясти, от того же и раздрѣшение приими; или самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя. Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ Господьскый празникъ, *любо святѣй Богородици*, *ли 12 апостолъ*, то ѣжь мясо[35]. И Богъ мира буди с вами. Аминь.

ТОГО ЖЕ ФЕДОСИА К ТОМУ ЖЕ ИЗЯСЛАВУ

Азъ, Федосъ, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, въ чистѣй и въ правовѣрнѣй вѣрѣ роженъ есмь и въспитанъ добрѣ въ законѣ правовѣрнымъ отцемь и матерью християною,[36] наказывающа мя добру закону и норовмъ правовѣрныхъ послѣдовати, вѣрѣ же латиньской не прилучатися, ни обычая ихъ държати, и комькания ихъ бѣгати, и всякого ученья ихъ не слушати, и всего ихъ обычая и норова гнушатися и блюстися, своихъ же дьчерѣй не даяти за нѣ, ни поимаите у нихъ, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимь въ одиномъ съсудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ приимати. Тѣм же пакы у насъ просящомъ Бога дѣля ясти и пити, дати имъ ясти и пити, нъ въ своихъ съсудех. Аще ли не буде съсудау нихъ, да въ своемь дати и потомъ, измывъши же, сътворити молитва. Занеже неправо вѣруют и нечисто живуть: ядять съ пьсы и съ кошьками,[37] пьють бо свой сьчь[38] и ядять жълвы, и дикѣи кони, и осьлы, и удавленину, и мертвьчину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровый ядять.[39] Въ говѣнье и мяса пущають пьрвоѣ недѣлѣ поста въ вторникъ.[40] И чьрьнци ихъ ядять лой и въ суботу постятся и, постившеся, вечеръ ядять молоко и яйця. А съгрѣшениемь не от Бога просять прощения, нъ пращають попове ихъ по дару.[41] А попове ихъ не женятся[42] законьною женою, нъ съ робами дѣтей добываюче и служать невъзбраньно. И пискупи ихъ наложьницъ държать и на войну ходять.[43] И опрѣснокомъ служать.[44] И иконъ не цѣлують, ни святыхъ мощей.[45] И крестъ цѣлують, лежаще, написавше на земли, а въставше, попирають ногами.[46] Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ положать, а не на перьсѣхъ.[47] Женящеся у нихъ поимають двѣ сестреницѣ.[48] А крещаются въ одино погруженье,[49] а мы въ три. Мы же, крещающеся, мажемься мюромъ и масломъ, а они соль сыплють крещаемому въ ротъ.[50] Имени же не нарицяють святаго, нъ како прозовуть родители, в то имя и крестять.[51] Се же пакы глаголють и Духа Святаго исходящаго *от Отца и от Сына*.[52] Мы же не глаголемъ: *от Сына*. И ина многа суть яже въ тѣхъ злая и неправая и развращеная, и погыбели полна вѣра ихъ и делеса ихъ;

егоже ни жидове творять, то они творять, много же и въ *Савьску* ересь въступають.[53]

Мнѣ же рече отець: «Ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлесъ, занеже исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людий. Да кто спасая и спасеть свою душю, въ правовѣрнѣй вѣрѣ жива. И нѣсть бо иноя вѣры, лучьши, якоже наша едина чистая и честная и святая си вѣра правовѣрная. Сею вѣрою живущи и грѣховъ избыти, и мукы вѣчьныя гонезнути, и жизни вѣчьнѣй причастникомъ быти и бес концця съ святыми радоватися. А сущему въ иной вѣрѣ — ли в латиньской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской — нѣсть видѣти жизни вѣчьныя, ни части съ святыми.

Не подобаеть же хвалити чюжѣ вѣры. Аще ли хвалить кто чюжюю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля Аще ли начьнеть непрѣстанно хвалити и свою и чюжюю, то обрѣтается таковый двовѣрье держа и близъ есть ереси. Ты же, чадо, такыхъ дѣяний блюдися, ни присвоися к нимъ, нъ бѣгай от нихъ, якоже можеши, и свою вѣру едину непрѣстанно хвали, подвизаяся въ ней добрыими дѣлы.

Милостынею же милуй, не токмо своея вѣры, нъ и чюжея. Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одьржима, аще ти будеть ли жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли от поганыхъ, — всякого помилуй и от бѣды избави, якоже можеши, и мьзды от Бога не погрѣшиши. Богъ бо и самъ нынѣ набьдить поганыя, якоже и крестьяныя. Поганымъ же и иновѣрнымъ въ семь вѣцѣ попечение от Бога, въ будущемь же чюжи будуть добрыя дѣтели. Мы же, живущеи въ правовѣрнѣй вѣрѣ, и сдѣ есмы набьдими Богомь, и въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господемь нашимъ Исусъ Христомь».

Рече ми отець: «Чадо, аще ти ся лучить по вѣрѣ сей святѣй Господа ради умрети, то с дерьзновеньемь не останися правыя сея вѣры, нъ умри за Христову вѣру. И святии бо, — рече, — по вѣрѣ умроша, да и живи суть по Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкыя иновѣрныя, съ вѣрными прю дѣюща и прѣльстию хотяща отвести от правыя вѣры, невѣжамъ сущемь вѣрнымъ, ты же, вѣдѣние имы, и не скрый въ собѣ, нъ помози правовѣрьныимъ на кривовѣрныя. И аще имъ поможещи, то яко овьця избавиши от устъ львовъ. Аще ли умолчиши то яко отемь у Христоса, прѣдаеши ихъ сотонѣ, тъ бо есть кривовѣрныя кривѣй вѣрѣ научилъ».

И аще ти речеть прьць: «Сию вѣру и ону Богъ далъ есть», ты же, чадо, рци: «То ты, кривовѣрне, мниши ли Бога двовѣрна! Не слыши ли, оканьне и развращене злою вѣрою, Писанье тако глаголеть: “Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье”,[54] и Господь рече: “Тако бо лѣпо есть намъ исполнити волю”, да сее все исполнивъ, толи възнесеся, а ученикы посла на проповѣданье. Ты по проповѣдании апостольстѣмъ толико лѣтъ дѣржавъ правую вѣру, съвратилъся еси на зловѣрье по научению сотонину. Не слышите ли Павла глаголюща: «Аще и ангелъ пришедъ с небесе благовѣстить вамъ не якоже мы благовѣстихомъ, да будеть проклятъ».[55] Вы же отринувше проповѣдание апостольское и святыхъ отець исправления, приясте неправедное ученье и вѣру развращену и исполнену многыя погыбели. Того ради и от нас бысте отвѣржени. Да того ради и намъ с вами недостоить сужатия имѣти, ни къ Божьствьнамъ Тайнамъ обьще с вами намъ не приступати, ни вамъ к нашей службѣ, ни намъ къ вашей, занеже мертвымъ тѣломъ служите,[56] акы мертва Господа мняще. А мы службу творимъ живымъ тѣломъ, самого Господа жива видяще и одесную Отця сѣдяща, и пакы приидеть судить живымь и мертвымъ. Вы же есте, о латинине, мрьтви иже мрьтву жертву съдѣваете. Намъ живу Богу живу жрьтву чисту и непорочну приносяще, животъ вѣчьный обрѣсти. Тако бо и писано есть: «Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».[57]

МОЛИТВА СВЯТАГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРЬСКАГО ЗА ВСЯ КРЕСТЬЯНЫ

Владыко Господи человѣколюбче! Иже суть вѣрнии, Господи, утверди`я, да будуть вѣрнѣйши того; иже суть неразумливии, ты, Владыко, вразуми я. Иже суть погани, Господи, обрати`я на крестьянство, и ти будуть братья наша, Иже суть в темьницахъ, или въ оковѣхъ, или в нужи, ты, Господи, избави`я от всякоя печали. Иже суть в затворѣхъ, и въ столпѣхъ[58], и в печерахъ, и въ пустыни, братья наша, ты, Господи, подажь имъ крѣпость к подвигу.

Помилуй, Господи, князя нашего, имярек, и град сь, и вся сущая люди в немь. Милостью своею помилуй и мене, раба твоего грѣшнаго, имярек, аще и многогрѣшенъ есмь, но правою вѣрою рабъ твой есмь.

Спаси и помилуй, Господи, епископа нашего, имярек, и весь чинъ мнишьскый съ иерѣи и дьяконы, и вся правовѣрныя крестьяны, имярек.

Помилуй, Господи, сущихъ в недостаточьствѣ и озлобленыя нищетою, подажь имъ богатую милость, моления ради святыя Богородица, и силою честьнаго креста и святаго триднььнаго въскресения твоего, и славнаго пророка и предотеча ради Иоана, и всѣхъ пророкъ и апостолъ твоихъ, святитель и мученикъ, и преподобныхъ отець, и святыхъ женъ, и всѣхъ святыхъ твоихъ, и святыхъ отець 300 и 18, иже в Никѣи,[59] и святыхъ отец, поручникъ нашего покаяния: Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Николы, и святаго отца нашего *Антония*[60] всея Руси свѣтилника, обѣщавшаго молитися за ны.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, правовѣрныхъ князь нашихъ и епископъ, имярек, и вся сродникы наша по плоти, имярек.

И покой, Господи, душа рабъ своихъ, всѣхъ правовѣрныхъ крестьянъ, умершая въ градѣхъ, и в селѣхъ, и в пустыняхъ, и на путихъ, и на мори.

Покой я на мѣстѣ свѣтлѣ, в лици святыхъ, въ оплотѣ благаго рая и жизни бесконечной и неизглаголанѣмъ и немерцаемѣмъ свѣтѣ лица твоего.

Яко ты еси покой и въскресение усопшимъ рабомъ твоимъ, Христе Боже нашь, и тебе славимъ съ Отцемь и Святымь Духомь, и ныня и присно.

---

[1] *...хвалу въздати благому Владыцѣ, иже въ первый надесят час пришедшим не похули их опождениа, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъутра дѣлавшим... не лѣт ли ми въ своих, якоже хощу».* — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о работниках в винограднике. См. Мф. 20, 13—15.

[2] *«Яко нигдѣже туне хлѣба не ядох... руцѣ мои послужиста си мнѣ и инѣмъ»...* — Ср. 1 Фес. 2. 9—10; 2 Фес. 3. 7—8.

[3] *«Праздный да не ясть».* — Ср. 2 Фес. 3. 10.

[4] *Слышасте бо притчю о десяти дѣвахъ, мудрых а 5 несмысльных.* — Здесь Феодосий имеет в виду евангельскую притчу о десяти девах. См. Мф. 25. 1—12.

[5] *«Луче бо... даяти, нежели взимати».* — Деян. 20. 35.

[6] *«Блаженъ... разумѣваяй на нища и убога... избавить и Господь».* — Пс. 40. 2.

[7] *«Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть».* — Мф. 5. 7.

[8] *...егда ведяше`я Моиси къ морю Чрьмному... гроби наши въ Египтѣ были!»* — Здесь и далее Феодосий имеет в виду события, которые происходили при исходе израильского народа из Египта в землю обетованную. См. Исход. 13. 18—22; 14. 10—12.

[9] *Да егда проведе их Богъ сквозѣ Чрьмное море... и врагы их потопи...* — См. Исход. 14. 21—31.

[10] *...приидоша въ Мерры... не ослади ли имъ Богъ горкых водъ?* — См. Исход. 15. 23—25.

[11] *...поклонишася тѣлцю.* — См. Исход. 32. 1—14.

[12] *...воду имъ ис камени источи...* — См. Числ. 20. 1—11.

[13] *...хлѣбы имъ съ небесе дарова.* — См. Исход. 16. 4, 12—35.

[14] *...«Почто гыбель сиа бысть? Можаше бо се миро... и датися убогымъ»...* — Мф. 26. 8—9; ср. Мк. 14. 4—5; Иоан. 12. 4—5.

[15] *...«Кто дасть главѣ моей камение... да плачюся... дщере людий моих!»* — Ср. Иерем. 9. 1.

[16] *«Смирихъ бо ся... спаси мя».* — Пс. 114. 5.

[17] *«Въ смирении нашем помянул ны Господь».* — Пс. 135. 23.

[18] *...якоже ны богоносивый Феодоръ учит...* — Феодор Студит (VIII—IX вв.), игумен Студийского монастыря в Константинополе, с именем которого связывалось сложение Студийского церковно-монастырского устава. Феодосий имеет здесь в виду правила Студийского устава, которыми руководствовались в Киево-Печерском монастыре. Студийский устав был принят в Киево-Печерском монастыре в первые же годы его существования (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 108; *Абрамович Д. И.* Киево-Печерський патерик. У Київі, 1931. С. 39) и отсюда распространился по всем другим русским монастырям и оставался в обиходе на Руси вплоть до XIV века, когда его сменил Иерусалимский устав.

[19] *...«Готово сердце мое, Боже, готово».* — Пс. 56. 8.

[20] *...«Възвеселихся о рѣкших мнѣ: в домъ Господень внидемъ»...* — Пс. 121. 1.

[21] *...видимъ бо его предстояща прѣд Пилатом и поругаема и не глаголюща ничсоже...* — См. Мф. 27. 11 и след.; Мк. 15. 1 и след.; Лк. 23. 1 и след.; Иоан. 18. 28 и след.

[22] *...«Грѣшнику же рече Богъ... и не будеть избавляющаго».* — Пс. 49. 16—22.

[23] *«Усты твоими сужю ти, рабе лукавый... иже быша ми въздали съ прибыткомъ».* — Ср. Мф. 25. 26—27.

[24] *...«О, злый рабе и лѣнивый... иже быша ми въздѣлали съ лихвою...»* — Ср. Мф. 25. 26—27.

[25] *...акы Лазаря другаго пред враты, повръжена...* — Феодосий имеет здесь в виду евангельскую притчу о богатом и Лазаре. — См. Лк. 16. 19—25.

[26] *...человѣколюбивый Бог, иже не презрѣ Лазаря... но въскресилъ ѝ...* — Феодосий имеет здесь в виду евангельское чудо воскрешения Лазаря. См. Иоан. 11. 2—45.

[27] *...и божественаго Феодора о заповѣдехъ радующеся.* — Имеется в виду Студийский устав.

[28] *...онъ престолъ вышний, егоже видѣ Исая... не опаляяй пророка, но просвѣщаяй.* — Феодосий имеет в виду эпизод из Книги пророка Исаии, где описывается призвание Исаии к пророческому служению. См. Ис. 6. 1—7.

[29] *...судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнѣтъ тя... напрасно умроста...* — Феодосий имеет в виду чудо, о котором рассказано в Деяниях апостольских: Анания и жена его Сапфира, желая стать членами иерусалимской общины христиан, продали свое имение, но принесли в общину только часть цены, выдав ее за всю полученную сумму; карой за ложь была им внезапная смерть. См. Деян. 5. 1—10.

[30] *Геезино прокажьство...* — Гиезий, слуга пророка Елисея, был наказан проказой за взятое тайно и с помощью лжи серебро. См. 4 Царств. 5. 20—27.

[31] *...отинудь не дѣлати...* — См. Исход. 31. 15—18.

[32] *...ни огня възгнѣщати...* — См. Исход. 35. 3.

[33] *...«Иже кто благовѣстить вамъ паче насъ... проклятъ да будеть».* — Ср. Галат. 1. 8. 9.

[34] *...«Обѣщайтеся и въздадите»...* — Пс. 75. 12.

[35] *Егда ся приключить въ среду или въ пятокъ... празникъ... то ѣжь мясо.* — Речь идет об обрядовой особенности, которая некоторое время держалась в русской церкви. Как можно понять из ряда летописных

упоминаний, из записанных в середине XII в. канонических правил в сборнике, под названием «Вопрошение Кирика», а также из настоящего послания, по русскому обычаю XI—XII вв. пост в среду и пятницу полностью отменялся, если на эти дни приходились праздники господские, богородичные и нарочитых святых; в то время как в Византии уже в XII в. такая отмена совершалась лишь в праздники Рождества Христова и Богоявления (см.: *Макарий* (*Булгаков*). История русской церкви. СПб., 1888. Т. III, изд. 3-е. С. 105—111). Слова *«...любо святѣй Богородици, ли 12 апостолъ...»* — в ркп. зачеркнуты и на поле внизу другим почерком написано *Рожество Христово и Крещение Господне*. Так переписчик данной рукописи поправил Феодосия Печерского вследствии того, что к его времени указанный порядок отмены поста среды и пятка уже перестал практиковаться на Руси.

[36] *Азъ, Федосъ... въспитанъ добрѣ въ законѣ правовѣрнымъ отцемь и матерью християною...* — Общая характеристика родителей Феодосия Печерского как людей благочестивых имеется в его Житии.

[37] *...ядять съ пьсы и съ кошьками...* — Как это, так и следующие обвинения латинян находят себе аналогии в современных Феодосию и более ранних произведениях греческой антилатинской полемики. В сочинении «Стязание с латиною», приписываемом киевскому митрополиту Георгию (1062—1079 г.г.), подобное обвинение выражено более ясно и помогает понять данное место в послании Феодосия: «Иже ядять съ пьсы въ одиномъ съсудѣ, сами ядъше, а избытокъ поставляють пъсомъ, да полижуть, и потомь пакы сами ядять» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 71; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 195).

[38] *...пьють бо свой сьчь...* — Об этом есть в сочинениях византийских авторов (см. *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 71).

[39] *...ядять жълвы... и хвостъ бобровый ядять.* — В большинстве греческих полемических произведений против латинян говорится только об употреблении латинянами в пищу удавленины. Но в сочинении «О фрягах и прочих латинах», ходившем и в славянском переводе, находится близкое к посланию Феодосия перечисление различных видов «скверноядения» латинян (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 62).

[40] *Въ говѣнье и мяса пущають първоѣ недѣлѣ поста въ вторникъ.* — Речь идет о нарушении латинянами первой седмицы Великого поста.

[41] *...пращають попове ихъ по дару.* — Возможно, речь здесь идет о папских индульгенциях. В греческих полемических трактатах индульгенциям посвящался особый раздел (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 74).

[42] *А попове ихъ не женятся...* — Речь идет о целибате, принятом в западной церкви принципе безбрачия духовенства. Об этом говорилось

и в послании Константинопольского патриарха Михаила Керулария к Антиохийскому патриарху Петру, написанном во время окончательного разделения церквей в 1054 г. (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 48—49).

[43] *И пискупи ихъ... на войну ходять.* — Смысл этого обвинения становится более ясным, если сравнить его с отрывком из послания патриарха Михаила Керулария; вот его древний славянский перевод: «Епископи их... на брани же исходяще, кръвми свои руцѣ помазують и къ симъ душа убивающе и убиваеми» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49).

[44] *И опрѣснокомъ служать.* — Речь идет об употреблении западной церковью в таинстве евхаристии бесквасного хлеба, или опреснока, подаваемого причащающимся в виде круглой пластинки, облатки. Все антилатинские полемисты, греческие и русские, постоянно касались вопроса об опресноках в своих сочинениях.

[45] *И иконъ не цѣлують, ни святыхъ мощей.* — Этот пункт также был в послании патриарха Михаила Керулария.

[46] *И крестъ цѣлують, лежаще... а въставше, попирають ногами.* — В греческом сочинении «О фрягах и прочих латинах» этот пункт давался подробнее (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 61—62). О невольном попирании латинянами креста, начертанного ими прежде на земле, с осуждением говорилось и в Повести временных лет.

[47] *Мертвеча же кладуть на западъ ногами, а руцѣ... не на перьсѣхъ.* — О том, что латиняне не складывают руки покойникам на груди, а простирают вдоль тела, говорилось и в греческом трактате «О фрягах и прочих латинах» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 65).

[48] *Женящеся у нихъ поимають двѣ сестреницѣ.* — Очевидно, эта мысль Феодосия восходила к одному из пунктов послания патриарха Михаила Керулария, где осуждался тот факт, что у латинян два брата могли жениться на двух сестрах (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49).

[49] *А крещаются въ одино погруженье...* — Этот пункт упоминался и в послании патриарха Михаила Керулария (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49, 77).

[50] *...соль сыплють крещаемому въ ротъ.* — Упоминание этого латинского обряда также есть в послании Михаила Керулария (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 49, 63).

[51] *Имени же не нарицяють святаго, нъ како прозовуть родители, в то имя и крестять.* — Это положение также встречается в ряде антилатинских полемических сочинений (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 54; *Павлов А.* Критические опыты. ... С. 196).

[52] *...глаголють и Духа Святаго исходящаго от Отца и от Сына.* — Речь идет об основном католическом догмате, отделяющем западную церковь от греческой, догмате об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына (filiogue). Обличение этого догмата входило почти во все антилатинские полемические сочинения, как греческие, так и русские (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор. ... С. 8, 12, 35, 48, 54—55, 59—60).

[53] *...въ Савьску ересь въступають.* — Речь идет о ереси Савелия (III в.). Савелий и его последователи отвергали ипостасное различие между лицами Троицы, отождествляя их и сливая в одно лицо, уча, что каждое из трех лиц Троицы есть особая форма выражения одного Божества, сменяющая другую во времени.

[54] *...«Единъ Богъ... едино крещенье»...* — Ефес. 4. 5.

[55] *...«Аще и ангелъ пришедъ с небесе... да будеть проклятъ».* — Галат. 1. 8.

[56] *...занеже мертвымъ тѣломъ служите...* — Автор имеет в виду, что таинство евхаристии совершается латинянами на бесквасном (то есть «мертвом») хлебе.

[57] *«Въздасться комуждо по дѣломъ ихъ о Христѣ».* — Ср. Откр. 22. 12.

[58] *...в затворѣхъ, и въ столпѣхъ...* — Речь идет об особенно аскетических видах иноческого подвижничества: затворничестве (уединении по обету и безвыходном пребывании в келье или пещере) и столпничестве (тоже уединении, сопровождавшемся еще и неподвижным пребыванием на столпе, — камне, скале, специально устроенном возвышении).

[59] *...и святыхъ отець 300 и 18, иже в Никѣи...* — Феодосий имеет в виду отцов 1-го Вселенского собора, который происходил в Никее в 325 г.

[60] *...Василья, Григорья Богословця, Иоана Златоустаго, и Николы, и святаго отца нашего Антония...* — Феодосий Печерский имеет в виду церковных подвижников раннехристианских времен, святителей Василия Великого (IV в.), Григория Богослова (IV в.), Иоанна Златоуста (IV в.), Николу Мирликийского (IV в.), причтенных к лику святых, и присоединяет к ним только что скончавшегося своего современника, наставника и христианского брата Антония Печерского. Помимо всего прочего, эта деталь означает, что настоящая молитва родилась у Феодосия на последнем году его жизни, ибо известно, что Антоний скончался в 1072/1073 г., а Феодосий — в 1074 г. *...Антония...* — В ркп. добавлено: и Феодосия; так редактировал молитву преп. Феодосия писец настоящего ее списка.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Подготовка текста О. В. Творогова, перевод и комментарии Д. С. Лихачева

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г.— киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником — князем Олегом Святославичем. Против половцев Мономах организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. С этой целью он организовывал съезды русских князей, поддерживал культ «святых братьев» Бориса и Глеба, жизнь которых должна была подать пример послушания младших князей старшим, покровительствовал летописанию, напоминавшему об историческом единстве Руси и всего княжеского рода («все князья — братья») и писал сам произведения, в которых выражал те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине. В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира — это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы.

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивилловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах. Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (*РНБ*, F. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Ниже дается самый сжатый комментарий к «Поучению». Подробный комментарий см. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 425—457.

ОРИГИНАЛ

ПОУЧЕНЬЕ

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ,[1] отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы… и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех,[2] помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто,[3] слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но *емуже люба* дѣтий моихъ, а приметь ѐ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своея, страх имѣйте Божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моея[4] на Волзѣ, рѣша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича[5] и волость ихъ отъимем; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ`я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»[6] и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповай* на Бога, яко исповѣмся ему».[7] «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, — ти обладають землею».[8] И еще мало: «И не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его.

Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнут; праведныя же милуя и

даеть. Яко благословящии его наслѣдят землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко Господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».[9]

«Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».[10]

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози *борющиися* со мною свыше».[11] «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли».[12] «Измий мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отьими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою».[13] «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость».[14] «Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Тако* благословю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои»[15]. «Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду».[16] «Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его»,[17] и прочая.

Якоже бо Василий учаше,[18] собрав ту уноша: душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди *и* питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкых власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмъ услѣти, от Бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмь семь житьи.

Научися, вѣрный человѣче, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ».

«Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь. Аще будут грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я»,[19] и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: “Слава тобѣ, Человѣколюбче!”»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и́ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е к собѣ, тако же и Господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость Божью.

«Что есть человѣкъ, яко помниши и́?»[20] «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ»,[21] и пакы речемъ: «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли».[22] Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ помыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут,[23] и первѣе *въ* наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идут по всѣмъ землямъ Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, *иже* та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи; егда повелиши, то вспоють и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»,[24] всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будеть проклятъ».[25]

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: *а* се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего приимете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: «Якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас, грѣшных, помилуй!» И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжает дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человеѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакояже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены… с любовью взимайте от них благословленье,[26] и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву… от Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, *что ны* еси вдалъ, не наше, то твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ — брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землям любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Аще забываете *сего*, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ,[27] в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи *мои*,[28] Христе Боже, *иже* далъ ми еси свѣтъ твой красный!» И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ», тако похвалю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ,[29] посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с *Гордятичемъ*[30] той пакы и отъиде к Берестию[31] со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю.[32] Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю,[33] а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску[34] мира творитъ с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса[35], ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское[36]. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову[37].

И Святославъ умре,[38] и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь[39]. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, — *ожьгъше* Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ,[40] воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска къ отцю придох

Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и́ к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ,[41] и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга[42]. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.[43]

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска,[44] та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука,[45] и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом[46] разгнахомъ силны вои Белкатгина,[47] а семечи и полонъ весь отяхом.[48]

А въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту[49] и на сына его, и ко Корьдну,[50] ходихъ 1-ю зиму. И пакы по Изяславичихъ[51] за Микулинъ,[52] и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды.[53]

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хоролъ,[54] иже Горошинъ[55] взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой.[56] И ѣдучи к Прилуку[57] городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ;

толко семцю яша одиного живого,[58] ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изъимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи,[59] и Богъ ны поможе и святая Богородица: *избихом* 900 половець, и два князя *яхом*, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомь на Святославль[60] гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ[61] по половцих. И пакы на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомь с Ростиславом[62] же у Варина[63] вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю,[64] паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.[65]

И пакы по отни смерти[66] и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа,[67] и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у *Глѣбовы* чади[68] пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половьчьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу *греблю*, и не вдадуче *внити* имъ въ острогъ; *съжаливъси* хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день[69] ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, Богъ и святый Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ,[70] и Богъ ны поможе — *избихом̀ я*, а другия *поимахом*.

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом шедше за Голтавомь[71].

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к полоцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ[72].

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолиньска* идох Ростову.

И пакы с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша,[73] и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.[74]

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню,[75] идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изьимахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ *Аепою*, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потом идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на *Урусобу*[76] с Святополком, и Богъ ны поможе.

И потом паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе.

И потом ходихом к *Воиню*[77] с Святополком; и потом пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе.

И к Выреви[78] бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и́, ко Ромну[79] идох со Олгомь и з дѣтми на нь, и они, *очутивше*, бѣжаша.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця,[80] не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих,[81] а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечскых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100. А самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй,[82] и инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту рѣчку въ *Салню*. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима руками связалъ есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того *же* по *ровни* ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь[83] скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. И Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя гоовы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи,[84] сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то я творилъ *есмь*. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно. А иже от Бога будет смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но *аче* добро есть блюсти, Божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

О многострастный[85] и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь есть.[86] И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить Отець вашь небесный».[87] Пророкъ глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье».[88] «Что есть добро и красно, *но еже жити* братья вкупѣ!»[89] Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных *дѣдѣх* наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не *хочет* добра роду человѣчскому, *сваживает* ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*, егоже еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а станутъ си пред Богомь; а Русьскы земли не погубим». И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоем писаньи. Сими бо словесы

варих тя переди, егоже почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей *вселенѣи*, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое[90] пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину»[91]. Не крове дѣля пролиться, — помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодѣянье *створивъ*, посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ,[92] зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых, обуимъ, оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *сломь*, да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди* и отци *наши*: судъ от Бога ему пришелъ, а *не* от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а посталъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмъ посталъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо й паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх

створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, *а* того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь,[93] хлѣбъ ѣдучи дѣдень,[94] а ты сѣдиши в своемъ[95] — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А егоже то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али Богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от Бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На Страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.[96]

---

[1] *...нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ...* — Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее.

[2] *Сѣдя на санех...* — Это образное выражение следует понимать как «в преклонных годах», «на краю смерти». Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

[3] *...дѣти мои, или инъ кто...* — Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

[4] *...братья моея...* — Здесь разумеются двоюродные братья Мономаха князья Святополк Изяславич и Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша»).

[5] *...Ростиславича...* — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теребовльский.

[6] *«Вскую ...смущаеши мя?»...* — Ср.: Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

[7] *«Вскую печална еси, душе ...яко исповѣмся ему».* — Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

[8] *«Не ревнуй лукавнующимъ... ти обладають землею».* — Пс. 36, 1, 9.

[9] *«И не будеть грѣшника... и живи в вѣкы вѣка».* — Пс. 36, 10—17. 19. 21—27.

[10] *«Внегда стати человѣкомъ... вода бы ны потопила».* — Пс. 123, 2, 3.

[11] *«Помилуй мя, Боже... борющиися со мною свыше».* — Пс. 55, 2—3.

[12] *«Возвеселится праведник... Бог судяй земли».* — Пс. 57, 11 —12.

[13] *«Измий мя от врагъ... се уловиша душю мою».* — Пс. 58, 2—4.

[14] *«И яко гнѣвъ... а заутра радость».* — Пс. 29, 6.

[15] *«Яко лучьши милость твоя... въздѣю руцѣ мои».* — Пс. 62, 4—5.

[16] *«Покры мя от соньма... дѣлающих неправду».* — Пс. 63, 3.

[17] *«Възвеселитеся вси... воину хвала его»...* — Пс. 31, 11; 33, 2.

[18] *Якоже бо Василий учаше...* — Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучения» Василия Великого были известны на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

[19] *«Избавите обидима... яко снѣгъ обѣлю`я»...* — Ис. 1, 17—18.

[20] *«Что есть человѣк, яко помнииш и́?»* — Пс. 8, 5.

[21] *«Велий еси, Господи... не можеть исповѣдати чюдес твоихъ»...* — Ср.: Пс. 47, 2.

[22] *«Велий еси, Господи... по всей земли».* — Ср.: Пс. 94, 3; 95, 4.

[23] *...како птица небесныя изъ ирья идут...* — По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.

[24] *«А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»...* — Пс. 118. 12.

[25] *«Да иже не хвалить тебе, Господи... да будеть проклятъ».* — Ср.: 1 Кор. 16, 22.

[26] *...Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от них благословленье...* — Здесь текст, по-видимому, испорчен.

[27] *...якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ...* — Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич, — мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

[28] *«Просвѣти очи мои...»* — Пс. 12, 4.

[29] *Вятичи* — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

[30] *...со Ставкомь с Гордятичемъ...* — Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.

[31] *Берестье* — ныне Брест.

[32] *...идохъ Володимерю.* — Город Владимир-Волынский.

[33] *...идохъ Переяславлю отцю...* — к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

[34] *Сутейск.* — Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

[35] *...за Глоговы до Чешьскаго лѣса...* — Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогув на р. Одере.

[36] *...дѣтя... старѣйшее новгородьское.* — Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

[37] *...таже Турову.* — Туров был городом Владимира Мономаха; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

[38] *И Святославъ умре...* — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

[39] *...Глѣбови в помочь.* — В помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

[40] *...Одрьскъ...* — Где был город Одреск — неясно.

[41] *...на Краснѣмь дворѣ...* — Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

[42] *...и побѣдихомъ Бориса и Олга.* — Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича. Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».

[43] *Обровъ* — урочище в Переяславском княжестве, но неясно, где именно.

[44] *...до Лукамля и до Логожьска...* — Города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

[45] *...князи Асадука и Саука...* — Асадук — это, возможно, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке.

[46] *...за Новымъ Городом...* — За Новгородом-Северским.

[47] *...силны вои Белкатгина...* — Кто такой Белкатгин — неизвестно.

[48] *...а семечи и полонъ весь отяхом.* — Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).

[49] *...на Ходоту...* — Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

[50] *...ко Корьдну...* — Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.

[51] *...по Изяславичихъ...* — По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском).

[52] *Микулинъ* — город в Галицкой области на р. Серете.

[53] *Броды* — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Здесь состоялось свидание Мономаха с Ярополком и заключен с ним мир.

[54] *Хороль* — приток Псела.

[55] *Горошинъ* — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.

[56] *Супой* — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.

[57] *Прилукъ* — город в Переяславском княжестве.

[58] *...толко семцю яша одиного живого...* — Что означает слово «семца» — неясно (может быть, младший член семьи, слуга).

[59] *...к Бѣлѣ Вежи...* — Здесь, очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре.

[60] *Святославль.* — Местоположение Святославля неясно.

[61] *Гюргевъ* — город Юрьев на р. Роси.

[62] *Ростиславъ* — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

[63] *Варинъ* — Где находился Варин — неясно.

[64] *Володимерь* — Владимир-Волынский.

[65] *...и Ярополкъ умре.* — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

[66] *...по отни смерти...* — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

[67] *Халѣп* — село Халепье недалеко от Стугны.

[68] *...у Глѣбовы чади...* — Интересно, что знатный половец носит русское имя; русские имена у половцев встречаются неоднократно.

[69] *....на святаго Бориса день...* — Память Бориса праздновалась 24 июля.

[70] *Римовъ* — город на Суле.

[71] *Голтавъ* — город в Переяславском княжестве при впадении р. Голтавы в Псел.

[72] *...Вороницѣ.* — Местоположение Вороницы неясно.

[73] *...гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша...* — Место это испорчено в тексте и неясно.

[74] *...Гюргева мати умре.* — Жена Мономаха. Она названа так по имени младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в сражении с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.

[75] *Ксятинъ* — город на правом берегу Сулы.

[76] *Урусоба* — половецкий князь.

[77] *...ходихом к Воиню...* — Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

[78] *И к Выреви...* — Выра — селение на р. Выре.

[79] *Ромен* — город на р. Суле.

[80] *...на Ярославця...* — Речь идет о походе на Ярославца Святополковича во Владимир-Волынский.

[81] *А всѣх путий 80 и 3 великих...* — В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.

[82] *Таревьскый князь Азгулуй...* — Что такое «таревский» — неизвестно.

[83] *...лютый звѣрь...* — Что такое этот «лютый зверь» — неясно.

[84] *Бирич* — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

[85] *О многострастный...* — Этими словами открывается письмо Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу, написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом за Муром. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения. Как сказано в «Повести временных лет», Олег «надеяся на правду свою»: Муром был его уделом, незаконно захваченным Изяславом Владимировичем, сидевшим в Курске. Олег же, победив Изяслава, в свою очередь овладел Ростовом и Суздалем, принадлежавшими другому сыну Мономаха — Мстиславу, и помышлял захватить Новгород.

[86] *Молвить бо иже... ложь есть.* — Ср.: 1 Иоан. 4, 20.

[87] *...«Аще не отпустите... ни вам отпустить Отець вашь небесный».* — Ср.: Мф. 6, 15.

[88] *...«Не ревнуй лукавнующим... творящим безаконье».* — Пс. 36, 1.

[89] *«Что есть добро... жити братья вкупѣ!»* — Ср.: Пс. 132, 1.

[90] *...дѣтя мое и твое...* — По-видимому, Изяслав был, как и Мстислав, крестником Олега.

[91] *...«Азъ знаю, грѣх мой... воину».* — Ср.: Пс. 50, 5.

[92] *...а сноху мою послати ко мнѣ...* — Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

[93] *...сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь...* — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

[94] *...хлѣбъ ѣдучи дѣдень...* — Феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

[95] *...а ты сѣдиши в своемъ...* — В уделе Муромо-Рязанском.

[96] *...обличаюся. И прочее.* — Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

ПЕРЕВОД

ПОУЧЕНИЕ

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по

порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его.

Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, — говорит Господь. — Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к Светодавцу, скажем: “Слава тебе, Человеколюбец!”»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса

твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей.

Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двух сот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мной». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние,

помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.